

ISSN (print) 2071-2405

ISSN (online) 2658-5235

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

PHILOLOGICAL CLASS

filclass.ru

Том 28 • 2023 • № 4

Журнал основан в 1996 г. Выходит четыре раза в год
(март, июнь, октябрь, декабрь)

The journal comes out 4 times per year
(March, June, October, December)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ ФС 77-76 120
от 24.06.2019

Registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration of PI FS 77-76 120
dated 24.06.2019

Учредитель – ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет» (УРГПУ)
620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Founder – FSBEU HE “Ural State Pedagogical University”
(USPU)
620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave

«Филологический класс» – рецензируемый научно-методический журнал, сферой интересов которого являются исследования в области литературоведения, лингвистики и методики преподавания данных дисциплин в вузе и школе. Задача журнала – сблизить академическую науку с практической деятельностью педагога и обозначить представление о российском филологическом и педагогическом дискурсах в пространстве мировой науки. Приоритетными являются публикации, в которых исследуются новые литературные и корпусные источники, рассматривается внедрение новых образовательных технологий, выполняется требование академизма, научной объективности и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте издания и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: filclass.ru

Philological Class is a peer reviewed scholarly and methodological journal publishing research findings in the field of literary studies, linguistics and methods of teaching these disciplines at higher and secondary school. The task of the journal is to bring academic research closer to the practical activity of a pedagogue and to outline the image of the Russian philological and pedagogical discourses in the global academic space. Priority is given to publications which focus on new literary and corpus sources, study the issues of implementation of new educational technologies, and comply with the requirements of academic objectivity and polemic nature. Articles in Russian, English, German and French are accepted for publication in the journal. A full-text version of the journal is available open access on the journal site and in the Russian Science Citation Index (RSCI) at the scientific electronic library platform. Complete information about the journal and author guidelines can be found on the web site filclass.ru

Журнал индексируется в Web of Science, ERIH PLUS,
Scopus

The journal indexing: Web of Science (ESCI), ERIH PLUS,
Scopus

Входит в Перечень ВАК Министерства науки
и высшего образования Российской Федерации

The journal is included in the list of the list of the Higher
Attestation Commission of the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation

Подписка на журнал осуществляется по каталогу
«Пресса России». Подписной индекс издания 84587

The journal is included in the united catalog
“Russian Press”, Index 84587

Адрес редакции:
Россия, 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26,
оф. 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editorial Board postal address:
Russia, 620091, Ekaterinburg, 26 Kosmonavtov Ave,
Office 276
E-mail: edit@filclass.ru

Editor-in-Chief: Professor **Nina Petrovna Khriashcheva** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
executive editor: Associate Professor **Ol'ga Aleksandrovna Skripova** (Russia, Ekaterinburg, USPU);
executive secretary: Deputy Director **Elena Mikhailovna Sumenkova** (Russia, Ekaterinburg, USPU)
website administrator: **Anton Aleksandrovich Dolgov** (Russia, Ekaterinburg, USPU)

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

In folklore and the history of ancient Russian literature: Associate Professor **Lozhkova Tatiana Anatolyevna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of ancient Russian literature and the 18th century literature: Professor **Zyryanov Oleg Vasil'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the history of the 19th century Russian literature: Professor **Ermolenko Svetlana Ivanovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of literature: Professor **Barkovskaya Nina Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the history of the 20th – early 21st centuries literature: Professor **Snigireva Tat'yana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in linguistics and methods of its teaching: Professor **Chudinov Anatoly Prokopevich** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in the theory of language and speech communication: Professor **Dziuba Elena Vyacheslavovna** (Russia, Saint Petersburg, SPBSTU); in applied linguistics and interdisciplinary methods in philology: Professor **Mukhin Mikhail Yur'evich** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in the theory of foreign literature and English literary classics: Professor **Dotsenko Elena Georgievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in contemporary British novel and translation issues: Professor **Sidorova Ol'ga Grigor'evna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in Business English: Dr. of Philology **Makarova Elena Nikolaevna** (Russia, Ekaterinburg, USUE); in German-language literature, Russian-German literary ties, imageology and literary translation: Dr. of Philology, Leading Researcher **Kudryavtseva Tamara Viktorovna** (Russia, Moscow, IMLI); in the history of French, typology and comparative linguistics: Professor **Lykova Nadezhda Nikolaevna** (Russia, Tyumen, TyumGU); in Romance linguistics and comparative pragmatics: Associate Professor **Erofeeva Elena Vladimirovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); on issues of a second foreign language: Associate Professor **Sokolova Olga Leonidovna** (Russia, Ekaterinburg, Institute of International Relations); in literary education technologies and teaching classical literature at higher and secondary school: Associate Professor **Alekseeva Mariya Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, UFU); in methodology and methods of teaching modern literature at higher and secondary school: Associate Professor **Gutrina Liliya Dmitrievna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); in modern education technologies and innovative processes in education: Professor **Mosina Margarita Aleksandrovna** (Russia, Perm, PSPU); in the theory and practice of teaching Russian in a polycultural environment of higher and secondary school: Associate Professor **Eremina Svetlana Aleksandrovna** (Russia, Ekaterinburg, USPU); Guest editors: Dr. of Philology, Professor **O. V. Nikitin** (Russia, Moscow, State University of Education; Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Dr. of Philology **V. S. Tomelleri** (Italy, Torino, University of Turin)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. **V. V. Abashev** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **O. Y. Antsyferova** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg State University); Prof. **L. O. Butakova** (Russia, Omsk, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky); Dr. of Philology **O. M. Valova** (Russia, Kirov, Vyatka State University); Prof. **M. Weiskopf** (Israel, Jerusalem, Hebrew University of Jerusalem); Prof. **T. Victoroff** (France, Strasbourg, University of Strasbourg); Ph. **D. J. Gallo** (Slovakia, Nitra, Constantine the Philosopher University in Nitra); Ph. **D. A. Grominova** (Slovakia, Trnava, University of St. Cyril and Methodius); Prof. Emer. **H. Guenther** (Germany, Bielefeld, Bielefeld University); Prof. **E. Dobrenko** (Great Britain, Sheffield, University of Sheffield); Prof. **B. W. Dhooge** (Belgium, Ghent, Ghent University); Prof. **A. A. Zhitenev** (Russia, Voronezh, Voronezh State University); Prof. **G. M. Ibatullina** (Russia, Sterlitamak, Sterlitamak Branch of Bashkir State University); Cand. Sc. **A. A. Medvedev** (Russia, Tyumen, Tyumen State University); Prof. **O. N. Kondrat'eva** (Russia, Kemerovo, Kemerovo State University); Cand. Sc. **I. V. Kukulin** (Russia, Saint Petersburg, Higher School of Economics); Prof. **E. Y. Kulikova** (Russia, Novosibirsk, Institute of Philology of RAS, Sector of Literary Studies); Prof. **G. V. Kuchumova** (Russia, Samara, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev); Prof. **M. N. Lipovetsky** (USA, New York, Columbia University); Prof. **M. A. Litovskaya** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Prof. **N. M. Malygina** (Russia, Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); Prof. **G. Mikhaylova** (Lithuania, Vilnius, Vilnius University); Dr. of Philology **O. V. Nikitin** (Russia, Moscow, State University of Education; Russia, Petrozavodsk, Petrozavodsk State University); Prof. **A. Pavlova** (Germany, Mainz, Johannes Gutenberg University); Prof. **G. Petkova** (Bulgaria, Sofia, Sofia University "St. Kliment Ohridski"); Prof. **I. Pospisil** (The Czech Republic, Brno, Masaryk University); Prof. **B. M. Proskurnin** (Russia, Perm, Perm State National Research University); Prof. **M. E. Rut** (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University); Dr. hab. **T. Szabó** (Hungary, Pécs, University of Pécs); Dr. hab. **A. Skotnicka** (Poland, Krakow, Jagiellonian University); Prof. **V. I. Tyupa** (Russia, Moscow, Scientific-Educational Center for Cognitive Programs and Technologies of RGGU); Prof. **T. V. Ustinova** (Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University); Prof. **P. Fast** (Poland, Katowice, University of Silesia in Katowice); Prof. **A. de La Fortelle** (Switzerland, Lausanne, University of Lausanne); Prof. **H. Jens** (Switzerland, Fribourg, University of Fribourg); Prof. **H. Robert** (Germany, Hamburg, University of Hamburg); Dr. of Philology **K. I. Sharafadina** (Russia, Saint Petersburg, Saint Petersburg Humanitarian University of Trade Unions)

Главный редактор: проф. **Нина Петровна Хрящева** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)
выпускающий редактор: доц. **Скрипова Ольга Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);
ответственный секретарь: зам. директора института **Суменкова Елена Михайловна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ);
администратор сайта: **Долгов Антон Александрович** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

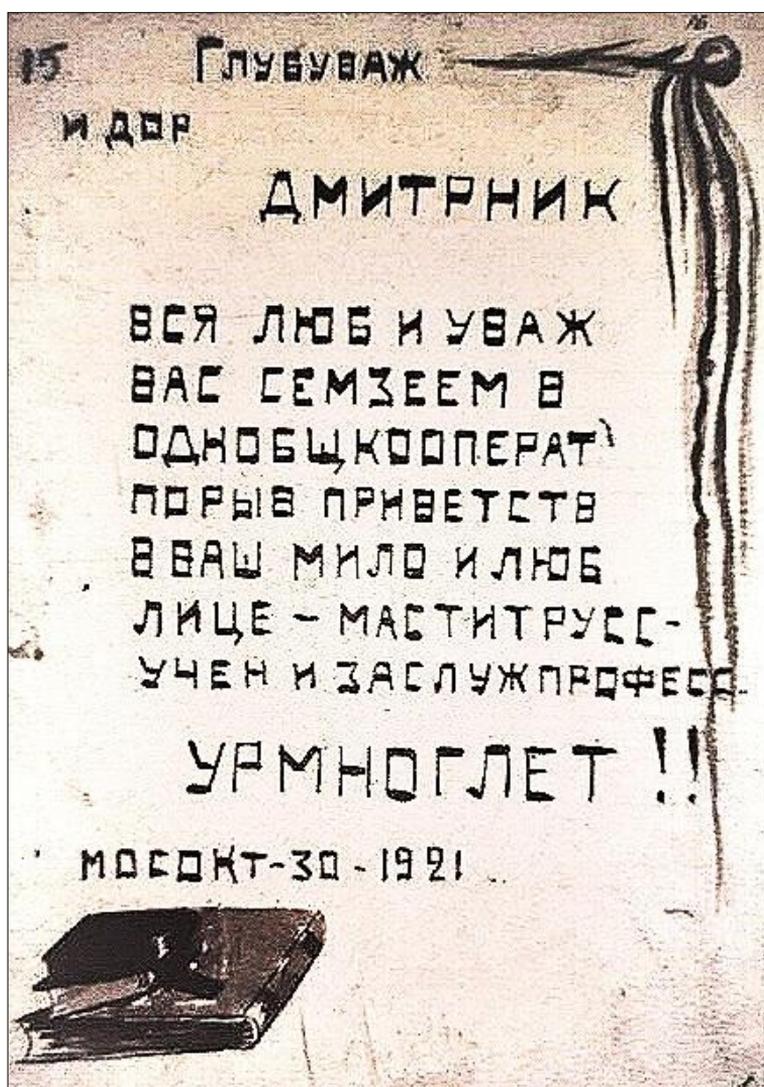
по фольклору и истории древнерусской литературы: доц. **Ложкова Татьяна Анатольевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ) по истории древнерусской литературы, литературы XVIII в.: проф. **Зырянов Олег Васильевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по истории литературы XIX в.: проф. **Ермоленко Светлана Ивановна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории литературы: проф. **Барковская Нина Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по истории литературы XX – начала XXI вв.: проф. **Снигирева Татьяна Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по лингвистике и методике ее преподавания: проф. **Чудинов Анатолий Прокопьевич** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по теории языка и речевой коммуникации: проф. **Дзюба Елена Вячеславовна** (Россия, Санкт-Петербург, СПбПУ); по прикладной лингвистике и междисциплинарным методам в филологии: проф. **Мухин Михаил Юрьевич** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по теории зарубежной литературы, английской литературной классике: проф. **Доценко Елена Георгиевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по проблемам перевода, современному британскому роману: проф. **Сидорова Ольга Григорьевна** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); по деловому английскому языку: д-р филол. наук **Макарова Елена Николаевна** (Россия, Екатеринбург, УрГЭУ); по немецкоязычной литературе, русско-немецким литературным связям, имагологии, художественному переводу: д-р филол. наук, вед. науч. сотрудник **Кудрявцева Тамара Викторовна** (Россия, Москва, ИМЛИ); по истории французского языка, типологии и сопоставительному языкознанию: проф. **Лыкова Надежда Николаевна** (Россия, Тюмень, ТюмГУ); по вопросам романского языкознания и сопоставительной прагматики: доц. **Ерофеева Елена Владимировна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам второго иностранного языка: доц. **Соколова Ольга Леонидовна** (Россия, Екатеринбург, Институт международных связей); по вопросам технологий литературного образования и преподавания классической литературы в вузе и школе: доц. **Алексеева Мария Александровна** (Россия, Екатеринбург, СУНЦ УрФУ); по методологии и методике преподавания современной литературы в вузе и школе: доц. **Гутрина Лилия Дмитриевна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); по вопросам современных образовательных технологий, инновационным процессам в образовании: проф. **Мосина Маргарита Александровна** (Россия, Пермь, ПГПУ); по теории и практике преподавания русского языка в поликультурной среде вуза и школы: доц. **Еремина Светлана Александровна** (Россия, Екатеринбург, УрГПУ); приглашенные редакторы: д-р филол. наук, проф. **О. В. Никитин** (Россия, Москва, Государственный университет просвещения; Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); д-р филологии **В. С. Томеллери** (Италия, Турин, Туринский университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **О. Ю. Анцыферова** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет); проф. **Л. О. Бутакова** (Россия, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского); д-р филол. наук **О. М. Валова** (Россия, Киров, Вятский государственный университет); проф. **М. Я. Вайскопф** (Израиль, Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме); д-р филол. наук **Т. Викторофф** (Франция, Страсбург, Страсбургский университет); канд. филол. наук **Я. Галло** (Словакия, Нитра, Университета им. Константина Философа в Нитре); канд. филол. наук **А. Громинова** (Словакия, Трнава, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия); профессор-эмеритус **Х. Гюнтер** (Германия, Билефельд, Билефельдский университет); проф. **Е. Добренко** (Великобритания, Шеффилд, Университет Шеффилда); проф. **Б. Дооге** (Бельгия, Гент, Гентский университет); д-р филол. наук **А. А. Житенев** (Россия, Воронеж, Воронежский государственный университет); проф. **Г. М. Ибатуллина** (Россия, Стерлитамак, Башкирский государственный университет); проф. **О. Н. Кондратьева** (Россия, Кемерово, Кемеровский государственный университет); канд. филол. наук **И. В. Кукулин** (Россия, Санкт-Петербург, НИУ ВШЭ); проф. **Е. Ю. Куликова** (Россия, Новосибирск, Институт филологии СО РАН); д-р филол. наук **Г. В. Кучумова** (Россия, Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва); проф. **М. Н. Липовецкий** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **М. А. Литовская** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); проф. **Н. М. Малыгина** (Россия, Москва, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН); канд. филол. наук **А. А. Медведев** (Россия, Тюмень, Тюменский государственный университет); проф. **Г. П. Михайлова** (Литва, Вильнюс, Вильнюсский университет); д-р филол. наук **О. В. Никитин** (Россия, Москва, Государственный университет просвещения; Россия, Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет); проф. **А. Павлова** (Германия, Майнц, Майнцский университет им. Иоганна Гутенберга); д-р филол. наук **Г. Петкова** (Болгария, София, Софийского университета Св. Климента Охридского); проф. **И. Поспишил** (Чешская Республика, Брно, Университета им. Масарика); проф. **Б. М. Проскурнин** (Россия, Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет); проф. **М. Э. Рут** (Россия, Екатеринбург, Уральский федеральный университет); хабил. д-р **Т. Сабо** (Венгрия, Печ, Печский Университет); хабил. д-р **А. Скотница** (Польша, Краков, Ягеллонский университет); проф. **В. И. Тюпа** (Россия, Москва, Научно-образовательный центр когнитивных программ и технологий РГГУ); д-р филол. наук **Т. В. Устинова** (Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет); проф. **П. Фаст** (Польша, Катовице, Силезский университет); проф. **Фортель, де ля А.** (Швейцария, Лозанна, Лозаннский университет); проф. **Й. Херльт** (Швейцария, Фрибур, Фрибурский университет); проф. **Р. Ходел** (Германия, Гамбург, Гамбургский университет); д-р филол. наук **К. И. Шарафадина** (Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов)

Году наставника и педагога посвящается

**150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА УШАКОВА
(1873–1942)**

*Из материалов о праздновании 25-летия научной
и педагогической деятельности Д. Н. Ушакова
ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 32. Л. 15.
Публикуется впервые*

СОДЕРЖАНИЕ

«УШАКОВСКАЯ ЭПОПЕЯ»

- 14 *Никитин О. В., Томеллер В. С.* Духовный подвиг Дмитрия Николаевича Ушакова (предисловие к юбилейному выпуску)
18 *Алпатов В. М., Никитин О. В.* «Он создал единую лингвистическую школу»
46 *Чернышева М. И.* «Ушаковский словарь» как памятник постреволюционной эпохи

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПО СТРАНИЦАМ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

- 58 *Леонтьева Т. В., Шchetinina A. V.* Неологизация языка в свете лексикографии: по материалам «Ушаковского словаря»
72 *Беглова Е. И.* «Чужое» слово в толковом словаре как факт языка и речи
83 *Рут М. Э.* Два века – два словаря: семантические нюансы
91 *Терешкина Д. Б.* Сакральная лексика в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова
103 *Мокиенко В. М.* Библиейское наследие в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова
117 *Генералова Е. В.* Описание динамики фразеологической системы в «Ушаковском словаре»
130 *Шулежкова С. Г.* Фразеологическая концепция Д. Н. Ушакова

СТИЛИСТИКА: СЛОВО И ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

- 143 *Леденёва В. В.* О значении стилистических помет классического словаря для авторской лексикографии
155 *Садова Т. С., Руднев Д. В.* Слова с пометой «канц.» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова
165 *Щербак Н. Н.* Феминитивы в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

ПО ЗАВЕТАМ Д. Н. УШАКОВА: ДИАЛЕКТОЛОГИЯ, АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ОРФОЭПИЯ

- 178 *Супрун В. И.* Дмитрий Николаевич Ушаков как диалектолог
192 *Большакова Н. В.* Псковская тема в Трудах Московской диалектологической комиссии
204 *Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д.* Исследователи костромских говоров: деятельность по заветам Московской диалектологической комиссии
217 *Патроева Н. В.* На Москва-реке: по следам одного из «орфоэпических походов» Дмитрия Николаевича Ушакова

CONTENT

“THE EPIC OF DMITRY NIKOLAEVICH USHAKOV”

- 10 *Nikitin O. V., Tomelleri V. S.* The Spiritual Feat of Dmitry Nikolaevich Ushakov (Preface to the Anniversary Issue)
18 *Alpatov V. M., Nikitin O. V.* “He Created a Solid School of Linguistic Thought”
46 *Chernysheva M. I.* Ushakov’s Dictionary as a Monument of the Post-revolutionary Era

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS: BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

- 58 *Leontyeva T. V., Shchetinina A. V.* Language Neologization in Lexicography: Based on Ushakov’s Dictionary
72 *Beglova E. I.* “Foreign” Word in an Explanatory Dictionary as a Fact of Language and Speech
83 *Ruth M. E.* Two Centuries – Two Dictionaries: Semantic Nuances
91 *Tereshkina D. B.* Sacred Vocabulary in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov
103 *Mokienko V. M.* The Biblical Heritage in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov
117 *Generalova E. V.* Description of the Phraseological System Dynamics in Ushakov’s Dictionary
130 *Shulezhkova S. G.* Phraseographic Conception of D. N. Ushakov

STYLISTICS: WORD AND ITS USAGE FROM THE PERSPECTIVE OF SCIENTIFIC LEXICOGRAPHY

- 143 *Ledeneva V. V.* About the Meaning of Stylistic Litters of the Classical Dictionary for the Author’s Lexicography
155 *Sadova T. S., Rudnev D. V.* Words Marked “kants.” in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov
165 *Shcherbakova N. N.* Feminitives in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov

IN THE WAKE OF D. N. USHAKOV: DIALECTOLOGY, AREAL LINGUISTICS, ORTHOEPIA

- 178 *Suprun V. I.* Dmitry Nikolaevich Ushakov as a Dialectologist
192 *Bolshakova N. V.* The Theme of Pskov in the Works of the Moscow Dialectological Commission
204 *Gantsovskaya N. S., Neganova G. D.* Researchers of Kostroma Dialects: In the Wake of the Moscow Dialectological Commission
217 *Patroeva N. V.* Na Moskva-reke: In the Footsteps of One of the “Orthoepic Campaigns” of Dmitry Nikolaevich Ushakov

- АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
- 226 *Крылова О. Н.* От Московского кружка для научного изучения русского языка к Московской диалектологической комиссии (1901-1904 гг.)
- 243 *Приёмшышева М. Н., Стукова Е. С.* О забытой картеотеке неизданного «Ушаковского» словаря русского литературного языка 1920-х гг.
- 261 *Кузнецова И. Е., Кузнецов Г. А.* Картоотека сокращенных обозначений неизданного «Ушаковского» словаря 1920-х гг.
- 271 *Груздева Е. Н., Мызников С. А.* Переписка Д. Н. Ушакова с В. М. Истриным и Е. С. Истриной 1921–1934 гг.

Д. Н. УШАКОВ И ФОРТУНАТОВСКИЕ
ТРАДИЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ XX-XXI вв.

- 288 *Voloshina O. A.* Linguistic Terminology in D. N. Ushakov's Dictionary as the Reflection of Fortunatov School in Linguistics
- 298 *Чэнь П.* Словарь Д. Н. Ушакова в китайской русистике
- 310 *Валентинова О. И., Загуменнов А. В.* Словарная статья как текст: опыт филологической герменевтики
- 323 *Гридина Т. А., Конованова Н. И.* Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргономинаций
- 337 *Селеменева О. А.* Синтаксические взгляды Д. Н. Ушакова: хранитель фортунатовских традиций или ученый-экспериментатор?
- 349 *Шайбакова Д. Д.* Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица»: Словарь Д. Н. Ушакова и современная лексикографическая практика

ПОСТПУБЛИКАЦИОННЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 367 *Плеханова И. И.* «Русский лес» Леонида Леонова: фрактальная функция метафоры в фило-софско-социальном романе

- ARCHIVAL DOCUMENTS AND RESEARCH
- 226 *Krylova O. N.* From Moscow Circle for the Scientific Study of the Russian Language to Moscow Dialectological Commission (1901–1904)
- 243 *Priemysheva M. N., Stukova E. G.* On the Forgotten Card Index of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s
- 261 *Kuznetsova I. E., Kuznetsov G. A.* Card Index of Abbreviations of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s
- 271 *Gruzdeva E. N., Myznikov S. A.* Correspondence of D. N. Ushakov with V. M. Istrin and E. S. Istrina in 1921–1934

D.N. USHAKOV AND FORTUNATOV'S
TRADITIONS IN THE LINGUISTICS
OF THE 20TH–21ST CENTURIES

- 288 *Voloshina O. A.* Linguistic Terminology in D. N. Ushakov's Dictionary as the Reflection of Fortunatov School in Linguistics
- 298 *Chen P. D.* N. Ushakov's Dictionary in Chinese Russian Studies
- 310 *Valentinova O. I., Zagumennov A. V.* Dictionary Entry as a Text: An Experience of Philological Hermeneutics
- 323 *Gridina T. A., Konovalova N. I.* Dynamics of Linguistic Consciousness in the Light of Lexicographic Data and Ergonyms
- 337 *Selemeneva O. A.* Syntactic Ideas of D. N. Ushakov: A Guardian of Fortunatov's Traditions or a Scholar-Experimentalist?
- 349 *Shaibakova D. D.* Lexical Objectivation of the Concept “Displaced Persons”: D. N. Ushakov's Dictionary and Modern Lexicographic Practice

POST-PUBLICATION REVIEWS

- 367 *Plekhanova I. I.* “Russian Forest” by Leonid Leonov: Fractal Function of Metaphor in a Philosophical Social Novel

Дмитрий Николаевич Ушаков
Фото начала 1900-х гг.
ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 45. Л. 23

«УШАКОВСКАЯ ЭПОПЕЯ»

THE SPIRITUAL FEAT OF DMITRY NIKOLAEVICH USHAKOV (PREFACE TO THE ANNIVERSARY ISSUE)¹

Oleg V. Nikitin²

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Vittorio Springfield Tomelleri³

University of Turin (Torino, Italy)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

*He was a model for us in every way:
a model of scientist, a model of citizen,
a model of man and gentleman
in the highest sense of this word.*

A. A. Reformatsky

Every philologist knows the name of Dmitry Nikolaevich Ushakov (1873–1942). It took root in our memory in an amazing way, has lingered in it for decades and remains there to this day. Since our school days, we used to hear this name as belonging to one of the authors of the *Orthography Dictionary of the Russian Language* that has now gone through more than 60 editions, which is worthy of mention in *The Guinness Book of Records*. Then, as university students, we heard this euphonious surname again, looked at the famous portrait in which the Doctor of Linguistic Sciences Dmitry Nikolaevich Ushakov is depicted with the Badge of Honour Order. He was awarded it in May 1940 as a graduate and the oldest teacher in commemoration of the 185th anniversary of the founding of Moscow University that was assigned the name of M. V. Lomonosov at the same time.

D. N. Ushakov's eyes are especially memorable – they are priestly wise, deep and a little sad... A wide forehead with a receding hairline – as if we were looking at an ancient philosopher. A neat beard, a stylish, slightly old-fashioned suit. L. V. Shcherba called him “a true Russian gentleman”. This was felt, of course, not only in his appearance and professional, as we say now, charisma. In his difficult life there were bright ups and the struggle against false teachings...

D. N. Ushakov absorbed the living spirit of the language since his childhood: from his grandfather, the archpriest of the Assumption Cathedral in the Kremlin, his mother and his father's circle of acquaintances.

From his childhood: *I'm seeding and winding, I'm seeding and winding [seyu-veyu, seyu-veyu], I'm writing a request to the bishop: my bishop, bishop, give me the money as soon as possible.*

*The word **virtue** [dobrodetel'] impressed me in my childhood as a word of the masculine gender...*

*I used to say **sharp** [vostryi] in my childhood, mother: Chomp [Chmyk]! The door is closed..., to one's surprise [pache chayaniya], here and now [vyn' da polozh], to gad (to wonder) [shlyondat'], ask around [posproshat'], zamukhrysh(zh)ka [a scrawny, pathetic man], roared horrorlike [zaryknulo] – and many others [Central State Archives of Moscow. F. L-276. Inv. 1. No. 5].*

The expressive shades of sounds, unexpected intonations, his attempts to figure out what they mean... Subsequently, his natural intuition developed into an enthusiastic craft of an ethnographer, philologist, teacher, lexi-

¹ The authors thank PhD Yu. M. Fatkabrarova (Moscow, Russia) for the edited translation.

² Oleg V. Nikitin, Guest Editor, PhD., Professor, Department of Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); State University of Education (Moscow, Russia).

³ Vittorio Springfield Tomelleri, Guest Editor, PhD., Professor, Department of Foreign Languages, Literatures and Modern Cultures, University of Turin (Torino, Italy).

cographer. From the first major work by D. N. Ushakov *Declension in Homer*, which has not been printed so far, and a book about os-tyaks, which, due to modesty, the author signed with the pseudonym “D. Tursky”, to studying Russian dialects and compiling the first textbook on areal linguistics. From the struggle for the reform of Russian orthography, which lasted the whole life of the scientist, to “orthoepic campaigns” and lexicographic battles. Wherever D. N. Ushakov felt a connection with the real or folk word, he was transformed. It was no coincidence that at the time of his work at the Department of Slavic-Russian Linguistics of the Moscow Institute of Philosophy, Literature and History students sent him touching notes without fear of irony. They guessed that D. N. Ushakov knew everything.

– Please, explain why the letter **yo** [ë] has now been deleted ... in the Russian orthography? It is even more puzzling considering that this letter forms a part of Russian words.

– Tell me, please, why you say [shygi] and not **st/e/ps** [shagi]?

– What is the correct way to say: **cakes** [torty] or [torta]?

– Some of our students say “I miss you” [skuchayu po tebe], some say [skuchayu za toboi]. What is the right way to say?

– Is it true that **feta** [such spelling is in the note] was excluded from the alphabet before the revolution because of its immorality?

– Why do you say **well-well** [nu-s]?

– The word “forbid” [vosreshchat] is Church Slavonic. But the prefix **vos-** indicates that it is Russian. What’s the matter here?

– What is the mechanism of the language and the forms of its changes (from Shakhmatov)? What is psychologism? [Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 502. Inv. 3. No. 56].

He was idolised by his students, adored by real philologists. Actors listened to him. And he was also blessed with an artistic gift: his heavenly watercolours, pastoral landscapes, even simple sketches of mushrooms and flowers imperceptibly marked the talent of the master who could not but go beyond just book learning. He saw the world around him in unusual ways, listened, experimented... D. N. Ushakov mastered the brush language as skilfully as the word.

D. N. Ushakov. Watercolour sketch. 1915.

Central State Archives of Moscow. F. L-276. Inv. 1. No. 105, l. 7. Published for the first time

And yet there are such features in his human appearance that distinguish the personality of D. N. Ushakov from the generation of old-school students who possessed no fewer talents.

M. V. Panov designated this property as follows: “constant strength of spirit”, dignity and “unwillingness to play along with the forces of the uncultured”.

What was D. N. Ushakov's spiritual feat?

His feat was in his high moral qualities of a scientist who did not compromise his principles in the struggle for truth. Let us recall the episodes of "Ushakov Epic" of the 1920s – his attempt to create the first explanatory dictionary of the modern Russian literary language. And its continuation in the 1930s when, in joint effort of the talented philologists G. O. Vinokur, V. V. Vinogradov, B. A. Larin, S. I. Ozhegov and B. V. Tomashevsky, yet another lexicographical campaign was undertaken and was crowned with success. But such trials awaited them along that way! Had there been no wise will of D. N. Ushakov and his immersion in literally all the problems: from organizational and ideological to editorial, the *Explanatory Dictionary of the Russian Language*, which we now call *Ushakov's*, could have drowned in a series of slanders by opponents, in the indifference and envy of colleagues in the academic workshop. Some accused the Dictionary of "sabotage and political criminality", others spoke of a "popish and petty-bourgeois ideological basis"... And D. N. Ushakov stood fast in such a suffocating atmosphere, each time saving his Dictionary from destruction. Is that not a feat?

His feat was in his self-sacrifice. While some were hiding, others were denouncing and the rest were grovelling before the achievements of Marrism, D. N. Ushakov was defending science, perhaps at the cost of his own reputation and even life. Such was his review of the disgraced A. M. Selishchev – "the most prominent Slavist" (*Otsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly* [Fathers and Sons of the Moscow Linguistic School]. Moscow, 2004, pp. 333-334). Such was, for example, his letter sent to I. V. Stalin dated May 10, 1941 about the fate of his former student V. N. Sidorov (*Ibid.*, p. 357). He helped with wise advice and in deed the exiled V. V. Vinogradov, his closest associates I. G. Golanov and G. O. Vinokur and many more students, teachers and textbook authors. And D. N. Ushakov actually saved R. O. Jakobson's life by recommending him staying in Europe in response to the latter's question whether or not to accept an invitation to professorship at Saratov University, "When you want to dance, you should remember not only about the stove from which you dance, but also about the wall to which you dance". D. N. Ushakov's selflessness was

manifested not only in respect of people. He was an enthusiast in everything: a tireless researcher of dialects, an organiser of new trends in linguistics, a valiant follower of Acad. Fortunatov's ideas, a fighter for vocabulary, a knight both in life and in science.

His feat was in his understanding the value of genuine scientific knowledge as a product of intellectual labour that can have no untested hypotheses, fantastic theories and charlatanism. S. B. Bernstein recalled: "It was from Dmitry Nikolaevich that I once heard for the first time a new word *graphomaniac* [*grafoman*], which he usually pronounced very emotionally. Ushakov successfully illustrated the danger of graphomania in science with many examples. He put graphomaniacs in contrast with Fortunatov who is known for having published very few of his works, but having made a major contribution to the history of Russian linguistics" (Bernstein S. B. (1973). Dmitry Nikolaevich Ushakov (Pages of Memoirs). In *Bulletin of the Moscow University*. No. 1, p. 79). No matter what he did, D. N. Ushakov never lost touch with the great School from which he came. V. O. Klyuchevsky, F. E. Korsh, F. F. Fortunatov were his moral beacons. Their high service to science, people and their Fatherland might have served as a model for the formation of D. N. Ushakov's "moral philology". Their personalities did not fade in his memory and passed that fire on to the new generation – the "Ushakov sons".

His feat was in his pedagogical talent to see personalities in his students and educate them in the spirit of philological non-possessiveness, experiments, ideological integrity and deep faith in the triumph of true knowledge. In the days of D. N. Ushakov's earthly life, the names of many of them became symbols of our science, though it was under the pressure of the "revolutionary era". R. I. Avanesov, A. A. Buslaev, G. O. Vinokur, S. S. Vysotsky, I. G. Golanov, S. I. Ozhegov, V. N. Sidorov, A. A. Reformatsky... Everyone was an "Ushakovite" in his own way – he absorbed the atmosphere of artistic creativity that reigned next to D. N. Ushakov. "Dmitry Nikolaevich's wisdom as a teacher is evidenced by the fact that he never demanded that his students ... continue and popularise his ideas... he sympathised with us, understanding that the future lies with the new, that there will always be a problem of "fathers and sons" in science and that the future always belongs to the "sons"

(Avanesov R. I. (1973). Dmitry Nikolaevich Ushakov. In *Russian speech*. No. 3, p. 105).

His feat was in enlightenment. The *Explanatory Dictionary of the Russian Language* edited by D. N. Ushakov defined this word *prosvetitel'stvo* as a “cultural activity” – *the masses were enlightened*. After the Russian Revolution, D. N. Ushakov devoted a lot of effort to the formation of a language education system in secondary and higher schools. Teachers created new programs “according to Ushakov”, students studied linguistics also “according to Ushakov”. “It is the author’s talent to talk briefly and simply about things that are not at all simple sometimes”, M. N. Peterson recalled about him. D. N. Ushakov’s books *Russian Orthography* (1911), *Russian Language. A Brief Systematic School Guide to Grammar, Orthography and Pronunciation* (1926) and, especially, *A Brief Introduction to the Science of Language* (1913) became the main source of accessible and, moreover, objective information about the events in science and promoted Fortunatov’s ideas. During the period of the “-ism”’s propaganda, the scientist was spreading clear knowledge, enlightening with linguistics. He did not abandon the “hooligan-tavern terminology”, religious vocabulary and merchant phrases – the stylistic richness of his Dictionary is amazing. D. N. Ushakov was tirelessly teaching the correct speech. His archive contains thick notebooks with his recommendations to the Radio Committee speakers. Each time he solved a new task and nurtured with the genius intuition of a philologist that cultural space of the Russian language that the fate entrusted him with.

***

“[...] the scientific study of the language (which must be distinguished from, for example, the practical language teaching for the purposes of people’s communication) can be of deep interest and has an important educational value, since the subject of this science is such an important aspect of human spiritual activity as the language. By its origin and usage, the language is closely related to both human thinking and physical structure and, in its historical development, the language is connected with the history of the people who speak it. Therefore, the science of the language is connected with other sciences that study both the spiritual and physical nature of human beings and the history of peoples, namely psychology and physiology, on the one hand, and

history, on the other hand. Hence, scientific information about the language takes an important place in the ambit of general education”.

From the “Preface” to the first edition of D. N. Ushakov’s book *A Brief Introduction to the Science of Language* (1913)

Our anniversary issue is a tribute to the works and days of Dmitry Nikolaevich Ushakov. The entire issue is devoted only to him for the first time in the journal format.

The scientific personality of the “hero of the day” is highlighted and evaluated here, and the focus is on different aspects of his painstaking work in the field of Russian linguistics. Along with the articles devoted to orthographic, lexicographic, phraseological and dialectological issues, an important place is occupied by the study of the archival heritage of the scientist, which opens new observation windows that allow you to follow specifically the labourious work of D. N. Ushakov in compiling the Dictionary and get acquainted with his contacts with other researchers.

It is well known that the personal fate of a researcher, which does not necessarily have to influence our objective perception of scientific achievements, very often determines the path (s)he has taken in science. In this regard, a forward and backward look deserves special attention, since the analysis of the continuity of the Fortunatov School and the field research of the Moscow Dialectological Commission outlines the future development of the Moscow Linguistic Circle and the Moscow Linguistic School. There is no need to point out the special context in which Soviet linguists worked in the 1920s and 1930s despite their origins and political beliefs. Whereas, on the one hand, they played a key role in the creation of new terminology and new linguistic behaviour, their shoulders, on the other hand, bore a huge load of responsibility not only to the newly created society, which could not but complicate and condition their daily work. And this aspect has been duly appreciated here.

By submitting this monographic issue into print, we sincerely hope that it will accomplish a double task: to honour a major representative of Soviet and Russian linguistics, as well as to offer valuable material for deeper reflection on his scientific legacy that continues to inspire linguists of various fields, as this issue clearly and pleasantly testifies.

ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА УШАКОВА (ПРЕДИСЛОВИЕ К ЮБИЛЕЙНОМУ ВЫПУСКУ)

Никитин О. В.¹

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

SPIN-код: 7396-4230

Томеллеры В. С.²

Туринский университет (Турин, Италия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7513-7587>

Он был для нас во всех отношениях образцом: образцом ученого, образцом гражданина, образцом человека и джентльмена в самом высшем значении этого слова.

А. А. Реформатский

Имя Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942) знает каждый филолог. Оно удивительным образом укоренилось в нашей памяти, задержалось в ней на десятилетия и остается до сих пор. Еще со школьных лет мы слышали это имя как одного из авторов «Орфографического словаря русского языка», выдержавшего к настоящему времени более 60 изданий, что достойно упоминания в «Книге рекордов Гиннеса». Затем, уже будучи студентами вуза, мы вновь услышали эту благозвучную фамилию, смотрели на известный портрет, на котором доктор лингвистических наук Дмитрий Николаевич Ушаков запечатлен с орденом «Знак почета». Его наградили в мае 1940 г. как выпускника и старейшего преподавателя в ознаменование 185-летия со дня основания Московского университета, которому тогда же и присвоили имя М. В. Ломоносова.

Особенно запоминаются глаза Д. Н. Ушакова – по-священнически мудрые, глубокие, немного грустные... Широкий лоб с залысиной – как будто перед нами древний философ. Аккуратная бо-

родка, стильный, немного старомодный костюм. Л. В. Щерба называл его «настоящим русским джентльменом». Это ощущалось, конечно же, не только по внешнему облику и профессорской, как сейчас говорят, харизме. В его непростой жизни были и яркие взлеты, и борьба с лжеучениями...

Живой дух языка Д. Н. Ушаков впитал с детства от тех, кто его окружал: от дедушки, протоиерея Успенского собора в Кремле, мамы, круга знакомых отца.

Из детства: *Сею-вею, сею-вею, пишу просьбу к архиерею: архиерей мой, архиерей, давай денег поскорей.*

Слово добродетель на меня в детстве производило впечатление слова муж<ского> рода...

Я в детстве говорил вострый, мать: Чмык! запирается..., паче чаяния, вынь да положи, шлёндать, поспрошать, замухрыш(ж)ка, зарыкнуло, ужаста подобно – и мн. др. [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 5].

Выразительные оттенки звуков, неожиданные интонации, попытки разобрататься в том, что они значат... Впоследствии природная интуиция переросла в увлеченное ремесло этнографа, филолога, педагога, лексикографа. От первой крупной работы Д. Н. Ушакова «Склонение у Гомера», так и оставшейся пока не напечатанной, и книги об остяках, которую из-за скромности автор подписал псевдонимом «Д. Турский», до изучения великорусских говоров и составления первой хрестоматии по ареальной лингвистике. От борьбы за реформу русской орфографии, которая продолжалась всю сознательную жизнь ученого, до «орфоэпических походов» и лексикографических баталий. Везде, где Д. Н. Ушаков видел связь с живым словом, он преображался. Не случайно поэтому в пору его работы на кафедре славяно-русского языкознания Московского инсти-

¹ Никитин Олег Викторович, приглашенный редактор, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия); Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

² Томеллеры Витторио Спрингфилд, приглашенный редактор, доктор филологии, профессор кафедры иностранных языков, литератур и современных культур, Туринский университет (Турин, Италия).

туда философии, литературы и истории студенты присылали ему трогательные записки, не опасаясь иронии. Они догадывались, что Д. Н. Ушаков знает всё.

– Объясните, пожалуйста, почему теперь ... в русском правописании уничтожена буква ъ? Это тем более непонятно, если учесть, что буква эта входит в русские слова.

– Скажите, пожалуйста, почему Вы говорите *шыги*, а не *шаги*?

– Как правильно сказать: *торты* или *торта*?

– Часть наших студентов говорит «скачаю по тебе», часть – «скачаю за тобой». Как правильно?

– Верно ли, что *фета* [такое правописание в записке] была исключена из алфавита еще до революции по причине ее безнравственности?

– Почему Вы говорите *ну-с*?

– Слово «воспрещать» – церковнославянизм. Но приставка *вос-* указывает на то, что оно – русское. В чем тут дело?

– Что такое механизм языка и формы его изменений (из Шахматова)? Что такое психологизм? [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 3. № 56].

Его боготворили ученики, обожали настоящие филологи. К нему прислушивались актеры. А еще он был озарен свыше художественным даром: небесные акварели, пасторальные пейзажи, даже незатейливые зарисовки грибов и цветов неприметно подчеркивали талант мастера, который не мог удержаться только в книжном учении. Он видел окружающий мир необычными образами, слушал, экспериментировал... Языком кисти Д. Н. Ушаков владел так же искусно, как и словом.

Д. Н. Ушаков. Акварельный этюд. 1915 г.

ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 105. Л. 18. Публикуется впервые

И все же в его человеческом облике есть такие черты, которые выделяют личность Д. Н. Ушакова из поколения учеников старой школы, обладавших не меньшими талантами. М. В. Панов обозначил это свойство так: «постоянная сила духа», достоинство и «нежелание подыгрывать силам бескультуры».

В чем состоял духовный подвиг Д. Н. Ушакова?

В *высоких моральных качествах* ученого, не поступавшего своими принципами в борьбе за истину. Вспомним эпизоды «Ушаковской эпопеи» 1920-х гг. – попытка создать первый толковый словарь русского литературного языка нового времени. И ее продолжение в 1930-е гг., когда с талантливыми филологами Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым и Б. В. Томашевским был предпринят очеред-

ной лексикографический поход, увенчавшийся успехом. Но на этом пути их ждали такие испытания! Не будь мудрой воли Д. Н. Ушакова и его погруженности буквально во все проблемы: от организаторских и идеологических до редакторских – «Толковый словарь русского языка», который мы называем теперь *Ушаковским*, мог бы потонуть в череде наветов противников, в равнодушии и зависти коллег по академическому цеху. Одни обвиняли Словарь во «вредительстве и политической преступности», другие говорили о «поповском и мещанском идеологическом базисе» ... И в такой удушающей атмосфере Д. Н. Ушаков стойко держался, каждый раз спасая от гибели свой Словарь. Разве это не подвиг?

В *жертвенности*. В то время, когда одни прятались, другие доносили, третьи

пресмыкались перед достижениями маризма, Д. Н. Ушаков защищал науку, быть может, ценой репутации и даже жизни. Таков был его отзыв об опальном А. М. Селищеве – «самом видном слависте» (Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004. С. 333–334). Таково, например, его письмо И. В. Сталину от 10 мая 1941 г. о судьбе своего ученика В. Н. Сидорова (Там же. С. 357). Мудрым советом и делом он помогал ссыльному В. В. Виноградову, своим ближайшим сподвижникам И. Г. Голанову и Г. О. Винокуру и еще многим ученикам, педагогам, авторам учебников. А Р. О. Якобсону Д. Н. Ушаков фактически спас жизнь, порекомендовав ему в ответ на вопрос, стоит ли принять приглашение профессорства в Саратовском университете, остаться в Европе: «Когда хочется танцевать, надо помнить не только о той печке, от которой танцуешь, но и о той стенке, к которой танцуешь». Самоотверженность Д. Н. Ушакова проявлялась не только по отношению к людям. Он был подвижником во всем: неутомимым исследователем диалектов, организатором новых культурных движений в языкознании, доблестным фортуна-товцем, борцом за словарное дело, рыцарем и в жизни, и в науке.

В понимании ценности подлинного научного знания как произведения интеллектуального труда, в котором не может быть непроверенных гипотез, фантастических теорий и шарлатанства. С. Б. Бернштейн вспоминал: «От Дмитрия Николаевича я впервые тогда услышал новое для меня слово *графоман*, которое он обычно произносил очень эмоционально. Опасность графоманства в науке Ушаков удачно иллюстрировал на многих примерах. Графоманам он противопоставлял Фортунатова, который, как известно, публиковал очень немногие из своих трудов, но внес крупный вклад в историю русского языкознания» (Бернштейн С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) // Вестник Московского университета. 1973. №1. С. 79). Чем бы ни занимался Д. Н. Ушаков, он никогда не терял связи с той великой Школой, из которой вышел. В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш, Ф. Ф. Фортунатов были его духовными камертонами. Их высокое служение науке, людям, Отечеству, наверное, послужило образцом и для формирования «нравственной филологии» Д. Н. Ушакова. Их личности не угасали в

его памяти и передавали этот огонь дальше – «ушаковским мальчишкам».

В педагогическом таланте видеть в своих учениках личностей и воспитывать их в духе филологического нестяжательства, экспериментов, идейной целостности и глубокой веры в торжество подлинного знания. Имена многих из них еще во время земной жизни Д. Н. Ушакова стали символами нашей науки, пусть и находившейся под давлением «революционной эпохи». Р. И. Аванесов, А. А. Буслаев, Г. О. Винокур, С. С. Высотский, И. Г. Голанов, С. И. Ожегов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский... Каждый был «ушаковцем» по-своему – впитал ту атмосферу созидательного творчества, которая царилась рядом с Д. Н. Ушаковым. «О мудрости Дмитрия Николаевича как учителя свидетельствует то, что он никогда не требовал, чтобы его ученики... продолжали и популяризировали его идеи... он сочувствовал нам, понимая, что за новым – будущее, что в науке всегда будет существовать проблема “отцов и детей” и что будущее всегда за “детьми”» (Аванесов Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков // Русская речь. 1973. № 3. С. 105).

В просветительстве. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова определял это слово как «культурническую деятельность» – *массы просветились*. После революции Д. Н. Ушаков отдал много сил становлению системы языкового образования в средней и высшей школе. Учителя создавали новые программы «по Ушакову», студенты изучали языковедение тоже «по Ушакову». «Это талант автора – кратко и просто рассказывать о подчас совсем не простых вещах», – вспоминал о нем М. Н. Петерсон. Его книги «Русское правописание» (1911), «Русский язык. Краткое систематическое школьное руководство по грамматике, правописанию и произношению» (1926) и особенно «Краткое введение в науку о языке» (1913) стали главным источником доступной и притом объективной информации о событиях в науке и разделяли фортунатовские идеи. В период пропаганды «измов» ученый распространял ясное знание, *просветлял языкознанием*. Он не откасался от «хулиганско-кабацкой терминологии», религиозной лексики и купеческих словечек – стилистическое богатство его Словаря поражает. Д. Н. Ушаков без устали

учил *правильной* речи. В его архиве сохранились толстые тетради с рекомендациями дикторам Радиокомитета. Каждый раз он решал новую задачу и гениальной интуицией филолога окормлял то культурное пространство – русский язык, которое вверила ему судьба.

***

«[...] научное изучение языка (которое нужно отличать от практического, напр., обучения языку для целей общения между людьми) может представить глубокий интерес и имеет немаловажное общеобразовательное значение, так как предметом этой науки является такая важная сторона духовной деятельности человека, как язык. Язык по своему происхождению и употреблению тесно связан как с мышлением человека, так и с его физическим строением, а в своем историческом развитии язык связан с историей говорящего на нем народа. Поэтому и наука о языке имеет связь с другими науками, изучающими как духовную и физическую природу человека, так и историю народов, а именно – с психологией и физиологией, с одной стороны, и с историей – с другой. Отсюда важное место научным сведениям о языке в кругу общего образования».

Из «Предисловия» к 1-му изданию книги Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (1913)

Наш юбилейный выпуск – дань памяти трудам и дням Дмитрия Николаевича Ушакова. Впервые в журнальном формате весь номер только о нем.

Здесь высветляется и оценивается научная личность «юбиляра», причем в центре внимания ставятся разные стороны его кропотливой деятельности в области русского языкознания. Наряду со статьями, посвященными орфографическим, лексикографическим, фразеологическим и диалектологическим вопросам, немаловажное место занимает изучение архивного наследия ученого, которое раскрывает новые окна наблюдения, позволяющие

следить конкретно за трудоемкой работой Д. Н. Ушакова при составлении Словаря и поближе ознакомиться с его контактами с другими исследователями.

Общеизвестно, что личная судьба исследователя, которая не обязательно должна влиять на наше объективное восприятие научных достижений, очень часто предопределяет пройденный им путь в науке. В этой связи особого внимания заслуживает взгляд вперед и назад, так как анализ преемственности Фортунатовской школы и полевых исследований Московской диалектологической комиссии намечает будущее развитие Московского лингвистического кружка и Московской лингвистической школы. Нет надобности указывать на особый контекст, в котором подвизались советские языковеды в 1920-1930-е гг., несмотря на их происхождение и политические убеждения. Если, с одной стороны, они играли ключевую роль при создании новой терминологии и нового языкового поведения, то с другой – на их плечах лежала огромная ответственность не только перед создаваемым обществом, что не могло не осложнять и обуславливать их повседневную работу. И этот аспект получил здесь должную оценку.

Сдавая в печать настоящий монографический выпуск, мы выражаем искреннюю надежду на то, что он сможет выполнить двойную задачу: оказать честь крупному представителю советской и русской лингвистики, а также предложить ценный материал для более глубокого размышления о его научном наследстве, продолжающем вдохновлять лингвистов разных направлений, о чем явным и приятным образом свидетельствует настоящий выпуск.

«ОН СОЗДАЛ ЕДИНУЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ ШКОЛУ»

Алпатов В. М.

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>
SPIN-код: 9467-8033

Никитин О. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>
SPIN-код: 7396-4230

А н н о т а ц и я . С учетом введения в исследование новых архивных данных статья восстанавливает и анализирует историю Московской лингвистической школы послефортунатовского периода, которую мы связываем с именем Д. Н. Ушакова. В 1920-х – начале 1940-х гг. он был ключевой фигурой в перестройке языковедческого образования в стране и последовательно отстаивал лингвистические традиции, заложенные Ф. Ф. Фортунатовым. Рассказывается о научных кружках, в недрах которых взрастало поколение «ушаковских мальчиков». Отмечается противоречивость взглядов и оценок тенденций 1920-х гг., свидетельствовавших о поиске новых направлений в изучении языка. Подчеркивается, с одной стороны, традиционализм Д. Н. Ушакова как воспитанника Ф. Ф. Фортунатова и, с другой – гибкость ученого к проникновению свежих гипотез, нацеленность на практическую реализацию актуальных проблем того времени: системное описание диалектов, установление норм литературной речи, работа над теорией и практикой составления словарей и др. Особое внимание уделяется ядру Школы Д. Н. Ушакова – его ученикам, развившим впоследствии многие экспериментальные идеи синхронического языкознания. Обсуждаются интересные факты из бесед В. Д. Дувакина с А. А. Реформатским, в которых от первого лица «ушаковского мальчика» проводится рецепция событий в лингвистической жизни Москвы 1920-1930-х гг. Впервые публикуются и комментируются материалы об избрании Д. Н. Ушакова в АН СССР в 1939 г., вскрываются причины отклонения его кандидатуры на звание академика. Помещены фотокопии уникальных документов из архивных источников и личной коллекции автора статьи. Они показывают Д. Н. Ушакова и его окружение в культурно-исторической обстановке и дополняют текст новыми фактологическими данными. Делается вывод о самобытности и цельности идей Д. Н. Ушакова, их нацеленности на будущее. Даже в самые сложные периоды истории, связанные с марризмом, ученый не отступал от традиции Московской лингвистической школы. Утверждается, что именно благодаря его подвижнической деятельности, личным качествам организатора науки и просветителя был сохранен стержень этой Школы в советский период.

Ключевые слова: Д. Н. Ушаков; история языкознания; Московская лингвистическая школа; компаративистика; языковое строительство; синхроническая лингвистика; лексикография; «ушаковские мальчики»; академическая деятельность

Для цитирования: Алпатов, В. М. «Он создал единую лингвистическую школу» / В. М. Алпатов, О. В. Никитин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 18–45. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-18-45.

“HE CREATED A SOLID SCHOOL OF LINGUISTIC THOUGHT”

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract. Taking into account the introduction of new archival data into the study, the article restores and analyzes the history of the Moscow Linguistic School of the post-Fortunatovs' period, which we associate with the name of D. N. Ushakov. In the 1920s and early 1940s he was a key figure in the restructuring of linguistic education in the country and consistently defended the linguistic traditions laid down by F. F. Fortunatov. The article talks about scientific circles, in the depths of which the generation of “Ushakov sons” grew up. The contradictory views and assessments of the trends of the 1920s which indicated the search for new directions in language learning are noted. It is emphasized, on the one hand, the traditionalism of D. N. Ushakov as F. F. Fortunatov's successor and, on the other, the flexibility of the scientist to penetrate fresh hypotheses, the focus on the practical implementation of topical problems of that time: a systematic description of dialects, the establishment of norms of literary speech, work on the theory and practice of compiling dictionaries, etc. Special attention is paid to the core of the D. N. Ushakov's School – to his students, who later developed many experimental ideas of synchronic linguistics. Interesting facts are discussed from the conversations of V. D. Duvakin with A. A. Reformatsky, in which the reception of events in the linguistic life of Moscow in the 1920s and 1930s is conducted from the closest person of the “Ushakov's son”. For the first time materials on the election of D. N. Ushakov to the USSR Academy of Sciences in 1939 are published and commented on, the reasons for the rejection of his candidacy for the title of academician are revealed. Photocopies of unique documents from archival sources and the personal collection of the author of the article are placed. They show D. N. Ushakov and his entourage in a cultural and historical setting and supplement text with new factual data. The conclusion is made about the originality and integrity of D. N. Ushakov's ideas, their focus on the future. Even during the most difficult periods of history associated with Marrism the scientist did not deviate from the tradition of the Moscow Linguistic School. It is claimed that due to his ascetic activity, personal qualities of an organizer of science and an educator the core of this School was preserved during the Soviet period.

Keywords: D. N. Ushakov; history of Linguistics; Moscow Linguistic School; comparative studies; language construction; synchronic linguistics; lexicography; “Ushakov son”; academic activity

For citation: Alpatov, V. M., Nikitin, O. V. (2023). “He Created a Solid School of Linguistic Thought”. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 18–45. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-18-45.

Он был современный и передовой ученый. Ведь есть такие скептики, даже из числа людей, которые к нему хорошо относились, которые это отрицают. Смею утверждать, что они ошибаются. Мне кажется, что именно непохожесть Дмитрия Николаевича на канонических ученых XIX века прежде всего показывает, что это был ученый XX века, который был близок к следующему, более молодому поколению...

А. А. Реформатский [1998: 35]

Введение: Фортунатовская школа на рубеже XIX–XX столетий: от старого к новому

Вторая половина XIX века в русском языкознании стала средоточием ярких имен, представлявших собой новую культурную традицию в науке. И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потемня прорвали брешь в собственно лингвистическом изучении языка, разработали принципиально другую методику его изучения (особенно сильна здесь роль Ф. И. Буслаева). Но говорить о научном направлении в языкознании применительно к Московской школе мы можем только с середины 1870-х гг.,

когда за кафедрой столичного университета встал молодой ученик Ф. И. Буслаева Ф. Ф. Фортунатов. «Он не был основоположником московского научного языкознания, [...] но Московскую школу, как единодушно признано, создал именно Фортунатов с самого начала своего преподавания в 1876 году» [Алпатов 2020: 8]. Наверное, с его времени в отечественной науке стали четко разделять *филологию* и *языкознание* [Фортунатов 1956: 26-27; Алпатов 2020: 8], а значит, формировать новый взгляд на *систему* лингвистических инструментов, с помощью которых можно строить эту науку. Ф. Ф. Фортунатов выделялся среди своих современников и тем, что не только отлично знал европейскую и русскую компаративистскую традицию, но и видел потребность в типологическом и синхронном изучении языка, что впоследствии и стало в центре многих исследований XX в.

Не имея намерения здесь подробно анализировать достижения Ф. Ф. Фортунатова, скажем, что для развития школы важно, как интерпретировали ее идеи те, кто через поколение учился в Московском университете и представлял уже другую

лингвистическую эпоху. Оказывается, его мысли были созвучны и новому времени. Так, например, Р. О. Якобсон отмечал актуальные для него суждения Ф. Ф. Fortunatova о «человеческом языке вообще»: «Московская лингвистическая школа, верная заветам своего основоположника Филиппа Федоровича Fortunatova, была и остается призвана осознать, обосновать и развить его учение о том, что язык – не

одна лишь “внешняя оболочка по отношению к явлениям мысли” и не только “средство для выражения готовых мыслей”, а прежде всего “орудие для мышления”, то есть, как отважно уточняет Ф. Ф. Ф., “явления языка по известной стороне сами принадлежат к явлениям мысли”, и сам язык, “когда мы говорим, выражая наши мысли, существует потому, что он существует в нашем мышлении”» [Якобсон 1985: 7].

**Ф. Ф. Fortunatov в Косалме. 1900-е гг.
Архив РАН. Ф. 1793. Оп. 1. № 23. Л. 8**

Изменившаяся социокультурная и идеологическая ситуация серьезным образом повлияла и на развитие языкознания, которое до этого времени в значительной мере находилось под влиянием идей Fortunatova – Шахматова. И. А. Бодуэн де Куртене, третий столп науки рубежа XIX–XX вв., стоял особняком. Будучи выходцем из Польши и учеником И. И. Срезневского, он создавал новую науку и свою школу, отличную от традиционной лингвистики и устремленную своими идеями на Запад (фонология, социология языка, семиология). Д. Н. Ушаков в этом отношении был более консервативен, но восприимчив к веяниям эпохи лингвистических открытий.

Начало XX в. ознаменовалось не только общественными потрясениями (Русско-японская война, революция 1905 г., а затем Первая мировая война), оказавшими влияние и на лингвистику (вспомним книгу С. И. Карцевского «Язык, война и революция»¹, в которой автор в качестве точки

¹ Примечательно, что здесь же, во «Вступлении», автор замечал, что «Московская диалектологическая комиссия также собирает материалы о языковых новшествах последнего времени» [Карцевский 1923: 4]. Этот факт говорит между прочим и о том, что рамки Fortunatovskoy школы уже не укладывались только в изучение проблем индоевропеистики, возникло новое течение, изучавшее синхронные процессы языка и речи.

отсчета языковых изменений берет время «около 1905 года» [Карцевский 1923: 3] и посвящает этому периоду целый раздел), но и рождением новых сообществ, экспериментов, а с ними и научных школ. Они продолжили дело Ф. Ф. Фортунатова в более актуальном для лингвистики начала века ключе.

Первым был Московский кружок для изучения русского языка, основанный в 1901 г. Д. Н. Ушаков на юбилейном заседании 1929 г., посвященном 25-летию организации Московской диалектологической комиссии, так вспоминал этот период: «Когда эти лица (А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново, И. М. Тарабрин, Д. Н. Ушаков. – В. А., О. Н.) кончали университетский курс, в Москве было много разных научных кружков, но еще не было кружка по языку. Основанный ими кружок, первое заседание которого состоялось в сентябре 1901 г. в квартире Григорьева, был **первым лингвистическим обществом** (здесь и далее выделения курсивом и полужирным шрифтом наши. – В. А., О. Н.). Все они вскоре потянулись к Шахматову, который тогда был уже академиком. Дурново сообщил Шахматову о возникшем кружке, после чего академик писал членам кружка, что он очень заинтересован их работой, и добавил: “Надеюсь, вы приняли бы меня”. Бывая в Москве, Шахматов бывал в заседаниях кружка; позже в одном из заседаний Комиссии, когда по случаю выхода в свет 1-го выпуска Трудов, читался очерк возникновения кружка и Комиссии и список членов кружка, присутствовавший здесь Шахматов сказал: “И я тоже был членом кружка”. Он постоянно интересовался жизнью кружка и возникшей из него Комиссии...» [Никитин 2002: 93].

Показательно, что с самого начала Московский кружок обратил внимание высокой академической общественности, видевшей в нем, очевидно, свежее дыхание лингвистической мысли. Новые публикации подтверждают это предположение¹. Основными направлениями его дея-

тельности стали диалектология, история русского языка. А. А. Шахматов выступил инициатором подготовки диалектологической карты русского языка.

Так постепенно творческое объединение лингвистов перерастало в серьезную организацию, в которой деятельное участие принимал Д. Н. Ушаков². В начальном статусе состоялись первые тридцать заседаний Московского кружка. Начиная с 21 января 1904 г., они проходили под новым названием этого языковедческого собрания – Комиссия для диалектологического изучения русского языка, состоящая при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук [Там же].

Таким образом, **вторым** сообществом, продолжавшим традиции Фортунатовской школы, стала Московская диалектологическая комиссия (далее – МДК), основанная в 1904 г. По сути, это был преобразованный уже в официальный орган при ОРЯС тот самый кружок для изучения русского языка. Д. Н. Ушаков замечал: «С Диалектологической Комиссией Фортунатов непосредственно не был связан, но все основатели Комиссии – его ученики по университету» [Никитин 2002: 92]. МДК – это «родное детище» академика А. А. Шахматова, – так охарактеризовал его роль Д. Н. Ушаков. Второй основатель – Ф. Е. Корш – «гениальный, блестящий ученый, но, конечно, не хозяин, в материальные дела Комис-

---

об утверждении проекта Устава» (см.: [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 20]).

² Сохранились также интересные воспоминания Н. Н. Дурново о том, как всё начиналось: «Не помню точно, кому из нас первому, Григорьеву или мне, кажется, что Григорьеву, пришла в голову мысль организовать кружок для изучения русского языка. Я больше его чувствовал потребность поделиться своими мыслями, касающимися лингвистических вопросов, с другими, чем Григорьев, потому что в это время был занят печатаньем своей первой большой работы по диалектологии – Описания говора д. Парфенок, – которая являлась как бы энциклопедией моих тогдашних знаний по языку.

С самого начала кружок был очень невелик. <...> Все мы пятеро были по Университету однокурсники, кончили в 1899 году. Григорьев, Соколов, Тарабрин и я, Московский, Нахтигаль – Венский Университет. Д. Н. Ушаков вошел в наш кружок только с 5-го заседания, т. е. через 2 с небольшим месяца» [Никитин 2002: 94–95].

---

¹ Вскоре после основания был разработан проект Устава Московского кружка, а на заседании 24 марта 1902 г. было «принято решение обратиться к А. А. Шахматову за советом, перед кем, в какой форме и когда ходатайствовать о приписке кружка к Императорской Академии наук или Второму Отделению и

сии он не вмешивался» [Там же. Л. 93]¹. Она просуществовала в традициях МЛШ и под руководством Д. Н. Ушакова до 1931 г., а затем под влиянием марристов была преобразована в Диалектологическую (или, по П. С. Кузнецову, Диалектографическую) комиссию². Во главе ее стал Н. М. Каринский, отстранивший Д. Н. Ушакова от руководства ею. Было резко сокращено количество работников. Изменился вектор исследований, который позже назвали «ярким примером вульгарной социологии в языкознании» [Бернштейн 1973: 84]. Тот же автор замечал: «Даже публикацию ценнейших диалектологических материалов он [Н. М. Каринский] квалифицировал как преступление» [Там же]. Но марристом все же он не был, скорее – оппонентом Н. Я. Марра.

Стоит заметить, что в МДК входило много ярких ученых, однако именно «Д. Н. Ушаков, работавший в [Диалектологической] комиссии с самого начала, занял в ней ведущее положение. Он не был научным лидером: как лингвист был значительнее его друг Николай Николаевич Дурново, “большой ребенок”, по выражению Р. И. Аванесова. Но Дмитрий Николаевич стал “мотором” работы комиссии, ее организационным лидером, сначала неформальным, а затем и формальным» [Алпатов 2009: 465–466].

Третьим сообществом был Московский лингвистический кружок (далее – МЛК), организованный в 1915 г. по инициативе студентов Императорского Московского

университета и поддержанный Ф. Е. Коршем, Д. Н. Ушаковым, В. К. Поржезинским и Н. Н. Дурново. Он просуществовал около 10 лет и стал настоящей лабораторией творчества для молодых филологов, фольклористов, поэтов: от Б. В. Томашевского до В. В. Маяковского и П. Г. Богатырева. Первым его председателем был ученик Д. Н. Ушакова Р. О. Якобсон, а позднее – фортунаговец М. Н. Петерсон, А. А. Буслаев, еще один почти забытый ныне «ушаковский мальчик», и Г. О. Винокур (см. подробнее: [Касаткин 1990: 318]).

В некоторых своих темах МЛК пересекался с ОПОЯЗом, возникшим в Петрограде в 1916 г. и более тяготевшим к проблемам литературоведения, особенно изучению теории поэтического языка и стиховедению. Его можно назвать **четвертым** сообществом, повлиявшим на формирование научных взглядов Московской школы в послереволюционное время. На заседаниях ОПОЯЗа в том числе обсуждали и лингвистические идеи. В этом смысле и языковедов, последователей Ф. Ф. Фортунатова, и новое поколение ОПОЯЗовцев сближал формальный метод, ставший одним из ведущих в научном движении конца 1910–1920-х гг. И хотя Д. Н. Ушаков не участвовал в деятельности этого общества, но в развитие идей были вовлечены его ученики, например, Р. О. Якобсон, впоследствии ставший одним из активных деятелей Пражского лингвистического кружка (см. подробнее: [Левинтон 1990: 347–348]). «Под влиянием О<ПОЯЗа> или в полемике с ним сформировались взгляды таких языковедов, как... Г. О. Винокур, ... А. А. Реформатский и др.» [Там же: 348].

Так, постепенно оттесняя на второй план ближний круг фортунаговцев, на арену лингвистических баталий выходит поколение учеников Д. Н. Ушакова.

В брошюре П. Я. Черных «I. Современные течения в лингвистике. II. Русский язык и революция» автор назвал три актуальных для 1920-х гг. направления: соссоровское, социологическое (А. Мейе) и «яфетическую теорию» Н. Я. Марра («марксистское языкознание»), «тем более интересную, что она сложилась вне какой-либо определенной зависимости от современного научного настроения на Западе, хотя, вообще говоря, у ней имеется не мало (так

¹ Подробнее см. материалы о возникновении МДК и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914 гг.), а также Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за двенадцать лет (1914–1926 гг.), воспоминания о первом председателе МДК Ф. Е. Корше и роли А. А. Шахматова в ее работе в книге «Русский язык» [Панов 1995: 26–32; Ушаков 1995: 261–306].

² С. Б. Бернштейн вспоминал: «Ликвидация диалектологической комиссии нанесла серьезный ущерб не только русской диалектологии. Практически было закрыто Московское лингвистическое общество, где ... обсуждались разнообразные проблемы языкознания» [Бернштейн 1973: 84]. Ср. высказывание М. В. Панова: «Конец 20-х – начало 30-х годов: яростный натиск на науку вульгарной социологии. В языкознании во главе погромщиков – сторонники «нового учения о языке» Н. Я. Марра, официально поддержанные и административно господствующие. Марристы ликвидировали МДК» [Панов 1995: 31].

в книге. – В. А., О. Н.) точек соприкосновения с отдельными течениями в области западно-европейской теоретической лингвистики» [Черных 1929: 28]. К старому сравнительно-историческому направлению изначально ближе был Соссюр, а его последователи в России – Г. О. Винокур (Культура языка. М., 1924) и С. И. Карцевский (Повторительный курс русского языка. М., 1928), которого П. Я. Черных назвал «учеником Ф. де Соссюра»¹ [Там же: 11]. К социологическому отнес М. Н. Петерсона из-за его небольшой статьи «Язык как социальное явление» (1927) и Р. О. Шор (Язык и общество. М., 1926)² [Там же: 18]. Поворот к новому он объяснял «общей усталостью» от младограмматиков [Там же: 10]. Как видим, даже среди новаторов в языкознании 1920-х гг. были сподвижники Д. Н. Ушакова – его младший коллега и ученик Ф. Ф. Фортунатова М. Н. Петерсон и «внук» Московской лингвистической школы Г. О. Винокур.

Заметим попутно, что в среде социологов от языкознания отношение к традиционным направлениям в начале 1930-х гг. было прохладным. Та же Р. О. Шор в книге «На путях к марксистской лингвистике», пропитанной идеями Н. Я. Марра, писала, имея в виду учебники В. К. Поржезинского, Д. Н. Ушакова, А. И. Томсона, В. А. Богородицкого и Д. Н. Кудрявского, что

¹ Это действительно так. Данный факт отмечается во многих биографиях С. И. Карцевского. Вот что писала И. И. Фужерон: «Чуть позднее С. И. Карцевский вступил в партию эсэров, а в 1906 году был арестован за революционную деятельность. Через год ему удалось бежать из тюрьмы, и он уезжает за границу, в Женеву, где поступает в университет и посещает лекции ведущих лингвистов того времени: Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сеше» [Фужерон 2019: 121].

² Книга Р. О. Шор, сыгравшая определенную роль в изучении социальных процессов в языке, отошла от традиционного фортунатовского понимания этого термина: «...язык – это социальный (везде в цитате курсив автора. – В. А., О. Н.) продукт... и социальная предпосылка..., культурное орудие, созданное и передаваемое общиной, коллективом» [Шор 1926: 45]. Ср. ее же высказывание в брошюре «На путях к марксистской лингвистике»: «...ни одно из этих направлений [новейших течений западной лингвистики XX века] – в том числе и Социологическая лингвистика де Соссюра – не создало школы среди советских лингвистов» [Шор 1931: 23].

«в программах и руководствах наших университетов сохраняется достаточно пережитков сравнительного языкознания в его самой классической младограмматической форме...» [Шор 1931: 23].

Разбирая далее проблему языка и революции, П. Я. Черных замечал: «Приходится пожалеть, что ни у Селищева, ни у его предшественников не обращается достаточно внимания на это интересное явление (имелась в виду *литературная норма речи*. – В. А., О. Н.)» [Там же: 50]. Хотя имя Д. Н. Ушакова здесь и не названо, но очевидно, что обозначенная в 1920-х гг. проблема стала еще одним коренным поворотом в отечественной лингвистической мысли, во главе которого встали А. М. Пешковский и Д. Н. Ушаков. Лишь в самом конце автор брошюры цитирует статью Д. Н. Ушакова об употреблении иностранных слов в живой речи, может быть, показывая этим возросший интерес *фортунатовцев* к теме «лингвистической социологии», которой П. Я. Черных отводил «роль семафора на этих новых путях исследования» [Там же: 63–64].

Небольшая книга, подзабытая ныне и к тому же опубликованная вдали от научных центров, в Иркутске, интересна для нас тем, что вносит в дискуссию об *Ушаковской* научной школе мнение современника, только начинавшего свой путь в науке, но почувствовавшего те коренные изменения, которые пришли на смену компаративистике.

Д. Н. Ушаков как популяризатор идей Ф. Ф. Фортунатова и поиск других путей исследования языка

Итак, в конце 1910-х и особенно в 1920-е годы начал меняться вектор лингвистических интересов. В среде университетских профессоров и академиков старшего поколения (В. М. Истрин, В. К. Поржезинский, М. М. Покровский, А. И. Соболевский) преобладали еще компаративистские идеи, но они все чаще встречали непонимание в аудитории новых исследователей, а главное – шли вразрез с нарастающим движением марристов. Вместе с этим активно развивалось диахроническое движение в лингвистике, не имевшее отношения к сравнению языков.

Первым опытом Д. Н. Ушакова по популяризации идей учителя стала его статья «Наречия русского языка и русские народ-

ности», опубликованная в «Книге для чтения по русской истории» [Ушаков 1904], которая предназначалась для «средней школы», «читающей публики» и преподавателей. В письме Ф. Ф. Фортунатову от 11 февраля 1904 г. он говорил: «По предложению ее редактора Довнар-Запольского я дерзнул на популяризацию из нашей науки – популяризацию опасную, но необходимую. Позвольте мне, как Вашему ученику, надеяться, что Вы уделите несколько времени, чтоб познакомиться с нею...» [СПбФ АРАН. Ф. 90. Оп. 3. № 86. Л. 1].

И в дальнейшем связь с Ф. Ф. Фортунатовым не прерывалась. По письмам к нему Д. Н. Ушакова можно заметить, что он тосковал по личным встречам и беседам, которые подпитывали молодого ученого, стимулировали его к дальнейшей работе. В послании от 10 ноября 1908 г. он признавался учителю: «Как бы мне хотелось повидаться с Вами и побеседовать; последние два-три года я все более или более чувствую Ваше отсутствие из Москвы: для меня Вы слишком рано перебрались в Петербург. В самом деле, в то время, когда я имел возможность в Москве видаться с Вами, многое, многое по части лингвистики мне и в голову еще не приходило!» [Там же. Л. 7].

Д. Н. Ушаков в этот период был поглощен несколькими научными проектами: он продолжал руководить Московской диалектологической комиссией, занимался реформой русского правописания, составлением первого толкового словаря русского литературного языка в типе «Ляруса», выступал с публичными лекциями по русскому языку, принимал самое активное участие в перестройке лингвистического и школьного образования в стране, готовил и редактировал учебники. Обладая несомненным авторитетом как ученый, он также участвовал в работе Комиссии по мирным переговорам с Польшей под председательством К. Б. Радека (кроме Д. Н. Ушакова из Московского университета туда вошел и М. Н. Сперанский) [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Лл. 19-20].

Многие работы Д. Н. Ушакова этого времени носили просветительский характер и имели исключительное значение в том культурно-образовательном хаосе, в котором находилось наше образование. Особенно отметим его книгу «Русское пра-

вописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе» [Ушаков 1917]. Реформа разделила мнение ученых, шли многочисленные дискуссии... Д. Н. Ушаков подошел к решению этой проблемы с практической стороны. В книге он рассказал о письме и правописании, о фонетической транскрипции и обычном письме, касался этимологической точки зрения на данную проблему, разобрал главные факты истории русского правописания. Он откликнулся на самые спорные проблемы: «Некоторые боятся, что реформа правописания *повредит правильности языка* (курсив автора. – В. А., О. Н.). Если это опасение основано на простом смешении языка с правописанием, то оно не заслуживает упоминания...» [Там же: 101]. В конце книги он приводил интересные наблюдения над тем, как неодинаково у нас и на Западе дети «достигают правильного письма» [Там же: 105–106].

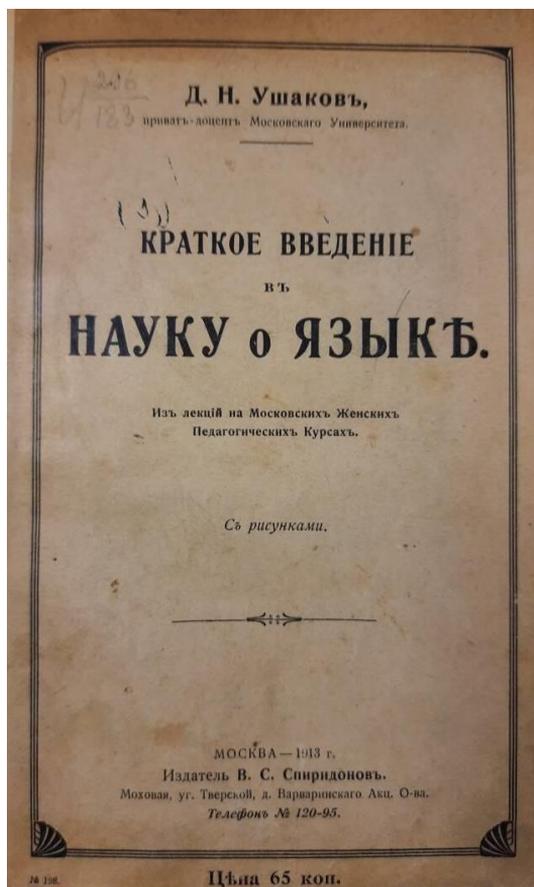
Самое важное в этой книге – призыв Д. Н. Ушакова не бояться реформы, сделать ее доступной для обсуждения, а результаты – удобными и практичными к использованию в повседневной практике. Заложенные в работе идеи Д. Н. Ушаков позже развил в практике словарной работы, где тезис о правильности языка был одним из основных. И это ортологическое направление в изучении языка, можно смело сказать, началось именно с Д. Н. Ушакова, а продолжили его ученики Дмитрия Николаевича – Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский и др.

Д. Н. Ушаков еще в 1900-х гг. занялся популяризацией идей Ф. Ф. Фортунатова. По сути, он первым в доступной для широкой филологической аудитории форме изложил его учение в книге «Краткое введение в науку о языке» (М., 1913. 1-е издание). И далее, особенно в 1920-х гг., эта работа была самым востребованным учебником одноименного вузовского курса. В последующих изданиях он помещал фрагмент предисловия 1913 г., где говорилось, что содержание книги «основано главным образом на лекциях моего покойного учителя, профессора Московского университета, академика Ф. Ф. Фортунатова, что читатель, знакомый с его “Общим курсом сравнительного языковедения”, легко может заметить во многих местах моей книги»

[Ушаков 1929: 4]. Именно это творение Д. Н. Ушакова стало проводником фортуна-товских традиций в период нарастающего влияния марризма и отстаивало подлинную научную традицию. Первый же параграф книги говорит о том, что Д. Н. Ушаков не отказался от тезиса учителя: «Наука о языке называется **языковедением**, или **лингвистикой**. По своему методу, состоящему в сравнении разных языков между собою, она получила название **сравнительного языкознания**» [Там же: 5]. Многие параграфы «Краткого введения...» демонстрируют последовательность преемственной связи Д. Н. Ушакова: и разделение языковедения по отделам, и рассуждение о школьной и научной грамматике, интерес к психологии речи, мышлению, формам слов – все это изложено в русле прежней традиции, лишь несколько адаптировано к современному читателю и до-

полнено новыми тезисами и примерами. Символично, что 9-е издание книги 1929 г. завершается разделом «Жизнь языка». Там говорится об изменении звуковой стороны слова, о появлении новых значений, утрате слов и возникновении неологизмов: *земгор*, *наркомпрос*, *гепеу* и т. п. [Там же: 136], о трансформации форм слов. Это был почти фортуна-товский девиз!

А. Б. Шапиро на заседании памяти Д. Н. Ушакова в Ташкенте 15 июня 1942 г. говорил, что «грамматическая концепция Фортунатова, отличающаяся исключительной стройностью и последовательностью, надолго предопределила развитие русской грамматической науки. Д. Н. изложил свое грамматическое кредо в “Кратком введении в науку о языке” ...» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 2 об.]; «Д. Н. всегда, всюду был наблюдателем, собирателем языковых фактов» [Там же. Л. 5].

Обложка первого издания книги Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (М., 1913)

В то время, когда еще не было регулярных пособий по общему языкознанию и сама наука находилась на перепутье, Д. Н. Ушаков своим педагогическим талантом и чутьем фортуналовца практически обратил внимание нового поколения учащихся на ценность дореформенной традиции, повернул изучение языка к культурным корням этой науки.

Книга послужила толчком к созданию вузовского учебника «Введение в языковедение» А. А. Реформатского, который предпослал Оглавлению такие слова: «Памяти автора “Краткого введения в науку о языке”, моего дорогого учителя Д. Н. Ушакова[,] посвящаю свой труд» [Реформатский 1947: 2]. И дело Д. Н. Ушакова как популяризатора фортуналовских идей ожило в новое время, как неподдельный алмаз попало в руки искусному мастеру, а его грани засияли новыми красками.

Даже в сложные 1920-е гг. Д. Н. Ушаков не изменил своей лингвистической музе: он был лингвистом-просветителем, медленно и методично растолковывал законы языка, делал его понятным всем малообразованным массам людей. Такой уровень практическая филология достигла впервые. Здесь состоялась еще одна большая заслуга Д. Н. Ушакова.

Начав свою биографию как этнограф и историк русского языка (см. подробнее: [Никитин 2023]), занимавшийся под наблюдением А. А. Шахматова изучением древнерусских памятников письменности (см.: [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. № 42. Лл. 6–8]), он постепенно отошел от этой линии. Д. Н. Ушакова всегда влекла живая душа языка: диалекты, разговорная и литературная речь с их вариативностью, стилистическими и грамматическими нюансами – то, что составляло основу преподавания русского языка и литературы от Ф. И. Буслаева до В. П. Шереметевского (кстати, Д. Н. Ушаков назвал его своим учителем и посвятил ему книгу «Русское правописание»). Он безукоризненным чутьем влюбчивого в слово педагога и тонкого наблюдателя народной речи понял, какое значение получит *синхроническая* плоскость изучения языка – от формальной грамматики до установления орфографических, орфоэпических, лексических и

т. п. норм. Можно сказать, что Д. Н. Ушаков стоял у истоков кодификации законов жизни русского языка. И в этом смысле его опыт был и остается актуален.

В то же время Д. Н. Ушаков оставался верен своей компаративистской молодости и смог реализовать учительские послы в вузовском курсе науки о языке, которая в своих основных тезисах противостояла марровскому направлению.

Фотопортрет Московской лингвистической школы 1920-х гг.

Иногда неожиданные фотографии дают нам более живую и притом объективную картину, чем суждения современников и позднейших исследователей этого времени. Перед нами тот костяк МЛШ, который при всей пестроты и противоречивости идей 1920-х гг. сложился вокруг Д. Н. Ушакова: от почти дофортуналовской традиции, берущей начало в деятельности Ф. И. Буслаева (ее представителем стал академик М. Н. Сперанский, выступавший на заседаниях МДК [Басовская 2016]) до младших соратников Ф. Ф. Фортунатова – Д. Н. Ушакова и М. Н. Петерсона, бывших его студентов. А рядом ученики учеников – И. Г. Голанов, начинавший свою деятельность под руководством Д. Н. Ушакова и А. А. Шахматова; совсем юные В. Н. Сидоров, ставший впоследствии одним из вдохновителей Московской фонологической школы, и В. И. Лыткин – талантливый финноугровед, этимолог, диалектолог. Только на первый взгляд, А. М. Селищев, выпускник Императорского Казанского университета, здесь «лишний», но и он по приезду в Москву в 1922 г. после смерти В. Н. Щепкина, коренного фортуналовца, возглавил кафедру славяно-русской филологии (она несколько раз меняла название) 1-го МГУ, на которой работали ученики Ф. Ф. Фортунатова Д. Н. Ушаков и А. М. Пешковский, и быстро влился в языковедческую традицию Московской школы.

Таким образом, формирование младшего поколения МЛШ – тех самых «ушаковских мальчиков» – происходило под опекой лингвистических и – шире – культурно-исторических идей, возделанных на щедром поле московских филологов, историков, палеографов, педагогов-русистов.

Преподаватели и студенты 1-го МГУ.

В первом ряду (слева направо): А. М. Селищев, И. Г. Голанов, М. Н. Сперанский, Д. Н. Ушаков, далее неизвестное лицо, М. Н. Петерсон.

Во втором ряду (слева направо): третий – В. Н. Сидоров, шестой – В. И. Лыткин.

Середина 1920-х гг.

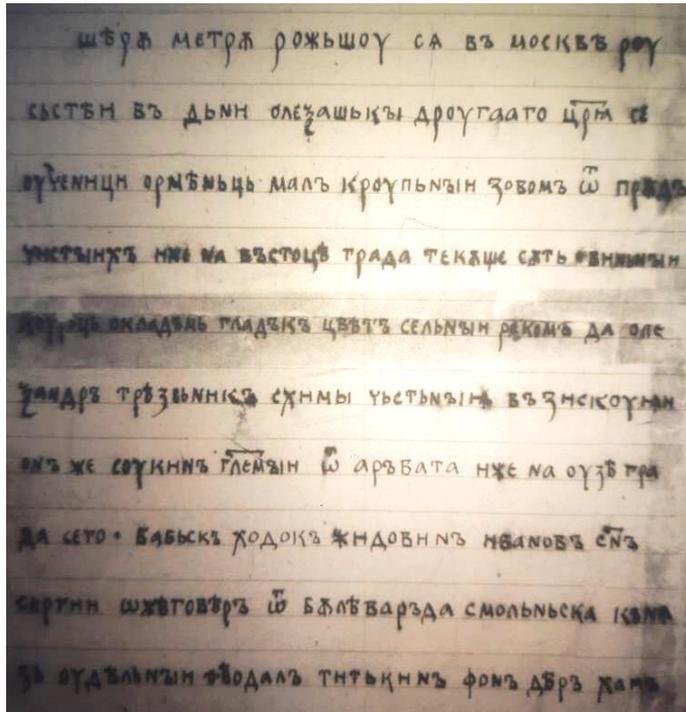
Из личной коллекции О. В. Никитина

«Ушаковские мальчики» – ядро «единой лингвистической школы»

«Ушаковские мальчики» уже стало прецедентным именем в истории языкознания. Пусть и в слегка иронической интонации оно тем не менее обозначало учителя и учеников как *единое* движение. В этом словосочетании слышится то живое, непосредственное начало, которое есть в любом эксперименте. Необычное прозвище, как следует из воспоминаний А. А. Реформатского (1942 г.), могло возникнуть так: «И это название, которое придумал какой-то наш недоброжелатель, мы носим с большой гордостью. Да, мы “ушаковские мальчики”, пусть мы лысые, седые, пусть мы сами на тот свет уже помаленьку начинаем уходить, но мы будем до конца дней

считать себя “ушаковскими мальчиками” и будем гордиться этим трогательным названием» [Реформатский 1998: 47]. Или так: «Своих учеников Д. Н. Ушаков любил называть “мальчики”» [Бернштейн 1973: 85].

Вот один из экспериментов: шуточное поздравление Д. Н. Ушакову от его учеников в стилистике церковнославянского языка, обыгрывающее свойства души и характеры «отцов и детей». Они назвали его в послании «Шѣръ метръ» – дорогой учитель. В нем можно обнаружить целый кладезь интертекстов и метафор, подвластных талантливому личностям: чего стоит только это выражение: «...бабскъ ходокъ жидовинъ Иванова снъ Сѣргии Шжѣговѣръ»!

Шуточное поздравление Д. Н. Ушакову в день его 65-летия от учеников – «ушаковских мальчиков» – Р. И. Аванесова, Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, С. И. Ожегова, А. М. Сухотина, А. Б. Шапиро. Начало текста. 24 января 1938 г.

ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 29. Л. 5

«Ушаковские мальчики» – в первую очередь восприимчивики традиции, продолжатели. Но кроме идей, необходимо еще знать то, как сами «ушаковские мальчики» себя воспринимали – видели ли они в себе наследников великой традиции и что думали о своих учителях. Об этом в беседах с В. Д. Дувакиным хорошо сказал один из них, А. А. Реформатский. Он связал Ф. Ф. Фортунатова с Ф. де Соссюром и пражской лингвистикой, которой в конце 1930-х многие были увлечены:

«Д. Соссюр?

Р. И Соссюр в основе тут лежал, и у нас Фортунатов, и Бодуэн.

Д. Значит, Фортунатова уже не было?

Р. Да, Фортунатова, конечно, живьем не было, потому что он в девятьсот сорок одиннадцатом скончался, но его ученики были наши учителя. Потому что и Пешковский, и Дурново, и Ушаков, и Покровский, и ряд других лингвистов – все они ученики Фортунатова были. И всем это передавалось нам, так что традиции Фортунатова, плюс Боду-

эн, плюс Соссюр. Вот, собственно, те исходные позиции, источники, от которых мы должны были отправляться...» [Беседы... 1996: 88]. И далее добавил: «Но нам нужно было что-то новое думать, придумывать и по-своему это все переваривать» [Там же].

В разговоре с В. Д. Дувакиным обсуждались и новые для времени филологического взросления «внуков» Московской лингвистической школы проблемы фонологии. Здесь интересен один фрагмент, где А. А. Реформатский фактически говорил о разрыве с идеями старшего поколения и непонимании им тех актуальных для конца 1920-х – 1930-х гг. открытий, которыми жадно интересовались «ушаковские мальчики».

Перед нами два портрета: М. Н. Петерсон и Д. Н. Ушаков. Оба – ученики Ф. Ф. Фортунатова. Но разница между ними как исследователями и методологами науки, по мнению А. А. Реформатского, была большая: «Петерсон, как ни странно, он был более отсталый человек, чем Ушаков...» [Там же: 92]. И после добавил сочувственно: «Ниче-

го не поделаешь. Тут склонность природы. [...] Педагог чудесный. Внимательный и заботливый был, это – ничего не скажешь» [Там же]. В чем же заключалась эта «отсталость» М. Н. Петерсона? Он был последовательным сторонником *fortunатовских* традиций – компаративистом – занимался сравнительным языкознанием и индоевропеистикой под руководством В. К. Поржезинского, затем преподавал санскрит и

литовский языки, и формалистом – описывал формальные типы словосочетаний с функционально-семантической стороны (см.: Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923). Вот две основные области его интересов, за которые он редко выходил и, по-видимому, мало интересовался изменениями в лингвистике. А Д. Н. Ушаков был другим, более подвижным, чутким к обновлениям:

**М. Н. Петерсон на отдыхе в Прибалтике. 1950-е гг.
Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. № 181. Л. 10**

«Вот в прошлый раз я говорил, как он [М. Н. Петерсон] мне показал различия синтаксических позиций Фортунатова и Потебни, и я это на всю жизнь усвоил и принял. Ну вот, видите. А во многом, вот как раз в области фонологии, он никак не понимал. И когда ему говорили: “Ну, скажите, чем отличается “шить” и “сшить?” – Ну, грамматически тем, что одно – несовершенный вид, а другое – совершенный вид. – А чем же это выражено в языке? Он говорил, что вот то, что “ш” – долгое. Говорим: “Послушайте, ну что значит “ш долгое”? Как это связать с общей теорией звукового строя русского языка?” Ну, его просили понять, что здесь есть с точки зрения строения по фонемам? – ш, ш долгое и ч (?).

А в “шить” только ш и ч (?)¹, то есть одно – четырехфонемное, а другое – трехфонемное, но благодаря известным действующим закономерностям эта комбинация “сш” превращается в “ш долгое”, в котором скрываются две фонемы. Вот этого Петерсон никак не мог понять <нрзб.> мы когда-то вот с Володей Сидоровым пытались его перевернуть, но нам так и не удалось. А Ушаков это понимал, что показало наше дальней-

¹ В другом варианте расшифровки записи, на портале «Устная история», эти строки воспроизводятся по-иному, с небольшими отличиями: «Ну, его просили понять, что здесь есть с точки зрения строения по фонемам <ш>, <ш>, <и>, <т’>, а в “шить” только <ш>, <и>, <т’>» (URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-347>).

шее с ним содружество и совместная работа»¹ [Там же].

На первый взгляд, странно соотносить Д. Н. Ушакова с Ф. де Соссюром. Но если посмотреть на тот путь, которые прошли оба ученых, никак лично не соприкасавшиеся при жизни, то можно увидеть одну закономерность: и тот, и другой начали свою биографию с традиционной компаративистики: де Соссюр занимался изучением гласных в индоевропейских языках, а Д. Н. Ушаков старательно штудировал курсы Ф. Ф. Фортунатова. Затем от сравнительно-исторического языкознания они перешли к анализу проблем системности языка. Де Соссюра больше интересовала семиологическая сторона вопроса, а Д. Н. Ушакова – практическая, нормализаторская. В этом смысле «он смотрел в будущее» [Ожегов 2001в: 458] и одобрял поиски своих учеников, чувствовал движение лингвистической мысли. Один из них эту антиномую определил так: «Насколько я помню, Д. Н. не был большим почитателем Соссюра, *однако идею системы языка одобрял*. Но понимал ее тоньше. И эта идея не столько от Соссюра, сколько от тонкого понимания нюансов живой речи, живых связей и отношений в языке. Это у него выражалось в остром внимании к семантическим особенностям синонимичных и соприкасающихся по значению слов к однокоренным и разнопрефиксальным образованиям, к соотношениям производящих и производных слов» [Там же: 457].

Итак, в недрах Фортунатовской школы и под опекой ее отцов-основателей (Ф. Е. Корша, тоже выпускника Императорского Московского университета, тоже можно до некоторой степени отнести к этой – *московской* – традиции, хотя он представлял самостоятельное, независимое явление) возникла свежая струя, кото-

рая продолжила пусть в чем-то и независимо от старой традиции, но *системно* и не отрицая связи с ней, фортунатовско-ушаковское направление. Одни развивали лексикографические идеи (особенно активны здесь были Г. О. Винокур в 1930-е гг. и С. И. Ожегов все время), проблемы ареальной лингвистики (С. С. Высоцкий, И. Г. Голанов, В. Н. Сидоров и др.) и вопросы изучения орфоэпии и стилистики с точки зрения нормализации русского литературного языка (Р. И. Аванесов, С. И. Ожегов), другие пошли своим путем.

Так, в 1920-е годы возникло еще робкое, но дерзкое по замыслу мальчишество в виде ДАРС (русист С. И. Дмитриев, фонетисты Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров) – шуточное название объединения молодых лингвистов. А с середины 1940-х годов на первый план они вышли уже как представители сформировавшейся Московской фonoлогической школы: Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, А. А. Реформатский², П. С. Кузнецов и из младшего поколения М. В. Панов, В. Г. Орлова, И. С. Ильинская (см., например, воспоминания одного из участников: [Аванесов 2005])³.

Наверное, можно назвать еще немало имен последователей Д. Н. Ушакова, кто в той или иной мере способствовал становлению нового взгляда на изучение языковых явлений и в этом отношении был продолжателем МЛШ уже в послевоенный период развития науки. Один из них, М. В. Панов, так определил значение Д. Н. Ушакова в этом деле: «Он посвятил себя изучению русского языка, который был его любовью и предметом постоянной деятельной заботы.

² А. А. Реформатский в беседах с В. Д. Дувакиным вспоминал: «Вот эти пять человек: Аванесов, Сидоров, Кузнецов, Сухотин и я – образуют ядро этой школы...» [Беседы... 1996: 93].

³ Когда говорят об истоках идей этой школы, то обычно упоминают И. А. Бодуэна де Куртенэ, но о ее связи с московскими корнями говорит тот факт, что многие ее представители были выпускниками столичного университета и начинали свой путь под руководством Д. Н. Ушакова и работавшего уже тогда в Москве А. М. Селищева, «которые направили наши интересы в область диалектной фонетики» [Аванесов 2005: 215]. К числу сторонников этой школы Р. И. Аванесов отнес также А. М. Сухотина и Н. Ф. Яковлева, «который является во многом предтечей московской фonoлогии» [Там же: 219].

¹ Ср в этой связи интересное наблюдение М. В. Панова: «Многим, возможно, покажется парадоксальным мнение, что Д. Н. Ушаков и его соратники ближе к фonoлогии, чем Л. В. Щерба. Но это мнение справедливо. [...] Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и их единомышленники уже в работах начала века оба вопроса решали строго позиционно. Термина «фонема» у них не было, но по существу они вплотную подошли не к «ущербной» (как каламбурил А. А. Реформатский), а к подлинной теории фонем» [Панов 1995: 29].

Но ничуть не меньше ему были близки и задачи общей лингвистики – найти принципиально важные общие законы существования и развития, свойственные человеческому Языку как целому. Те законы, к которым вели и грамматические теории Фортунатова, и позиционное исследование диалектов Московской диалектологической комиссией» [Панов 1995: 32].

Кроме научных интересов, было в Д. Н. Ушакове и то, что родило его со старой Московской школой, которая всегда отличалась этой особенностью: и буслаевские домашние встречи, где одни изучали рукописи, другие – живопись, третьи знакомились с богатой библиотекой, а вместе – УЧИЛИСЬ ФИЛОЛОГИИ; и фортуновские беседы на квартире – они были открыты для учеников и всех, кто душой тянулся к науке. Так и Д. Н. Ушаков: он окормлял своих питомцев высокой духовной миссией Учителя, разогревал их ум, терпеливо воспитывал в них пылливый независимый дух исследователя, простым словом, добрым советом, а часто и самопожертвованием показывал пример подвижнической деятельности, без которой не состоялась бы его Школа. М. А. Реформатская в воспоминаниях «На переломе эпох (из записок старых москвичей)» красиво и точно подметила сущность личности Д. Н. Ушакова как учителя своих «мальчиков»: «И в научном, и в человеческом отношении А. А. [Реформатский] ощущал к Д. Н. Ушакову сыновнюю привязанность, называл его “духовным отцом” и “духовником”» [Реформатская 2009: 694]. Трогательно и справедливо звучат слова А. А. Реформатского об атмосфере, царившей вокруг Д. Н. Ушакова: «Я вспоминаю Сивцев Вражек, когда там был Дмитрий Николаевич. Это была подлинная Мекка не только для филологов, для всех, кому мог быть полезен Дмитрий Николаевич. А кому бы не мог он быть полезен? Он был полезен всем, и все время приходили к нему люди с самыми различными вопросами и интересами. Одни сидели сутками, другие приходили на 10-20 минут и уходили. Это был сплошной поток, сплошное паломничество» [Реформатский 1998: 46].

Приведем еще одно признание ближайшего ученика Д. Н. Ушакова Г. О. Винокура: «Ученики Дмитрия Николаевича

не составляют школы в том смысле, в каком мы говорим, например, о школе Фортунатова или Казанской школе. Среди “Ушаковских мальчиков” мы встречаем людей, часто державшихся различных точек зрения – это люди разных интересов, но все же их объединяет нечто, что дает право также говорить в особом смысле и об “Ушаковской школе” в русском языкознании» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 51].

Д. Н. Ушаков как один из организаторов работы по нормализации русского литературного языка и его Школа лексикографии в 1920–1930-е гг.

Языковое строительство 1920-х гг. было невозможно без создания нормативной базы. Это касалось и новых учебников, и создания алфавитов для бесписьменных народов, и кодификации лексики. Все старое, академическое (с ятями и ерами) воспринималось как пережиток царской эпохи. В работу по рестройке языкового образования, выработке новых методик и нормы включились лингвисты и методисты. Особенно активны на этом поприще были Д. Н. Ушаков и А. М. Пешковский. «В течение трех десятилетий Ушаков был... виднейшим деятелем в области практического применения науки о русском языке. В первую очередь речь шла о поддержании и совершенствовании русской литературной нормы в трех ее аспектах: орфографическом, орфоэпическом (произносительном) и лексикографическом (словарном)» [Алпатов 2009: 467].

В начале 1920-х гг. советское государство поставило перед учеными амбициозную задачу подготовки толково-иллюстративного словаря современного русского литературного языка. За исполнение этого замысла взялись московская во главе с Д. Н. Ушаковым и петроградская под предводительством Л. В. Щербы группы, которые занимались концепцией издания, не имевшего аналогов в нашей стране, отбором слов из произведений писателей и поэтов XIX–XX вв., из публицистики, журналов. Причем состав авторов был разнообразным: от классических Тургенева и Лескова до Ремизова и Луначарского. Работа выборщиков продолжалась в тяжелых условиях, и все же было собрано примерно двести тысяч карточек. Затем в связи с прекращением финансирования она при-

остановилась. Д. Н. Ушаков отчаянно боролся за сохранение картотеки, надеясь на продолжение проекта в других организациях (см. подробнее: [Никитин 2012]). Но к второй половине 1920-х гг. он стал уже неинтересен вышестоящим начальникам и, по-видимому, слишком затратен. В итоге чудом сохранившуюся картотеку спасли и уже в 1930-х гг. переправили в Ленинград. Она лежала мертвым грузом вплоть до XXI в. и теперь стараниями М. Н. Приемышевой вновь начинает изучаться как ценный феномен новой лексикографической традиции, у истоков которой стоял Д. Н. Ушаков. В частности, при обработке карточек был обнаружен уникальный индекс-словник аббревиатур – первый, насколько нам известно, полноценный справочник сокращений, задокументировавший «революционную эпоху».

Этот печальный опыт не был забыт. Хотя словарь так и не издали, молва о нем как о неосуществленной идее Ленина через некоторое время разнеслась по коридорам власти. Вспомнили и Д. Н. Ушакова, предложив ему возглавить коллектив по составлению толкового словаря. Имена его новых участников уже давно стали хрестоматийными: Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и Б. В. Томашевский [Ожегов 2001б; 2001в]. А неровные и порой трагические события тех лет, «погромы» и дискуссии, проходившие после выхода в свет первого тома ТСРЯ 1934 г., рассказаны в деталях; опубликована и переписка участников «Ушаковской эпопеи» (см. подробнее: [Никитин 2012]).

В контексте этой статьи для нас важно подчеркнуть, что Д. Н. Ушаков последовательно отстаивал принцип *нормативности* при подготовке и обработке словника: была разработана система грамматических и стилистических помет и сокращений, выверена структура статей, подача примеров, фразеологизмов. По четкости, точности, сжатости лексической характеристики слова ТСРЯ до сих пор может считаться образцовым.

Так, может быть, неожиданно и для самого Д. Н. Ушакова постепенно сложилась независимая от академической традиции лексикографическая Школа. Стоит заметить, что ТСРЯ не опирался на имевшийся опыт составления «Словаря русского языка», кото-

рый в 1920-1930-х гг. выходил несколькими редакциями в Ленинграде. ТСРЯ – это не тезаурус, его редактор не ставил целью описать возможно полно весь лексический фонд. Главная задача Д. Н. Ушакова состояла в определении границ и нормализации русского литературного языка. При этом особое внимание обращалось на «процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» и закрепление установившихся норм [ТСРЯ 1935: I: От редакции]. До ТСРЯ работа в таком масштабе не проводилась. Его не стоит оценивать только с позиции лексикографии. С. И. Ожегов справедливо замечал, что в «наше время не было обобщающих лексикологических трудов. Проблемы лексикологии нашли свое обобщение, главным образом, в словарной работе» [Ожегов 2001а: 426]. В этом состоит несомненная заслуга «ушаковцев».

Можно назвать еще один момент, который подтвердил живучесть концепции ТСРЯ и в XXI в. В нем была апробирована чрезвычайно широкая система стилистических помет (некоторые из них, например, *презрит.*, больше нигде не встречаются). Это было сделано в том числе и для того, чтобы максимально точно описать социолекты. Такую же задачу ставят перед собой лексикографы нашего времени. М. И. Чернышева обоснованно замечала, что «современность раздвинула рамки использования разных типов языка, и теперь лексикография... старается не только зафиксировать и описать новые явления, но стремится также к расширению аудитории носителей лексикографической культуры...» [Чернышева 2022: 75].

Понятно, что при всей мудрости и дипломатичности Д. Н. Ушакова преобладание идеологического оттенка в толковании слов общественно-политической, религиозной лексики не стало исключением. Но основные научные принципы исполнялись безукоризненно. А главное, как вспоминал С. И. Ожегов в заметке «Об ошибках Н. Я. Марра», «в стороне от марровских воздействий стоял “Толк<овый> сл<оварь>” Ушакова, за что подвергся ряду погромов со стороны марристов» [Ожегов 2001а: 426].

Похожая ситуация примерно в то же самое время произошла и с академическим

«Словарем русского языка» под редакцией Н. С. Державина, который не был завершен. Его исследователи пишут: «...в 1937 г. работа над словарем была прекращена по обвинению авторов и выборщиков карточки в троцкизме, опубликованные выпуски издания были изъяты из библиотек (вследствие чего они малодоступны), и словарь оказался практически вычеркнутым из общей истории русской лексикографии и в конечном результате – не известным или малоизвестным не только широкой, но даже и профессиональной аудитории» [Приемышева, Стукова 2020: 195–196].

ТСРЯ в этом отношении повезло: несмотря на происки марристов, публичные обвинения, пасквили в печати, последний том словаря вышел в 1940 г. В течение всего времени подготовки издания над ним трудились одни и те же филологи (за исключением В. В. Виноградова, успевшего поработать особенно активно только над первым томом и посланного в Вятку). Поэтому общая научная концепция ТСРЯ не менялась в угоду изменений в конъюнктуре научных властей.

Любопытно следующее: в период нарастающего влияния «нового учения о языке» Н. Я. Марра именно лексикография меньше всего поддалась ему. «Еще один пример – словарная работа, которую марристы так и не взяли в свои руки. Составление первого большого послереволюционного словаря русского языка возглавил последовательный антимаррист Д. Н. Ушаков, один из немногих ученых, “удостоившихся” персональной брани Марра» [Алпатов 2004: 108].

Так, в эпоху гонений марристов Д. Н. Ушаков со своими учениками и коллегами, составлявшими ТСРЯ, смог создать и сохранить подлинно научную лексикографическую Школу. Его опыт в дальнейшем послужил образцом для подготовки толковых словарей не только в стране, но и за рубежом, например, в Китае. Еще в пору борьбы за Словарь и столкновений с ленинградскими лексикографами, принявшими ТСРЯ прохладно, один из них, В. И. Чернышев, назвал его «замечательным изданием» и «значительным научным трудом». В статье «Словарь современного русского языка» он высказался так: «... “Толковый словарь русского языка” счастливо разрешает многие трудные задачи нормализации

русского литературного языка и в этом отношении, как в целом, так и во многих своих частях, является образцом и ценным источником для других словарных работ нашего времени» [Архив ИЛИ РАН. Коллекция В. И. Чернышева. Неописанные материалы. Л. 16].

Показательно и такое наблюдение: лексикографическая работа невольно выдвинула Д. Н. Ушакова на первое место среди деятелей науки, чьи имена у всех на слуху. Этот подвиг, помимо филологических достоинств ТСРЯ как феномена в отечественной лексикографической практике первой половины XX в., он совершил во имя просвещения обычных людей: «Наших лингвистов (среди которых немало ученых мирового класса) мало кто знает за пределами круга его коллег.... И лишь немногие имена прочно вошли в нашу жизнь. Пожалуй, их всего три: Даль, Ушаков и Ожегов. Легко видеть, что это все составители известных словарей русского языка. Давно нет никого из них, но словосочетания: “Словарь Даля”, “Словарь Ушакова”, “Словарь Ожегова” продолжают жить, а словари – издаваться.... Впрочем, Д. Н. Ушаков имел, по крайней мере, в прошлом широкую известность не только как автор словаря. Как вспоминает одна из мемуаристов [дочь Р. О. Шор], “Ушаков... был одним из двух-трех ученых, фамилии которых были известны школьникам, поскольку Ушаков был автором маленького орфографического С. словаря”» [Алпатов 2009: 464].

«...он порвал давно связь с наукой». Почему Д. Н. Ушакова не избрали академиком АН СССР?

Итак, мы отчетливо видим, насколько значимой в общественном звучании и плодотворной была его работа в области языкового образования, руководства и практической реализации актуальных задач, стоявших перед отечественной наукой в 1910–1930-е гг. Имя Д. Н. Ушакова с середины 1920-х гг. уже прочно вошло в пантеон самых авторитетных лингвистов, которые выполняли государственный «заказ»: от ликвидации неграмотности и создания новых правил обучения русскому языку до фронтального изучения русских диалектов, создания фундаментальных орфографических и словарных трудов, установления кодекса орфоэпических и стилистических

норм. Д. Н. Ушаков преподавал в ведущих учебных заведениях страны, начиная с Императорского Московского университета и Высших женских курсов, до работы в 1920-е гг. в Литературном институте им. Брюсова, в Государственном институте слова и Редакционно-издательском институте ОГИЗа. Много сил он отдал становлению лингвистического образования в МИФЛИ имени Н. Г. Чернышевского (в тот период, когда не существовало филологического факультета в МГУ). Он также был руководителем славяно-русского направления в Институте языка и письменности АН СССР (подробнее см. «Краткое жизнеописание Д. Н. Ушакова» 1940 г.: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 7. № 184. Лл. 25-29]). В научно-педагогической деятельности ученого мы не увидим проходных тем. Почти все проекты он блестяще реализовывал, если не было вмешательства извне (как случилось, например, с Московской диалектологической комиссией или изданием орфографического словаря). На протяжении многих лет, можно сказать без стеснения, он являлся выразителем идей национального масштаба (а не только московской лингвистики). В личном отношении Д. Н. Ушаков олицетворял собой «настоящего русского джентельмена» (выражение Л. В. Щербы).

Но есть и субъективные обстоятельства – конкретные ученые с их амбициями, ревностью и собственным неоспоримым взглядом с вершин начальствующей академичности. Именно они порой и решали судьбу того или иного претендента. Одних, возможно, не устраивала всеобщая известность Д. Н. Ушакова (и не только в кругу ученых). Другие воспринимали его достижения как нечто прикладное, методическое, недостойное звания академика, а сделанное по фортуноватским заветам «не замечали». Третьи так и не смогли подняться до понимания смысла его высокой просветительской работы, которая для 1920–1930-х гг. значила, по сути, намного больше, чем объемные труды. Д. Н. Ушакову могли и завидовать в сплоченности вокруг его личности верных друзей по филологическому ремеслу и молодых, но уже проявивших себя в науке последователей – новой ШКОЛЫ. Причем она пусть даже в таком ироническом звучании – *ушаковские*

мальчики – показывала, что под его опекой выросло новое поколение профессиональных лингвистов. Наверное, у Д. Н. Ушакова были и скрытые противники. Сложное время конца 1930-х гг. выдвигало на первые позиции в академической номенклатуре совсем другие типы... Новые факты о том, как происходило его обсуждение на выборах в АН СССР 1939 г., открылись только сейчас.

Выдвинуть кандидатуру Д. Н. Ушакова в действительные члены (=академики) АН СССР решили его коллеги и ученики из МИФЛИ, в котором преподавал ученый – заведовал там кафедрой славяно-русского языкознания. В письме от 7 декабря 1938 г., направленном в Академию Наук СССР, говорилось: «Группа научных работников в составе профессоров Р. О. Шор, Н. К. Гудзия, М. В. Сергиевского, А. Б. Шапиро, С. Д. Никифорова, М. Н. Петерсона, Г. О. Винокура, Р. И. Аванесова, А. М. Сухотина и доцентов П. С. Кузнецова, Л. И. Базилевича, С. И. Ожегова, Е. М. Федорук и И. Р. Палей выдвигает кандидатуру доктора лингвистических наук, профессора Димитрия (так в тексте. – В. А., О. Н.) Николаевича УШАКОВА в действительные члены Академии Наук СССР по Отделению языка и литературы. При этом прилагается записка, характеризующая научную деятельность Д. Н. УШАКОВА, подписанная перечисленными ниже работниками. [...]» [АРАН. Ф. 411. Оп. 46. № 22. Л. 13]. В заявлении особенно подчеркивались участие и роль Д. Н. Ушакова в самых значимых научных событиях 1910–1930-х гг. Так, например, о его «Диалектологической карте русского языка» говорилось, что она «остаётся до сих пор единственным трудом этого рода» [Там же. Л. 14]. Лексикографическая деятельность Д. Н. Ушакова также оценена достойно и с положительной для его академического портрета стороны: «Д. Н. Ушаков является одним из составителей этого монументального лексикологического труда и его главным редактором. Значение “Толкового словаря” для современного русского языкознания и для общей культуры русского слова в нашу советскую эпоху исключительно высоко¹. Появ-

¹ Последние два слова вставлены над строкой по зачеркнутому тексту.

ление этого словаря знаменует собой *целую эпоху* в развитии русской лексикологии, и *эта эпоха связана с именем Д. Н. Ушакова*» [Там же. Лл. 14–15]. Далее авторы заявления отметили «выдающуюся роль» Д. Н. Ушакова «в разработке вопросов русской орфоэпии – этой *новой научной области* [...] Д. Н. Ушаков смело может быть назван одним из *основоположников* этой отрасли науки о русском языке» [Там же. Л. 15]. С высокой степенью риторичности (но справедливой!) звучала фраза о том, что «вряд ли можно назвать во всей нашей стране еще одного ученого языковеда (такое написание в тексте. – В. А., О. Н.), имя которого пользовалось бы такой же широкой педагогической славой, как имя Д. Н. Ушакова» [Там же. Л. 16]. Наконец, обратим внимание на заключительный абзац характеристики, доказывающий, что Д. Н. Ушаков – одна из центральных фигур в науке: он «является лицом, *вокруг которого объединяются все основные научные работники Москвы*, занимающиеся русским языком. Привлечение Д. Н. Ушакова к работе в Академии Наук в качестве его *действительного* члена без всякого сомнения сильно содействовало бы объединению всех живых¹ лингвистических сил нашего Союза и устранению того отъединения ленинградских ученых от московских, на которое так жалуются в последнее время работники Академии Наук и в частности председатель академического Института языка и мышления академик И. И. Мещанинов (см. его статью в “Известиях” 24.IX.38)» [Там же. Л. 17].

Как видно из текста заявления, в него просочилась информация о сложностях взаимоотношений между московскими и ленинградскими языковедами на официальном уровне, что еще раз подчеркивает неоднозначность ситуации, в которой находился Д. Н. Ушаков. Достаточно вспомнить наличие двух орфографических комиссий в 1930-е гг.: одной, от Наркомпроса, руководил Д. Н. Ушакова, а другой – под эгидой Академии наук – ленинградские специалисты. Результатом их деятельности должен был быть выпуск первого нормативного орфографического словаря русского языка, и такой словарь подго-

товил А. М. Пешковский, входивший в московскую группу Д. Н. Ушакова... Но ничего не вышло: Д. Н. Ушаков успел выпустить небольшой словарик для школы. После объединения двух комиссий работа не увенчалась успехом (рукописный орфографический словарь, над которым трудился С. П. Обнорский, так и остался неизданным). Это лишь один эпизод противостояния ученых двух столиц (см. об этом в воспоминаниях А. А. Реформатского: [Реформатская 2015]). О холодном отношении ленинградских лингвистов к «Толковому словарю...» под редакцией Д. Н. Ушакова мы уже писали.

Итак, самый ответственный этап выборов – обсуждение кандидатур в Отделении общественных наук АН СССР. Это происходило в январе 1939 г. Кроме Д. Н. Ушакова в академики и члены-корреспонденты выдвигали В. М. Жирмунского, Л. В. Щербу, А. П. Баранникова, С. П. Обнорского, И. К. Луппола, П. И. Лебедева-Полянского, В. Ф. Шишмарева, Н. К. Пиксанова, а также писателей А. Н. Толстого и М. А. Шолохова. Заметим, что подавляющее большинство кандидатур из числа филологов было представлено как раз ленинградскими лингвистами.

В обсуждении кандидатуры Д. Н. Ушакова участвовали академики А. С. Орлов и Н. С. Державин. Они «характеризуют Д. Н. Ушакова как главным образом педагога, сделавшего очень много в этой области. **Как ученый Д. Н. Ушаков за всю свою многолетнюю деятельность ничего не дал**» [АРАН. Ф. 394. Оп. 13. № 2. Л. 3]. В итоге постановили: «Считать, что кандидатура Д. Н. Ушакова не удовлетворяет требованиям, пред”являемым уставом Академии Наук» [Там же].

В расширенном протоколе заседания экспертной комиссии при Отделении общественных наук от 10 января 1939 г. по обсуждению кандидатур, представленных в действительные члены и члены-корреспонденты по Отделению языка и литературы, по поводу Д. Н. Ушакова говорилось (из реплики И. И. Мещанинова), что «он представлен в члены-корреспонденты» [Там же. Л. 20].

Далее цитируем стенограмму:

«тов. ЭНГЕЛЬ. В академики его представляют целый ряд товарищей.

¹ Приписано сверху от руки.

акад. ОРЛОВ. Это его сотрудники по работе над русским словарем, который теперь выходит вторым томом¹.

акад. ДЕРЖАВИН. Разрешите мне высказаться против этой кандидатуры. Тов. Ушаков очень заслуженный педагог, у него имеется очень много работ, но **за последние 20 лет он ничего не сделал для науки, он порвал давно связь с наукой**. Если бы стоял вопрос об избрании в члены-корреспонденты, то это можно было бы сделать, а в отношении выдвижения его в действительные члены Академии НАУК я высказываюсь против. Он вполне достоин звания члена-корреспондента, а выдвигает (так в тексте. – В. А., О. Н.) его в академики, **когда он ничего не сделал**[.] мне кажется[.] нельзя².

акад. ОРЛОВ. Я Ушакова очень уважаю, но действительно совершенно справедливо говорит Н. С. [Державин], что **от науки он отошел**. Эти его издания «Пчелка», «Ручеек», орфографические пособия, все это в Госиздате щедро оплачивалось, но ведь это не имеет существенного значения³. Правда, что такого рода работы принимают больше[.] чем, скажем, монографические работы, напр., в Славянском кабинете, где сидят люди и спрашивают: будут нас печатать или нет.

акад. МЕЩАНИНОВ. Может быть угодно сейчас не разбирать, а вернуться к

этому, когда мы будем разбирать членов-корреспондентов.

акад. ДЕРЖАВИН. Мы его не отводим, его степень мы будем определять после 13-го числа, когда будем разбирать членов-корреспондентов. Так и надо сказать, что рекомендуем его в члены-корреспонденты.

акад. МЕЩАНИНОВ. Он значится в списке членов-корреспондентов.

Сомнений нет, в действительные члены мы его не рекомендуем.

Так и запишем, что комиссия воздерживается от рекомендации проф. Ушакова в действительные члены АН.

Он значится в списке членов-корреспондентов, к этому мы вернемся потом» [Там же. Л. 20].

И далее какой колоритный сюжет! Хотя он и не имеет прямого отношения к Д. Н. Ушакову, но показывает академическую атмосферу изнутри:

«тов. ЭНГЕЛЬ. Следующая кандидатура т. Щерба.

акад. ОРЛОВ. **Я ревную к засилию лингвистов**.

акад. МЕЩАНИНОВ. На этом остановимся потом» [Там же. Л. 21].

19 января состоялось заседание Отделения общественных наук АН СССР. Председательствующий академик А. М. Деборин предоставил слово И. И. Мещанинову для оглашения результатов работы экспертной комиссии по языку и литературе.

Выступает А. С. Орлов: «А. Н. Толстой получил 17 голосов, М. А. Шолохов – 18, Луппол [–] 16, С. П. Обнорский – 20 голосов, Баранников – 13, Лебедев-Полянский – 2, Шишмарев – 5, Щерба – 4, Жирмунский – 2, Пиксанов – 1.

акад. ДЕБОРИН. Таким образом[.] избранными 2/3 голосов оказались – Толстой, Шолохов, Луппол, С. П. Обнорский.

акад. ВОЛГИН. [...] у нас остается в будущем [...] одно место вакантным. Нельзя ли предложить экспертной комиссии вновь собраться [...]» [Там же. Лл. 41-41 об.].

20 января на очередном собрании Отделения общественных наук АН СССР И. И. Мещанинов «зачитывает заключение экспертной комиссии по кандидатуре проф. Баранникова в действительные члены АН по Отд-елению» языка и литературы» (см. подробнее стенограмму: [Там же. Лл. 43–63]). По итогам голосования Д. Н. Ушакова из-

¹ А. С. Орлов ошибся: второй том ТСРЯ вышел в 1938 г., а в 1939 г. готовился к печати третий.

² В книге «История одного мифа: Марр и марризм» ситуация в науке второй половины 1930-х – начале 1940-х гг. трактуется неоднозначно, в частности, говорится о спаде интереса лингвистов к личности и идеям Н. Я. Марра и содержится такая характеристика Н. С. Державина: «Редким исключением был один из самых дремучих марристов академик Н. С. Державин, развивавший этимологические упражнения Марра... и заявлявший о яфетических элементах в русском языке, об исконном отсутствии падежей в болгарском и т. д.» [Алпатов 2004: 117].

³ Очевидна ирония А. С. Орлова по отношению к Д. Н. Ушакову, который не печатался в указанных изданиях. «Пчелка» – так назывался дореволюционный журнал для детей. «Ручеек» – название букваря для школ I и II ступени (М.; Л., 1927). Справедливости ради стоит заметить, что Н. С. Державин выпустил несколько учебно-методических работ «ненаучного» характера: *Учебник русской грамматики: Опыт научно-элементарного курса*. (Пг., 1918); *Основы методики преподавания русского языка и литературы в трудовой школе* (М.; Пг., 1923).

брали членом-корреспондентом [Там же. Л. 54], а А. П. Баранникова – академиком¹] [Там же. Л. 72 об.].

Так завершилась для Д. Н. Ушакова академическая эпопея, о тонкостях которой он и его соратники, конечно же, ничего не знали и не могли предположить, какие страсти кипели вокруг его имени². Безусловно, Д. Н. Ушаков был выдающимся организатором науки. Он входил в кортету тех ученых, кто в 1900–1930-е гг. находился на передовых рубежах лингвистической мысли (особенно значима его деятельность в МДК) и в центре новых движений (МЛК), а позднее сыграл огромную роль в сохранении традиций Московской школы. Активная преподавательская работа, вовлеченность в многочисленные общественные, учебные дела не позволили ему сконцентрироваться на реализации задуманных в молодости идей и несколько отдалили его от академического поприща. Теоретических трудов, монографий в 1920–

1930-х гг. Д. Н. Ушаков действительно не издал. Он с душой, со всей своей организаторской мощью отдавался новому языковому строительству и находился в стороне от кабинетных проектов и дискуссий (к тому же стоит помнить, что Академия наук в те годы располагалась не в Москве, а в Ленинграде). Даже его участие в деятельности Орфографической комиссии шло по линии Наркомпроса (вторая комиссия функционировала в АН). А работа по толковому словарю в 1930-е гг. и вовсе расстроила отношения со словарниками – С. П. Обнорским, Е. С. Истриной и др., воспринимавшими довольно болезненно успех Д. Н. Ушакова (заметим, что во время марристской кампании 1935 г. они, по описаниям Б. А. Ларина и С. И. Ожегова, были не на высоте [Никитин 2012: 135, 137, 138, 147]). Все эти и, возможно, другие обстоятельства, о которых мы никогда не узнаем, создали ситуацию, при которой в выборах побеждали, в первую очередь, лояльные власти деятели науки, находившиеся в ранге высоких начальников (директоров академических институтов и т. п.). И по этим позициям Д. Н. Ушаков также проигрывал. Убедительно отвести кандидатуру московского ученого человеку не из его школы было нетрудно.

В черновой заметке С. И. Ожегова 1952 г. «Памяти Д. Н. Ушакова. 10 лет смерти» есть такие примечательные слова, которые с опозданием расшифровали суть тех «претензий» к Д. Н. Ушакову и показали, какие настроения царили в научном сообществе довоенного времени. Наверное, это и может быть ответом на вопрос, почему Д. Н. Ушаков не стал академиком АН СССР. С. И. Ожегов писал: «Изучение русского научного наследия, которое третировалось и попиралось марровцами, теперь входит в число очередных задач советского языкознания. А Д. Н. Ушаков в истории русской филологической науки и в истории русского просвещения занимает почетное место» [Ожегов 2001б: 449].

И все-таки Д. Н. Ушаков – АКАДЕМИК!

7 мая 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил МГУ орденом Ленина. В другом Указе от того же числа также говорилось: «В ознаменование 185-летнего юбилея Московского Государственного

¹ А. П. Баранникова обсуждали еще раз и подробно. Об этом говорят страницы стенограммы [Там же. Лл. 64–70 об.].

² Добавим попутно, что в сессию 1939 года избрали академиками: И. К. Луппола (с 1933 г. – член-корр.; в 1935–1940-х гг. с некоторым перерывом был директором Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР), А. П. Баранникова (в 1938–1940 гг. занимал должность директора Института востоковедения АН СССР), С. П. Обнорского (с 1931 г. – член-корр.).

Членами-корреспондентами, помимо Д. Н. Ушакова, избрали: В. М. Жирмунского, несмотря на аресты 1930-х гг. (с 1966 г. – академик), П. И. Лебедева-Полянского (с 1946 г. – академик; в 1937–1948 гг. – директор Института русской литературы).

По поводу кандидатуры В. М. Жирмунского, например, в стенограмме сохранилось резюме академика А. С. Орлова, охарактеризовавшего своего коллегу «как человека, более отличающегося талантом литературной передачи и широким образованием, чем самостоятельным творчеством» [Там же. Л. 3].

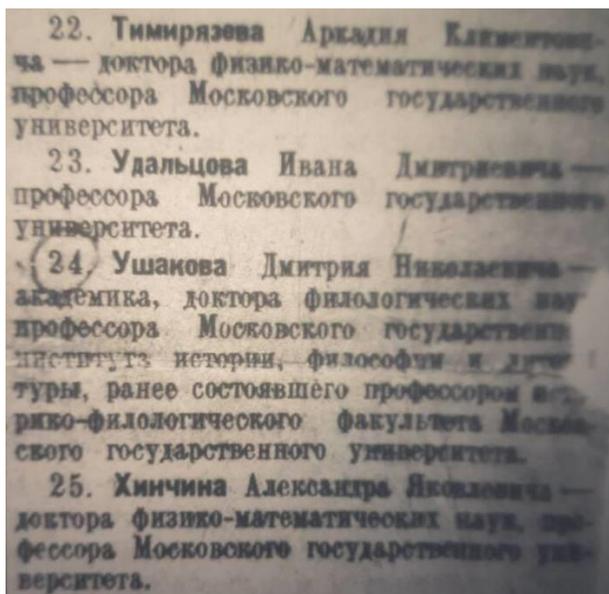
В. Ф. Шишмарев стал академиком в 1946 г. в бытность директором ИМЛИ (с 1924 г. – член-корр.).

Л. В. Щербу избрали академиком в 1943 г. (с 1924 г. – член-корр.). Показательно, что после обсуждения его персоналии в 1939 г. постановили: «Считать, что кандидатура Л. В. Щербы заслуживает внимания, но ввиду ограниченного количества мест, рекомендовать его в случае возможности получения дополнительно места» [Там же].

Н. К. Пиксанов был членом-корреспондентом АН СССР с 1931 г. Академиком так и не стал.

Университета присвоить Университету имя его основателя – М. В. Ломоносова. Третьим указом были награждены работники МГУ, в числе которых орден «Знак Почета» (в перечне лиц под № 24) присвоили Дмитрию Николаевичу Ушакову – **академику**, доктору филологических наук... [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Л. 34]. Это была опечатка, досадная, как обычно говорят, погрешность. Но в отношении Д. Н. Ушакова

она выглядела совсем по-другому. По странному стечению обстоятельств (ведь такие документы при печати в газете «Правда» проверяли очень тщательно) кто-то недосмотрел. И ошибка символическим образом вернула Д. Н. Ушакову заслуженное им по праву русского ученого звание академика. Можно лишь представить, как он и его «ушаковские мальчишки» смеялись и иронизировали по поводу этой ситуации.

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников Московского государственного университета орденом «Знак Почета».
 Москва, Кремль. 7 мая 1940 г. (вырезка из газеты «Правда» от 8 мая 1940 г. № 127. С. 2)
 ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 31. Л. 34

Д. Н. Ушаков: post scriptum

Последние годы Д. Н. Ушаков совмещал работу в МИФЛИ, где руководил кафедрой славяно-русского языкознания, с заведованием Сектором славянских языков Института языка и письменности АН СССР. К его заслугам перед наукой стоит отнести тот факт, что ученый фактически сохранил костяк славистов и индоевропеистов в МИФЛИ, ту атмосферу научного творчества и свободы, в которой воспитывали его учителя, а значит – и традиции Московской лингвистической школы. Г. О. Винокур вспоминал: «И в Академию Наук Д. Н. принес те же навыки просветителя, дорожащего наукой, не в отвлеченности от конкретной жизни, а в прямой к ней связи.

В качестве заведующего славянским

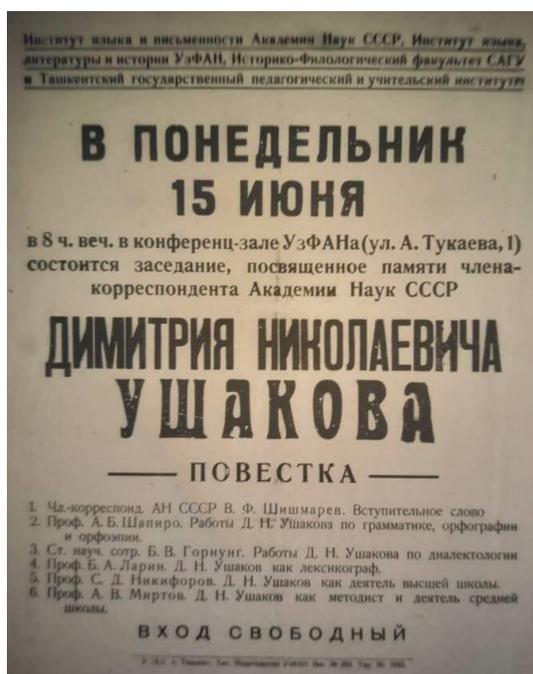
сектором Института языка и письменности Дмитрий Николаевич поставил ряд работ, прямо вытекавших из всего направления его деятельности. Тут и вопросы словарные, и вопросы диалектологии, и вопросы орфоэпии. Так что в Академии Наук Дмитрий Николаевич тот сектор, которым он руководил, превратил в новый плацдарм для своей просветительской работы, для того, чтобы нести свет знания и просвещения в массы» [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 48].

Он мечтал о переиздании своего Словаря. Вместе с Г. О. Винокуром, С. И. Ожеговым, А. Б. Шапиро, С. Г. Бархударовым и др. еще до войны был разработан и новый проект составления «Малого словаря русского языка», готовилась и редактировалась картотека (см. Отчет о работе Сектора

славянских языков Института языка и письменности АН СССР за первое полугодие 1941 г.: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 169. Л. 40]). Работа над ним продолжалась и позднее (см. «Краткую записку о работе по Малому толковому словарю во II-й половине 1941 и в I-м квартале 1942 г.», подготовленную Д. Н. Ушаковым: [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 177. Лл. 11-11 об.]). В 1941 г. Д. Н. Ушаков и С. И. Ожегов разработали «Типовой словарь для русско-национальных словарей» [Архив РАН. Ф. 677. Оп. 6. № 169. Лл. 4-15]. Но начавшаяся война обрушила многие планы. «Коренной москвич, редко выезжавший из любимого города, Ушаков говорил: “В других городах мне как-то не по себе”. Но ему не было суждено закончить жизнь в Москве... В 1941 году... ученому пришлось эвакуироваться в далекий Ташкент, где его силы быстро иссякли» [Алпатов 2009: 469].

Д. Н. Ушаков умер в Ташкенте 17 апреля 1942 г., куда он уехал с семьей вместе с Институтом языка и письменности АН СССР. Уже через два месяца, 15 июня, его коллеги и ученики почтили память знаменитого филолога заседанием Института языка и

письменности АН СССР, Института языка, литературы и истории УзФАН, Историко-филологического факультета САГУ и Ташкентского государственного педагогического университета. На повестке дня было 5 докладов, которые обозначили основные направления его научной и общественно-педагогической деятельности и в некоторой степени подводили итог Ушаковской школе: грамматика, орфография и орфоэпия, диалектология, лексикография. Выступавшие отметили вклад ученого в становление высшего и среднего образования, в методику преподавания русского языка. Открыл заседание вступительным словом известный филолог-романист член-корреспондент АН СССР В. Ф. Шишмарев (позднее стал академиком). Далее с докладами выступили А. Б. Шапиро, Б. В. Горнунг, Б. А. Ларин, С. Д. Никифоров и А. В. Миртов [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 1]. Все они, может быть, за исключением В. Ф. Шишмарева и С. Д. Никифорова, были членами МДК в разные периоды и хорошо знали Д. Н. Ушакова. К сожалению, эти доклады так и не были опубликованы.

Повестка заседания, посвященного памяти члена-корреспондента АН СССР Д. Н. Ушакова. Ташкент, 15 июня 1942 г. ЦГА Москвы. Ф. Л.-276. Оп. 1. № 35. Л. 1

Заключение: высокая просветительская миссия...

Я жил с ним по соседству, знал его семью, был воспитан на том, что у нас в школьные годы у мальчиков и девочек, у широких кругов не только интеллигенции, но и грамотных людей, были свои имена-символы. Символом был Ушаков. Ушаков – это символ русского языка, это символ грамматики. То есть это был символ настоящей культуры. И мы понимали, как много делал большой ученый, который совершенно сознательно отвлекался от исследовательской работы для того, чтобы по-настоящему отдавать себя просвещению.

С. О. Шмидт [120-летие Дмитрия Николаевича Ушакова... 1997]

В отношении имени Д. Н. Ушакова понятие «академическая школа» звучало бы не совсем точно и полно. Его научно-педагогическое творчество, требовательность к себе как к ученому-просветителю, каким он был по признанию многих учеников (а это наивысшая ступень академического звания), некоторая отстраненность от громких околонаучных процессов и нежелание входить в сонм новой советской элиты, которая с конца 1920-х гг. формировалась по марксистскому признаку (вспомним выборы в АН СССР в 1931 г. и далее), нацеленность на конкретные общественно-полезные разработки, деятельная вовлеченность в судьбы своих учеников, воспитанных им в духе классической академичности, – все это отличало Дмитрия Николаевича от статуса официального академика-руководителя. Некоторые из тех, с кем он учился и работал в молодости, стали академиками, например, А. С. Орлов. Они скорее всего отлично понимали, какой нравственной величины в науке был Д. Н. Ушаков, сколько полезного он мог бы сделать на этом поприще, и оттого побаивались силы его ума, твердости позиции, широты воззрений и возможностей их практической реализации. Им мешала и слава Д. Н. Ушакова, которой наградила по заслугам его подвижническая деятельность, направленная на возрождение филологического образования в стране: от разработок программ и учебников для начальной, средней и высшей школы, борьбы за сохранение шахматовско-фортунатовских основ научной диалектологии, утверждения современных времени орфографиче-

ских, грамматических и стилистических норм литературного языка, создания новой лексикографической базы для составления толковых словарей до консультирования дикторов и редакторов Радиокomiteта – главного носителя правильной для массового слушателя языковой информации. Ср. наше наблюдение: «В области литературного произношения... нормы были разработаны гораздо хуже, чем для орфографии, а к тому же здесь писанные нормы всегда недостаточны, большую роль играет непосредственное звуковое восприятие правильной речи. Ушаков писал руководства и справочники по этим вопросам, а распространение правильной устной речи получило к этому времени мощное средство: радио. С середины 30-х годов Дмитрий Николаевич начал сотрудничать с Радиокomiteтом, сам неоднократно выступал по радио, его ученики участвовали в подготовке дикторов» [Алпатов 2009: 468].

Показательно, что М. Н. Петерсон в очерке «Ф. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа» посвятил Д. Н. Ушакову (наряду с А. А. Шахматовым, В. К. Поржезинским, В. Н. Щепкиным и М. М. Покровским) отдельный фрагмент, охарактеризовав личность ученого, сохранившего эту Школу, и его научную деятельность в ряду самых ярких и близких Ф. Ф. Фортунатову учеников [Петерсон 2004].

Имя Д. Н. Ушакова уже стало хрестоматийным при жизни. Это и есть настоящее признание. Обликом неподдельного интеллигента, носителя духовных традиций, сторонника и пропагандиста живых практических знаний в области языка и воспитателя нового поколения лингвистов он запомнился его современникам и этой дорогой шел до конца, не сворачивая с нее в коридоры власти, не занимаясь поденщиной, не расталкивая конкурентов и не завидуя более успешным и плодовитым филологам. Он занял свое место в академической иерархии. И оно не определяется книжечкой академика и полагавшимися к ней привилегиями. Один из ближайших учеников Д. Н. Ушакова Г. О. Винокур справедливо замечал: «Особенность личности личности Дмитрия Николаевича в том, что он не насиловал себя и не подгонял себя под определенный шаблон ученого, а свободно проявлял свою творческую личность

в ее своеобразии и всегда того же требовал от других. Действительно, педагог в нем преобладал над ученым, но не в том вульгарном смысле, что ему некогда было заниматься наукой, потому что нужно было давать уроки. Это абсолютно неправильно. Суть дела в том, что для Дмитрия Николаевича наука была неразрывно связана с практикой просвещения. *Он был просветителем в самом глубоком значении этого слова* [ЦГА Москвы. Ф. Л-276. Оп. 1. № 35. Л. 44].

Д. Н. Ушаков стал камертоном времени – его слушателем, охранителем наследия великой Школы, преемником и продолжателем ее идей и принципов, борцом за ценности подлинной науки – с живой интонацией тонкого филолога, выдающегося организатора, самобытного наследника Ф. Ф. Фортунатова спокойно и упорно вместе с «внуком его по науке» (выражение А. А. Реформатского) М. Н. Петерсоном и соратниками по филологическому ремеслу А. М. Пешковским, М. М. Покровским и другими учеными отстаивал стены порушенной Школы. Она не угасла с их уходом и продолжала созидать в именах и делах Р. И. Аванесова, П. Г. Богатырева, Г. О. Винокура, С. С. Высотского, И. Г. Голанова, С. И. Ожегова, А. А. Реформатского, В. Н. Сидорова, Р. О. Якобсона и новых ярких личностей (например, в более позднее время – М. В. Панова), поднявшихся по ступенькам лингвистической Мельпомены, а с ними – отдаленно – и в наших трудах и состязаниях с безвременьем, связывая одной нитью прошлое и настоящее.

Разбросанность тем и интересов «ушаковских мальчиков», порой контрастировавших как со старой Фортунатовской школой, так и с марровскими идеями – от фонологии, то есть, по сути, раннего структурализма, который не был близок ученым круга Д. Н. Ушакова, до языка художественной литературы, стилистики, лексикографии и позднейших разработок в области синтаксиса и семасиологии, их потрясающая работоспособность и вовлеченность в самые разные проблемы, – была приметой той лингвистической эпохи. О ней очень верно сказал А. А. Реформат-

ский, один из его близких учеников, когда выступал 23 июля 1942 г. на заседании памяти Д. Н. Ушакова: «И несмотря на такую разорванность жизни, несмотря на то, что Дмитрий Николаевич разменивался в быту на мелочи, как ни странно, но **он создал единую лингвистическую школу**. Григорий Осипович говорил, что в этой школе были весьма различные воззрения и разные оттенки, но если понимать эту школу несколько поуже и брать его прямых учеников, то единство школы делается очевиднее, и чем дальше мы живем и работаем, тем больше мы чувствуем себя членами этой школы, которую создал наш общий учитель – Дмитрий Николаевич» [Реформатский 1998: 46–47].

Шумные кампании и дискуссии, неудачи и открытия переплетались в ней с озорством полета мысли, независимостью духа, индивидуальностью почерка, своей философией, и – главное – сопричастностью авторитету знания, чему учили «ушаковских мальчиков» старики. Потому «традиции Московской школы не прерывались при всех ее трансформациях» [Алпатов 2016: 7]. Самым трудным и даже опасным, особенно в 1930-е гг., было удержать эту ценную научную практику в тех обычаях, которые не искажали бы смысла подлинного языкознания, не имеющего границ и шаблонов, и позволяли бы им, как это делали и Ф. Ф. Фортунатов, и А. А. Шахматов, и Ф. Е. Корш, и Д. Н. Ушаков, не без полемики и «перехлестов» находить и воплощать в жизнь *новые* задумки своих учеников – концепции и эксперименты, которые рождались в лингвистических кружках 1910–1920-х гг., в домашних встречах с Д. Н. Ушаковым. Там, в этой атмосфере филологического творчества, формировались и укреплялись те идеалы, которые перерастали в *традицию*. Он жил этой высокой просветительской миссией. Он был ее основанием и духовной связкой эпох. Д. Н. Ушаков, как никто другой в то беспокойное время, понимал важность сохранения преемственности *поколений ученых*, почитающих свои корни. Это и называется научной Школой Дмитрия Николаевича Ушакова.

Источники

АРАН – Архив Российской академии наук (г. Москва).

Архив ИЛИ РАН – Архив Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург).

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

ЦГА Москвы – Центральный государственный архив города Москвы (г. Москва).

Литература

Аванесов, Р. И. Из истории Московской фонологической школы (фрагменты беседы) / Р. И. Аванесов // *Русский язык в научном освещении*. – 2005. – № 1 (9). – С. 214–228.

Алпатов, В. М. История одного мифа : Марр и марризм / В. М. Алпатов. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 288 с.

Алпатов, В. Дмитрий Николаевич Ушаков – ученый и человек / В. Алпатов // *Арбатский архив : историко-краеведческий альманах*. Вып. 2 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : Наука, 2009. – С. 464–470.

Алпатов, В. М. Предисловие / В. М. Алпатов // *Из истории московской лингвистики : сб. статей и материалов* / отв. ред. В. М. Алпатов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 5–8.

Алпатов, В. М. Фортунатовская школа в российском языкознании / В. М. Алпатов // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. – 2020. – Т. 42, № 7. – С. 8–12. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532.

Басовская, Е. Н. Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905–1912) / публ. и коммент. Е. Басовской // *Новое литературное обозрение*. – 2016. – № 4 (140). – С. 207–218. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12070/?ysclid=lpv9w2ywas355101230.

Бернштейн, С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) / С. Б. Бернштейн // *Вестник Московского университета*. Сер. 10. Филология. – 1973. – № 1. – С. 78–85.

Беседы В. Д. Дувакина с А. А. Реформатским // *Из истории московской лингвистики : сб. статей и материалов* / отв. ред. В. М. Алпатов. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 11–109.

Карцевский, С. И. Язык, война и революция / С. И. Карцевский. – Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. – 72 с.

Касаткин, Л. Л. Московский лингвистический кружок / Л. Л. Касаткин // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 318.

Левинтон, Г. А. ОПОЯЗ / Г. А. Левинтон // *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 347–348.

Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // *Вопросы языкознания*. – 2002. – № 1. – С. 91–102.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.

Никитин, О. В. Шер мэтр Дмитрий Николаевич Ушаков : от этнографа до лексикографа (заметки к творческой биографии незабвенного мастера) / О. В. Никитин // *Русский язык за рубежом*. – 2023. – № 5. – С. 71–81.

Ожегов, С. И. Об ошибках Н. Я. Марра / С. И. Ожегов // *Словарь и культура русской речи*. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001а. – С. 424–427.

Ожегов, С. И. Памяти Д. Н. Ушакова. 10 лет смерти / С. И. Ожегов // *Словарь и культура русской речи*. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001б. – С. 448–452.

Ожегов, С. И. 30-летие со дня начала работы над Словарем Д. Н. Ушакова / С. И. Ожегов // *Словарь и культура русской речи*. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001в. – С. 453–458.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // *Д. Н. Ушаков. Русский язык : учебное пособие* / вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. – М. : Просвещение ; АО «Учебная литература», 1995. – С. 8–40.

Петерсон, М. Н. Ф. Фортунатов и Московская лингвистическая школа / М. Н. Петерсон // *Отцы и дети Московской лингвистической школы*. – М. : Институт русского языка, 2004. – С. 309–318.

Приемышева, М. Н. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии / М. Н. Приемышева, Е. Г. Стукова // *Вопросы лексикографии*. – 2020. – № 17. – С. 195–212.

Реформатская, М. На переломе эпох (из записок старых москвичей) / М. Реформатская // *Арбатский архив : историко-краеведческий альманах*. Вып. 2 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : Наука, 2009. – С. 684–698.

Реформатская, М. А. Реформатский А. А. Александр Сергеевич Орлов (Публикация и вступление М. А. Реформатской) / М. А. Реформатская // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. – 2015. – № 1. – С. 142–146.

Реформатский, А. А. Введение в языковедение : пособие для учительских институтов / А. А. Реформатский. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 176 с.

Реформатский, А. А. Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии / А. А. Реформатский // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 33–47.

120-летие Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942). Стенограмма вечера в Русском лицее 24 января 1993 г. // Арбатский архив : историко-краеведческий альманах. Вып. 1 / гл. редактор С. О. Шмидт. – М. : «Тверская, 13», 1997. – С. 567–583. – URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbatio_2_6.html.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / под редакцией Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия» ; ОГИЗ, 1935–1940.

Ушаков, Д. Н. Наречия русского языка и русские народности / Д. Н. Ушаков // Книга для чтения по русской истории. Т. 1 / под ред. М. В. Довнар-Запольского. – М. : Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1904. – С. 153–176.

Ушаков, Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе / Д. Н. Ушаков. – Изд. второе, доп. – М. : Издатель В. С. Спиридонов, 1917. – 116 с.

Ушаков, Д. Н. Краткое введение в науку о языке / Д. Н. Ушаков. – Изд. девятое. – М. : Работник просвещения, 1929. – 152 с.

Фортунатов, Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1 / Ф. Ф. Фортунатов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с.

Фужерон, И. И. История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский / И. И. Фужерон // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 121–128.

Черных, П. Я. I. Современные течения в лингвистике ; II. Русский язык и революция / П. Я. Черных. – Иркутск : [типография издательства «Власть труда»], 1929. – 64 с.

Чернышева, М. И. Новые академические словари и язык СМИ / М. И. Чернышева // Медиалингвистика : материалы VI международной научной конференции. Вып. 9 / отв. редактор А. А. Малышев. – СПб. : ООО «Медиапапир», 2022. – С. 73–76.

Шор, Р. О. Язык и общество / Р. О. Шор. – М. : Работник просвещения, 1926. – 152 с.

Шор, Р. О. На путях к марксистской лингвистике / Р. О. Шор ; с предисловием В. А. Луначарского. – М. ; Л. : Гос. учебно-пед. изд-во, 1931. – 52 с.

Яacobсон, Р. Избранные работы / Р. О. Яacobсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.

Sources

ARAN – Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Archive ILI RAN – Archive of the Institute for Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg).

SPbF ARAN – Saint Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg).

TSGA Moskvyy – Central State Archive of Moscow (Moscow).

References

Alpatov, V. (2009). Dmitrii Nikolaevich Ushakov – uchenyi i chelovek [Dmitry Nikolaevich Ushakov as a Scientist and Personality]. In Shmidt, S. O. (Ed.). *Arbatskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii almanakh*. Issue 2. Moscow, Nauka, pp. 464–470.

Alpatov, V. M. (2004). *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The Story of a Myth : Marr and Marrism]. 2nd ed. Moscow, Editorial URSS. 288 p.

Alpatov, V. M. (2016). Predislovie [Introduction]. In *Iz istorii moskovskoi lingvistiki: Sb. statei i materialov*. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”, pp. 5–8.

Alpatov, V. M. (2020). Fortunatovskaya shkola v rossiiskom yazykoznanii [Fortunatov's School of Russian Linguistics]. In *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 42 (7), pp. 8–12. – DOI: 10.15393/uchz.art.2020.532

Alpatov, V. M. (ed.). (2016). Besedy V. D. Duvakina s A. A. Reformatskim [Conversations between V. D. Duvakin and A. A. Reformatsky]. In *Iz istorii moskovskoi lingvistiki: Sb. statei i materialov*. Moscow, Izdatel'skii tsentr “Azbukovnik”, pp. 11–109.

Avanesov, R. I. (2005). Iz istorii Moskovskoi fonologicheskoi shkoly (fragment besedy) [From the History of Moscow Phonological School (a Fragment of the Conversation)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 1 (9), pp. 214–228.

Basovskaya, E. (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) [From the Correspondence of F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912)]. In *NLO*. No. 4, pp. 207–218.

Bernshtein, S. B. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (stranitsy vospominanii) [Dmitrii Nikolaevich Ushakov (Pages of Memoirs)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya X. Folologiya*, 1, pp. 78–85.

Chernykh, P. Ya. (1929). I. *Sovremennye techeniya v lingvistike* ; II. *Russkii yazyk i revolyutsiya* [I. Modern Trends in Linguistics; II. The Russian Language and Revolution]. Irkutsk, “Vlast' truda”. 64 p.

- Chernysheva, M. I. (2022). Novye akademicheskie slovari i yazyk SMI [New Academic Dictionaries and Media Language]. In Malyshev, A. A. (Ed.). *Medialingvistika: Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Issue 9. Saint Petersburg, OOO "Mediapapir", pp. 73–76.
- Fortunatov, F. F. (1956). *Izbrannye trudy* [Selected Writings]. Moscow, Uchpedgiz. 450 p.
- Fuzheron, I. I. (2019). Istoriya odnoi zhizni. Sergei Iosifovich Kartsevskii [The Story of One Life. Sergey Iosifovich Kartsevsky]. In *Russiya rech.* 1, pp. 121–128.
- Jakobson, R. O. (1985). *Izbrannye raboty* [Selected Studies]. Moscow, Progress. 460 p.
- Katsevskii, S. I. (1923). *Yazyk, voina i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin, Russkoe universa'noe izdatel'stvo. 72 p.
- Kasatkin, L. L. (1990). Moskovskii lingvisticheskii kruzhok [Moscow Linguistic Circle]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sov. entsiklopediya, p. 318.
- Levinton, G. A. (1990). OPOYAZ [OPOYAZ]. In Yartseva, V. N. (Ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Sov. entsiklopediya, pp. 347–348.
- Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy iz istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly) [Moscow Dialectological Commission in Reminiscences by D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School)]. In *Voprosy yazykoznaniya*. 1, pp. 91–102.
- Nikitin, O. V. (2012). Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XX Century (Explanatory Dictionaries): a Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, KubGU Branch of Slavyansk-na-Kubani Press. 232 p.
- Nikitin, O. V. (2023). Sher maître Dmitrii Nikolaevich Ushakov : ot etnografa do leksikografa (zametki k tvorcheskoi biografii nezabvennogo мастера) [Cher maître Dmitry Nikolaevich Ushakov : from Ethnographer to Lexicographer (Notes to the Creative Biography of the Unforgettable Master)]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 71–81.
- Ozhegov, S. I. (2001a). Ob oshibkakh N. Ya. Marra [About N. Ya. Marr's Mistakes]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 424–427.
- Ozhegov, S. I. (2001b). Pamyati D. N. Ushakova : 10 let so dnya smerti [In Memory of D. N. Ushakov : 10 Years Since Death]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 448–452.
- Ozhegov, S. I. (2001v). 30-letie so dnya nachala raboty nad Slovaryom D. N. Ushakova [The 30th Anniversary of the Beginning of Work on D. N. Ushakov's Dictionary]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik Publ., pp. 453–458.
- Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Work]. In *D. N. Ushakov. Russkii yazyk: uchebnoe posobie*. Moscow, Prosveshchenie ; AO "Uchebnaya literatura", pp. 8–40.
- Peterson, M. N. (2004). F. F. Fortunatov i Moskovskaya lingvisticheskaya shkola [F. F. Fortunatov and the Moscow Linguistic School]. In *Otsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly*. Moscow, Institut russkogo yazyka, pp. 309–318.
- Priemysheva, M. N. (2020). Akademicheskii "Slovar' russkogo yazyka" pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929-1937) v istorii russkoi tolkovoi leksikografii [The Academic "Dictionary of the Russian Language" (1929–1937) Edited by N. S. Derzhavin in the History of Russian Explanatory Lexicography]. In *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 17, pp. 195–212.
- Reformatskaya, M. (2009). Na perelome epokh (iz zapisok starykh moskvichei) [At the Turn of the Epochs (from the Notes of Old Muscovites)]. In Shmidt, S. O. (Ed.). *Arbatskii arkhiv: istoriko-kraevedcheskii almanakh*. Issue 2. Moscow, Nauka, pp. 684–698.
- Reformatskaya, M. A. (2015). Reformatskii, A. Aleksandr Sergeevitch Orlov (Preface and Preparation by Mariya Reformatskaya). In *RSUH / RGGU Bulletin "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series. 1*, pp. 142–146.
- Reformatskii, A. A. (1947). *Vvedenie v yazykoznanie: posobie dlya uchitel'skikh institutov* [Introduction to Linguistics : A Handbook for Teachers' Institutes]. Moscow, Gos. uchebno-ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR. 176 p.
- Reformatskii, A. A. (1998). Trudy D. N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [D. N. Ushakov's Works on Russian Orthography and Orthoepy]. In *Russkaya rech.* 1, pp. 33–47.
- Shmidt, S. O. (Ed.). (1997). 120-letie Dmitriya Nikolaevicha Ushakova (1873–1942). *Stenogramma vechera v Russkom litsee* [24 yanvarya 1993 g.] [120th Anniversary of Dmitry Nikolaevich Ushakov (1873–1942). Record of the Evening at the Russian Lyceum, January 24, 1993]. Issue 1. Moscow, "Tverskaya, 13", pp. 567–558. – URL: http://www.clow.ru/a-moscow/1/1/arbati0_2_6.html.
- Shor, R. O. (1926). *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Moscow, "Rabotnik prosveshcheniya". 152 p.
- Shor, R. O. (1931). *Na putyakh k marksistskoi lingvistike* [On the Way to Marxist Linguistics]. Moscow, Leningrad, Gos. uchebno-ped. izd-vo. 52 p.

TSRYA = Ushakov, D. N. (ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1-4. Moscow, Gos. in-t “Sovetskaya entsiklopediya” ; OGIZ.

Ushakov, D. N. (1904). Narechiya russkogo yazyka i russkie narodnosti [Russian Dialects and Russian Nationalities]. In *Kniga dlya chteniya po russkoi istorii*. V. 1. Moscow, I. D. Sytin Press, pp. 153–176.

Ushakov, D. N. (1917). *Russkoe pravopisanie. Ocherk ego proiskhozhdeniya, otnosheniya ego k yazyku i voprosa o ego reforme* [Russian Orthography. An Essay on Its Origin, Its Relation to the Language and the Problems of Its Reform]. 2nd ed. Moscow, V. S. Spiridonov Publ. 116 p.

Ushakov, D. N. (1929). *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A Brief Introduction to the Science of Language]. 9th ed. Moscow, “Rabotnik prosveshcheniya”. 152 p.

Данные об авторах

Алпатов Владимир Михайлович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующий Сектором Китая и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН (Москва, Россия).

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.

E-mail: v-alpatov@iling-ran.ru.

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия); Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.

E-mail: olnikitin@yandex.ru.

Дата поступления: 18.12.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Alpatov Vladimir Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor, Academician of RAS, Head of Department Chine and Languages of East and Southeast Asia, Institute of Linguistics of RAS (Moscow, Russia).

Nikitin Oleg Viktorovich – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia); State University of Education (Moscow, Russia).

Date of receipt: 18.12.2023; date of publication: 30.12.2023

УДК 811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-46-57. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

«УШАКОВСКИЙ СЛОВАРЬ» КАК ПАМЯТНИК ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Чернышева М. И.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3066-6984>

SPIN-код: 1842-4418

А н н о т а ц и я . Статья ставит целью представить, каким образом создатели «Толкового словаря русского языка» (под редакцией Д. Н. Ушакова) стремились описать живой, пульсирующий характер языка постреволюционного времени на этапе перехода от одной эпохи к другой в момент рождения новой культуры. Технический прогресс и смена общественного строя в России повлекли за собой значительные изменения в лексико-семантической системе русского языка: появились новые лексемы, отражающие сдвиги в научно-технической, политической, общественной и культурной сферах жизни; возникли новые лексические образования (многочисленные сложносокращенные слова, аббревиатуры и др.); произошла смена стилистики (например, лексика книжного возвышенного стиля, особенно связанная с религиозной культурой, была снижена и приобрела ироническую, насмешливую или презрительную стилистическую окраску). Обстоятельства создания словаря в условиях жесткого идеологического контроля повлекли за собой необходимость использования специальной маркированной лексики. Возникли идеологизированные дефиниции, касающиеся политических понятий и реалий, появившихся после 1917 г.

В статье описаны также характерные особенности этого словарного произведения, с одной стороны, отразившего лексико-семантическую систему своего времени, а с другой – сохранившего лексический состав уходящей эпохи. Показано, как непросто было в лексикографической форме выстроить четкие границы между старым и новым. В некоторых случаях составителям не удавалось выдержать строгость оформления, и это приводило к непоследовательности и даже противоречиям. Особое внимание в статье уделено пометам «нов.» («новое»), «загр.» («за границей») и «дореволюц.» («дореволюционное»). Отдельный мини-очерк посвящен дефинициям ключевых лексем *переворот* и *революция*. Отмечено, что включение дополнительной информации из разных областей культуры и науки позволяет говорить об использовании опережающих свое время элементов междисциплинарного подхода.

В результате совмещения в одном словаре совершенно разных пластов лексики и осуществления новаторского ее описания был создан абсолютно уникальный словарный труд.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография; толковый словарь русского языка; постреволюционная эпоха; лексика; лексикографическая помета; идеологизированная дефиниция

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чернышева, М. И. «Ушаковский словарь» как памятник постреволюционной эпохи / М. И. Чернышева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 46–57. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-46-57.

USHAKOV'S DICTIONARY AS A MONUMENT OF THE POST-REVOLUTIONARY ERA

Margarita I. Chernysheva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3066-6984>

A b s t r a c t . The article aims to demonstrate how the creators of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” (edited by D. N. Ushakov) sought to describe the vibrant, pulsating nature of the post-revolutionary language at the stage of transition from one era to another at the time of the new culture birth. The technological progress and the change of the social system in Russia led to significant changes in the lexical and semantic system of the Russian language: new lexemes appeared, reflecting shifts in the scientific, technical, political, social and cultural spheres of life; new lexical formations emerged in the language (numerous compound words, abbreviations, etc.); there was a change of style (for example, the vocabulary of the *belles-lettres* style, especially words associated with religious culture, acquired a lower ironic, mocking or contemptuous stylistic coloring). The dictionary creation circumstances under the conditions of strict ideological control entailed the need to use special

marked vocabulary. Ideologized definitions arose concerning the political concepts and realities that appeared after 1917.

The article also describes the characteristic features of this lexicographic masterpiece, on the one hand, reflecting the lexico-semantic system of its time, and on the other hand, preserving the vocabulary of the passing era. It is shown how difficult it was to construct clear boundaries between the old and the new in lexicographic form. In some cases, the compilers could not keep to the rigor of the design, and this led to inconsistencies and even contradictions. Special attention in the article is paid to the words marked with the notes “*nov.*” (new), “*zagr.*” (foreign) and “*dorevolyuic.*” (pre-revolutionary). A separate mini-essay is devoted to the definitions of the headwords *perevorot* (coup) and *revolyuciya* (revolution). It is noted that the inclusion of supplementary information from various fields of culture and science allows talking about the use of the interdisciplinary approach elements that are ahead of their time.

As a result of combining absolutely different layers of vocabulary and providing their innovative description in one dictionary, there was born an absolutely unique lexicographic masterpiece.

Key words: lexicography; explanatory dictionary of the Russian language; post-revolutionary era; vocabulary; lexicographic note; ideologized definition

For citation: Chernysheva, M. I. (2023). Ushakov’s Dictionary as a Monument of the Post-revolutionary Era. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 46–57. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-46-57.

Почти сто лет Россия не имела законченных толковых словарей литературного языка. История русской лексикографии (М., 2001. С. 354)

Предварительные замечания

Речь пойдет об одном из самых необычных словарей в отечественной лексикографии – о «Толковом словаре русского языка» (далее – ТСРЯ), созданном после переворотных событий 1917 г. лучшими специалистами своего века: В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым, автором, редактором и вдохновителем данного труда. Они называли это время «революционной эпохой» – постреволюционный период вписывается в это определение.

Целью настоящей статьи является стремление представить, каким образом создатели Словаря пытались отразить живой, пульсирующий характер языка новой эпохи.

Юбилейная окраска статьи позволяет напомнить некоторые сведения, хорошо известные специалистам.

О создании толкового словаря новой эпохи

Необходимость собирания и описания лексики новой эпохи, эпохи технического прогресса и социальных сдвигов, была осознана русскими учеными уже в конце XIX в. Она стала особенно актуальной в 20-е годы XX в. и серьезно обсуждалась в Отделении русского языка и словесности

АН СССР. Вопросы быстрого обогащения языка привлекали внимание ведущих ученых того времени В. И. Чернышева, Л. В. Щербы, В. М. Истрина и др. В 1925 г. академик Н. С. Державин опубликовал статью «Октябрьская революция и русский язык», где писал о том, что «регистрация языковых фактов и собирание материалов, характеризующих слова и речь нашей эпохи, является очередной ответственной задачей нашей науки», и сам начал собирать «Картотеку новых слов русского языка»¹. В 1928 г. А. М. Селищев успел издать монографию «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)» [Селищев 1928], позже полузапрещенную, а потом и изъятую из употребления. Обсуждались разные проекты создания нового словаря. Л. В. Щерба вообще полагал, что «Словарь литературного языка данной эпохи» должен издаваться примерно два раза в столетие, чтобы отражать актуальную лексику соответствующего периода» [Логонова, Пеньковская 1990: 103].

Как видим, понимание необходимости создания словаря новой эпохи, отличающегося от выходящего в то время «шахматовского» словника, была уже вполне осознана. Нужно было получить поддержку «сверху».

Задачу создания «русского Лярусса»

¹ Она была обнаружена в Архиве АН СССР. Список этих слов и словосочетаний опубликован в работе [Логонова, Пеньковская 1990: 104–105].

поставил перед отечественными филологами В. И. Ленин и директивно оформил ее в 1921 г.¹ Первоначальный замысел предполагал написание краткого толково-энциклопедического лексикона. Затем идея стала развиваться в сторону формирования толкового словаря русского языка, который призван был отразить интенсивное развитие лексики и новых семантических и стилистических сдвигов.

Поставленная задача оказалась не только непростой, но и требовала неординарных решений, не говоря уже о том, что для ее осуществления, как показало время, потребовались мужество, стойкость и выдержка (описанию титанических усилий Д. Н. Ушакова и его сподвижников посвящены работы О. В. Никитина [Никитин 2004, 2016а, 2016б, 2016в]).

С самого начала создатели толкового словаря новой эпохи сознавали подлинное новаторство предстоящего начинания, призванного стать образцом, кардинально отличающимся от предшествующих лексикографических трудов, начиная со Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. (САР¹). В разделе «От редакции» были перечислены недостатки прежних словарей, которые предполагалось преодолеть в новом толковом лексиконе (см. с. 1–2 раздела «От редакции»). Заметим попутно, что, отвернувшись от САР¹, создатели не заметили типологического сходства: САР¹ тоже возник как итог тогдашнего революционного, XVIII-го, века, – и та же причина: размывание литературной нормы – определила необходимость ее выработки и установления правописания через создание образцового словаря своей эпохи; по той же причине необходимо было пересмотреть безграничное вторжение иностранных слов, обратить внимание на специальную лексику, современную разговорную речь, областные слова и др. (см.: [САР¹, Предисловие: IX–X; Чернышева 2002: 13–14, 32–38]); не говоря уже о том, что решение о подготовке САР¹ так же созрело в «верхах» власти, причем сам этот словарь взяли писать лучшие умы своего

времени (хоть и не филологи в современном понимании смысла этой специальности). Напомним, кстати, что при создании САР¹ за образец был принят другой «Лярусс» – «Словарь Французской Академии» (*Le Dictionnaire de l'Académie Française*). Да и труд этот (САР¹) – как памятник своей эпохи – так же не лишен своей тенденциозности и окрашен воспеванием величия царствующей императрицы².

Получив задачу создать словарь языка новой эпохи, как должны были понимать свое предназначение в сложившейся постреволюционной действительности лучшие филологи с классическим царским образованием? По-видимому, они, тогда еще сравнительно молодые ученые, должны были воспринимать себя носителями «предшествующей культуры» и, соответственно, «старой интеллигенцией», призванной через лексикон передать ее «формирующейся новой пролетарской интеллигенции, стремящейся усвоить все достижения предшествующей культуры» [ТСРЯ, I («От редакции»): 3]. Именно им, носителям «предшествующей культуры», предстояло создать такой словарь, который, не растеряв культурных достижений прошлого, стал бы «близким к современности». Именно им предстояло выработать и указать нормы употребления слов «расширившемуся кругу пользующихся письменной речью» – так называемому «широкому читателю» [Там же].

Многое было сделано в первый раз. Так, впервые в отечественной лексикографии авторы разработали и представили в начале первого тома не только описание задач, объема и строения словаря, состав источников, – в системном виде они привели также сведения по грамматике, правописанию и произношению, а также подробно описали, как пользоваться словарем (подробнее о новаторстве ТСРЯ см.: [Левашов 2001: 354–362]).

² Например, в словарной статье *создатель*: 'виновник, совершитель'... *Создательница блаженства Россиян ЕКАТЕРИНА* (САР¹, III: 70); не говоря уже о помещенном в САР известном четверостишии с восхвалением императрицы: *Природа в свет Тебя стараясь произвести, / Дары свои на Тя едину истощила, / Чтобы на верх Тебя величества возвесть, / И, награждая всем, она нас наградила* (некоторые наблюдения см.: [Пузанкова 2009: 256]).

¹ Впервые идея создания нового словаря была высказана В. И. Лениным еще раньше – 18 ноября 1920 г. [Левашов 2001: 347].

Словник и особенности нового словаря

Создатели определили свой словарь как «толковый словарь современного русского языка», описывающий «слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение 19 века... в него включены также и новые слова, вошедшие во всеобщее употребление, в частности сложно-сокращенные слова типа: колхоз, зарплата... а также слова из области общественно-политической терминологии» [ТСРЯ, I («От редакции»): 3]. Отсчет «живой современности» в Словаре начинался со времени «эпохи мировой войны и революции», но главной вехой признавался все же 1917 год.

Как видим, словник такого лексикона представлял собой сложное сочетание совершенно разных лексических пластов, и это позволило назвать ТСРЯ «компромиссным словарем» [Левашов 2001: 353].

Тем не менее, в соответствии с поставленной задачей, важно было, уловив пульс времени, в момент, когда стремительно менялись семантика и стилистика известных слов и возникали новые лексемы, лексические сочетания и фразеологизмы, попытаться в словаре «отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции» [ТСРЯ, I («От редакции»): 3].

Поскольку лексикон представляет собой в высшей степени лаконичный жанр, единственным способом показать пульсирующий характер живого слова является его семантическое описание и указание на сферу употребления путем использования многочисленных помет. В соответствии с установкой: «придать словарю характер образцового» (чтобы «он помогал усвоить образцовый, правильный язык») [Там же] – была разработана разветвленная система указаний, касающихся орфографии, орфоэпии, грамматики, этимологии, стилистики и др., которая по праву считается одним из достижений этого труда.

Хотя в разделе «От редакции» была выделена главная установка ТСРЯ: «Новый “Толковый словарь русского языка” есть словарь филологический (ср. чуть выше: «словарь языка». – М. Ч.), и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические

словари», тем не менее в этом Словаре весьма значимы энциклопедические справки, помещаемые в квадратных скобках, которые включают информацию культурно-исторического значения не только прошлого (ср. комментарий к слову *галифе* [ТСРЯ, I: 537]), но и, что особенно актуально, сведения остро современные – см., например, в квадратных скобках сообщение, касающееся исторического неологизма *викжелить, викжелять* ‘влиять между двумя лагерями, увиливать от прямого решительного образа действия, решений’: «От названия Викжель – Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза...» [Там же: 292]. Комитет этот прожил совсем недолго, он был создан в 1917 г. и прекратил свое существование в 1918 г., однако в языке уже появились и были зафиксированы в Словаре два глагола. Исторические справки подобного рода становятся со временем все более ценными, хотя сами лексемы могут восприниматься как «эфмеризмы», недостойные занять место в толковом лексиконе (ср.: [Добродомов 2003: 66]). Обратим внимание также на то, что включение дополнительной информации из разных областей культуры и науки выводит Ушаковский словарь за пределы чистой лексикографии и позволяет говорить об использовании опережающих свое время элементов междисциплинарного подхода.

Таким образом, в результате совмещения в одном словаре совершенно разных пластов лексики и новаторского лексикографического описания возник абсолютно уникальный труд, с одной стороны, отразивший новую эпоху, а с другой – сохранивший – может быть, в чем-то даже спасший – лексику уходящей, а теперь уже ушедшей, эпохи. Потому-то многие современные словари создаются ныне с опорой на ТСРЯ. Редкие слова, типа *бакиштейн* ...[нем. Backstein, букв. кирпич] ‘сорт голландского сыра’ [ТСРЯ, I: 79]¹ или *валансен* ... ‘сорт кружев’² [Там же: 221] – соседствуют рядом с новыми революционными словечками, сокращенными именованиями, но-

¹ Слово повторено в ССРЛЯ [ССРЛЯ, 1: 250], но отсутствует в БАС.

² Слово есть в [ССРЛЯ, 2: 32] и в [БАС, 2: 318] со ссылкой на Ушаковский словарь.

выми лексическими сочетаниями, типа *красный обоз* [Там же: 1501], и в некоторых случаях только в этом Словаре, созданном в переходную эпоху, в момент формирования лексикона победившего класса, их и можно найти.

Пометы

Для установления границ употребления слова была разработана система помет (см. §§ 12–17 [ТСРЯ, I: XXV–XXVIII]): пометы, указывающие разновидности употребления в устной и письменной речи, устанавливающие историческую перспективу, специальные и стилистические и др.¹ Литературная норма регламентировалась при помощи помет, выполнявших функции нормативных рекомендаций (специально о помете «неправ-ильно» см.: [Шведова 2016]).

Стремясь уловить «дух переходной эпохи», отраженный в ТСРЯ, обратимся к пометам, касающимся разграничения (или даже отграничения) лексем дореволюционной эпохи от послереволюционной и указывающим на семантические и стилистические изменения.

С этой точки зрения наиболее показательны пометы «нов.» («новое») и пометы «дореволюц.» («дореволюционное») и «загр.» («за границей»). В статье М. А. Шведовой приведены подсчеты всех помет в ТСРЯ, сделанные при помощи новых технологий. Помета «нов.» встретилась 1470 раз, помета «дореволюц.» – 610 (конкурирующая с ней помета «истор.» – 1230), помета «загр.» – 142 [Шведова 2016: 111, сноска 1].

Помета «нов.»

Относительно пометы «нов.» – «новое» в § 16 вступительного раздела «Как пользоваться Словарем» сообщается, что она «означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции» [ТСРЯ, I: XXVII].

Ниже, в § 16 добавлено интересное пояснение: «этой пометой, вместе с пометой “(нов.)”, сопровождаются и те слова, которые, создавшись в эпохи мировой войны и революции, успели выйти из употребле-

ния», и в качестве примера приведены: *вик* ‘волостной исполнительный комитет’ с пометой «нов. истор.» [Там же: 292] и уже упомянутое *викжелять* [Там же] с пометой «нов. истор.». Это уже особая маркировка, отмечающая смену окраски внутри эпохи.

Е. А. Левашов приводит цифру, отличную от установленной М. А. Шведовой: согласно его подсчетам, в ТСРЯ находится 1800 позиций с пометой «нов.» (новые слова, новые значения, новые устойчивые словосочетания), что составляет около 2% словарных статей [Левашов 2001: 354]; в сборнике 1990 года «Новые слова и словари новых слов» исследователь опубликовал полный перечень лексем с этой пометой [Левашов 1990].

В самом кратком виде покажем, в каких случаях использовалась помета «нов.».

1. Обозначение новых явлений, новых званий, новых понятий, новых условий жизни и др. К недавно возникшим названиям нового вида деятельности относится, к примеру, лексема *внешкольник* (с пометой «нов.») ‘педагог – специалист по внешкольному образованию’ (соответственно, форма женского рода – *внешкольница*) [ТСРЯ, I: 318]. Расширенная помета «нов. истор.» введена также во втором значении слова *флагман* ‘... военное звание командного состава морских сил СССР’ [ТСРЯ, IV: 1088]. В эту группу, вероятно, можно отнести лексему *бомбить* с пометой «нов. авиац. арг» ‘сбрасывать бомбы при помощи прицельных приборов’ [ТСРЯ, I: 173].

2. Новые технические реалии. В эту группу входят слова, связанные с появлением автомобиля. Так сказано при описании начальной части сложносокращенных слов с первой частью (аффиксоидом) *авто-* (с пометой «нов.») со значением ‘автомобильный’: «автобаза, автодело, автозавод, автоотряд, автосклад... автотранспорт, автостроение и т. п.» [ТСРЯ, I: 9]. Из приведенного списка в ТСРЯ помещено только слово *автобаза* с пометой «нов.». Еще один омонимичный аффиксоид *авто-* (с пометой «нов.») находится «в новых сложных словах в знач. автоматический, напр. автосцепка (вагонов)» [Там же]. Само слово *автосцепка* в ТСРЯ отсутствует.

Чтобы показать, сколь непросто было сделать правильный выбор пометы (в дан-

¹ О стилистических пометах и непоследовательности их использования в толковых словарях русского языка см. [Емельянова 2002]; ср. наблюдения, касающиеся установления динамики стилистического фактора в толковых словарях русского языка [Пестова 2022: 16–19].

ном случае «нов.» при слове, обозначающем определенную, в данном случае техническую, реалию, сравним с этой точки зрения лексемы *автобус* и *авиетка* в ТСРЯ.

Займствование *автобус* не имеет пометы «нов.». Возможно, об английских автобусах было уже известно с конца XIX в. Само слово впервые встретилось в автографе Иннокентия Анненского, написанном в альбом В. В. Уманову-Каплуновскому. Составители СЯРП датируют этот автограф 1900 г.: *Как в автобусе, В альбоме этом Сидеть поэтом В новейшем вкусе* [СЯРП, I: 23]¹. В «Большой советской энциклопедии» (в первом томе 1926 г.) сказано, что первое автобусное сообщение было открыто в Москве в 1925 г.² [БСЭ, 1: 310]. Причина отсутствия соответствующей пометы неясна.

Другое займствование из французского языка *авиетка* ‘небольшой аэроплан с двигателем малой мощности’ имеет помету «нов.» [ТСРЯ, I: 8]. Специалист по истории самолетных конструкций в России В. Б. Шавров сообщил, что первый маломощный самолет (авиетка) в России был построен братьями Касяненко и испытывался в 1913 г. [Шавров 2002: 418], а по свидетельству «Большой советской энциклопедии», первая советская авиетка системы инженера Седельникова, выпущенная ленинградским заводом «Красный летчик», прошла испытание 13 октября 1925 г. [БСЭ, 1: 175].

3. Новые политические понятия. Включение пометы «нов.» к словам, обозначающим новые политические понятия, видимо, было делом непростым и регламентировалось «политической редакцией»³. Так, *большевик* и *большевизм* помечены только как «полит.», а производные *большевизация*, *большевизировать* и *большевизироваться* имеют помету «нов.». Заметим, что в первом значении лексемы *большевик* нет уточнения «ист.», хотя сведения, содержащиеся в дефиниции, относятся к 1903 г. [ТСРЯ, I: 171].

4. Новые значения. Помета «нов.» появляется во втором значении слов *броневик*

‘военнослужащий броневой части (нов. воен.)’ [ТСРЯ 1935, I: 190], *валюта* ‘иностранные деньги (нов. разг.)’ [Там же: 223] и в четвертом значении глагола *уплотнить* [ТСРЯ, IV: 962].

Если продолжить анализ представленной выше группы с лексемами группы *большевик*, то можно заметить, что прилагательное *большевистский* толкуется без какой-либо пометы, но она (помета «нов.») появляется в оттенке: ‘такой, как должно, как подобает большевику (нов.)’ [ТСРЯ, I: 171].

5. Новые производные слова. Например, с пометами («нов. истор. разг. пренебр.») приведены лексемы *учредилка*, *учредиловец*, *учредиловка* [ТСРЯ, IV: 1040–1041].

6. Новые сложносокращенные слова и аббревиатуры. Сюда относится уже указанное слово *вик* с пометой «нов. истор.» [ТСРЯ, I: 292], а также многочисленные лексемы, среди которых: *комсомол* (и производные) [Там же, I: 1430], *компартия* [Там же, I: 1426], *фабзавком* и *фабзавуч* [Там же, IV: 1047] и мн. др.

Описанию сложносокращенных слов в ТСРЯ посвящен ряд исследований [Бобунова 2018; Скребцова 2021]. По наблюдениям Т. Г. Скребцовой, в послереволюционные 20-30-е гг. происходил период наиболее активного образования сложносокращенных слов, причем для 20-х годов характерно господство слоговой аббревиации, а в 30-е происходило усиление инициальных образований, и эти несколько лет, отделявшие время создания ТСРЯ от этого периода, «позволили авторам критически оценить материал, отделить актуальное от случайного и устаревшего и выбрать оптимальный способ подачи, представляя либо слово целиком, либо отдельно его составные части» [Скребцова 2021: 149].

Заметим, что в ТСРЯ отсутствуют словарные статьи с аббревиатурами РСФСР и СССР.

7. Новые словосочетания. В постреволюционную эпоху возникло множество новых лексических сочетаний. Так, на слово *красный* отмечено шесть новых словосочетаний [ТСРЯ, I: 1501]⁴; ср. с начальным

¹ Вопреки утверждению, что первое употребление слова *автобус* принадлежит Игорю Северянину в 1912 г. [Виргинский, Хотеев 1988: 112].

² Это были 28-местные автобусы английских заводов «Лейланд».

³ Ее состав указан в первом томе ТСРЯ на последней странице раздела «От редакции».

⁴ В советское время были значимы наименования ср. прил. *красный*: в названиях населенных пунктов, колхозов, совхозов, заводов, газет, журналов, даже поездов («Красная стрела») и др. [Мокиенко, Никитина

красно- имеют помету «нов.»: *красноармеец* [Там же: 1499], *краснофлотец* [Там же: 1501].

Выстраивание четких границ между старым и новым давалось непросто. В некоторых случаях составителям не удавалось сохранить последовательность, и в результате возникали противоречия. Так, при толковании третьей позиции слова *политический* в субстантивированной форме 'лицо, имевшее отношение к политическому движению' дается помета «дореволюц. разг.» [ТСРЯ, III: 523], а рядом на соседней полосе слово *политкаторжанин* причислено к новым лексемам (помета «нов.»), хотя указан момент хронологического отсчета – до 1917 г.: 'лицо, отбывавшее до революции 1917 г. каторжные работы за революционную деятельность' [Там же: 524].

Подробнее тему использования пометы «нов.» в ТСРЯ см. в соответствующих исследованиях, часть которых была указана.

В заключение укажем на наблюдение М. А. Бобуновой, которая провела сравнение словника с пометами «нов.» в ТСРЯ и в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [БТС] и сделала вывод о том, что примерно 40% таких лексем отсутствует в современном лексикографическом издании, при этом большая часть сохранилась, «утратив новизну, свойственную первой трети XX столетия» [Бобунова 2017].

Идеологизированные дефиниции

Обстоятельства создания словаря в условиях жесткого политического контроля повлекли за собой необходимость использования идеологически маркированной лексики. Так появились идеологизированные дефиниции, касающиеся политических понятий и реалий, возникших после 1917 г. Они могли бы сопровождаться пометой «нов.», но, видимо, ее использование не было необходимым условием со стороны регламентирующей идеологическую чистоту «политической редакции», достаточно было включить в определение идеологическую лексическую маркировку, употребив в дефиниции «ключевые слова», – или со знаком «плюс» (не просто

1998: 290–291] (в этой книге на с. 291 в качестве иллюстрации помещена реклама государственного завода под названием «Красный гвоздильщик»).

предполагающие, но подчеркивающие положительные коннотации): *советский*, *социалистический*, *коммунистический*, *пролетариат* (и однокоренные), *марксист* (и однокоренные), *красный* (в составе разных лексических сочетаний) и др., или со знаком «минус» (призванные вызывать негативные коннотации): *антисоветский*, *антисоциалистический*, *буржуазный*, *империалистический*, *белый* (например, *белая эмиграция*), *черный* (*черные силы*) и др.¹

Для того чтобы вызвать негативные коннотации, использовались также некоторые пометы, например «презрит.» («презрительное»). Иногда их употребление уже совершенно не понятно современному читателю. Это относится, например, к слову *генсоветчик* 'член генерального совета, конгресса английских профсоюзов' с пометой «нов. газет. презрит.» («новое – газетное – презрительное»). Дефиниция требует привлечения дополнительной информации. Частично проясняет ситуацию цитата из публицистики 30-х годов, обнаруженная в «Викисловаре»: «В период, предшествующий срыву англо-русского комитета, генсоветчики упорно отказывались созвать АРК и недвусмысленно выступить против империалистических антисоветских замыслов правительства консерваторов»². Маркированные лексемы подчеркнуты, их наличие позволяет объяснить причину появления пометы «презрит.».

О словах *революция* и *переворот*

В контексте нашего рассуждения невозможно обойти вниманием дефиниции этих лексем.

В ТСРЯ их определения несколько отличаются, и этот факт нуждается в некотором пояснении.

Переворот 2 знач. 'резкое изменение существующего общественно-политического строя'... *Октябрьский п-ереворот* > в 1917 г. ликвидировал в России власть буржуазии и установил диктатуру пролетариата [ТСРЯ, III: 107].

¹ В эту «неодобряемую» группу попало даже слово *галантный* (с пометой «устар.») 'в буржуазной среде – изысканный, вежливый...' [ТСРЯ, I: 537].

² Б. М. Виноградов, И. О. Пушас. «Современная Польша и СССР», 1928 г. [<https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%87%D0%B8%D0%BA>] (дата обращения: 11.09.2023).

Такое толкование соответствует повсеместному названию события 1917 года, которое, по свидетельству историков, первоначально называлось исключительно *Октябрьским переворотом*¹.

Однако в дефиниции слова *революция*, помимо более пространной и идеологически строго «узаконенной» части, есть одно существенное уточнение, касающееся насильственного свержения власти, что, возможно, было, если не продиктовано, то «подсказано» формулировкой В. И. Ленина, приведенной в Словаре в качестве цитаты.

Революция ‘переворот в общественно-политических отношениях, совершаемый насильственным путем и приводящий к переходу государственной власти от господствующего класса к другому, общественно-передовому классу’ ...*Освобождение угнетенного класса невозможно... без насильственной революции...* Ленин. [Там же: 131]. Далее приводится сталинская цитата с уже принятым названием Октябрьского переворота «Октябрьской революцией».

Такое весьма значимое уточнение возникло, вероятно, под влиянием французского слова *révolution*, семантика которого изменилась от этимологического значения ‘круговорот’, восходящего к лат. *revolution*, и специального астрономического ‘вращение небесного тела’ к «политическому значению», добавившемуся во Франции в XVIII в., так что в конце XIX в. *revolution* стало употребляться «почти исключительно в значении политических изменений при помощи силы» [Будагов 2002: 165]. В. В. Виноградов посвятил подробное описание развитию семантики русского слова *переворот* и лексемы *революция*, появившейся в России в 90-х годах XVIII в., и показал, что в русской лексикографии идею «насилия» можно угадать в определении слова *переворот* во втором, алфавитном, издании САР: ‘нечаянная и сильная перемена дел и обстоятельств каких’ *Переворот французский потряс все основания государства* [САР², IV: 866; Виноградов 1994: 448–451].

Название события 1917 года *Октябрьской революцией* (не: *переворотом*) появилось в русском языке, похоже, вскоре после смерти В. И. Ленина, и оно, по-видимому,

отражает смену политической стратегии.

Обратим внимание на то, что в современных толковых словарях русского языка идея насилия в определении слова *революция* сначала сохранялась – в первом издании «Словаря современного русского литературного языка» употреблено сочетание «насильственное низвержение» [ССРЛЯ, 12: 1097], – но затем идея насилия из словарной дефиниции была исключена [Мокиенко, Никитина 1998: 517; БАС, 23: 506].

Пометы «дореволюц.» и «загр.»

Эти пометы, не получившие должного освещения в специальной литературе, заслуживают некоторого внимания.

Они объяснены в § 16 «Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта» [ТСРЯ, I: XXVII–XXVIII].

Помета «дореволюц.» («дореволюционное») использована, по подсчетам М. А. Шведовой, в ТСРЯ 610 раз, она «указывает, что слово обозначает предмет или понятие, вытесненные послереволюционным бытом: полковник, прошение, прислуга» [ТСРЯ, I: XXVIII].

Помета «загр.» («за границей») встретилась в ТСРЯ 142 раза, она «указывает, что слово обозначает предмет или явление, относящееся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств» [Там же].

В этом же разделе параграфа «Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта» находится помета «истор.», указывающая на лексику «прошлых эпох». В некоторых случаях она становится как бы «конкурентной пометой» по отношению к помете «дореволюц.». Например, сочетание *титularный советник* дано с пометой «истор.», хотя оно относится к дореволюционным реалиям: так называли гражданский чин 9 класса до 1917 г. [ТСРЯ, IV: 713].

Среди слов, помеченных как «дореволюц.», находятся названия должностей, званий, титулов, чинов и др.: *атаман*, *губернатор* (и производные), *капитан* (во 2-м и 3-м знач.), *поручик*, *присяжный поверенный* и мн. др. Объединенную помету «офиц. дореволюц.», использованную для определения слова *беспорядки*, А. Р. Пестова назвала «идеологической» [Пестова 2022: 13].

По нашему наблюдению, помета «загр.» часто соседствует с пометой «доре-

¹ Благодарю за консультацию по этому вопросу историка А. Б. Дубовицкого.

волюц.»), и в Словаре появляется объединенная помета «дореволюц. и загр.». Это титулы, звания, профессии и др.: *адвокат*¹, *барон*, *граф* (и производные) и др.; *величество* имеет три пометы: «офиц. дореволюц. и загр.» [ТСРЯ, I: 245].

Обратим внимание на одну особенность, которая достаточно последовательно выдержана в ТСРЯ, однако нечетко определена в Предисловии. Эта особенность становится очевидной при сопоставлении, например, слов *барон* (с пометой «дореволюц. и загр.») 'титулованный дворянин, занимающий в иерархии западноевропейской знати степень ниже графа' (*баронесса* имеет те же пометы) и помещенного ниже *баронет* 'в Англии титулованный дворянин, занимающий в иерархии своего класса степень ниже барона' (без пометы) [ТСРЯ, I: 91], при котором, казалось бы, также должна стоять помета «загр.». Ее отсутствие свидетельствует о том, что объединенная помета «дореволюц. и загр.» используется только по отношению к ушедшим российским реалиям, которые при этом сохранились в других странах. Если в описании иностранной реалии отсутствует помета «загр.», то в дефиниции указывается, в какой стране (или странах) она распространена, например: *лорд* 'в Англии – высший дворянский титул' [ТСРЯ, II: 90].

В некоторых случаях пометы «дореволюц.» и «загр.» (или одна из них) оказались эфемерными, утратив через некоторое время свою актуальность. Так произошло со словом *адмирал* (с пометой «дореволюц. и загр.») 'высший чин военно-морской службы, командующий военной эскадрой' [ТСРЯ, I: 16]. Совсем скоро эта лексема вновь стала актуальной: в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 г. будут установлены следующие воинские звания для высшего командного состава Военно-морского флота: *контр-адмирал*, *вице-адмирал*, *адмирал*, *адмирал флота* [ССРЛЯ, I: 55].

Столь же эфемерной оказалась помета

¹ *Адвокат* (объединенная помета «дореволюц. и загр.») 'доверенное лицо, занимающееся ведением судебных дел, поверенный' [ТСРЯ, I: 3] (однако в толковании должности *Присяжный поверенный* все же употреблено слово 'адвокат' [ТСРЯ, III: 330]). В этом гнезде *адвокатствовать* получает помету «разг.» («разговорное»), а *адвокатура* снова помечено как «дореволюц. и загр.».

«дореволюц.» при словах: *бал* 'вечер с танцами под музыку' [ТСРЯ, I: 80], *балл* во втором значении 'цифровая отметка при оценке успехов и поведения учащегося' [Там же: 82], *вилла* [Там же: 293] и др.

А некоторые лексемы с «дореволюц. и загр.» через некоторое время стали употребляться с другим значением, как слово *абитуриент* 'учащийся среднего учебного заведения, который держит выпускные экзамены' [ТСРЯ, I: 3], которое стало обозначать 'лицо, поступающее в среднее специальное или высшее учебное заведение' [ССРЛЯ, I: 14].

О смене стилистики

Исследователи отмечают неоднократную смену стилистики в русском литературном языке XIX и XX вв., последней из которых (с точки зрения 60-х годов XX в.) была «послереволюционная, советская эпоха» [Левашов 2001: 349].

Это явление представлено, например, в смене лексической стилистики церковной и высокой книжной лексики, что особенно показательно для слов с начальными *бogo-*, *благо-* и *добро-*, стилистическая окраска которых в постреволюционную эпоху оказалась резко сниженной, и лексемы этого ряда стали употребляться в шутовом или ироническом смысле. Так, слово *богоспасаемый* имеет помету «разг. шут.», при этом в квадратных скобках указан совершенно другой стилистический уровень – «первоначально: церковно-торжественный эпитет» [ТСРЯ, I: 162], а первоначально высокое литературное слово *благонаравие* получило указание на его современное ироническое употребление «книжн. устар., теперь ирон.» [Там же: 162].

Заключение

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова представляет собой уникальный лексикографический труд. Его создателям удалось отразить живой характер русского языка переходной эпохи, когда еще сохраняется лексическое наследие прошлого, однако при этом стремительно меняется словарный состав и возникает новый.

Ушаковский словарь заложил базис для формирования и развития отечественной лексикографии XX века и стал образцом высокопрофессионального филологического достижения.

Словари

- БАС – Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Т. 1–25. – СПб. : Наука, 2004–2019 (издание продолжается).
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. Т. 1–65. – М. : Советская энциклопедия, 1926–1931.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с. – URL: <http://www.gramota.ru/slovari>. – Текст : электронный.
- САР¹ – Словарь Академии Российской : в 6 частях. – СПб., 1789–1794.
- САР² – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. – СПб., 1806–1822.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
- СЯРП – Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX. – М. : Языки славянской культуры, 2001–2022 (издание продолжается).
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. эн-цикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Литература

- Бобунова, М. А. «Лексикографическая судьба» новых слов советской эпохи / М. А. Бобунова. – Текст : электронный // Ученые записки : электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 3 (26). – URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/026-002_poxxaLk.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
- Бобунова, М. А. Сложносокращенные слова в толковых словарях русского языка XX века / М. А. Бобунова // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре : материалы Международной научной конференции. – Курск : Курский гос. ун-т, 2018. – С. 208–214.
- Будагов, Р. А. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2002. – 176 с.
- Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – М. : Толк, 1994. – 1138 с.
- Виргинский, В. С. Очерки истории науки и техники 1870–1917 / В. С. Виргинский, В. Ф. Хотеевков. – М. : Просвещение, 1988. – 304 с.
- Добродомов, И. Г. Ушаков Дмитрий Николаевич / И. Г. Добродомов. – Текст : электронный // Отечественные лингвисты XX в. Ч. 3. Т–Я / отв. ред. Ф. М. Березин. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – С. 62–75. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
- Емельянова, О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания / О. Н. Емельянова. – Текст : электронный // Вестник Красноярского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2002. – № 2. – С. 139–140. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/emelyanova-02.htm?ysclid=lmnaue6rb44483521706> (дата обращения: 15.12.2023).
- Левашов, Е. А. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Слова с пометой «новое» / Е. А. Левашов // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Академия наук СССР, Институт русского языка, 1990. – С. 106–130.
- Левашов, Е. А. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова / Е. А. Левашов // История русской лексикографии. – СПб. : Наука, 2001. – С. 346–366.
- Логинова, К. А. К истокам русской неологии / К. А. Логинова, Н. П. Пеньковская // Новые слова и словари новых слов. – Л. : Академия наук СССР. Институт русского языка. 1990. – С. 102–105.
- Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин. – Текст : электронный // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228. – URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2004-1/195-228> (дата обращения: 15.12.2023).
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея: неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин. – Текст : электронный // Русская речь. – 2016а. – № 3. – С. 51–62. – URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-3/51-62> (дата обращения: 15.12.2023).
- Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин. – Текст : электронный // Мир русского слова. – 2016б. – № 1. – С. 13–22. – URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-1.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг.: борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин. – Текст : электронный // Мир русского слова. – 2016в. – № 3. – С. 27–40. – URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-3.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).

Пестова, А. Р. Стилистические пометы в толковых словарях как отражение лексико-стилистических процессов в русском языке второй половины XX – нач. XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пестова А. Р. – М., 2022. – 22 с.

Пузанкова, С. Н. Надписи 1762 года к гравюрному изображению Екатерины II: поэтика экфрасиса / С. Н. Пузанкова // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2009. – № 3 (25). – С. 254–258.

Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. – М. : Работник просвещения, 1928. – 248 с.

Скребцова, Т. Г. Новые реалии общественно-политической жизни 1920-х гг. и их отражение в русской литературе и лексикографии (на примере сложносокращенных слов) / Т. Г. Скребцова // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 146–154. – DOI: 10.26170/1999-2629_2021_02_14.

Чернышева, М. И. Структура и состав Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. / М. И. Чернышева // Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. (переиздание). Т. 2. – М. : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2002. – С. 12–46.

Шавров, В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. / В. Б. Шавров. – 5-е изд. исправл. – М. : Машиностроение, 2002. – 703 с.

Шведова, М. А. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова как этап развития русской языковой нормы / М. А. Шведова // Наукові записки. Серія «Філологічні науки». Кн. 1. – Ніжин, 2016. – С. 111–116.

References

BAS (2004–2019). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Big Academic Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–25. Saint Petersburg, Nauka.

Bobunova, M. A. (2017). «Leksikograficheskaya sud'ba» novykh slov sovetsoi epokhi [The “Lexicographic Fate” of the Soviet Era New Words]. In *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (26). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/026-002_poxxaLk.pdf (mode of access: 15.12.2023)

Bobunova, M. A. (2018). Slozhnosokrashchennyye slova v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka XX veka [Compound Words in Explanatory Dictionaries of the Russian Language of the 20th Century]. In *Epokha «velikikh potryasenii» v literature, yazyke i kul'ture: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet, pp. 208–214.

BSE (1926–1931). *Bol'shaya sovet'skaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 1–65. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.

BTS (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint. 1536 p. URL: <http://www.gramota.ru/slovari>.

Budagov, R. A. (2002). *Razvitie frantsuzskoi politicheskoi terminologii v XVIII v.* [Development of French Political Terminology in the 18th Century]. Moscow, Dobrosvet. 176 p.

Chernysheva, M. I. (2002). Struktura i sostav Slovarya Akademii Rossiyskoi 1789–1794 gg. [Structure and Composition of the Russian Academy Dictionary 1789–1794]. In *Slovar' Akademii Rossiyskoi 1789–1794 gg.* Vol. 2. Moscow, MGI im. E. R. Dashkovoy, pp. 12–46.

Dobrodomov, I. G. (2004). Ushakov Dmitrii Nikolaevich [Ushakov Dmitry Nikolaevich]. In F. M. Berezin (ed.). *Otechestvennye lingvisty XX v. Ch. 3. T–Ya*. Moscow, INION RAN, pp. 62–75. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf (mode of access: 15.12.2023).

Emel'yanova, O. N. (2002). Stilisticheskaya sostavlyayushchaya leksikograficheskogo opisaniya [The Stylistic Component of Lexicographic Description]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. No. 2, pp. 139–140. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/emelyanova-02.htm?ysclid=lmnau6pb44483521706> (mode of access: 15.12.2023).

Levashov, E. A. (1990). «Tolkovyi slovar' russkogo yazyka» pod red. D. N. Ushakova. Slova s pometoj «novoe» [“Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. Words Marked “New”]. In *Novye slova i slovari novykh slov*. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka, pp. 106–130.

Levashov, E. A. (2001). Tolkovyi slovar' russkogo yazyka pod red. D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov]. In *Istoriya russkoi leksikografii*. Saint Petersburg, Nauka, pp. 346–366.

Loginova, K. A., Pen'kovskaya N. P. (1990). K istokam russkoi neologii [To the Origins of Russian Neology]. In *Novye slova i slovari novykh slov*. Leningrad, Akademiya nauk SSSR, Institut russkogo yazyka, pp. 102–105.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (1998). *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory Dictionary of the Sovdepia Language]. Saint Petersburg, Peterburg, Folio-Press. 704 p.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya «Ushakovskogo slovarya») [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (the Background of the Ushakov's Dictionary)].

In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1 (7), pp. 195–228. URL: <https://trjano.ruslang.ru/ru/archive/2004-1/195-228> (mode of access: 15.12.2023).

Nikitin, O. V. (2016). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-3/51-62> (mode of access: 15.12.2023).

Nikitin, O. V. (2016). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba pusskogo “Lyarussa” [The Forgotten Card File, or the Fate of the Russian “Laruss”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-1.pdf> (mode of access: 15.12.2023).

Nikitin, O. V. (2016). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya «Tolkovogo slovarya russkogo yazyka» pod redaktsiei D. N. Ushakova) [Russian Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 27–40. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-3.pdf> (mode of access: 15.12.2023).

Pestova, A. R. (2022). *Stilisticheskie pomety v tolkovykh slovyaryakh kak otrazhenie leksiko-stilisticheskikh protsessov v russkom yazyke vtoroi poloviny XX – nach. XXI v.* [Stylistic Marks in the Explanatory Dictionaries as a Reflection of Lexical and Stylistic Processes in the Russian Language of the Second Half of the 20th – Beginning 21st Century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 22 p.

Puzankova, S. N. (2009). Nadpisi 1762 goda k gravyrnomu izobrazheniyu Ekateriny II: poetika ekfrasisa [Inscriptions from 1762 to the Engraving of Catherine II: The Ecphrasis Poetics]. In *Problemy istorii, filologii i kultury*. No. 3 (25), pp. 254–258.

SAR¹ (1789–1794). *Slovar' Akademii Rossiiskoi: v 6 chastyakh* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences, in 6 parts]. Saint Petersburg.

SAR² (1806–1822). *Slovar' Akademii Rossiyskoi po azbuchnomu poryadku raspolozhennyi: v 6 ch.* [Dictionary of the Russian Academy of Sciences According to the Alphabetical Order Located, in 6 parts]. Saint Petersburg.

Selishchev, A. M. (1928). *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era. From Observations on the Russian Language in Recent Years]. Moscow. 248 p.

Shavrov, V. B. (2002). *Istoriya konstruktii samoletov v SSSR do 1938 g.* [The History of Aircraft Designs in the USSR before 1938]. 5th edition. Moscow, Mashinostroenie. 703 p.

Shvedova, M. A. (2016). «Tolkovyi slovar' russkogo yazyka» pod redaktsiei D. N. Ushakova kak etap razvitiya russkoi yazykovoi normy [“Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov as a Stage of the Russian Language Norm Development]. In *Naukovi zapyski. Seriya “Filologichni nauky”*. Book 1. Nizhyn, pp. 111–116.

Skrebtsova, T. G. (2021). Novye realii obshchestvenno-politicheskoi zhizni 1920-kh gg. i ikh otrazhenie v russkoi literature i leksikografii (na primere slozhnosokrashchennykh slov) [New Socio-Political Life Realities of the 1920s and Their Reflection in Russian Literature and Lexicography (Using the Example of Compound Words)]. In *Politicheskaya linguistika*. No. 2 (86), pp. 146–154. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_02_14.

SSRLYA (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language, in 17 vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.

SYARP (2001–2022). *Slovar' yazyka russkoi poezii XX veka* [Dictionary of the Russian Poetry Language of the 20th Century]. Vol. I–IX. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury.

TSRYA (1935–1940). Ushakov, D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Moscow, Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsyklopediya», OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.

Vinogradov, V. V. (1994). *Istoriya slov* [The History of Words]. Moscow, Tolk. 1138 p.

Virginsky, V. S., Khoteev, V. F. (1988). *Ocherki istorii nauki i tekhniki 1870–1917* [Essays on the History of Science and Technology 1870–1917]. Moscow, Prosveshchenie. 304 p.

Данные об авторе

Чернышева Маргарита Ивановна – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия).

Адрес: 119019, Россия, г. Москва, Волхонка, 18/2.

E-mail: chernysheva@bk.ru.

Author's information

Chernysheva Margarita Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Chief Scientific Officer, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Дата поступления: 02.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 02.10.2023; date of publication: 30.12.2023

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ: ПО СТРАНИЦАМ «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»

УДК 811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

НЕОЛОГИЗАЦИЯ ЯЗЫКА В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ «УШАКОВСКОГО СЛОВАРЯ»

Леонтьева Т. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>
SPIN-код: 6865-4315

Щетинина А. В.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>
SPIN-код: 2159-6533

А н н о т а ц и я . Рассматриваются процессы неологизации языка в свете лексикографических тенденций, актуализирующихся в условиях культурных сдвигов в России в начале XX и XXI веков. Материалом для исследования послужили слова с пометой «новое», зафиксированные в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить тенденции неологизации русского языка, репрезентированные в исследуемом словаре, на фоне лексикографической традиции описания фонда актуальных и новых слов, получившей отражение в многочисленных лексикографических источниках неологизмов, проникших в русский язык в XXI веке. Методом сплошной выборки слов с пометой «новое» и идеографической реконструкции лексико-семантических множеств были составлены группы неологизмов, которые отражают реалии политического и государственного управления, социального воздействия, культурной и образовательной сфер, производственной и сельскохозяйственной деятельности, экономики и предпринимательства, военной службы, быта, то есть различных областей жизнедеятельности человека, живущего в первые десятилетия XX века, в период строительства нового пролетарского государства. Установлено, что активно появляются новые слова в социально-политической сфере и производственной деятельности в стране, менее всего представлены в новой лексике факты бытовой сферы. Отчасти схожая тенденция отмечается в начале XXI века, однако, если для новой лексики первых десятилетий жизни советского государства была характерна семантика коллективизма, то языку новейшей истории свойственны индивидуалистические смыслы. Это проявляется в активном заимствовании англицизмов из области психологии отношений, самопознания и саморазвития, персональных интересов человека, которые объединяют людей в субкультурные сообщества и определяют особенности их образа жизни. Об актуальности новых слов, их укоренении в языковой системе свидетельствуют деривационные связи, которые реализуются в образовании от новых слов целых словообразовательных гнезд, цепочек или пар, среди которых примечательно создание феминитивов. Выявлено, что процессы словообразовательной и семантической деривации имеют сходные тенденции в процессе появления новых слов в начале как XX, так и XXI веков.

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS:
BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Ключевые слова: толковый словарь; новые слова; неологизация языка; идеографическая реконструкция; словообразовательная деривация; семантическая деривация

Для цитирования: Леонтьева, Т. В. Неологизация языка в свете лексикографии: по материалам «Ушаковского словаря» / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 58–71. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71.

**LANGUAGE NEOLOGIZATION IN LEXICOGRAPHY:
BASED ON USHAKOV'S DICTIONARY**

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Abstract. The study looks at the processes of the Russian language neologization in the light of lexicographic trends actualized in the situation of cultural shifts in Russia at the beginning of the 20th and 21st centuries. The material under examination includes words marked as “new” in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. The aim of the study is to identify the trends of neologization in the Russian language represented in the dictionary, against the background of the lexicographic tradition of describing the fund of current and new words, which has been reflected in numerous lexicographic sources of neologisms that penetrated into the Russian language in the 21st century. Using the method of continuous sampling of words marked as “new” and via ideographic reconstruction of lexico-semantic sets, neologisms are sorted into groups that reflect the realities of political and state governance, social impact, cultural and educational spheres, production and agriculture, economy and business, military service, everyday life, i.e., the areas of life of the people who lived in the first decades of the 20th century during the period of construction of the new proletarian state. It has been found that new words actively emerge in the socio-political sphere and production activities in the country, while facts of everyday life are least represented in the new lexicon. A partly similar trend is observed at the beginning of the 21st century, but if for the new lexicon of the first decades of Soviet statehood, semantics of collectivism was more characteristic, the language of recent history is characterized mostly by individualistic meanings. This is manifested by the active borrowing of Anglicisms from the field of psychology of relationships, self-awareness and self-development, personal interests of man, which unite people into sub-cultural communities and determine the specific features of their lifestyle. The relevance of new words and their rooting in the language system are corroborated by derivational links, which are realized in the formation of whole word-formation paradigms, chains or pairs from neologisms, among which the creation of feminatives is particularly noteworthy. It has been revealed that the processes of word-forming and semantic derivation have similar trends in the process of the emergence of new words at the beginning of both the 20th and 21st centuries.

Keywords: explanatory dictionary; new words; neologization of language; ideographic reconstruction; word-formation derivation; semantic derivation

For citation: Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. Language Neologization in Lexicography: Based on Ushakov's Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 58–71. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-58-71.

Введение

Слова, вошедшие в русский язык в начале XX века, и языковые единицы, появившиеся в начале XXI века, имеют общие модели словообразовательной и семантической мотивации как неологизмы, отражающие тенденции социально-политического, экономического, культурного

развития страны и повседневной жизнедеятельности человека. Указанные два периода имеют сходство в том отношении, что в условиях глубинных культурных сдвигов (первый был обусловлен революционными событиями и сменой государственного политического режима, второй – технологической революцией, кардинально изме-

нившей коммуникацию в обществе) началось интенсивное обновление словарного состава языка ввиду появления новых и трансформации старых реалий. Эти процессы не могли не вызвать интерес у лингвистов, получив отражение в научных исследованиях, см. об этом [Селищев 1928; Иванов и др. 1932 и др.], в том числе в лексикографических. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), составление которого началось в 1928 году, представляет собой попытку «отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» [ТСРЯ т. 1: 9], поэтому включает в себя значительное количество новых слов, выражений и их значений: первый том – 664, второй – 343, третий – 522, четвертый – 835 (эти языковые единицы имеют в словаре помету «нов.»). Издание словаря «стало событием не только в научной и общественной жизни страны, но и большим культурным явлением» [Никитин 2016: 52].

В свою очередь активно издаваемые словари неологизмов XXI века, которые увидели свет в последние двадцать лет [Григоренко 2009; Захаренко и др. 2003; Катлинская 2008; Крысин 2009; Леонтьева и др. 2021; Окунцова 2009; СРЯКЭ 2021; СЯИ 2016; Толковый словарь... 2008; Шагалова 2011; Щетинина 2022 и др.], дополняя новыми языковыми фактами традиционно представленные в толковых словарях XX века лексико-семантические множества (в частности, имеющиеся в ТСРЯ группы политической, экономической, религиозной, бытовой и др. лексики), фиксируют также языковые единицы таких тематических объединений, которые не были отражены в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в других лексикографических источниках XX века. Эти неологизмы маркируют реалии нового времени – эпохи развития страны после распада СССР, времени интенсивного развития компьютерных технологий, появления новых форм коммуникации, в том числе в результате возможностей, которые дает Интернет, повышенного внимания личности человека, а также к его внешнему виду и др. Приведем несколько примеров ре-

презентации в современных словарях XXI века тенденций неологизации языка и актуализации определенных групп лексики и языковых процессов.

«Толковый словарь русского языка начала XXI века» под редакцией Г. Н. Складчиковской включает в себя языковые единицы и их значения, актуализировавшиеся в русском языке за несколько кризисных для жизни страны десятилетий. Среди таких слов и выражений можно выделить номинации фактов, связанных с молодежными субкультурами (*байк-клуб, граффитист, диггер, флешмоб* и др.), способов ухода за лицом и телом (*автозагар, мелировать, скраб* и др.), паранормальных явлений (*гуманоид, контактерский, экстрасенс* и др.) и др. [Толковый словарь... 2008: 6]. В аннотации к словарю отмечается, что в данном лексикографическом источнике «нашли отражение наиболее существенные языковые процессы последних годов XX – начала XXI в., оказавшие влияние на становление русского языка и сформировавшие языковое сознание современников», при этом из 8500 слов и устойчивых выражений «многие... впервые представлены в лексикографии» [Там же: 4].

«Словарь языка Интернета.ru» под редакцией М. А. Кронгауза (далее – СЯИ) объединяет языковые факты, используемые участниками интернет-коммуникации в процессе общения друг с другом, так называемую сетевую лексику (*анон, бомбануло, нзч, норм, свидетель из Фрязино, савж* и др.). С точки зрения составителей словаря фиксация таких языковых единиц имеет большое значение, поскольку «раньше границы между сетевым жаргоном и всем остальным были понятны и строги», а в настоящее время «Интернет и реальность (реал) сошлись и смешались, что неизбежно влияет и на язык» [СЯИ 2016: 5].

«Словарь русского языка коронавирусной эпохи» (далее – СРЯКЭ) санкт-петербургских исследователей фиксирует неологизмы, появившиеся в результате и во время пандемии COVID-19 (*антимасочник, барановирус, изоляция, индофемия, коронакризис* и др.). 3500 слов и выражений называют новые реалии, потрясения от которых, по словам авторов книги, «оказались настолько шокирующими для обще-

ства, что русский язык (как и другие языки мира) мгновенно отреагировал на эти процессы, создав за несколько месяцев 2020 года такой массив новаций, который в количественном отношении можно сравнить, пожалуй, с языковой динамикой революционной эпохи или периода перестройки» [СРЯКЭ 2021: 3].

Словари, разработанные авторами данной статьи, включают в себя группы слов, называющие инструменты, виды и способы интернет-коммуникации (*паблик, стриминг, инфлюенситель, квестовый, клубничный бунт* и др.), особенности психологического взаимодействия (*буллинг, неглектить, душный, ламповый* и др.), модные движения и образ жизни их сторонников (*нормкор, зожник, фриганить* и др.) и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]. Значительную часть словников этих лексикографических источников занимают англицизмы, что, как отмечает автор предисловия к обеим книгам В. М. Мокиенко, объективно отражает тенденции заимствования в современном русском языке: «Греки, татары, голландцы, немцы, французы... кто только не оставил своих следов в нашей языковой системе. А ныне пришел черед англицизмов-американизмов, и они интенсивно внедряются в эту систему, ускоряя процесс ее развития, и в то же время подвергаются такому «обрусению», что первоисточник далеко не всегда опознаваем» [Мокиенко и др. 2021: 4].

Таким образом, можно говорить об общей тенденции активного пополнения языка новыми словами в начале обоих изучаемых периодов. И если в XXI веке развитие лексикографии и новых технологий позволяет ученым работать довольно интенсивно и создавать словари за короткий срок и в разных направлениях (универсальные толковые словари, тематические, идеографические, словари синонимов, антонимов и др.), то словарь, составленный Г. О. Винокуром, Б. А. Лариним, С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским и Д. Н. Ушаковым (под редакцией последнего), представляет собой уникальный лексикографический источник, который, по словам Л. П. Крысина, «долгое время служил и сейчас продолжает служить прекрасным справочником и по части значения слов и

их употребления и произношения, и по части грамматики, и по многим другим вопросам повседневной речевой практики» [Крысин 2004: 529]. Ученый отмечает: несмотря на то, что «русская лексикография к двадцатым годам нашего [XX] столетия имела достаточно богатую традицию в области создания толковых словарей», они «плохо удовлетворяли новым условиям, в которых оказался русский язык после революции. Ломка старой социальной системы, переустройство общества, многочисленные нововведения получали отражение в лексике», поэтому многими языковедами осознавался факт, «что нужен новый толковый словарь, который отразил бы все эти новшества и в то же время упорядочил бы их в соответствии с требованиями литературной нормы» [Там же: 530].

В этой связи представляют интерес как тематическая принадлежность новых слов к определенным лексическим группам, так и деривационные, а также грамматические характеристики неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. С этих позиций мы проанализируем лексику, зафиксированную в данном источнике с пометой «новое», означающей, «что слово или значение возникло в русском языке в эпоху мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)» [ТСРЯ, т. 1: XXV] на фоне тенденций появления новых слов в первые десятилетия XXI века – более поздний период, на который также приходится интенсивное обновление лексики и фразеологии русского языка.

Лексико-семантические множества неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова на фоне современной лексикографической практики

Анализ лексико-семантических характеристик новых слов позволил выделить ряд идеограмм, которые объективируют знания носителя языка о различных фрагментах окружающего мира, в частности, отражают новые тенденции жизни советского социума в начале XX века. Каждая идеограмма в свою очередь объединяет языковые факты, имеющие в ассертивной зоне значения общие семантические компоненты. Мы выявили ряд номинативных множеств, которые отражают реалии

– *политической жизни и государствен-*

ного управления, например, «политическое устройство» (*автономия*), «название государства» (*лимитроф*), «характеризующий политическое устройство» (*общесоюзный, общереспубликанский*), «государственный орган» (*палата*), «партийная организация» (*партком, партактив, партгруппа, партколлегия, парторган, партиячейка, партикола*), «член партийной организации» (*партиец, партработник*, сущ. *партийный, партийная*), «партийный документ» (*партбилет*), «партийное наказание» (*партвызыскание*), «партийное требование» (*партдисциплина, партминимум*), «партийное мероприятие» (*партконференция, партсобрание, партсвезд*), «политическое влияние» (*большевизация*), «сторонник политического учения» (*ленинец, ленинка, большевик*), «сделать сторонником» (*обольшевичить*), «направленный против религии» (*антирелигиозник, безбожник*), «выступающий против советской власти» (*белогвардеец, белоэмигрант, левак, невозвращенец, перерожденец, перерожденка*), «выступление против советской власти» (*перерождение, перерожденчество*), «политические взгляды» (*левачество, ленинизм*), «подвергшийся наказанию» (*лишенец, лишенка*), «право на управление» (*мандат*), «национальность, народность» (*мариец, марийка*), «государственный праздник» (*Первомай*) и др.;

– **социального взаимодействия**, например, «организация» (*агитпроп, актеатр, батрачком, местком, наркомат, обком, партком, партактив*), «деятельность, движение» (*пионерия, пионерство*), «член организации, движения» (*пионер, октябренок*), «человек, приукрашивающий, преувеличенно восхваляющий социальную действительность» (*ал(л)илуищик, лакировщик*), «передовая часть общества, группы» (*актив*), «представитель передовой части общества» (*активист, общественник*), «представитель социальной группы» (*бедняк, безошадник, беспризорник, беспартийный*), «сотрудник, работник» (*аспирант, бетонщик, лесник, ликбезник, милиционер, милиционерка, напарник, областник, пищик*), «собрание» (*летучка, партсобрание*), «организация работы» (*непрерывка, перекличка, перестройка*), «распоряжаться, пользоваться» (*маневрировать*), «мероприятие» (*массовка*), «средства массовой информации» (*массовка, многотиражка*), «характеризующий продукт, результат деятельности»

(*несогласованный*), «характеризующий тип работы» (*низовой*), «особенность образа жизни» (*обрастание*), «вредитель» (*перегибщик, перестраховщик*), «оказать воздействие на человека» (*перековать*), «стать лучше кого-нибудь» (*презойти*), «вызывать неодобрение своим поведением» (*перестраховаться*) и др.;

– **сельскохозяйственного и производственного развития**, например, «знания, необходимые для ведения сельского хозяйства» (*агромаксимум, агроминимум*), «материалы для производства» (*пиломатериалы*), «продукт производства» (*блюмс, Лампочка Ильича, лярд*), «предприятие» (*лесозавод*), «технологический, производственный процесс» (*машинизация*), «осуществить производственное действие» (*первооружить, первооружиться, перевыполнить*), «оборудование» (*банкоброш*), «связанный с оборудованием» (*машинно-тракторный*), «положительный результат работы» (*перевыполнение*), «негативный результат работы» (*недовыпуск, невыработка, недоучет, неполадка*), «сельскохозяйственный процесс» (*мясозаготовка, овощеводство, озимизация*), «торговая, промышленная, с/х организация» (*многолавка, мясовоход, овцесовхоз*), «вид производства» (*пищевкусовой*) и др.;

– **экономики и предпринимательства**, например, «денежная единица» (*лат, николевка*), «превращенный в деньги» (*ликвидный*), «вид измерения» (*листаж, метраж, норматив*), «экономическое преступление, нарушение» (*мешочничество*), «экономическая политика» (*НЭП*), «относящийся к экономической политике» (*нэпманский*), «предприятие» (*однолавка*) и др.;

– **культурной жизни**, например, «произведение искусства» (*боевик*), «технология в кинопроизводстве» (*напыль, озвучивание*), «прием в искусстве» (*переключение*), «учреждение» (*передвижка*), «сотрудник» (*передвижник*) и др.;

– **спорта**, например, «вид спорта» (*парашютизм*), «спортсмен» (*парашютист, парашютистка, планерист*), «спортивный аппарат» (*планер*) и др.;

– **образовательной системы**, например, «образовательное учреждение» (*ликпункт, педвуз, пединститут, педтехникум, педучилище, педфак*), «характеризующий образование» (*неполный, обществоведческий*), «ученик»

(октябрёнок), «сотрудник образовательной организации» (*педагог*), «официально осуждаемая теория образования» (*лабораторный метод*) и др.;

– **военной сферы**, например, «воинское звание» (*лейтенант, младший лейтенант, старший лейтенант*), «военнообязанный» (*одногодичник, переменник*), «морское военное судно» (*авианосец, линкор*), «действующий определенным образом с военной целью» (*наземный*), «оружие» (*обрез*), «оружейный аксессуар» (*патронташ*), «перерыв в вооруженной борьбе» (*передышка*), «одежда» (*гимностерка, пилотка, буденовка*) и др.;

– **быта**, например, «вид мебели для отдыха и лечения» (*лежак*), «одежда» (*май-ка*), «прическа» (*перманент*), «место отдыха» (*азарий*).

Анализ приведенных примеров лексико-семантических множеств показывает, что идеограммы наполняются лексическими репрезентантами неравномерно. Наиболее активно появляются новые слова в сферах политики и государственного управления (реалии партийных отношений, политические учения, их сторонники и противники), социальных отношений (работа, социальные группы, члены социальных групп, их взаимодействие) и производственной деятельности в стране (сельское хозяйство, промышленность); менее всего идеограмм и их репрезентантов отражают факты бытовой сферы.

Анализ новых слов, появившихся в XXI веке, позволяет выделить две тенденции актуализации и неологизации лексикона, отраженных в лексикографических источниках разных типов. Первая связана с пополнением уже имеющихся лексико-семантических множеств новыми лексемами и идиоматическими выражениями. Так, в «Толковом словаре...» под редакцией Г. Н. Складневской «те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют сознание современников», среди которых представлена лексика сфер, репрезентированных и в ТСРЯ: политика, социальное устройство, идеология, экономика, армия, охранительные органы, культура, религия, одежда [Толковый словарь... 2008: 6]. Слова из указанных сфер представлены практически во всех словарях новой лексики как

языковые единицы, появляющиеся в связи с переменами в государстве и обществе. Приведем несколько примеров пополнения представленных в ТСРЯ групп лексики из разных современных источников: **политическое устройство, управление**: авторитаризм, аппаратный, аппаратчик, забюрократизированный, переговорщик, перестроечник [Толковый словарь... 2008], неоконь, триколор, шахид [Шагалова 2011], бизнес-элита, еврокомиссар, псевдодемократ, политический технолог [Григоренко 2009]; **институциональный конфликт и единение**: антиперестроечник, антирыночник, антифа, биотеррорист, полевой командир, скинхед [Григоренко 2009]; **твиттер-революция, оранжевая революция, ватник, вежливые люди, военный диалог, крымнашизм, крымнашист, демонстрация протеста, иноагент, агент влияния, антиглобализм, глобализм** и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]; **социальное взаимодействие**: забугорник, нельготник, спонсорство, оператор [Толковый словарь... 2008], имиджмейкер, клонировать, офис [Крысин 2009], инсайдер, стартап, тьютор, фрикер, фрилансер [Шагалова 2011], зожник, нормкорский, зацепер, информационный шум, токсичность [Щетинина 2022], бизнес-тусовка, бутылочник, вип-гость, ночная бабочка, верхний средний класс, неохиппи [Григоренко 2009]; **экономика, финансы**: банкротство, госбюджетный, импортное, реинжиниринг [Толковый словарь... 2008], ваучер, дилер [Крысин 2009], аутсорсинг, транш, трейдер, факторинг, хеджирование [Шагалова 2011], соинвестор, челнок, джоббер [Григоренко 2009]; **производство, сельское хозяйство**: агрохолдинг, агроэкологический, взаиморасчеты, взаимоплатежи, [Толковый словарь... 2008], агролобби, агропромышленник, агроэколог [Григоренко 2009]; **хаб, холдинг, хостер**, [Шагалова 2011], **культура**: дефиле, диджеить, трек, кантри, кавер-версия [Толковый словарь... 2008], оригами, ревю, пен-клуб [Крысин 2009], буккроссинг, комиксист, соул-группа, толкенист [Григоренко 2009]; **нон-фикшн, нью-рейв, трейлер, трибьют, фэйс-арт, фронтмен** [Шагалова 2011], **спорт**: вейкборд, дайвинг, мототриал, форвард, хет-трик [Толковый словарь... 2008], велоэргометр, могул, моториал, слип-стрим [Шагалова 2011], воркаут, скейт-парк, допинг-скандал, мельдонийгейт [Щетинина 2022]; **военные, силовые структуры**

ры: *альтернативщик, афганец, контрактник, силовик* [Григоренко 2009]; **бытовые реалии:** *аяска, бандана, органза, мелировать* [Толковый словарь... 2008], *джакузи, нубук, угги, фреш, хамам* [Шагалова 2011].

Вторая тенденция неологизации лексики обусловлена появлением новых понятий и, следовательно, новых групп слов и выражений, их называющих, то есть в ее рамках описываются фрагменты языковой картины российской действительности, которые ранее отсутствовали. Так, интенсивное развитие компьютерных технологий обусловило появление значительного количества номинаций **различных устройств, сервисов, платформ:** *веб-таксофон, видак, СД-диск, сервер, тамагочи, телеприставка* [Толковый словарь... 2008], *медиаплеер, мультиплеер, смарт-бук, смартфон* [Шагалова 2011], *аккаунт, билборд, веб-сайт, девайс, гаджет* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022], **технологических процессов:** *веб-дизайн, взломать, медиа-баинг, оффлайнный, троян* [Толковый словарь... 2008], *вишинг, моддинг, мульти-тач, спам* [Шагалова 2011], *смишинг, фарминг, фишинг* [Щетинина 2022], **мероприятий:** *видеоконференцсвязь, телемост, телеконференция* [Толковый словарь... 2008], *воркиноп, спид-дейтинг* [Шагалова 2011], *активность, вебинар, квест, питч-сессия* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022], **составляющих специфической коммуникации (социальной, деловой, психологической в реальном и виртуальном пространствах):** *ламо, ламер, флеш-моббист, теледебаты* [Толковый словарь... 2008], *вип-гость, гербалайфщик, колл-гёрл, лайфхакер* [Григоренко 2009], *видеоподкаст, моджигейт, мониторинг, стейдж-дайвинг* [Шагалова 2011], *аккаунт, амбассадор, блог, буллинг, влог, деанонить, месседж, скроллинг, тролить, флеймить* [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022].

Кроме того, смена идеологических установок в стране, переход к капиталистической форме управления экономикой во многом обусловили формирование нового типа гражданина как грамотного потребителя и, следовательно, личности, ориентированной на свои индивидуалистические потребности, что повлекло за собой появление целого пласта лексики, отражающего психологические особенности, проблемы, особенности поведения

современного человека. Советскому социуму в первой половине XX века, занимающегося «все более и более развертывающимся социалистическим строительством» [ТСРЯ, т. 1: 9], такое повышенное внимание к личности было не свойственно, поскольку приоритет отдавался коллективу, что получило отражение в новой лексике. Анализ примеров лексико-семантических множеств, представленных в ТСРЯ, показывает, что у большей части слов, значения которых лежат в семантической области «взаимодействие людей», в ассертивной зоне значения и на ближней периферии представлены компоненты, выражающие семантику коллективизма, при этом ориентированного на деловое, политическое, производственное, то есть институциональное взаимодействие, см., например, новые для того периода номинации представителей определенных социальных групп: *бедняк, безошадник, активист, общественник, пионер, октябренок, партиец, ленинец* и др. Мы не выявили в ТСРЯ слов, которые бы обозначали принадлежность к неформальной организации, объединяющей людей в соответствии с их индивидуальными интересами. Напротив, в современных неологизмах семантика коллективного отражает преимущественно стремление к удовлетворению через приобщение к группе личных потребностей и интересов, к получению удовольствия, привлечению внимания, часто с целью получения выгоды, сравним, например: репрезентантов идеограмм с семантикой сторонников или участников какой-либо политической или общественной организации, движения с учетом образования пар мужского и женского рода (*античойсер / античойсерка, пролайфер / пролайферка* и др.; *ватник, крымнашист, соцфемка, зеленые* и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]) менее 30, а неологизмов, называющих участника субкультуры, модного движения и др., более 50 (*зожник, геймер, фриган, косплеер, винишкотян, анимешник, хипстер* и др. [Там же]), а если добавить в эту группу лидеров мнений (*ЛОМ, инфлюенсер, икона стиля* и др. [Там же]), представителей поколений (*снежинки, альфы, карантинейджеры* и др. [Там же]), чьи индивидуальные характеристики также учитывают, например, в маркетинге, ре-

кламе, торговле и др., то группа составит более 100 единиц, то есть в несколько раз больше, чем номинаций сторонников социально-политической активности.

Внимание к психологии человека породило актуализацию номинаций, связанных смежличностными отношениями в группе (рабочий коллектив, неформальная компания или семья), преимущественно конфликтными (*абьюзить, моббинг, буллинг, газлайтинг, сталкер, груминг* и др. [Там же]), а также с внутренними психическими процессами, которые составляют для части общества основу образа жизни (*осознанность, дауншифтинг, прокрастинация, сейфизм* и др. [Там же]). Закономерно, что такого типа лексика отсутствует в ТСРЯ, характеризующем (в силу задач, поставленных перед составителями этого словаря) жизнь общества, основанного на идее коллективизма.

Кроме того, материалы ТСРЯ свидетельствуют о том, что в тот период (в начале XX века) не состоялось обновление лексики ряда тематических групп, которые спустя столетие, в начале XXI века, существенно расширились, пополнившись новыми единицами. Это слова, соотносительные (1) с уфологической областью (паранормальными явлениями), например: *вампиризм, контактёрский, полтергейст* [Толковый словарь... 2008]; (2) сексуальной сферой, например: *вуайеризм, лав-парад, плейбой, свингерство, транссексуал, унисекс* [Шагалова 2011]; (3) различными музыкальными направлениями, например: *лаунж, лэнд-арт, рэп, саунд-арт* [Там же]; (4) со сферой моды, красоты и стиля, например, *лайт-лифтинг, саронг, татуаж, трендсеттер, фанго, фэшн* [Там же]; (5) с маркетингом и рекламой, например: *директ-маркетинг, копирайтинг, таргет, креатор* [Там же] и некоторыми другими.

Таким образом, словарь лексикографического источника является своего рода гипертекстом, репрезентирующим языковую картину мира социума в определенные периоды. Более того, анализ новой лексики, зафиксированной в словаре, позволяет увидеть новые реалии, появившиеся в описываемое время, в том числе источники их номинации в начале XX века. Так, «революционные деятели при обсуждении тех

или иных вопросов общественно-политической жизни вводят в речь много терминов, имевших до того времени ограниченный круг своего распространения, вращавшихся в среде книжной, философской, в среде политико-экономистов и социологов. Среди этих терминов большое количество приходится на заимствованные слова. Много заимствований введено» [Селищев 2003: 69]. Изучение неологизмов постсоветского периода (первой четверти XXI века) показывает, что язык характеризуется, как видно из приведенных примеров, большим количеством англицизмов, особенностью заимствования которых объясняется, по мнению И. Б. Левонтина, тем, что «н[Н]аше хроническое технологическое отставание и догонялки, а с другой стороны – наша склонность к культурной и языковой рефлексии приводит к тому, что именно для русского языка особенно характерно возникновение дурацких на первый взгляд словечек, в которых так точно схвачена суть цивилизационных сломов» [Левонтина 2016: 43].

Деривационный потенциал неологизмов в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова и в современной лексикографии

Актуальность новых лексем можно установить путем анализа их деривационного потенциала, который демонстрирует каждое слово – это не единственный, но показательный метод оценки глубины вхождения неологизма в языковую практику, закрепления его в языке. Изучение материала ТСРЯ позволяет выделить модели морфологического и семантического словообразования новых языковых единиц.

(1) Неологизмы, зафиксированные группой, включающей цепочки производных единиц словообразовательного гнезда, созданных на разных ступенях от уже имеющегося исходного слова или от непроизводной новой единицы. Например, от уже известного ранее прилагательного *активный*, не имеющего пометы «новое», образованы неологизмы-дериваты на первой ступени: *актив, активизировать*; на второй: *активист, партактив, профактив, активизироваться, активизация*; на третьей: *активистка, активистский* [ТСРЯ, т. 1: 24; Тихонов 1990: 63–64]. В «Словообразовательном словаре русского языка» под ре-

дакцией А. Н. Тихонова, изданном в конце XX века, насчитывается уже более 50 дериватов в гнезде с вершиной *активный* [Тихонов 1990: 63–64]. Также не имеет пометы «новое» лексема *кустарь*, однако оно становится вершиной словообразовательного гнезда, на первой ступени деривации мотивируя создание словообразовательной цепочки *кустарничать, кустарничество*, а на второй ступени – *кустарный, кустарно, кустарность, кустарщина*. В настоящее время в гнезде зафиксировано 14 слов [Там же: 516]. Между тем новые слова также могут мотивировать образование новых дериватов: вершинное слово гнезда – полисемант *звено* с пометой «новое» – в 2-х ЛСВ имеет компоненты ‘самая мелкая ячейка’, ‘группа’, ‘составная часть’, которые мотивируют образование производных, зафиксированных с пометой «новое»: *звеновой* (прил.), *звеньевой* (прил.) (первая ступень), *звеновой* (сущ.), *звеньевой* (сущ.), *звеновик, звеноорг* (вторая ступень). В настоящее время данное гнездо включает в себя 11 дериватов [Там же: 365].

Новая лексика в XXI веке имеет ту же тенденцию образования дериватов в тех случаях, когда исходное слово приобретает популярность, например, группами заимствуются производные единицы от названий форм насилия: *абьюз, абьюзер, абьюзить, абьюзерша, абьюзерить, абьюзерский, абьюзивный, абьюзинг, абьюзить, абьюзмент* [Леонтьева и др., 2021: 27–36]; коммуникации в Интернете: *деанон, деанонер, деанонимизация, деанонимизированный, деанонимизировать, деанонить, деанонщик* [Там же: 138–146] и др.

(2) Неологизмы, составляющие группу из 3-х единиц, образованных на разных ступенях, где мотивирующим является существительное, называющее лицо мужского рода, а мотивированным – существительное женского рода и прилагательное: *алиментщик, алиментный* (первая ступень), *алиментщица* (вторая ступень); *культурник* (первая ступень), *культурничество, культурнический* (вторая ступень); *милиционер* (первая ступень), *милиционерка, милицейский* (вторая ступень); *буржуй* (первая ступень), *буржуйка, буржуйский* (вторая ступень) и др.

(3) Неологизмы, образующие словообразовательную пару по роду, широко пред-

ставлены в словаре ТСРЯ. По нашим наблюдениям, большая часть новых существительных мужского рода образует пару женского рода посредством разных формантов, например, *-иц/-щиц-*: *алиментщик – алиментщица, антирелигиозник – антирелигиозница, внешкольник – внешкольница, дошкольник – дошкольница, -к-/очк-*: *батрак – батрачка, бедняк – беднячка, буржуй – буржуйка, бузотёр – бузотёрка, втузовец – втузовка, вузовец – вузовка, выдвигенец – выдвигенка, гражданин – гражданочка, киноартист – киноартистка, ленинец – ленинка, лишенец – лишенка, мариец – маришка, милиционер – милиционерка, национал – националка, нацмен – нацменка, операционист – операционистка; -ис-*: *киноактер – киноактриса; -ш-*: *нэпман – нэпманиша* и мн. др.

Можно предположить, что активность образования слов женского рода связана с возросшей ролью женщины, ее участием в новых социальных процессах. В то же время новые лексемы, называющие участников, например, контрреволюционной борьбы против советской власти (*бандит, басмач, белоземгрант* и др.), встречаются редко (*белогвардеец – белогвардейка*), они не показывают системы в образовании пар женского рода, возможно, потому, что участие женщин в контрреволюции было менее значительным, чем мужчин. Также не образуют пары по роду некоторые названия мужских занятий, профессий, должностей (*бетонщик, движенец, деловик, деловод, деревообделочник, директор, мешочник, напарник, областник*), социально-экономического статуса (*безлошадник, единоличник*), военных специальностей (*военком, военкор, генштабист, главком, допризывник, единоначальник, одногодичник*).

В целом ТСРЯ демонстрирует тенденцию парного образования новых слов по категории рода, при этом самым продуктивным формантом является суффикс *-к-*. Данная тенденция, а также образование феминитивов посредством аффикса *-ш-*, *-иц-* наблюдаются и в речи людей начала XXI века, что и фиксируют словари: *авторка, амбассадорка, блогерка / блогерша, бодишеймерша, влогерка / влогерша, зожница, каучсёрферка / каучсёрферка, ивентка / ивентерша, инфлюенсерка / инфлюенсерша, модераторка / модераторша, нормкорщица, селфист-*

ка, сетянка, стримерша, фриганка, фрилансерка / фрилансерша, и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]. Однако данные феминитивы маркируются как жаргонные или просторечные единицы, их употребление не является нормативным. Станут ли они узуальными, покажет время. Отметим, что если в ТСРЯ феминитивы с семантикой, связанной с насилием, протестом, преступлением, антигосударственной деятельностью, единичны (*белогвардейка*), то в современных словарях их значительно больше (*абьюзерка / абьюзерша, белоленточница, буллерша, газлайтерка / газлайтерша, мобберша, киберсталкерша, хакерша, хейтерша / хейтерка / хейтерица / хейтерушка* и др. [Леонтьева и др. 2021; Щетинина 2022]; *автограбительница, аморальщица, барсеточница, беспредельщица, скинхедка, шахидка, токсикоманка, фейкерша* и др. [Григоренко 2009]).

(4) Неологизмы, образованные как сложные слова суше известным, как правило, ранее корнем, также являются одним из показательных явлений создания неологизмов как в ТСРЯ, так и в современных словарях, в частности, «Толковом словаре...» под редакцией Г. Н. Складневской. При этом в первом источнике такие новообразования, как правило, вводятся целыми группами без дефиниции, например: «[авто]² (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. автомобильный, напр. автобаза, автодело, автозавод, автоотряд, автосклад (склад автомобильного имущества), автотранспорт, автостроение и т. п.» [ТСРЯ, т. 1: 9]; «[авто]³ (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. автоматический, напр. автосцепка (вагонов)» [Там же]; «[лит] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. литературный, литература, напр. литфонд, литфак (литературный факультет), Главлит (Главное управление по делам литературы и издательств)» [ТСРЯ, т. 2: 70]; «[парт] (нов.). Сокращение, употр. в новых сложных словах в знач. партийный (см. 1 и 4 знач.), напр. парторганизация, партдень, партсобрание, партдисциплина, партучеба» [ТСРЯ, т. 3: 52] и др. В начале XXI века данный способ образования слов также показал свою продуктивность: словарь под редакцией Г. Н. Складневской с точки зрения словопроизводства фиксирует лексе-

мы, «образованные активными формантами: *анти-, видео-, аудио-, био-, нарко-, секс-, спец-* и т. п.: *антивандалный, антивирусный, антидемократичность..., биотеракт, биотеррорист, биотехнологический..., видеоарт, видеоинталляция, видеокарта...*», выявляя те сферы, которые пополняются новыми реалиями или трансформируют представления об уже имеющихся фактах действительности.

Таким образом, анализ словообразовательного потенциала новых языковых единиц, появившихся в начале XX или XXI веков, показывает сходные тенденции создания дериватов гнездами, цепочками или парами, что является одним из свидетельств актуальности таких неологизмов для носителей языка в тот или иной период.

Выводы

В русской лексикографии на протяжении столетия совершенствуются подходы к словарному освещению процессов неологизации языка. Очевидно, что Д. Н. Ушаков видел перед собой назревшую после революционного перелома задачу **системной фиксации** новых слов именно исходя из понимания неединичности новых языковых фактов, поскольку они вливались в речь волнообразно, а значит, должны были фиксироваться группами, с учетом актуализировавшихся деривационных связей внутри родственных слов. Интуиция и тренированное восприятие лингвиста, приведшие его в свое время к принципу строго различия «словоизменительных и словообразовательных форм», предопределили внимание ученого и его коллектива к тому, что много позднее было названо *словообразовательными моделями*.

Несомненно, отдельное внимание составители нового издания уделили **тенденции расширения группы феминитивов в языке**. Нельзя не заметить, конечно, иногда явно ощутимую стилистическую специфику отдельных языковых единиц, например, не отмеченную в словаре сниженности коннотативного регистра слова *селькорка* 'нов., женск. к селькор' [ТСРЯ, т. 4: 137] в сравнении с маркированными единицами *перерожденка* 'нов., презрит. женск. к перерожденец' [ТСРЯ, т. 3: 189] (здесь помета отражает идеологически обусловленное неодобрение обозначаемого явления, то есть «презрительность» происходит из

отношения к перерожденцу, а не из фактора «женский род существительного») и *партийка* 'нов., разг. женск. к партиец' [Там же: 54] (а в данном случае не может быть негативных коннотаций, обусловленных объектом номинации, но имеется стилистический ограничитель), однако на этапе фиксации таких слов, проходивших «через руки» лексикографической группы словаря, *степень выживаемости слов* заранее предположить было так же трудно, как и ввести однозначную *маркировку «стихийно движущегося» лексического материала*, столь «нестабильного» в условиях трансформации культуры и языка. Несовершенство словарных помет не умаляет исследовательской работы, проведенной научным коллективом, стоявшим у истоков разработки принципов фиксации неологизмов, установления их стилистического статуса, оценки прагматического потенциала и прогнозирования жизнеспособности.

Кроме того, языковеды никак не могли проигнорировать факт стремительного пополнения группы слов, которые сегодня называются *сложносоставными* или *сложными*: «К числу новых слов, составленных из собственных элементов, принадлежат и те особого рода сокращенные новообразования, которые в революционное время широко распространились в русском государственном, а затем и в разговорном языке, первоначально для названия учреждений и должностных лиц» [Ушаков 1995: 142]. Терминология же ушаковского периода еще не имела устоявшегося обозначения для данного класса языковых единиц. В частности, в своем учебнике «Русский язык» ученый посвятил часть параграфа 87 («Виды отдельных слов») «непростым словам», которые включали несколько подгрупп, среди которых была и такая: «Непростые слова из сочетаний основ: *пароход, водовоз, длиннорукый, земледелие* и т. п.» [Там же: с. 105]. Интенсивность же обновления лексики за счет такого типа конструкций была столько велика в первой половине XX века, что в руках собирателей новых слов оказались сотни и даже тысячи языковых фактов, созданных посредством морфологического способа образования – соединением целых слов, их частей, начальных букв и звуков. Это позволило сконцентрироваться на си-

стемном их освещении в словаре: *фиксировалось не только сложное слово, но и все его дериваты, а также отдельной словарной статьей давался словообразовательный элемент*, если он обращал на себя внимание повторяемостью в ряде единиц, то есть высокой частотностью: *пред-, сбыт-, сан-, само-, рай-, сель-, сельхоз-, снаб-, сов-* и мн. др. Возможно, недоставало при этом словарной маркировки другого рода – стилистической, иногда оценки по степени употребительности слова. Однако требовать этого от лексикографической исследовательской группы невозможно, поскольку при подготовке словаря довлеет задача фиксации материала, имеющего по сути справочный характер, а углубленные изыскания, расширяющие и уточняющие словарную справку до детального всестороннего описания семантических, грамматических и иных характеристик языкового факта, не могут быть проведены одним научным коллективом в отношении всех единиц языка и составляют общую задачу всех языковедов – задачу, которая ни в какой момент времени не может быть решена в полном объеме.

Интересно взглянуть на словарные фиксации глазами современного нам носителя языка, которому довелось, в отличие от Д. Н. Ушакова, узнать, что жизнеспособность слов, в том числе сложных, оказалась различной. Так, из числа единиц, отмеченных столетие назад в ТСРЯ маркером «нов.», прочно и надолго закрепились в русской лингвокультуре слова *трудовая книжка, самоцель, повестка дня, стенгазета, субботник, самообслуживание, снабженец, сервис, самоокупаемость, самоотвод, секретариат, сельсовет, медицинская сестра, пятилетка, стажер*, однако исчезли на сегодняшний день из речевой практики такие слова, как *рядовик* 'рядовой, не руководящий работник' [ТСРЯ, т. 3: 1422], *секционер* 'член какой-нибудь секции' [ТСРЯ, т. 4: 134], *самоуплотнение* 'уплотнение своей жилищной площади по собственному почину, по собственному выбору' [Там же: 34], *селькорство* 'селькоровская деятельность, работа в газете (посылка корреспонденций с мест, из деревни)' [Там же: 137], *самозаготовка* 'нов. экон.: заготовка сырья, топлива, продовольствия и т. п. самим потребителем – предприятием или организацией, а

не центральными органами снабжения' [Там же: 34], *стенновка* 'нов. разг.: то же, что стенгазета' [Там же: 508], *телекино* 'нов. тех.: передача кинофильмов при помощи телевидения' [Там же: 670], *орабочить* 'обеспечить участие где-н. рабочих, как преобладающего элемента' [ТСРЯ, т. 2: 842] и др.

Понятно, что магистральная линия для составителей словаря была определена нацеленностью на выявление таких языковых единиц, которые служили обозначениями новейших реалий, классов и групп населения и вербализовали идеологические установки: *переключка* 'нов. перен.: взаимный вызов для обмена опытом работы, для осведомления друг друга о ходе соревнования, работы' [ТСРЯ, т. 3: 140], *середняк* 'нов. социол.: крестьянин, владеющий средствами производства, не эксплуатирующий (в источнике так. – Т. Л., А. Щ.) чужого труда и по социально-экономическим признакам стоящий между бедняком и кулаком' [ТСРЯ, т. 4: 159], *партминимум* 'нов. истор.: минимум политических знаний, необходимых каждому члену партии' [ТСРЯ, т. 3: 55], *твердозаданец* 'нов. истор.: единоличник-кулак, обязанный выполнить твердое задание' [ТСРЯ, т. 4: 661] и др.

Особенно любопытны языковые единицы, характеризующие жизнь общества, противостоящие силе, жизненных взглядов, утратившие употребительность к настоящему времени: *спецгедство* 'нов. неодобрит.: враждебное отношение к беспартийным специалистам как результат непонимания политики коммунистической партии по отношению к интеллигенции' [Там же: 432], *сопротивленец* 'нов. неодобрит.: тот, кто активно и настойчиво сопротивляется чему-н.' [Там же: 388], *старорежимец* 'новг. разг. презрит. редко: человек, сохранивший от времен царизма монархические, контрреволюционные, антидемократические взгляды и привычки' [Там же: 488], *перегибчик* 'нов. разг.: тот, кто допускает перегибы в своей деятельности' [ТСРЯ, т. 3: 110]. Пометы к таким словам позволяют современному пользователю словаря сориентироваться в коннотативном фоне и косвенно через эти номинации составить представление о том, что осуждалось или поощрялось, а значит, увидеть, как формировались детали обще-

ственно-политической концепции организации советского быта: *специализм* 'нов. книжн. неодобрит.: чрезмерное увлечение специализацией' [ТСРЯ, т. 4: 432], *перерожденец* 'нов. презрит.: человек, переродившийся под влиянием буржуазной среды, оторвавшийся от масс и идейно ставший на сторону врагов социалистического строительства' [ТСРЯ, т. 3: 189] и др.

Словарь нормативный, и мы видим, что составители словаря, подмечая и фиксируя слова, предпринимают усилия, чтобы сохранить подсказки относительно статуса слова, если он представлялся достаточно ясным на момент фиксации: *телеграфить* 'нов. разг.: то же, что телеграфировать' [ТСРЯ, т. 4: 669], *спекульнуть* 'нов. простореч. фам.: однокр. к спекулировать' [Там же: 429], *сердечник* 'нов. разг.: врач, специалист по болезням сердца' [Там же: 154], *совбарышня* 'нов. истор. пренебр.: в первые годы Советской власти – о молодой служащей, чуждой общественности' [Там же: 164].

Можно видеть, что составители словаря не отказались от фиксации просторечных слов, лежащих за пределами литературной разновидности языка, однако, конечно, участвующими в создании словарного портрета эпохи. В некоторых случаях, думается, в отклонении от идеи «нормативности» словаря сыграло свою роль желание исследователя зафиксировать ту или иную грамматическую форму, заполняющую лакуну литературного языка, как это можно предполагать в отношении слова *спекульнуть*, иначе говоря, свойственное лингвистам стремление к системности освещения материала иногда «побеждало» задуманную «нормативность» издания.

Взгляд на эти слова спустя столетие позволяет с уверенностью утверждать, что со временем в ходе меняющейся практики употребления слова его статус с каждым новым этапом развития языка чаще всего тоже меняется. Так, слово *совбарышня*, уже тогда помеченное Ушаковым как «истор.», осталось в своей эпохе и сейчас его коннотации не будут понятными носителям русского языка без специальных пояснений; просторечное слово *спекульнуть* не вошло в узус и не стало сколько-нибудь употребительным в рамках все того же просторечия; разговорная единица *телеграфить* не при-

жилась даже в разговорной речи и была совершенно вытеснена литературным вариантом *телеграфировать*; и только разговорное слово *сердечник* как обозначение кардиолога существует и фиксируется в словарях с пометой «разг.».

Наконец, отметим, что среди слов с пометой «новое», общее количество кото-

рых в 4-томном словаре, подготавливаемом под руководством Д. Н. Ушакова, составляет более чем 2000 единиц, преобладают вовсе не заимствования, как это происходит сейчас, спустя столетие, а новые слова из собственных элементов русского языка (исконно русских либо давно заимствованных и хорошо освоенных языком).

Литература

- Григоренко О. В. Новые наименования лиц в современном русском языке : словарные материалы / О. В. Григоренко. – Воронеж : Научная книга, 2009. – 517 с.
- Захаренко Е. Н. Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко. – М. : Азбуковник, 2008. – 1040 с.
- Иванов А. М. Очерки по языку : для работников литературы и для самообразования / Ан. М. Иванов и Л. П. Якубинский ; Гос. ин-т речевой культуры. – Л. ; М. : Гос. изд-во худ. лит., 1932. – 182 с.
- Катлинская Л. П. Толковый словарь новых слов и значений русского языка : около 2000 слов / Л. П. Катлинская. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 380 с.
- Крысин Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков / Л. П. Крысин // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 529–535.
- Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов : справочное издание / Л. П. Крысин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 320 с.
- Левонтина И. Б. О чем речь? / И. Б. Левонтина. – М. : АСТ : CORPUS, 2016. – 512 с.
- Леонтьева, Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – 424 с.
- Мокиенко В. М. К читателю (предисловие) // Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – С. 4–7.
- Никитин О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 51–62.
- Окунцова Е. А. Новейший словарь иностранных слов : около 5000 слов и словосочетаний / Е. А. Окунцова. – М. : Айрис-пресс, 2009. – 510 с.
- Селищев А. М. Язык революционной эпохи : из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев // Труды по русскому языку. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. – 632 с.
- Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. – 288 с.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – 550 с.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2-х томах / А. Н. Тихонов. – М. : Русский язык, 1990.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г. Н. Складчиковой. – М. : Эксмо, 2008. – 1136 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4.
- Ушаков Д. Н. Русский язык. – М. : Просвещение ; Учебная литература, 1995. – 320 с.
- Шагалова Е. Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века : ок. 1500 слов / Е. Н. Шагалова. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 413 с.
- Щетинина, А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века : Идеографический словарь / А. В. Щетинина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2022. – 586 с.

References

- Griorenko, O. V. (2009). *Novye naimenovaniya lits v sovremennom russkom yazyke: slovarnye materialy* [New Names of Persons in Modern Russian: Dictionary]. Voronezh, Scientific Book, 517 p.
- Ivanov, A. M., Yakubinsky, L. P. (1932). *Ocherki po yazyku: dlya rabotnikov literatury i dlya samoobrazovaniya* [Essays on Language: For Working Writers and for Self-Destruction]. Leningrad; Moscow, State Publishing House of self. lit., 182 p.
- Katlinskaya, L. P. (2008). *Tolkovyyi slovar' novykh slov i znachenii russkogo yazyka: okolo 2000 slov* [Explanatory Dictionary of New Words and Meanings of the Russian language: About 2000 Words]. Moscow, AST, Astrel, 380 p.
- Krongauz, M. A. (Ed.). (2016). *Slovar' yazyka interneta.ru* [Language Dictionary Internet.ru]. Moscow, AST-PRESS BOOK, 288 p.

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS:
BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

Krysin, L. P. (2004). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike*. Moscow, Languages of Slavic culture, pp. 529–535.

Krysin, L. P. (2009). *1000 novykh inostrannykh slov: spravochnoe izdanie* [1000 New Foreign Words: Reference Edition]. Moscow, AST-PRESS BOOK, 320 p.

Leontyeva, T. V. Shchetinina, A. V. (2021). *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of the Actual Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language of the Beginning of the 21st Century]. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, 424 p.

Levontina I. B. (2016). *O chem rech'?* [What is It about?]. Moscow, AST, CORPUS. 512 p.

Mokienko, V. M. (2021). K chitatelyu (predislovie) [To the Reader (Preface)]. In Leontyeva, T. V. Shchetinina, A. V. *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka*. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, pp. 4–7.

Nikitin, O. V. (2016). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Okuntsova, E. A. (2009). *Noveishii slovar' inostrannykh slov: okolo 5000 slov i slovosochetanii* [The Newest Dictionary of Foreign Words: About 5000 Words and Phrases]. Moscow, Iris-press, 510 p.

Selishchev A. M. (2003). *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era: From Observations on the Russian Language of Recent Years (1917–1926)]. In *Trudy po russkomu yazyku*, 1. Moscow, Languages of Slavic culture. 632 p.

Shagalova, E. N. (2011). *Samyi noveyshii tolkovyi slovar' russkogo yazyka XXI veka: ok. 1500 slov* [The Newest Explanatory Dictionary of the Russian Language of the 21st Century: About 1500 Words]. Moscow, AST, Astrel. 413 p.

Shchetinina, A. V. (2022). *1000 slov edineniya i vrazhdy nachala XXI veka: Ideograficheskii slovar'* [1000 Words of Unity and Enmity of the Beginning of the 21st Century: An Ideographic Dictionary]. Ekaterinburg, Azhur Publishing House, 586 p.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21st Century]. Moscow, Eksmo, 2008, 1136 p.

Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi [Dictionary of the Russian language of the coronavirus Era]. (2021). Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, 550 p.

Tikhonov, A. N. (1990). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2-kh tomakh* [Word-formation Dictionary of the Russian Language: in 2 volumes]. Moscow, Russian Language.

TSRYA – Ushakov, D. N. (ed.) (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIZ, Vol. 1–4.

Ushakov, D. N. (1995). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Enlightenment; Educational literature. 320 p.

Zakharenko, E. N. (2008). *Novyi slovar' inostrannykh slov: svyshe 25 000 slov i slovosochetanii* [New Dictionary of Foreign Words: Over 25,000 Words and Phrases]. Moscow, Azbukovnik. 1040 p.

Данные об авторах

Леонтьева Татьяна Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: t.v.leontieva@urfu.ru.

Щетинина Анна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: anna-73.schetinina@yandex.ru.

Authors' information

Leontyeva Tatyana Valerievna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Shchetinina Anna Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 27.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 27.09.2023; date of publication: 30.12.2023

«ЧУЖОЕ» СЛОВО В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ КАК ФАКТ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Беглова Е. И.

Нижегородская академия МВД России (Ниžний Новгород, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

SPIN-код: 5299-8207

Аннотация. Цель исследования: на материале толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова выявить основные группы и функции заимствованной лексики как слова «чужого» в русском языке. Внимание было обращено на решение следующих задач: выявить и описать лексико-тематические группы иноязычной лексики, отображённой в словаре, оценить «чужое слово», включённое в словарь, с позиций истории развития русской лексики в связи с разными источниками её пополнения, прочитать словарь не только как научный труд, но и как летопись развития российского общества и др. Предметом исследования явилось «чужое» слово в значении «заимствованное, иноязычное». Актуальность темы обуславливается тем фактом, что закон «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ от 01.06.2005 года регулирует употребление иностранных слов в русской речи. Новизна исследования заключается в оценке роли иноязычного слова в русском языке и речи в диахронии на лексическом материале толковых словарей и современной речи, что важно для установления тенденций развития лексики русского литературного языка, являющегося основной частью языка русской нации, и как государственного языка Российской Федерации. При исследовании были использованы методы лексического и стилистического анализа, наблюдения. В результате исследования было выявлено семь лексико-тематических групп иноязычной лексики, описаны особенности построения словарной статьи с заглавным иноязычным словом, стилистические пометы, а также отслежены лексические изменения, связанные с употреблением иноязычных слов с эпохи составления толкового словаря по настоящее время. Результаты исследования лексического материала, отражающего заимствования в словаре, представляют интерес с точки зрения развития лексики русского языка в связи с изменениями в российском обществе в диахронии, что важно для развития лексикологии, русского литературного языка в целом и лингвокультурологии.

Ключевые слова: толковый словарь; лексика; иноязычное слово; лексико-тематическая группа; устаревшая лексика; омонимы; язык; речь

Для цитирования: Беглова, Е. И. «Чужое» слово в толковом словаре как факт языка и речи / Е. И. Беглова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 72–82. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-72-82.

“FOREIGN” WORD IN AN EXPLANATORY DICTIONARY AS A FACT OF LANGUAGE AND SPEECH

Elena I. Beglova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal (Nizhny Novgorod, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3208-0549>

Abstract. The aim of the study is to identify the main groups and functions of borrowed vocabulary as “foreign” words included in the Russian language dictionary edited by D. N. Ushakov. Attention is paid to solving the following problems: identification and description of lexico-thematic groups of foreign vocabulary presented in the dictionary, evaluation of the “foreign word” included in the dictionary from the standpoint of the history of the development of Russian vocabulary in connection with various sources of its replenishment, interpretation of the dictionary not only as a scientific work, but also as a chronicle of the development of the Russian society, etc. The object of the study is a “foreign” word in the meaning of “a word borrowed from a foreign language”. The urgency of the topic can be attributed to the fact that the law “On the State Language of the Russian Federation” No. 53-FZ of 01.06.2005 regulates the use of foreign words in Russian speech. The novelty of the research consists in the assessment of the role of foreign words in the Russian language and speech in diachrony on the lexical material

of explanatory dictionaries and modern speech. This is important for establishing new trends in the development of the vocabulary of the Russian literary language, which is the most important part of the language of the Russian nation, and as the state language of the Russian Federation. The study employs the methods of lexical and stylistic analysis and observation. As a result of the study, the author have singled out seven lexico-thematic groups of foreign words, described the stylistic notes and the specific features of construction of the dictionary entry with a foreign word as the head word, and identified the lexical changes associated with the use of foreign words from the time of compilation of the explanatory dictionary to the present moment.

The results of the study of the lexical material of borrowings in the dictionary are of interest from the point of view of the development of the vocabulary of the Russian language in connection with the changes in the Russian society in diachrony, which is important for the development of lexicology, the Russian literary language in general and linguoculturology.

Keywords: explanatory dictionary; vocabulary; foreign word; lexico-thematic group; obsolete vocabulary; homonyms; language; speech

For citation: Beglova, E. I. (2023) “Foreign” Word in an Explanatory Dictionary as a Fact of Language and Speech. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 72–82. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-72-82.

Вводные замечания. Ушаков – известная фамилия...

О Д. Н. Ушакове как личности и лингвисте написано немало работ. Например, посвятили свои статьи личности Д. Н. Ушакова С. Б. Бернштейн [Бернштейн 1973: 78], Р. И. Аванесов [Аванесов 1973: 201–204], Н. Д. Архангельская и Т. Г. Винокур [Архангельская, Винокур 1992: 62–81], И. Г. Добродомов [Добродомов 2003: 62–75], О. В. Никитин [Никитин 2003: 79–81; Никитин 2018: 88–95]. Следует отметить тот факт, что толковому словарю русского языка под ред. Д. Н. Ушакова посвящен ряд интересных исследований О. В. Никитина: предыстории создания словаря, его картотеке, особенностях и пр. [Никитин 2004: 195–228; Никитин 2006: 459–474; Никитин 2012; Никитин 2016а: 51–52; Никитин 2016б: 13–22; Никитин 2016в: 27–40]; лексика словаря изучалась Е. Н. Басовской [Басовская 2013].

Целью нашего исследования является выявление основных лексических групп и функций заимствованной лексики как слова «чужого» в русском языке на материале «Толкового словаря русского языка» в четырёх томах, изданного в 1935–1940 гг. [ТСРЯ]. Отметим, что заимствованная лексика была предметом исследования в словарях русского языка: в статье А. Р. Благовой она изучалась с точки зрения способов объяснения её значения в современном толково-объяснительном словаре [Благова 2019]; в статье И. Н. Федоровой – на материале «Словаря Академии Российской» (1793–1841 гг.) с точки зрения тематических

групп (название тканей, растений, военных реалий, одежды, морских явлений), происхождения, словообразовательных особенностей русских слов от иноязычных корней [Федорова 2011: 692–695]. Перед нами стояли следующие задачи: 1) выявить и описать лексико-тематические группы иноязычной лексики, 2) оценить «чужое слово», включённое в словарь, с позиций истории развития русской лексики и русского литературного языка в целом. Предметом нашего лингвистического внимания явилось «чужое» слово в значении «заимствованное, иноязычное», зафиксированное в ТСРЯ, то есть заимствованная лексика как «чужое» в сравнении с русской лексикой – «своим» словом, но это «чужое» слово в русской речи (синтагматике) и языке (в парадигматике), иноязычная лексика с точки зрения именованья явлений окружающего мира, отражения тенденций развития лексики русского литературного языка, когда она пополняется из внешнего источника – заимствований из разных языков, а также с позиций изменений в российском обществе, которые находят отражение в языке. Е. В. Маринова подробно описала и продемонстрировала особенности заимствований рубежа XX–XXI вв., адаптацию некоторых «чужих» лексем в русском языке, а также отношение современника к «чужому» слову [Маринова 2019]. В статьях О. В. Загоровской рассматривались процессы заимствований и ассимиляция иноязычной лексики в русском языке XXI в., особенности развития русского языка с учётом внешних источни-

ков [Загоровская 2021: 170–182; Загоровская 2020: 16–22]. Актуальность темы обуславливается и тем фактом, что закон «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ от 01.06.2005 года регулирует употребление иностранных слов в русской речи.¹ В этом законе и в законе № 52-ФЗ² предписано следующее: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), **за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи**». Речь идёт об ограничении использования в русской речи иностранных слов, у которых в русском языке уже имеются синонимы, что не относится к терминам разных научных направлений, которые составляют международный терминологический фонд.

Итак, обратимся к очередному прочтению ТСРЯ, акцентируя внимание на «чужом» слове. Но для начала, полагаем, необходимо кратко остановиться на фамилии автора и главного редактора словаря, которая должна правильно соотноситься именно со словарём, лингвистикой, а не с другими сферами общественной деятельности. В России несколько известных людей имели и имеют фамилию **Ушаков**: государственные деятели, художники, исследователи, географы, флотоводец и др., например: Ушаков Андрей Иванович (1672–1747), военный и государственный деятель, генерал, сподвижник государя Петра I, начальник Тайной розыскной канцелярии

(во времена императрицы Анны Иоановны (1730–1740) в 1731–1746 гг. Адмирал Ушаков Фёдор Фёдорович (1745–1817) (в 1798–1800 гг. был назначен Павлом I командующим российскими военно-морскими силами в Средиземном море, затем служил при Александре I с 1801 г.) – русский флотоводец, командующий Черноморским флотом в 1790–1798 гг., русско-турецкой эскадрой в Средиземном море (1798–1800 гг.). А вот слову, русскому языку посвятил свою жизнь **Ушаков Дмитрий Николаевич** (1873–1942) – лингвист, один из авторов реформы русской орфографии в начале XX в. и один из составителей, а также главный редактор ТСРЯ. По нашему мнению, следует знать происхождение этой распространённой в России фамилии – **Ушаков**. Например, в словаре В. А. Никонова [Никонов 1993: 145] изложено несколько версий происхождения названной фамилии: во-первых, существует мнение лингвиста Н. А. Баскакова, который связывал названную фамилию с тюркским словом *ушак* – перевод с *тюркского* – ‘невысокий’, ‘мальчик’, ‘молодой слуга’; во-вторых, Н. М. Шанский видел связь корня с русским словом *ушак* – ‘человек с большими оттопыренными ушами’. Обе версии интересны, но не одна из них не даёт окончательного ответа об этимологии фамилии.

Лексико-тематические группы «чужих» слов в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

В XXI в. русскому человеку необходимо знать и высоко ценить тот вклад, который внёс лингвист профессор Д. Н. Ушаков в развитие русского языка, сохранение его богатства и своеобразия. Его значимым для России трудом является ТСРЯ, который включает собственно-русские слова и «чужие», демонстрируя тем самым источники пополнения и развития лексики русского литературного языка. В контексте нашего исследования удобно будет распределить ее на лексико-тематические группы (ЛТГ).

Самую большую ЛТГ иноязычной лексики ТСРЯ составляет терминология. Это определения понятий разных научных и общественных направлений: политики, лингвистики, литературоведения, зоологии, биологии, физики, техники, медицины, экономики, военного дела, спорта и др. Известно, что термины появляются в

¹ Российская Федерация. О государственном языке Российской Федерации: федеральный закон: от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ: принят Госдумой 20 мая 2005 года: одобр. Советом Федерации 25 мая 2005 года. Ст. 1, п. 6. URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2023).

² Российская Федерация: Федеральный закон о внесении изменений в федеральный закон № 52-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: принят Государственной Думой 16 февраля 2023 года; одобрен Советом Федерации 22 февраля 2023 года. URL: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2023).

русском языке (новая лексика) вместе с понятиями, которые они определяют, и это закономерный лексический процесс не только в русском языке, но и в других языках, что можно подтвердить современными исследованиями заимствованной терминологии. Так, Е. В. Вранчан исследовала семантическое освоение современных заимствованных экономических терминов в русском языке [Вранчан 2020], Е. С. Громенко – терминологическую заимствованную лексику XXI века [Громенко 2021: 2021]. Приведём примеры из словаря, сознательно сохранив форму и содержание словарных статей.

1. ЛТГ термины научных направлений'

Термины являются заимствованиями, главным образом, из латинского и греческого языков, а также из немецкого, английского, французского, голландского языков. Приведём примеры: *габитус* [ha], а, м. [латин. *habitus*] (мед.). Общий облик человека с медицинской точки зрения [ТСРЯ 1935, I: 533]; *одонтология*, и, мн. нет, ж. [от греч. *odontes* – зубы и *logos* – учение] (мед.). Наука о зубах и их лечении [ТСРЯ 1938, II: 769]; *ойкумена*, ы, мн. нет, ж. [греч. *Oikumenē* – обитаемая] (геогр.). Совокупность всего заселенного и посещаемого постоянно человеком пространства земного шара [ТСРЯ 1938, II: 780]; *фацеция*, и, ж. [латин. *facetia*] (лит.). Короткий юмористический рассказ, часто с грубыми эротическими подробностями, – жанр, возникший в Зап. Европе в эпоху Возрождения и существовавший в русской литературе в конце 17 в. *Жарты и фацеции* [ТСРЯ 1940, IV: 1064]; *гайдроп*, а, м. [англ. *guide-gore*] (авиаци.). Канат, сбрасываемый с аэростата при спуске [ТСРЯ 1935, I: 536]; *девальвация* [дэ], и, ж. [нем. *Devaluation*] (экон.). Денежная реформа, заключающаяся в понижении официального курса бумажных денег до их реальной стоимости [ТСРЯ 1935, I: 667]; *ландтаг*, а, м. [нем. *Landtag*] (полит.). Название парламентов отдельных государств, входящих в состав Германии. В фашистской Германии ландтаги уничтожены. [ТСРЯ 1938, II: 23]; *муфель*, я, м. [нем. *Muffel*] (горн., хим.). Сделанная из огнеупорной массы камера в печи для обжигания керамических и фарфоровых изделий [ТСРЯ 1938, II: 284]. Как видим, в каждой словарной статье указы-

вается язык-источник, буквальный перевод «чужого» слова, научное направление, значение или определение понятия, этимология, употребление (синтагматика), иногда произношение.

2. ЛТГ 'название лица по профессии, должности, статусу'

– *атташе*, нескл., м. [фр. *attaché*, букв. причисленный] (дипл.). Сотрудник посольства – специалист в определенном круге вопросов. *Военный а.* [ТСРЯ 1935, I: 69]; *берейтор*, а, м. [нем. *Bereiter*]. 1. Объездчик верховых лошадей. 2. Учитель верховой езды [ТСРЯ 1935, I: 124]; *волонтер*, волонтера, м. [от фр. *volontaire*]. Поступивший на военную службу по своему желанию, доброволец [ТСРЯ 1935, I: 351]; *гусар*, а, м. [венгерск. *huszar*] (дореволюц. и заер.). Военный из частей легкой кавалерии, отличившихся особой формой венгерского образца. ◊ *Запустить в нос гусара* (школьн. арг. устар.) – вложить спящему в нос бумажную трубочку или скрученную бумажку [ТСРЯ 1935, I: 640]; *драбант*, а, м. [польск. *drabant*] (устар.). Солдат личной охраны командующего [ТСРЯ 1935, I: 793]; *хавбек*, *хавбека*, м. (англ. *half-back*) (спорт.). То же, что полузащитник [ТСРЯ 1940, IV: 1129]. В данных словарных статьях отмечается устаревшая иноязычная лексика или значение слова, а также переносные значения слов. Например: *лайнсмен*, а, м. [англ. *linesman*] (спорт.). Помощник судьи в теннисном или футбольном состязании, находящийся у одной из границ крайних линий площадки [ТСРЯ 1938, II: 20]; *ландскнехт*, а, м. [нем. *Landsknecht*]. 1. В средние века в З. Европе – наемный солдат, ратник (истор.). 2. перен. Наймит, прислужник (публиц. презрит.) [ТСРЯ 1938, II: 23]; *форлейфер*, а, м. [нем. *Vorläufer*] (горн.). Рабочий, засыпщик плавильной печи [ТСРЯ 1940, IV: 1100] и др.

3. ЛТГ 'название лица по разным признакам'

– *гаер*, а, м. [от нем. *Geiger* – скрипач] (устар.). Шут, паяц [ТСРЯ 1935, I: 534]; *гайдук*, а, м. [венгерск. *hajduk*] (истор.). 1. Выездной лакей времен крепостного права. 2. Повстанец-партизан на Балканах и в Венгрии в эпоху турецкого владычества [ТСРЯ 1935, I: 536]; *гарсон*, а, м. [фр. *garçon*, букв. мальчишка]. Половой, официант в заграничном ресторане [ТСРЯ 1935, I: 544]; *ге-*

шефтмакер, а, м. [нем. *Geschäftmacher*] (разг. пренебр.). Ловкий делец, спекулянт [ТСРЯ 1935, I: 555]; *гидальго*, нескл., м. [исп. *hidalgo* – благородный, знатный] (истор.). Испанский дворянин (до 19 в.) [ТСРЯ 1935, I: 557]; *голкипер*, а, м. [англ. *goal-keeper*] (спорт.). Член футбольной или хоккейной команды, непосредственно защищающий ворота от противников; то же, что вратарь [ТСРЯ 1935, I: 586]; *интересант*, а, м. [фр. *intéressant*] (разг. устар.). Человек, руководящийся в своих поступках только личной выгодой [ТСРЯ 1935, I: 1216]; *ушкуйник*, а, м. (истор.). В древней Руси – вольный человек, входивший в ватагу, разъезжавшую на ушкуях и занимавшуюся разбоем. *Новгородские ушкуйники промышляли на Волге и северных реках* [ТСРЯ 1940, IV: 1044] и др.

Следует особо отметить тот факт, что в словаре фиксируется небольшое количество иностранных слов, ставших в русской речи и языке диалектными или разговорными на период составления словаря, например: *лайдак*, а, м. [польск. *łajdak*] (обл., бран.). Бездельник, лентяй, негодный человек. – *Пан лайдак! – проворчал вдруг высокий пан на стуле... – Ну, вот и лайдак! Чего он бранится?* Дствский. [ТСРЯ 1938, II: 19]; *ухналь*, я, м. [нем. *Hufnagel*] (спец., обл.). Подковный гвоздь [ТСРЯ 1940, IV: 1030]; *фарсеур*, а, м. [фр. *farceur*] (разг. устар.). Человек, забавляющий окружающих грубыми шутками, разыгрывающий роль шута [ТСРЯ 1940, IV: 1061]; *фендрик*, а, м. [польск. *fendrik* от нем. *Fähnrich*]. 1. Молодой офицер, прапорщик (воен. арг. дореволюц.). 2. Фатоватый молодой человек (разг. фам. пренебр.) [ТСРЯ 1940, IV: 1068]; *нуборшиш*, а, м. [фр. *nouveau riche*, букв. *новый богач*] (пренебр.). В западной Европе – человек, разжившийся на торговых спекуляциях военного и послевоенного времени и выдвинувшийся в ряды крупной буржуазии [ТСРЯ 1938, II: 602]. В демонстрируемых словарных статьях даны стилистические пометы, которые характеризуют «чужое» слово, использующееся в русской речи, с точки зрения сферы употребления и эмоциональности.

4. ЛТГ 'одежда'

Эту ЛТГ составляет большое количество слов, продемонстрируем лишь несколько: *бекеша*, и, ж. [от венгерск. *bekes*]. Старинное долгополое пальто сюртучного

покроя. || Теплое пальто в талию со сборками; *бешмет*, а, м. [лат. *besmet*]. Стеганный полукафтан [ТСРЯ 1935, I: 119]; *дезабилле* [дэ], [фр. *déshabillé*, букв. *раздетый*] (разг.). 1. нескл., ср. Небрежная домашняя одежда (обычно у женщин). *Она была в д. и не могла выйти к гостям.* 2. в знач. неизмен. прил. Небрежно одетый. *Он был совсем д.* [ТСРЯ 1935, I: 671]; *камзол*, а, м. [фр. *camisole*] (истор.). Короткая мужская одежда без рукавов, заменяющая жилет. *Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги.* Пшкн. [ТСРЯ 1935, I: 1299]; *тафья*, и, ж. [тюрк. *taġja* с перс.] (старин.). Маленькая круглая шапочка, род тюбетейки или ермолки, носившаяся в старину, обычно под шапкой [ТСРЯ 1940, IV: 658]; *ферязь*, и, ж. [от араб. *fīrāġā*]. Старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника и перехвата [ТСРЯ 1940, IV: 1070] и др. Как видим, в словарных статьях особое внимание уделено произношению и грамматическим особенностям «чужого» слова: венгерского, тюркского, французского и др.

5. ЛТГ 'пища'

Данную группу слов составляют заимствования в основном из французского, английского и тюркских языков, например: *галантур*, а, м. [от фр. *Galantine* – кушанье из холодной фаршированной дичи] (кулин.). Холодная заливная приправа к разным кушаньям, желе [ТСРЯ 1935, I: 537]; *достархан*, а, м. [перс. *dāstarkhān*]. Угощение, блюдо из различных восточных сладостей [ТСРЯ 1935, I: 782]; *нуга*, и, мн. нет, ж. [фр. *noisat* от латин. *nux* – орех]. Кондитерское изделие из сладкой ореховой массы [ТСРЯ 1938, II: 602]; *птифур*, а, мн. нет, *собир*, м. [фр. мн. ч. *petits fours*]. Мелкое печенье к чаю [ТСРЯ 1939, III: 1061]; *сабайон*, а, м. [от ит. *zabaione*] (кулин.). Сладкая подливка из взбитых яичных желтков с вином и пряностями [ТСРЯ 1940, IV: 18] и др.

6. ЛТГ 'церковные понятия и реалии'

Названную ЛТГ составляют слова греческого происхождения, что обусловлено распространением христианства на Руси и связью с церковнославянским языком, например: *иподиакон* (офици.) и *иподьякон*, а, м. [греч. *hypodiakonos*] (церк.). Церковнослужитель в православной церкви, прислуживающий архиерею во время богослужения

[ТСРЯ 1935, I: 1223]; *ипостась*, и, ж. [греч. *Hypostasis* – сущность] (церк.). По богословской терминологии – одно из лиц христианской – на многие лета; употр. в церковной службе для приветствования архиерея] (*ритор. устар.*). Хвала, слава (употр. в восклицательном обращении). *И. вам, доблестные воины!* [ТСРЯ 1935, I: 1223]; *епитимья*, и, р. мн. мий, ж. [греч. *epitimia*] (церк.). Церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы и т. п.). *Епитимью наложил на него старец за то, что вчера, в день постный, возжаждал и напился квасу.* Л. Тлстй. [ТСРЯ 1935, I: 835]; *ладан*, а, мн. нет, м. [перс. *lādān*]. Желтоватая или красноватая ароматическая смола, к-рой курят, гл. обр. при религиозных служениях. *Дым ладана. Пахнет ладаном.* ◊ Дышать на ладан (разг.) – перен. умирать, быть еле живым. Бояться, как чорт ладана или бежать, как чорт от ладана (разг. устар.) – о сильном испуге, панике. *Ладан росный* (мед., апт.) – ароматичная смола из коры южноазиатских деревьев [ТСРЯ 1938, II: 17].

7. ЛТГ 'бытовые реалии'

Данная группа многочисленна, например: *канане* [нэ], нескл., ср. [фр. *canapé*] (устар.). Диван с приподнятым изголовьем, софа. *И хоть лежу теперь на к., всё кажется мне, будто в тряском беге по мерзлой пашне мчусь я на телеге.* Пшкн. [ТСРЯ 1935, I: 1302]; *сабан*, а, м. [тюрк. *saban*] (с.-х.). Род примитивного двухколесного плуга [ТСРЯ 1940, IV: 18]; *калоши* и (устар. и простореч.) *галoши*, ош, ед. оша, и, ж. [фр. *galoches* и нем. *Kaloschen*]. Обувь (б. ч. резиновая), надеваемая поверх сапог, башмаков для предохранения ног от сырости и грязи. *Из этих 54 р. часть расхода такого, к-рый не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счеты и т. д.).* Лнн (в письме). ◊ *Сесть в калошу* (разг. фам.) – оказаться в глупом положении, потерпеть неудачу, провалиться. *Посадить в калошу кого* (разг. – поставить в смешное, неловкое положение, фам.) [ТСРЯ 1935, I: 1294]. Слово *калоши* фиксируется как *устаревшее* и в современном толковом словаре [СТСРЯ 2004: 258]. Фонетический и графический вариант *галoши* является современным и имеет значение 'низкая резиновая обувь, надеваемая поверх валенок, сапог, ботинок для предохранения их от сырости' [СТСРЯ 2004: 121] и др.

С точки зрения лексической нормы того времени, когда шла работа над словарём, часть иностранных слов устарела, поэтому в словаре они зафиксированы как устаревшие (устар., истор.), то есть слова уже тогда являлись либо историзмами, либо архаизмами, что очень важно для прослеживания особенностей развития словарного состава русского литературного языка, в частности с позиций *активного и пассивного словаря*. Так, в словаре отмечаются историзмы уже для эпохи первой трети XX века, например: *бердыш*, а, м. [польск. *berdysz*] (*истор.*). Старинное холодное оружие – топор с закругленным в виде полумесяца лезвием [ТСРЯ 1935, I: 123]; *вивёр*, а, м. [фр. *viveur*] (разг. *устар.*). Человек, живущий в свое удовольствие [ТСРЯ 1935, I: 287]; *гинекей*, *гинекея*, м. [греч. *gynaikeion*] (*истор.*). Женская половина дома у древних греков [ТСРЯ 1935, I: 560]; *драдедам*, а, м. [фр. *drapedames*, букв. дамское сукно] (*устар.*). Особый сорт тонкого сукна [ТСРЯ 1935, I: 794]; *дрогист*, а, м. [фр. *droguist*] (*устар.*). Торговец аптекарским или москательным товаром [ТСРЯ 1935, I: 802]; *штальмейстер*, а, м. [нем. *Stallmeister*, букв. начальник конюшен] (*дореволюц.*). Один из придворных чинов в царской России [ТСРЯ 1935, IV: 1367]; *казимир*, а, мн. нет, м. [фр. *casimir*] (*истор.*). Вышедший из употребления сорт полушерстяной ткани [ТСРЯ 1935, I: 1282]; *фальконет*, а, м. [англ. *falconet*] (*истор. воен.*). Старинная мелкокалиберная пушка [ТСРЯ 1940, IV: 1053] и др. Особого внимания заслуживает слово *губернатор*, являющееся актуальным в настоящее время: *губернатор*, а, м. [латин. *gubernator*, букв. кормчий]. Начальник губернии в *дореволюц. России*. || Начальник колонии (назначаемый колониальной державой). *Французский г. в Туни-се*. || Начальник штата в США [ТСРЯ 1935, I: 635]. В настоящее время слово *губернатор* получило широкое употребление в значении 'высшее должностное лицо административно-территориальной единицы' [СТСРЯ 2004: 145], то есть является семантическим историзмом.

С точки зрения развития значения и изменения стилистической окраски интерес представляет слово *оказия*, которое в словаре дано как *устаревшее*, однако оно свойственно современной разговорной ре-

чи именно в первом значении 'благоприятный случай': *оказия*, и, ж. [от латин. *Occasio* – случай]. 1. Удобный, благоприятный случай (устар.). *Послать письмо с оказией. Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию!* Пшкн. || перен. Благоприятный случай для путешествия, поездки куда-н. в сопровождении какого-н. каравана, отряда и т. п. (устар.). *Почта отправляется два раза в неделю, и приезжает к ней присоединяются: это называется оказией.* Пшкн. 2. Редкий, из ряда вон выходящий случай (разг.). – *Что за оказия! Молчалин, ты, брат? Грбдв. Ведь этакая, скажи на милость, оказия!* Чхв. [ТСРЯ 1938, II: 781].

Как свидетельствуют словарные пометы, небольшая часть слов отражает не явления советской действительности, а «буржуазного общества» – «чужие». В этом случае «чужое» отражает значение идеологической оппозиции «советское – антисоветское, буржуазное». Например: *адюльтер* [тэр], а, м. [фр. *adultère*]. 1. В буржуазном обществе – любовная связь вне своей семьи, супружеская неверность. 2. Нарушитель супружеской верности (разг. неправ.) [ТСРЯ 1935, I: 17]; *вилла*, ы, ж. [ит. *villa*] (дореволюц. и загр.). Барский загородный дом, дача красивой постройки [ТСРЯ 1935, I: 293]; *дэнди* [дэ], нескл., м. [англ. *dandy*]. В буржуазно-дворянском обществе (первонач. в Англии) – изысканный светский человек, законодатель моды. *Как д. лондонский одет.* Пшкн. [ТСРЯ 1935, I: 687]. Такого рода пометы отражают динамику лексической нормы.

Омонимия как развитие парадигматических связей в лексике русского литературного языка

Следует отметить, что «чужое» слово служит источником развития омонимии в русском литературном языке, что также нашло отражение в ТСРЯ. Например, появляются омонимы при совпадении графического облика русского и иностранного слов: *банка*¹, и, ж. [польск. *banka*]. 1. Цилиндрический стеклянный или глиняный сосуд. *Б. для варенья.* || *Круглая жестяная коробка. Консервная б.* 2. Прибор в виде небольшого стеклянного сосуда для отсасывания крови действием разреженного воздуха (мед.). *Сухие банки. Кровесосные банки. Поставить банки кому-н.* ◊ *Лейденская бан-*

ка – см. лейденский; *банка*², и, ж. [нем. *Bank*]. Поперечная скамейка, сиденье для гребцов в лодке; *банка*³, и, ж. [нем. *Bank*] (мор.). Подводная отмель. Совпали по графической форме заимствования из польского и немецкого языков [ТСРЯ 1935, I: 86]; *бар*¹, а, м. [англ. *bar*]. Ресторан с буфетом, где можно выпивать и закусывать, не отходя от стойки. || *Маленький ресторан; бар*², а, м. [англ. *bar*] (мор.). Наносная мель в устьях рек; *бар*³, а, м. [от греч. *Baros* – тяжесть] (физ.). Единица атмосферного давления [ТСРЯ 1935, I: 88]; *паж*¹, а, м. [фр. *page*]. 1. В середине века – мальчик дворянской фамилии, прислуживавший знатной или коронованной особе (преимущ. женщине; истор.). *Картина выражала сцену из средневековой жизни и называлась: «Госпожа замка и ее паж».* Достоевский. || перен. Юный поклонник, преданно ухаживающий за женщиной (разг. ирон. шутл.). *Муж мальчик, муж слуга из жениных пажей.* Грибоедов. 2. Младшая придворная должность (истор.). 3. В царской России – воспитанник Пажеского корпуса (см. пажеский); *паж*², а, м. [фр. *page*] (устар.). Женский пояс с зажимом для поддержания подобранной длинной юбки [ТСРЯ 1939, III: 16–17]; *фанза*¹, ы-ы, ж. [китайск.]. Шелковая ткань; *фанза*², ы-ы, ж. [китайск.]. Китайский крестьянский дом. *Я сидел под навесом фанзы.* Пришвин [ТСРЯ 1940, IV: 1057] и др.

Итак, к образованию омонимов, отмеченных в ТСРЯ, приводят заимствования из разных языков (английского, греческого, тюркских и др.) или из одного и того же языка, в большей мере из французского и английского языков.

Развитие новых значений у иностранных слов как тенденция развития русской лексики (синтагматические связи)

Проследивая динамику лексической нормы с учётом лексического материала исследуемого нами ТСРЯ, можно особо выделить заимствования, которые получили в конце XX–XXI вв. новую жизнь (типа *губернатор*) или используются в ином качестве, например, эргонима – названия делового объединения людей, учреждения, предприятия, организации, корпорации, общества. Обратимся к слову *ералаш*. Современнику оно хорошо знакомо по названию юмористического киножурнала

«Ералаш», появившегося в России в 1974 году, выпускаемого также в постсоветский период и в настоящее время. Руководителями киножурнала «Ералаш» были А. Хмелик и Б. Грачевский (1974–2021), а с 2021 года новым художественным руководителем киножурнала стал Аркадий Григорян. В словарной статье слово представлено следующим образом: *ералаши, ералаша*, мн. нет, м. (тюрк. *aralas*). 1. Беспорядок, путаница (разг. фам.). Что это у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой? Гоголь. 2. Смесь разнородных засахаренных фруктов (спец. устар.). 3. Старинная карточная игра (истор.) [ТСРЯ 1935, I: 835]. Значение 'беспорядок' легло в основу названного эргонима. Таким способом «чужое» слово получает вторую жизнь в современном русском языке, отражая развитие российского общества, его явления, процессы и др.

Или слово *магистр*, которое в настоящее время актуально и является семантическим историзмом: *магистр*, а, м. [латин. *magister* – учитель] (книжн.). 1. Первая ученая степень, присуждавшаяся университетами и духовными академиями лицам, выдержавшим специальный экзамен и публично защитившим диссертацию (*дореволюц.*). || Лицо, обладающее этой степенью (*дореволюц.*). М. *русской истории*. М. *богословия*. 2. Глава духовно-рыцарского ордена (истор.). Великий м. *Ливонского ордена*. М. *Мальтийского ордена* [ТСРЯ 1938, II: 112].

Заключение

В своем исследовании мы ограничились представлением лишь части иностранных слов, которых в словаре большое количество, но все они могут быть включены в выделенные нами многочисленные ЛТГ, внутри которых можно, в свою очередь, обозначить тематические подгруппы. Мы выделили семь ЛТГ, основной из которых является ЛТГ 'термины научных направлений', а также 'название лица по профессии, должности, статусу', 'название лица по разным признакам', 'одежда', 'пища' 'церковные понятия и реалии', ЛТГ 'бытовые реалии'.

С точки зрения развития словарного состава русского литературного языка, в словаре фиксируется устаревшая заимствованная лексика, в большей мере историзмы. «Чужое» слово демонстрируется не

только в сравнении с исконным, русским, но с точки зрения идеологической: название явлений советского общества и антисоветского, то есть буржуазного.

В словаре зафиксировано большое количество омонимов, которые созданы путём заимствований из разных иностранных языков (греческого и иного, например, английского и французского, латинского и греческого) или из одного и того же иностранного языка (английского, немецкого, французского), что способствует развитию парадигматических связей слов в русском литературном языке.

Основная функция иноязычных слов – номинативная, но при образовании омонимии и развитии синонимии в русском языке на основе «чужого» слова можно говорить о накопительной функции, которую выполняют заимствования, пополняя словарный состав русского литературного языка, расширяя синонимические ряды, развивая семантическую структуру слов (развитие полисемии), лексическую парадигматику (омонимия, синонимия).

Если говорить о развитии лексики русского языка, то следует отметить тот факт, что большая часть иноязычных слов, в частности термины, получили статус литературных, то есть нормированных, о чём свидетельствует их регистрация в современных словарях иностранных слов русского языка и толковых словарях, к которым относится и исследуемый нами словарь. Некоторые заимствованные слова в конце XX–XXI вв. развили семантическую структуру, например, тюркское слово *ералаш* получило новое значение и статус эргонима. Большая часть иностранных слов отражает устаревшую лексику, часть слов получило новые значения в современном русском языке (*губернатор, магистр* и др.). Немногочисленная часть иностранных слов отмечается в словаре с пометой «обл.» (*лайдак, ухналь* и др.) или «разг.» (например, *фарсёр*): *лайба*, ы, ж. [фин. *laiva*] (обл.). Большая лодка, иногда с палубой, об одной или двух мачтах (на Балтийском море, на Днепре, на Днестре) [ТСРЯ 1938, II: 19]. В словарь включено небольшое количество иностранных слов, которые относятся к аргю (жаргону), например: *фоска*, и, ж. [нем. *Fosse*] (*карточное аргю*). Игральная карта (от

двойки до десятки) [ТСРЯ 1940, IV: 1107].

Лексика – это динамичный пласт русского языка, в связи с этим изучение лексического материала толковых словарей, в частности толкового словаря русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, представляет развитие русского литературного

языка в целом через историю российского общества, поэтому такое прочтение словаря можно расценивать не только как изучение интересного и важного научного труда, но и как прочтение летописи российского общества.

Литература

Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков (к 100-летию со дня рождения) / Р. И. Аванесов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1973. – Т. 32. – № 2. – С. 201–204.

Архангельская, Н. Д. Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) / Н. Д. Архангельская, Т. Г. Винокур // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1992. – Т. 51, № 3. – С. 62–81.

Басовская, Е. Н. Чистота языка? Чистота словаря? (Из истории «Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова») / Е. Н. Басовская // Филологический класс. – 2013. – № 3 (3). – С. 41–46.

Бернштейн, С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) / С. Б. Бернштейн // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. – 1973. – № 1. – С. 78–85.

Благова, А. Р. Заимствованная лексика в толково-объяснительном словаре русского языка / А. Р. Благова. – URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/borrowed-vocabulary-in-explanatory-dictionary> (дата обращения: 17.09.2023). – Текст : электронный.

Вранчан, Е. В. Особенности освоения англоязычных заимствованных терминов в русском языке / Е. В. Вранчан. – Текст : электронный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2020. – Т. 13, вып. 8. – С. 114–117. – URL: www.gramota.net/materials/2/2020/8/22.html (дата обращения: 26.09.2023).

Громенко, Е. С. О некоторых тенденциях терминологических заимствований в русском языке начала XXI века / Е. С. Громенко // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сборник научных статей. – М. : Флинта, 2021. – С. 184–194.

Добродомов, И. Г. Ушаков Дмитрий Николаевич / И. Г. Добродомов. – Текст : электронный // Отечественные лингвисты XX в. Ч. 3. Т–Я / отв. ред. Ф. М. Березин. – М. : ИНИОН РАН, 2003. – С. 62–75. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf. (дата обращения: 15.09.2023).

Загоровская, О. В. Этапы развития русского языка в новейший период его истории (рубеж XX–XXI веков) / О. В. Загоровская // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2020. – № 4. – С. 16–22.

Загоровская, О. В. Заимствования и адаптации иноязычной лексики в русском языке XXI века / О. В. Загоровская // Известия ВГПУ. – 2021. – № 4 (293). – С. 176–182.

Маринова, Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е. В. Маринова. – М. : Флинта, 2019. – 296 с. – URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976512467.html> (дата обращения: 28.09.2023). – Текст : электронный.

Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 7 (1). – С. 195–228.

Никитин, О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» / О. В. Никитин // Микроязыки. Языки. Интеръязыки : Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / под ред. А. Кюннапа, В. Лефельдта, С. Н. Кузнецова. – Tartu : Tartu University Press, 2006. – С. 459–474.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 231 с.

Никитин, О. В. Ушаковская эпопея: неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016а. – № 3. – С. 51–62.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016б. – № 1. – С. 13–22.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016в. – № 3. – С. 27–40.

Никонов, В. А. Словарь русских фамилий / В. А. Никонов / сост. Е. Л. Крушельницкий. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 222 с.

Современный толковый словарь русского языка / автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. – М. : РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ, 2004. – 960 с.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom1_0001.htm?ysclid=lmn6qx278z418271142# (дата обращения: 02.07.2023). – Текст : электронный.

Федорова, И. Н. О составе заимствованной лексики в «Словаре Академии Российской» / И. Н. Федорова. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 692–695. – URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/156.pdf?ysclid=lmnhkbbx3c493211855 (дата обращения: 15.09.2023).

References

Arhangel'skaya, N. D., Vinokur, T. G. (1992). Pamyati D. N. Ushakova (k 50-letiju so dnya smerti) [In Memory of D. N. Ushakov (On the 50th Anniversary of His Death)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 51. No. 3, pp. 62–81.

Avanesov, R. I. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Dmitry Nikolaevich Ushakov (on the 100th Anniversary of His Birth)]. In *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 32. No. 2, pp. 201–204.

Basovskaya, E. N. (2013). Chistota yazyka? Chistota slovarya? (Iz istorii “Tolkovogo slovarya russkogo yazyka” pod red. D. N. Ushakova) [Purity of Language? Dictionary Purity? (From the History of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Filologicheskii klass*. No. 3 (3), pp. 41–46.

Bernshtein, S. B. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (stranitsy vospominanii) [Dmitry Nikolaevich Ushakov (Pages of Memories)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Filologiya*, No. 1, pp. 78–84.

Blagova, A. R. (2019). *Zaimstvovannaya leksika v tolkovo-ob'yasnitel'nom slovare russkogo yazyka* [Borrowed Vocabulary in the Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://intcom-mgimo.ru/2019/2019-10/borrowed-vocabulary-in-explanatory-dictionary> (mode of access: 17.09.2023).

Dobrodomov, I. G. (2003). Ushakov Dmitrii Nikolaevich [Ushakov Dmitry Nikolaevich]. In F. M. Berezin (ed.). *Otechestvennye lingvisty XX v. Ch. 3. T-Ya*. Moscow, INION RAN, pp. 62–75. URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf. (mode of access: 15.09.2023).

Fedorova, I. N. (2011). O sostave zaimstvovannoi leksiki v “Slovare Akademii Rossiiskoi” [On the Composition of Borrowed Vocabulary in the “Dictionary of the Russian Academy”]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. No. 6 (2), pp. 692–695. URL: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/156.pdf?ysclid=lmnhkbbx3c493211855 (mode of access: 15.09.2023).

Gromenko, E. S. (2021). O nekotorykh tendentsiyakh terminologicheskikh zaimstvovaniy v russkom yazyke nachala XXI veka [About Some Trends in Terminological Borrowings in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century] In *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: natsional'noe i internatsional'noe : sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Flinta, pp. 184–194.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). *Sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2004). [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, RIDERZ DAJDZHEST. 960 p.

Marinova, E. V. (2019). *Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka* [Foreign Language Vocabulary of the Modern Russian Language]. Moscow, Flinta, 2019. 296 p. URL: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785976512467.html> (mode of access: 28.09.2023).

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovarya”) [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s. (Prehistory of the “Ushakov’s Dictionary. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 7 (1), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2006). Yazykovaya politika 1930-h gg. i “Ushakovskii slovar'” [Language Policy of the 1930s and “Ushakov’s Dictionary”]. In A. Kyunnap, V. Lefeldt, S. Kuznetsov (ed.). *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki: Sbornik v chest' ordinarnogo professora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko*. Tartu, Tartu University Press, pp. 459–474.

Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the 20th Century (Explanatory Dictionaries). Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Izdatel'skii tsentr filiala “KubGU” v g. Slavyanske-na-Kubani. 231 p.

Nikitin, O. V. (2016a). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov’s Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2016b). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Larussa” [Forgotten Card Index, or the Fate of the Russian “Larousse”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22.

Nikitin, O. V. (2016v). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovarya russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

Nikonov, V. A. (1993) *Slovar' russkikh familii* [Dictionary of Russian Surnames]. E. L. Krushel'nitskii (ed.). Moscow, Shkola-Press. 222 p.

TSRYA = Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. URL: https://povto.ru/russkie/slovari/tolkovie/ushakova/tom-1/ushakov-tom-1_0001.htm?ysclid=ln8uw7t7p8971437577

Vranchan, E. V. (2020). Osobennosti osvoeniya angloyazychnykh zaimstvovannykh terminov v russkom yazyke [Peculiarities of Mastering English-Language Borrowed Terms in the Russian Language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 13. Vyp. 8. Tambov, Gramota, pp. 114–117. URL: www.gramota.net/materials/2/2020/8/22.html (mode of access: 26.09.2023).

Zagorovskaya, O. V. (2020). Etapy razvitiya russkogo yazyka v noveishii period ego istorii (rubezh XX–XXI vekov) [Stages of Development of the Russian Language in the Newest Period of Its History (the Turn of the 20th–21st Centuries)]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*. No. 4, pp. 16–22.

Zagorovskaya, O. V. (2021). Zaimstvovaniya i adaptatsii inoyazychnoi leksiki v russkom yazyke XXI veka [Borrowing and Adaptation of Foreign Language Vocabulary in the Russian Language of the 21st Century]. In *Izvestiya VGPU*. No. 4, pp. 176–182.

Данные об авторе

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Адрес: 603950, Россия, Бокс-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

E-mail: beglova-elena@yandex.ru.

Author's information

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Foreign Languages and Culture of Speech, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia).

Дата поступления: 06.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 06.10.2023; date of publication: 30.12.2023

ДВА ВЕКА – ДВА СЛОВАРЯ: СЕМАНТИЧЕСКИЕ НЮАНСЫ

Рут М. Э.

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>
SPIN-код: 7590-4892

Аннотация. В 2023 году исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося советского ученого-лингвиста Дмитрия Николаевича Ушакова. В связи с этим славным юбилеем невозможно не вспомнить о любимом детище юбиляра – четырехтомном «Толковом словаре русского языка», вышедшем в 1935–1940 гг. под его редакцией, составленном при его живейшем участии и почти сразу заслужившем в филологической среде почетную номинацию «Словарь Ушакова». Прошедшие со времени выхода первого тома почти 90 лет, несомненно, внесли значительные коррективы и в сам лексический корпус русского языка, и в представления ученых-лексикографов о принципах его описания. В данной статье предпринимается пилотная попытка, не касаясь вопроса о динамике количественных изменений в русском лексиконе (появление новых слов, исчезновение устаревших и т. п.), проследить конкретную реализацию тенденций, определяющих модификацию семантики лексем литературного языка. Мы ограничиваемся лишь словами на букву А, сопоставляя отраженные в этом фрагменте лексемы с данными Большого толкового словаря русского языка (2000) и Активного словаря русского языка (2014). В ряде случаев привлекаются и данные Большого современного толкового словаря русского языка (онлайн, 2012), позволяющие проследить промежуточные ступени семантического развития тех или иных лексем. Сопоставительный анализ материала указанных словарей показал, что существует два фактора, оказавших несомненное влияние на семантические сдвиги и появление новых значений: это изменение номинируемых реалий и изменение образа этих реалий в языковом сознании носителей языка. Кроме того, мы столкнулись со спонтанными семантическими сдвигами, причины которых в рамках имеющегося на настоящий момент материала объяснить трудно. В связи с этим встает вопрос и об изменении подхода к формулировке дефиниций, тоже претерпевшей в ряде случаев явные модификации. Представляется продуктивным продолжить эту работу, опираясь на данные словаря в целом.

Ключевые слова: русская лексика; русская лексикография; лексическая семантика; изменение лексического значения; «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Для цитирования: Рут, М. Э. Два века – два словаря: семантические нюансы / М. Э. Рут. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 83–90. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-83-90.

TWO CENTURIES – TWO DICTIONARIES: SEMANTIC NUANCES

Maria E. Ruth

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

Abstract. In 2023, Russian linguists celebrate the 150th anniversary of the birth of the outstanding Soviet linguist Dmitry Nikolaevich Ushakov. In connection with this glorious anniversary, one cannot fail to recall the beloved brainchild of the hero of the day – the four-volume “Explanatory Dictionary of the Russian Language”, published in 1935–1940 under his editorship, which was compiled with his active participation and immediately deserved the honorary name “Ushakov’s Dictionary” in the philological community. Almost 90 years that have passed since the publication of the first volume have undoubtedly called forth adjustments to the lexical corpus of the Russian language itself, and to the ideas of lexicographers about the principles of its description. This article makes a pilot attempt to trace the concrete implementation of the trends that determine the modification of the semantics of lexemes of the literary language without touching on the dynamics of quantitative change in the

Russian lexicon (appearance of new words, disappearance of obsolete ones, etc.). The author limits her study to the words beginning with the letter A, comparing the lexemes reflected in this fragment with the data of the Large Explanatory Dictionary (2000) and the Active Dictionary of the Russian language (2014). In some cases, data from the Large Modern Explanatory Dictionary of the Russian language (online, 2012) are also involved, that allow tracing intermediate stages of the semantic development of certain lexemes. A comparative analysis of the material of these dictionaries has shown that there are two factors that have undoubtedly influenced semantic shifts and the emergence of new meanings: these include a change in the nominated realities and a change in the image of these realities in the linguistic consciousness of the native speakers. In addition, the study has come across spontaneous semantic shifts, the reasons for which are difficult to explain within the framework of the currently available material. In this regard, the question arises about changing the approach to the formulation of definitions, which has also undergone obvious modifications in some cases. It seems productive to continue this work, relying on the data of the dictionary as a whole.

Keywords: Russian vocabulary; Russian lexicography; lexical semantics; change of lexical meaning; “Explanatory Dictionary of the Russian language” edited by D. N. Ushakov

For citation: Ruth, M. E. (2023). Two Centuries – Two Dictionaries: Semantic Nuances. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 83–90. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-83-90.

Введение

Резкие изменения в общественной жизни страны на рубеже XX–XXI веков повлекли за собой и существенное обновление русского лексикона. Резкая смена идеографической сетки языка привела к появлению мощной волны заимствований, активизации жаргонизмов и окказионализмов [Русский язык конца XX столетия 1996]. Смена идеологических ориентиров повлекла за собой переосмысление семантики целых пластов лексики. Вот красноречивый перечень связанных с изменениями в общественно-политической жизни семантических изменений, «диагностируемых» для конца XX века: «деактуализация значений, отражающих советские реалии; деидеологизация лексики; политизация некоторых групп лексики; деполитизация некоторых политических терминов; активизация некоторых семантических моделей, выражающих оценку личности как общественного явления; метафоризация как выражение оценки общественно-политической ситуации; разрушение прежней смысловой корреляции в политической лексике и возникновение новой» [Ермакова 1996: 33]. Естественным следствием идеологической переоценки лексикона, рожденного советской действительностью, стало «возвращение в узус лексики, бывшей неупотребительной» [Какорина 1996: 67], что позволило решить задачу «заполнения возникающих референциальных лакун» [Там же: 68].

Указанные процессы закономерно стали предметом многочисленных исследова-

ний, столь же закономерно отодвинувших на периферию исследовательского пространства проблемы внутреннего развития лексики русского языка, предполагающего наряду с количественными изменениями накопление смыслов, приводящих к развитию полисемии (а затем, возможно, и возникновению новых омонимов). Между тем лексикографические труды советской эпохи, первым из которых стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), в сопоставлении со словарями новой поры дают богатейший материал для прослеживания тихого движения лексической семантики от века к веку.

Именно такую задачу ставит перед собой автор настоящей статьи, обращаясь к словарю 1935–1940 годов, давно закрепившему за собой активно употребляющиеся в профессиональной речи русистов обозначения «словарь Ушакова» или «Ушаковский словарь».

Семантические нюансы: от «Словаря Д. Н. Ушакова» до лексикографии XXI века

Нужно сказать, что предлагаемый подход нельзя назвать популярным в отношении именно этого словаря: так сложилось, что со «словарем Ушакова» на все времена наиболее востребованным оказалось обсуждение его политической ангажированности – об этом писали и говорили и в годы формирования словаря, и в наши дни (см. об этом: [Крысин 2015; Никитин 2003, 2004, 2016, 2018]). Оцененный в советские годы как «словарь революционной эпохи» [Ожегов 2001], во времена пе-

рестройки он превратился в «лексикографический памятник тоталитарной эпохи» [Купина 1995: 4]. Между тем несомненно, что «словарь был создан в эпоху "диктатуры пролетариата", но авторы сделали все, чтобы он остался интеллектуально независимым, служил русскому языку, а не интересам партократии» [Панов 1995: 8]. Полагая, что словарь дает все основания к рассмотрению его как отражения лексического богатства первой половины XX века.

Естественно, такое рассмотрение в полной мере невозможно в рамках статьи, поэтому ограничимся пилотными сопоставлениями в пределах лишь одной буквы – буквы А. Для сопоставления привлечены данные Большого толкового словаря–2000 (далее – БТС) и Активного словаря русского языка–2014 (далее – АСРЯ). Сопоставление позволило отобрать из соответствующего фрагмента ТСРЯ слова, обретшие новые значения или их оттенки в современном литературном языке. Новые лексемы, не зафиксированные в ТСРЯ, не рассматривались.

Слова на букву А определены как зона исследования не только (и не столько) потому, что А – первая буква алфавита, а прежде всего в силу, во-первых, уместной для объема статьи ограниченности материала, во-вторых, заимствованного характера включенных в этот фрагмент лексем (показалось интересным исследовать уже устоявшиеся к началу XXI века иноязычные по происхождению лексемы в плане развития их семантики). При рассмотрении не учитывались различия в формулировках дефиниций, если они не носили принципиального характера.

Из 1276 слов на букву А в ТСРЯ лишь у 20 слов обнаруживаются семантические сдвиги разных типов. Рассмотрим их.

Наиболее ожидаемые изменения происходят при существенной модификации реалий. Так, слово *антресоли* в ТСРЯ толкуется следующим образом: «устар. 'верхний полуэтаж дома' // 'низкие комнаты, составляющие верхний полуэтаж дома» [ТСРЯ, 1: 46]. (У современного носителя языка такое толкование скорее подойдет для слов *мансарда* или *мезонин*.) Ср.: «1. В особняках 18–19 вв.: верхний полуэтаж дома, встроенный в объем основного этажа. 2. Верхний полуярус в виде открытой галереи с перилами

внутри высокого помещения. 3. Настил под потолком или закрытая полка, ставящаяся на верх шкафа, серванта и т. п. для хранения вещей» [БТС: 43]. Как видим, значение ТСРЯ в БТС сохраняется, хотя помета определяет слово уже не просто как устаревшее, а как конкретный историзм. Второе значение вполне могло появиться и в ТСРЯ: знакомство с архитектурой зданий XIX века позволяет говорить о существовании «верхних полуярусов в виде открытой галереи с перилами». Третье же значение отвечает представлениям о современных городских квартирах и их обстановке: и настилы под потолком, и закрытые полки на верш шкафа или серванта есть практически везде. Площадь квартир резко уменьшилась, прислуга (и в ТСРЯ, и в БТС есть текстовые иллюстрации, повествующие про прислугу, живущую на антресолях) исчезла, но потребность что-то разместить без ущерба основному помещению, повыше, осталась, и антресоли уменьшились до минимума, но все-таки сохранились. Странно, что в тридцатые годы XX века до этого еще не дошло!

Лексема *автомат* в ТСРЯ имеет следующие значения: «1. Аппарат, выполняющий определенную работу самостоятельно, действием внутреннего механизма. 2. Механическая заводная кукла; *перен.* 'человек, действующий бессознательно, машинально, безучастно' [ТСРЯ, 1: 10].

Первое значение вполне соответствует представлениям об устройствах, обеспечивающих автоматизированные производственные процессы, однако дефиниция в БТС более развернута, что наглядно демонстрирует вхождение автоматических устройств в нашу жизнь: «самодействующее устройство (аппарат, машина, прибор), производящее работу по заданной программе без непосредственного участия человека». В примерах нашли отражение и автоматы с газированной водой, и игровые автоматы, и кассы-автоматы, и телефон-автомат; отмечена возможность разговорного *автомат* о телефоне-автомате [БТС: 26]. Естественно появление нового значения: 2) 'ручное автоматическое скорострельное оружие' – во времена Д. Н. Ушакова автомата Калашникова еще не было.

Второе значение ТСРЯ заставляет

вспомнить о Гофмане. В БТС значение, связанное с куклой-автоматом, исчезает, реальный для современников Д. Н. Ушакова перенос «кукла» – «человек, подобный кукле» заменяется в третьем значении БТС («о человеке, действующем по выработанному шаблону, безучастно и механически совершающем что-л.» [Там же]) переносом «человек» – «механизм» (ср. «по заданной программе» – «по выработанному шаблону»).

Дефиниция словаря 30-х годов XX века к слову *абитуриент* такова: «*Дореволюц. и загр.* Учащийся среднего учебного заведения, который держит выпускной экзамен» [ТСРЯ, 1: 3]. Для большинства европейских стран (а теперь и для России) сдача выпускного экзамена решала и вопрос о поступлении в вуз. Небольшое количество высших учебных заведений и ограниченное количество поступающих в них еще не сделало актуальным само понятие «человек, поступающий в университет (институт)». В практике второй половины XX века в СССР это понятие стало существенно важным: все учащиеся сдавали выпускные экзамены, но они не представляли особых прав при поступлении в вуз, в то время как вступительные экзамены были серьезным испытанием и имели определяющее значение для тех, кто хотел получить высшее образование. Отсюда современное *абитуриент* «тот, кто поступает в высшее или среднее специальное учебное заведение» [БТС: 23]. Правда, с введением ЕГЭ у старого значения появился шанс возрождения.

Нередко лексикограф не успевает за изменениями действительности вокруг него. Так, асфальт, известный в России еще в XIX веке, определяется в ТСРЯ следующим образом: «черная смолистая масса минерального происхождения, употр. при устройстве дорог, тротуаров, полов и в некоторых отраслях строительной и химической промышленности» [ТСРЯ, 1: 66]. Сема изготовления искусственным путем отсутствует, зато достаточно широко представлена сфера употребления асфальта, при этом несколько странно выглядит устройство полов, сейчас связанное только с бетоном. (Хотя есть еще и асфальтобетон – может быть именно его тогда использовали для полов? Интересно, были ли асфальтовые полы в 30-е годы.) Ср. дефиницию слова

асфальт в БТС: «1. Черная смолистая масса: смесь битума с известняками, естественного или искусственного (разрядка наша. – М. Р.) происхождения (используется для покрытия дорог, тротуаров, улиц и т. п.). 2. Дорога, тротуар, улица и т. п. (включается ли сюда пол? – М. Р.), покрытые такой массой» [БТС: 50]. В Большом современном толковом словаре русского языка (онлайн, 2012) значения для искусственного и естественного асфальта разделяются, а также вновь добавляется указание на более широкое использование, чем только строительство дорог: «1. Ископаемая смолистая порода черного цвета, образующаяся из нефти. 2. Искусственная черная смолистая масса – смесь битума с песком, гравием, щебнем и т. п., используемая при строительстве дорог и в некоторых отраслях промышленности. 3. Разг. Мостовая, тротуар и т. п., покрытые такой массой» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Характерно, что во всех словарях остается зримый образ асфальта – «черная смолистая масса», так знакомая каждому городскому жителю, привыкшему к ремонту асфальтированных дорог и улиц. Ср. развернутый конкретный образ, представленный в АСРЯ: «Черная смолистая масса, затвердевающая при остывании, которую укладывают в горячем состоянии ровным гладким слоем на дороги и другие пространственные объекты, предназначенные для перемещения транспортных средств и людей, в результате чего образуется твердое покрытие этих объектов» [АСРЯ, 1: 116]. Действительно, точный «портрет лексических знаний образованного носителя языка» [Апресян 2014: 7]. Существовал ли такой портрет в языковом сознании образованных носителей русского языка 30-х годов прошлого века?

Вошедшая в жизнь страны реалия не сразу обретает тот самый лингвистический портрет. Так, нет сомнений, что в 30-е годы автомобиль был уже знаком каждому городскому жителю. Но вот дефиниция обозначения этой реалии в ТСРЯ: «экипаж, приводимый в движение собственным механическим двигателем» [ТСРЯ, 1: 10]. Для образованных людей начала XXI века *экипаж* – это «команда, личный состав корабля, самолета, танка» [БТС: 1514] и только

потом откуда-то из пассивного запаса может всплыть омоним – «легкая рессорная повозка для пассажиров» [Там же]. Учитывая, что для составителей ТСРЯ *экипаж* – это тоже «легкая повозка», понимаешь, что за словом *автомобиль* стоит прежде всего легковой автомобиль, хотя в словаре есть слово *грузовик* с пометой «нов.» и толкованием «грузовой автомобиль» [ТСРЯ, 1: 640]. Получается «грузовой экипаж (легкая повозка), приводимый в движение собственным механическим двигателем». Нонсенс? Нет, первые шаги в формировании адекватного портрета лексических знаний.

Кстати, что такое в данном случае «механический двигатель»? Двигатель в ТСРЯ – «машина, приводящая что-н. в движение, механизм, преобразующий какой-н. вид энергии в механическую работу (тех.). *Д. внутреннего сгорания. Электрический д.*» [ТСРЯ, 1: 657]. Поскольку двигатель внутреннего сгорания уже упоминается, странно, что его нет в дефиниции автомобиля, ср. определение в БТС: «самоходная машина с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам» [БТС: 27]. В онлайн словаре 2012 года определение слегка варьирует: «транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания, предназначенное для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Замена несколько архаического «самоходная машина» на «транспортное средство» переводит дефиницию в современное русло, и дефиниция казалась образцовой, но при случайно возникшем обсуждении водитель автомобиля заметил: «А бывают же не только двигатели внутреннего сгорания!». Последний штрих в современное видение автомобиля вносит АСРЯ: «наземное транспортное средство с двигателем, работающим на топливе, предназначенное для перевозки людей и грузов» [АСРЯ, 1: 45]. Возникает вопрос о соотношении сем «наземное» и «по безрельсовым дорогам». Пожалуй, «наземное» более точно – ведь есть и внедорожники! Насколько наши современные знания об автомобилях шире тех, что были в 30-е годы! Насколько разнообразнее стали «экипажи, приводимые в движение собственным механическим двигателем»!

Коррективы появляются и при определении понятия «автомобилист». В ТСРЯ с пометой «спорт.» приводится значение «занимающийся автомобильным спортом». В БТС дается определение «тот, кто занимается автомобилизмом (т. е. «автомобильным делом, автомобильным спортом»)» [БТС: 27]. В Большом толковом словаре 2012 года находим более конкретное толкование понятия «автомобилизм» – наряду с значением «автомобильный спорт» в качестве первого значения выступает: «комплекс знаний и навыков, необходимых для вождения автомобиля, обслуживания и ремонта; автодело» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Еще одно словарное свидетельство изменения реалий и отношения к ним.

С историей семантики слова *автомобиль* переключаются семантические нюансы слова *автобус*. В ТСРЯ он определяется как «многоместный автомобиль общего пользования, служащий для сообщений по определенному маршруту» [ТСРЯ, 1: 9], т. е. речь идет о рейсовом автобусе. В БТС это «многоместный автомобиль, вид пассажирского транспорта» – значение расширяется. В онлайн словаре 2012 года выделены уже два значения: «1. Многоместный автомобиль для перевозки пассажиров. 2. разг. Вид пассажирского транспорта» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. АСРЯ вновь создает конкретный образ реалии: «наземное транспортное средство с двигателем, работающем на топливе, имеющее внутри большое пространство с рядами сидений вдоль стенок для людей и проходом между сиденьями» [АСРЯ, 1, 44]. Действительно, не является ли в нашем сознании наличие в автобусе рядов сидений с проходом между ними более важным компонентом значения, чем использование топлива?

Интересна судьба слова *аграрий*. В ТСРЯ это «крупный землевладелец (в Зап. Европе)» [ТСРЯ, 1: 13]. Взятое в скобки дополнение четко коррелирует с самим значением – в СССР крупных землевладельцев быть не могло. В БТС старое значение остается, правда, уже без отсылки к зарубежью: «крупный землевладелец, помещик». Но появляется и второе значение: «Специалист по сельскому хозяйству. || Специалист по аграрному вопросу» [БТС: 28].

В Большом толковом словаре онлайн значение «землевладелец» исчезает, 2-е значение становится первым и прописывается более дифференцированно, плюс появляются два новых, рожденных перестройкой: «1. Специалист в области теории и практики сельского хозяйства; специалист по аграрному вопросу. 2. Тот, кто занимается земледелием, сельским хозяйством. 3. Член Аграрной партии» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012].

Приведенные примеры позволяют сделать вывод о подсудном движении на пути познания тех или иных реалий действительности, которое не сразу отражается в словарях, в чем-то отстающих от лингвистических портретов реалий в сознании своих современников и не всегда находящих адекватные формы воплощения этих знаний в словарных дефинициях.

Словари дают возможность проследить и модификации языкового сознания людей в разные временные периоды. Показательным в этом отношении представляются вариации значения слова *анекдот*. В ТСРЯ это «вымышленный короткий рассказ о смешном забавном происшествии, || само происшествие, || выдумка, вымышленный случай». Тут же приводится выражение *скверный анекдот* – «неприятное происшествие, неприятность» [ТСРЯ, 1: 40]. Дефиниция вполне отвечает значению, сложившемуся еще в XVIII–XIX веках – ср. «дней минувших анекдоты» у А. С. Пушкина. В современных словарях это значение упоминается, но в качестве основного выступает другое, формулируемое (с незначительными вариациями) как «один из жанров фольклора: короткий юмористический рассказ, обычно высмеивающий кого-, что-л.» [БТС: 40]. Характерно, что при этом нет никаких упоминаний о политических анекдотах – в советское время это было невозможно, но запрет, как ни странно, сохранился и сейчас, ср.: «1. Короткий рассказ о каком-либо вымышленном событии, забавном случае. || Само это событие, сам этот случай. 2. Устный короткий рассказ с неожиданным остроумным концом» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]; «придуманый неизвестным автором короткий смешной рассказ с неожиданным концом о ситуации, явлении или объекте, устно рас-

пространяемый от одного человека к другому» [АСРЯ, 1: 87]. Впрочем, в настоящее время анекдотами все чаще называются неостроумные шуточки «ниже пояса». Вполне отвечает этому изменению значения слова *анекдотичный*. В ТСРЯ это «похожий на анекдот, небывалый, маловероятный, забавный, оригинальный» [ТСРЯ, 1: 40], в БТС – «похожий на анекдот; маловероятный, небывалый» (оригинальность исчезла), в онлайн словаре 2012 года – «похожий на анекдот; смешной, нелепый» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012]. Комментарии излишни.

Наряду с семантическими сдвигами возможна также расширенная специализация значения. Так, слово *аттестат* в 30-е годы фиксируется в трех значениях с общей семой «свидетельство о чем-либо»: «1. Письменное свидетельство об окончании учебного заведения. 2. Свидетельство о прохождении службы. Рекомендация с места прежней службы. 3. Документ с указанием происхождения породистых животных» [ТСРЯ, 1: 60]. В БТС это: «1. Официальный документ об окончании среднего учебного заведения. 2. Документ, удостоверяющий право военнослужащего (или члена семьи офицера) на получение денежного, вещевого и другого довольствия. 3. В России до 1917 г. свидетельство или письменный отзыв о прохождении службы. 4. Документ, удостоверяющий породистость животного» [БТС: 51]. Как видим, два значения сохранились, причем одно из них получило помету, указывающую на выход из употребления (интересно, что в ТСРЯ такой пометы нет, хотя речь идет о дореволюционной эпохе). Первое значение специализировано – теперь это только документ об окончании среднего учебного заведения. Годы войны вызвали к жизни значение, ставшее в БТС вторым. Однако несомненна неполнота описания семантики слова, и этот недостаток исправляет словарь онлайн, где фиксируется значение «свидетельство о присвоении ученого звания» [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012], уже давно функционирующее в узусе и зафиксированное академическим словарем современного русского языка в 17-ти томах.

Можно отметить изменение коннотации лексем. Так, слово *актерство* в ТСРЯ

толкуется как «притворство, рисовка», что придает ему ощутимую негативную окраску. В БТС толкование включает в себя две части, где в первой допускаяется и отсутствие негации: «Умение притворяться кем-л. или каким-л., для прикрытия истинных чувств, мыслей и т. п.». С другой стороны, вторая часть дефиниции – «позирование перед кем-л. в расчете на благоприятное впечатление, успех у окружающих» [БТС: 33] – негацию сохраняет. В словаре онлайн это значение разведено на два [<https://slovar.cc/rus/tolk.html> 2012].

Удивляет различие словарных дефиниций для слова *азартный*. В ТСРЯ оно толкуется как «увлекающийся, несдержанный, запальчивый», соотносится с *азарт* – «запальчивость, задор» [ТСРЯ, 1: 18]. В БТС находим «задорный, горячий, страстно увлекающийся», при этом *азарт* – «сильное возбуждение, вызванное страстной увлеченностью чем-л., задор, пыл» [БТС: 30]. Хотя определения существительного переключаются, оценочные характеристики прилагательных явно различаются. В АСРЯ прилагательное *азартный* отсутствует, но *азарт* определяется как «очень большая степень возбуждения человека, вызванная крайней увлеченностью тем делом, кото-

рое он в данный момент делает и которое доставляет ему удовольствие» [АМРЯ, 1: 59]. Получается, что в наше время азартность оценивается более положительно. Возможно, на такую оценку оказало влияние длительное отсутствие условий для азартной карточной игры в нашей стране. Но так и хочется высказать предположение о субъективности составителей, которая так или иначе всегда присутствует.

Заключение

Завершая заметки о семантических изменениях в русском языке, зафиксированных словарями двух эпох, отметим, что это только одна линия фиксации сложнейшего процесса модификации лексической семантики. Все привлеченные к сопоставлению словари выстраивают лексическую семантику не исходя из множества контекстных смыслов, как это делается в академических словарях, а с опорой на знание языковых значений и типичной сочетаемости. Это позволяет охватить большой объем лексического материала, собранный в достаточно компактных изданиях, но угрожает субъективизмом в формулировке дефиниций. Однако любой словарь – портрет своей эпохи, и в этом его непреходящая ценность.

Литература

- Активный словарь русского языка. Т. 1 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 408 с.
- Апресян, Ю. Д. Об активном словаре русского языка / Ю. Д. Апресян // Активный словарь русского языка. Т. 1 / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – С. 5–36.
- Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, главный редактор С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
- Ермакова, О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985–1996). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 32–66.
- Какорина, Е. В. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет) / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1996). – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 67–89.
- Крысин, Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков и «ушаковский» словарь / Л. П. Крысин // Крысин Л. П. Статьи о русском языке и русских языковедах. – М. : Флинта ; Наука, 2015 – С. 507–517.
- Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал, ун-та ; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
- Никитин, О. В. «Чистый сердцем человек» (К 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Русский язык за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 79–81.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228.
- Никитин, О. В. «Ушаковская эпопея». Неизвестные страницы знаменитого словаря // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 51–62.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века: к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.

Ожегов, С. И. Словарь революционной эпохи. Историко-культурный справочник (Предварительные наброски) / С. И. Ожегов // Словарь и культура русской речи. К 150-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001. – С. 410–412.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Ушаков, Д. Н. Русский язык : учебное пособие. – М. : Просвещение ; Учебная литература, 1995. – С. 8–40.

Русский язык конца XX столетия (1985–1996) / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 480 с.

Толковый словарь русского языка. Т. 1: А–Кюрины / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935. – 1562 ст.

References

Apresyan, Yu. D. (2014). Ob aktivnom slovare russkogo yazyka [About the Active Vocabulary of the Russian Language]. In Apresyan, Yu. D. (Ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka*. Vol. 1: Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, pp. 5–36.

Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2014). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active Vocabulary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. 408 p.

Ermakova, O. P. (1996). Semanticheskie protsessy v leksike [Semantic Processes in Lexicon]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 32–66.

Kakorina, E. V. (1996). Transformatsiya leksicheskoi semantiki i sochetanosti (na materiale yazyka gazet) [Transformation of Semantics and Correlation (Based on the Language of Newspapers)]. In *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 67–89.

Krysin, L. P. (2015). Dmitrii Nikolaevich Ushakov i Ushakovskii Slovar [Dmitry Nikolaevich Ushakov and Ushakov's Dictionary]. In Krysin, L. P. *Stat'i o russkom yazyke i russkikh yazykovedakh*. Moscow, Nauka, pp. 507–517.

Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Ekaterinburg, Perm, Ural University Publishing House, ZUUNTS. 144 p.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, Norint, 1536 p. (=BTS)

Nikitin, O. V. (2003). "Chisty serdtsem chelovek" (K 130-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova) [The Person with an Open Heart (to the 130th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov)]. In *Russkii yazyk za rubezhom*. No. 3, pp. 79–81.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya "Ushakovskogo slovary") [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s. (Prehistory of the "Ushakovsky Dictionary")]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1 (7), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2016). Ushakovskaya epopeya : neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya XX veka : K 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XX Century: to the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (170), pp. 88–95.

Ozhegov, S. I. (2001). Slovar' revolyutsionnoi ehpokhi. Istoriko-kul'turnyi spravochnik (Predvaritel'nye nabroski) [Dictionary of the Revolutionary Epoch (Preliminary Ideas)]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik, pp. 410–412.

Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Studies]. In Ushakov D. N. *Russkii yazyk: uchebnoe posobie*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 8–40.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, OGIЗ. 1562 p.

Zemskaya, E. A. (Ed.). (1996). *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1996)* [The Russian Language of the Late 20th Century (1985–1996)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 480 p.

Данные об авторе

Рут Мария Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51.

E-mail: moerut@yandex.ru.

Author's information

Ruth Maria Eduardovna – Doctor of Philology, Professor of Department the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication Tools, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

**САКРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА**

Терешкина Д. Б.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС) при Президенте РФ (Новгородский филиал) (Великий Новгород, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>
SPIN-код: 8928-3482

А н н о т а ц и я . Статья посвящена изучению сакральной лексики в «Толковом словаре русского языка» (ТСРЯ) под редакцией Д. Н. Ушакова. Состав сакральной лексики ограничен в статье лексемами, связанными с религиозной сферой православного христианства, подвергшегося в период становления советской власти наиболее сильной обструкции. Анализируется количественный состав сакральной лексики в ТСРЯ, способы репрезентации значений отдельных лексем, приемы десемантизации и десакрализации лексических единиц, относящихся к христианской культуре. Материалом для анализа послужил полный корпус ТСРЯ, а также соответствующие (привлекаемые для сопоставления) статьи Словаря русского языка под редакцией Я. К. Грота, А. А. Шахматова и др. (СПб., 1891–1936). Особое внимание уделено иллюстративному материалу словарных статей. Научная новизна статьи связана с обобщением результатов комплексного анализа речевых стратегий авторов статей ТСРЯ в процессе репрезентации сакральной лексики в наиболее «безбожный» период советской истории России. Выводы из настоящего исследования коррелируют с имеющимися наблюдениями над спецификой ТСРЯ. Показано, что составителям ТСРЯ удалось сохранить в словаре сакральную лексику в достаточном объеме, с корректными значениями, а также найти оптимальное соотношение между православной картиной мира русскоговорящих и новыми требованиями советского руководства, осуществлявшего непосредственный надзор над работой по составлению словаря. Речевыми стратегиями, позволившими вписать сакральную лексику в словарь советской эпохи, стали: применение строчных букв в словах, традиционно писавшихся с прописной; исключение сакральных значений многозначных слов (напр., «владыка»); система помет, относящих слово с сакральным значением в сферу «христианской мифологии» или поэтического языка; комплекс речевых оборотов в области значения слова в словарной статье («так называемый», «из мира фантазии» и др.); десемантизация сакральной лексики посредством указания употребления лексемы лишь в значении междометия (напр., «Господи», «Боже» и др.); цитаты из сочинений идеологов советской эпохи в качестве иллюстративного материала к слову с сакральным значением и др. ТСРЯ представляет собой уникальный документ эпохи, отразивший переломный период и в истории России, и в русском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : сакральная лексика; десакрализация; языковая ситуация; христианская мифология; десемантизация

Д л я ц и т и р о в а н и я : Терешкина, Д. Б. Сакральная лексика в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / Д. Б. Терешкина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 91–102. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-91-102.

**SACRED VOCABULARY IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE” EDITED BY D. N. USHAKOV**

Darya B. Tereshkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPА) (Novgorod Branch) (Veliky Novgorod, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2079-1116>

A b s t r a c t . The article studies sacred vocabulary in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” (EDRL) edited by D. N. Ushakov. The scope of the sacred vocabulary under study is limited in the article to the lexemes related to the religious sphere of Orthodox Christianity, which was subjected to the most severe obstruction during the first years of the Soviet power. The article analyzes the quantitative aspect of the sacred vocabu-

lary in the EDRL, the ways of meaning representation of individual lexemes, and the techniques of desemantization and desacralization of lexical units related to Christian culture. The practical research material embraces the complete corpus of the EDRL, as well as the corresponding articles (used for comparison) of the Dictionary of the Russian language edited by Ya. K. Grot, A. A. Shakhmatov, et al. (St. Petersburg, 1891–1936). Special attention is paid to the illustrative material of dictionary entries. The scientific novelty of the article is associated with the generalization of the results of a comprehensive analysis of the speech strategies of the authors of the EDRL articles in the process of the sacred vocabulary representation in the most “godless” period of the Soviet history of Russia. The conclusions of this study correlate with the available observations of the specificity of the EDRL. It is shown that the authors of the EDRL managed to preserve the sacred vocabulary in the dictionary in sufficient volume, with relevant meanings, as well as to find the optimal balance between the Orthodox worldview of Russian speakers and the new requirements of the Soviet leadership, who directly supervised the work on compiling the dictionary. The speech strategies that made it possible to include sacred vocabulary into the dictionary of the Soviet era were: the use of lowercase letters in words traditionally capitalized; the exclusion of sacred meanings of polysemous words (e.g., “vladyka”); a system of notes referring a word with a sacred meaning to the sphere of “Christian mythology” or poetic language; a set of speech formulae in the field of the word meaning in a dictionary entry (“so-called”, “from the world of fantasy”, etc.); desemantization of sacred vocabulary by specifying the use of a lexeme only in the function of an interjection (e.g., “Lord!”, “God!”, etc.); quotes from the writings of ideologists of the Soviet era as illustrative material to a word with a sacred meaning, etc. The EDRL is a unique document of the epoch, reflecting a turning point in the history of Russia and in the Russian language.

Key words: sacred vocabulary; desacralization; linguistic situation; Christian mythology; desemantization

For citation: Tereshkina, D. B. (2023). Sacred Vocabulary in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 91–102. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-91-102.

Введение

История создания «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ), разрабатывавшаяся в молодом советском государстве, хорошо известна по исследованиям, предпринятым уже в наше, постсоветское время [Аванесов 1973; Науменко 2018а; Науменко 2018b; Нефёдов, Нефёдова 2013; Никитин 2016а; Никитин 2016b; Легенда... 2023; Стукова 2022]. Эта история была захватывающей, местами драматичной, но в любом случае показательной: первый в советское время толковый словарь стал удобной площадкой борьбы – политической, социальной, научной, мировоззренческой и даже межличностной. Приходится удивляться, что словарь как факт общественной и научной жизни состоялся в полном объеме¹ – хотя бы в том смысле, что вышли все запланированные тома², причем в достаточно короткие сроки, несмотря на перевыпуск первого тома и многочисленные административные преграды [Ушаков 1935].

Несомненно, объем словаря мог быть и гораздо большим: исключению подверглись обширные фрагменты текста, ценные в научном отношении, но не укладывавшиеся в идеологию времени³. Основные принципы отбора слов для словаря и составления словарных статей обозначены самими составителями. Они прописаны в слове «От редакции», предваряющем первый том: «История больших словарей показывает, что каждый из них является отражением классовых интересов своей эпохи. Изучая словари, можно видеть, что привносилось в накопленное ранее богатство, что и как в нем перерабатывалось новым, завоевывавшим господство классом. Выпускаемый теперь словарь — попытка отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка, и вместе с тем указать установившиеся нормы упо-

¹ Этому способствовало несколько причин, которые можно отчасти считать счастливыми случайностями [Никитин 2016а; Никитин 2016b].

² Количество томов увеличилось с 2 до 4, о чем было сообщено в предваряющий второй том заметке «От редакции».

³ См., напр., отдельный сюжет о сокращении, по требованию властей, иллюстративного материала к слову «Бог», о чем искренне сетовал Д. Н. Ушаков [Никитин 2016а: 60]. Процедура «секвестирования» языкового материала касалась, по понятным причинам, прежде всего сакральной лексики.

требления слов» [ТСРЯ, т. 1, с. [5]¹].

«Процесс переработки словарного материала» состоял в целом комплексе приемов работы составителей словаря, в том числе в отношении той области русского языка, которая подверглась наибольшей обструкции при советском режиме: сакральной лексики². В задачу нашей статьи входит обзор слов с сакральным значением, входящим в ТСРЯ, а также описание приемов работы составителей ТСРЯ, позволивших включить в словарь основной состав сакральной лексики, входящей в активную речевую практику первой половины XX в.

Вопрос о терминологии при изучении сакральной лексики

Следует внести ясность в терминологию вопроса и задачи нашего исследования.

Термин «сакральный», не получивший в лингвистике однозначного толкования [Казаков 2016, Смирнова 2014], мы употребляем в следующем значении: «относящийся к религиозному культу; священный, ритуальный» [Евгеньева 1999]. Важно

иметь в виду, что слова «сакральный» нет ни в словаре Ушакова, ни в прочих словарях вплоть до середины XX в., будучи восполненным в своей семантике словами «священный» и «святой» [Казаков 2016: 6]. Применительно к словарю под редакцией Д. Н. Ушакова мы употребляем термин «сакральный» в обобщающем смысле, как обозначение целого круга слов, составляющих понимание присутствия Божественного в реалиях мира. В этом смысле термин «сакральный» не тождествен терминам «церковный» и даже «религиозный» в широком понимании последнего. В своем исследовании мы придерживаемся узкого понимания термина «религиозный», при котором «в состав религиозной лексики включаются единицы, связанные только со сферой "Религия", и исключаются слова и сочетания, номинирующие лица, предметы и явления сферы "Церковь"» [Смирнова 2014: 94]. В список сакральной лексики, находящейся в ТСРЯ, мы не включаем большое число слов, номинирующих лиц духовной иерархии, названия церковной утвари и архитектурных деталей культовых строений, не имеющие сакрального значения, и другие подобные лексемы. Таким образом, в сакральную лексику нами включаются те языковые единицы, которые касаются *религиозного мировоззрения*, обозначают «противоположные начала: "божественное" и "богопротивное", что отражает двойственную семантику латинского *sacer*» [Казаков 2016: 38].

Не включаются нами в сакральную лексику и церковнославянизмы («око», «рамена», «перст» и проч.), хотя, согласно речевой практике, к первой трети XX в. они стали, в большинстве своем, включаться в сакральный дискурс: имея прежде всего книжное употребление, эти слова входили в лексико-семантическое поле «божественное» опосредованно, через литературное творчество, напрямую не всегда будучи апеллируемы к их религиозному значению или контексту.

Наконец, в наше рассмотрение сакральной лексики в ТСРЯ не будут входить те лексемы, которые обозначают сакральные понятия нехристианских религий. Это сфера народных верований, не только русских: пантеон языческих богов, слова, очерчивающие круг языческой демоноло-

¹ В издании первого тома 1934 года пагинация раздела не дана; следующий за ним раздел «Условные сокращения» содержит пагинацию римскими цифрами по столбцам, но начинается с XIII столбца. Как известно, издание первого тома 1934 года осуществлялось в крайне неблагоприятных обстоятельствах научной и политической полемики и вышло ничтожным тиражом; в 1935 году т. 1 был переиздан [Никитин 2016а: 53]. Нами цитаты первого тома приводятся по изданию 1934 г. из библиотеки Словарного кабинета кафедры филологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

² Републикация фрагментов статей М. Горького, откликнувшегося в 1934 г. на историю с подготовкой ТСРЯ в газете «Правда» [Никитин 2016б], позволяет прочувствовать накал страстей вокруг первого словаря советского государства: «Понимая важность ряда понятий и явлений прошлого и необходимость их отображения в произведениях, он (М. Горький – Д. Т.) считал, тем не менее, что «теологи насорили очень много слов, осмысленных ложью: бог, грех, блуд, ад, рай, геенна, смирение, кротость и т. д. Лживый смысл этих слов, – писал он в статье "О языке", – разоблачен, и хотя скорлупа некоторых, например[,] слова "ад" осталась, но наполняется иным, уже не мистическим, а социальным смыслом» [Никитин 2016б: 29]. М. Горький призывал к созданию нового языка, называя, в том числе, церковнославянизмы «паразитивным хламом» [Там же].

гии, суеверий, примет, фольклорных практик (заговоров и проч.). Таким образом, сакральную лексику мы ограничиваем узким пониманием религиозной лексики, причем лексики христианской религии.

Корпус сакральной лексики в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Следует отметить, что даже при подобном ограничении список лексических единиц ТСРЯ, имеющих сакральное значение, насчитывает около 350 наименований. Это число соотносимо с тем, что указывают исследователи применительно к современному нам состоянию русского языка (Г. А. Казаков приводит список из 357 единиц сакральной лексики русского языка [Казаков 2016: 41–60]), в состав которой входят «следующие группы: сакральные восклицания, сакральные действия, имена Божества, духовные существа, сакральные предметы, наименования сакрального пространства, духовные саны, священные события, сакральные эпитеты» [Казаков 2016: 60].

Количественный состав сакральной лексики ТСРЯ – важный показатель в нескольких отношениях.

Во-первых, такой внушительный список сакральной лексики в словаре, создававшемся (официально, т.е. под надзором властей) в объявившем себя антихристианским обществе, говорит о том, что живая речевая практика бытовала вне официальных идеологий и даже вне общепринятых (не всегда официальных) конъюнктурных взглядов, приспособляющихся к требованиям времени. Как известно, позиция Д. Н. Ушакова и его соратников была принципиальной в отношении к научности издания словаря: он должен отражать текущую речевую ситуацию, по возможности при минимуме купюр и умолчаний. Следовательно, сакральная лексика в тридцатые годы XX в. составляла большую и привычную часть тезауруса русского человека.

Во-вторых, намеренное сокращение нами групп сакральной лексики ТСРЯ (по сравнению, например, с современным нам русским языком первой трети XXI в.) связано как раз с тем, что те лексические единицы, которые век назад воспринимались как нейтральные (например, названия духовных лиц, некоторых церковных пред-

метов и др.), сейчас во многих случаях приобрели сакральное значение в связи с возвращением Христианства как основы культурного кода русскоязычного населения России. В этом смысле составители ТСРЯ и его современные нам читатели находятся в совершенно разных исторических, культурных и языковых условиях. Если Д. Н. Ушаков и его соратники старались «штушевать» значение сакральной лексики в речевой практике современного им народа – носителя языка, то сейчас мы, вернувшие в своем сознании сакральность религиозного дискурса (а не его «прикладной», утилитарный, как «обслуживающий культ» характер), констатируем, насколько представительным и естественным в первые десятилетия советской власти был этот сектор русского языка, связанный с христианским мировоззрением.

Учет этого обстоятельства позволяет несколько иначе посмотреть на принцип составления статей ТСРЯ. С одной стороны, отсутствие сакрального значения в словарной статье того или иного слова (например, «отец» или «владыка») может восприниматься не только как «дань времени», но и как умолчание о том, что а priori понятно верующим, составляющим часть советского общества. В этом смысле ТСРЯ рассчитывал на такого читателя, который, если исповедовал христианство, вынужден был смириться с «потаенным» положением в советском государстве – подобно тому, как в катакомбах укрывались первые христиане, – и одновременно уметь читать «между строк» и по-новому смотреть на понятие сакральности: как проверку истинности своей веры в Христа, Самогo гонимого за веру и её проповедование. С другой стороны, современным составителям ТСРЯ читателям не приходилось объяснять многое из того, что носителям русского языка начала третьего тысячелетия (особенно живущим вне постоянно актуализируемого религиозного дискурса) приходится пояснять. Так, например, слово «скоромить» в ТСРЯ толкуется следующим образом: «Кормить скоромной пищей в постный день» [ТСРЯ 1940, 4: стб. 231]. Слово «скоромный» современному нам человеку (только если он не воцерковлен или хорошо начитан) нуждается в по-

яснении (слово «пост» при этом может быть более понятным). В этом смысле составители ТСРЯ находились в более благоприятной атмосфере «узнавания» читателем сакральной лексики, и сокращение языкового (в том числе иллюстративного) материала было не столько их «политикой» в отношении этой части русской лексики, но и совершенно обыденной практикой.

Тем не менее «политику» обращения с языковым материалом Д. Н. Ушакову и его единомышленникам приходилось вырабатывать, чтобы сохранить в словаре лексику, не вписывавшуюся в советскую идеологию [Стукова 2022]. В эту стратегию входил целый ряд приемов.

Приемы десакрализации

Главным из них стал перевод сакрального значения в «профанный» план, достигавшийся путем снижения сакрального значения слова или низведения его до сугубо утилитарного. Таково, например, слово «венчик». В ТСРЯ сакральное его значение (шестое по счету) представлено так: «бумажная лента с религиозными изображениями, накладываемая у православных на лоб покойника при погребении (церк.)» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 248]. Конечно, ни о какой отсылке семантики венчика к ожидаемому венцу славы христианина, жившего праведно, в Царствии Небесном в ТСРЯ не упоминается.

Приемами десакрализации стали также следующие.

1. Написание со строчной буквы именований высших в христианстве сил, традиционно писавшихся с прописной буквы: «Бог», «Богородица», «Святой Дух» и др. При этом названия церковных праздников сохраняют написание с прописных букв, а в статье слова «праздник» первым значением приводится именно религиозное значение: «в религиозном обиходе – день (или несколько дней подряд), посвященный памяти какого-н. религиозного (исторического или легендарного) события или так наз. святого (церк.)» [ТСРЯ 1939, 3: стб. 699], и лишь затем следуют значения этого слова «день торжества в память какого-н. выдающегося исторического, гражданского события», «официально установленный общий день отдыха по таким дням». Очевидно, что ситуация 30-х годов XX в. была та-

кой, когда гражданские праздники еще не были главенствующими; народный календарь, отсчитывающийся по церковным праздникам года, был более актуальным.

2. Именованье христианской религии «христианской мифологией» в толкованиях слов и вписывание её, таким образом, в систему веры в потусторонние силы самого разного генезиса (народная демонология, суеверия и проч.).

3. Оговорки в толкованиях слов с сакральным значением («так называемый», «в мире фантазии» и проч.), снимающих с них сакральный ореол. См., напр., «видение (книжн.) – образ, явление из мира фантазии, воображения; призрак, привидение» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 288–289]. Системой оговорок составители словаря – представители советского научного сообщества – словно дистанцировались от верующих, кто еще жил «пережитками прошлого». Впрочем, такого рода «маскарадная» форма коммуникации, когда говорилось (или писалось) не то, что думалось на самом деле, достигшая в эпоху развитого социализма в середине и второй половине XX в. наибольшего расцвета, в сталинскую эпоху 30-х годов уже начинала превращаться в своего рода систему двуязычия, разделявшего русский язык на «официальный» и «демократический».

4. Система стилистических помет, при помощи которых составители ТСРЯ «маскировали» сакральную лексику в общем составе прочих слов русского языка. Таковы пометы: *устар.*, *книжн.*, *церк.*, *церк.-книжн.*, *церк.-слав.*, *религ.*, *поэт.*, *нар.-поэт.* и проч. [Пестова 2020; 2021]. Если есть возможность при помощи стилистических помет полностью избежать сакрального значения слова, это систематически выдерживается (см., напр., «горлица»). Вытеснение религиозного значения наблюдается в отношении ключевых для христианства слов, напр.: «завет», «крест», «крестопклонный» и др. Стоит подчеркнуть, что перевод сакральной лексики в сферу поэтического и в целом книжного, риторического бытования во многом стало основой для построения «новой религии», т. е. сакрализации по модели «создания кумира» и «обрядового почитания» уже советских героев, идей и отдельных нарративов (Ленин,

который «живее всех живых», «вождь», «ум, честь и совесть» и проч.). «В светских контекстах сакральная лексика может выступать как средство создания религиозно-возвышенного стиля... сакральная лексика обладает большим потенциалом как средство языкового воздействия в сфере идеологического строительства, конструирования религиозной, культурной и национальной идентичности и т. п.» [Казаков 2016: 135].

5. Исключение из системы значений того или иного слова сакральной семантики. Таковы, например, слова «владыка», «закон», «искуситель», «жизнь», «заключить», «венец», «жизнедавец» и проч.

6. Десемантизация сакрального значения слова производится, в том числе, в упоминании этого слова лишь в качестве междометий, составных частей фразеологизмов и др. (напр., «господи», «грешно» и др.).

7. Десакрализация в формулировках значений тех или иных слов, обозначающих христианские святыни, представляемых лишь как предметы религиозного культа (напр., «гробница», «икона»).

8. Иллюстративный материал словарных статей организован так, чтобы избежать примеров употребления слова, связанных с религиозной тематикой. В этом случае русская классика становилась своего рода «щитом», за которым можно было спрятать любое слово с сакральным значением; авторитет русских писателей был непререкаем. Кроме того, это позволяло вписывать сакральную лексику в регистр поэтической речи. Следует отметить случай явной замены ожидаемой иллюстрации совершенно иным примером: слово «завет» толкуется как «наставление, воля, совет, данные последователям или потомкам (преимущ. умершего)», а пример употребления слова – «Заветы Ильича» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 899]. Следует отметить, что такие случаи немногочисленны и в целом соответствуют приведенному толкованию слова.

9. Своего рода «приметой времени» становится соседство в ТСРЯ слов с весьма далеким друг от друга значением. Таковы слова с корнем «рай-» с сакральной семантикой и с «рай-» как частью новых в лексике русского языка сложных слов со значением «районный» («райком», «райсовет»,

«районировать» и др. – все с пометами «нов.» и «офиц.») [ТСРЯ 1939, 3: стб. 1209]. Эта случайность не была бы особенно значимой (любой словарь полон подобных совпадений), если бы не известный факт, касающийся пристального внимания цензоров словаря к соседству тех или иных слов¹. В любом случае, ТСРЯ, как никакой иной словарь, отражает сложные процессы языковой практики первой трети XX в., когда новые реалии, выраженные в языке, сосуществовали с вековыми традициями и порой вытесняли их в сознании носителей языка (учитывая, что слово вроде «райком» употреблялось в речи людей того времени чаще, чем корень «рай» в его сакральном значении).

Следует отметить, что при всех механизмах редукции сакрального значения многих слов в ТСРЯ, его составители были объективны в отношении религиозных понятий, насколько это было возможно. Об этом говорят статьи слов «зло» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 1101], «духоборы» [Там же: стб. 815], «кошунствовать» [Там же: стб. 1494] и др. Согласимся с утверждением, что «одной из областей языкознания, которая довольно успешно и последовательно развивалась в эти годы и даже в чем-то противостояла «общей линии», была лексикография» [Никитин 2016b: 28].

Как известно, Д. Н. Ушаков и коллектив составителей ТСРЯ старались к максимальной полноте отражения современной им языковой практики. Однако в отношении сакральной лексики интересным было бы сопоставление ТСРЯ с другими словарями, прежде всего дореволюционными, где, вероятно, слов с религиозным значением должно было отразиться гораздо больше. В наши задачи не входит сравнение всего корпуса сакральной лексики в ТСРЯ с таким корпусом в иных словарях, тем более что современный ТСРЯ Толковый словарь Грота-Шахматова (далее – СГШ) (начавший свою историю еще до революции) так и не был доведен до конца

¹ Такой случай описан О. В. Никитиным: требование цензоров устранить нежелательное соседство слов «ленинец» и «ленивый» встретило решительное сопротивление Д. Н. Ушакова, отстаивавшего научные, а не идеологические принципы составления словника [Никитин 2016a: 60].

[Круглов 2015]. Однако в отношении одного примера можно провести такое сопоставление, чтобы представить себе, хотя бы частично, принципы отбора сакральной лексики для своего словаря составителями ТСРЯ. Это слово «Бог» и слова с корнем «Бог-/Бож-», поскольку «слово "Бог", пожалуй, можно назвать центральным в поле лексики сакрального значения» [Казаков 2016: 103].

Слова с корнем «бог-/бож-» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Слово «Бог» в СГШ первым значением приводит следующее: «Единое предвечное и всемогущее Существо, Творец и Вседержитель мира, истинный Бог» [СГШ 1891, 1: стб. 226]. Примечательно, что толкование слова дано таким образом, словно в том, что это толкование утверждает, нет никакого сомнения; кроме того, это толкование шире необходимого лексического значения (дополнение «истинный Бог» является, по сути, тезисом, направленным против предполагаемых оппонентов христианства как официальной религии в дореволюционной России). Всего в СГШ пять значений слова «Бог», из которых только первое имеет сакральную христианскую семантику. Но к первому (основному из них) приведено большое количество устойчивых выражений, а также пословиц и поговорок: «слава Богу», «благодаря Бога», «Бог знает», «Бог весть», «ей-Богу», «видит Бог», «Бог подаст», «Бог посетил», «Бог с тобой», «ради Бога», «Бог мой!», «ну вас к Богу», «Бог в помощь», «Без Бога ни до порога», «Бог тебе судья» и др., всего 40 словосочетаний и предложений. В свою очередь, в ТСРЯ слово «Бог» приводится с единственным значением: «По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Это определение так же избыточно, только в противоположном значении: в указании на сакральное значение слова достаточно было ограничиться оговоркой «по религиозным представлениям» и не усиливать его оборотом «будто бы», являющимся, в свою очередь, полемическим по отношению к исповедующим христианство, оказавшимся за пределами официальной идеологии. Иллюстратив-

ный материал статьи начинается с пространной цитаты из сочинений В. И. Ленина, в которой «бог» (со строчной буквы) изображается «идеей», которой «пользуются господствующие классы как орудием угнетения трудящихся масс» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Уже упоминавшаяся нами ситуация именно с этим словом сводилась к тому, что надзорные за работой над словарем органы потребовали убрать большой корпус устойчивых выражений со словом «Бог»¹, и в итоге в ТСРЯ осталось 6 из них, наиболее распространенных («бог знает», «бог весть», «слава богу», «как бог на душу положит», «не дай бог», «избави бог»), проиллюстрированные примерами из сочинений Грибоедова, Пушкина и Крылова, а также расхожими выражениями из повседневной речи. Судя по всему, от сохранившейся полемики осталось в ТСРЯ указание составителей, данное в квадратных скобках: «Со словом *бог* в разг. речи сохранилось много ходячих выражений, в к-рых это слово уже потеряло свой смысл и к-рые употр. в качестве вводных слов, наречий, присловий, частиц и т. п.» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 159]. Это замечание верно с научной точки зрения: на самом деле, во многих подобных выражениях слово «Бог», «упоминаемое все», десемантизировалось или, по крайней мере, в нём стерлось сакральное значение. Однако очевидным становится и акцентирование составителями ТСРЯ этой десемантизации, что, с одной стороны, отражало необходимое соблюдение требований времени, с другой – позволяло включить в ТСРЯ больше языковых единиц, активных в русском языке независимо от официальной антихристианской идеологии.

¹«Любопытно мнение на этот счет самого Д. Н. Ушакова: «У нас статья на слово *бог* была полтора столбца. – "Много!" – говорят. Ну, давайте опустим фразеологию. А в боге-то фразеология и важна была. Мы ничего не смогли сделать и выпустили очень много» [Никитин 2016а: 60].

СГШ, т. 1. А–Д. СПб., 1891. Стб. 221–226 ¹	ТСРЯ, т. 1. М., 1935, стб. 159–165
<p>Богоборец, богоборник, богоборнический, богоборный, богоборство, богобоязливость, богобоязливый, богобоязненность, богобоязненный, богобоязный, боговдохновенный, боговидец, боговидный, Боговочеловечение, боговенчаный, богоданный, богодарованный, богодержавие, богодухновенный, богоизбранный, боголепный, боголепый, боголюбец, боголюбие, богомаз, Богоматерь, богомерзкий, богомилы, богомильский, богомильство, богомолец, богомолица, богомолка, богомол, богомолье, богомольник, богомольница, богомольничать, богомольнический, богомольничий, богомольничество, богомольный, богомольня, богомольство, богомольствовать, богомольщик, богомольщица, богомольщина, богомудрый, богомысленный, богомыслие, богомятежный, богоневестная, богоненавистник, богоненавистный, Богоносец, богонос, богоотводный, Богоотец, богооткровенный, Богоотроковица, богоотступник, богоотступнический, богоотступничество, богоотступный, богоподобный, богопознание, богопочитание, Богоприимец, богопрославленный, богопротивник, богопротивность, богопротивный, богоравный, Богородица, богородичен, богородичная, богородская (трава), Богорожник, Богословие, богословский, богословствовать, богослов, богослужбный, богослужение, богоснедник, богоспасаемый, боготворение, боготворить, богоугodie, Богоугодник, Богоугодница, богоугодный, богохваление, богохвальный, богохранимый, Богохуление, Богохульница, богохульничать, богохульнический, Богохульничество, Богохульный, богохульство, богохульствовать, Богочеловек, Богочеловеческий, богошник, Богдавление, богавленный, Бог, божба, Боже, божедомка, божедомница, божедомный, божедомский, божедом, божедревко, боженье, Боженька, божеский, божественность, божественный, божество, божиться, божий, божница.</p>	<p>Бог, богаделенка, богаделка, богаделенный, богадельня, богоборец, богоборческий, богоборчество, богобоязненный, богоискатель, богоискательство, богомаз, Богоматерь, богомерзкий, богомол, богомолец, богомолка, богомолье, богомольный, богоносец, богоотступник, богоотступница, богоотступнический, богоотступничество, богоподобный, богопротивный, богородица, богослов, богословие, богословский, богословствовать, богослужбный, богослужение, богоспасаемый, богостроительство, боготворить, богоугодный, богохульник, богохульница, богохульничать, богохульный, богохульство, богохульствовать, богочеловек, Богдавление², боже, боженька, божеский, божественно, божественный, божество, божий, божиться, божница.</p>

¹ Слова приводятся в современной орфографии, но даются в том порядке, в каком они следуют в словаре. Прописные буквы указываются лишь в тех случаях, когда это совершенно необходимо (именования Божественных сил, церковных праздников и некот. др.); в остальных случаях применяются строчные буквы, несмотря на традицию написания многих из них в русской письменности (прежде всего XIX в.). В перечень не включаются слова, не имеющие отношение к христианству («богиня», «боговщина» («многобожие у степных инородцев» [СГШ 1891, 1: стб. 221]), «божок», «боготворка» («в сказках: человек или предмет, наделенный волшебной силой» [СГШ 1891, 1: стб. 225]).

² Помета в словаре: «Б. прописное» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 163].

О. О. Петрова отмечает: «В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова ...сокращается число религионимов: словообразовательное гнездо с корнем *бог* составляет всего около 50 слов. Толкования включают не только семантические ограничители дискурсивной отнесенности (*по религиозным верованиям, у верующих, в религии*), но и оценочные характеристики, как правило, негативные» [Петрова 2015: 88]. Действительно, в СГШ дано 127 слов с корнем *бог-/бож-*. В ТСРЯ их 54 (отметим: наиболее важных в ряду однокоренных слов). Это объясняется, несомненно, не только политикой составления ТСРЯ в имевшихся условиях, но и научной установкой составителей словаря под руководством Д. Н. Ушакова: новый словарь должен был стать не только максимально охватывающим всё богатство живой речевой практики, но и общедоступным. Это зависело прежде всего от компактности словаря и завершения работы над ним в кратчайшие сроки. В этом смысле ТСРЯ стал, несомненно, гораздо более продуктивным и востребованным широкой общественностью.

Несомненно, кроме количественных характеристик различает оба словаря и содержание соответствующих статей.

Так, например, слово «Богоматерь» в СГШ приводится без помет и толкуется так: «Матерь Божия, Богородица» [СГШ 1891, 1: стб. 222]; в ТСРЯ – «То же, что богородица» с пометой «церк. книжн.» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 161], а слово «богородица» с пометой «церк.» имеет следующее определение: «У христиан – мать Иисуса Христа; то же, что божья мать» и иллюстративный материал, сводящийся только к фразеологизму «сидеть богородицей» с пометами *простореч. ирон.*, по отношению к женщине обозначающему «сидеть сложа руки, ничего не делать» [Там же: стб. 162]. Слово «Богочеловек» в СГШ объясняется понятным каждому христианину образом: «воплотившийся Сын Божий» [СГШ 1891, 1: стб. 226]; в ТСРЯ с пометой *церк.* толкование уходит от образа Христа: «По религиозным и мифологическим представлениям – бог в образе человека» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 163].

Интересна разница в толковании слова «богоотступничество». В СГШ оно таково: «отступление от Бога» [СГШ 1891, 1:

стб. 224], в ТСРЯ определение понятия более сложное: «религиозный перелом, состоящий в превращении верующего в противника религии» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 162], что вряд ли может считаться точным, ибо богоотступничество не означает переход в антирелигиозность. «Богоотступник» в СГШ толкуется с богословской точки зрения: «отступивший, отвергшийся от Бога» [СГШ 1891, 1: стб. 224], тогда как в ТСРЯ последовательно выдерживается мысль о переходе личности из области веры в неверие: «богоотступник (*книжн. церк.*) – обратившийся из верующего в противника религии» [ТСРЯ 1935, 1: стб. 161].

Выводы

Очевидно, что в ТСРЯ сакральная лексика подверглась достаточно ощутимому переосмыслению, а потому исторический и политический контекст словаря совершенно необходимо учитывать. Подчеркнем: речь идет именно о словаре, а не позиции авторов его статей. Иначе не было бы предваряющего словарь замечания «От редакции» об отражении в любом словаре «классовых интересов своей эпохи». Считаем справедливым наблюдение о том, что «невзирая на идеологические предписания, авторам ТСРЯ удалось включить достаточно полный объем религиозной лексики, снабдить эту лексику близкими к энциклопедическим толкованиями, переведя ее, однако, из активного употребления и представив с помощью различных помет и иллюстративного материала как явление словарной периферии (лексика устаревшая, функционирующая в книжной речи, характерная для ограниченного социума, имеющая отрицательные коннотации)» [Булыгина, Трипольская 2020: 206–207]. Согласимся с замечанием о том, что «не стоит думать, что ушаковская «дипломатия» (без нее нельзя обойтись) была подчинена конъюнктурным, корпоративным целям и свои часы сверяла с «генеральной линией»» [Никитин 2016b: 39]. Можно утверждать, что конъюнктуры в её неприкрытом виде Д. Н. Ушакову действительно удалось избежать – хотя бы потому, что ключевые в поле сакральной лексики единицы в ТСРЯ оказались не только отражены, но и снабжены соответствующими примерами и адекватными эпохе разъяс-

нениями. «При всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. «Ушаковский словарь» показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [Никитин 2016b: 39].

Добавим: словарь под редакцией Д. Н. Ушакова стал еще и бесценным документом эпохи, отразившим сложную языковую картину переломного момента в мировоззрении целой нации огромной страны [Алпатов 2012]. Успешность этого проекта обеспечивалась слаженной рабо-

той коллектива под предводительством Д. Н. Ушакова, мужественной, в чем-то компромиссной позицией редактора, филологическим профессионализмом и феноменальным языковым чутьем. Жизненный путь Дмитрия Николаевича, человека, вышедшего из духовной среды, казалось, вел его в нужном направлении вопреки штампам «революционной» эпохи. И как человек, и как педагог, и как ученый-мыслитель он был во многом уникален [Памяти Д. Н. Ушакова... 1992]. В историческом масштабе советский период стал, по сути, одним мгновением в тысячелетнем христианском развитии русскоязычного сознания. Тем более значимым видится теперь словарь, запечатлевший это мгновение во всей его сложности, особенно в части, касающейся языкового оформления основополагающих начал духовной жизни русского народа.

Источники

[СГШ] – Словарь русского языка / Под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова и др. – СПб.; Л. : Изд-во Академии наук, 1891–1936.

[Евгеньева] – Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://kartaslov.ru>. (дата обращения: 31.07.2023).

[ТСРЯ] – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1–4. – М. : Сов. энциклопедия, ОГИЗ, 1934–1940.

Литература

Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков / Р. И. Аванесов // Русская речь. – 1973. – № 3. – С. 99–105.
Алпатов, В. М. Языковеды, востоковеды, историки / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 374 с.

Булыгина, Е. Ю. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном слове / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Сибирский филологический журнал. – 2020. – № 3. – С. 204–215.

Казаков, Г. А. Сакральная лексика в системе языка / Г. А. Казаков. – М. : ИД «КДУ», 2016. – 142 с.

Круглов, В. М. Незданные фрагменты «Словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова» второй половины 1920-х гг. из архива Большой словарной картотеки ИЛИ РАН / В. М. Круглов // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : Сб. статей к 150-летию со дня рождения ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемывшева. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 927–937.

Легенда русского слова – лингвист и педагог : к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова : библиографический указатель / сост. М. Г. Сороколетова. – Курск, 2023. – 27 с.

Науменко, С. В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018а. – Т. 79, № 9. – С. 67–74.

Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018b. – Т. 79, № 1. – С. 57–65.

Нефёдов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи / И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 8–13.

Никитин, О. В. «Ушаковская эпопея» (неизвестные страницы знаменитого словаря) / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016а. – № 3. – С. 51–62.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016b. – № 3. – С. 27–40.

- Памяти Д. Н. Ушакова (к 50-летию со дня смерти) / Публикация Н. Д. Архангельской и Т. Г. Винокур // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. – Т. 51, № 3. – С. 63–81.
- Пестова, А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях / А. Р. Пестова // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79, № 5. – С. 51–68.
- Пестова, А. Р. Критерии постановки стилистических помет *разг.* и *прост.* в академических толковых словарях / А. Р. Пестова // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – 2021. – № 3. – С. 141–149.
- Петрова, О. О. Культурно-идеологическая семантика в религиозном дискурсе в толковых словарях русского языка XIX–XXI вв. / О. О. Петрова // Вестник Московского государственного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 85–93.
- Смирнова, С. А. О понятии «церковная лексика» / С. А. Смирнова // Научный диалог. – 2014. – № 12 (36): Филология. – С. 84–97.
- Стукова, Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х гг. / Е. Г. Стукова // История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сборник научных статей / ред. Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – С. 64–74.
- Ушаков, Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» / Д. Н. Ушаков // Литературная газета. – 15 ноября 1935. – № 63 (554). – С. 6.

References

- Alpatov, V. M. (2012). *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 374 p.
- Arkhangelskaya, N. D., Vinokur, T. G. (1992). Pamyati D. N. Ushakova (k 50-letiyu so dnya smerti) [In Memory of D. N. Ushakov (on the 50th Anniversary of His Death)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 51 (3), pp. 63–81.
- Avanesov, R. I. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkaya rech*. 3, pp. 99–105.
- Bulygina, E. Yu., Tripolskaya, T. A. (2020). *Protsessy ideologizatsii i deideologizatsii v russkom religioznom slovare* [Processes of Ideologization and Deideologization in the Russian Religious Dictionary]. In *Siberian Philological Journal*. No. 3, pp. 204–215.
- Kazakov, G. A. (2016). *Sakral'naya leksika v sisteme yazyka* [Sacred Vocabulary in the Language System]. Moscow, Publishing house KDU. 142 p.
- Kruglov, V. M. (2015). Neizdannyye fragmenty “Slovary Ya. K. Grota – A. A. Shakhmatova” vtoroi poloviny 1920-kh gg. iz arkhiva Bol'shoi slovarnoi kartoteki ILI RAN [Unpublished Fragments of the “Dictionary of Ya. K. Grot – A. A. Shakhmatov” of the Second Half of the 1920s from the Archive of the Large Dictionary Card Index ILR RAS]. In *Academician A. A. Shakhmatov: Life, Creativity, Scientific Heritage: Collection of Articles for the 150th Anniversary of the Scientist's Birth*. Saint Petersburg, Nestor-History. Pp. 927–937.
- Naumenko, S. V. (2018a). Voprosy orfograficheskoi normalizatsii v “Tolkovom slovare russkogo yazyka” pod red. D. N. Ushakova [Problems of Orthographic Normalization in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov]. In *Russian language at school*. Vol. 79. No. 9, pp. 67–74.
- Naumenko, S. V. (2018b). Orfograficheskii memorandum D. N. Ushakova [Spelling Memorandum of D. N. Ushakov]. In *Russian language at school*. Vol. 79. No. 1, pp. 57–65.
- Nefedov, I. V., Nefedova, T. P. (2013). Otrazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetskoi epokhi [Reflection of the Systematic Vocabulary of the Russian Language in the First Explanatory Dictionary of the Soviet Era]. In *The world of the Russian word*. No. 1, pp. 8–3.
- Nikitin, O. V. (2016a). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech*. No. 3, pp. 51–62.
- Nikitin, O. V. (2016v). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovarya russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.
- Pestova, A. R. (2020). O nekotorykh problemakh stilisticheskoi kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh [On Some Problems of Stylistic Qualification of Words in Explanatory Dictionaries]. In *Izvestiya of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*. Vol. 79. No. 5, pp. 51–68.

Pestova, A. R. (2021). Kriterii postanovki stilisticheskikh pomet razg. i prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh [Criteria for Setting Stylistic Litters of *Colloquial* and *Simple* in Academic Explanatory Dictionaries]. In *Modern Russian Lexicology, Lexicography and Linguogeography*. No. 3, pp. 141–149.

Petrova, O. O. (2015). Kul'turno-ideologicheskaya semantika v religioznom diskurse v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka XIX–XXI vv. [Cultural and Ideological Semantics in Religious Discourse in Explanatory Dictionaries of the Russian Language of the XIX–XXI Centuries]. In *Bulletin of M. A. Sholokhov Moscow State University. Philological sciences*. No. 3, pp. 85–93.

Smirnova, S. A. (2014). O ponyatii “tserkovnaya leksika” [On the Concept of “Church Vocabulary”]. In *Scientific Dialogue*. No. 12 (36): Philology, pp. 84–97.

Sorokoletova, M. G. (Ed.). (2023). *Legenda russkogo slova – lingvist i pedagog: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova: bibliograficheskii ukazatel'* [Legend of the Russian Word – Linguist and Teacher: To the 150th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov: Bibliographic Index]. Kursk. 27 p.

Stukova, E. G. (2022). Akademicheskii “Slovar’ russkogo yazyka” pod red. N. S. Derzhavina i “Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka” pod red. D. N. Ushakova v kontekste leksikograficheskoi i kul'turno-rechevoi situatsii 1920–1930-kh gg. [Academic “Russian Dictionary” Edited by N. S. Derzhavin and “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov in the Context of Lexicographic and Cultural-Speech Situation of the 1920s – 1930s]. In *History, Theory and Practice of Academic Lexicography: Jubilee Collection of Scientific Articles*. Ed. R. I. Vorontsov, O. N. Krylova, M. N. Priemysheva (ed.), E. V. Puritskaya. Saint Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, pp. 64–74.

Ushakov, D. N. (1935). Vokrug “Tolkovogo slovyara” [Around the “Explanatory Dictionary”]. In *Literaturnaya Gazeta*. 63 (554), p. 6.

Данные об авторе

Терешкина Дарья Борисовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кадровой политики и управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС, Новгородский филиал) (Великий Новгород, Россия).

Адрес: 173003, Россия, г. Великий Новгород, ул. Германа, 31.

E-mail: terdb@mail.ru.

Author's information

Tereshkina Darya Borisovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Personnel Policy and Personnel Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPА, Veliky Novgorod branch) (Veliky Novgorod, Russia).

Дата поступления: 01.11.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 01.11.2023; date of publication: 30.12.2023

**БИБЛЕЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА**

Мокиенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

SPIN-код: 1080-4012

А н н о т а ц и я . Статья посвящена анализу одной из значительных групп лексики и фразеологии, ставшей объектом лексикографирования в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Об актуальности и успехе этого Словаря свидетельствуют его многочисленные перепечатки. Во многом этот успех обеспечивается фундаментальной лингвокультурологической информацией, аккумулированной в его словнике. Библиейские крылатые слова и выражения относятся именно к такой информации. Составители Словаря комплексно характеризуют библеизмы разной структуры и семантики, ко многим из них предлагают точное указание на сакральный первоисточник, дают историко-этимологический комментарий и стилистические пометы. Учитывая послереволюционную специфику периода, когда составлялся Словарь, и атеистическую идеологию советского общества, составителям Словаря приходилось использовать различные способы косвенного указания на библиейский источник некоторых слов или оборотов, а также предлагать читателю контексты, авторами которых были классики марксизма-ленинизма. Благодаря такому комплексному подходу библеистический словник Словаря оказался достаточно полным и содержательным.

В статье предлагается классификация библеизмов по собственно лингвистическому принципу: 1. Слова, обозначающие религиозные понятия (*апокалипсис, евангелие, псалтырь, безбожник* и под.); 2. Крылатые слова, созданные на основе библиейских мотивов и представлений (*аред, каин, хам, бедлам* и под.); 3. Словосочетания, обозначающие религиозные понятия (*тайная вечеря, геена огненная, неопалимая купина* и под.); 4. Фразеологизмы-крылатые выражения, образованные на основе библиейских сюжетов и цитат (*Валаамова ослица, мафусаилов век, тьма египетская* и под.); 5. Библеизмы, ставшие пословицами (*Кесарево кесарю, а Божие Богу; Запретный плод сладок; Око за око, зуб за зуб* и под.). Каждый из таких разрядов лексики и фразеологии комментируется, демонстрирует лексикографическое мастерство составителей «Толкового словаря» под редакцией Д. Н. Ушакова.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Д. Н. Ушаков; лексикография; толковый словарь русского языка; семантика; крылатые слова и выражения; библеизмы

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполняется за счет гранта РНФ (2023-2025) «Библиейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации», реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Мокиенко, В. М. Библиейское наследие в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / В. М. Мокиенко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 103–116. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-103-116.

**THE BIBLICAL HERITAGE IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY
OF THE RUSSIAN LANGUAGE” EDITED BY D. N. USHAKOV**

Valery M. Mokienko

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

A b s t r a c t . The article analyzes one of the significant groups of vocabulary and phraseology, which has become the object of lexicographic description in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. The relevance and success of this Dictionary is demonstrated by its numerous reprints. In many ways, this success is ensured by the fundamental linguoculturological information accumulated in the Dictionary. It is such information that Biblical winged words and expressions refer to. The Dictionary compilers com-

prehensively characterize biblical expressions of different structure and semantics, suggest an exact indication of the scripture source for many of them, and provide historical and etymological comments and stylistic notes. Taking into account the post-revolutionary specificity of the period when the Dictionary was compiled, and the atheistic ideology of the Soviet society, the authors of the Dictionary had to employ various methods of indirect referencing to the biblical source of some words or phrases, as well as offer the readers contexts, authored by the classics of Marxism-Leninism. Thanks to such an integrated approach, the biblical vocabulary of the Dictionary turned out to be quite complete and meaningful.

The article suggests a classification of biblicisms according to the purely linguistic principle: 1. Words denoting religious concepts (*apokalipsis* – apocalypse, *evangelie* – gospel, *psaltyr'* – psalter, *bezbozhnik* – atheist, etc.); 2. Winged words created on the basis of biblical motifs and ideas (*ared* – Jared, *kain* – Cain, *kham* – Ham, *bedlam* – bedlam, etc.); 3. Phrases denoting religious concepts (*tainaya vecherya* – Last Supper, *geena ognennaya* – Gehenna, *neopalimaya kupina* – burning bush, etc.); 4. Phraseologisms-winged expressions formed on the basis of biblical stories and quotations (*Valaamova oslitsa* – Balaam's donkey, *mafusailov vek* – Methuselah's age, *t'ma egipetskaya* – Egyptian darkness, etc.); 5. Biblicisms that have become proverbs (*Kesarevo kesaryu, a Bozhie Bogu* – Render to Cæsar the things that are Cæsar's, and to God the things that are God's; *Zapretnyy plod sladok* – Forbidden fruit is the sweetest; *Oko za oko, zub za zub* – Tit for tat, etc.). Each of these groups of vocabulary and phraseology is commented on, demonstrating the lexicographic skill of the authors of the “Explanatory dictionary of the Russian language” edited by D. N. Ushakov.

Key words: D. N. Ushakov; lexicography; Explanatory Dictionary of the Russian Language; semantics; winged words and expressions; biblicisms

Acknowledgments: The study is supported by the RSF grant (2023-2025) “The Biblical Heritage of the East Slavic Languages in Linguistic, Cultural and Lexicographic Interpretation”, implemented at St. Petersburg State University).

For citation: Mokienko, V. M. The Biblical Heritage in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 103–116. DOI:10.26170/2071-2405-2023-28-4-103-116.

Введение

Идея посвятить Дмитрию Николаевичу Ушакову (1873–1942) специальный выпуск журнала в честь 150-летия выдающегося Филолога кажется как нельзя более современной. Хотя биография и научное наследие известного лингвиста, педагога, диалектолога и лексикографа хорошо известны и фундаментально освещены во многих исследованиях, ему посвященных (см.: [Булахов 1977; Добродомов 2003; Никитин 2018; Ожегов 2001] и др.), в последнее время появилось немало до сих пор практически неизвестных фактов, представляющих особый интерес для истории отечественной русистики. В их числе – его эпистолярное наследие (напр.: [Последние письма Д. Н. Ушакова... 2001]) и ценнейшие архивные материалы, бережно собранные и прокомментированные О. В. Никитиным (см.: [Никитин 2004; Никитин 2016а; Никитин 2016б] и др.), по-новому освещающие некоторые аспекты жизни и деятельности ученого в конкретных исторических обстоятельствах.

Имя Дмитрия Николаевича Ушакова давно уже вышло за пределы круга специалистов-филологов и, говоря современным

языком, стало «брендом» нашей отечественной лексикографии. «Словарь Ушакова» – это столь же понятное благоговейно воспринимаемое словосочетание, как и «Словарь Даля». Собственно, именно с далевского ориентира в 1920 г. начиналась в каком-то смысле предыстория «Ушаковского словаря», когда, как известно, Д. Н. Ушаков был вместе с группой известных филологов (И. И. Гливенко, А. Е. Грузинским, Н. Н. Дурново, И. Н. Сакулиным и А. А. Буслаевым) включен в словарную комиссию, целью которой было осуществление замысла В. И. Ленина – составить краткий словарь классического русского по образцу французского однотомного словаря «Лярусс». «Великолепная вещь, – писал о словаре В. И. Даля В. И. Ленин в январе 1920 г. в записке А. В. Луначарскому, – но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь настоящего русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь классиками*, от Пушкина до Горького.

Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек?

Как бы Вы отнеслись к этой мысли?

Словарь классического русского язы-

ка?...» [Ленин 1970, 51: 122].

Предварительная разработка такого словаря, однако, была приостановлена за отсутствием подготовленного проекта. И лишь в 1927–1928 гг. работа по его составлению началась под редакцией Д. Н. Ушакова. Вместо «30 ученых» словарный коллектив нового толкового словаря в итоге определился в составе В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова и Б. В. Томашевского (хотя сначала в его составлении участвовало около полутора десятков лексикографов, – в том числе С. И. Бернштейн и И. А. Фалев и др.). Задуманный как двухтомный, а позднее трехтомный «Толковый словарь русского языка» увидел свет в 1934–1940 гг. в четырех томах. Именно этот «пятизвездный» лексикографический коллектив определил его филологическую ценность и успех у читателей, который с годами лишь возрастает.

Исторические обстоятельства и идеологическая атмосфера, в которых создавался «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

Трудно назвать какой-либо толковый словарь какого-либо языка, судьба которого была бы столь изменчива и столь успешна. Даже судьба таких европейских лексикографических монументов, как уже упомянутый французский «Лярусс» или немецкий «Дуден». Изменчивость была предначертана уже самой задачей – создать словарь классического русского языка в сложную эпоху, когда на смену многим старым традиционным понятиям и наименованиям в него хлынула мощная волна инноваций «послереволюционной эпохи» [Селищев 1928], фиксировать которые не успевала даже социалистическая пресса. На эту изменчивость наложила печать и резкая смена идеологии: русский народ, недавно еще в целом патриархальный и верующий, вдруг по велению большевистской партии и новой власти превращался в убежденных атеистов. Все это, и многое другое, не могло остаться не запечатленным в Словаре послереволюционного русского «Лярусса». Казалось бы: сама изменчивость русской жизни в послереволюционную эпоху могла стать причиной быстрого устаревания того лексического состава, который был в нем описан

пятью известными филологами и лексикографами. Но этого не случилось: словарь предвоенного и послевоенного времени оставался и остается необходимым и самым надежным справочником по русскому языку, к которому обращается уже и пятое поколение читателей.

И это – не пиететная дань его составителям, а реальный лексикографический факт. Поражает огромное количество перепечаток «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Их со статистической педантичностью зафиксировали и описали в своем фундаментальном справочнике «Кто есть кто в русской лексикографии» В. А. Козырев, В. Д. Черняк [2014: 562–563, 569–570]. От перепечатки фотоофсетным способом в [1947]–1948 гг. и точного воспроизведения первого издания с предисловием М. В. Панова (М.: Русские словари, 1994. – Т. 1–4) до множества точных и неточных, сокращенных и дополненных, а нередко и искаженных «переизданий» в разном формате – вот свидетельство непреходящего успеха, а то и «платы за успех» этого первого русского «Лярусса». О многом говорят даже названия издательств, которые предприняли такие переиздания: М. : Вече : Мир книги, 2001; М. : Астрель : АСТ, 2000, 2004, 2006, 2010; М. : Терра – Книжный клуб, 2007; М. : Буколика [и др.], 2008; М. : Дом славянской книги, 2011; М. : Альта-Принт [и др.], 2008; РИПОЛ классик, 2011; М. : Аделант (Библиотека школьных словарей : БШС), 2010, 2012, 2013, 2014 и др. Как бы ни оценивать их качество и количество, само это «многокнижие» говорит о востребованности (пусть и замешанной на издательском меркантилизме) «Ушаковского словаря» и в наши дни.

Это может показаться странным и непостижимым на фоне бурных дискуссий о словнике этого справочника, которые вспыхивали еще до его первого издания и которые воспроизвел по ценным архивным материалам О. В. Никитин [Никитин 2004; Никитин 2016а; Никитин 2016б]. И до сих пор не утихают дискуссии о том, какие именно лексические «перегибы» были допущены составителями. Суть этих дискуссий отразил О. В. Никитин в статье с дихотомическим названием «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон...?» [Ники-

тин 2017]. И хотя эта дихотомия рассматривалась автором на основе Словаря С. И. Ожегова, она актуальна и для словника «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, ибо именно из него рожден и известный и столь же авторитетный одностомник. Одни критики упрекали составителей в том, что их Словарь переполнен наследием послереволюционной эпохи типа *агитпункт*. «С самого начала его («Ушаковского словаря». – В. М.) появления он подвергался как деловой научной, так и конъюнктурной, политической критике, – пишет по этому поводу И. Г. Добродомов [2003: 66], – причем последняя в лучших демагогических традициях продолжается и до сих пор под маской науки [Казимирский, Аптекарь, 1935; Гельгардт, 1945; Купина, 1995]. – Если первый памфлет в этой триаде упрекает словарь в недостаточной политизированности (идеологизированности), то в последнем не менее голословно и предвзято он же обвиняется в очень сильной политизированности». Действительно, в газетной публикации К. Казимирского и М. Аптекарь «Игруны» [Казимирский, Аптекарь 1935: 4] говорилось, что «Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова «не дает представления об образцовом русском языке» (см. подробнее: [Никитин 2012: 79]). Н. А. Купина [1995: 8 и сл.] этот словарь характеризует как уникальный памятник тоталитарного языка советского периода и предлагает попытку его прочтения как словаря идеологем.

Пытаясь приписать Д. Н. Ушакову и его соавторам ту или иную позицию, его критики смотрят на словарь как на некое идеологическое орудие индоктринации массового сознания, забывая о том, что настоящий словарь – это прежде всего зеркальное отражение языка своего времени. Именно с этой позиции следует оценивать не потерявший своей актуальности словарь, руководствуясь правилом, сформулированным Л. В. Щербой: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров» [Щерба 1974: 285].

Отбор и толкование крылатых слов и выражений, связанных с Библией, в «Ушаковском словаре»

Именно «примеры» в широком смысле и определяют то культурное наследие, которое бережно собрали и лапидарно

охарактеризовали в своем Словаре соратники Д. Н. Ушакова. Особого внимания стоит их подход к отбору и толкованию крылатых слов и выражений, связанных с Библией. Тем более, что после перестроечных изменений, как известно, лингвисты и лексикографы вновь вернулись к интенсивному осмыслению и характеристике библейского наследия в русском и других языках (см.: [Иванов, Маслова, Мокиенко 2022; Иванов, Мокиенко 2017; Мельников 2021] и др.). Если учесть, что Словарь составлялся в период воинствующего атеизма и гласного или негласного запрета на религиозное вероисповедание, то обилие такого материала в справочнике послереволюционной реальности было истинно гражданским и научным деянием. Благодаря такой позиции советский читатель открывал для себя врата общеевропейской духовности, знакомился с сюжетами и понятиями, без которых невозможно понять человеческую (в том числе и русскую) культуру.

Трудности выполнения такой просветительской задачи особенно понятны на фоне тех обвинений, которые пришлось выслушивать и вычитывать составителям Словаря и в ходе его составления, и после его выхода. Но эти трудности были преодолены благодаря лексикографическому мастерству составителей и пониманию той экстралингвистической реальности, в которой им пришлось работать. Нам, далеком от того времени, нелегко понять определенное «подстиление соломки» для достижения избранной цели. Так, к достаточной большей части «библейского» словника соратники Д. Н. Ушакова находили контексты из произведений ... классиков марксизма-ленинизма и руководящих деятелей партии большевиков. Вот несколько типичных примеров такого рода.

Писание, я, ср. (книжн.). 1. только ед. Действие по глаг. писать. П. под диктовку. 2. (мн. ч. обычно пренебр.). То, что написано, что-н. написанное. Получил ваше п. (письмо). ◊ **Священное писание** (церк.) – книги Ветхого и Нового завета. ...Крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом... Ленин [ТСРЯ 1939, III: 265].

Прóповедь, и, мн. и, ей-ёй, ж. 1. Речь

религиозно-назидательного содержания, произносимая в церкви (церк.). *Воскресная п.* || *перен.* Наставление, нравоучение (разг.). *Кому вы вздумали читать такую проповедь?* Некрасов. 2. *перен.* Устное или письменное распространение какого-н. учения, идей, взглядов, мнений. — *Если в прежние времена мы пропагандировали общими истинами, то теперь мы пропагандируем работой. Это – тоже проповедь, но это проповедь действием...* Ленин (1919 г.) [ТСРЯ 1939, III: 983].

Заповедь, и, ж. (книжн.). 1. Религиозно-моральное предписание, завет (религ.). 10 заповедей (в библии). 2. *перен.* Предписание, имеющее в глазах того, к кому оно обращено, большую моральную силу, авторитет (ритор.). *Первой заповедью всякой победоносной революции было – разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой.* Лнн. [ТСРЯ 1935, I: 1006].

Песнь, и, р. мн. ней, ж. (книжн.). 1. То же, что песня в 1 и 2 знач. (устар.). *Грустно и весело в тихую летнюю ночь, среди безмолвного леса, слушать размашистую русскую песнь.* А. К. Толстой. «*Песнь о вещем Олеге*» Пушкина. 2. Отдел, глава эпической поэмы (лит.). *В Энеиде Вергилия двенадцать песней.* ◊ **Песнь песней** – *перен.* о литературном произведении большого творческого подъема [по названию одной из библейских книг]. *Товарищ Сталин назвал «Манифест Коммунистической Партии» Марка и Энгельса песнью песней марксизма* [ТСРЯ 1939, III: 239].

Спуд, а, мн. нет, м. Только в выражениях: **под спудом** – 1) в скрытом, потаенном месте; 2) *перен.* без употребления, без применения. *Опасность бюрократизма состоит, прежде всего, в том, что он держит под спудом колоссальные резервы, таящиеся в недрах нашего строя, не давая их использовать...* Сталин. – *Женщины в колхозах – большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление.* Сталин (речь на I съезде колхозников-ударников)... [ТСРЯ 1940, IV: 455].

Святóй ... || Истинный, великий, величественный по своим задачам, исключительный по важности (книжн. торж.). ... *Коммунисты, действуйте совместно с беспартийными трудящимися, организуйте дружный блок для общего и святого дела, для выборов высших органов своей родной, советской власти.* Молотов. *Защита социалистического*

отечества – святая обязанность трудящихся... [ТСРЯ 1940, IV: 110].

Показательно, что даже тогда, когда составителям приходится давать атеистическую дефиницию сакрального наименования, они после нее приводят целый ряд устойчивых выражений, в сущности, ее опровергающих. Такова словарная статья **Бог** с контекстной ссылкой на В. И. Ленина и обилием соответствующих фразеологизмов:

Бог [бох], а, м. По религиозным верованиям – верховное существо, стоящее будто бы над миром или управляющее им. *Идеей бога пользуются господствующие классы, как орудием унетения трудящихся масс.* Б. *есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу.* Лнн. ◊ [Со словом **бог** в разг. речи сохранилось много ходячих выражений, в к-рых это слово уже потеряло свой смысл и к-рые употр. в качестве вводных слов, наречий, присловий, частиц и т. п.]. **Бог знает** (иногда произн. *бóзнать*, в том же знач. употр. чорт знает, см. чорт) или (устар.) **бог весть**, с местоим. и местоименными нареч. бог знает кто, что, какой, куда и т. п. – 1) неизвестно кто, что, какой, куда и т. п. Б. *знает в нем какая тайна скрыта, б. знает за него что выдумали вы.* Грбдв. *Нищий ваш царевич, б. весть какой, б. весть отколь.* Пшкн. *Бог знает в нем какая тайна скрыта, бог знает за него что выдумали вы.* Грбдв. *Нищий ваш царевич, бог весть какой, бог весть отколь.* Пшкн. 2) кто-то плохой, что-то плохое и т. п. (с осуждением). *Шляется бог знает где. Ходит бог знает куда. Возвращается бог знает когда. Знается бог знает с какими людьми или с бог знает какими.* **Слава богу** (разг. устар.) – 1) нареч. хорошо. *Дела идут слава богу.* 2) вводное слово, употр. для выражения удовлетворения чем-н. **Как бог на душу положит** (разг.) – произвольно, беспорядочно. **Не дай бог, избави бог** (разг.) – очень плохо, неприятно, опасно. *Не дай бог с дураком связаться.* Крлв. [ТСРЯ 1935, I: 159-160].

Иногда же составители, явно знающие библейскую подоплеку того или иного слова или выражения, «упаковывали» его, указывая не исходный источник, а приводя цитату – например, цитату из работ

И. В. Сталина, который, как известно, хорошо знал соответствующие языковые единицы со своих семинарских лет. Таков, например, фразеологизм *хромать на обе ноги*:

Хромáть, áю, áешь, и (устар.) хрóмлю, хрóмлешь, *несов.* 1. Ходить непрямо, ковыляя, вследствие укорочения или болезни ноги. Он идет без хмеля бледен и хромает с костылем. Фофанов. Лошадь хромает. || *перен.* Иметь недостатки, быть неполноценным в каком-н. отношении (разг.). Знания его хромают. Дело хромает. У него орфография хромает. 2. О хромом: итти, направляться куда-н. (разг.). ♦ **Хромать на обе ноги** – *перен.* иметь много недостатков в деле, работе. – Будут у нас хорошие и многочисленные кадры в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в армии, – наша страна будет непобедима. Не будет у нас таких кадров – будем хромать на обе ноги. Сталин (речь на выпуске академиков Красной Армии, 1935 г.) [ТСРЯ 1940, IV: 1190–1191].

Выражение возникло на основе библейского оборота *хромать на оба колена* – ‘не двигаться из-за нерешительности при выборе пути’: «И подошел Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте» (3 книга Царств, 18, 21). Шутливо пересмысленное, это выражение от библейского в значении ‘держаться и той, и другой стороны’, характеризовавшего человека, начало применяться и к другим предметам и явлениям [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2009, 2: 522]. Ср. укр.: *кульгати на обидві ноги*; болг. *куца с двата крака*; фр. *boiteux de trois jambes* и др.

Классификация типов языковых единиц, связанных с Библией, в «Ушаковском словаре»

В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова представлены практически все структурные типы языковых единиц, связанных с Библией, включая и прецедентные тексты: слова, фразеологизмы, пословицы, цитаты. Вот несколько примеров лексикографирования такого материала:

1. Слова, обозначающие религиозные понятия.

Апокáлипсис, а, м. [греч. apokalypsis – откровение] (церк. лит.). Одна из книг Нового Завета, приписываемая христианской

церковью Иоанну Богослову и содержащая пророчества о конце мира [ТСРЯ 1935, I: 49].

Бíблия, и, ж. [греч. мн. biblia – книги] (церк. лит.). 1. Книги т. наз. священного писания у евреев. || То же, как часть священного писания у христиан, т. наз. Ветхий Завет. 2. Свод всех книг т. наз. священного писания у христиан, включая Ветхий и Новый Завет (реже) [ТСРЯ 1935, I: 139].

Евáнгелие, я, ср. [греч. euaggelion, букв. радостная весть]. 1. Часть библии, состоящая из четырех книг, важнейшая в христианском вероучении. || Каждая из этих книг. Кроме четырех канонических Евангелий известно несколько апокрифических. 2. *перен.* Основное произведение, содержащее изложение какого-н. учения (книжн.) [ТСРЯ 1935, I: 823].

Евáнгельский, ая, ое. Прил. к евангелие; из евангелия. Е. текст. ♦ **Евангельские христиане** (религ.) — название нек-рых христианских сект [ТСРЯ 1935, I: 824].

Псалтѝрь, и, ж., и (разг.) ѝ, м. [греч. psaltѝrion]. 1. Книга псалмов (церк.). В дальнем углу сидел дьячок и тихим однообразным голосом читал псалтырь. Л. Толстой. 2. То же в качестве учебной книги встарину. Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь. Фонвизин [ТСРЯ 1939, III: 1057–1058].

Священнодѝйствиe, я, ср. 1. Церковный обряд, отправление богослужения (церк. торж.). 2. *перен.* Исполнение какого-н. дела, отправление каких-н. обязанностей с важным, торжественным видом (ирон.) [ТСРЯ 1940, IV: 112].

Составители Словаря обращают, естественно, особое внимание на случаи «идеологической конвертации», когда слово с явно выраженной религиозной семантикой используется в новом, послереволюционном смысле, сохраняя при этом свою стилистическую высоту. Ср.:

Безбóжник, а, м. 1. Человек неверующий в бога, атеист. || Член антирелигиозного общества; лицо, ведущее антирелигиозную пропаганду (нов.). 2. Употреблялось как укор. бран. слово в знач. дурной, озорной человек (устар.). Ах ты, б. этакий! что ты наделал! [ТСРЯ 1935, I: 104].

2. Крылатые слова, созданные на основе библейских мотивов и представлений.

Аред, а, м. (простореч.). Старый, злой

скряга. [От имени Иареда, жившего, по библейскому сказанию, около тысячи лет.] [ТСРЯ 1935, I: 54].

Аредов, а, о (простореч.). Прил. к аред.
◇ **Аредовы веки жить** (простореч.) – слишком долго жить [ТСРЯ 1935, I: 54].

Каин, а, м. (простореч.). 1. Тяжкий преступник, убийца, изверг. *Повесть о Ваньке-Каине*. 2. Употр. как резкое бранное выражение. *Что ты ночью бродишь, к.? чорт занес тебя сюда!* Пшкн. [По имени Каина, первого братоубийцы по библейскому мифу.] [ТСРЯ 1935, I: 1284].

Хам, а, м. 1. В языке дворян: человек, принадлежащий к низшим классам и лишенный потому всякого человеческого достоинства (презрит. дореволюц.). – *Он там дворовых людей по-французски учить выдумал! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слуге-то!* Достоевский. 2. перен. Грубый, наглый и невостановленный человек, готовый на подлости (разг. презрит, бран.). *Секретари его все хамы, все продажны, людишки, пишущая тварь, все вышли в знать, все ныне важны.* Грибоедов. [По имени Хама, сына библейского Ноя, проклятого отцом за непочтение.] [ТСРЯ 1940, IV: 1131-1132].

Бедлам, а, м. Хаос, шум, неразбериха, кавардак. *Это не собрание, а б. какой-то.* [По названию дома для умалишенных в Лондоне: Bedlam, первонач. знач. Вифлеем.] [ТСРЯ 1935, I: 101].

Эта группа библеизмов в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова в основном состоит из имен собственных разного типа, обретших переносное символическое значение. Сейчас такая ономастическая «крылатика» библейского происхождения исследуется весьма интенсивно (см.: [Генералова 2019; Кузнецова 2017; Лу Юйся, Микова 2018] и др.). Это тем более показательно, что в предисловии к Словарю составители оговаривают намеренное исключение такой лексики из его корпуса: «Исключены собственные имена (людей, географические и др.), а также названия жителей городов» [ТСРЯ 1935, I: XXI]. Как видим, именно для библеизмов делается исключение – видимо, в силу той культурологической информации, какую они позволяют донести до читателя.

3. Словосочетания, обозначающие религиозные понятия.

Вечеря, и, ж. (церк.-книжн. устар.).

Ужин. *Тайная вечеря* (по евангельскому рассказу – последний перед смертью ужин Христа с учениками, во время к-рого, по христианскому учению, установлено т. наз. таинство причащения) [ТСРЯ 1935, I: 266].

Геённа, ы, ж. [греч. *geenna*] (церк.). Ад, место вечных мук. *Г. огненная*. [От др.-евр. *Gehinnern*, название местности около Иерусалима.] [ТСРЯ 1935, I: 547].

Купина́, ы, ж. (церк.-книжн. устар.). Куст. *Неопалимая к.* (в библейской мифологии – куст, к-рый горит и чудесным образом не сгорает) [ТСРЯ 1935, I: 1550].

Твердь, и, мн. нет, ж. (церк.-книжн. устар.). Твердое основание, опора. *Твердь земная* (суша, земля). *Твердь небесная* (видимое небо, в религиозных представлениях являющееся твердой поверхностью). *Здесь, на небесной тверди, слышать музыку Верди?* Маяковский. || Небо (поэт.). *Задремали корабли – опрокинутые в тверди станы снежных мачт.* Блок. [ТСРЯ 1940, IV: 662].

Чресла, сл, ед. нет (церк.-книжн. устар.). Поясница, бедро. *Грубая серая ткань обвивала чресла.* Тургенев. *Препоясать чресла* (готовясь в путь) [ТСРЯ 1940, IV: 1292].

Показательно, что в последующих словарях дефиниции таких словосочетаний воспроизводились – иногда с небольшими модификациями. Так, выражение *неопалимая купина* в «Словаре» С. И. Ожегова толкуется как «горящий и несгорающий куст [по библейской легенде о терновом кусте, освящённом присутствием Бога]» [Ожегов 1990: 314], и в «Толковом словаре русского языка» под ред. Н. Ю. Шведовой [Толковый словарь... 2007: 390] повторяется в точности: «горящий и несгорающий куст [по библейскому сказанию о терновом кусте, освящённом присутствием Бога]» (ср. то же самое: [Ожегов, Шведова 2006: 314]).

Разумеется, расширение интереса к Библии и библейской символике заставляет современных лексикографов расширять и соответствующую информацию. Не случайно поэтому в «Большом толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова соответствующая словарная статья построена уже иначе:

Купина́ неопалимая. *Высок.* О том, что не поддается уничтожению, истреблению, забвению. Горящий и несгорающий куст. Из библейского рассказа о терновом кусте, горящем, но не сгорающем, в котором Бог

Иегова (Яхве) явился Моисею – вождю еврейского народа, призывая его к освобождению из египетского плена [БТС 1998: 481].

Понятно, что в специализированных словарях, описывающих крылатые слова-библейзмы, такие устойчивые словосочетания разворачиваются во всю ширь, прослеживая их семантическую динамику от чисто библейского сюжета до нюансированных его языковых перевоплощений. Такая попытка сделана в нашем Словаре [Лилич, Мокиенко, Трофимкина 2010: 285]:

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА́. *Цсл. книжн.* Терновый куст, горящий, но негорающий, в котором Бог явился Моисею, призывая его к избавлению народа израильского от Египетского рабства.

Ср. Исх 3, 2:

Явился же ему ангелъ гдѣнь въ пламени огненнѣ изъ купины: и видѣтъ, какъ купина горитъ огнемъ, купина же не старѣше

(В русск. переводе: терновый куст горит огнем, но куст не сгорает).

– *сравн.*

Я приближался к отечеству с душевным трепетом, как к купине, очищаемой божественным огнём, и переехал границу крестясь и благословляясь... *Н. Лесков. Смех и горе.*

– *ирон.*

Человек смиренный, покорный, безответный. Каждое слово начальства, ровно слово из неопалимой купины, принимал. *П. Мельников-Печерский. Непременный.*

– *образно*

Воистину вся Русь – это Неопалимая Купина, горящая и негорающая сквозь все века своей мученической истории. *М. Волошин. Россия распятая.*

– *в поэтич. реминисценции*

И глубинно глаголет Словом слов Купина. // И грядущего Рая – Твердеет гряда, // Где пылая, сгорая, // Не преиду: Никогда! *А. Белый. Слово.*

– *в назв. иконы, к которой обращались с молитвой при пожаре*

– *Вся деревня, сударыня, в огне. // - Возьмите Неопалимую Купину, – сказала она. А. Писемский. Батья.*

– **что.** *Перен.* О чём-л. непреходящем, вечном, бессмертном.

Неопалимая купина крыловских басен, которые светят столько времени всему народу, заслуживает для анализа огненно-

го слова. *В. Шкловский. Уцелевший в огне.*

«Слово» – это, по сути, та духовная, та неопалимая купина памяти, которая в своей нетленной оболочке сохранила идею Киева, колыбели трёх великих народов, их объединяющего начала. *Лит. газета, 1985, 6 мар.*

– *в назв. книги стихов*

М. Волошин. Неопалимая купина.

4. Фразеологизмы-крылатые выражения, образованные на основе библейских сюжетов и цитат.

В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова таких языковых единиц, по сравнению с вышеописанными большинство также и потому, что устойчивые словосочетания предыдущей группы – *неопалимая купина, геенна огненная, препоясать чресла* и под. – давно уже употребляются переносно, обогащая образную сокровищницу русского языка. Комментарии их внутренней формы в Словаре, как мы видели, имплицитно или эксплицитно раскрывают их исходное значение. Многие из них являются соответствующими ономастическими реминисценциями:

Ослица, *ы, ж.* Самка осла. **♦ Валаамова ослица заговорила** или **прорекла** (книжн. ирон.) – о покорных, молчаливых людях, вдруг заговоривших, запротестовавших. [Из библейской легенды об ослице волхва Валаама, неожиданно запротестовавшей человеческим языком против побоев.] [ТСРЯ 1938, II: 868].

Мафусаилов век (разг. шутил.). То же, что аредовы веки, см. аредов. [От имени Мафусаила, по библейскому мифу, самого долговечного из людей.] [ТСРЯ 1938, II: 163].

Гог и гóга. Только в выражениях: **гог и маго́г, гóга и маго́га, гог-маго́г, гóга-маго́га** [Г и М пишут также прописными] (разг. устар.) – о ком-чем-н. страшно, внушающем ужас или о ком-н. сильном, влиятельном, воротиле. *Он (губернатор) да еще виц-губернатор – это Гога и Магога.* Ггль. [По имени легендарного свирепого царя Гог и его народа Магог, упоминаемых в библейских пророчествах.] [ТСРЯ 1935, I: 583].

Египетский, *ая, ое.* *Прил.* к Египет. **♦ Казнь египетская** (разг.) – тяжелое, невыносимое положение, стихийное бедствие [из библейского рассказа о десяти бедствиях, «казнях», к-рые постигли население Египта в наказание за отказ отпу-

стить евреев из плена]. **Тьма египетская** (разг.) – сильная непроглядная темнота [из библейского рассказа об одной из «казней египетских» — сверхъестественной темноте, постигший Египет]. **Египетский труд, египетская работа** (разг.) – тяжелая изнурительная работа [букв. подобная принудительному труду рабов, применявшемуся в Египте при сооружении пирамид.] [ТСРЯ 1935, I: 826].

Столпотворение, я, ср., со словом «вавилонское» или без него (разг. шутил.). Бестолковый шум, беспорядок, неразбериха при большом стечении народа. *В вестибюле театра какое-то с.* [Из библейской легенды о т. наз. Вавилонском столпотворении, т. е. о неудавшейся попытке жителей древнего Вавилона построить столп (см. столп во 2 знач.) вышиною до неба.] [ТСРЯ 1940, IV: 531].

Даже тогда, когда в толкуемом составителями Словаря выражении собственное имя отсутствует, они стремятся в комментарии его назвать, если оно помогает прояснить затаенную в нем лингвокультурологическую информацию:

Чечевичный, ая, ое. Прил. к чечевица в 1 знач. *Чечевичные посевы. Ч. суп.* ◊ **За чечевичную похлебку** или **за чечевичное варево** (продать, уступить что-н.) – за мелкий соблазн, ценою ничтожной выгоды [из библейского рассказа о близнецах-сыновьях Исаака, Исаве и Иакове, из к-рых первый, бывший любимцем отца и считавшийся первенцем, уступил Иакову право своего первородства за похлебку из чечевицы, к-рой тот накормил его]. *За какое чечевичное варево продали вы им вашу свободу?* Достоевский. *Надо было уговорить его, чтоб он согласился продать свое счастье за чечевичное варево.* Лесков. *За чечевичную похлебку, как Исав продал свое первородство...* Боборыкин [ТСРЯ 1940, IV: 1274].

В описываемой группе крылатых выражений, конечно же, немало и фразеологизмов с компонентами-именами нарицательными. Большинство из них при этом маркировано библейскими реминисценциями.

Хождение по мукам (книжн.) – ряд тяжелых жизненных испытаний, непосредственно следующих одно за другим [выражение идет из древнего церковно-апокрифического верования в т. наз. «хождение души по мукам» или «по мытар-

ствам» после смерти человека в течение 40 дней] [ТСРЯ 1938, II: 277].

Чающие движения воды [из евангельского рассказа] (книжн. ирон.) – ожидающие чего-н., какой-н. поживы, выгоды, улучшения. *Подымаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин статских и военных, которые, как я узнал после, составляли особенный класс людей между чающими движения воды.* Лермонтов [ТСРЯ 1940, IV: 1244].

Предлагая характеристику таких идиом библейского происхождения, составители Словаря часто не указывают их первоисточник. Причина этого, вероятно, не столько «криптологическая», т. е. стремление составителей избежать упреков в религиозной пропаганде, сколько апелляция к интеллигентному читателю, уже знакомому с соответствующими прецедентным текстами. Дефиниции к таким образным оборотам всегда лапидарны и точны.

Бездна [зн], ы, ж. 1. Пропасть неизмеримой глубины. *Мне стало страшно: на краю грозящей бездны я лежал.* Лрмнтв. || Беспредельная глубина, беспредельность (поэт.). *Открылась бездна, звезд полна (небо).* Лмнсв. 2. Морская пучина. 3. Огромное количество, не поддающееся учету, очень много (разг.). *Экая б. звезд сегодня. В ней он видел бездну прелестей. Чортова б. дел.* ◊ **Бездна премудрости** (книжн. устар., теперь шутил.) – обширные, глубокие познания [ТСРЯ 1935, I: 108].

Волк¹, а, мн. и, ов, м. Хищное животное, одного рода с собакою. ... **Волк в овечьей шкуре** (книжн.) – лицемер, человек, под маской добродетели скрывающий свои дурные намерения. ... [ТСРЯ 1935, I: 349].

Всеоружие, я, ср. Только в выражении: **во всеоружии** (книжн.) – 1) в полном вооружении (устар.); 2) *перен.* в совершенстве обладая чем-н., вполне подготовившись к чему-н. *Во всеоружии знаний* [ТСРЯ 1935, I: 401].

Заклание, я, мн. нет, ср. Действие по глаг. заклать, преимущ. в выражении: **на заклание** (книжн.) – 1) чтобы заклать в качестве жертвы (устар.). *Как дочь родную на закланье Агамемнон богам принес.* Ттчв. 2) *перен.* на гибель, на муку (ирон.). *Иду на заклание или как на заклание* [ТСРЯ 1935, I: 947].

Злáчный, ая, ое (книжн. устар.). Плодородный, обильный злаками и пастби-

щами, богатый. *Злачные нивы. Ползают овцы по злачным стремнинам.* Пшкн. ◊ **Злачное место** (устар. шутл.) – место, где кутят и развратничают [ТСРЯ 1935, I: 1101].

Книга за семью печатями (книжн.) – о чем-н. непонятном, совершенно недо-ступном уразумению [ТСРЯ 1935, I: 1383].

Оса́нна, ы, мн. нет, ж. [греч. osanna из др.-евр. ḥōšā'na – спаси же!] (церк.). Молитвенный возглас, славословие. ◊ **Петь** или **восклицать осанну** кому (книжн. устар.) – *перен.* выражать полную преданность, покорность кому-н.; превозносить кого-н. [ТСРЯ 1938, II: 857].

Соль земли (ритор.) – основная творческая сила какого-н. народа. *Доказали бы, что они ядро России, соль земли русской.* Писемский (о русской интеллигенции) [ТСРЯ 1940, IV: 375–376].

Щедро́ты, ́от, ед. нет (книжн.). Милости, щедрые подарки. *Да продлит над тобой Зевес свои щедроты!* Крылов. ◊ **От (своих) щедрот** (книжн. устар., теперь ирон.) – из своих средств, от себя (дать, подарить). *Разве горничной на чай от щедрот что дать.* Лейкин [ТСРЯ 1940, IV: 1382].

Иногда ссылка на библейский источник составителями компенсируется указанием на его европейский эквивалент:

Праотец, тца, м. (книжн. устар.). 1. Прародитель, родоначальник какого-н. поколения. 2. *только мн.* Предки. ◊ **Отправиться к праотцам** (перевод латин. ad patres; разг. шутл.) – умереть. **Отослать** или **отправить к праотцам** (разг. шутл.) – убить [ТСРЯ 1939, III: 703].

Медный лоб [перевод фр. front d'airain] (разг., бран.) – о бестолковом, тупом человеке [ТСРЯ 1938, II: 171].

5. Библизмы, ставшие пословицами.

Таких крылатых паремий в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова немного, но все они отражают необходимую, по мысли составителей, культурологическую информацию, апеллирующую к народной мудрости. При этом они довольно редко сопровождаются историко-этимологическими комментариями, раскрывающими сакральный смысл первоисточника. К таким немногим пословицам относится, например, известная цитата с компонентом *кесарь* или история грехопадения Адама и Евы:

Кёсарь, -я, м. греч. [kaisar] (книжн.

устар.). Владыка, монарх [ТСРЯ 1935, I: 1351]. Ср: ◊ **Кесарю – кесарево!** (книжн.) – пусть тот, кому принадлежит право властвовать, распоряжаться, пользуется этим правом [по евангельскому сказанию об ответе Иисуса Христа фарисеям, пришедшим к нему с вопросом, следует ли платить подать кесарю: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»] [Ожегов, Шведова 2006: 272].

Запретный плод (книжн.) – что-н. заманчивое, привлекательное, желанное, но недоступное или запрещенное [по библейскому сказанию о райских плодах, к-рые бог запретил есть Адаму и Еве]. *Запретный плод сладок.* Пословица. *О люди! все похожи вы на прародительницу Еву... запретный плод вам подавай, а без него вам рай не рай.* Пушкин [ТСРЯ 1939, III: 301].

Ср. также шутливую народную половицу *И рад бы в рай, да грехи не пускают*, ставшую для составителей Словаря поводом для рассказа о месте счастливой жизни первых людей:

Рай, я, о рае, в раю, мн. нет, м. 1. В религиозных учениях – место, где души праведников после смерти ведут блаженное существование; *первонач.* в библии – прекрасный сад, в к-ром жили Адам и Ева до так наз. грехопадения (религ.). *И рад бы в рай, да грехи не пускают.* Пословица. ... [ТСРЯ 1939, III: 1209].

В большинстве же случаев составители Словаря ограничиваются краткой глоссой, маркирующей библейское происхождение пословицы:

Многогла́бление, я, мн. нет, ср. (церк.-книжн. устар., теперь шутл.). Чрезмерное многословие. [Из евангельского выражения: *во многоглаголении несть (или нет) спасения.*] [ТСРЯ 1938, II: 234].

Око за око, зуб за зуб (книжн.) – об оплате за причиненное зло той же мерой [из библии]. **Зуб за зуб** (поговорка) – о перебранке, когда ни один не уступает другому. *Он ему слово, тот ему в ответ, так зуб за зуб и поругались.* ... [ТСРЯ 1935, I: 1119]. Ср. там же: *Недремлющее око материнской любви.* Гнчрв. *Око за око, зуб за зуб.* Пословица [ТСРЯ 1938, II: 878].

Куми́р, а, м. (книжн. поэт.). 1. Изваяние языческого божества, идол. 2. *перен.* Предмет слепого поклонения. *Созревших барышень к., приехал ротный командир.*

Пшкн. [ТСРЯ 1935, I: 1547]. Ср.: **♦ Творить себе кумир** (или **кумира**) *из кого-чего* – делать из кого-чего-н. предмет поклонения, обожания [поговорка из библейского выражения]. *Няньки, кормилицы, и те творят себе кумира из ребенка, за которым ходят; а жена! а мать!* Гончаров [ТСРЯ 1940, IV: 663].

Нередко же в Словаре библейское происхождение пословицы не оговаривается, как бы сохраняя на ней знак того, что В. И. Даль назвал «чеканом народности»:

Рыть яму кому – *перен.* готовить кому-н. неприятность, стремиться причинить вред. *Не рой другому ямы, сам в нее попадешь.* Пословица. *Когда корысть себя личиной дружбы кроет, она тебе лишь яму роет.* Крылов [ТСРЯ 1940, IV: 1462].

Посеять, ёю, ёешь. Сов. к сеять. *Что посеешь, то и пожнешь.* Пословица. *П. пшеницу. П. рознь среди кого-н.* [ТСРЯ 1939, III: 625].

При этом, разумеется, первоисточник этих паремий был хорошо известен составителям. Ср.: Притч 26, 27: *Кто роет яму – тот упадет в нее*; Еккл 10, 8: *Кто копает яму – тот упадет в нее* и др.; Гал 6, 7-8: *Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет. Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную.*

Заключение

Обилие лексики и паремиологии библейского происхождения в Словаре под

редакцией Д. Н. Ушакова не сразу бросается в глаза именно из-за разнообразия стилистических маркеров. В одних случаях, как мы видели, составители прямо указывают на сакральный источник, в других сопровождают описываемые библеизмы пометами *религ., церк., церк.-книжн., книжн., церк.-слав., др.-евр., латин., устар.* или даже *дореволюц.* В третьих указание на источник инкрустируется ими в текст комментариев внутри словарной статьи. Наконец, немало библейских крылатых слов и выражений просто семантизируются, но органически входят в словник этого четырехтомника. Все это в комплексе создает практически полную и полноценную языковую картину библейского наследия, отраженную лексикографическими средствами. Конечно, эта картина – лишь один из пластов того многослойного палимпсеста, который стал и остается памятником современного живого русского языка. И этот памятник создан не 30 учеными, которым В. И. Ленин в 1920 году предложил за такую работу выдать красноармейский паек, а 5 выдающимися филологами, призванными создать такой Словарь. Именно ими – не зваными, но избранными – и был создан этот нерукотворный памятник, ибо, по Священному Писанию (Лк 14, 16-24), для такого созидания всегда бывает *много званых, но мало избранных.*

Литература

Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка в 2-х т. / под ред. С. Г. Шулежковой / В. П. Берков и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.

БТС = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

Булахов, М. Г. Ушаков Дмитрий Николаевич / М. Г. Булахов // Булахов, М. Г. Восточнославянские языковеды: Библиограф. словарь. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – Т. 3: Л–Я. – С. 244–250.

Гельгардт, Р. Р. Очерк по истории языкознания / Р. Р. Гельгардт. – Молотов : Молотовский государственный пед. ин-т, 1945. – 128 с.

Генералова, Е. В. Функционирование имен собственных библейского происхождения в современном русском языке / Е. В. Генералова // Ономастика Поволжья : Материалы XVII Междунар. науч. конф. – Великий Новгород : ООО «ТПК «Печатный двор», 2019. – С. 427–432.

Добродомов, И. Г. Ушаков Дмитрий Николаевич / И. Г. Добродомов // Отечественные лингвисты XX в. Ч. 3. Т–Я / отв. ред. Ф. М. Березин. – Москва : ИНИОН РАН, 2003. – С. 62–75. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf.

Иванов, Е. Е., Маслова, В. А., Мокиенко, В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России / Е. Е. Иванов и др. – М. : РУДН, 2022. – 496 с.

Иванов, Е. Е., Мокиенко, В. М. О европейском словаре библеизмов / Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко // Универсальное и национальное в языковой картине мира. – Минск : МГЛУ, 2017. – С. 188–191.

Казимирский, К., Аптекарь, М. «Игрыны» / К. Казимирский, М. Аптекарь // Литературная газета. – 20 окт. 1935. – № 58 (549). – С. 4.

- Козырев, В. А. Кто есть кто в русской лексикографии : справочная книга / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – СПб. : Свое издательство, 2016. – 594 с.
- Кузнецова, И. В. Персонажи Библии в славянских устойчивых сравнениях : монография / И. В. Кузнецова. – Чебоксары : Чувашск. гос. пед. ин-т, 2017. – 212 с.
- Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург-Пермь : ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
- Ленин, В. И. Полное собрание сочинений в 55 томах / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1967–1975.
- Лилич, Г. А. Толковый словарь библейских выражений и слов : ок. 2000 единиц / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – 639 с.
- Лу, Юйся, Микова, С. С. Библейские фразеологизмы с именами собственными в китайской лингвокультурной традиции / Ю. Лу, С. С. Микова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2018. – № 4 (82). Ч. 1. – С. 134–137.
- Мельников, В. Г. Вечные истины: Крылатые фразы, пословицы, поговорки библейского происхождения / В. Г. Мельников. – Москва : Сибирская Благовонница, 2021. – 332 с.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 7 (1). – С. 195–228.
- Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.
- Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016а. – № 1. – С. 13–22.
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея: неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016б. – № 3. – С. 51–62.
- Никитин, О. В. «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2017. – № 1. – С. 18–32.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Языкознание. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.
- Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1990. – 917 с.
- Ожегов, С. И. Памяти Д. Н. Ушакова : 10 лет со дня смерти / С. И. Ожегов // Словарь и культура речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. – М. : Индрик, 2001. – С. 448–452.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
- Последние письма Д. Н. Ушакова Г. О. Винокуру (1941–1942 гг.) / Публикация, вступление и примеч. О. В. Никитина // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. № 1. – С. 66–71.
- Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. – М. : «Работник просвещения», 1928. – 248 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2007. – 1164 с.
- ТСРЯ = Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – М. : Наука, 1974. – С. 265–304.

References

- Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2008–2009). *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka: ok. 5000 yed. : v 2-kh t.* [A Large Dictionary of Catchwords and Expressions of the Russian Language: Approx. 5000 Units : in 2 Volumes]. Vol. I-II. 2nd ed., rev. and add. Magnitogorsk, MaSU ; Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität.
- BTS = Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, "Norint". 1536 p.
- Bulakhov, M. G. (1977). Ushakov Dmitrii Nikolayevich. In Bulakhov, M. G. *Vostochnoslavjanskije jazykovedy: Biobibliogr. slovar'*. Т. 3: L–YA. Minsk, BGU Press, pp. 244–250.
- Dobrodomov, I. G. (2003). Ushakov Dmitrii Nikolayevich. In *Otechestvennyye lingvisty XX v.* Ch. 3. F. M. Be-rezin (ed.). Moscow, INION RAN, pp. 62–75. – URL: http://inion.ru/site/assets/files/2575/2003_otech_lingvis_3.pdf.

- Gel'gardt, R. R. (1945). *Ocherk po istorii yazykovoznaniya*. [Essay on the History of Linguistics]. Molotov, Molotovskii gosudarstvennyi ped. in-t. 128 p.
- Generalova, Ye. V. (2019). Funktsionirovanie imen sobstbennykh bibleiskogo proiskhozhdeniya v sovremennom russkom yazyke [The Functioning of Proper Names of Biblical Origin in Modern Russian]. In *Onomastika Povolzh'ya... Velikii Novgorod*, “Pechatnyi dvor” Press, pp. 427–432.
- Ivanov, Ye. Ye., Maslova, V. A., Mokienco, V. M. (2022). *Nasledie Biblii v yazykakh i kul'turakh narodov Rossii* [The Heritage of the Bible in the Languages and Cultures of the Peoples of Russia]. Moscow, RUDN. 496 p.
- Ivanov, Ye. Ye., Mokienco, V. M. (2017). O yevropeiskom slovare bibleizmov [On the European Biblical Dictionary]. In *Universal'noe i natsional'noe v yazykovoii kartine mira*. Minsk, MGLU, pp. 188–191.
- Kazimirskii, K., Aptekar', M. (1935). “Igruny” [“Players”]. In *Literaturnaya gazeta*, Oct. 20, № 58 (549), p. 4.
- Kozyrev, V. A., Chernyak, V. D. (2016). *Kto yest' kto v russkoi leksikografii : spravoch'naya kniga* [Who's Who in Russian Lexicography: a Reference Book]. Saint Petersburg, Svoe izdatel'stvo Press. 594 p.
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. Yekaterinburg-Perm, ZUUNTS Publ. 144 p.
- Kuznetsova, I. V. (2017). *Personazhi Biblii v slavyanskikh istoichivnykh sravneniyakh : monografiya* [Bible Characters in Slavic Stable Comparisons: a Monograph]. Cheboksary, Chuvashsk. gos. ped. in-t. 212 p.
- Lenin, V. I. (1967-1975). *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Works]. 5th ed. Moscow, Politizdat Publ.
- Lilich, G. A., Mokienco, V. M., Trofimkina, O. I. (2010). *Tolkovyi slovar' bibleiskikh vyrazhenii i slov: ok. 2000 editsii* [Explanatory Dictionary of Biblical Expressions and Words: Approx. 2000 Units]. Moscow, AST, Astrel'. 639 p.
- Lu, Yuy, Mikova, S. S. (2018). Bibleiskie frazeologizmy s imenami sobstvennymi v kitsaiskoi lingvokul'turnoi traditsii [Biblical Phraseological Units with Proper Names in the Chinese Linguistic and Cultural Tradition]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. № 4 (82), p. 1, pp. 134–137.
- Mel'nikov, V. G. (2021). *Vechnye istiny: Krylatye frazy, poslovitsy, pogovorki bibleiskogo proiskhozhdeniya* [Eternal Truths: Winged Phrases, Proverbs, Sayings of Biblical Origin]. Moscow, Sibirskaia Blagozvonnitsa Publ. 332 p.
- Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovarya”) [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (Prehistory of the “Ushakovsky Dictionary”)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 7 (1), pp. 195–228.
- Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XX Century (Explanatory Dictionaries): a Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, KubGU Brahch in Slavyansk-na-Kubani Press. 232 p.
- Nikitin, O. V. (2016a). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Lyarussa” [Forgotten File Cabinet, or the Fate of the Russian “Laruss”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22.
- Nikitin, O. V. (2016b). Ushakovskaya epopeia : neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya [Ushakov Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.
- Nikitin, O. V. (2017). “Kakoe slovo vazhnee, agitpunkt ili ierodiakon, fotografiya ili felon'...” (letopisnye stranitsy “Slovarya” S. I. Ozhegova) [“Which Word is More Important, agitpunkt or hierodeacon, photograph or pheloni-on...” (Chronicle Pages of the “Dictionary” by S. I. Ozhegov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 18–32.
- Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniiya XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the Twentieth Century: to the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie*. No. 1 (170), pp. 88–95.
- Nikitin, O. V. (publ.). (2001). Poslednie pis'ma D. N. Ushakova G. O. Vinokuru (1941-1942 gg.) [The Last Letters by D. N. Ushakov to G. O. Vinokur (1941-1942)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 60 (1), pp. 66–71.
- Ozhegov, S. I. (1990). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. 23rd ed., rev. Moscow, Rus. yaz. 917 p.
- Ozhegov, S. I. (2001). Pamyati D. N. Ushakova: 10 let so dnya smerti [In Memory of D. N. Ushakov: 10 Years since Death]. In *Slovar' i kul'tura rechi. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova* [Dictionary and Speech Culture. To the 100th Anniversary of the Birth of S. I. Ozhegov]. Moscow, Indrik Publ., pp. 448–452.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. 4th ed., add. Moscow, OOO “A TEMP” Publ. 944 p.
- Selishchev, A. M. (1928). *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917-1926)*. [Revolutionary Language. From Observations of the Russian Language in Recent Years (1917-1926)]. Moscow, “Rabotnik prosveshcheniya” Publ. 248 p.
- Shcherba, L. V. (1974). Opyt obshchei teorii leksikografii [An Experience of the General Theory of Lexicography]. In Shcherba, L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Moscow, Nauka, pp. 265–304.

Shvedova, N. Yu. (ed.) (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information about the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik. 1164 p.

TSRYA = Ushakov, D. N. (ed.) (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Gos. in-t "Sov. entsikl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov.

Данные об авторе

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

E-mail: mokienko40@mail.ru.

Author's information

Mokienko Valery Mikhailovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Slavic Philology of Philological Faculty, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 02.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 02.10.2023; date of publication: 30.12.2023

ОПИСАНИЕ ДИНАМИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В «УШАКОВСКОМ СЛОВАРЕ»

Генералова Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9431-0418>

SPIN-код: 3840-8541

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются способы показа динамики фразеологической системы в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (ТСРЯ), систематизируются устойчивые сочетания, отмеченные хронологическими пометами, изучается судьба этих фразеологизмов в языке последующих лет. В отражении лексикографией развития фразеологического фонда русского языка ТСРЯ занимает особое место как первый словарь XX века, труд, несущий на себе яркую печать времени, представительное собрание фразеологизмов своей эпохи, детальное описание функционирования лингвистических единиц. Объектом настоящего исследования являются все устойчивые словесные комплексы, которые могут быть охарактеризованы в отношении динамических языковых процессов (неологизации, архаизации, изменения значения, стилистической окраски). Цель работы: выявить и описать устойчивые сочетания, получающие в ТСРЯ хронологическую характеристику, по которой можно судить о динамике фразеологической системы. В работе использованы методы отсловарного изучения языка, сплошной выборки фразеологизмов, анализа лексикографических дефиниций. В статье обосновывается положение, что ТСРЯ является уникальным собранием фразеологического материала русского языка первой трети XX в. и во многом образцом с точки зрения детальной стилистической, в том числе, хронологической, маркированности устойчивых сочетаний. В работе продемонстрировано, что описанные в ТСРЯ хронологически маркированные устойчивые словесные комплексы были впоследствии: а) полностью утрачены языком, б) остались архаизмами, способными выступать стилистическим средством в современном тексте, в) из неологизмов превратились в историзмы-советизмы, г) актуализировались и с определенными семантическими изменениями перешли в активный запас языка, д) стали неотъемлемой частью словарного состава современного языка. Обобщение опыта толковых словарей в плане показа функционирования фразеологизмов разных эпох, и во многом именно опыта ТСРЯ, будет способствовать решению актуальной задачи современной фразеологии и фразеологии по изучению развития фразеологической системы русского языка и созданию неологических и исторических фразеологических словарей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография; фразеология; языковая динамика; фразеологические неологизмы; словарные пометы

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00141 «Идеографический словарь русской фразеологической неологии: динамика языка и мышления».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Генералова, Е. В. Описание динамики фразеологической системы в «Ушаковском словаре». – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 117–129. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-117-129.

DESCRIPTION OF THE PHRASEOLOGICAL SYSTEM DYNAMICS IN USHAKOV'S DICTIONARY

Elena V. Generalova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9431-0418>

A b s t r a c t . The article discusses the methods of demonstration of the Russian phraseological system dynamics in the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov (EDRL), systematizes stable combinations marked by chronological notes, and studies the history of development of these phraseologisms in the language of subsequent years. In the lexicographic reflection of the development of the Russian phraseological fund, the EDRL occupies a special place as the first dictionary of the language of the 20th century, as a work

carrying a salient mark of its time, a representative collection of phraseologisms of its era, and a detailed description of the functioning of linguistic units. The scope of investigation of this paper embraces all stable verbal complexes that can be characterized in relation to dynamic language processes (neologization, archaization, change of meaning or stylistic coloring). The aim of the work is to identify and describe stable combinations that receive a chronological characteristic in the EDRL, which can make it possible to assess the dynamics of the phraseological system. The work uses the methods of vocabulary-centered study of the language, continuous sample of phraseologisms, and analysis of lexicographic definitions. The article argues that the EDRL is a unique collection of the phraseological material of the Russian language of the first third of the 20th century and, in many respects, is an ideal model in terms of detailed stylistic, including chronological, marking of stable combinations. The work shows that the chronologically marked stable verbal complexes described in the EDRL were subsequently: a) completely lost by the language, b) remained archaisms capable of acting as a stylistic means in the modern text, c) from neologisms turned into historisms-Sovietisms, d) actualized and with certain semantic changes passed on into the group of active vocabulary, d) became an integral part of the vocabulary of the modern language. The generalization of the experience of explanatory dictionaries in demonstrating the functioning of phraseologisms of different eras, and in many ways the experience of the EDRL, may contribute to solving the urgent problem of modern phraseology and phraseography of studying the dynamics of the development of the phraseological system of the Russian language and the compilation of neological and historical phraseological dictionaries.

Keywords: lexicography; phraseology; language dynamics; phraseological neologisms; dictionary notes

Acknowledgments: The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141 "Ideographic Dictionary of Russian Phraseological Neology: Dynamics of Language and Thought").

For citation: Generalova, E. V. (2023). Description of the Phraseological System Dynamics in Ushakov's Dictionary. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 117–129. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-117-129.

Отражение развития фразеологического фонда русского языка в лексикографии

Фразеологический фонд, как и весь язык (и особенно лексика как самый чувствительный языковой уровень), находится в непрерывном движении и постоянно изменяется, обновляясь количественно и качественно, любое же представление фразеосистемы в словаре в виде синхронного среза – лексикографическая условность: «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 349].

При этом развитие фразеологической системы имеет свою специфику. Не углубляясь в дискуссию о понятии неологизма и критериях выделения лексических и фразеологических новаций, отметим, что в основу настоящей статьи положено понятие неологизма, выработанное Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокиным («Лексические новшества... – это слова, значения слов, идиомы, узואльно существующие в определенном периоде в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и не существо-

вавшие в определенном образом ограниченный языковой период в том же языке, подъязыке, языковой сфере» [Котелова 2015: 196]), базирующееся на критерии лексикографической фиксации лингвистической единицы. Применительно к фразеологическим новациям это понятие неологизма было уточнено на фразеосеминаре профессора В. М. Мокиенко: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Вальтер, Мокиенко 2019: 615].

Возникает дихотомия динамичности как органического свойства языка и устойчивости как основного признака фразеологических единиц. При всей новизне любой неологический фразеологизм должен приобрести определенную частотность и стабильность. А. В. Жуков называет «устойчивые сочетания, проявляющие признаки подлинных фразеологизмов, но не получившие, однако, языковой прописки», «фразеологическими фантомами» [Жуков

1963: 349]. Соответственно, специфика фразеологической неологии заключается в том, что потенциальные фразеологизмы, еще не вошедшие в языковую практику и не фиксирующиеся нормативными словарями, в любом случае должны иметь определенную традицию употребления и быть не единожды зафиксированы в единстве своей структуры и семантики. Изменчивость как основа диахронического подхода, на первый взгляд, противоречит и традиционности фразеологии. Это противоречие, однако, может быть снято как раз в историческом аспекте: фразеология не перестает быть хранительницей культурной памяти народа, но новейшие фразеологизмы отражают культуру своего времени, с изменением общественных, экономических, культурных установок к жизни выносятся новые выражения.

На настоящий момент следует констатировать сложность описания фразеологии в историческом аспекте, слабую изученность динамики фразеологического фонда русского языка и достаточно фрагментарное, избыточное лакунами отражение этого процесса лексикографией. Актуальной задачей современной фразеологии и фразеографии, которыми накоплен значительный фактический материал по изучению конкретных фразеологизмов и их групп, является осуществление системного и масштабного описания истории и динамики фонда устойчивых сочетаний русского языка. Злободневно создание методологии диахронических исследований и последовательное словарное описание русской фразеологии в историческом и динамическом аспектах: «основные проблемы, требующие решения при лексикографическом описании устойчивых единиц в диахронии: методика вычленения, типология, критерии отграничения от свободных словосочетаний и смежных видов семантических сближений, особенности представления в историческом словаре их семантики, структуры, варьирования» [Пименова 2015: 144], а также построение общей системы как русской, так и славянской фразеологической неологии: «широкий подход к исследованию славянской неологии не только возможен, но и целесообразен... изучение «чистой», «узкой» неологии чревато

слишком многими трудностями и не даёт возможности взглянуть на неё и интерлингвистически, и интердисциплинарно» [Мокиенко 2019: 138].

Значим имеющийся лексикографический опыт по описанию исторических изменений фразеологического фонда. Этот опыт накоплен в словарях разных типов, но в целом лексикографией история и динамика русской фразеологии отражена фрагментарно. Словарей, где регистрируются и описываются хронологически маркированные пласты фразеологии, немного.

Фразеологическая неология фиксируется, во-первых, собственно неологическими словарями, создаваемыми в секторе неологии ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге¹, но, по словам составителей этих словарей, фразеологических единиц там меньше, чем хотелось бы. Во-вторых, фразеологические новации – отчасти материал современных фразеологических словарей ([Академический словарь русской фразеологии 2015; Жуков 2016]), но никакими особыми пометами новейшая фразеология там не маркируется. В-третьих, существует несколько словарей фразеологических неологизмов ([Мокиенко 2003; Stepanova, Dobrova 2018]), но, надо отметить, что оба словаря опубликованы за границей и мало доступны.

Из словарей, фиксирующих фразеологические единицы прошлого, можно назвать только «Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века» М. Ф. Палевской [Палевская 1980], специальные фразеологические исторические словари, описывающие устойчивые сочетания русского языка донационально-го периода, вообще отсутствуют.

Устаревшие фразеологические единицы отдельных эпох фиксируются историческими словарями русского языка разных периодов и словарями редких и забытых слов, однако это отражение не всегда полно, системно и последовательно.

О развитии фразеологической системы можно судить по динамическим словарям, но они единичны (это словари, созданные группой под руководством Г. Н. Складневской [Толковый словарь современного рус-

¹ Представлены на сайте ИЛИ РАН: <https://iling.spb.ru/dictionaries.html.ru>.

ского языка: Языковые изменения конца XX века 1998; Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика 2008]) и описывают изменения, происшедшие в очень конкретный исторический период – в русском языке рубежа XX–XXI вв. и начала XXI в.

Итак, основную информацию о развитии фразеологического фонда русского языка на настоящий момент можно черпать в первую очередь из толковых словарей русского языка, созданных в разные годы. Отражая условно единый синхронный срез, современный времени их создания, толковые словари в той или иной степени фиксируют и пласты лексики и фразеологии пассивного запаса разных эпох.

В этом отношении «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – ТСРЯ) [ТСРЯ 1935–1940] занимает особое место.

Фиксация фразеологии в ТСРЯ. Предварительные замечания.

Д. Н. Ушаков, 150 лет со дня рождения которого филологический мир отметил в январе 2023 г., – ученый, блестяще проявивший себя в самых разных областях языковедения: выдающийся грамматист, продолжатель учения Ф. Ф. Фортунатова, Председатель Московской диалектологической комиссии при АН СССР, один из создателей русской орфоэпии, нормализатор русского правописания и, разумеется, лексикограф, автор одного из основных толковых словарей русского языка. Безусловно, над словарем работал целый коллектив лексикографов, но О. В. Никитин справедливо замечает, что «народное» название этого труда «Словарь Ушакова» – это признание заслуг Дмитрия Николаевича в толковой лексикографии¹.

Обращение к ТСРЯ в связи с насущными проблемами русистики в аспекте представления динамики фразеологического фонда информативно и плодотворно, поскольку это первый толковый словарь современного языка (языка XX века). При этом фразеология получила в этом словаре детальное описание. ТСРЯ фиксирует немало инте-

ресных устойчивых выражений, которые неизвестны по другим словарям или далее фиксируются лексикографами вслед за этим изданием, причем многие обороты в ТСРЯ подтверждены цитатами, т.е. словарь весьма репрезентативен с точки зрения представления фразеологического фонда. Например, в ТСРЯ фиксируются такие редкие фразеологические единицы, как *смотреть женихом* (разг.) 'иметь веселый, счастливый вид' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 857]², *охулки на руку не класть* (не положить) (разг. фам.) 'не упускать своей выгоды, интереса, не зевать, не ошибаться в чем-н.' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 1029], по образу *пешего хождения* (фам. шутл.) 'пешком' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 695], как *молодой месяц* 'поговорка о ком-н., ненадолго появляющемся где-н.' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 194], для фразеологизма *зарубить на носу* отмечены редкие варианты *зарубить на стене* и *зарубить на лбу* [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1022] и т.п.

Принципиально важно и то, что ТСРЯ несет на себе безусловную печать времени; исследователи характеризуют ТСРЯ как памятник языка тоталитарного строя, подчеркивая, что словарь в полной мере отражает такое явление, как идеологизация языка [Купина 1995: 7; Скляревская 2022: 77]. Фразеологический материал ярко отражает эту связь языка с конкретным временным периодом, и такая хронологическая маркированность информативна для изучения динамики фразеологического фонда.

Кроме того, существенно, что авторы ТСРЯ предельно внимательны к нюансам функционирования языка, что и выражается в обилии стилистических, в частности, хронологических помет, которых в ТСРЯ едва ли не больше, чем в любом другом толковом словаре. Перед авторами, как известно, была поставлена задача создания словаря нового языка (см. подробнее [Никитин 2016]), и, описывая язык новой реальности, лексикографы особое внимание уделяли пометам, демонстрирующим смену исторической парадигмы.

О. Н. Емельянова, осуществившая детальный обзор и сопоставительный анализ хронологических помет в толковых словарях русского языка, характеризует систему помет в ТСРЯ как «самую сложную и самую

¹ Никитин О. В. Загадки «Ушаковского» словаря // Литературная газета. 2015. Вып. 8 (19). С. 1. URL: <https://lgz.ru/article/-37-6525-23-09-2015/zagadki-ushakovskogo-slovarya/>.

² При ссылке на ТСРЯ дается номер тома и столбца.

непоследовательную с лингвистической точки зрения (что объясняется «идеологической» концепцией и задачей словаря) [Емельянова 2015: 54]. Действительно, в ТСРЯ для характеристики временной перспективы используется две группы помет. Во-первых, это пометы, устанавливающие историческую перспективу: «*нов.* (слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны и революции (т. е. с 1914 г.)), *церк.-книжн.* (слово является пережитком той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке), *старин.* (слово является пережитком отдаленных эпох истории русского языка), *устар.* (слово, вышедшее или выходящее из употребления, но еще широко известное, между прочим по классическим литературным произведениям XIX века)» [ТСРЯ 1935: 1, ст. XXVII]. Во-вторых, это пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта: «*ист.* (слово обозначает предмет или понятие, относящееся к уже отошедшим в прошлое эпохам, и употребляется только в применении к этим «историческим» предметам, явлениям и понятиям), *дореволюц.* (слово обозначает предмет или понятие, вытесненное послереволюционным бытом), *загр.* (слово обозначает предмет или явление, относящееся только к заграничной жизни, к общественно-бытовому обиходу западноевропейских государств)» [ТСРЯ 1935: 1, ст. XXVII–XXVIII]. Как можно видеть, имеет место смешение лингвистического и идеологического принципов характеристики лексики, что очевидно определяется особенностью ТСРЯ как словаря тоталитарного языка. Но помимо этого, как кажется, обилие и определенная сложность хронологических помет в ТСРЯ указывают и на смелость, новаторство, лексикографический эксперимент авторов оригинального для времени своего создания словаря и желание как можно детальнее описать имеющийся языковой материал. В предисловии указано, что пометы характеризуют слова, в действительности, они ставятся и при слове, и при значении, и при словосочетании.

Отметим, что термины *фразеология* и *фразеологический* в словаре есть и толкуются в соответствующих словарных статьях, а

слова *фразеологизм* нет, устойчивые сочетания Д. Н. Ушаков называет «ходячими цельными выражениями» в традициях русистики XIX в: «после толкования значений слов, в конце статьи за значком ◊ приводятся и объясняются ходячие цельные выражения, заключающие в себе это слово с таким значением, которое отличается от всех указанных выше и встречается только в этом выражении» [ТСРЯ 1935: 1, ст. XXV] (ср. у И. И. Срезневского: «нераздельные сочетания нескольких слов» [Срезневский 1986: 133]). Однако устойчивые сочетания не всегда выделяются в ТСРЯ знаком светлого ромба, они также фигурируют в качестве речений с подтолкованиями: например, *наследник престола* (сын монарха или другое лицо, к которому должна перейти власть, в монархическом государстве; *дореволюц. и загр.*) [ТСРЯ 1938: 2, ст. 426]. Указание на временную ограниченность использования реалии, обозначенной устойчивым сочетанием, может содержаться и в толковании: *общественный или казенный пирог* (*публиц. ирон.*) 'употр. для обозначения общественного или государственного достоинства, крое грабительски расхищалось взяточниками и казнокрадами из чиновно-бюрократического аппарата царской России' [ТСРЯ 1939: 3, ст. 263], *народные социалисты* (*полит.*) 'одна из мелкобуржуазных партий дореволюционной России' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 415].

Объектом внимания настоящего исследования являются все неоднословные единицы, обнаруживающие свою устойчивость. Такой широкий подход находится в русле современной научной парадигмы исторической фразеологии: «Все большее число лингвистов изучают не только идиомы, занимающие ядерное положение в огромном поле сверхсловных языковых единиц любого национального языка, но и устойчивые словесные комплексы (УСК) окооядерной и периферийной зон» [Шулежкова 2021: 51].

Рассмотрим, какие устойчивые сочетания получают хронологическую характеристику, по которой можно судит о динамике фразеологического фонда, и какова дальнейшая судьба этих оборотов в языке. Цель работы: выявить и описать устойчивые сочетания, получающие в ТСРЯ хроно-

логическую характеристику, по которой можно судить о динамике фразеологической системы. В работе использованы методы отсловарного изучения языка, сплошной выборки фразеологизмов, анализа лексикографических дефиниций, а также общенаучные методы наблюдения, рассуждения, сопоставления, анализа и синтеза.

Описание неологических фразеологизмов в ТСРЯ как уникальная особенность толкового типа словаря

Изучение и лексикографическое описание лексических и фразеологических неологизмов – востребованное научное направление. Однако толковые словари с осторожностью фиксируют новации и никогда не отмечают их как неологизмы с учетом относительности самой категории новой лингвистической единицы. ТСРЯ – уникальный словарь, в котором неологика маркируется.

Помета *нов.* (новое) в ТСРЯ принципиально важна. Помета маркирует новые слова (*фабзаяц, нарсуд, политкаторжанин*), новые значения (*прослойка* ‘группа, входящая составной частью в какой-н. коллектив’, *чистить* ‘подвергать проверке с целью освободить или освободиться от вредных, ненужных, чуждых элементов, отделять здоровое от негодного’, *элемент* ‘контрреволюционер, вредный человек’, *карточный* ‘выдаваемый по карточкам’), а кроме того, фразеологические неологизмы (хотя это и не указано в предисловии).

Помета ставится прежде всего при новых составных наименованиях. Среди этих устойчивых сочетаний отчетливо выделяются следующие тематические группы:

– названия должностей: *младший лейтенант* ‘второе специальное звание начальствующего состава Управления государственной безопасности НКВД СССР’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 42], *старший лейтенант* ‘1) второе командирское звание, 2) четвертое специальное звание в сухопутных, воздушных и морских силах СССР начальствующего состава Управления государственной безопасности НКВД СССР’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 42], *старший политрук* ‘второе специальное звание военно-политического состава всех родов войск СССР’ [ТСРЯ 1939: 3, ст. 524], *общественный обвинитель* ‘представитель общественных организаций, выступающий об-

винителем в суде’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 729];

– званий и наград: *народный артист* ‘высшее почетное звание, присуждаемое артистам в СССР’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 415], *Герой труда* ‘звание, присуждаемое в СССР за долговременную общественно-полезную работу’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 554], *орден Красного знамени* ‘военный орден, учрежденный в СССР и присуждаемый за выдающиеся заслуги перед революцией’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501], *орден трудового Красного знамени* ‘соответствующий орден за гражданские заслуги’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501];

– учреждений и организаций: *Народный комиссариат* ‘в государственном аппарате СССР ведомство, управляемое одним из народных комиссаров (соответствует дореволюционному министерству)’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 415], *Бюро жалоб* ‘учреждение при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инспекции для принятия жалоб на неправильные действия должностных лиц’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 843-844], *живая церковь* ‘приспособленная церковная организация в православной церкви, стремящаяся приспособить церковную практику к условиям революционной жизни’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 865];

– новых реалий и явлений: *красный уголок* ‘помещение для политической и культурно-просветительной работы, соответствующим способом оборудованное’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501], *красная присяга* ‘торжественное обещание, даваемое при вступлении в Красную армию’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501], *красный обоз* ‘обоз, организуемый крестьянами для сдачи хлеба по твердым ценам на государственные ссыпные пункты’ [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501], *общественное порицание* ‘наказание в форме публичного осуждения проступка, преимущ. от имени суда’ [ТСРЯ 1938: 2, ст. 729].

Помимо таких сочетаний номинативного характера, или как их называет В. М. Мокиенко, семантико-функциональных фразеологических неологизмов, «которые входят в идеографические ряды, объединяющие их с неологизмами лексическими» [Мокиенко, Вальтер 2020: 67], пометой *нов.* в ТСРЯ маркированы и стилистико-функциональные фразеологические неологизмы, т. е. «устойчивые сочетания, которые не обозначают новых явлений действительности, а вызваны к жизни необходимостью новыми язы-

ковыми средствами обозначать старые реалии» [Мокиенко, Вальтер 2020: 68]. В качестве таких реноминаций уже существующих явлений пометой *нов.* отмечены, например, сочетания *служители культа* 'духовенство' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1545] (перифраз, рожденный «языком нового времени» и отмеченный пометой *офиц.*), *выходной день* 'свободный от работы' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 521].

Очень редко встречается идиоматика с пометой *нов.*: см. *узкое место* (в каком-н. деле) 'то же, что слабая сторона (в каком-н. деле, работе)' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 193].

Дальнейшая судьба этих сочетаний в языке predetermined статусом большинства из них как номинаций реалий советского строя: большая часть отмеченных в ТСРЯ пометой *нов.* составных наименований превратилась в историзмы, среди которых можно выделить советизмы разных периодов существования Советского Союза. В отношении показа неологизации/архаизации интересны устойчивые сочетания, маркированные комбинацией хронологических помет, во-первых, фиксирующих употребление устойчивого сочетания применительно к разным реалиям в разные исторические эпохи: *совет старейшин* '1) совет лидеров фракций в Государственной Думе (дореволюц.), 2) совещание представителей делегаций в выборных органах (*нов.*)' [ТСРЯ 1940: 4, ст. 484], а во-вторых, указывающих на вход лингвистической единицы в словарный состав языка и выход из него за время составления словаря: см. *школа первой, второй ступени* (*нов. истор.*) [ТСРЯ 1940: 4, ст. 572], *флагман флота* (*нов. истор.*) 'девятое (флагман флота 2 ранга) и десятое (флагман флота 1 ранга) военное звание командного состава морских сил СССР' [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1088-1089] (воинское звание лиц высшего начальствующего состава ВМФ СССР в 1935-1940 гг.). Такое уникальное сочетание хронологических помет в ТСРЯ, по сути, примерный аналог пометы «новое слово, в XVIII веке вышедшее из употребления» [Правила 1984: 48] (сочетание светлого и темного треугольников, соединенных основаниями) в первом в отечественной лексикографии динамическом словаре – «Словаре русского языка XVIII в.», только в «Словаре русского языка XVIII в.» этот вывод делается на значи-

тельно более протяженном хронологическом периоде (столетии), а авторы ТСРЯ фиксируют такие сочетания-однодневки, выступающие знаками своего времени, которые известны в языке в течение лишь нескольких лет или десятилетий.

Другая часть устойчивых сочетаний, зафиксированных в качестве неологизмов в ТСРЯ, была деактуализирована. Например, устойчивое сочетание *служители культа* встречается в современном дискурсе, но не имеет обличительного пафоса 1930-х гг. и нередко используется с распространителями: *Все служители пушкинского культа были на удивление ревнивы* (С. Довлатов. *Заповедник*, 1983), *Очень красочная витрина в экспозиции посвящена реквизиту тувинского служителя языческого культа* (О. Базанова. *Страна голубых рек // «Наука в России», 2013*) [НКРЯ].

Наконец, некоторые отмеченные как новые в ТСРЯ сочетания появляются в русском языке как раз именно в 1930-е гг. и остаются в языке: например, *младший лейтенант*, *выходной день*, *узкое место*. Эти сочетания входят в активный лексический запас современного русского языка, и во многом именно благодаря пометам в ТСРЯ можно датировать процесс появления данных единиц в языке.

Разноаспектность характеристики в ТСРЯ устойчивых сочетаний, выходящих из состава языка

Для единиц, выходящих из состава языка, в ТСРЯ используются пометы *старин.*, *устар.*, *истор.* и *дореволюц.*

Помета *старин.* маркирует лексику, относящуюся к давно прошедшим эпохам: например, *слово* в значении 'повествование', *земля* в значении 'народ'. В описании фразеологических единиц эта помета не встречается.

Помета *истор.* маркирует единицы, обозначающие явления и предметы, вышедшие из употребления, т.е. при собственно историзмах (как они будут названы впоследствии в классификации Н. М. Шанского [Шанский 1972: 144]). В ТСРЯ эта помета, как и помета *нов.*, маркирует прежде всего составные наименования, причем в большинстве своем связанные с историей России, а также освободительного движения, т.е. в самом отборе материала проявляется идеологизированный характер сло-

варя: см. *экономические крестьяне* 'в России крестьяне, к-рые до 1764 г. принадлежали церкви и монастырям, а потом перешли в заведование «коллегии экономии духовных дел» [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1401], *Народная воля* 'партия революционного народничества начала 80-х гг. 19 столетия, отождествлявшая понятие политической борьбы с понятием политического заговора и ставшая на путь политической борьбы с самодержавием средствами террора' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 415], *Черный передел* '1) перераспределение земельных наделов и податей (напр. после переписи), 2) [Ч прописное] название одной из двух народнических организаций, на к-рые раскололась «Земля и воля» [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1262]. Есть, безусловно, и немногие исключения, например, устойчивые сочетания, относящиеся к истории древнего мира: *римские орлы* 'знамена римских легионов (серебряные изображения орла на высокой ручке)' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 849].

Интересны отдельные случаи изменения фразеологизмами своего значения. Одни устойчивые сочетания, употреблявшиеся в языке с определенной семантикой, фиксируются в ТСРЯ в другом, переносном значении: так, для известного с XVIII в. фразеологизма *легкая кавалерия* [Сл18 2000: 11, 133], означавшего 'предназначенный для быстрых действий не тяжело вооруженный род кавалерии, использующий коней малых и средних пород', в ТСРЯ отмечается переносное (с пометой *нов.*) значение 'руководимая комсомолом организация, ставящая себе целью искоренять недостатки в работе учреждений путем внезапных, летучих ревизий' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1276]. Другие обороты, фразеологические историзмы, напротив, известны в современном русском языке с другим значением. Например, значение историзма *зеленая улица* в ТСРЯ описано как 'два поставленных друг против друга ряда солдат со шпирютенами, сквозь строй к-рых (напр. во время Николая I) прогоняли истязуемых' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1092]. Омонимичный фразеологизм есть в современном русском языке, но с другими значениями: '1) пропуск какого-л. транспорта без остановок (синоним *зеленый коридор*) («Зеленую улицу» праздничной автоколонны обеспечили сотрудники областной ГАИ (И. Фадеева.

Шок – это по-нашему! // «Мебельный бизнес», 15.08.2003) [НКРЯ]) и '2) возможность беспрепятственно делать что-л., отсутствие административных и бюрократических преград' (*Полагаю, что таким проектам следует давать зеленую улицу* (А. Н. Бузулукский. Встреча с президентом // «Волга», 2014) [НКРЯ]).

Пометой *устар.* в ТСРЯ маркируются архаизмы, т. е. стилистико-функциональные фразеологизмы. Состав их достаточно разнообразный. Среди них и идиомы (*отказаться от дома* 'перестать принимать, просить больше не приходите' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 759], *принять в дом* 'включить в число своей семьи' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 759], *под красную шапку* (*попасть, угодить и т.п.*) 'в солдаты' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 1501], *держат стол* 'кормить обедами посторонних лиц в домашних условиях за плату' [ТСРЯ 1940: 4, ст. 527], *живое место* 'занятое место, должность, исполняемая еще каким-н. лицом' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 865]), и устаревшие устойчивые номинативные сочетания (*полицейское право* 'наука об организации и функциях внутреннего управления государством, то же, что *административное право*' [ТСРЯ 1939: 3, ст. 525]), и перифразы (*Новый свет* 'Америка' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 588]), и этикетные формулы (*честь и место* 'пожалуйста, садитесь (устар. формула почтительного приглашения; теперь – полушутливо)' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 192]).

Характерно, что в ТСРЯ хронологическая помета может сопровождаться и другими пометами (редкость для метаязыка толковых словарей несмотря на то, что архаизмы – мощнейший стилистический ресурс языка). В ТСРЯ отмечается не только выход слова из активного запаса языка, но и стилевая принадлежность фразеологизма (см. фразеологизм как *бог свят* 'обязательно, во всяком случае' интерпретирован как разговорный [ТСРЯ 1940: 4, ст. 110], *паче чаяния* (*сверх чаяния*) 'неожиданно, сверх ожидания' – как книжный [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1244], *божий человек* 'юродивый' – как народно-поэтический [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1248]), сфера его употребления (составные наименования *антонов огонь* 'гангрена, заражение крови' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 751] и *брат милосердия* 'служащий больницы с теми же обязанностями, что и у сестры милосердия' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 182] отмечены как *мед.* (ме-

дицинское), а сочетание *Святая неделя* 'праздник пасхи у христиан' – как разговорное церковное [ТСРЯ 40: 4, ст. 110]), а также эмоционально-экспрессивная окраска оборота (устойчивое сочетание *приказная строка* 'мелкий чиновник, канцелярский служащий' характеризуется как пренебрежительное [ТСРЯ 1939: 3, ст. 800], сочетание *по образу и подобию* 'по какому-н. образцу, беря в пример кого-что-н.' – как риторическое и шутовское [ТСРЯ 1938: 2, ст. 695]).

В дальнейшем одни сочетания подвергаются окончательной архаизации и выходят из состава языка (как, например, выражения *приказная строка, под красную шапку*), другие остаются в пассивном составе современного языка как фразеологические архаизмы (например, *антонов огонь*), третьи, напротив, актуализируются (см. *общественное порицание* (Ну, уполномоченному органу либо другим субъектам отношений будет за его невниманье общественное порицание (А. Скогорева, В. Сосков: «Максимум, что рискует потерять гражданин, это пятую часть пенсии» // «Газета», 2003) [НКРЯ], *Святая неделя* 'праздник Пасхи' (В понедельник на Святой неделе Прохоров возил меня в так называемое дворянское собрание (Победители конкурса // «Столица», 15.04.1997) [НКРЯ]) или по крайней мере начинают использоваться с большей частотностью (см. *Новый свет* 'Америка' (Доллар завоевал Новый свет, завоевал Старый свет и, по не очень проверенным слухам, завоевал тот свет (Ф. Искандер. Курортная идиллия, 1999) [НКРЯ]).

Особо следует сказать об уникальной в лексикографии хронологической помете *дореволюц.*, которая маркирует реалии, еще активные для современников создателей словаря, но ставших историзмами одновременно со сменой формации. Этой пометой отмечены, например, следующие устойчивые сочетания: *по вольному найму* (служить) 'не имея прав государственного служащего' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 356], *белый билет* 'свидетельство об освобождении от военной службы по негодности' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 140], *простой народ* 'в эксплуататорском государстве – основная масса населения (преимуществ. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу' [ТСРЯ 1938: 2, ст. 413], *черные списки* 'списки революционеров, революционно

настроенных трудящихся, к-рых капиталисты по взаимному уговору не принимают на работу или увольняют в первую очередь' [ТСРЯ 1940: 4, ст. 1262], *аттестат зрелости* 'удостоверение об окончании гимназии' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 69], *конкурс аттестатов* 'прием в высшие учебные заведения без экзаменов, на основании отметок в аттестатах' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 69], *желтая опасность* 'угроза европейской культуре со стороны желтой расы (выражение империалистической идеологии европейцев)' [ТСРЯ 1935: 1, ст. 855].

Это очень интересный пласт единиц, который выделен в ТСРЯ. С одной стороны, это самые свежие для создателей словаря, самые недавние в языке историзмы. С другой стороны, этот пласт важен для современного языка, т.к. немалая часть этих выражений позже подвергается актуализации. Устойчивое сочетание *аттестат зрелости* 'документ об окончании средней общеобразовательной школы' появилось в русском языке во второй половине XIX в., после революции перестало использоваться как официальное обозначение такого документа (до 1934 г. документ об окончании средней школы назывался *свидетельством*, с 1935 г. – *аттестатом о среднем образовании*, поэтому в ТСРЯ сочетание *аттестат зрелости* маркировано как дореволюционное), но постановлением Совнаркома от 21 июня 1944 г. документу было возвращено дореволюционное название *аттестат зрелости*, которое было заменено на название *аттестат о среднем образовании* только в 1962 г. Однако устойчивое сочетание *аттестат зрелости* продолжает использоваться как неофициальное название соответствующего документа: *К проблемам подобного вида относятся: наркомания и коррупция во всех структурах власти, беспризорность, преступления против детей, инфляция, вредная экология, замусоривание территорий, незаконная миграция, фальсификация лекарств, продуктов питания, подделка аттестатов зрелости, дипломов, проблемы со школьным, профессиональным и высшим образованием, с военной реформой, наезды автомобилей на людей на остановках общественного транспорта и многое другое* (А. Ефимочкин. Университеты «ПБ». Шаги к изобретению // Юный техник, 2010)

[НКРЯ]. С середины 1980-х гг. растет употребительность сочетания *черный список*, достигая пика на рубеже XX–XXI вв., употребление выражения *желтая опасность* активизируется в XXI в. (*И наши доморощенные натовцы тоже пугают нас сближением с Китаем, возрождая миф о желтой опасности* (Vesti.ru, 2014.04) [НКРЯ]), очень востребовано в современном языке устойчивое сочетание *белый билет*, и т.п. Как обычно, процесс актуализации сопровождается утратой лимитирующих сем (см. *простой народ: В течение всего прямого эфира Путин со свойственным ему юмором, а иногда и довольно жестким тоном произносил фразы-послания, которые, безусловно, внимательно ловили чиновники и политики всех рангов. А простой народ получал информацию о законодательных изменениях, что компенсировало традиционное нежелание ведомств делиться правовыми новшествами с населением* (Л. Тимофеева. Прямые контакты (25.04.2013) // «Новгородские ведомости», 2013) [НКРЯ]) и семантическим сдвигом, так что следует говорить о двух разных значениях устойчивых сочетаний: историческом (обозначенном в ТСРЯ как дореволюционное) и современном: см. актуализированное значение сочетания *черный список* отличается от зафиксированного в ТСРЯ, современная семантика – ‘список лиц или других существей, которым по какой-л. причине отказано в конкретном праве, привилегии или действии’, актуализированное значение сочетания *конкурс аттестатов* – ‘поступление по среднему баллу аттестатов’, и т.п.

Выводы

ТСРЯ не только представителен в отношении полной и подробной демонстрации фразефонда своего времени, но и в значительной мере информативен в показе динамики развития фразеологии. В словаре собран уникальный материал по функционированию устойчивых словесных комплексов в русском языке первой трети XX в. и русском языке начальных десятилетий Советского государства. ТСРЯ во многом остается образцом с точки зрения детальной стилистической, в том числе, хронологической, маркированности устойчивых сочетаний. Заслуга авторов ТСРЯ – лексикографическая документация про-

цесса развития фразеологии русского языка в период особой эпохи в истории страны и наглядный показ отражения этой эпохи в том числе в зеркале устойчивых сочетаний. Нельзя не согласиться с О. В. Никитиным, заключающим, что «при всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. «Ушаковский словарь» показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общелингвистический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [Никитин 2016: 39].

Из описанных в ТСРЯ хронологически маркированных устойчивых словесных комплексов одни были впоследствии полностью утрачены языком и могут быть изучены только как факт истории языка, другие остались архаизмами, способными выступать стилистическим средством в современном тексте, третьи из неологизмов превратились в историзмы-советизмы, став в современном русском языке яркими знаками времени, однозначно указывающими на период истории нашей страны, четвертые – актуализировались и с определенными семантическими изменениями перешли в активный запас современного языка, пятые, маркированные как неологизмы авторами ТСРЯ, стали неотъемлемой частью словарного состава современного русского языка.

С учетом актуальных для современных фразеологии и фразеографии задач изучения динамики развития фразеологической системы русского языка и создания неологических и исторических фразеологических словарей, продуктивно и интересно было бы обобщение опыта толковых словарей в этом отношении и во многом именно опыта ТСРЯ. Ведь динамика фразефонда в первую очередь отражает динамику мышления и мировоззрения, а изучение восприятия человеком мира и себя в мире – основная задача гуманитарных наук.

Литература

- Академический словарь русской фразеологии. – 2-е изд. / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : ЛЕКСПУС, 2015. – 1168 с.
- Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Из-во АН СССР, 1963. – 385 с.
- Вальтер, Х. Новые и старые реалии в новой русской фразеологии / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Русское слово в многоязычном мире: материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. – СПб. : Межд. некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ» (Санкт-Петербург), 2019. – С. 610–620.
- Емельянова, О. Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка) / О. Н. Емельянова. // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 2. – С. 48–69.
- Жуков, А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2016. – 416 с.
- Жуков, А. В. Фразеологические фантомы в русском языке / А. В. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: История. Филология. Искусствоведение. – 2009. – № 51. – С. 57–60.
- Котелова, Н. З. Избранные работы / Н. З. Котелова. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 275 с.
- Купина, Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург ; Пермь : изд-во Уральского ун-та, 1995. – 144 с.
- Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. – Opole : Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. – 168 с.
- Мокиенко, В. М. Современная славянская неофразеология : сходства и различия / В. М. Мокиенко // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сб. научных статей. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137–146.
- Мокиенко, В. М., Вальтер, Х. Третье тысячелетие в зеркале словарей русских и немецких фразеологических неологизмов / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер // Русский язык и культура. Взаимосвязи и взаимодействие : Материалы VI Межд. педагогического форума. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С. 58–72.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 27–40.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.07.2023).
- Палевская, М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века / М. Ф. Палевская. – Кишинев : Штиинца, 1980. – 365 с.
- Пименова, М. В. Исторический словарь устойчивых единиц : проблемы и перспективы / М. В. Пименова // Современные проблемы лексикографии. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 144–145.
- Скляревская, Г. Н. Об одном этапе эволюции русского языка : тоталитарный язык (по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) / Г. Н. Скляревская // Говор : альманах. – 2022. – № 9. – С. 77–82.
- Словарь русского языка XVIII вв. (Сл18) – СПб. : Наука, 2020. – Вып. 11 (Крепость – Лыняной). – 256 с.
- Словарь русского языка XVIII вв. Правила пользования словарем. Указатель источников (Правила) – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 142 с.
- Срезневский, И. И. Русское слово : избранные труды / И. И. Срезневский. – М. : Просвещение, 1986. – 173 с.
- Степанова, Л. И. Словарь русских неологизмов / Л. И. Степанова, М. С. Доброва. – Olomouc : Univerzita Palackého, 2018. – 472 с.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века : Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2008. – 1131 с.
- Толковый словарь современного русского языка : Языковые изменения конца XX века / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. (ТСРЯ) / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл. : ОГИЗ, 1935–1940.
- Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.
- Шулежкова, С. Г. Проблемы создания Большого фразеологического словаря старославянского языка в условиях цифровой культуры / С. Г. Шулежкова // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов

Межд. симпозиума (24–25 сентября 2021 г.). – Томск : изд-во Томского государственного университета, 2021. – С. 51–54.

References

- Baranov, A. N., Dobrovolskii, D. O. (Ed.). (2015). *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii. 2-e izd.* [Academic Dictionary of Russian Phraseology. 2nd ed.] Moscow, LEKSURUS. 1168 p.
- Boduen de Kurtene, I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu*. [Selected Works on General Linguistics] Vol. 1. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR. 385 p.
- Emel'yanova, O. N. (2015). Ustarevshaya leksika v sisteme yazyka (po materialam tolkovykh slovari sovremennogo russkogo yazyka) [Obsolete Vocabulary in the Language System (Based on Explanatory Dictionaries of the Modern Russian Language)] In *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. No. 2, pp. 48–69.
- Kotlova, N. Z. (2015). *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 275 p.
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Dictionary and Speech Reactions]. Ekaterinburg, Perm', Izd-vo Ural'skogo un-ta. 144 p.
- Mokienko, V. M. (2003). *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian Phraseology]. Opole, Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. 168 p.
- Mokienko, V. M. (2019). Sovremennaya slavyanskaya neofrazeologiya: skhodstva i razlichiya [Modern Slavic Neo-phraseology: Similarities and Differences]. In *Slavyanskie lingvokul'tury v prostranstvennom i vremennom kontinuumе: sb. nauchnykh statei*. Gomel', GGU im. F. Skoriny, pp. 137–146.
- Mokienko, V. M., Valter, X. (2020). Tre'te tysacheletie v zerkale slovari russkikh i nemetskikh frazeologicheskikh neologizmov [The Third Millennium in the Mirror of Dictionaries of Russian and German Phraseological Neologisms]. In *Russkii yazyk i kul'tura. Vzaimosvyazi i vzaimodeistvie. Materialy VI Mezhd. pedagogicheskogo foruma*. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, pp. 58–72.
- Nikitin, O. V. (2016). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovara russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova) [Domestic Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 27–40.
- NKRYA – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (mode of access: 07.12.2023).
- Palevskaya, M. F. (1980). *Materialy dlya frazeologicheskogo slovara russkogo yazyka XVIII veka* [Materials for the Phraseological Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Kishinev, Shtiincza, 365 p.
- Pimenova, M. V. (2015). Istoricheskii slovar' ustoichivykh edinit: problemy i perspektivy [Historical Dictionary of Sustainable Units: Problems and Prospects]. In *Sovremennye problemy leksikografii*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 144–145.
- Shansky, N. M. (1972). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the Modern Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie. 327 p.
- Shulezhkova, S. G. (2021). Problemy sozdaniya Bol'shogo frazeologicheskogo slovara staroslavianskogo yazyka v usloviyakh tsifrovoi kul'tury [Problems of Creating the Big Phraseological Dictionary of the Old Slavonic Language in the Conditions of Digital Culture]. In *Leksikografiya tsifrovoi epokhi: sb. materialov Mezhd. simpoziuma (24–25 sentyabrya 2021 g.)*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 51–54.
- Sklyarevskaya, G. N. (2022). Ob odnom etape evolyutsii russkogo yazyka: totalitarnyi yazyk (po materialam "Tolkovogo slovara russkogo yazyka" pod red. D. Ushakova) [On One Stage of the Evolution of the Russian Language: A Totalitarian Language (Based on the Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov)]. In *Govor: al'manax*. No 9, pp. 77–82.
- Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (1998). *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka: Yazykovye izmeneniya kontsa XX veka* [Explanatory Colloquial of the Modern Russian Language: Language Changes in the Late Twentieth Century]. Saint Petersburg, Folio-Press. 700 p.
- Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2008). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka nachala XXI veka: Aktual'naya leksika* [Explanatory Dictionary of the Russian Language at the Beginning of the 21st Century: Current Vocabulary]. Moscow, Eksmo. 1131 p.
- Slovar' russkogo yazyka XVIII vv.* (2000). [Dictionary of the Russian Language of the Eighteenth Century]. Saint Petersburg, Nauka. Vyp. 11 (Krepost' -L'nyanoi).
- Slovar' russkogo yazyka XVIII vv. Pravila polzovaniya slovarem. Ukazatel istochnikov* (1984). [Dictionary of the Russian Language of the Eighteenth Century. Rules of Use of the Dictionary. Index of Sources]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie. 142 p.
- Sreznevskii, I. I. (1986). *Russkoe slovo: izbrannye trudy* [Russian Word: Selected Works]. Moscow, Prosveshchenie. 173 p.
- Stepanova, L. I., Dobrova M. S. (2018). *Slovar' russkikh neologizmov* [Dictionary of Russian Neologisms]. Olomouc, Univerzita Palackého. 472 p.

STUDIES OF WORDS AND PHRASEOLOGICAL UNITS:
BASED ON THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”

TSRYA – Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Russian Language]. Moscow, Sov. entsikl.: OGIZ.

Valter, X., Mokienko, V. M. (2019). *Novye i starye realii v novoi russkoi frazeologii* [New and Old Realities in the New Russian Phraseology]. In *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: materialy XIV Kongressa MAPRYaL*. Saint Petersburg, Mezhd. nekommercheskoe partnerstvo prepodavatelei russkogo yazyka i literatury “MAPRYaL” (Sankt-Peterburg), 2019, pp. 610–620.

Zhukov, A. V. (2009). *Frazeologicheskie fantomy v russkom yazyke* [Phraseological Phantoms in Russian]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Filologiya. Iskusstvovedenie*. No. 51, pp. 57–60.

Zhukov, A. V. (2016). *Slovar' sovremennoi russkoi frazeologii* [Dictionary of Modern Russian Phraseology]. Moscow, AST-PRESS. 416 p.

Данные об авторе

Генералова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034 Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9.

E-mail: elena-generalova@yandex.ru.

Author's information

Generalova Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associated Professor of Department of Russian language, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 07.08.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 07.08.2023; date of publication: 30.12.2023

УДК 811.161.1'37:811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.
ББК Ш141.12-420+Ш141.12-36.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Д. Н. УШАКОВА

Шулежкова С. Г.

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова (Магнитогорск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

SPIN-код: 1190-5812

А н н о т а ц и я . В статье анализируется вклад Д. Н. Ушакова в становление отечественной фразеографии. *Предмет* исследования – принципы отбора и представления сверхсловных единиц в «Толковом словаре русского языка»; *цель* – установить истоки и сущность фразеографической концепции Ушакова, оказавшей влияние на развитие отечественной фразеографии. При сопоставлении четырёхтомника Д. Н. Ушакова с толковыми словарями предшественников и фразеологическими словарями второй половины XX – начала XXI века использовались описательный, сравнительно-исторический методы, приёмы компонентного анализа и статистические подсчёты. Концепция лингвистической характеристики фразеологизмов создавалась Ушаковым с учётом опыта описания сверхсловных единиц в академических словарях XVIII–XIX столетий и в сборнике М. И. Михельсона. Сущность её составляют пять положений: 1) фразеологический корпус неразрывно связан с лексическим составом языка; 2) объективное представление о состоянии фразеологической системы можно получить, придерживаясь широкого взгляда на объект фразеологии; 3) сверхсловные единицы любой семантики, обладающие воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава, грамматической структуры и постоянством значения, являются элементами языковой системы; 4) при отборе единиц для толковых словарей необходимо учитывать все активные пласты национального языка; 5) доступность толкований, нормативность, научная достоверность, лингвистические пометы, историко-этимологические справки, чёткое структурирование словарных статей обеспечивают словарю достойное место в национальной культуре. Данные принципы были унаследованы авторами словарей, аналогичных Ушаковскому, и фразеографами. Развитие фразеографии связано не только с описанием сверхсловных единиц лексикографами, но и с развитием фразеологии как лингвистической дисциплины. Первыми «ласточками», собственно фразеографического направления стали фразеологический словарь А. И. Молоткова и словарь пословиц и поговорок В. П. Жукова, в 1967 году положившие начало фразеографическому буму второй половины XX – начала XXI столетия, когда концепция Д. Н. Ушакова реализовалась не только в общefразеологических словарях, но и в словарях, специализирующихся на описании сверхсловных единиц определённого типа.

Ключевые слова: толковый словарь; фразеология; фразеография; сверхсловная единица; нормативность; системность; лингвистические пометы

Для цитирования: Шулежкова, С. Г. Фразеографическая концепция Д. Н. Ушакова / С. Г. Шулежкова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 130–142. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.

PHRASEOGRAPHIC CONCEPTION OF D. N. USHAKOV

Svetlana G. Shulezhkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Summary. The article analyzes the contribution of D. N. Ushakov to the formation and development of Russian phraseography. The object of the study covers the principles of choosing and presentation of super-word (phraseological) units in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language”. The research aim is to establish the origins and the essence of Ushakov’s phraseographic conception that influenced the development of Russian phraseography. While comparing Ushakov’s dictionary with the explanatory dictionaries published before and the phraseological dictionaries of the second half of the 20th – early 21st centuries, the author employs the descriptive and comparative-historical methods and the methods of component analysis and statistical calcula-

tions. The conception of linguistic characterization of phraseologisms was created by Ushakov taking into account the experience of description of phraseological units in academic dictionaries of the 18th–19th centuries and the phraseological dictionary by M. I. Mikhelson. The main principles of Ushakov's conception are the following: 1) the phraseological corpus is inextricably linked with the vocabulary; 2) proper understanding of the phraseological system can be obtained by adhering to a broad view of the object of phraseology; 3) super-word (phraseological) units of any semantics characterized by reproducibility, stability of component composition, grammatical structure and stability of meaning are elements of the language system; 4) while selecting units for explanatory dictionaries, it is necessary to take into account all active layers of the national language; 5) clear definitions, normativity, scientific reliability, linguistic notes, historico-etymological references, and salient structuring of dictionary entries grant the dictionary a worthy place in the national culture. These principles have been inherited by the modern authors of explanatory dictionaries similar to Ushakov's masterpiece and by phraseographers. The development of phraseography is associated not only with the description of super-word (phraseological) units by lexicographers, but also with the development of phraseology as a linguistic discipline. The phraseological dictionary by A. I. Molotkov and the dictionary of proverbs and sayings by V. P. Zhukov became the forerunners of the new phraseographic approach proper. In 1967 they laid the foundation for the phraseographic boom of the second half of the 20th – early 21st centuries when Ushakov's conception was realized not only in general phraseological dictionaries, but also in dictionaries specializing in the description of super-word (phraseological) units of a certain type.

Key words: explanatory dictionary; phraseology; phraseography; super-word (phraseological) unit; normativity; systemity; linguistic notes

For citation: Shulezhkova, S. G. (2023). Phraseographic Conception of D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 130–142. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-130-142.

Введение

150 лет со дня рождения выдающегося русского учёного Дмитрия Николаевича Ушакова – повод, позволяющий поновому взглянуть на его творчество и оценить влияние, которое он оказал на развитие науки, нацеленной не только на исследование русского языка во всех его проявлениях и описание его богатств, но и на нормализацию и сохранение русского языка как важнейшей ценности национальной культуры. Жемчужиной наследия Ушакова, несомненно, является четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» (1935–1940), одним из основных авторов и редактором которого он был. О значимости этого уникального труда для отечественной лексикографии и народного просвещения написано немало. В небольшой статье невозможно упомянуть каждого из учёных, общественных деятелей, писателей, журналистов, кто по достоинству оценил Словарь Ушакова. Потому упомянем лишь некоторые работы, с разных позиций отмечающие значимость этого Словаря для русской национальной культуры.

Известный отечественный филолог М. В. Панов в очерке, посвящённом жизни и деятельности Д. Н. Ушакова, перечислив и высоко оценив «величавую чреду» словарей русского языка, созданных в XVIII и

XIX вв., – «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789–1794), «Словарь церковнославянского и русского языка» 1848 г. под редакцией А. Х. Востокова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (1863–1866) и незаконченный словарь русского языка А. А. Шахматова [Панов 1995: 33], – заключает: «А далее во флотилии словарей проплывает этот красавец – «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова <...> Создание его было особенно ответственным делом: требовалось и сохранить традиции русского языка – поддержать их именно этим словарём, и отобрать из новшеств языка советской эпохи то, что имело право на долготное существование в нём» [Там же: 34]. М. В. Панов указывает на то, что нормативность Словаря проявляется в отборе слов и их значений, в указании их правильного произношения, ударения, правописания, уместного употребления. «Впервые в отечественной лексикографии разработана и применена сложная и многоаспектная система стилистических помет», разработана и реализована «сеть противопоставлений и сопоставлений» [Там же: 34].

Советский лингвист А. А. Реформатский среди прочих достоинств редактора «Толкового словаря русского языка» особенно высоко оценил «точность и лако-

низм» Д. Н. Ушакова [Реформатский 1998: 59], его стремление в исторических процессах видеть «становление нормы» [Там же: 36], а также то, что «К тем или иным убеждениям Дмитрий Николаевич приходил, не столько исходя из дискурсивных рассуждений, сколько чутьём своего безошибочного вкуса. А в подборе примеров, в систематике, в классификации он умел достигнуть воистину ювелирной отделки, ювелирного мастерства» [Там же: 35].

Автор современных фундаментальных словарей, Л. П. Крысин, считает важнейшими достоинствами «Толкового словаря русского языка» всеобъемлющую «нормативность» и «образцовость» [Крысин 2000: 224]. Ученик Д. Н. Ушакова и его соратник, Г. О. Винокур, подчёркивал практическую значимость первого нормативного толкового словаря советской эпохи: «Этот справочник толкует слова и сообщает правильное ударение, произношение, очерчивает с помощью системы помет круг и время их применения, даёт краткую этимологическую справку заимствованным словам» [Винокур 2002: 58].

Нетрудно заметить, что авторы процитированных работ делают акцент прежде всего на мастерстве Ушакова и его коллег, проявленном при описании слов, не затрагивая проблемы, связанной с принципами представления в «Толковом словаре русского языка» сверхсловных единиц.

«Толковый словарь русского языка» создавался в 1930-е годы, которые «в истории советского языкознания», по словам О. В. Никитина, «стали бременем испытания во всех областях науки, истерзанной жёстко внедряющейся идеологией “коммунистического строительства”». На развалинах старой академической традиции, практически уничтоженной за 10–15 лет, пытались создать новое направление в развитии гуманитарной сферы со своим “регламентом” и иными, отличными от подлинных научных и духовных ценностей ориентирами» [Никитин 2016б: 27]. Цикл статей О. В. Никитина, написанных с привлечением подлинных документов, отражает драматическую историю отечественной лексикографии 1920-х – начала 1940-х годов в целом и самоотверженную работу над первым советским нормативным тол-

ковым словарём. Они дают современному читателю возможность узнать правду «о героях тех лет, которые во многом стояли у истоков современной научной теории и практики лексикографирования и формировали <...> филологическое лицо нашей эпохи» [Никитин 2016а: 13]. Письма и протоколы многочисленных заседаний, увидевшие свет благодаря О. В. Никитину (см., напр. [Никитин 2006, 2017] и пр.), показывают, как мужественно отстаивал коллектив авторов Словаря во главе с Ушаковым интересы «подлинной науки, её исконных корней» и боролся «с демагогами всех мастей». Их не пугало даже опасное причисление к «адептам “буржуазных теорий” и “неисправимой индоевропеистики”» [Никитин 2018: 89].

В многочисленных публикациях и прошлом, и нынешнего века о «Толковом словаре русского языка», основном детище нашего юбиляра, написано немало. Оценены его научная основательность и своевременность, его влияние на судьбы русского национального языка и на развитие русской лексикографии. Но никто всерьёз не ставил перед собой задачи исследовать истоки новаторской концепции Д. Н. Ушакова, ориентированной на описание в толковом словаре сверхсловных языковых единиц, и влияние этой концепции на становление отечественной фразеологии. Между тем именно научная позиция Д. Н. Ушакова и его коллег, опиравшихся на опыт российской лексикографии XVIII–XIX веков, помогла им совершить качественный прорыв в словарном деле и облегчить путь к созданию собственно фразеологических словарей.

Основная часть

1. Предыстория

К началу работы над «Толковым словарём русского языка» (1928) руководимый Д. Н. Ушаковым научный коллектив был хорошо подготовлен к описанию в будущем словаре сверхсловных языковых единиц наряду с однословными, хотя до возникновения фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины оставалось ещё два десятилетия.

Проблема лингвистической квалификации и словарного описания сверхсловных единиц издавна волновала лексико-

графов. В 70-е годы XVIII века её вынужден был решать П. А. Алексеев, протоиерей Архангельского собора, совмещавший обязанности священнослужителя с преподаванием Закона Божьего и катехизиса в Императорском Московском университете, когда работал над словарём церковного языка для студентов и учащихся духовных семинарий. Словарь Алексеева был опубликован в четырёх частях в 1773–1779 гг. Он пользовался большой популярностью в самых широких общественных кругах и несколько раз переиздавался. Для нас чрезвычайно важно то, что впервые в российской лексикографии автор в толковом словаре характеризовал сверхсловные единицы (*речения*) в особых словарных статьях. В «Предувѣдомленіи» к 4-му изданию *речени* названы как равноправные со *словами* языковые единицы: «Должно отдать справедливость сочинителю Словаря сего, который принял на себя похвальный трудъ составить его и приложить содержащимся въ немъ *словамъ* и *реченіямъ* нужныя объясненія и истолкованія...» [Алексѣевъ, 1817, ч. 1: I]. Спустя почти 100 лет материалы «Церковного словаря» Алексеева были активно использованы составителями «Словаря Академии Российской 1789–1794», но в жанровом отношении и в структурировании словарных статей авторы этого масштабного труда пошли иным путём. По мнению вдохновительницы данного проекта княгини Е. Р. Дашковой и большинства будущих составителей Словарь должен был стать «гнездовым по расположению слов, а не алфавитным», ибо «Считалось, что объединение в одной словарной статье слов одного корня уже само по себе объяснит их значение» [Богатова 2001: 16]. Но в ходе работы над Словарём выяснилось, что однокоренных *слов* недостаточно для передачи «силы и красоты языка». И словарные статьи, созданные по гнездовому принципу, были дополнены «реченіями» «изъ всѣхъ извѣстныхъ книгъ церковныхъ и лучшихъ свѣтскихъ сочиненій, лѣтописей, разныхъ законодательствъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, записокъ путешественниковъ, реченіями, въ наукахъ, Художествахъ, ремеслахъ и прочихъ употребительными» [Предисловіе 2001: VIII–IX]. И в Словарь, вклю-

чающий свыше 43 тысяч *слов*, попало множество самых разнообразных *речений*. К примеру, в словарной статье «АНГЕЛЬ» помещены выражения «*День моего Ангела, Праздник моего Ангела*. 'Въ простор. именуется тотъ Святой, котораго кто носить на себѣ имя'; *Ангель въ плоти* 'Человѣкъ святаго и отмѣннаго житія'» [САР, 2001, т. 1: 33]. А словарная статья «БИЮ», занимающая 40 столбцов(!), содержит массу сверхсловных единиц-названий самых разнообразных действий, явлений, признаков, а также пословицы и поговорки: «*Бью въ набатъ; Бью въ ладоши* (Рукоплещу, плесканіемъ рукъ изъясляю кому похвалу и свое удовольствіе); *Бью перси* (Изъясляю наружными знаками или біеніемъ въ грудь душевную скорбь); *Битье обѣ закладъ* (споръ, до рѣшенія коего полагается условіе заплатить что-нибудь тому, чьи слова збудутся, или найдутся справедливы); *Бой кулачный* (Родъ сраженія на кулакахъ, производимаго между людьми низкаго сословія); *Мамаево побоище; Бьюся какъ рыба обѣ ледъ* (Поговорка); *За битаго двухъ небитыхъ даютъ* (Присловица простонародн.)» [Там же: 172–212].

Как пишет М. В. Панов, «Словарь Академии Российской» отразил состояние русского языка, учитывая изменения и развитие его в XVIII веке. «Он по-ломоносовски трёхпалубный: три стилия, восходящие к церковнославянскому и русскому бытовому языкам, образуют ярусное единство; он многолюден: простая обиходная речь занимает в нём большое место. Отсюда впечатление от этого словаря жизненности и безыскусной полноты» [Панов 1995: 33]. Авторы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова учли опыт составителей «Словаря Академии Российской». Это отразилось и в масштабном охвате языкового материала, обновлённого в кардинально изменившихся социальных, политических и экономических условиях страны, и в определении места сверхсловных единиц в словарной статье, и в семантической характеристике сверхсловных единиц, и в разработке ряда лингвистических помет (стилистических, социальных, профессиональных, хронологических).

Справедливости ради следует сказать, что в XIX веке сложилась определённая система включения сверхсловных единиц в

толковые словари. Как правило, сверхсловные единицы не возглавляли словарных статей, однако обойтись без них было невозможно, и лексикографы обычно отводили сверхсловным единицам (называя их по-разному, но чаще всего *речениями*) место в заключительной части (нередко очень пространной) статьи, посвящённой одной из лексем, входящих в состав сверхсловной единицы в качестве компонента. Эта структура закрепились в российской лексикографии, что можно наблюдать в четырехтомном «Словаре церковнославянского и русского языка, составленного вторым отделением Императорской Академии наук» (1847). Так, например, в словарной статье «ГОЛОВА» этого издания после характеристики заголовочной лексемы приводится около трёх десятков сверхсловных единиц с компонентом *голова*: *голова въ домъ, голова стрѣлецкій, голова письменный, голова пушкарскій, голова сотенный, голова соляной, голова кабацкій, голова градской, голова ремесленный, голова волостной, пустая голова, буйная голова, жить одной головою, очертя голову (жить, дѣлать), ломать голову, бѣжать сломя голову, выдать головою, голова трещить* и пр. [СЦиРЯ, 2001, т. 1: 272–273]. А в словарной статье «НОГА», кроме указания на три значения заголовочного слова, толкуется целый блок образных сверхсловных единиц, связанных с этими значениями: «*Нога за ногу*. въ ходьбѣ, зн. весьма тихо. *Идетъ нога за ногу*. – *Нога за ногу*, зн. ровным шагомъ. – *Легокъ на ногу*, зн. проворенъ. – *Ни по ногу*. *Ноги своей не клади*. *Ноги своей не заноси*. *Ни ногою*, зн. совсѣмъ не ходи куда-нибудь. – *На ногахъ*, зн. стоять или ходить. *Чѣмъ свѣтъ уже на ногахъ*. Грибоѣд. – *Поставить на ноги*, зн. поправить чье-либо состояніе или открыть выгодную въ жизни дорогу. – *Со встьхъ ногъ*, зн. опростеть, весьма скоро <...> *Сбить съ ногъ*, зн. замучить многими посылками. *Встьхъ служъ съ ногъ сбиль*. – *Срѣзять съ ногъ*, зн. остыдить, осрамить кого-либо. – *Жить на большой ногъ*, зн. жить по-барски» [Там же: 404].

У предшественников Д. Н. Ушакова, помимо указанных выше «наработок» в описании сверхсловных единиц, следует отметить ещё одно достижение. В «толковательных» частях словарных статей лек-

сикографы XVIII–XIX вв. нередко сочетали семантическую характеристику заголовочного слова со сведениями о нем историко-этимологического плана. Так, в «Церковном словаре» П. Алексева на 200 страницах, посвящённых *словам* и *речениям*, начинающимся на буквы «А», «Б», «В», помещено 160 сверхсловных единиц, каждая из которых сопровождается толкованием и справкой об источнике. Например, «**АБРАМОВО НѢДРО**, значить въ св. писани: рай, блаженство вѣчное, куда пресѣляются чистыя и свѣтыя души, разлучающіяся отъ тѣла. Въ такой же силѣ берется Лоно Авраамле, *Соборн: 27 на обор.*»; «**АНГЕЛЬСКОЕ ЖИТІЕ**, или **АНГЕЛЬСКІЙ ОБРАЗЪ**, называется такъ третія степень монашества совершеннаго по Богомыслию, чистотѣ, нестяженію и послушанію, съ Греч.: Схима, *Требн.: и другія церк. книги*»; «**ВѢТХІЙ ЧЕЛОВѢКЪ**, *Ефес: 4, 22. Колос: 3-9*. Человѣкъ праотеческимъ грѣхомъ и собственными беззаконіями обветшавшій, въ страстяхъ плотскихъ застарѣвшійся, и не могущій природными силами, кромѣ благодати Божіей, ничего добраго не только сотворить, но ни помыслить» [Алексѣевъ 1817, ч. 4: 22, 129].

Сочетание синхронического подхода с историко-этимологическим комментарием использовалось лексикографами XVIII–XIX столетий не только по отношению к заимствованиям из европейских языков (латинского, греческого, голландского, немецкого, французского) и восточных (персидского, арабского, татарского и др.). Часто этот приём применялся и при описании славянских языковых единиц. В «Церковном словаре» Алексева он реализуется равно как по отношению к *слову*, так и по отношению к *речению*, но в «Словаре Академии Российской» помета о языке-источнике помещается лишь при заголовочном слове. Если заголовочная лексема является полисемантом, то включающие её сверхсловные единицы распределяются в словарной статье в соответствии с теми значениями, которые лексема реализует в составе оборота. «Подступом» к представлению сверхсловной единицы становится, таким образом, фрагмент описания в словарной статье актуального для данной единицы значения заголовочного

слова. Например, словарная статья «**АРКАНЬ**» начинается с указания на происхождение слова: «Отъ Персидскаго слова *органъ*, ужище, веревка». Затем характеризуются 3 его значения: «Означается 1) симъ словомъ приколь, привязь, т. е. веревка, на которой привязывается лошадь, чтобъ удобнѣе и скорѣе ее поймать было можно. 2) Въ военномъ употребленіи у казаковъ означаетъ длинную веревку съ петлею на концѣ для скорога увлеченія схватаннаго из неприятельскаго стана. 3) Означаетъ всякую веревку, которою конные объездные вяжутъ приводимыхъ подь стражу». Сверхсловные же единицы распределены в словарной статье в зависимости от того, какая сема компонентом *аркань* реализуется в их общем значении: к 1-му значению лексемы *аркань* присоединяется сверхсловная единица *держатъ на аркань*, ко 2-му – *притащить, подцѣпить на аркань*, к 3-му – *привести на аркань* [САР, 2001, т. 1: 46]. Сведения же об обстоятельствах формирования семантики сверхсловной единицы присоединяются к описанию его значения. Например, «**АЛТЫНЬ** <...> Мысленный денежный щотъ, простымъ народомъ употребляемый, означающій три копейки. Слово сіе происходитъ отъ Татарскаго *алты*, значущаго шесть, какъ и въ самой вещи *алтынъ* содержалъ въ себѣ шесть *денегъ*, а копѣйки тогда еще неизвѣстны были». Далее в словарной статье приводятся однокоренные слова: *Алтынникъ, Алтынничаю, Алтынний*, каждое из которых сопровождается толкованием. У слова *Алтынникъ* отмечено два значения: «1) Преждебывшія ходячія деньги въ три копѣйки. 2. ... Означаетъ обироху, который подь разными прицѣпками малыя собираетъ взятки, или и малыхъ взятокъ не гнушается». В этом месте и появляется сверхсловная единица – *присловица*: «... и о такихъ говорится присловицею: *Онъ взросъ на алтынахъ*, т. е. привыкъ съ малолѣтства брать взятки» [Там же: 23-24]; «**Артиллерія** <...> Франц. 1) Снарядъ огнестрѣльныхъ орудій, каковы суть пушки, мортиры, гаубицы. 2) Войско, дѣйствующее огнестрѣльными орудіями. 3) Наука объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ». *Артиллерія осадная*. Ломовыя огнестрѣльныя орудія, употребляемыя при осадѣ крѣпостей, къ разбиванію стѣнъ и къ

метанію бомбъ въ городъ. р. Снарядъ стѣнобитный. *Артиллерія полевая*. Такагоже рода огнестрѣльныя орудія, употребляемыя въ полѣ. *Артиллерія полковая*. Небольшія пушки, какія при всякомъ пѣхотномъ полку находятся» [Там же: 49].

Подобные приемы корректного включения сверхсловных единиц в структуру словарных статей и способы их толкования, разработанные лексикографами XVIII–XIX столетий, с одной стороны, убедительно доказывали теснейшую связь между лексической и фразеологической системами русского языка, с другой – подчёркивали языковой статус фразеологизмов. Неудивительно, что авторы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова творчески использовали эти приемы описания сверхсловных единиц.

Однако Д. Н. Ушаков понимал, что неоднословные единицы, включаемые в толковый словарь, нуждаются в терминологической квалификации. И в этом отношении роль «подсказки», на наш взгляд, сыграл опубликованный в 1902–1903 гг. двухтомный сборник образных слов и иноязычных выражений выдающегося русского лексикографа, известного общественного деятеля и педагога М. И. Михельсона. Думается, не в последнюю очередь благодаря ему термин *фразеология* был введен в русский лингвистический лексикон. В предисловии к сборнику, названному «Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии», автор замечает: «Настоящій труд мой, являясь выполнениемъ ранѣе намѣченной мною программы, имѣетъ, слѣдовательно, своею цѣлью – основательнѣе познакомить читателей съ *русской фразеологіей*» [Михельсон, 1994, т. 1: V]. У термина *фразеология* М. И. Михельсон выделяет три значения. Он писал: «*Фразеологіей*, вообще, – называется наука, или научная дисциплина, изучающая рѣчь. Подъ *фразеологіей*, въ узкомъ смыслѣ слова, понимается совокупность приѣмовъ и методовъ, опредѣляющихъ физиономію рѣчи того или другого автора, рѣзкомъ очерчивающихъ индивидуальность его стиля <...> *Фразеологія*, въ широкомъ смыслѣ слова, – совокупность приѣмовъ, методовъ и законовъ, которыми пользуется и управляется рѣчь каждого отдѣльнаго народа (*латинская*,

греческая фразеология)» [Там же: V]. Объектом же описания в своём словаре М. И. Михельсон избрал *русскую фразеологию* в её третьем значении. Приведя на трех страницах своего предисловия внушительный перечень описываемых им единиц, «как отдѣльных образных словъ, такъ и цѣлыхъ изречений, употребляемыхъ въ смыслѣ – иносказательномъ» (*Аборигенъ. – Авгиевы конюшни. – Березовая каша. – Блестать своимъ отсутствіемъ. – Законъ Линча. – Блатья Аннибалова. – Зять любитьъ взятъ, а тестъ любитьъ честь. – Пасквиль. – Утка. – Щупать (пульсъ) и пр.*), М. И. Михельсон заключает: «Такие-то образные слова и пословичныя выражения, а также поговорки, пословицы и изреченія, свойственныя языку народа, съ объясненіемъ ихъ смысла и иносказательнаго примѣненія, – и составляютъ предметъ *русской фразеологии*» [Там же: VI–VIII]. Несомненные достоинства сборника М. И. Михельсона, как и некоторые его погрешности объективно охарактеризованы в статье К. П. Сидоренко, написанной к 175-летию со дня рождения М. И. Михельсона (см. [Сидоренко 2011: 69–71]). Заслуги ученого перед отечественной лексикографией и фразеологией в советское время замалчивались, хотя ценнейший его труд, двухтомник «Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и выражений» <...> насчитывающий более 14 тысяч словарных статей <...> получил после его публикации безоговорочное признание и был удостоен Императорской Академией наук премией митрополита Макария» [Там же: 70]. До сих пор никто из фразеологов не смог превзойти М. И. Михельсона в искусстве и масштабах погружения в богатейшую русскую фразеологию во фразеологию ведущих национальных языков Европы. Применительно к теме нашей работы важно то, что опробованный М. И. Михельсоном термин *фразеология* используется и Д. Н. Ушаковым: в предисловии «Толкового словаря русского языка помещён раздел под названием «Фразеология». При этом фразеологические взгляды Д. Н. Ушакова и М. И. Михельсона вовсе не совпадают, ибо для последнего дифференциальными свойствами фразеологизма были *образность* или *иносказательность*, а потому объектами фразеологии он

признавал не только образные или иносказательные *сверхсловные языковые единицы* (в том числе *пословицы, поговорки, крылатые выражения*), но и образные и иносказательные слова. Тем не менее, теоретические установки фразеологической концепции позволили М. И. Михельсону повторить приём П. Алексеева: сверхсловные единицы в его сборнике помещаются в особых словарных статьях наряду с однословными. Только на буквы «А», «Б» и «В» в сборнике Михельсона помещено 850 словарных статей, озаглавленных сверхсловными единицами. В заслугу М. И. Михельсону стоит поставить и то, что именно он первым подверг словарному описанию множество русских народных пословиц и поговорок, а также крылатых выражений, принадлежащих выдающимся деятелям мировой культуры и классикам отечественной словесности.

2. Принципы описания сверхсловных единиц в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова

В разделе «Как пользоваться словарём», открывающем опубликованный в 1935 г. 1-й том («А–Кюрины») «Ушаковского словаря», содержится § 2 под названием «Как построена словарная статья». В нём, в частности, говорится, что в Словаре после толкования слова и примеров «за значком ◊» следует «фразеология» [Ушаков 1935, т. 1: XX]. В § 11, названном «Фразеология», более подробно характеризуются принципы отбора, а также порядок включения и описания сверхсловных единиц в Словаре: «После толкования значений слова, в конце статьи за значком ◊ приводятся и объясняются ходячие цельные выражения, заключающие в себе это слово с таким значением, которое отличается от всех указанных выше и встречается только в этом выражении <...> Сами выражения напечатаны жирным шрифтом <...> В скобках же, но светлым шрифтом, даются такие слова, которыми в данном выражении по требованию смысла может быть заменено напечатанное слово...» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXV]. Эти установки жёстко соблюдаются составителями Словаря. Так, например, в столбцах 3–531 1-го тома Словаря можно обнаружить свыше 640 сверхсловных единиц, попавших в словарные статьи на бук-

вы «А», «Б», «В». Они очень отличаются друг от друга и по своей структуре, и по коммуникативным функциям, и по семантике, и по стилистической окраске, и по происхождению, и по сфере употребления, но принципы их описания совпадают.

В современной фразеологии существует масса терминов-обозначений для разных типов единиц, которые коллектив, руководимый Д. Н. Ушаковым, назвал *фразеологизмами*. Сегодня для представителей разных фразеологических школ термин *фразеологизм* не является однозначным, а потому, чтобы не отвлекаться от главной цели нашего исследования, мы при анализе фразеографической концепции Д. Н. Ушакова избрали нейтральный термин *сверхсловная (языковая) единица*, ибо, несмотря на существенные различия между описанными в «Толковом словаре русского языка» единицами, которые составителями названы *фразеологизмами*, их объединяют четыре дифференциальных признака: они 1) сверхсловны, 2) воспроизводимы, 3) обладают устойчивостью компонентного состава и грамматической структуры (не исключаящей вариантности в определённых пределах), а также 4) постоянством значения. Некоторые из них играют роль самостоятельных предложений (ср., напр., *Ату его!, Наша взяла!, Седина в бороду, а бес в ребро, Время не ждёт!, Эка важность!, Что за вопрос!, Вот ещё!*). Другие выступают в роли главных или второстепенных членов предложения (*триумфальная арка, снежная баба, вбить в голову кому что, оказаться на высоте, отныне и навеки, вне себя, ни на волос, от мала до велика*). Третьи используются в качестве вводных конструкций (*к великому моему счастью, к сожалению, быть может*). С точки зрения семантики одни из них обладают образным значением (*альфа и омега* – ‘начало и конец’, *тесная баба* – ‘мальчишеская игра’, *точить балясы* – ‘заниматься праздной, шутливой болтовнёй’, *высосать из пальца* – ‘выдумать, сказать зря, без всяких оснований’); у других один из компонентов или даже все компоненты реализуют в составе сверхсловных единиц свои прямые значения (*безгрешные доходы* – ‘взятки’, *бить тревогу* – ‘давать сигнал об опасности’ (воен.), *бросаться в глаза* – ‘быть особенно заметным’ и пр.). Нередко

такие сверхсловные единицы играют терминологическую функцию: *английская болезнь* (мед. разг.) – ‘рахит’, *бесконечная дробь* (мат.) – ‘дробь с неограниченным числом десятичных знаков’, *параллельные брусья* (спорт.) – ‘особый гимнастический снаряд – два параллельных шеста на подставках’. Таким образом, авторы Ушаковского словаря фактически описали фразеологический корпус русского языка, исходя из широкого понимания объекта фразеологии ещё до того, как зародившаяся в середине XX века отечественная фразеология разделилась на два направления, одно из которых объединило сторонников узкого понимания, другое – сторонников широкого понимания объекта фразеологии.

Сверхсловные языковые единицы, которые в «Толковом словаре русского языка» были названы *фразеологизмами*, характеризуются авторами Словаря не так детально, как одиночные лексемы, что вполне понятно: *фразеологизмы* были призваны служить материалом, отражающим возможности «поведения» лексемы в различных ситуациях с учётом сочетаемости и сфер коммуникации. И всё же сверхсловные единицы, как и слова, возглавляющие словарные статьи, сопровождаются в Словаре Ушакова толкованиями, а при необходимости – пометами (стилистическими, профессиональными, социальными, хронологическими и пр.). Пометы указывают на ситуации и сферы употребления сверхсловных единиц, на разновидности устной или письменной речи, на «историческую перспективу» их жизни в языке; на обозначение «предметов и понятий чуждого быта». Как правило, в описаниях сверхсловных единиц «Ушаковского словаря», помимо значения, стилистических и прочих помет, содержатся историко-этимологические справки, приводятся примеры их употребления; крылатые выражения сопровождаются отсылками на авторов и на произведения, с которыми связано их появление. Приведём лишь некоторые примеры словарных статей, возглавляемых разными частями речи, из 1-го тома, где в столбцах 3–531 описано более 530 сверхсловных единиц на буквы «А», «Б», «В». В статьях, посвящённых заимствованным словам, можно наблюдать результат активного освое-

ния иноязычного слова через образование по русским синтаксическим моделям сверхсловных единиц: «**АКРОБАТ** <...> [от греч. akrobateo – хожу на цыпочках]. Искусный гимнаст <...> ◊ **Акробаты благотворительности** (книжн. публицист.) – лицемерные благотворители, наживающиеся на благотворительности [по названию повести Григоровича]. *Акробаты благотворительности... собираются* (на аристократически-буржуазных съездах) *для «борьбы с проституцией», к-рую поддерживает именно аристократия*. Л(е)н(и)н» [ТСРЯ 1935, т. 1: 22]; «**БАНК** <...> [от ит. banca] <...> 3. Род карточной азартной игры <...> ◊ **Метать банк** (карточное аргю) – сдавать карты понтерам (о банкете) [Там же: 86]. При необходимости сверхсловные единицы сопровождаются не только стилистическими, но и грамматическими пометами. Так, например, в словарной статье «**БЫТЬ**» приведено 6 сверхсловных единиц предикативного типа с соответствующими комментариями: **Так и быть** (разг.) – пожалуй, пусть будет так <...> **Должно быть**, *вводное слово* – по всей вероятности. Надо быть (простореч.) – вероятно, можно предполагать. **Была не была!** (разг.) – надо рискнуть, надо попытаться. **Будь что будет!** (разг.) – во всяком случае, что бы ни случилось <...> **Быть по сему** (офиц., дореволюц.) – формула утвердительной резолюции монарха [Там же: 214]. Словарная статья «**ВОЗДУШНЫЙ**» завершается характеристикой сверхсловных единиц: ◊ **Воздушная железная дорога** – то же, что подвесная ж. д. <...> **Воздушный шар** – воздухоплавательный аппарат, состоящий из оболочки, наполненной газом легче воздуха, к к-рой прикреплен корзинка, гондла для пассажиров; аэростат. **Воздушные замки** – несбыточные мечты, фантастические планы, замыслы. **Воздушный пирог** (кулин.) – род сладкого блюда, приготовленного из белков с сахаром и вареньем. **Воздушный поцелуй** (разг.) – знак поцелуя, выраженный движением руки от губ» [Там же: 339].

Итак, «Толковый словарь русского языка» создавался не на пустом месте. Коллектив, возглавляемый Д. Н. Ушаковым, опирался на богатый лексикографический опыт отечественных учёных XVIII–XIX столетий. Однако нет никакого сомнения в том, что

М. В. Панов абсолютно прав, когда пишет: «Говоря о Словаре Ушакова, нельзя обойтись без слов “первый”, “впервые”. Это первый советский толковый словарь, это первый советский нормативный словарь, в котором достаточно полно отражена лексика литературного языка» [Панов 1995: 34]. К этому с полным основанием следовало бы добавить: в словаре Ушакова достаточно полно отражена и русская национальная фразеология. И. Г. Добродомов в статье, посвящённой 130-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова, справедливо писал: «Значительные научные достоинства “Толкового словаря русского языка” определили его непреходящее влияние на развитие русской советской лексикографии: все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на Ушаковский словарь» [Добродомов 2003: 97].

Заключение

В том, что составители толковых словарей русского языка, издающихся с конца 1940-х годов до нашего времени, идут по стопам Д. Н. Ушакова в плане описания сверхсловных единиц, вряд ли кто-нибудь сомневается. Влияние фразеологической концепции Д. Н. Ушакова ощущается и в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (см. [ССРЛЯ 1950–1965]), и в 4-томном «Словаре русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (см. [МАС 1957–1961]). Но наиболее показательной в этом плане является история однотомного «Словаря русского языка», задуманного С. И. Ожеговым в 1930-е годы и одобренного Д. Н. Ушаковым. После первой публикации [Ожегов 1949] при жизни автора он переиздавался 6 раз, в том числе под названием своего образцового предшественника – четырёхтомника. Благодаря Н. Ю. Шведовой число изданий этого словаря превысило цифру 20, и, наконец, родился уникальный толковый словарь, в котором термин *фразеология* из предисловия «перекочевал» в само название (см. [Шведова 2007]). Наши многотомные исторические издания («Словарь русского языка XI–XVII вв.» и «Словарь русского языка XVIII века» [СРЯ XI–XVII 1975–2022, СРЯ XVIII 1984–2019]), фактически описывают сверхсловные единицы по тем же правилам, которые были применены в

«Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

После того, как фразеология сформировалась в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины, принципы описания сверхсловных единиц, которые выкристаллизовались при создании «Толкового словаря русского языка», сыграли не последнюю роль в рождении отечественной фразеологии. Составители первого «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1967] и автор первого «Словаря русских пословиц и поговорок» В. П. Жуков [Жуков 1967] открыли эру фразеологии опираясь на опыт Д. Н. Ушакова, о чём свидетельствуют списки источников, которыми они воспользовались (см. [ФСРЯ 1967: 24; Жуков 1967: 534]). Первые словари сверхсловных единиц, конечно, нельзя назвать общезнаменными. Объектами описания группы учёных, возглавляемых А. И. Молотовым, были по преимуществу идиомы, а объектами исследования В. П. Жукова – пословицы и поговорки (по преимуществу сверхсловные языковые единицы предикативного типа). Позже, помимо идиоматических и паремических словарей, появились словари эпиграфические, в которых описываются крылатые выражения (см., например, [Шулежкова 2003]), словари устойчивых сравнений (см. [Огольцев 1994]), словари формул речевого этикета (см. [Балакай 1999]) и ответных реплик (см. [Бондаренко 2013]), исторические словари фразеологизмов (см. [Палевская 1980;

БФССЯ 2020–2022]) и фразеологических неологизмов (см. [Мокиенко 2003] и пр.). Среди них особое место занимает «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» (2004), претендующий не без основания (ибо в нём описано более 35 000 фразеологизмов) на роль общезнаменного словаря. Он был создан представителями Самаркандской фразеологической школы А. Г. Ломовым и А. В. Корольковой под руководством доктора филологических наук А. Н. Тихонова [ФСРЛЯ 2004]. Вслед за Д. Н. Ушаковым авторы этого словаря исходят из широкого понимания объекта фразеологии. Как и в Ушаковском словаре, в ФСРЛЯ возглавляет словарную статью один из компонентов сверхсловной единицы, а сама сверхсловная единица выделяется полужирным шрифтом, сопровождается толкованием, примерами употребления, иногда и стилистическими пометами. Появление всё новых и новых словарей, в которых описываются сверхсловные единицы, свидетельствует о том, что фразеологическая концепция Ушакова время не подвластно. Нельзя не согласиться с автором статьи, написанной к 50-летию выхода в свет 1-го тома «Толкового словаря русского языка»: «Ни одному из классиков русской литературы не в обиду было ставшее крылатым выражение: «Все мы вышли из гоголевской *Шинели*». И ни одному из составителей наших словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского Словаря» [Ханпира 1984: 71].

Словари

БФСРЯ = Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.

БФССЯ = Большой фразеологический словарь старославянского языка: в 5 т. / гл. ред. С. Г. Шулежкова. Т. 1–3. – Москва : ФЛИНТА, 2020–2023.

МАС = Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1957–1961.

САР = Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. / Рос. Акад. наук. Т. 1 : А–В. – Москва : Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – 688 с.

СРЯ XI–XVII = Словарь русского языка XI–XVII века / Ин-т рус. яз. АН СССР ; РАН. – Вып. 1–32. – Москва : Наука : Азбуковник, 1975–2022.

СРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII века / Институт лингвистических исследований РАН. Вып. 1–22. – Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019.

ССРЛЯ = Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / Институт русского языка АН СССР. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1950–1965.

СЦиРЯ = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – Репринт. изд.: в 2 кн. Кн. 1. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 928 с.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935-1940.

ФСРЯ = Фразеологический словарь русского языка : Свыше 4000 словарных статей / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1967. – 543 с.

ФССРЛЯ = Фразеологический словарь современного русского литературного языка : более 35 000 фразеол. единиц : в 2 т. / под ред. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 832 с. (т. 1); 830 с. (т. 2).

Литература

Алексѣевъ, П. Церковный словарь. Издание четвертое : в 5 частяхъ. Часть первая. – Санкт-Петербургъ : Типогр. Ивана Глазунова, 1817. – 579 с.

Балакай, А. Г. Доброе слово : Словарь-справочник русского речевого этикета и простонародного доброжелательного обхождения XI–XX вв. : в 2 т. / А. Г. Балакай. – Кемерово : Кемеровский областной институт усовершенствования учителей, 1999. – Т. 1. – 312 с.

Богатова, Г. А. Е. Р. Дашкова и словарь её эпохи. XVIII век – взгляд из XX века / Г. А. Богатова // Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. / Рос. Акад. наук. – Т. 1: А–В. – Москва : Моск. гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – С. 11–32.

Бондаренко, В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь / В. Т. Бондаренко. – Тула : Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2013. – 339 с.

Винокур, Г. О. Самое лучшее из всего того, что он сделал, – это его собственная жизнь // Янченко В. Л. Занимательное путешествие по страницам истории русской лингвистической науки : Методические рекомендации и дидактические материалы. – Москва : Вербум, 2002. – С. 57–61.

Добродомов, И. Г. (2003). Дмитрий Николаевич Ушаков (К 130-летию со дня рождения) / И. Г. Добродомов // Русский язык в школе. – 2003. – № 1. – С. 94–97.

Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва : Сов. энциклопедия, 1967. – 535 с.

Крысин, Л. П. Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) : Очерк жизни и деятельности / Л. П. Крысин // Отечественные лексикографы XVIII–XX века / под ред. Г. А. Богатовой. – Москва : Наука, 2000. – С. 221–236.

Михельсон, М. И. (1994). Русская мысль и речь : Своё и чужое : Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. / М. И. Михельсон. – М. : ТЕРРА. – Т. 1. – 792 с.; Т. 2. – 832 с.

Мокиенко, В. М. Новая русская фразеология / В. М. Мокиенко. Новая русская фразеология. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2003. – 168 с.

Никитин, О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» / О. В. Никитин // Микроязыки. Языки. Интерязыки : Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко / под ред. А. Кюннала, В. Лефельда, С. Н. Кузнецова. – Tartu : Tartu University Press, 2006. – С. 459–474.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016а. – № 1. – С. 13–22.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016б. – № 3. – С. 27–40.

Никитин, О. В. «Какое слово важнее, агитпункт или иеродиакон, фотография или фелонь...» (летописные страницы «Словаря» С. И. Ожегова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 18–32.

Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Языкознание. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.

Огольцев, В. М. Краткий словарь устойчивых сравнений. / В. М. Огольцев. – Ижевск : Издательство Удмуртского университета, 1994. – 510 с.

Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. – 968 с.

Палевская, М. Ф. Материалы для фразеологического словаря XVIII в. / М. Ф. Палевская. – Кишинёв : Штиинца, 1980. – 366 с.

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Д. Н. Ушаков. Русский язык: учеб. пособие для студентов. – Москва : Просвещение : АО «Учебная литература», 1995. – С. 8–40.

Предисловие // Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. Т. 1 : А–В. – Москва : Московский гуманитарный институт им. Е. Р. Дашковой, 2001. – С. V–XV.

Реформатский, А. А. Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии / А. А. Реформатский // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 33–47.

Сидоренко, К. П. Выдающийся педагог и лингвист. К 185-летию М. И. Михельсона / К. П. Сидоренко // Вестник Герценовского университета. – 2011. – № 1 (87). – С. 69–71.

Ушаков, Д. Н. От редакции / Д. Н. Ушаков // Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 1. А – Кюрины. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия», 1935. – С. 3–6.

Ханпира, Э. И. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) / Э. И. Ханпира // Русский язык в школе. – 1984. – № 6. – С. 71–75.

Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (82 000 слов и фразеологических выражений); отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2007.

Шулежкова, С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства / С. Г. Шулежкова. – Москва : Азбуковник, 2003. – 427 с.

References

Alekseev, P. (1817). *Tserkovnyi slovar' . Izdanie chetvertoe: v 5 chastiakh. Chast' pervaiia* [Church Dictionary. Fourth Issue: in 5 Parts. Part One]. Saint Petersburg, Tipografiia Ivana Glazunova, 579 p.

Balakai, A. G. (1999). *Dobroe slovo: Slovar'-spravochnik russkogo rechevogo etiketa i prostonarodnogo dobrozhe-latel'nogo obkhozhdeniya XI–XX vv.: v 2 t* [Good Word: Dictionary and Reference Book of Russian Speech Etiquette and Common Friendly Treatment of the XI–XX Centuries: in 2 volumes]. Vol. 1. Kemerovo, Kemerovskii ob-lastnoi institut usovershenstvovaniya uchitelei. 312 p.

BFSRYA = *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* (2006). [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Use. Culturological Note]. V. N. Teliia (ed.). Moscow, AST-PRESSKNIGA. 784 p.

BFSSYA = *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' staroslavianskogo yazyka: v 5 t.* (2020-2023). [Big Phraseological Dic-tionary of the Old Church Slavonic Language: in 5 volumes]. Vol. 1–3. S. G. Shulezhkova (ed.). Moscow, FLINTA.

Bogatova, G. A. (2001). E. R. Dashkova i slovar' eyo epokhi. XVIII vek – vzglyad iz XX veka [E. R. Dashkova and the Dictionary of Her Era. XVIII century – a Look from the XX Century]. In *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794 v 6 t. Rossiiskaia Akademiia nauk. T. 1: A–V*. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E.R. Dashkovi, pp. 11–32.

Bondarenko, V. T. (2013). *Otvetnye repliki v russkoi dialogicheskoi rechi: slovar'* [Response Remarks in Russian Dialogic Speech: Dictionary]. Tula, Izdatel'stvo Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo, 339 p.

Dobrodomov, I. G. (2003). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (K 130-letiiu so dnya rozhdeniia) [Dmitry Niko-laevich Ushakov (Dedicated to the 130th Anniversary of His Birth)]. In *Russian language at School*. No. 1, pp. 94–97.

FSRYA = *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka: Svyshe 4 000 slovarnykh statei* (1967), [Phraseological Dictionary of the Russian Language: Over 4000 Dictionary Entries]. A. I. Molotov (ed.). Moscow, Russian language, 543 p.

FSSRLYA = *Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35 000 frazeologicheskikh edi-nits: v 2 t.* (2004). [Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language: More than 35,000 Set Units: in 2 volumes]. A. N. Tikhonov (ed.). Moscow, Flinta, Nauka. 832 p. (v. 1); 830 p. (v. 2).

Khanpira, E. I. (1984). “Tolkovyi slovar' russkogo yazyka” pod redaktsiei Ushakova (K pyatidesyatiletiyu vykhoda v svet 1-go toma) [“Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by Ushakov (On the Fiftieth Anniversary of the Publication of the 1st Volume)]. In *Russian language at school*. No. 6, pp. 71–75.

Krysin, L. P. (2000). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (1873–1942): Ocherk zhizni i deyatel'nosti [Dmitry Niko-laevich Ushakov (1873-1942): Essay on Life and Work]. In *Otechestvennye leksikografy XVIII–XX veka*. G. A. Bogatova (ed.). Moscow, Nauka, pp. 221–236.

MAS = *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* (1957–1961). [Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes]. A. P. Evgen'eva (ed.). Moscow, Akademiia nauk SSSR, Institut russkogo iazyka, Russkii iazyk.

Mikhel'son, M. I. (1994). *Russkaya mysl' i rech': Svoio i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanii: v 2 t.* [Russian Thought and Speech: Native and Borrowed: Experience of Russian Phraseology: Collec-tion of Figurative Words and Allegories: in 2 volumes]. Moscow, TERRA. 792 p. (v. 1); 832 p. (v. 2).

Mokienko, V. M. (2003). *Novaya russkaya frazeologiya* [Russian New Phraseology]. Opole, Uniwersytet Opolski, 168 p.

Nikitin, O. V. (2006). Yazykovaya politika 1930-kh gg. i “Ushakovskii slovar'” [Language Policy of the 1930s and “Ushakov’s Dictionary”]. In *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki: Sbornik v chest' ordinarnogo professora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko*. A. Kyunnap, V. Lefeldt, S. N. Kuznetsov (eds.). Tartu, University Press, pp. 459–474.

Nikitin, O. V. (2016a). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Larussa” [Forgotten Archives or the Fate of Russian “La Russe”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22.

Nikitin, O. V. (2016b). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdanija i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovaryia russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova) [Native Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2017). “Kakoe slovo vazhnee, agitpunkt ili ierodiakon, fotografiya ili felon...” (letopisnye stranit-sy “Slovaryia” S. I. Ozhegova) [“Which Word is More Important, Agitpoint or Hierodeacon, Photograph or Felony...” (Annals of the Dictionary by S. I. Ozhegov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 18–32.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Native Linguistics of the Twentieth Century: To the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Yazykoznanie. No. 1 (170), pp. 88–95.

Ogol'tsev, V. M. (1994). *Kratkii slovar' istoichivyykh sravnenii* [A Short Dictionary of Set Comparisons]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 510 p.

Ozhegov, S. I. (1949). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 968 p.

Palevskaja, M. F. (1980). *Materialy dlya frazeologicheskogo slovarya XVIII v.* [Materials for the Phraseological Dictionary of the XVIII Century]. Kishinyov, Shtiintsa, 366 p.

Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorcestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Works]. In *Russkii yazyk: uchebnoe posobie dlya studentov*. Moscow, Prosveshchenie, AO "Uchebnaya literatura", pp. 8–40.

Predislovie [Preface]. (2001). In *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794: v 6 t. T. 1: A–V*. [Dictionary of Russian Academy]. In 6 vol. V. 1: A–V. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E. R. Dashkovoi, pp. V–XV.

Reformatskii, A. A. (1998). Trudy D. N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [Works by D. N. Ushakov on Russian Spelling and Orthoepy]. In *Russkaya rech'*. No. 1, pp. 33–47.

SAR = *Slovar' Akademii Rossiiskoi 1789–1794: v 6 t.* (2001). [Dictionary of the Russian Academy of the 1789–1794]. In 6 vol. V. 1: A–V. Rossiiskaia Akademiia nauk. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi institut im. E. R. Dashkovoi. 688 p.

Shulezhkova, S. G. (2003). *Slovar' krylatykh vyrazhenii iz oblasti iskusstva* [Dictionary of Winged Expressions from the Field of Art]. Moscow, Azbukovnik, 427 p.

Shvedova, N. Ju. (2007). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vsklyucheniem svedenii o proishozhdenii slov (82 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii)* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Notes about the Origin of the Word (82,000 Words and Phraseological Expressions)]. N. Ju. Shvedova (ed.). Moscow, "Azbukovnik". 1164 p.

Sidorenko, K. P. (2011). Vydayushchiysya pedagog i lingvist. K 185-letiyu M. I. Mikhel'sona [Outstanding Teacher and Linguist. To the 185th Anniversary of M. I. Mikhel'son]. In *Bulletin of Herzen University*. No. 1 (87), pp. 69–71.

SRYA XI–XVII = *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII (1975–2022)*. Vyp. 1–32 [Dictionary of the Russian Language XI–XVII. Institute of the Russian Language. Issues 1–32]. Moscow, Nauka, Azbukovnik.

SRYA XVIII = *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka (1984–2019)*. Vyp. 1–22 [Dictionary of the Russian Language of the XVIII Century. Issues 1–22]. Leningrad ; Sankt-Peterburg, Nauka.

SSRLYA = *Slovar' sovremennoyu russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* (1950–1965). [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vol.]. Moscow ; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

STSIRYA = *Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk* (2001). Kn. 1. [Dictionary of the Old Church Slavonic and Russian Languages, Compiled by the Second Branch of the Imperial Academy of Sciences. Book 1]. St. Petersburg, Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta. 928 p.

TSRYA = *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* (1935–1942). [Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 volumes]. D. N. Ushakov (ed.). Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya".

Ushakov, D. N. (1935). Ot redaktsii [From the Editorial Staff]. In *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* D. N. Ushakov (ed.). Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya", pp. 3–6.

Vinokur, G. O. (2002). Samoe luchshee iz vsego togo, chto on sdela, – eto ego sobstvennaya zhizn' [The Best of All that He Did is His Own Life]. In *Yanchenko V. L. Zanimatel'noe putestvie po stranitsam istorii russkoi lingvisticheskoi nauki: Metodicheskie rekomendatsii i didakticheskie materialy*. Moscow, Verbum, pp. 57–61.

Zhukov, V. P. (1967). *Slovar' russkikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. 535 p.

Данные об авторе

Шулежкова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия).

Адрес: 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр-т Ленина, 38.

E-mail: shulezhkova@gmail.com.

Author's information

Shulezhkova Svetlana Grigorievna – Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Дата поступления: 04.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 04.09.2023; date of publication: 30.12.2023

СТИЛИСТИКА: СЛОВО И ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ НАУЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 811\161.1'374.3. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-143-154. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

О ЗНАЧЕНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПОМЕТ КЛАССИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ АВТОРСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Леденёва В. В.

Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

SPIN-код: 5574-4989

А н н о т а ц и я. Цель статьи – подтвердить актуальность стилистической квалификации единиц, представленной пометами в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (ТСРЯ), для современной авторской (писательской) лексикографии, обращённой к текстам XIX века.

Использовались общенаучные методы наблюдения, сравнения, анализа, контекстуальный метод при оценке стилистических и иных девиаций единиц индивидуально-авторского словаря.

В статье отстаивается мысль о важности полипараметрического описания единиц в авторской лексикографии. Для составления словарей языка писателей XIX века утверждается необходимость опоры на авторитетный классический словарь – ТСРЯ, в котором запечатлены традиционные стилистические характеристики и оценки экспрессивного потенциала ресурсов лексики при поддерживающем их квалификации иллюстративном материале – цитатах из писателей-классиков, чем обеспечиваются качества достоверности, объективности в представлении единиц идиолекта, внутреннее соотношение с культурно-эстетической атмосферой XIX века оставляемого ими «стилистического впечатления».

Теоретическая и/или практическая значимость исследования связана с актуальностью авторской лексикографии, необходимостью дальнейшей работы с текстами писателей-классиков XIX века. Объективность и точность данных в словарях языка писателя даст возможность пользователям адекватно воспринимать тексты произведений с учётом авторских интенций, ощущать работу языковой личности по отбору средств, использованию и обогащению ресурсов национального словаря. Материалы можно применить в вузовских курсах лексикографии, стилистики, истории и теории языка художественной литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: стилистическая помета; авторская лексикография; словарь языка писателя; языковая личность; «Толковый словарь русского языка»

Д л я ц и т и р о в а н и я: Леденёва, В. В. О значении стилистических помет классического словаря для авторской лексикографии / В. В. Леденёва. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 143–154. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-143-154.

ABOUT THE MEANING OF STYLISTIC LITTERS OF THE CLASSICAL DICTIONARY FOR THE AUTHOR'S LEXICOGRAPHY

Valentina V. Ledeneva

State University of Education (Mytishchi, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3795-6861>

Abstract. The purpose of the article is to confirm the relevance of the stylistic qualification of units represented by the marks in the Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by D. N. Ushakov (TSRYa), for modern author's (writer's) lexicography, addressed to the texts of the 19th century.

General scientific methods of observation, comparison, analysis, contextual methods were used in assessing stylistic and other deviations of units in the individual author's dictionary.

The article defends the idea of the importance of the polyparametric description of units in the author's lexicography. To compile dictionaries of the language of writers of the 19th century, it is argued that it is necessary to rely on an authoritative classical dictionary – TSRYa, which captures traditional stylistic characteristics and assessments of the expressive potential of vocabulary resources with illustrative material supporting their qualifications – quotations from classic writers, which ensures the qualities of reliability, objectivity in the representation of idiolect units, internal correlation with the cultural and aesthetic atmosphere The 19th century of the “stylistic impression” left by them.

The theoretical and / or practical significance of the study is related to the relevance of the author's lexicography, the need for further work with the texts of classic writers of the XIX century. The objectivity and accuracy of the data in the dictionaries of the writer's language will enable users to adequately perceive the texts of works, taking into account the author's intentions, to feel the work of a linguistic personality in selecting funds, using and enriching the resources of the national dictionary. The materials can be applied in university courses of lexicography, stylistics, history and theory of the language of fiction.

Keywords: stylistic litter; author's lexicography; dictionary of the writer's language; linguistic personality; “Explanatory Dictionary of the Russian Language”

For citation: Ledeneva, V. V. (2023). About the Meaning of Stylistic Litters of the Classical Dictionary for the Author's Lexicography. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 143–154. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-143-154.

Введение

Современная лингвистика практически в каждой области разысканий демонстрирует стабильный интерес к homo loquens, проявляя свой антропоцентрический характер. Это не чуждо и лексикографии, в которой авторская, связанная прежде всего с описанием ресурсов идиолектов создателей художественных произведений (писательская), с фиксацией состава слов и фразеологизмов, использованных в них, занимает важное место и активно развивается (см.: [Русская авторская лексикография 2003; Белякова 2008; Шестакова 2010; Шестакова 2019: 127–128]).

В этой сфере лексикографии происходит расширение круга жанров, а также состава и числа объектов словарной фиксации по причине обращения исследователей к наследию (нехудожественные тексты) различных ярких языковых личностей: публицистов, учёных, философов, в том числе религиозных, политиков. Продол-

жается разработка методов составления словарей, методик презентации контента, параметризации, что хорошо освещается научной литературой [Башкова 2014; Самотик 2013; Суровцева 2016 и др.]. Мониторинг выходящих авторских словарей, материалов сборников конференций по этой проблематике позволяет говорить о тенденции развития региональной авторской лексикографии, демонстрирующей интерес к функционированию в текстах писателей разговорно-просторечных, диалектных элементов, т. е. проявлений этнокультурных особенностей идиолектов (см.: [Бахвалова, Попова 2010; Бобунова 2018: 195; Курносова 2015 и др.]).

Безусловно, к настоящему времени не только сформировался объём понятия, но и стала устойчивой дефиниция *авторской лексикографии*: «...теория и практика составления словарей языка отдельных авторов (писателей, ученых, философов и т. п.) и групп авторов, а также изучение таких

словарей, выявление возможностей их использования. Под авторскими словарями при этом подразумеваются словари всего творчества автора / авторов, их отдельных произведений, произведений одного жанра, характерных языковых черт, идиостилевых проявлений и т. д.» [Шестакова 2019: 127]. Сложившееся определение, а следовательно, чёткая концептуализация смыслового объёма термина *авторская лексикография* даёт большую свободу для выбора материала фиксации с расчётом на возможность нацеленной его обработки.

Авторская лексикография открыта для поисков (см.: [Ружицкий 2016; Самотик 2013; Шестакова 2019] и др.), а её достижения служат методологической основой в этой сфере для дальнейшей научной деятельности (см. о словаре писателя «в качестве метода изучения языковой личности»: [Василенко 2021: 322]). Несомненно, каждый составитель авторского словаря в настоящее время отбирает, вырабатывает и предлагает собственные находки в области параметризации, учитывая требования типа (конкорданс или толковый, частотный (индекс) или ориентированный глоссарий) и характер носителя (интернет-сайт, бумажный и т. д.) словаря (см.: [Сумарокова 2020: 47; Чердаков 2020: 198–202] и др.).

Полиаспектность, полипараметричность – требование к современному лексикографическому описанию слова, фразеологизма, модели или иного объекта, которое мы считаем насущным. Об этом качестве макро- и микроструктуры словарей велись и продолжают идти оживлённые дискуссии. В данной работе полагаем обратиться к такому тонкому параметру, как стилистический. Наша цель заключается в том, чтобы подтвердить актуальность предложенных «Толковым словарем русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [ТСРЯ] стилистических помет для авторской лексикографии, обращённой к текстам произведений XIX века. Подтверждённые эмпирически выводы (опираемся на изд.: [Леденёва 2007; Леденёва 2022]) могут иметь практическое значение для словарного дела.

Об идиолекте и идиолексиконе – объекте словарного описания

Идиолект каждой языковой личности представляет собой индивидуализированный вариант этнического языка, который

складывается в процессе социализации человека и отражается его речью / текстами. Считаем единицами идиолекта, важными для авторской лексикографии (а это касается, безусловно, прежде всего идиолексикона), предпочтённые в связи с тематикой и проблематикой произведения, идейно-эстетическими задачами и прагматическими установками творчества реализованные ЛСВ (лексико-семантические варианты) слов, фразеологизмов. Среди них можно выделить такие единицы использованных в текстах языковых ресурсов, которые тесно связывают языковую личность автора с контекстом эпохи, служат приметам времени в роли имён концептов-актуалем, с одной стороны, с другой – наделённые особой эмоционально-эстетической значимостью, приобретшие контекстуальные коннотации, следовательно, ценные для постижения особенностей идиостиля поэта, прозаика, драматурга, публициста, а значит, конкретного прагматикона, напрямую связанного с мировоззрением творца текста, самобытной языковой личности, представляющей культуру, идеологию, ценности эпохи (например: [Герасименко 2023: 10–15]). К последним также отнесём константы-идиолектемы, отличающиеся смысловым объёмом или эмоционально-оценочным ореолом, морфемной структурой, фонетико-графическим оформлением от узуальных, зафиксированных в толковых словарях лексем и фразеологизмов [Леденёва 2022: 105–123, 215–244]. Они нередко выступают как индикаторы идиостиля, при этом становятся прецедентными: *Наташа Ростова, нигилист, новые люди, Плюшкин, прозаседавшиеся, соборяне, ударим <автотробоном> по бездорожью и разгильдяйству* и др. В их круге окказионализмы – индивидуально-авторские новообразования, заслуживающие подготовки особых лексикографических изданий: «**ОСЕНЕБРИ**, -я, м., сущ. Птицы, улетающие осенью на юг. Я помню только голосок / над красным ротиком – парок / и песенку: / «Летят вдаль / красивые осенебри». А. Вознесенский, Антимирь. [<осень + сен/тя/бри>» [Козинец, Мигурский 2020: 275] (см. также: [Алешина 2017; Словообразовательный словарь... 2023] и др.).

Авторский словарь предназначен для фиксации реализованных *homo loquens* единиц, хранения особых, ориентированных на

личностные ценности представлений о национальной культуре, что транслируется благодаря лексико-фразеологическим средствам, использованным в произведениях. Но даже лексикографическая обработка полномасштабных авторских свертхтекстов не обеспечит ответа на вопрос, только ли эти ЛСВ полисемантов были актуальными в идиолексионе языковой личности. На это, например, указывают наблюдения над объёмами отражённых в толковых словарях узуальных полисемантических единиц (I) и единиц идиолекта (зафиксированных ЛСВ) в авторском словаре (II):

I. «**АВАНС**, а, м. [фр. *avance*]. 1. Плата или часть платы, выдаваемая работнику вперед в счёт будущего расчета. *Выдать, получить а.* 2. Деньги, выданные вперёд для производства каких-н. расходов. *Погасить а. Заведующий сдал отчёт в израсходовании полученного аванса.* 3. *перен., только мн.* Первоначальные попытки к сближению или соглашению с кем-нибудь (разг.). *Делать кому-нибудь авансы*» [ТСРЯ 1935, I: 6];

II. «**АВАНС**. Плата или часть платы, выдаваемая работнику вперед в счет будущего расчета. ...я ему указал на то, как делали со мною, то есть давали мне **аванс** в течение трех месяцев, и я сдавал редакции три печатных листа рукописи и так продолжал до конца романа; а окончательный расчет произвели по напечатании. 189» [Леденёва 2007, 1: 12];

I. «**БЕСПОКОИТЬСЯ**, буюсь, бишься, несев. 1. (сов. обеспокоиться), о ком-чем или без доп. Тревожиться, волноваться. *Мать беспокоится о сыне. Я всё беспокоюсь, здоровы ли вы.* 2. (сов. побеспокоиться) без доп. Затруднять себя, причинять себе неудобство, нарушать свой покой (разг.). *Не беспокойтесь, пожалуйста, мне и так удобно.* • **Прсят не беспокоиться** кого (формула газетных объявлений) – это не относится к кому-н. *Продается мебель; маклаков просят не беспокоиться»* [ТСРЯ 1935, I: 128–129];

II. «**БЕСПОКОИТЬСЯ**. Тревожиться, волноваться. *Я теперь не беспокоюсь более о том, что написал для «Недели».* 263» и т. п. [Леденёва 2007, 1: 18] и т. д.

Результаты сравнения с данными ТСРЯ, который в основном опирается на тексты классической национальной литературы, показывают, что Н. С. Лесковым в эпистолярных текстах 90-х годов XIX века

(материал фиксации) использованы первичные, т. е. наиболее актуальные и частотные ЛСВ из круга значений этих полисемантов в узусе. Закономерный вывод: авторский словарь позволяет подчеркнуть, что в словарных статьях ТСРЯ точно ранжируются значения в структуре многозначных лексем, в чём сказывается глубокое знание составителями классического словаря особенностей и норм, включая стилистические, языка XIX века и динамики процессов на лексическом уровне. Это постулировано введением в ТСРЯ: «Основная масса в нём – слова нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение 19 века» [ТСРЯ 1935, I: IX–X].

Однако предположение, что другие ЛСВ лексемы также были освоены языковой личностью, кажется правомерным, остаётся в силе. Хотя проявляются и более значительные расхождения в объёмах сопоставляемых словарных статей, по законам диалектики это, несомненно, указывает на широту и разнообразие узуального, общего. См.: «**ДНЕВНИК**, а, м. 1. Записки личного характера, ведущиеся изо дня в день (книжн.). *Вести д.* 2. Ежедневные записки научных наблюдений, производимых во время экспедиций и исследований. || Название разного рода периодических изданий (книжн. лит.). *Д. общества врачей. Д. писателя.* 3. Книга, в к-рую записываются служебные операции, производимые в течение дня; журнал (канц.). 4. Ученическая тетрадь для записи задаваемых уроков и для отметок об успехах (дореволюц.)» [ТСРЯ 1935, I: 721] – четыре ЛСВ; «**ДНЕВНИК**, книжн. Записки личного характера, ведущиеся изо дня в день. *Затем еще можно бы сказать о его житье в старое его время (если это стоит), но для этого надо подождать «Дневник Берса» в «Царь-колоколе».* 291» [Леденёва 2007, 1: 78] – один, первичный ЛСВ в письмах 90-х гг. Н. С. Лескова. Количество примеров может быть увеличено, они показательны, так что данное соотношение следует фиксировать в определённом разделе авторского словаря, чтобы иметь возможность квалифицировать систему прагматически обусловленных предпочтений в отборе ресурсов языковой личностью:

Слово	Колич. употр.	Особенности употребления	Наличие словарной пометы	Контекстуальные особенности
явиться	7	3:4; перв., вторичн.		
явление	2	1:3; вторичн.		
являть	3	** перв. , вторичн.	книжн.	
являться	6	2:3; перв., вторичн.		
явно				
яд		1:2; перв.		
ядовитый		1:2; перен.		
язва*		1:4; перен.		окказ., необычная синтагматика

Объяснение опирается на аксиоматичные положения: во-первых, «...языковая система в полном объёме недоступна для наблюдения» [Морковкин, Морковкина 1997: 73], во-вторых, человек знает больше слов и тем более фразеологизмов, чем употребляет в связи с коммуникативным или идейно-эстетическим намерением (см.: [Тимофеев 1971]). Таким образом, полное представление идиолексикона в авторском словаре следует отнести к категории относительно возможного, к лингвистической абстракции, причём вывод касается и объёма известных толковых словарей, отбора единиц фиксации в них (см.: [Никитин 2016: 29–30]). Пассивному, имплицитному, неразгаданному всегда остаётся место. Однако сравнение частного и общего выявляет не только особенности состава идиолекта, но и тенденции изменения в узусе, проступившие в индивидуальном, в том числе в отношении восприятия семантико-стилистического потенциала единиц.

Стилистические характеристики «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова как опора при работе с текстами XIX века

Установить стилистический статус единицы идиолекта помогает лексикографу, как отметила, обобщив наблюдения и выводы предшественников, А. Р. Пестова, опора «1) на традиции, устанавливаемую авторитетными словарями; 2) формальные показатели стилистической принадлежности; 3) цитатные материалы; 4) собственную интуицию» [Пестова 2021: 142; ср.: Пестова 2020: 52; Емельянова 2014: 644].

Г. Н. Скляревой были охарактеризованы поиски Ю. Н. Карауловым оптимального количества лексикографических

параметров, под которыми понимаются «кванты информации о языке» и внеязыковой действительности, минимальные её объёмы, которые следует объективно отражать, сохранять в словарной форме [Скляревская 2017: 12; Караулов 1981: 42–44]. Учёным, как подчеркнула Г. Н. Скляревская, предполагалось использовать до 70 различных лексикографических параметров, впоследствии объединённых в пять групп, согласно характеру информации (фонетико-орфографическая, грамматическая, семантическая, экстралингвистическая, стилистическая) [Скляревская 2017: 12].

В ТСРЯ была предложена и применена детальная система стилистических помет – новшество, которым словарь обязан не только гению В. В. Виноградова (см. §§ 12–17 [ТСРЯ 1935, I: XXV–XXVIII]), но и тонкой интуиции, широким знаниям и научной смелости Д. Н. Ушакова, обеспечившего стилистическую оценку и маркировку всех слов и значений полисемантов, а также фразеологических единиц (см.: [Никитин 2016: 31, 34, 37]) корпуса. Это делает данный словарь незаменимым источником информации о стилистическом потенциале слов, ЛСВ, фразеологизмов, ведь начатый под ред. Я. К. Грота и незавершённый «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук», который можно считать претендовавшим на тезаурусное описание русской лексики и фразеологии, отражает пометами отношение единиц к устаревшим, областным или терминологическим (см.: «**Закурдычиться**. Сбиться съ толку, растеряться, погибнуть. Смол. (Добров.)»; «**Замбо'ніев** столбъ. Физ. Наименованіе гальваническаго столба, предложеннаго

итальянским физиком Джузеппе Замбони» [Словарь русского языка... 1901, 2. Вып. V: 1286, 1422] и др.), но не выступает опорным для стилистической квалификации, так как характеристики типа «книжное» определённно не предлагает.

Пометы ТСРЯ разнообразны, многопрофильные, многоветерные: определяют сферу применения – ту или иную область науки, техники, производства; частоту использования в литературном языке (помета «редко»); указывают на разновидности устной («детск.», «школьн.», «разг.», «арго») и книжно-письменной речи («книжн.», «офиц.», «спец.»), устанавливают «историческую перспективу» («нов.», «старин.») и экспрессивный потенциал единиц («шутл.», «бран.») и др. [ТСРЯ 1935, I: XXVI–XXVIII]. Наложение характеристик, конечно, ощущается, но благодаря этому родилось и сохранилось объёмное функционально-стилистическое описание, стилистический портрет лексем, их отдельных ЛСВ. Оно оказалось полипараметричным, и это ценно.

Наши наблюдения дали возможность убедиться в точности стилистической квалификации слов и ЛСВ в ТСРЯ. Например, в данном источнике стилистическая помета *разг.* часто поддерживается эмоционально-экспрессивными, указывающими на негативнооценочные коннотации в значении (см.: *анекдот* (разг. «выдумка, вымышленный случай»), *бегать* (разг. фам. ирон. «ухаживать, лебезить»), *всерьёз* (разг. «серьёзно, не в шутку») [ТСРЯ 1935, I: 40, 99, 402] и др.), и эта окраска проявляется у ЛСВ в проанализированных контекстах («*Видеть*» человека очень важно, но иногда случается, что иным это и мешает: может казаться, что как знакомый человек виден Вам, так и другие его видят. И начинаются **анекдоты**. 246; За Вами бы **бегали**, о Вас бы писали, и получилась бы целая каша. 224; ...я и эти слова Ваши принимаю **всерьёз**, а мне от них конфузливо... 281» [Леденёва 2007, 1: 14, 15, 48] и т. д.). То же можно сказать и о взвешенной подаче слов книжных: *врождённый* (книжн. «природный, свойственный от рождения»), *героизм* (книжн. «способность к совершенному подвигу»), *господствующий* (книжн. «преобладающий, наиболее авторитетный»), *дар* (книжн., торж. «приношение, подарок») [ТСРЯ 1935, I: 397, 554, 608, 652] и

др. Ср. реализацию в окружении нейтральной и / или книжной лексики, в том числе передающей положительнооценочный заряд, несущей мелиоративные коннотации (*благодарный, внимание, интеллигентность, теория* и т. п.): «Особенно это о **врожденной интеллигентности**... 198; Я желаю понимать Карлейля в его теории «**героизма**»... 295; Притом же я в разговорах не попадаю нынче в тон **господствующих** течений... 172; Я благодарю Вас, потому что как же принимать внимание в **дар**, не сказав благодарного слова? 215» [Леденёва 2007, 1: 48, 58, 64, 69].

Лексикографическая квалификация единиц в стилистической зоне относится к наиболее сложным задачам, поскольку эта информация лабильная, исторически изменчивая. Она, как видится, рассчитана на ретроспективное погружение в конституацию (высвечивается важность иллюстрирующей цитаты в зоне примеров), требует владения прагматическими нормами использования единиц в тексте, «подключения» культурных фоновых знаний, осмысления воздействия тенденций развития русского литературного языка. Так, тенденция демократизации ярко проявила себя в художественных текстах XIX века благодаря приёму столкновения книжных и разговорных лексических элементов в рамках микроконтекста, который стал идиостилевой константой у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова. Высокая частота употребления авторами в такой позиции полярных средств в качестве синтагматических партнёров привела к известной нейтрализации их «зарядов». Е. Ф. Петрищева писала о преобразующем влиянии контекста даже на «заряд» бранной лексики: «...Он может приглушить или даже полностью нейтрализовать бранные свойства слов» [Петрищева 1984: 169].

Убедиться в справедливости положения и наличии объективных сложностей в выдвигании стилистической оценки при лексикографическом описании позволяет судьба лексем во вторичных, производных значениях, выступающих самостоятельными единицами авторского словаря. Переносные, выявляемые благодаря синтагматическим партнёрам ЛСВ, как установлено русистикой [Сорокин 1965: 349, 452 и др.], нередко относятся к оценочным, раскрывают мелиоративные или пейоратив-

ные коннотации, передают субъективную, в том числе имплицитную, оценку, транслируют иронию и т. п. Ср. узуальное, с книжным и терминологическим статусом первичных ЛСВ: «**ЭПОПЕЯ**, и, ж. [греч. *εποποιία*]. 1. Большая эпическая поэма, в которой изображаются крупные исторические события (лит.). *Эпопеи Гомера*. || Вообще литературное произведение эпического характера, в котором изображаются крупные исторические события (книжн.). *Гениальная э. Льва Толстого "Война и мир"*. 2. перен. Ряд крупных событий, сложная и значительная история чего-н. (книжн.). *Э. гражданской войны. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский*. Л. Толстой» [ТСРЯ 1940, IV: 1429] – и лесковское ироничное использование слова в роли характеризующего предиката, когда при элиминации кавычками передаётся шутовское отношение писателя к предмету литературного творчества подопечного: «*Тогда это будет "эпопея", а не "этюды", и Имя твоё пронесётся в Элладе*. 233» [Леденёва 2007, I: 446].

Игнорировать эти особенности функционирования нельзя, как недопустимо не отразить словарной пометой (или комментарием в специальном разделе авторского словаря) факт снижения в контексте до статуса «разговорного» и развитие коннотаций пейоративного либо мелиоративного характера какого-либо ЛСВ узуального полисеманта, представляющего книжный, терминологический круг лексики русского литературного языка. Например: «**ВОЗНОСИТЬ**, ношу́, но́сишь (книжн. устар.). *Несов. к вознести*» [ТСРЯ 1935, I: 844] – у Н. С. Лескова глагольная лексема развивает иронические коннотации, на что указывают стилистически сниженные синтагматические партнёры (*низменность ... барактаний*) и элиминация кавычками, позволяя передать символом «*» авторскую критическую интенцию, а затем прокомментировать стилистическую особенность – пейоризацию: «**ВОЗНОСИТЬ**, книжн., устар. *Несов. к вознести**. *Это истинный поэт, без «стальной щетины», – он «возносит дух» над низменностями обычных барактаний*. 195»; «**ВОЗНОСИТЬ*** книжн., устар. Кавычки, пейоризация, троп» [Леденёва 2007, I: 42; 2: 13].

Такие девиации, создающие трудности при стилистической квалификации

единиц, извлечённых из какого-либо текстового пространства, авторская лексикография должна учитывать и кропотливо описывать, используя, однако, для основания суждения важнейшую из опор – пометы ТСРЯ. Анализ показал, что для текстов классической литературы они разработаны основательно, характеристикам ТСРЯ можно и нужно доверять.

Сама атмосфера ТСРЯ формирует необходимое интуитивное «стилистическое впечатление», нужное в работе с авторским словарём для квалификации по стилистическому параметру использованных писателем XIX в. узуальных ЛСВ, трансформированных средств, идиолектем, окказионализмов и т. п., потому что иллюстративный цитатный материал этого источника обеспечивает восприятие прагматической, функциональной предназначенности и экспрессивного потенциала единиц за счёт общего культурно-эстетического фона текстов эпохи, представления учёными-составителями традиций их включения в жанровоориентированный контекст.

Заключение

Работающие в области авторской лексикографии специалисты не могут не стремиться к объективной фиксации материала, точной подаче смыслового содержания единиц и определению их эмоционально-экспрессивной нагрузки, стилистического статуса, коммуникативной предназначенности. За точным определением стилистического статуса единицы идиолексикона стоит и раскрытие нагрузки ЛСВ в отношении передачи интенций автора в тексте, и понимание черт его языковой личности.

Такие параметры, как частота использования и синтагматические связи (валентность) ЛСВ, что помогает выявить конкорданс – совокупность разных по объёму контекстов, благодаря которым словарная статья демонстрирует «разнообразие и выразительность» языка художественной литературы и «художественную память» нацеленно употреблённых в произведениях слов (см.: [Словарь языка... 2021: IV]), могут, с нашей точки зрения, либо детерминировать подготовку отдельных словарей, что является справедливой и успешно решаемой задачей (например: [Изотов 2018; Мокиенко, Сидоренко 2021] и

др.), либо предопределить структуру полипараметрического словаря автора. См.: «**ПОЛБЕРЕГА** Полон рот / красот природ: / то волны / приливом, / п. выроют, / то краб, / то дельфинье выплеснет тельце, / то примусом волны фосфоресцируют, / то в море закат / киселём раскиселится. М923(113)» [Словарь языка... 2015: 385]; ср.: «**ЭКЗЕМПЛЯР**. Отдельный список какой-н. рукописи, отдельный оттиск какого-н. печатного издания. У него всего только 4 экземпляра, но он, вероятно, снабдит Вас экземпляром. 186; Для того Хирьяков привезет ко мне в Мерреколь экземпляр рукописи... 244»; экземпляр – 23 (частота); **экземпляр**: экземпляр возможен, экземпляр не обременит, экземпляр (из рук вон) плох, экземпляр привезен, экземпляр представляет (последнюю редакцию); экземпляр без выпусков, экземпляр «Декамерона», экземпляр №, экземпляр рукописи; Ваш экземпляр, гектографированный экземпляр, мой экземпляр, единственный экземпляр, лучший экземпляр, наш экземпляр, новый экземпляр, такой экземпляр, этот экземпляр; два экземпляра, 4 экземпляра, 100 экземпляров; (быть готовым) готов в (новом) экземпляре, владеть (экземпляром), выписать 100 экземпляров, дать экземпляр, мочь держать экземпляр, получить экземпляр, привезти экземпляр, принимать за удовлетворительный экземпляр, прислать два экземпляра, прислать в двух экземплярах, скрыть экземпляр, снабдить экземпляром, стоить по 1 руб. за экземпляр» (конкорданс) [Леденёва 2007, 1: 445; 2: 162, 273] – полипараметрическое описание.

В. В. Виноградов в работе «О художественной прозе» подчеркнул роль языковых

личностей писателей в использовании и индивидуально-творческом преобразовании «поэтического, литературно-книжного», «интеллигентски-разговорного» языков и разных форм «внелитературного выражения» [Виноградов 1980: 92–95], что актуально для авторской (писательской) лексикографии. Анализ употребления, оценка особенностей контекста использования единицы даёт возможность представить вклад конкретного идиолекта в развитие литературного языка, показать роль языковой личности автора XIX века в поддержании или формировании тенденций его функционирования. Это достигается с помощью сравнения наблюдаемого в контексте с отраженными системой помет данными авторитетного источника, каковым является ТСРЯ для авторской лексикографии.

Благодаря осмыслению фактора частоты введения и демонстрации синтагматики единиц (контекстуально актуализированных валентностей) прорываются творческие потенции не только автора, но и общенародного языка (расширение круга метафор, например), предопределяется и уточняется стилистическая нагрузка слов / ЛСВ, что является необходимой информацией в словаре писателя XIX века. Эта информация в виде лексикографических параметров может быть рассмотрена как объективная и представлена соответствующими пометами с учётом сверки данных, транслируемых авторитетным источником – «Толковым словарём русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, в котором запечатлён стилистический облик узуса XIX века на основе образцовых текстов.

Литература

- Алешина, Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова / Л. В. Алешина. – М.: Изд-во «ФЛИНТА»; Изд-во «Наука», 2017. – 704 с.
- Бахвалова, Т. В., Попова, А. Р. Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении: (на материале произведений И. Вольнова) / Т. В. Бахвалова, А. Р. Попова. – Орел: ОГУ, 2010. – 239 с.
- Башкова, И. В. Словари языка писателей / И. В. Башкова // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции) : Словарь-справочник. Электронное издание / под редакцией А. П. Сковородникова / И. В. Башкова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. – С. 612–613.
- Белякова, И. Ю. Русскоязычная авторская лексикография: история, типология, современный этап развития / И. Ю. Белякова // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 4. – С. 167–175.
- Бобунова, М. А. Региональная авторская лексикография: первый опыт и перспективы / М. А. Бобунова // Современные проблемы авторской лексикографии. Сборник научных статей / под общей ред. Л. Л. Шестаковой. – М.: Аквилон, 2018. – С. 195–202.

Василенко, А. Г. Словарь языка писателя как метод изучения языковой личности: Ю. Трифонов «Обмен» (проект словарной статьи) / А. Г. Василенко // Языковая личность в зеркале интерпретационных исследований: к 85-летию со дня рождения Ю. Н. Караулова. – Новосибирск : НПГУ, 2021. – С. 332–346.

Виноградов, В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов // О языке художественной прозы. – М. : Наука, 1980. – С. 56–240.

Герасименко, Н. А. Ценности Маяковского (синтаксический аспект) / Н. А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2023. – № 3. – С. 8–17. – DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17.

Емельянова, О. Н. Стилистическая помета / О. Н. Емельянова // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет ; под редакцией А. П. Сквородникова. – Красноярск, 2014. – С. 644–645.

Изотов, В. П., Изотова, И. В., Изотов В. В. Частотный словарь рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» / В. П. Изотов, И. В. Изотова, В. В. Изотов // Его Величество Язык Её Величества России: Сборник трудов международной научной конференции к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). – Орел : Издательство Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, 2018. – С. 177–179.

Караулов, Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 366 с.

Козинец, С. Б., Мигурский, А. С. Словарь окказионализмов русской поэзии второй половины XX – начала XXI вв. / С. Б. Козинец, А. С. Мигурский. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – 298 с.

Курносова, И. М. Словарь народного языка произведений И. А. Бунина / И. М. Курносова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2015. – 383 с.

Леденёва, В. В. Индивидуальное и общее в идиолекте Н. С. Лескова: Лексический состав эпистолярных текстов 90-х годов XIX века: Словарь в 2-х кн. Кн. 1–2 / В. В. Леденёва. – М. : МГОУ, 2007.

Леденёва, В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: монография / В. В. Леденёва. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ООО «Постатор», 2022. – 462 с.

Мокиенко, В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 312 с.

Морковкин, В. В., Морковкина А. В. Русские агномимы (слова, которые мы не знаем) / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М. : ИРЯП, 1997. – 414 с.

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 27–40.

Пестова, А. Р. Критерии постановки стилистических помет разг. и прост. в академических толковых словарях / А. Р. Пестова // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. – 2021. – № 3. – С. 141–149.

Пестова, А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях / А. Р. Пестова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2020. – Т. 79, № 5. – С. 51–68. – DOI: 10.31857/S241377150012297-9.

Петрищева, Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – М. : Наука, 1984. – 222 с.

Ружицкий, И. В. «Словарь языка Достоевского: идиоглоссарий» (новые возможности авторской лексикографии) / И. В. Ружицкий // Stephanos. – 2016. – № 5 (19). – С. 263–273.

Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология / сост. Е. Л. Гинзбург, Ю. Н. Караулов, Л. Л. Шестакова ; отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Азбуковник, 2003. – 512 с.

Самотик, Л. Г. Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения) / Л. Г. Самотик // Вопросы лексикографии. – 2013. – № 2 (4). – С. 19–31.

Склярёвская, Г. Н. Идея лексикографической параметризации и её реализация в современном толковом словаре живого русского языка / Г. Н. Склярёвская // Мир русского слова. – 2017. – № 1. – С. 11–17.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук [ред. акад. Я. К. Грот]. – Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. Наук; Ленинград : Академия наук СССР, 1895–1936 (А–Обр).

Словарь языка русской поэзии XX века / сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И., Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. Т. I. А–В. – М. : ИД ЯСК, 2001. [...] Т. III. З–Круг. – М. : ИД ЯСК, 2008. [...] Т. VI. Пе–Радость. – М. : ИД ЯСК, 2015. [...] Т. IX. Книга 1. Только–Уехать. – М. : ИД ЯСК, 2021. – прод.

Словообразовательный словарь поэтических окказионализмов Н. Т. Бушенева / отв. ред. Т. А. Воробьева. – Череповец : Череповецкий государственный университет, 2023. – 42 с.

Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX в. / Ю. С. Сорокин. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 565 с.

Сумарокова, Н. А. Индивидуализация подхода к лексикографии как одно из проявлений антропоцентрической модели научного познания / Н. А. Сумарокова // Лексикография и коммуникация – 2020. Сборник материалов VI Международной конференции (Белгород, 16-17 апреля 2020) / отв. ред. А. П. Седых. – Белгород : ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. – С. 44–48.

Суровцева, Е. В. Создание корпуса житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников российских XX века Московской епархии»): постановка проблемы / Е. В. Суровцева // Язык художественной литературы : традиционные и современные методы исследования. Сборник научных статей по материалам международной конференции памяти Н. А. Кожевникова. – М. : Изд. центр «Азбуковник», 2016. – С. 763–766.

Тимофеев, В. П. Личность и языковая среда / В. П. Тимофеев. – Шадринск : СГПИ, ШГПИ, 1971. – 122 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1–4. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935–1940.

Чердаков, Д. Н. Словари русского языка в интернете / Д. Н. Чердаков // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 193–209. – URL: <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-2-193-209> (дата обращения: 25.08.2023).

Шестакова, Л. Л. Литература по русской авторской (писательской) лексикографии за 2000–2008 гг. / Л. Л. Шестакова // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2010. – № 9 (52). – С. 297–341.

Шестакова, Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии / Л. Л. Шестакова // Вопросы языкознания. – 2019. – № 2. – С. 126–150.

References

Aleshina, L. V. (2017). *Slovar' novoobrazovaniy N. S. Leskova* [Dictionary of Neologisms by N. S. Leskov]. Moscow, Izd-vo "FLINTA", Izd-vo "Nauka". 704 p.

Bakhvalova, T. V., Popova, A. R. (2010). *Mir orlovskogo krest'yanina v leksikograficheskom predstavlenii: (na materiale proizvedenii I. Vol'nova)* [The World of the Orlov Peasant in Lexicographic Representation: (Based on the Works of I. Volnov)]. Orel, OGU. 239 p.

Bashkova, I. V. (2014). *Slovari yazyka pisatelei* [Dictionaries of the Language of Writers]. In *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii). Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie*. Krasnoyarsk, Sibirskii federalnyi universitet. Pp. 612–613.

Belyakova, I. Yu. (2008). *Russkoyazychnaya avtorskaya leksikografiya: istoriya, tipologiya, sovremennyy etap razvitiya* [Russian-Language Author's Lexicography: History, Typology, Modern Stage of Development]. In *Prepodavatel' XXI vek*. № 4, pp. 167–175.

Bobunova, M. A. (2018). *Regional'naya avtorskaya leksikografiya: pervyy opyt i perspektivy* [Regional Author's Lexicography: First Experience and Prospects]. In *Sovremennye problemy avtorskoi leksikografii. Sbornik nauchnykh statei*. Moscow, Akvilon. Pp.195–202.

Cherdakov, D. N. (2020). *Slovari russkogo yazyka v internete* [Dictionaries of Russian in Internet]. In *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*, V. 2. № 2, pp. 193–209. URL: <https://www.doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-2-193-209> (mode of access: 25.08.2023).

Emel'yanova, O. N. (2014). *Stilisticheskaya pometa* [Stylistic Litter]. In *Effektivnoe rechevoe obshchenie (Bazovye kompetentsii) Slovar'-spravochnik. Elektronnoe izdanie*. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet. Pp. 644–645.

Gerasimenko, N. A. (2023). *Tsenosti Mayakovskogo (sintaksicheskii aspekt)* [Mayakovsky's Values (Syntactic Aspect)]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. № 3, pp. 8–17. DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-8-17

Grigor'ev, V. P., Shestakova, L. L. (Eds.). (2001–2021). *Slovar' yazyka russkoi poezii XX veka* [Dictionary of the Language of Russian Poetry of the XX Century]. V. I–IX. Moscow, YASK.

Grot, Ya. K. (Ed.). (1895–1936). *Slovar' russkogo yazyka, sostavlenyi Vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk*. (A–Obr). [Dictionary of the Russian Language Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. (A–Obr)]. Saint Petersburg; Leningrad, Akademiya nauk.

Izotov, V. P., Izotova, I. V., Izotov V. V. (2018). *Chastotnyi slovar' rasskaza I. S. Turgeneva "Khor' i Kalinych"* [Frequency Dictionary of the Story by I. S. Turgenev "Khor and Kalinich"]. In *Ego Velichestvo Yazyk Eyo Velichestva Rossii: Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Ivana Sergeevicha Turgeneva (1818–1883)*. Orel, Izdatel'stvo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. S. Turgeneva, pp. 177–179.

Karaulov Yu. N. (Ed.). (2003). *Russkaya avtorskaya leksikografiya XIX–XX vekov. Antologiya*. [Russian Author's Lexicography of the XIX–XX Centuries. Anthology]. Moscow, Azbukovnik. 512 p.

- Karaulov, Yu. N. (1981). *Lingvisticheskoe konstruirovaniye i tezaurus literaturnogo yazyka* [Linguistic Construction and Thesaurus of the Literary Language]. Moscow, Nauka. 366 p.
- Kozinets, S. B., Migurskii, A. S. (2020). *Slovar' okkazzionalizmov russkoi poezii vtoroi poloviny XX – nachala XXI vv.* [Dictionary of Occasional Russian Poetry of the Second Half of the XX – Early XXI Centuries]. Saratov, Saratovskii istochnik. 298 p.
- Kurnosova, I. M. (2015). *Slovar' narodnogo yazyka proizvedenii I. A. Bunina* [I. A. Bunin's Dictionary of the Folk Language of the Works]. 3d ed. Elets, Eletsksii gos. un-t im. I. A. Bunina. 383 p.
- Ledeneva, V. V. (2007). *Individual'noe i obshchee v idiolekte N. S. Leskova: Leksichesksii sostav epistol'yarnykh tekstov 90-kh godov XIX veka: Slovar' v 2-kh kn.* Kn. 1-2. [Individual and General in N. S. Leskov's Idiolect: Lexical Composition of Epistolary Texts of the 90s of the XIX Century: Dictionary in 2 Books]. Moscow, MGOU.
- Ledeneva, V. V. (2022). *Osobennosti idiolektov N. S. Leskova: monografiya, izd 2-e, ispr. i dop.* [Features of N. S. Leskov's Idiolect: Monograph]. 2nd edition. Moscow, OOO "Postator". 462 p.
- Mokienko, V. M., Sidorenko K. P. (2021). *Krylatye slova dilogii Il'i Il'fa i Evgeniya Petrova ("Dvenadtsat' stul'ev" i "Zolotoi telenok")*: slovar'-spravochnik [The Winged Words of the Dilogy of Ilya Ilf and Evgeny Petrov ("Twelve Chairs" and "Golden Calf"): Dictionary-Reference]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena. 312 p.
- Morkovkin, V. V., Morkovkina A. V. (1997). *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian Agnonyms (Words We Don't Know)]. Moscow, IRYAP. 414 p.
- Nikitin, O. V. (2016). *Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovary russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova)* [Russian Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (From the History of the Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. № 3, pp. 27–40.
- Pestova, A. R. (2020). *O nekotorykh problemakh stilisticheskoi kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh [About Some Problems of Stylistic Qualification of Words in Explanatory Dictionaries]. In Izvestiya Rossijskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka. V. 79, № 5, pp. 51–68. DOI: 10.31857/S241377150012297-9.*
- Pestova, A. R. (2021). *Kriterii postanovki stilisticheskikh pomet razg. i prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh [The Criteria for Setting Stylistic Litters *proz.* and *npocm.* in Academic Explanatory Dictionaries]. In Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya. № 3, pp. 141–149.*
- Petrishcheva, E. F. (1984). *Stilisticheski okrashennaya leksika russkogo* [Stylistically Colored Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, Nauka. 222 p.
- Ruzhitskii, I. V. (2016). "Slovar' yazyka Dostoevskogo: idioglossarii" (novye vozmozhnosti avtorskoi leksikografii) ["Dostoevsky's Dictionary of Language: An Idioglossary" (New Features of the Author's Lexicography)]. In *Stephanos*. № 5 (19), pp. 263–273.
- Samotik, L. G. (2013). *Slovari vneliteraturnoi leksiki kak raznovidnost' avtorskikh slovarei (problemy i resheniya)* [Dictionaries of Non-literary Vocabulary As a Kind of Author's Dictionaries (Problems and Solutions)]. In *Voprosy leksikografii*. № 2 (4), pp. 19–31.
- Shestakova, L. L. (2010). *Literatura po russkoi avtorskoi (pisatel'skoi) leksikografii za 2000–2008 gg.* [Literature on Russian Author's (Writer's) Lexicography for 2000–2008]. In *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. № 9 (52), pp. 297–341.
- Shestakova, L. L. (2019). *Sovremennoe sostoyanie russkoi avtorskoi leksikografii* [The Current State of Russian Author's Lexicography]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. № 2, pp. 126–150.
- Sklyarevskaya, G. N. (2017). *Ideya leksikograficheskoi parametrizatsii i eyo realizatsiya v sovremennom tolkovom slovare zhivogo russkogo yazyka* [The Idea of Lexicographic Parametrization and Its Implementation in the Modern Explanatory Dictionary of the Living Russian Language]. In *Mir russkogo slova*. № 1, pp. 11–17.
- Sorokin, Yu. S. (1965). *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX v.* [Development of the Vocabulary of the Russian Literary Language. 30–90-ies of the XIX century]. Moscow ; Leningrad, Nauka. 565 p.
- Sumarokova, N. A. (2020). *Individualizatsiya podkhoda k leksikografii kak odno iz proyavlenii antropotsentricheskoi modeli nauchnogo poznaniya* [Individualization of the Approach to Lexicography as One of the Manifestations of the Anthropocentric Model of Scientific Cognition]. In *Leksikografiya i kommunikatsiya – 2020. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi konferentsii (Belgorod, 16-17 aprelya 2020)*. A. P. Sedykh (ed.). Belgorod, ID "BelGU" NIU "BelGU". Pp. 44–48.
- Surovtseva, E. V. (2016). *Sozdanie korpusa zhitii novomuchenikov i ispovednikov (na materiale "Zyitii novomuchenikov i ispovednikov rossiiskikh XX veka Moskovskoi eparkhii")*: postanovka problemy [Creation of the Corpus of the Lives of the New Martyrs and Confessors (Based on the Material of the "Lives of the New Martyrs and Confessors of the Russian Twentieth Century of the Moscow Diocese"): Problem Statement]. In *Yazyk khudozhestvennoi literatury: traditsionnye i sovremennyye metody issledovaniya. Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi konferentsii pamyati N. A. Kozhevnikovoi*. Moscow, Izd. centr "Azbukovnik". Pp. 763–766.
- Timofeev, V. P. (1971). *Lichnost' i yazykovaya sreda* [Personality and Language Environment]. Shadrinsk, SGPI, SHGPI. 122 p.

TSRYA – Ushakov, D. N. (Ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. V. 1–4]. Moscow, Gos. In-t “Sovetskaya entsiklopediya”.

Vasilenko, A. G. (2021). *Slovar' yazyka pisatelya kak metod izucheniya yazykovoi lichnosti: Yu. Trifonov “Obmen”* (proekt slovarnoi stat'i) [The Dictionary of the Writer's Language as a Method of Studying the Linguistic Personality: Y. Trifonov “Exchange” (Draft Dictionary Entry)]. In *Yazykovaya lichnost' v zerkale interpretatsionnykh issledovaniy: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. N. Karaulova*. Novosibirsk, NPGU. Pp. 332–346.

Vinogradov, V. V. (1980). *O khudozhestvennoi proze* [About Fiction]. In *O yazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow, Nauka. Pp. 56–240.

Vorob'eva, T. A. (Ed.). (2023). *Slovoobrazovatel'nyi slovar' poeticheskikh okkazionalizmov N. T. Busheneva*. [The Word-Formation Dictionary of Poetic Occasionalisms by N. T. Bushenev]. Cherepovets, Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet. 42 p.

Данные об авторе

Леденева Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия).

Адрес: 141014, Россия, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, 24.

E-mail: ledenevavv@yandex.ru.

Author's information

Ledeneva Valentina Vasil'evna – Doctor of Philology, Professor of Department of Modern Russian named after Professor P. A. Lekant, State University of Education (Mytishchi, Russia).

Дата поступления: 31.08.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 31.08.2023; date of publication: 30.12.2023

СЛОВА С ПОМЕТОЙ «КАНЦ.»
В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА

Садова Т. С.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

SPIN-код: 9794-7573

Руднев Д. В.

Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

SPIN-код: 7495-7725

А н н о т а ц и я . В статье рассматриваются лексемы, зафиксированные в словаре Д. Н. Ушакова с пометой «канц.», которая сопровождает не первое (прямое) значение многозначного слова. Такое ограничение в материале исследования, прежде всего, позволяет проследить историко-стилистические «перемещения» выделенных лексем – преимущественно из естественного языка в клишированную деловую речь, имеющую в рамках русского литературного языка свою самобытную судьбу. Вычленение из общего словника лексики, сопровождаемой пометой «канц.», дает возможность представить отдельную лексико-стилистическую подсистему как целое (корпус), исследовать ее внутреннюю организацию, рассмотреть наиболее значимые свідельства влияния на нее внеязыковых факторов. Лексика с пометой «канц.» в словаре Ушакова демонстрирует активность метонимических механизмов, действие принципа экономии речевых усилий при ее образовании. В ходе исследования канцелярской лексики, имеющей «деловую прописку» не в основном значении, отчетливо проявилась, с одной стороны, её тесная связь с книжной письменной культурой, что впоследствии отразилось на заметной архаизации канцелярской речи в целом, с другой стороны, – с разговорной речью, особенно в способах морфологического образования новых слов. В статье описывается частеречный состав выделенного корпуса лексем, его тематические и функциональные особенности. Подчеркивается, что наиболее представительной в количественном и содержательном плане оказывается именная лексика с общей темой «делопроизводство», включающая как слова, уходящие из канцелярского обихода (*мемория, переснять*), так и такие, что только формируют свои «деловые» значения (*деловод, дирижер, зав*). Рассматривается примечательная история канцеляризма *бумага*, выступавшего в качестве родового термина для любого документа в начале советской эпохи. Последовательно проводится мысль о том, что в словаре, ориентированном, прежде всего, на фиксацию нормы современного русского языка советской эпохи, отчетливо фиксируется формирующаяся отдельность делового стиля, в котором все более заметно «отчуждение» человека от текста, от его личностного, авторского начала.

К л ю ч е в ы е с л о в а : словарь; нормативный словарь; стилистические пометы; деловой стиль; канцеляризм; бессубъектность делового текста

Д л я ц и т и р о в а н и я : Садова, Т. С. Слова с пометой «канц.» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / Т. С. Садова, Д. В. Руднев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 155–164. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-155-164.

WORDS MARKED “kants.” IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE” EDITED BY D. N. USHAKOV

Tatyana S. Sadova

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6232-3433>

Dmitry V. Rudnev

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

Abstract. The article discusses lexemes marked in the explanatory dictionary edited by D. N. Ushakov with the note “*kants.*” (officialese), which accompanies other than the main entry (direct) meaning of a polysemantic word. This limitation in the research material, first of all, allows tracing the historico-stylistic “shifts” of the selected lexemes – mainly from natural language to clichéd business speech, which has its own unique history of development within the Russian literary language. Singling out the vocabulary accompanied by the mark “*kants.*” in the general vocabulary makes it possible to present a separate lexico-stylistic subsystem as one whole (a corpus), explore its internal organization, and consider the most significant evidence of the influence of extralinguistic factors on it. The vocabulary marked “*kants.*” in Ushakov’s dictionary demonstrates the activity of metonymic mechanisms and the work of the principle of economy of speech effort at the moment of its formation. In the course of the study of official vocabulary, belonging to the group “officialese” in its secondary meaning(s), it has been clearly revealed that, on the one hand, it is closely associated with bookish written culture, which subsequently results in the noticeable archaization of the officialese in general, and on the other hand, with colloquial speech, especially in the ways of morphological formation of new words. The article describes the part-of-speech composition of the selected corpus of lexemes and its thematic and functional features. It is emphasized that the most representative in terms of quantity and content is the nominal vocabulary with the general theme of “office work”, including both words that are leaving office usage (*memoriya* ‘memorial’, *peresnyat* ‘copy’), and those that are just forming their “official” meanings (*delovod* ‘clerk’, *dirizhor* ‘conductor’, *zav* ‘manager’). The article considers a remarkable history of the officialese *bumaga* ‘paper’, which used to be a generic term for any document in the early Soviet era. The study gradually and carefully develops the idea that the dictionary, focused primarily on fixing the norms of the contemporary Russian language of the Soviet era, clearly records the emerging separation of the official style, in which the “alienation” of a person from the text and from its personal, authorial essence becomes more and more salient.

Keywords: dictionary; normative dictionary; stylistic notes; official style; officialese; non-subjectness of official text

For citation: Sadova, T. S., Rudnev, D. V. (2023). Words Marked “*kants.*” in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 155–164. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-155-164.

Введение

Набор стилистических помет словаря Д. Н. Ушакова (далее ТСРЯ), имевшего «характер образцового», т. е. строго нормативного [От редакции 1935: [3]], был продиктован назревшей практической потребностью в более широкой (дробной) стилистической дифференциации лексического состава языка новейшей эпохи. На эту необходимость неоднократно указывал, например, В. В. Виноградов в серии работ, посвященных проблемам советской лексикографии (см.: [Виноградов 1977]); именно он «предложил разветвленную систему нормативно-стилистических помет», что в полной мере «нашло отражение в <...>

словаре под редакцией Д. Н. Ушакова» [Круглов, Истратий и др. 2015: 13]. В этом отношении сеть стилистических помет ТСРЯ можно считать, с одной стороны, в известном смысле новаторской и с практической точки зрения более чем актуальной, с другой, – отвечающей современным Ушакову запросам сугубо теоретического осмысления русской ортологической лексикографии в ее миссии фиксировать «образец» русского литературного языка конкретной эпохи [Нефёдов, Нефёдова 2013: 9].

В четырех томах ТСРЯ помета «канц.» (включая отдельный лексико-семантический вариант многозначного слова) сопровождает более 240 лексем (см. табл. 1).

Таблица 1

Общая статистика слов с пометой «канц.» в словаре Д. Н. Ушакова

Часть речи	Кол-во ед.
Существительные	93
Глаголы	72
Прилагательные и причастия (в т. ч. субстантивированные)	54
Наречия	11
Служебные слова (предлоги, союзы)	7
Местоимения	6
Итого	243

Следует учесть, что историческая стилистика 1930–1940-х гг. еще не имела той крепкой научной базы, которая бы позволила избежать очевидных противоречий, возникших при формулировке «предметного» содержания той или иной стилистической пометы. Так случилось и с близкими толкованиями помет «канц.» и «офиц.», которые содержатся в разделе, разъясняющем читателю правила пользования словарем. Развернутых объяснений здесь не приводится, указано лишь, что «“канц.” <...> означает свойственное канцелярскому, деловому слогу; “офиц.” <...> – свойственное языку правительственных актов, постановлений, официальных бумаг, официальных речей и т. п.» [Как пользоваться словарем 1935: XXVII]. Такое различие, видимо, было продиктовано, прежде всего, политическими и идеологическими условиями эпохи, в которой работал Д. Н. Ушаков.

Помета «офиц.», как видно из пояснения, имела не столько собственно языковое содержание, сколько указывала на сферу преимущественного использования слова – сферу (в самом широком смысле) правительственных бумаг, чей статус был несомненно выше документов рядовой канцелярии. Однако слова, помеченные «канц.» (например, *безграмотность, довольствоваться, договорный, должность* и под.), конечно, могли оказаться и несомненно оказывались в текстах «общего» делового стиля. Показательно поэтому, что пометы «канц.» и «офиц.» в ТСРЯ довольно часто соседствуют при характеристике одного слова, причем нередко – в разной последовательности (ВЕДЕНИЕ (офиц. канц.); ВЗЫСНО'Й (канц. офиц.) и под.).

Вполне вероятно, что одним из существенных отличий канцелярского слова от официального составители словаря видели в том, что первое («канц.») могло иметь как разговорное, так и книжное бытование, на что довольно последовательно указывают соответствующие пометы «разг.» и «книжн.», в то время как слово с пометой «офиц.» – только книжное, поэтому никакого уточнения в оппозиции «книжное – разговорное» слово официального языка в словаре не имеет. Ср. КОМАНДИР'ВКА <...> 4. Офиц. документ – приказ, удостоверение о командировке (**разг. канц.**) [ТСРЯ I: 1417]; КОМЕНДАТУ'РА <...> (**офиц.**) –

1. Помещение коменданта и его канцелярии [ТСРЯ I: 1420].

Заметим, что в БАС, МАС, а также самом популярном словаре современного русского языка, словаре С. И. Ожегова, помета «офиц.» попросту отсутствует.

Материал и задачи исследования

Невозможность рассмотреть в рамках статьи все лексемы, которые в ТСРЯ имеют помету «канц.», заставляет ограничить материал исследования. В настоящей статье будут рассмотрены лексемы, в которых помета «канц.» сопровождает не основное (прямое, понятийное) значение, а один из лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначного слова.

Такой аспект описания и анализа ЛСВ исходно стилистически немаркированной лексемы, который можно обозначить как историко-ортологический, интересен по двум причинам: во-первых, важно проследить эволюцию стилистических «кочевков», «вхождений», «вовлечений» многозначного слова, возникающих по самым разным причинам, прагматическим – в том числе. Очевидно, что деловая сфера реализации общенационального языка всегда сопряжена с сильным воздействием со стороны власти, государства как такового [Садова, Руднев 2020: 9], априори не существующего без какой-либо идеологической установки, даже если она не заявлена открыто. Потому деловой язык первым ощущает и неизменно принимает это давление, вырабатывая специфические речевые нормы, часто отличные от норм общелитературного языка.

Во-вторых, словарь Ушакова фиксирует языковую эпоху трудного строительства советской государственности и, как следствие, речевого выравнивания норм литературного языка, – с одной стороны, открыто ориентированного на новые явления в языке и речи [Булыгина, Васильева и др. 2018], с другой стороны, окончательно не порвавшего с традициями дореволюционной / досоветской речевой культуры. Неслучайно во введении к словарю Д. Н. Ушаков сразу указывает на то, что его составители «большое внимание уделяют <прежде всего> нормативной стороне» современной речи – произношению, грамматическим правилам и т. д. [От редакции 1935: 3]].

Из более чем 240 словарных статей, содержащих помету «канц.», – 73 много-

значных слова имеют ее в качестве стилистического маркера одного из лексико-семантических вариантов, причем в иерархии ЛСВ не всегда близко расположенного к основному значению:

ВХОДЯЩИЙ <...> 2. Получаемый, поступающий в учреждение (о деловых бумагах; **канц.**) [ТСРЯ I: 425];

СВЕДЕНИЕ <...> 4. Официальный отчет с цифровыми данными (**канц.**) [ТСРЯ IV: 69].

ВЫСТАВИТЬ <...> 6. что. Написать, проставить (**канц.**) [ТСРЯ I: 506].

ОСНОВАНИЕ <...> 8. Законоположение, распоряжение или документ, в силу которых совершается какое-н. официальное действие (**офиц. канц.**) [ТСРЯ II: 872].

Частеречное распределение выделенных лексем выглядит следующим образом (см. табл. 2):

Таблица 2

**Частеречное распределение многозначных лексем,
одно из значений которых имеет помету «канц.»**

Существительные	31 (<i>бумага, записка, направление, дирижер</i> и др.)
Глаголы	20 (<i>переснять, скрепить, штамповать, явить</i> и др.)
Причастия и прилагательные	13 (<i>известный, обязанный, прописной, текущий</i> и др.)
Наречия	3 (<i>как-то, согласно, соответственно</i> – в значении союза или предлога)
Местоимения	3 (<i>каков, кой, оный</i>)
Служебные слова (предлоги, союзы)	3 (<i>за, против, у</i>)

Результаты исследования

Имена существительные

Среди существительных ожидаемо много номинаций, тематически отнесенных к бумажному (письменному) делопроизводству. Очевидно, что формирование этой группы лексики подчинено преимущественно метонимическим языковым механизмам. Так, содержание, назначение, форма и др. признаки документного текста часто становятся тем семантическим основанием, которое мотивирует появление новой номинации, прежде всего, – наименование документа (например: текст, в котором содержится информация о направлении в командировку, → *направление; командировка*; краткий документ, помещающийся на одном листе, → *листок*; шаблон, рамка «образцового» документа → *форма*; краткий информационный документ по частному вопросу → *записка* и под.).

Такой путь метонимического преобразования проделало «общее» для всей этой тематической группы существительных слово *бумага*, по сути – один из самых старых канцелярских терминов. Уже в САР у слова *бумага* фиксируется второе значение, относящее его к сугубо канцелярской сфере бытования, причем еще не повсеместно, но лишь «иногда», и только в качестве текста прошения: «В приказном слог **иногда означает** письменное прошение» [САР I:

382]. В. И. Даль представляет *бумагу* уже как устоявшееся обозначение всякого делового документа: «**Бумагой вообще называют всякого рода деловое письмо, служебное и частное**» [Даль I: 141]. В этом смысле словарь Ушакова лишь уточняет это значение *бумаги* (оно тоже второе), используя в толковательной части современную ему лексику: «<...> 2. Всякий письменный **документ официального характера**» [ТСРЯ I: 203] (все выделения принадлежат авторам статьи).

П. В. Верховской, специалист по деловой речи и современник Д. Н. Ушакова, отрицательно относился к использованию канцеляризма *бумага*, мотивируя свою позицию следующим образом:

«Бумага служебная = документ, деловое письмо. Это родовое понятие для всех документов, которые обретаются в учреждениях. Хотя оно и живое слово, но из делового языка его следовало бы вывести, потому что слово «бумага» никак не характеризует содержания и делового значения документа, который написан или отпечатан на бумаге как материале. Слово «документ» вызывает к нему известную осторожность, бережное отношение, тогда как слово «бумага» легко обращается в «бумажку». («Получили вы эту бумажку?», «Вашу бумажку я исполнил».) Известного рода небрежность к документам могла быть, пожалуй, терпима в дореволюционное

время, когда в работе учреждений было больше бюрократической надменности, чем современной деловой четкости, документальности, когда делопроизводство имело самоудовлетворяющее значение, как способ держать население во власти канцелярий и когда в обычае были «отписки», целые вороха «бумаг», не существенных для дела» [Верховской 1930: 187].

В любом случае очевидно одно: важнейший принцип делового языка – экономия речевых средств – метонимические механизмы реализуют вполне результативно. Таковы, помимо указанных, слова *исполнение, доклад, представление, разъяснение* и под., один из ЛСВ которых с пометой «канц.», как правило, представляет собой наименование документа конкретного назначения, статуса, в пределе – жанра: «ИСПОЛНЕНИЕ – <...> 2. Копия отосланной бумаги, служащая доказательством исполненного дела (канц.)» [ТСРЯ I: 1242]; «ДОКЛАД <...> 3. Словесное или письменное изложение начальству служебных дел для их решения (канц.)» [ТСРЯ I: 747–748].

Совсем иной, весьма редкий для ТСРЯ, языковой механизм – метафора – лежит в основе канцелярского (ныне забытого) значения слова *дирижер*: «ДИРИЖЁР <...> 2. Служащий, следящий за движением канцелярских бумаг, за ходом канцелярской работы (нов. канц.)» [ТСРЯ I: 713–714]. Канцеляризм *дирижер* оказался очень недолговечным: отмеченный в ТСРЯ как новое явление в канцелярском языке, он не отмечен ни в БАС, ни в МАС.

Глаголы

Тему письменного делопроизводства дополняют и некоторые глаголы, один из ЛСВ которых обозначает действие, при котором деловая «бумага» оказывается преимущественно объектом манипуляций человека:

ВЫСТАВИТЬ <...> 6. что. Написать, проставить (канц.) [ТСРЯ I: 506].

ЗАПОЛНИТЬ <...> 2. Вписать всё требуемое в пустые места чего-н. (анкеты, бланка и т. п.; канц.) [ТСРЯ I: 1007].

ПЕРЕБЕЛИТЬ <...> 2. (несов. перебеливать). Переписать начисто, набело (черную бумагу; канц.) [ТСРЯ III: 94].

ПЕРЕСНЯТЬ <...> 2. что. Списать заново, еще раз, сделать новый список, снять новую копию с чего-н. (канц. устар.) [ТСРЯ III: 198].

ПОДШИТЬ <...> 5. Скрепить, пришивая (канц.) [ТСРЯ III: 467].

ПОДКОЛОТЬ <...> 3. Прикрепить булавкой, присоединить к чему-н. (канц.) [ТСРЯ III: 393].

Например: *Хорошо зная форму, бухгалтер мигом **заполнил** его [листок] и начал развязывать веревочку на пакете* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита [НКРЯ]); *В. Титаренкова работает статистиком полтора года, и у нее аккуратно **подшиты** все бумажки с цифирками на всякую потребу* (Выморочный элемент // «Известия», 05.03.1934 [НКРЯ]).

Обезличенность процесса движения бумаг в канцелярском документообороте интересно проявляет себя в реализации грамматических категорий глагола. В современном деловом языке глагол ослабленно проявляет свои предикативные категории: активные личные формы глаголов заменяются на пассивные формы, на атрибутивные формы (причастие, инфинитив, реже деепричастие), на расцепленные предикаты, на девербативы. Начав формироваться в русском языке с петровской эпохи (см. [Багрянцева 1986: 21–22]), эти особенности канцелярской речи находят свое отражение в ТСРЯ. Так, глагол *засчитать* только в одном из своих значений относится к канцелярской сфере употребления, ср.:

ЗАСЧИТАТЬ <...> 1. (несов. засчитывать). Зачесть, отнести, принять в счет чего-н. (канц.). 3. срок предварительного заключения. 3. в счет долга [ТСРЯ I: 1044].

В то время как его дериваты *засчитанный, засчитывать, засчитываться* целиком принадлежат к канцелярской сфере. Аналогичную стилистическую отмеченность можно наблюдать у дериватов, не относящихся в ТСРЯ к числу канцеляризмов глаголов *зачислить* (канцеляризмы *зачисление, зачислиться, зачисляться* [ТСРЯ I: 1073]), *начесть* (канцеляризмы *начет, начтенный* [ТСРЯ II: 465, 467]), *отчислить* (канцеляризм *отчисление* [ТСРЯ II: 101]), *переплыть* (канцеляризм *переплытие* [ТСРЯ III: 179]), *пробить* (канцеляризм *пробитие* [ТСРЯ III: 889]) и т. д.

Некоторые из этих канцеляризмов могли выходить за пределы своей сферы употребления, например:

*Опаснейшей частью дела было **пробитие** начальной отвесной шахты, – шум движения и удары инструментов могли привлечь внимание*

случайного прохожего... (А. Грин, Дорога никуда [НКРЯ]).

Широкое распространение отглагольных существительных в канцелярской сфере и в целом в письменной речи послереволюционной эпохи вызвало в 1920–1930-е гг. публичную полемику между лингвистами, которые спорили о коммуникативной целесообразности их употребления. Так, непримиримым противником их использования был А. М. Пешковский (см. о полемике: [Логинава 1968: 204–206]).

Деловую сферу ярко представляют два причастия, характеризующие «движение» документа в бумажном потоке:

ВХОДЯЩИЙ <...> 2. Получаемый, поступающий в учреждение (о деловых бумагах; канц.) [ТСРЯ I: 425].

ИСХОДЯЩИЙ <...> 2. Документ, бумага, отправляемая из учреждения; против. входящая (канц.) [ТСРЯ I: 1263].

Заметим, что в САР указанные значения причастий отсутствуют. Примечательно в этом отношении (впервые) зафиксированное в ТСРЯ заметное отчуждение человека от самого процесса «поведения» деловой бумаги. Естественная и движущаяся к абсолюту, её обезличенность отчетливо проявляется в способах толкования этих слов, ставших в современном русском языке устойчивыми канцелярскими терминами: оба причастия имеют форму действительного залога, а толкование строится в страдательном; ср.: *входящий* 'получаемый учреждением (о документах, корреспонденции и т. п.; ср. *исходящий*, *исходящий* 'отправляемый из учреждения (о документах, корреспонденции и т. п.; сравни: *входящий*' [Кузнецов 1998: 165, 405]. Иными словами, в пропозиции (толковании) совершенно очевидно, что всем этим потоком бумаг управляет человек, но в самом термине-причастии его участие сведено к нулю. Канцелярская бумага становится как бы самостоятельным, «отвлеченным от человека» субъектом письменного делопроизводства.

Другие причастия этой группы – *замеченный*, *означенный*, *обязанный*, *текущий*, *помянутый* – прежде всего, фиксируют либо свойство, либо содержание, либо статус канцелярской бумаги: так, «означенный», «обязанный» и «помянутый / упомянутый», даже при характеристике человека, ис-

пользуются исключительно в деловых текстах, т. е. стилистически они строго ограничены в употреблении.

Прилагательные

Прилагательные рассматриваемой группы, во-первых, демонстрируют принцип экономии речевых средств при номинации документа, возникающей вследствие субстантивации (закладной документ – *закладная*, объяснительная записка – *объяснительная* и под.), во-вторых, фиксируют важные содержательные свойства канцелярского дела вообще и отдельного документа в частности (даже вышедшего из употребления), которые и в современном делопроизводстве, предельно обезличенном [Сологуб 2009: 69], представляются весьма показательными:

ТРЕБОВАТЕЛЬНЫЙ <...> 2. только полн. формы. Содержащий требование (см. требование в 5 знач.; канц.). Требовательная ведомость <...> [ТСРЯ IV: 780].

ФОРМАЛЬНЫЙ <...> 3. Произведенный по форме, в законном порядке (см. форма в 3 знач.; офиц. канц.) <...> Все формальные препятствия устранены [ТСРЯ IV: 1102].

Способностью легко образовывать относительные прилагательные от существительных канцелярская речь отчасти сближается с научной [Макарова 2011: 187]. Принцип экономии речевых усилий широко реализуется при образовании прилагательных, уточняющих содержание различных управленческих действий, фиксирующихся в канцелярском документообороте. Важно при этом отметить, что существительные, от которых образованы относительные прилагательные, часто не имеют пометы «канц.»:

ЗАКЛАДНОЙ <...> 3. Прил. к заклад (канц.). Закладная квитанция [ТСРЯ I: 946];

ОПЕРАТИВНЫЙ <...> 6. только полн. формы. Предназначенный для выполнения операций (в 3 и 4 знач.; канц.). Оперативные часы. Оперативные помещения склада [ТСРЯ II: 814];

ПРОПИСНОЙ <...> 2. Прил. к прописка в 1 знач. (канц.). Прописной листок (для прописки) [ТСРЯ III: 979].

Примечательно, что существительные *заклад*, *операция*, *прописка*, от которых образованы эти прилагательные, не имеют в ТСРЯ пометы «канц.».

В словаре представлен также иной тип

отношений, когда немаркированному существительному (реже глаголу) соответствует прилагательное-канцеляризм с единственным словарным значением: *итог* – *итоговый* [ТСРЯ I: 1266], *объяснение/объяснить* – *объяснительный* [ТСРЯ II: 737], *отчет* – *отчетный* [ТСРЯ II: 1011], *препроводить* – *препроводительный* [ТСРЯ III: 747] и др. В таких случаях возникновение и употребление прилагательных прямо обусловлено канцелярской средой. Например:

ПРЕПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ <...> Прилагаемый к посылаемым, препровождаемым документам и материалам и содержащий описание, перечисление посылаемого (о бумаге, письме, записке, описи и т. п.). Препроводительная записка [ТСРЯ III: 747].

Ср. также: *Марка Шейнгауза прислала одесская комиссия по делам о несовершеннолетних за воровство, как значилось в препроводительной бумажке* (А. Макаренко, Педагогическая поэма [НКРЯ]).

Прилагательное *препроводительный* интересно тем, что в ТСРЯ рядом с ним соседствует связанный с ним универбат *препроводилка* 'препроводительная бумага' с пометами «нов. канц. фам.» [ТСРЯ III: 747], который ярко иллюстрирует все ту же тенденцию к экономии речевых усилий, однако под прямым влиянием устноречевой стихии.

Служебная лексика

Словарь Ушакова, демонстрирующий крепление советской канцелярии как сферы функционирования языка, максимально подверженного воздействию властных функций государства, фиксирует три наречия, употребляющихся в качестве предлогов или союзов, с пометой «канц.»: *как-то*, *согласно* (с Р.п.), *соответственно*:

КАК-ТО <...> 4. При перечислении: а именно, например (канц. устар.) [ТСРЯ I: 1289].

СООТВЕТСТВЕННО <...> 3. в знач. союза. Также, как; а равно (офиц., канц.) [ТСРЯ IV: 383].

Дальнейшая судьба этих канцеляризмов не была единой: если слово *соответственно* в функции предлога вышло из употребления, то и *согласно* (с Р.п.) (подробнее об этом предлоге и его истории см. [Зеленин, Руднев 2016]), и *как-то* продолжают широко употребляться. Примечательно, что в МАС *как-то* характеризуется как употребляющееся в значении частицы с разго-

ворным [!] оттенком: «4. в знач. частицы. Разг. Употребляется перед перечислением, раскрывающим и уточняющим смысл обобщающего слова, означает а именно, например» [МАС II: 20].

К наречиям-функтивам примыкают союзы *по*, *у*, а также предлог *против*, использовавшиеся в одном из своих значений только в канцелярской сфере:

ЗА <...> 10. с твор. п. Употр. при обознач. причины (канц.). За молодостью лет. За отсутствием улик. За истечением срока. За ненужностью [ТСРЯ I: 882].

У <...> 1. Употр. при обозначении места, предмета, в близком расстоянии от которого кто-что-н. находится, что-н. происходит, в знач. возле, совсем около. ... || В составе составного сказуемого, или определения, употр. при обозначении занятия, участия в чем-н. путем указания на место или род занятия, участия, в знач. за, при. ... У приема прошений (о роде занятия канцеляриста; канц. устар.) [ТСРЯ IV: 853–854].

ПРОТИВ <...> 4. По чему-н., в соответствии с чем-н., на основании чего-н., согласно с чем-н. (канц. и устар.). Платежи п. заявлений. Каждому п. силы его. Переписано с точностью п. подлинника [ТСРЯ III: 1022].

Если предлоги *у*, *против*, отмеченные в ТСРЯ как принадлежность старого канцелярского слога, вскоре полностью исчезли, то предлог *за* в сочетании с ограниченным кругом существительных продолжает широко употребляться не только в канцелярской речи (например, *за отсутствием состава преступления*), но и за ее пределами:

За молодостью лет он не успел много прочитать, но успел понять главное (А. Н. Толстой, *Хождение по мукам* [НКРЯ]); *За отсутствием диагностической техники им приходилось подробно описывать все, что происходило в их страдающих телах* (Е. Водолазкин, *Лавр* [НКРЯ]).

К служебной лексике по признаку номинативной несамостоятельности примыкают местоимения *каков*, *кой*, *оний*, которые в одном из своих значений характеризуются в ТСРЯ как канцеляризмы:

КАКОВ <...> 5. только мн. При перечислении, когда указываются примеры чего-н. выдающегося по качеству в знач. а именно, например, как-то (канц. устар.). К числу наиболее замечательных писателей натуральной школы, *каковы*: Григоро-

вич, Панаев, Некрасов, надо отнести и Гребенку [ТСРЯ I: 1287–1288].

КОЙ <...> 2. относит. Который (книжн. устар. и канц., употребление см. § 73). Раздельный акт, в коем с точностью определяется, какие угоды его двум дочерям представляются. Тургенев [ТСРЯ I: 1395].

О'НЬИЙ <...> 2. Вышеупомянутый (канц. устар.). Оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге. Пушкин [ТСРЯ II: 809].

Перечисленные канцеляризмы могли встречаться и в других стилистических контекстах, например:

*Успех даже таких под счастливой звездой родившихся предприятий, **каковы** были «Знание» или «Шиповник», в конце концов оказывался непрочен* (В. Ходасевич, О меценатах [НКРЯ]); *В пыли пролетали, бряцая цепями, грузовики, на платформах **коих**, на мешках, раскинувшись животами кверху, лежали какие-то мужчины* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита [НКРЯ]).

Примечательно, что в этом списке нет указательного местоимения *сей*, которое к этому моменту оставалось активным элементом письменной речи. В словаре Ушакова слово *сей* сопровождалось пометами «книжн. устар., ритор., офиц., теперь ирон.» [ТСРЯ IV: 128]. Яркий пример канцелярского употребления местоимения *сей* представлен в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»:

***Сим** удостоверяю, что предъявитель **сего**, Николай Иванович, провел упомянутую ночь на балу у сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства... поставь, Гелла, скобку! В скобке пиши «боров». Подпись — Бегемот* [НКРЯ].

Генетические и стилистические слабянизмы, эти местоимения вошли в деловую речь в петровскую эпоху [Майоров 2009], выполняя до Октябрьской революции 1917 г. стилиобразующую функцию в документной коммуникации. На неуместность их употребления в новую эпоху указывал П. В. Верховской [Верховской 1930: 189–192]. Так, о местоимении *кой*, включенном им в перечень «устаревших слов и выражений, которых следует избегать в современной деловой речи», он писал: «Это слово получило весьма широкое употребле-

ление в речах советских деятелей (Ленин и др.), в газетном языке и даже в научных сочинениях. Оно встречается даже у таких авторов, которые сами пишут о культуре языка (Винокур, Культура языка, стр. 110). В письменной деловой речи *кои*, *коему*, *кого* встречаются очень часто» [Там же: 189].

Архаичность, «консервативность» слов с несамостоятельным номинативным значением (*как-то*, *кой*, *против*, *оний* и др.) задает деловому тексту жесткую стилистическую рамку, в том числе сразу отсекающую его «личностное» начало [Руднев, Садова 2020]: «живой» человек эти слова не употребляет, адресат такого текста хорошо ощущает, что вступает в диалог не с отдельным человеком, автором текста, но, прежде всего, с функцией государства.

Выводы

Историко-теоретическое осмысление лексикографической работы – отдельная многоаспектная область русистики, в которой исследование научной обоснованности включения определенных помет – имеет свою, вполне самостоятельную и познавательную логику.

Стилистические пометы в словаре конкретной эпохи позволяют выделять из общего словника отдельные речевые системы, чтобы изучать их целостную организацию в самых разнообразных аспектах: генезис маркированной лексики, причины и способы образования значений слов, характерных для той или иной подсистемы, связь с другими подсистемами, частеречное распределение и др.

Лексика с пометой «канц.» в словаре Ушакова демонстрирует активность метонимических механизмов при ее образовании, влияние принципа экономии речевых усилий, связь, с одной стороны, с книжной культурой с последующим выпадением лексемы из общего книжного языка и архаизацией в канцелярской речи, с другой стороны, с разговорной речью (см., напр.: [Ожегов 1974: 34]).

Помета «канц.» в ее содержательно-прагматическом значении, как представляется, ясно демонстрирует эволюцию отчуждения человека от деловой (документной) сферы, в которой текст все более и более становится обезличенным.

Источники

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 28.09.2023).

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. – М. : Изд-во АН СССР, 1948–1963.

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Русский язык, 2003.

Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Наука, 1957–1961.

Ожегов – Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Наука, 1990. – 915 с.

САР – Словарь Академии Российской : в 6 т. – СПб. : В Императорской Академии Наук, 1789–1794.

Литература

Багрянцева, Г. И. Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопроизводства) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Багрянцева. – М. : МГУ, 1986. – 24 с.

Булыгина, Е. Ю. Язык советской эпохи: истоки, традиции, современное восприятие / Е. Ю. Булыгина, Г. М. Васильева, Р. И. Воронцов, А. И. Дунев. – СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 264 с.

Верховской, П. В. Письменная деловая речь. Словарь, синтаксис и стиль. Разбор бюрократических шаблонов и нарушений грамматики в языке документов / П. В. Верховской. – М. : Техника управления, 1930. – 216 с.

Виноградов, В. В. Толковые словари русского языка / В. В. Виноградов // Виноградов, В. В. Избр. труды: в 3 т. Т. III. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 206–242.

Зеленин, А. В. История предлогов со значением соответствия в русском языке / А. В. Зеленин, Д. В. Руднев // Русский язык в научном освещении. – 2016. – № 2 (32). – С. 91–114.

Как пользоваться словарем // Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935. – Стб. XXI–LXXXVI.

Круглов, В. М. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / В. М. Круглов, В. В. Истратий, Д. Р. Гамирова, Е. Д. Каплан. – СПб. : Нестор-История, 2015. – 442 с.

Логинова, К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху / К. А. Логинова // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М. : Наука, 1968. – С. 186–230.

Майоров, А. П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века / А. П. Майоров // Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 29–36.

Макарова, Е. А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении / Е. А. Макарова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2. – С. 184–190.

Нефёдов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи / И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 8–13.

Ожегов, С. И. Основные черты развития русского языка в советскую эпоху / С. И. Ожегов // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Высшая школа, 1974. – С. 20–36.

От редакции // Толковый словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935. – С. [1–4].

Руднев, Д. В. Субъект современной деловой речи: кто он? / Д. В. Руднев, Т. С. Садова // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2020. – Т. 2 (2). – С. 186–192.

Садова, Т. С. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект / Т. С. Садова, Д. В. Руднев // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2020. – Т. 42, № 5. – С. 8–14.

Сологуб, О. П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект : дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Сологуб. – Кемерово : КемГУ, 2009. – 402 с.

References

Bagryantseva, G. I. (1986). *Filologicheskii analiz dokumental'nogo teksta (na materiale sluzhebnoi perepiski perioda kollegial'nogo deloproizvodstva)* [Philological Analysis of a Documentary Text (Based on Official Correspondence from the Period of Collegial Office Work)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, MSU. 24 p.

Bulygina, E. Yu., Vasil'eva, G. M., Vorontsov, R. I., Dunev, A. I. (2018). *Yazyk sovetskoi epokhi: istoki, traditsii, sovremennoe vospriyatie* [The Language of the Soviet Era: Origins, Traditions, Modern Perception]. Saint Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena. 264 p.

From the editor (1935). In Ushakov, D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, OGIz, pp. [1–4].

How to use a dictionary (1935). In Ushakov, D. N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, OGIz, cols. XXI–LXXVI.

Kruglov, V. M., Istratii, V. V., Gamirova, D. R., Kaplan, E. D. (2015). *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka* [Standard-Stylistic Notes in Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya. 442 p.

Loginova, K. A. (1968). *Delovaya rech' i eyo stilisticheskie izmeneniya v sovetskuyu epokhu* [Business Speech and Its Stylistic Changes in the Soviet Era]. In *Razvitie funktsional'nykh stilei sovremennoogo russkogo yazyka* [Development of Functional Styles of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka, pp. 186–230.

Maivorov, A. P. (2009). *Slavyanizmy v delovom yazyke 1-i poloviny XVIII veka* [Slavonicisms in the Business Language of the 1st Half of the 18th Century]. In *Filologicheskie nauki*. No 4, pp. 29–36.

Makarova, E. A. (2011). *Semantika kachestvennykh i otnositel'nykh prilagate'nykh v kognitivnom osveshchenii* [Semantics of Qualitative and Relative Adjectives in Cognitive Aspect]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No 2, pp. 184–190.

Nefyodov, I. V., Nefyodova, T. P. (2013). *Otazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetskoi epokhi* [The Reflection of the Russian Language Lexis Systemacy in the First Monolingual Explanatory Dictionary of the Soviet Epoch]. In *Mir russkogo slova*. No 1, pp. 8–13.

Ozhegov, S. I. (1974). *Osnovnye cherty razvitiya russkogo yazyka v sovetskuyu epokhu* [Main Features of the Development of the Russian Language in the Soviet Era]. In Ozhegov, S. I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi*. Moscow, Vysshaya shkola, pp. 20–36.

Rudnev, D. V., Sadova, T. S. (2020). *Sub'ekt sovremennoi delovoi rechi: kto on?* [The Subject of Modern Official Russian: Who is He/She?]. In *Journal of Applied Linguistics and Lexicography*. Vol. 2 (2), pp. 186–192.

Sadova, T. S., Rudnev, D. V. (2020). *Iz istorii russkikh prositel'nykh zhanrov: lingvisticheskiy aspekt* [From the History of Russian Petitioning Genres: the Linguistic Aspect]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 42. No 5, pp. 8–14.

Sologub, O. P. (2009). *Sovremennyyi russkii ofitsial'no-delovoi tekst: funktsional'no-geneticheskiy aspekt* [Modern Russian Official Business Text: Functional-Genetic Aspect]. Dis. ... doctora filol. nauk. Kemerovo, KemGU. 402 p.

Verkhovskoi, P. V. (1930). *Pis'mennaya delovaya rech'. Slovar', sintaksis i stil'. Razbor byurokraticheskikh shablonov i narushenii grammatiki v yazyke dokumentov* [Written Business Speech. Vocabulary, Syntax and Style. Analysis of Bureaucratic Cliche and Violations of Grammar in the Language of Documents]. Moscow, Tekhnika upravleniya. 216 p.

Vinogradov, V. V. (1977). *Tolkovye slovari russkogo yazyka* [Explanatory Dictionaries of the Russian Language]. In Vinogradov, V. V. *Izbrannye trudy v 3 tomakh* [Selected Works in 3 Volumes]. Vol. 3. Moscow, Nauka, pp. 206–242.

Zelenin, A. V., Rudnev, D. V. (2016). *Istoriya predlogov so znacheniem sootvetstviya v russkom yazyke* [The History of Prepositions of Conformity in Russian]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 2 (32), pp. 91–114.

Данные об авторах

Садова Татьяна Семеновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11.

E-mail: tatsad_90@mail.ru.

Руднев Дмитрий Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, В.О., 1-ая Линия, 52.

E-mail: rudnevd@mail.ru.

Authors' information

Sadova Tatyana Semenovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Russian Language, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia).

Rudnev Dmitry Vladimirovich – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 29.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 29.09.2023; date of publication: 30.12.2023

**ФЕМИНИТИВЫ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Д. Н. УШАКОВА****Щербакова Н. Н.**

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-7242-8723>

SPIN-код: 6355-3510

А н н о т а ц и я. В статье дан анализ структурно-семантических и стилистических особенностей феминитивов, зафиксированных в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить принципы отбора новых слов, возникших в русском языке начала XX века. Полученный методом сплошной выборки языковой материал был проанализирован с учетом их деривационных и семантических особенностей. В результате анализа было установлено, что пополнение группы феминитивов в начале XX века осуществляется за счёт новообразований, связанных с профессиональной и общественной деятельностью женщины за счет преимущественного использования исконно русских словообразовательных средств. Такое словообразовательное значение, как «жена лица, названного мотивирующей основой» у неологизмов не зарегистрировано. Анализ судьбы некоторых феминитивов показывает, что словообразовательная структура слова серьёзно влияет на его судьбу в литературном языке. Эта тенденция действует и в русском языке начала XXI века, однако в словообразовательной структуре современных феминитивов наблюдается ещё и тенденция к сокращению количества суффиксальных морфем, которые используются для создания феминитивной лексики: носители языка стремятся создавать феминитивы при помощи единственной морфемы – суффикса *-к(а)*. Широкая система помет, сопровождающих в словаре лексику, называющую женщин, показывает, что в начале XX века категория феминитивности не столько активизируется, сколько формируется. Анализ структурно-семантических и стилистических особенностей и системы помет свидетельствует о том, что критериями отбора лексики для словаря стали количественные и качественные показатели употребления слова в языке эпохи. Количественные связаны с частотностью употребления слова, а качественные – с соблюдением литературной нормы. Эти ориентиры позволили составителям словаря избежать включения в его состав заведомо неудачных образований.

Ключевые слова: толковый словарь; феминитивы; морфемная деривация; словообразовательная структура; помета

Для цитирования: Щербакова, Н. Н. Феминитивы в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова / Н. Н. Щербакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 165–177. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-165-177.

**FEMINITIVES IN THE “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE”
EDITED BY D. N. USHAKOV****Natalia N. Shcherbakova**

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0008-7242-8723>

Abstract. The article analyzes the structural, semantic and stylistic features of the feminitives recorded in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov. The aim of the study is to identify the principles of selection of new words that emerged in the Russian language in the early 20th century. The language material obtained via the continuous sampling method is analyzed taking into account the derivational and semantic features. It has been found as a result of the analysis that the replenishment of the group of feminitives in the early 20th century is carried out by way of neoderivation associated with the professional and social activity of women due to the predominant use of the native Russian word-forming means. Such a word-forming meaning as “the wife of the person named by the motivating stem” has not been registered among neologisms. The analysis of the historical development of some feminitives shows that the word-forming structure of a word seriously affects its usage in the literary language. This trend is also valid in the Russian language of the early 21st century, however, in the word-forming structure of modern feminitives, there is also a tendency to reduce the

number of suffixal morphemes that are used to create feminitive vocabulary: native speakers tend to produce feminitives using a single morpheme – the suffix *-k(a)*. A wide system of notes accompanying the words nominating women in the dictionary shows that at the beginning of the 20th century, the category of feminitives was more likely to be formed than activated. The analysis of the structural, semantic and stylistic features and the system of notes indicates that the criteria for the selection of vocabulary for the dictionary include quantitative and qualitative indicators of the word usage in the language of that time. Quantitative indicators are related to the frequency of the word usage, and qualitative ones are associated with compliance with the literary norm. These benchmarks allowed the authors of the dictionary to avoid the inclusion of saliently unsuccessful formations.

Keywords: explanatory dictionary; feminitives; morphemic derivation; word-formation structure; dictionary note

For citation: Shcherbakova, N. N. (2023). Feminitives in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 165–177. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-165-177.

Введение

Время доказало, что «Толковый словарь русского языка», созданный коллективом ученых под редакцией Д. Н. Ушакова стал, по справедливому утверждению исследователей этого легендарного лексикографического источника, бесспорным шедевром, хотя, как известно, он создавался в очень непростое время, все тяготы которого пришлось испытать и создателям словаря, выдержавшим не просто критику показанных в данном лексикографическом источнике подходов, но и откровенную клевету со стороны весьма влиятельных научных и политических кругов. С одной стороны, авторов критиковали за наличие в словнике элементов жаргонных и просторечных элементов, а с другой – за то, что он слабо отражает лексику революционной эпохи [Левашов 1998; Никитин 2004; Никитин 2006; Никитин 2012; Никитин 2016а; Никитин 2016б]. К счастью, редактору словаря, проявившему верность подлинным научным ценностям, удалось отстоять позиции научного коллектива, а в результате русская лексикография пополнилась источником, важность которого трудно переоценить.

Особую актуальность для современного исследователя русского языка этот ценный лексикографический источник имеет по многим причинам, среди которых выделим создание словаря в переломный период жизни российского общества, что потребовало не только фиксации новых слов, но и тщательного отбора и квалификации языкового материала эпохи. Словарь, изданный во второй половине 30-х годов XX столетия, стал первым серьезным изданием, отразившим через лексику те изменения,

которые произошли в общественной жизни страны. Одним из важнейших изменений стало активное вовлечение женщины в общественную деятельность и трудовую жизнь страны. Проводимый в стране курс на обеспечение подлинного равноправия женщины, естественно, отразился в появлении целого пласта новых слов, которые относятся к лексике, получившей в современной лингвистике название *феминитивы* или *феминативы* [Баданина 2017; Беркутова 2018; Лаппо, Малиновская 2020; Лебедева 2023]. Нельзя сказать, чтобы данная группа слов не вызывала интереса исследователей до XXI столетия. Так, создатели «Русской грамматики», описывая словообразовательную систему русского языка, выделяют особые существительные с модификационным значением женскости, однако в эту группу включены весьма разнородные по семантическим характеристикам лексемы: «Модификационным значением женскости обладают: а) существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными женского рода со значением лица; слова этой группы могут иметь также значение «жена лица, названного мотивирующим словом»; б) названия самок животных, мотивированные названиями животных» [Русская грамматика 1980 т. 1: 200]. Термин *феминитив* имеет более узкое содержание, включая в состав только первую из указанных выше групп, т. е. это наименования лиц женского пола, образованные при помощи суффиксальных морфем от наименований лиц мужского пола. Однако состав феминитивов не ограничивается суффиксальными дериватами, поскольку «феминитивы – это любые слова, обозначающие

женщин, в том числе и производные, образованные от мужского коррелята» [Шкалик, Нагорная 2022: 71]. Данное определение демонстрирует необходимость введения особого термина для указанной группы слов, поскольку она объединяет в составе и производную, и непроизводную лексику.

Отметим, что интерес к исследованию феминитивов вызван спецификой современной языковой ситуации, демонстрирующей запрос общества на их развитие. В фундаментальном исследовании феминитивной лексики, предпринятом Р. Р. Гузаевой, категория феминитивности обоснованно увязывается с понятием языкового сознания коллектива: «Вторичность производных наименований лиц женского пола определяет их маркированность и общую стилистическую сниженность по отношению к номинациям лиц мужского пола. Однако эмоциональная оценка коррелятов в первую очередь зависит от коммуникативно-прагматических условий, в которых они функционируют. В современном медиапространстве феминитивы стали инструментом социального регулирования языка, попыткой влиять на языковое сознание: всплеск продуктивности средств категории феминитивности связан с намеренной репрезентацией женщин в лингвокоммуникативной сфере» [Гузаева 2021: 6]. Ис этим выводом невозможно не согласиться, наблюдая за повышенным интересом общества к данным образованиям и к их использованию в речевой практике.

Обращение к истории развития данной группы слов позволяет увидеть, что она начинает активно пополняться в те исторические эпохи, когда актуализируется вопрос о положении женщины в обществе [Васильева 2016; Захарчук 2021]. При этом на первом этапе наблюдается некоторая неразборчивость в выборе языковых средств без учёта их ассоциативного и стилистического потенциала. Например, анализируя феминитивы, зафиксированные в средствах массовой информации после 1917 года, Н. А. Янко-Триницкая отмечает: «Так велика была потребность в желании назвать утверждающую себя как полноправного гражданина женщину отдельным словом, что оживает и активизируется даже такой суффикс, как *-их(а)*, и с его по-

мощью возникают некоторые слова (которые позже были заменены более удачными, либо утратились без всякого ущерба для языка), например: *наробразиха, завнаробразиха, старшиха, сыпариха, токариха, члениха, шкрабиха, шпиониха* и т. п.» [Янко-Триницкая 1966: 180-181].

В современном русском языке мы также наблюдаем активизацию образования феминитивной лексики. Очевидно, что это явление связано не со стремлением раскрепостить женщину и сделать её полноправным членом общества – эти цели обществом в целом достигнуты, однако тема гендерного равенства определяется теперь иначе: «это важный инструмент репрезентации женщин как референтной группы в условиях окружающей информационной среды. Возросший интерес социолингвистов к изучению гендерной проблематики, дискуссионность образования и употребления феминитивов в медиапространстве являются закономерным итогом усилившейся роли женщины в жизни общества» [Гузаева 2021: 3]. Однако конкретное воплощение этой репрезентации вызывает реакцию бурного (и небеспочвенного) негодования, поскольку такие новообразования, как *архитекторка, блогерка, водителька, мастерка, профессорка* представляются многим носителям русского литературного языка эстетически неуклюжими, а такие, как *водолазка* (женщина-водолаз) или *машинистка* (женщина-машинист), создают нежелательную омонимию с уже имеющимися в языке словами. Очевидно, что не все новые наименования удачны и не все пройдут проверку временем, но сам факт их появления вызывает необходимость их исследования, а кроме того, есть вопросы по поводу их лексикографического описания: стоит ли, например, включать их в словари, и каковы должны быть критерии их отбора. Примечательным представляется заголовок одной из статей, размещенных в независимом интернет-ресурсе «Нож», который заявляет о себе как интеллектуальный журнал о культуре и обществе – «Профессор МГУ предложил не вносить феминитивы в словари ещё 40 лет»¹. Этот

¹ Аскарян А. Профессор МГУ предложил не вносить феминитивы в словари ещё 40 лет // Нож. URL: <https://knife.media/>.

же интернет-ресурс предлагает своеобразное «оружие для поединка» юмористического характера – ссылку на генератор феминитивов под названием «Феминизатор», поскольку, по мнению автора публикации, спор о нужности / ненужности данных образований будет длиться вечно. С этим мнением, кстати, можно только согласиться: существующая в официально-деловом стиле русского языка традиция называть профессии и должности словами мужского рода вряд ли изменится в ближайшем будущем, а именно она создает почву для подобных споров. Парадокс ситуации заключается в том, что борьба за равноправие женщины в профессиональной сфере обернулась на языковом материале не стремлением к унификации наименований, а к сохранению у них гендерной специфики.

Современная ситуация с феминитивами, таким образом, отчасти сходна с той, в которой оказались и создатели нового «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, поэтому опыт работы с языковыми новообразованиями, предложенный ими, безусловно, полезен и для современных создателей словарей, в связи с чем данный лексикографический источник представляет собой актуальный объект для исследования. Выявление принципов отбора феминитивов на основе анализа их структурно-семантических особенностей, а также сопровождающих помет, дающих представление о стилистическом статусе данной лексики, стало целью данной работы. В качестве материала для исследования использовались только производные феминитивы, извлеченные методом сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [ТСРЯ]. Уточним также, что для анализа использовались главным образом феминитивы, характеризующие сферу деятельности женщины: профессию, должность, род занятий. Слова, называющие женщину по особенностям характера, поведения типа *брезгливица*, *грубиянка*, *интриганка*, *плутовка*, *сварливица*, *смутьянка*, *упрямица*, *умница*, *хамка*, *ябедница* и под. анализу в данной статье не подвергались. Поскольку эффективность критериев отбора отчасти может быть проверена жизнеспособностью лексики, использовалось также сравнение лексического значения и стилистической

характеристики единиц, зафиксированных в ТСРЯ и в более поздних лексикографических источниках. Помимо этого, в некоторых случаях использовалось сравнение с материалами современной прессы и художественной литературы, зафиксированными в «Национальном корпусе русского языка» [НКРЯ].

Система помет в ТСРЯ как отражение критериев отбора феминитивов в словник

Разумеется, словарь содержит группу феминитивов, которые не имеют никаких помет, эти слова являются стилистически нейтральными и обозначают устоявшиеся в языке названия женских профессий, например: *актриса*, *бандажистка*, *банщица*, *бараночница*, *баשמачница*, *бегунья*, *булочница*, *буфетчица*, *вафельщица*, *валяльщица*, *весовщица*, *воспитательница*, *издательница*, *переплётчица*, *пирожница*, *повариха*, *проводница*, *продащица*, *скорнячка*, *словесница*, *скотница*, *студентка*, *телятница*, *ткачиха*, *торговка*, *учительница*, *укротительница*, *фокусница*, *шёлкомотальщица*, *чертёжница*, *эсперантистка* и др.

В то же время большая часть феминитивов всё же сопровождается различными пометами, которые отражают критерии отбора лексики в словник.

Говоря о задачах и объёме словаря, авторы предупреждают, что не ставят задачей отражения в нём всех её территориальных или исторических лексических единиц и чётко устанавливают границы и критерии отбора лексем для лексикографического источника: «Он даст объяснение значений слов современного русского литературного языка, причём под литературным языком понимается не собственно язык художественной литературы, но вообще книжная и разговорная речь образованных людей» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. Таким образом авторами обозначен первый (и главный) критерий отбора словника в целом, в т. ч. и для отбора феминитивов – опора на языковой вкус образованного сообщества. В связи с поставленной задачей авторы исключают из словника «слова, представляющие собой или плод изобретения авторов в поэтическом языке..., или плод скороспелого сочинительства при неумении общепринятыми словами и сочетаниями их выразить свою мысль» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. В данном высказыва-

нии отражён не только указанный выше эстетический критерий, но и критерий употребительности слова в общем языке.

Кроме того, в предисловии к словарю авторы заявляют о том, что не все единицы получили в нём отражение: «выпущены многие такие слова, которые легко образуются и легко понимаются» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXI]. В связи с этой установкой можно сделать вывод об особом положении феминитивов, поскольку они подаются в отдельных словарных статьях и толкуются путем отсылочного способа: *анархистка* – «женск. к анархист», *виолончелистка* – «женск. к виолончелист», *певица* – «женск. к певец в 1 знач.», *сборщица* – «женск. к сборщик», *шахматистка* – «женск. к шахматист» и т. д.

Одним из заявленных авторами словаря подходов к дифференциации лексики стала «попытка установить границы употребления слов. С этой целью введена целая система помет» [ТСРЯ 1935, т. 1: XXV]. Одной из них является помета *спец.*, которая используется при характеристике целой группы слов, называющих женщину в связи с её профессиональной деятельностью: *багетчица, библиотекариша, вальцовщица, ватерщица, корсажница, мойщица, разметчица, размотчица, самокладчица, смазчица, смотчица, станочница, трикотажница, укладчица, эквилибристка* и т. д.

При этом в анализируемом лексикографическом источнике для характеристики сферы использования слов, называющих женщину по профессии, используется широкая система помет, которые свидетельствуют о том, что в русском языке первой половины XX столетия категория феминитивности не столько активизируется, сколько формируется. Понятно, что этот процесс подпитывается законами языковой системы, в которой лексические гендерные пары – привычное явление для таких подсистем, как диалекты и просторечие, но литературный язык требует отбора и обоснованного включения слова в лексическую систему. Видимо, с этим связана детализация помет, которые сопровождают наименования женщин в связи с их профессией, интересами или родом деятельности. Авторы словаря указывают, что в нём сознательно не даются узкоспециальные термины. Исключение сделано для тех слов, которые характеризуются широ-

ким проникновением в советскую печать. Указанные соображения увязываются авторами словаря прежде всего с терминами, однако сказанное можно отнести и к феминитивам, которые в тексте словаря обнаруживают такие дифференцирующие пометы, как, например: *горн. (проходчица), искус. (экспрессионистка – «художница, сторонница экспрессионизма»), религ. (баптистка), муз. (арфистка), спорт. (баскетболистка, конькобежица, лыжница, пловчиха), театр. (бенефициантка), тип. (брошюровщица), с.-х. (веяльщица), право (заклѳенная, наследница), церк. (великомученица).*

Как правило, описанная выше характеристика феминитива по сфере употребления наследуется от мотивирующей основы, однако есть и случаи, когда такого совпадения характеристик у слов мужского и женского рода не наблюдается. Так, у существительного *посудник* в значении «рабочий, моющий посуду в буфете, в кухне» есть помета *спец.*, тогда как у феминитива *посудница* мы наблюдаем другую помету – *обл.*, свидетельствующую об отнесении слова к территориально ограниченной лексике. Что же касается феминитива *посудомойка*, которое сейчас используется для обозначения этой должности, то в словаре оно не зафиксировано вовсе, что для современного человека удивительно: ведь именно женщины сейчас обычно занимают эту должность, хотя намечается тенденция к размыванию традиционной гендерной специфики в сфере услуг [Аликина 2021]. Подобные случаи позволяют увидеть смену гендерных приоритетов в выборе некоторых профессий, а кроме того, они обнаруживают и некоторые тенденции в судьбе конкретных феминитивов. В словаре, например, не зафиксировано слова *надомница* при наличии слова *надомник* с пометой *спец.* Для языка эпохи характерна другая пара слов, называющих тех, кто работает на дому: *квартирник – квартирница*, оба они сопровождаются пометой *экон.* Прошедшие с момента выхода словаря Ушакова десятилетия показали, что слово с более яркой внутренней формой оказалось предпочтительным.

Обратимся к анализу помет, определяющих характеристику употребления слова в устной и письменной речи. В словаре они весьма разнообразны. Из помет,

характеризующих феминитивы устной речи, в исследованном материале обнаружены такие, как *разг.*, *простореч.*, *обл.* Феминитивы при этом могут наследовать окраску мотивирующей основы. Так, например, разговорными являются оба слова в парах *балетчик – балетчица* – «балерина», *билетёр – билетёрша*, *естественник – «специалист по естественным наукам» – естественница*, *законник – «искусный толкователь законов» – законница*; в парах *пустынник – «отшельник» – пустынноца*, *соотечественник – соотечественница*, *тунядец – тунядка* все слова обозначены в словаре как книжные. Однако нередко в таких случаях производные существительные получают сниженную окраску в отличие от тех слов, от основы которых образованы. Ср., например: *доктор – докторица* (*простореч.*), *маляр – маляриха* (*разг.*), *мельник – мельничиха*, (*обл.*), *председатель – председательница* (*разг.*), *старостиха – старостица* (*простореч.*), *художник – художница* (*разг.*).

Интересно, что у феминитивов, имеющих 2 значения, одно из которых называет женщину по профессии, а второе имеет словообразовательное значение «жена лица, названного мотивирующей основой», стилистическая окраска первого значения, может не совпадать. Так, слово *сторожиха* в значении «жена сторожа» не имеет стилистической пометы, тогда как в значении «женщина-сторож» обозначено как разговорное. У существительного *огородница*, наоборот, «жена огородника» имеет стилистическую помету *разг.*, а обозначение рода занятия обозначено как нейтральное.

Особого внимания требуют пометы, характеризующие время употребления слова в языке. В словаре зафиксированы устаревшие феминитивы, использующиеся в русской классической литературе, для обозначения которых используется пометы *устар.* и *истор.*: *полячка, трудница* – «трудолюбивая», *посадница, нахлебница, помазанница, колодница* – «арестантка», *узница, союзница, чемпионесса* – женск. к *чемпион*, *догаресса* – «жена дожа» и др.

Особого внимания заслуживает использование пометы *дореволюц.*: в предисловии к словарю она включена в раздел «Пометы к словам, обозначающим предметы и понятия чуждого быта» [ТСРЯ 1935, т.

1: XXVII- XXVIII], в который включена также помет *загр.* Из этого следует, что данная помета обозначает не столько устаревание слова, сколько отказ от него в силу политических соображений, тем более что такие слова как *баронесса, виконтесса, кронпринцесса, принцесса, самодержица* и подобные невозможно было назвать устаревшими в силу их использования в европейских государствах, окружавших СССР. Некоторые из этих слов отвергаются по причине их использования для негативной характеристики человека: (*жидовка*), осуждаемых в послереволюционном обществе обрядов (*сваха*) или по морально-этическим соображениям (*метресса* – «в буржуазно-дворянском быту – любовница»).

Одно из подобных слов – *чиновница* – зафиксировано в словаре в значении «жена чиновника» и сопровождается пометами *дореволюц. загр.* [ТСРЯ 1940, т. 4: 1277]. Это значение сохраняется у слова и сейчас, однако в последние годы у данного существительного явно сформировалось новое значение – «женщина-чиновник», которое активно используется в современных средствах массовой информации. Приведём примеры его использования, отраженные в газетном подкорпусе НКРЯ:

Чтобы привлечь молодых специалистов в сфере спорта в малые города и села, нужно помочь им с жильем, а именно – ввести единовременную денежную выплату на покупку квартиры или погашение ипотеки. Об этом на третьем Евразийском женском форуме 13 октября сказала министр спорта Калининградской области, пятикратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию Наталья Ищенко. По словам чиновницы, очень важно, чтобы молодые люди видели для себя такие перспективы в спорте [На Евразийском женском форуме призвали ввести выплату молодым тренерам для покупки жилья // Парламентская газета, 2021.10.13];

Одна из высокопоставленных чиновниц в Евросоюзе заявила журналистам, что альянс считает, что соглашение сделает китайский рынок более доступным и предсказуемым для европейских компаний. [ЕС и КНР завершили переговоры по инвестиционному соглашению // Известия, 2020.12.30].

Появление нового значения у данного существительного обусловлено системной организацией группы феминитивов, среди

которых немало полисемантических единиц, которые имеют именно эти 2 значения.

Сравнение материалов ТСРЯ и современной речевой практики показывает также примеры возвращения некогда устаревших слов в активный запас языка с новым значением. Например, у существительного *директриса* в словаре зафиксировано значение «начальница женского учебного заведения», сопровождающееся пометой *древолуц.*, свидетельствующей о том, что во времена создания словаря оно воспринималось как историзм. В толковых словарях более позднего времени, в частности в четырёхтомном «Словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой» (далее – СлРЯ) обнаруживаем это слово в качестве стилистически сниженного (разговорного) феминитива к слову *директор* [СлРЯ, т. 1: 401].

Фиксируется в словаре также группа феминитивов, возникшая в языке не ранее 1914 года. Эти существительные сопровождаются пометой *нов.*: *антирелигиозница*, *беднячка*, *внешкольница* – женск. к *внешкольник* («педагог-специалист по внешкольному образованию»), *дошкольница*, *колхозница*, *среднячка* («крестьянка-единоличница»), *общественница* («активная участница общественной жизни»), *пловчиха*, *саботажница*, *ударница*, *частница*, *швейница* и т. д. Решение ввести особую помету для подобных новообразований представляется удачным лексикографическим решением. Эти слова характеризовались частотностью употребления в период работы над словарем, их невозможно было не зафиксировать, но в то же время сложно было в первоначальный период их вхождения в язык говорить, например, о их стилистическом статусе и о перспективах удержаться в течение длительного времени, однако сам факт их включения в словарь свидетельствует о невероятной языковой интуиции составителей: все указанные выше слова, за исключением существительного *среднячка*, фиксируются в словарях, изданных во второй половине XX столетия, в частности, в СлРЯ, причем все они зафиксированы без ограничительных стилистических помет.

Обращение к истории некоторых из этих слов позволяет обнаружить довольно любопытные явления. Так, например, в словаре обнаруживается феминитив *швейница* (нов.) – «работница швейной про-

мышленности». Отметим, что в словаре приведён целый ряд слов, называющих женщину, основное занятие которой – швейное дело, из них 2 даны с пометой *устар.*: *портниха*, *швея* (*устар.*), *швейка* (*разг. устар.*). Как уже было отмечено выше, прошедшее после выхода словаря время показало, что устаревание слова вовсе не отменяет его возможности вернуться в активный словарный состав языка, как это случилось и с существительным *швея*. Интересно, что словарная статья содержит пример явно нового его употребления – *швея-мотористка* [ТСРЯ 1940, т. 4: 1328]. Выбор примера вряд ли можно считать случайным, по-видимому, это также было одно из частотных его употреблений и именно приложение *мотористка* способствовало тому, что слово *швея* не считается сейчас устаревшим [СлРЯ, т. 4: 706]. Сохранилось также стилистически нейтральное существительное *швейница* [СлРЯ, т. 4: 706], однако, судя по данным НКРЯ, оно гораздо реже используется в современной речевой практике по сравнению со словом *швея*. Так, основной подкорпус НКРЯ даёт лишь 1 пример со словом *швейница*, а газетный подкорпус не даёт вообще ни одного примера, тогда как для существительного *швея* обнаруживаются 207 и 359 примеров употребления соответственно. И это при том, что оба подкорпуса демонстрируют паритет в употреблении слова *швейник* (48 и 62 примера соответственно) [НКРЯ]. Очевидно, что феминитив *швейница* постепенно уходит из активной речевой практики, тогда как *швея* активно используется.

Обращение к группе феминитивной лексики позволяет увидеть ещё одно несомненное достоинство словаря, который является достоверным свидетельством связи языка эпохи с жизнью народа, причем это касается не только зафиксированных единиц, но и тех слов, которые, на первый взгляд, могли бы быть включены в словарь. Так, в словаре обнаруживаются слова *электросварщик*, *водолаз* и *машинист*, но таких производных от них, как *электросварщица*, *водолазка* (женщина-водолаз) или *машинистка* (женщина-машинист) нет. На первый взгляд кажется, что этот факт – следствие аккуратности и взвешенности, проявленными создателями словаря в отборе слов и желание избежать омонимии с об-

разования типа *машинистка* (секретарь) и *водолазка* (тонкий свитер с высоким воротником). Однако в этой ситуации, скорее всего, «виновата» не столько омонимия, сколько отсутствие женщин в этих тяжёлых для них физически профессиях в тот период, когда шла работа над словарём. Обращение к историческим фактам подтверждает этот вывод. Так, первые женщины, которым было доверено водить поезда появились только в 30-х годах XX века¹, а женщины-водолазы – ещё позже, только в годы Великой Отечественной войны². Потенциал языковой системы в принципе не препятствовал возникновению подобного деривата, не случайно мы обнаруживаем его в фантастическом тексте, созданном И. А. Ефремовым в 1956 году:

– *Минуту еще, Мишко! Как же женщины-водолазки? - Художник полюбил водолазку и поселился навсегда среди племени* (Ефремов. Туманность Андромеды) [НКРЯ].

Обращает на себя внимание в данном случае факт первоначального ввода слова в текст как приложения к существительному *женщина*. Это явно сделано автором с целью предотвращения непонимания слова. В дальнейшем тексте оно используется уже самостоятельно.

Словообразовательная специфика феминитивов

Феминитивы известны русскому языку издревле, и в течение столетий выработалась система словообразовательных морфем для их производства, поэтому создателям упомянутого выше «Феминизатора» не нужно было изобретать необходимые деривационные средства. Тем не менее, всякий раз выбор того или иного аффикса сталкивается со спецификой фонетической и лексико-семантической системы русского языка. На морфемном шве могут создаваться нехарактерные для русской языковой системы звуковые сочетания, новое слово может совпасть с уже имеющимся в языке, а кроме того, неудач-

ный выбор суффикса приводит к отнесению слова к такой нелитературной подсистеме русского языка, как просторечие. Всё это требует от создателя словаря не только учёта факта существования слова в языке, частотности его использования в речи, но и умения адекватно оценить деривационные особенности лексической единицы. Анализ словника феминитивов, включённых в «Толковый словарь русского языка», показывает, что эти сложные задачи составители словаря решили блестяще: более 90% интересующих нас образований фиксируются словарями, вышедшими во второй половине XX столетия, что свидетельствует о том, что в лексикографический источник были отобраны жизнеспособные феминитивы. Случайные и откровенно неудачные образования вроде *токариха*, *шкрабиha* или *наробразиha* в словарь не включены вообще.

Некоторые названия весьма распространённых ныне женских профессий представлены в словаре лексико-словообразовательными вариантами, различающимися между собой и в словообразовательном, и в стилистическом отношении. Так, обозначение профессии доярки представлено словами *доильщица* (с.-х) и *доярка* (обл., с.-х.). Спустя почти век после издания словаря на примере этих слов можно констатировать, что у диалектной лексической единицы при благоприятных обстоятельствах есть все шансы стать фактом литературного языка, к тому же стилистически немаркированным. В этом случае, правда, нужно уточнить, что для времени создания словаря существовавшее *доярка* явно не входило в состав группы феминитивной лексики, поскольку обозначало исключительно женскую профессию. Существующее в современном языке обозначение мужчины – *дояр* – в этот период просто отсутствовало, не было и слова *доильщик*. Но словообразовательная модель с использованием суффикса *-к(а)* для формирования феминитива оказалась более продуктивно чем альтернативные. Кроме того, на выбор варианта могло повлиять и то, что в смежной сфере деятельности использовались пары, созданные именно по данной словообразовательной модели: *коровник* – «рабочий, ухаживающий за коровами» – *коровница*, *скотник* – *скотница* и т. д.

¹ Тихомиров В. Женщина, спасшая Москву // Life.ru: Информационный портал Российской Федерации. URL: <https://life.ru/> (дата обращения: 14.10.2016).

² Шайнудинов Д. Легенда аварийно-спасательной службы Военно-морского флота (к 100-летию АСС ВМФ) / Д. Шайнудинов, Е. Тарануха, М. Гапанюк // Морской сборник. 2020. № 9. С. 11–16.

Данные словаря показывают, что словообразовательная структура феминитива – это серьёзный фактор влияния на его судьбу в литературном языке. Так, у некоторых лексических единиц прослеживается зависимость стилистической окраски от указанного фактора. Например, существительное *наследница* стилистически нейтрально, а *сонаследница* относится уже к юридической сфере, т. е. перемещается в разряд книжных слов; *владелица* нейтрально, а *совладелица*, *домовладелица*, *дачевладелица* попадают в разряд официально-деловой лексики; *работавладелица* также отнесена авторами к книжным словам. Однако словообразовательная модель не гарантирует наличия или отсутствия стилистической или эмоциональной окраски, важнее все же мотивирующая база, она чаще всего и является причиной наличия эмоциональной оценки или отнесения слова к разговорной, книжной или просторечной лексике. Отметим, что сниженная эмоциональная оценка, как правило, ведёт к снижению и стилистического статуса слова, однако так бывает не всегда. Так, у существительного *сводница* обнаруживается книжная помета *офиц.* и помета, свидетельствующая о наличии эмоционально сниженной оценки, – *презр.* Отметим, что обе пометы унаследованы от мотивирующей базы – основы существительного *сводник*.

Анализ словообразовательной структуры феминитивов, включенных в словарь, даёт также представление о продуктивности сложившихся словообразовательных типов, с помощью которых создаются стилистически нейтральные слова, называющие лиц женского пола. Такими являются в подавляющем большинстве случаев феминитивы, которые образованы при помощи суффикса *-к(а)* и создают слова, называющие женщину по национальному или религиозному признаку, а также по месту жительства: *азиатка*, *австриячка*, *башкирка*, *бедуинка*, *белоруска*, *буддистка*, *вотячка*, *гилячка*, *голландка*, *землячка*, *еврейка*, *казашка*, *калмычка*, *кумычка*, *полька*, *северянка*, *скандинавка*, *степнячка*, *таджичка*, *финляндка*, *фламандка*, *швейцарка*, *шотландка*, *эскимоска*, *эстонка*, *эфиопка*, *южанка*, *юитка* (от *юит* – азиатский эскимос), *японка*, *якутка* и мн. др. Выше уже говорилось о том, что феминитивы в словаре всегда удо-

стаиваются отдельной словарной статьёй. Но такое положение часто обусловлено отсутствием единства аффиксальной морфемы при образовании феминитива. Для данной группы наименований, образованных по одной и той же модели, казалось бы, необходимости в отдельной словарной статье нет, но авторы словаря последовательны в подаче и данной группы слов. Это, по-видимому, связано с наличием морфонологических процессов в некоторых из них (см., например, историческое чередование в словах *казашка*, *степнячка*, усечение мотивирующей базы в слове *полька* и т. д.). Соответствующие имена существительные мужского рода типа *таджик*, *юкагир*, *белорус* и пр. даны в словарной статье, заглавное слово которой находится в форме множественного числа: **ТАДЖИКИ**, ов, ед. ик, а, м. – народ иранской языковой группы, составляющий основное население Таджикской ССР [ТСРЯ 1940, т. 4: 634].

Словарь позволяет установить несомненную продуктивность для словопроизводства феминитивов суффикса *-к(а)*. Конкуренцию ему могут составить только суффиксы *-ниц(а)*, *-чиц(а)*/*-щиц(а)*. Данные суффиксы создают феминитивы, отличающийся от мотивирующей базы именно семой «женскости». Дополнительных смыслов (например, эмоциональной оценки) в случаях использования данных аффиксов не возникает. Остальные суффиксальные морфемы следует охарактеризовать как малопродуктивные, к ним относятся *-иц(а)*, *ин(я)*/*-ын(я)*, *-есс(а)*, *-ис(а)*, *-их(а)*, *-ј(я)*, *-х(а)*, *-ух(а)*, *-ин(а)*, *-н(а)*, а также нулевой суффикс. К тому же некоторые из них тяготеют к образованию либо феминитива, называющего жену (например, *-их(а)* и *-ш(а)*), либо их использование приводит к образованию стилистически сниженной единицы. В период работы над словарём этот потенциал суффиксальных морфем мог и не проявиться, однако позднее у слов, созданных при помощи указанных морфем, появлялась стилистическая маркированность. Например, у слова *библиотекариша* в ТСРЯ нет стилистической пометы, а в четырёхтомном «Словаре русского языка» оно фиксируется с пометой *разг.* [СлРЯ, т. 1: 89].

Говоря о стилистически и эмоционально маркированных феминитивах, от-

метим, что эти их качества могут зависеть от происхождения аффиксальной морфемы. Например, в словаре зафиксировано слово *экскурсовод*, но нет ни одного феминитива, хотя женщины-экскурсоводы в период создания словаря, конечно же, существовали. Однако потенциальные слова вроде *экскурсоводка*, *экскурсоводша*, *экскурсоводиха*, вероятно, показались авторам непригодными для обозначения деятельности, требующей глубоких и обширных знаний и высокой специальной подготовки. Связано это с тем, что эти образования созданы при помощи морфем, актуальных для просторечия и диалектов, а звуковой состав слова *экскурсоводка*, кроме того, содействует снижению представления о высокой миссии экскурсовода, поскольку может создать курьёзное соотношение со словом *водка*. Любопытно, что юмористический ресурс «Феминизатор» не даёт ни одного из указанных потенциальных слов, предлагая следующие: *экскурсоводесса*, *экскурсоводиня*, *экскурсоводица*, что, по-видимому, связано с иноязычным характером мотивирующей базы. Однако именно одно из образованных с помощью исконной морфемы слов (*экскурсоводша*) всё же используется в современной речи. Так, в основном корпусе НКРЯ обнаруживается 22 текста, в которых оно упоминается 41 раз, причем, как правило, контекстуальное окружение слова не оставляет сомнений в негативной оценке обозначаемого им персонажа:

И в Ялте тоска его была какой-то особенно творческой? – Хороший вопрос! – обрадованно сверкнула очками экскурсоводша. – Прекрасный вопрос, дорогие друзья! (Воропаев О. Предзимний сезон);

Но там все обернулось иначе: нашего вольнодумного гида заменила экскурсоводша совсем другого склада (Васюченко И. Хромые на склоне).

Анализ показывает, что стилистическая окраска новообразования, как правило, наследуется или снижается именно при использовании исконно русского суффикса. В случае использования заимствованной морфемы *-есс(а)* она может, наоборот, повыситься, как в парах *патрон* («покровитель») – *патронесса*, *поэт* – *поэтесса*. Феминитивы получают в данных парах помету *книжн.*, тогда как мотивирующие существительные фиксируются в словаре как

стилистически нейтральные.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, кроме того, является ценным источником для наблюдений над конкуренцией словообразовательных моделей. Так, в анализируемом источнике зафиксированы феминитивы *юбилярка* и *юбилярша*, причем оба они отмечены как стилистически и эмоционально окрашенные, поскольку их характеристика содержит пометы *разг.* и *фам.* Сравнение с данными словарей, изданных в конце XX века, например, с СЛРЯ позволяет сделать вывод о победе второго варианта: «*юбилярша* – *разг.* женск. к *юбиляр*» [СЛРЯ, т. 4: 773]. Обращение к основе подкорпуса НКРЯ показывает весьма редкое употребление в художественных текстах варианта *юбилярка* (в газетном корпусе оно не зафиксировано вообще), при этом один из двух предлагаемых в корпусе текстов содержит все возможные варианты обозначения женщины-юбиляра и рекомендации носителя языка не использовать именно этот вариант:

Если бы юбилярка, принимая от него этот труд, спросила бы, что он хочет в награду, он заговорил бы не о деньгах, не о лауреатстве (Полонский Г. Мой тесть);

Но тут поднялся Шубин, взявший на себя роль тамады: – Позвольте начать застольную церемонию традиционным тостом в честь юбиляра. – В честь юбиляриш! – поправила его жена, большегрудая «кошечка» пенсионного возраста, ну прям сороковая бочка. – А может, в честь юбилярки? – весело упирался Шубин. – Разве в этом суть? Суть в том, Катерина, чтобы ты всегда была с нами. За столом зашумели, в изобилии посыпались пожелания здоровья (Салуцкий А. Немой набат).

Выводы

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова – это ценный источник сведений об эпохе, когда произошло серьёзное расширение группы феминитивов. Язык эпохи создания словаря требовал отражения изменений в положении женщины после революционных событий 1917 года. Феминитивная лексика пополняется в этот период главным образом за счёт новообразований, связанных с профессиональной и общественной деятельностью женщины. Однако процесс создания новых слов протекал стихийно и действительно требовал упорядочения воз-

никших в результате словотворчества языковых единиц. Создатели словаря, безусловно, ставили перед собой подобную задачу. Уже сам факт включения феминитива в словарь, его всесторонняя семантико-стилистическая характеристика является не просто фактом фиксации нового слова в языке, но и свидетельством его потенциальной жизнеспособности. Словари, изданные в более позднее время, а также материалы НКРЯ показывает, что в подавляющем большинстве случаев авторы ТСРЯ не ошиблись в выборе слов, многие из которых используются в русском языке и по сей день.

Обращение к анализу структурно-семантических и стилистических особенностей зафиксированных в словаре феминитивов и их языковедческий анализ, отраженный в системе помет, свидетельствуют о том, что отбор лексики производился не только на основе количественных показателей (частотность употребления слова), но и с учётом языковой личности, транслирующей данную лексику. Авторитетными источниками при этом стали носители литературной нормы. Представляется, что подобные ориентиры позволили составителям словаря избежать включения в его состав заведомо неудачных образований.

Несомненным положительным моментом в лексикографическом описании феминитивной лексики стало использование пометы *нов.* Это избавило составителей от необходимости стилистической оценки тех единиц, которые возникли в языке недавно и их стилистический статус не вполне определен, хотя частотность употребления требовала включения в словник.

Анализ деривационных особенностей феминитивов показывает активное использование исконных словообразовательных средств в процессе создания новой лексики. Словарь демонстрирует форми-

рование ядра аффиксальных морфем, при помощи которых образуются феминитивы – суффиксы *-к(а)*, *-ниц(а)*, *-чиц(а)/-щиц(а)*. Именно данные морфемы становятся чаще всего маркером феминитива, создающегося в начале XX столетия. В словообразовательном значении создающейся при их помощи лексической единицы в полной мере отразились серьёзные изменения в социальном положении женщины: новые феминитивы не имеют значения «жена лица, названного мотивирующей основой», все они связаны исключительно с профессиональными, политическими, общественными функциями женщины. Тенденция к расширению группы феминитивов прежде всего именно за счёт подобных новообразований продолжается и в современном русском языке. Использование исключительно суффикса *-к(а)* для создания феминитивов не всегда даёт удачные результаты, но это, по-видимому, попытка выработать единое средство для обозначения феминитивности именно с целью называть женщину по её профессиональной и общественной функции. Суффикс *-к(а)*, в отличие от других суффиксов, чаще всего не придаёт эмоциональной оценочности феминитиву, а потому представляется носителям русского языка самым адекватным для выражения указанного грамматического значения.

В заключение отметим, что обнаруженная авторами словаря тенденция к увеличению группы феминитивов особенно отчётливо видна при сравнении с теми словами, которые называют женщин, но не связаны деривационными отношениями с номинациями мужчин. Как отмечают исследователи [Баданина 2012], эти слова, в отличие от феминитивов, обнаруживают тенденцию к перемещению на языковую периферию.

Литература

- Аликина, А. В. Репрезентация гендера в российском дискурсе трудоустройства / А. В. Аликина // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 3 (49). – С. 30–45.
- Баданина, И. В. Номинации женщин в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) / И. В. Баданина // История и современность филологических наук : Международная научная конференция. – М. : Книгодел, 2012. – Т. 1. – С. 24–27.
- Баданина, И. В. Функционирование феминитивов в языке интернета / И. В. Баданина // Русский язык в интернете : личность, общество, коммуникация, культура : I Международная научно-практическая конференция. – М. : РУДН, 2017. – С. 89–94.

- Беркутова, В. В. Феминативы в русском языке: исторический аспект / В. В. Беркутова // *Филологический аспект*. – 2018. – № 11 (43). – С. 6–22.
- Васильева, А. С. Наименования лиц женского пола в русском языке начала XXI века : семантика, структура, функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. С. Васильева. – М., 2016. – 28 с.
- Гузаерова, Р. Р. Феминитивы в русскоязычном медиапространстве : словообразовательный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. Р. Гузаерова. – М., 2016. – 25 с.
- Захарчук, Е. А. Феминитивы в коммуникативном пространстве современности : проблемы словообразования и словоупотребления // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания* / Е. А. Захарчук. – 2021. – Т. 40, № 3. – С. 378–387.
- Лаппо, М. А. Параметризация базы данных узуальных и неузуальных феминитивов / М. А. Лаппо, Н. И. Малиновская // *Вопросы лексикографии*. – 2020. – № 18. – С. 52–72.
- Лебедева, Т. Е. Образование парных наименований женского пола (феминативов) как реализация общерусской тенденции пополнения словарного состава / Т. Е. Лебедева // *Art logos (Искусство слова)*. – 2023. – № 2. – С. 125–41.
- Левашов, Е. А. Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова / Е. А. Левашов // *История русской лексикографии : коллективная монография*. – СПб. : Наука, 1998. – С. 246–256.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // *Русский язык в научном освещении*. – 2004. – № 7 (1). – С. 195–228.
- Никитин, О. В. Языковая политика 1930-х гг. и «Ушаковский словарь» / О. В. Никитин // *Микроязыки. Языки. Интеръязыки : Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. – Tartu: Tartu University Press, 2006. – С. 459–474.
- Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 231 с.
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // *Русская речь*. – 2016а. – № 3. – С. 51–62.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // *Мир русского слова*. – 2016б. – № 3. – С. 27–40.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 12.07.2023).
- Ожегов, С. И. Памяти Д. Н. Ушакова : 10 лет со дня смерти / С. И. Ожегов // *Словарь и культура русской речи : К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова*. – М. : Индрик, 2001. – С. 450–451.
- Русская грамматика : в 2-х т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4.
- СлРЯ 1981 – Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1–4.
- Шкаликов, М. М. Феминитивы в русскоязычном коммуникативном пространстве современности : генезис и эволюция / М. М. Шкаликов, М. С. Нагорная // *Управление в современных системах*. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
- Янко-Триницкая, Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода / Н. А. Янко-Триницкая // *Развитие словообразования современного русского языка*. – М. : Наука, 1966. – С. 167–210.

References

- Alikina, A.V. (2021). *Reprezentatsiya gendera v rossiiskom diskurse trudoustroistva* [Gender Representation in the Russian Recruitment Discourse (in Job Advertisements and CVs)]. In *Voprosy psikhologingvistiki*. No. 3 (49), pp. 30–45.
- Badanina, I. V. (2012). *Nominatsii zhenshchin v Tolkovom slovare russkogo yazyka pod. red. D. N. Ushakova (1935-1940)* [Nominations of Women in the Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov (1935-1940)]. In *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Vol. 1. Moscow, Knogodel, pp. 24–27.
- Badanina, I. V. (2017). *Funktsionirovanie feminativov v yazyke interneta* [The Functioning of Feminatives in the Language of the Internet]. In *Russkii yazyk v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Moscow, RUDN, pp. 89–94.
- Berkutova, V. V. (2018). *Feminitivy v russkom yazyke: istoricheskii aspekt* [Femininitives in the Russian Language: Historical Aspect]. In *Filologicheskii aspekt*. № 11 (43), pp. 6–22.
- Guzaerova, R. R. (2021). *Feminitivy v russkoyazychnom mediaprostranstve: slovoobrazovatel'nyi aspekt* [Femininitives in the Russian-speaking Media Space: The Word-formation Aspect]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan. 25 p.

Lappo, M. A., Malinovskaya, N. I. (2020). Parametrizatsiya bazy dannykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminitivov [Parameterization of the Database of Casual and Non-casual Femininitives]. In *Voprosy leksikografii*. № 18, pp. 52–72.

Lebedeva, T. E. (2023). Obrazovanie parnykh naimenovaniy zhenskogo pola (feminitivov) kak realizatsiya obshcherusskoi tendentsii popolneniya slovarnogo sostava [The Formation of Paired Female Names (Femininitives) as Implement of the All-Russian Trend of Vocabulary Replenishment]. In *Art logos (Iskusstvo slova)*. № 2, pp. 125–141.

Levashov, E. A. (1998). Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod redaktsiei D. N. Ushakova [Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D. N. Ushakov]. In *Istoriya russkoi leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Saint Petersburg, Nauka, pp. 246–256.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovary”) [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s. (Prehistory of the “Ushakov’s Dictionary”)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 7 (1), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2006). Yazykovaya politika 1930-kh gg. i “Ushakovskii slovar” [Language Policy of the 1930s and the Ushakov Dictionary]. In *Mikroyazyki. Yazyki. Interyazyki: Sbornik v chest' ordinarnogo professora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko*. Tartu, Tartu Univ., pp. 459–474.

Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): monografiya* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the 20th Century (Explanatory Dictionaries). Monograph]. Slavyansk-na-Kubani, Izdatel'skii tsentr filiala “KubGU” v g. Slavyanske-na-Kubani. 231 p.

Nikitin, O. V. (2016a). Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov’s Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Nikitin, O. V. (2016b). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovary russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

NKRYA – *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (mode of access: 12.07.2023)

Ozhegov, S. I. (2021). Pamyati D. N. Ushakova: 10 let so dnya smerti [Memory of D. N. Ushakov: 10 Years since His Death]. In *Slovar' i kul'tura russkoi rechi: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya S. I. Ozhegova*. Moscow, Indrik, pp. 450–451.

Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 2012. Vol. 1–2.

SLRYA – *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk, 1981. Vol. 1–4.

Shkalikov, M. M., Nagornaya, M. S. (2022). Femininitives in the Russian-speaking Communicative Space of Modernity: Genesis and Evolution. In *Upravlenie v sovremennykh sistemakh* [Management in modern systems]. № 4, pp. 67–76.

TSRYA Ushakova – Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkoviy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIK, Vol. 1–4.

Vasil'eva, A. S. (2016). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola v russkom yazyke nachala XXI veka: semantika, struktura, funktsionirovanie* [Names of Female Persons in the Russian Language of the Beginning of the XXI Century: Semantics, Structure, Functioning]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 28 p.

Yanko-Trinititskaya, N. A. (1966). *Naimenovaniya lits zhenskogo pola sushchestvitel'nyimi zhenskogo i muzhskogo roda* [Names of Female Persons by Feminine and Masculine Nouns]. In *Razvitie slovoobrazovaniya sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 167–210.

Zakharchuk, E. A. (2021). Femininitives in the Communicative Space of Modernity: Problems of Word Formation and Word Usage. In *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya*. Vol. 40, № 3, pp. 378–387.

Данные об авторе

Щербакowa Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры предметных технологий начального и дошкольного образования, Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644099, Россия, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14.

E-mail: nata.ro@mail.ru.

Author's information

Shcherbakova Natalia Nikolayevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Subject Technologies of Primary and Preschool Education, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Дата поступления: 02.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 02.10.2023; date of publication: 30.12.2023

ПО ЗАВЕТАМ Д. Н. УШАКОВА: ДИАЛЕКТОЛОГИЯ, АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА, ОРФОЭПИЯ

УДК 811.161.1'28. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-178-191. ББК Ш141.12-257.
ГРНТИ 16.21.63. Код ВАК 5.9.5

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ УШАКОВ КАК ДИАЛЕКТОЛОГ

Супрун В. И.

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

SPIN-код: 2563-5967

А н н о т а ц и я. В статье рассматриваются проблемы становления русской геолингвистики и лингвокартографии, нанесения диалектных единиц и явлений на карты. Рассматривается деятельность Московской диалектологической комиссии (МДК), созданной 21 января 1904 года. Отмечается, что первым председателем был известный лингвист Ф. Е. Корш, после кончины которого в 1915 году её возглавил Д. Н. Ушаков. Деятельность МДК постоянно освещалась в публикациях разных журналов и сборников. В выходящем в Варшаве «Русском филологическом вестнике» была опубликована серия работ о проведённых исследованиях и сборе диалектного материала. В 1914 году была составлена диалектологическая карта русского языка, а в 1915 году опубликована книга «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии», авторами которой были члены МДК Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Этот труд выдвинул исследователей в число ведущих российских диалектологов. Дмитрий Николаевич Ушаков – выдающийся русский лингвист, внёсший вклад в различные направления отечественного языкознания. Научная русская диалектология, геолингвистика, лингвокартография фактически начинаются с него и его сподвижников. Разработанные им принципы описания диалектных явлений, их фиксации на картах, выделения групп диалектов и говоров сохраняют свою актуальность и в наши дни. Воспитанная им плеяда лингвистов продолжила разработку идей учителя. Современная российская лингвистика помнит не только грандиозный «Ушаковский словарь», но и труды Д. Н. Ушакова по другим направлениям научного поиска. Все, кто знал Дмитрия Николаевича, отмечали его глубокую порядочность, доброту, увлечённость делом, разносторонние творческие качества. Современная русская диалектология продолжает постигать и развивать идеи великого учёного. И в разрабатываемом ныне Лексическом атласе русских народных говоров мы ощущаем продолжение творческих поисков Д. Н. Ушакова. В статье рассмотрены малоизвестные и неизвестные ранее публикации Д. Н. Ушакова и его ближайшего окружения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: этнология; диалектология; геолингвистика; диалект; Московская диалектологическая комиссия; диалектная картография; диалектологическая карта России

Д л я ц и т и р о в а н и я: Супрун, В. И. Дмитрий Николаевич Ушаков как диалектолог / В. И. Супрун. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 178–191. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-178-191.

DMITRY NIKOLAEVICH USHAKOV AS A DIALECTOLOGIST

Vasili I. Suprun

Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2489-9199>

Abstract. The article deals with the problems of the formation of Russian geolinguistics and linguocartography and the use of dialect units and phenomena in maps. The article considers the activity of the Moscow Dialectological Commission (MDC), established on January 21, 1904. It is noted that the famous linguist F. E. Korsh was its first chairman, after whose death in 1915 it was headed by D. N. Ushakov. The activity of the MDC was constantly covered in publications of various journals and collections. A series of papers on the study and collection of dialectal material was published in the Warsaw "Russian Philological Bulletin". The Russian dialectological map was compiled in 1914, and in 1915 the book "Experience of creating a dialectological map of the Russian language in Europe with an appendix of an essay about Russian Dialectology" was published, the authors of which were members of the MDC N. N. Durnovo, N. N. Sokolov and D. N. Ushakov. This work put the researchers among the leading Russian dialectologists. Dmitry Nikolaevich Ushakov was an outstanding Russian linguist who contributed much to various areas of Russian linguistics. The scientific Russian dialectology, geolinguistics, and linguocartography actually begin with the work of this outstanding scholar and his colleagues. The principles he developed for describing dialectal phenomena, their fixation on maps, and classification of dialects remain relevant today. A galaxy of linguists brought up by him continued to develop the ideas of the teacher. Modern Russian linguistics remembers not only the grandiose "Ushakov's" dictionary, but also the works of Ushakov in other areas of scientific research. Everyone who knew Dmitry Nikolaevich noted his deep decency, kindness, passion for business, and versatile creative abilities. Modern Russian dialectology continues to comprehend and develop the ideas of the great scholar. And in the Lexical Atlas of Russian Territorial Dialects, which is being developed now, one can feel the continuation of Ushakov's creative search. The article examines the little-known and previously unknown publications of Ushakov and his close colleagues.

Keywords: ethnology; dialectology; geolinguistics; dialect; Moscow Dialectological Commission; dialect cartography; dialectological map of Russia

For citation: Suprun, V. I. (2023). Dmitry Nikolaevich Ushakov as a Dialectologist. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 178–191.

Введение

Дмитрий Николаевич Ушаков известен как выдающийся лексикограф. Изданный под его редакцией «Толковый словарь русского языка» (1935-1940) до сих пор является образцом лексикографического труда. При создании новых отечественных словарей составители опираются на теоретические разработки Д. Н. Ушакова и возглавляемой им команды российских лингвистов и их практическое воплощение в четырёхтомнике. Менее известен вклад учёного в реформу русской орфографии.

В конце XIX – начале XX века практически всё российское образованное общество участвовало в дискуссии о реформе русской орфографии. В газетах и журналах публиковались статьи учёных и заметки учителей, призывающие внести изменения в русское правописание. Уже одно название этих публикаций указывает на накал страстей в обществе: «Мусорные буквы» (Неделя. 1895, 19 ноября), «Мытар-

ства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку» (Русская школа. 1898, № 12) (см.: [Григорьева 2004: 72-73]). Активная работа началась в Педагогическом обществе при Московском университете, в котором была создана в 1901 году специальная комиссия по вопросу о русском правописании [Сакулин 1917: 21]. В её заседаниях участвовал профессор Филипп Фёдорович Фортунатов (1848-1914), который в 1904 году стал заместителем (товарищем) председателя Орфографической комиссии Императорской Академии наук (ИАН), а возглавлял комиссию великий князь Константин Константинович Романов (1858-1915), президент ИАН и известный поэт, публиковавший свои произведения под псевдонимом К. Р. [Говорушко, Матонина 2008]. Именно в этот год вышло несколько серьёзных публикаций о проблемах русской орфографии [Карский 1904; Чернышев 1904].

Принял участие в дискуссиях и Д. Н. Ушаков, приват-доцент (т. е. не со-

стоящий в штате) Московского университета. В 1911 году он опубликовал брошюру «Русское правописание» [Ушаков 1911]. Её он посвятил памяти своего учителя Владимира Петровича Шереметевского (1834–1895), который несколько лет читал лекции по методике преподавания русского языка на педагогических курсах при Обществе воспитательниц и гувернанток (учительниц), а Д. Н. Ушаков был товарищем председателя совета курсов и председателем словесной секции [Сорокалетие 1912]. В брошюре приводятся тексты фонетической транскрипции казанского говора и «моего произношения (московского литературного)» [Ушаков 1911: 93], а также образец проектированного нового правописания [Там же: 95], взятый с некоторыми изменениями с учётом «Предварительного сообщения орфографической подкомиссии» [Там же: 86] из доклада по вопросу об упрощении русской орфографии, опубликованного в трудах Педагогического общества при Московском университете «Вопросы воспитания и обучения» [Вопросы... 1901]. Оно в значительной степени соответствует современным орфографическим нормам, но в тексте отражены и неосуществлённые варианты реформы правописания: окончание прилагательных мужского рода *-ой* (*мелкой, резкой*), отсутствие мягкого знака во 2-м лице глаголов настоящего и простого будущего времени (*услышиши, полюбиешься, взглянеш*), у существительных 3-го склонения (*рож*) и частиц (*лиш*), *хльб* остался с *ъ*, наверное, по вине наборщиков, в этом «образце проектированного нового правописания» регулярно используется буква *ѣ*. В книге молодой учёный упоминает о различиях в произношении слов в русских диалектах [Ушаков 1911: 79].

К диалектологии через этнологию

Однако интерес к русской диалектологии и народной речи, к этнолингвистике и лингвокартографии проявился у Д. Н. Ушакова значительно ранее. И в наши дни трудно отделить диалектологию от этнологии: многие записанные языковедами тексты содержат интересные историко-культурные сведения. 23-летний выпускник Московского университета Дмитрий Ушаков серьёзно увлёкся этнографией русского народа, он публикует в журнале «Этнографическое обозрение» в 1896 году со-

лидную статью о поверьях и обычаях великорусов, в которой демонстрирует свой серьёзный научный потенциал и глубокие познания в славянской этнологии. Материал, который он исследует, был получен от информантов в этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1891 году, когда Дмитрий только окончил гимназию, но за пять лет эти записи не были проанализированы, поэтому молодой исследователь взялся за разбор полученных от 26 респондентов из Тульской, Рязанской, Владимирской, Смоленской, Калужской и Курской губерний ответов на «Вопросные пункты по (обычному нраву) и верованиям» [Ушаков 1896: 146]. В тексте статьи содержится большое количество диалектизмов, которые не только фиксируются автором, но и сопоставляются с данными других источников. Так, например, Д. Н. Ушаков отмечает, что для домового фиксируются в разных местах названия *доможил, хозяин, домовик* (с женой *домовичкой*), *дворный* (*дворной*), *дворовый* (*дворовой*), в одной записи имеется неясное упоминание об *овинщике*, а слова *подполяник, запечник, гуменник* и пр. не встречаются [Там же: 149]. Лешего в народной речи именуют также *лесовиком, хозяином*, а если их несколько, то старший над ними называется *лесничим* [Там же: 157]. Кажется, эта работа Д. Н. Ушакова не была учтена при составлении Словаря русских народных говоров, в котором отсутствуют слова *домовичка* (есть *домовиха*), *дворный* (*дворной*), *лесничий*, а *лесовик* как обозначение лешего упоминается в статье *лесовиха* 'жена лесовика (лесного духа)' [СРНГ, 17: 10].

В феврале 1867 года по предложению профессора русской и славянской истории Нила Александровича Попова (1833–1892) в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии был открыт этнографический отдел [Пятидесятилетие 1914: 10], который в 1889 году начал издавать журнал «Этнографическое обозрение» [Там же: 252]. В нём публиковали свои статьи известные российские учёные: исследователь Центральной Азии и Сибири Григорий Николаевич Потанин (1835–1920), филолог Всеволод Фёдорович Миллер (1848–1913), лингвист Алексей Иванович Соболевский (1857–1929), фольклорист Михаил

Несторович Сперанский (1863-1938), историк Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867-1934), этнограф Николай Николаевич Харузин (1865-1900), литературовед Владимир Владимирович Каллаш (1866-1918), фольклорист Евгений Александрович Ляцкий (1868-1942), историк Агафангел Ефимович Крымский (1871-1942) и др.

Д. Н. Ушаков после своей первой статьи стал регулярным автором этого журнала. В 1897 году он публикует рецензию на 4 номера за 1896 год журнала «Землеведение». В ней молодой учёный отмечает, что в этом журнале «часто можно найти работы чисто этнографического содержания» и анализирует ряд статей на эту тематику [Д. У. 1897б: 196-198]. В том же номере «Этнографического обозрения» упоминается о выступлении на его заседании Д. Н. Ушакова с сообщением об этнографической коллекции на Всероссийской выставке 1896 года в Нижнем Новгороде (с. 220). Этот отчёт был ранее опубликован в первом номере журнала за 1897 год [Д. У. 1897а: 152-157].

В 1898 году Д. Н. Ушаков кратко рассматривает содержание «Сибирского сборника». Он пишет, что в речи колымских поречан сохраняются древнерусские слова, наряду с заимствованиями из языков соседних инородцев [Д. У. 1898: 146].

В 1903 году Д. Н. Ушаков пишет обстоятельную рецензию на книгу Василия Ильича Чернышева (1866/7-1949) «Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов». Статья подписана инициалами Д. У., однако в оглавлении стоит их более полная версия: Д. Н. У-в. Автор рецензируемой книги, выпускник Киржачской учительской семинарии, был известным собирателем народной речи и этнографических сведений, опубликовал ряд статей о говорах центральных уездов страны, составил «Программу для собирания особенностей великорусских говоров». В 1898 году А. А. Шахматов пригласил его в Санкт-Петербург для работы в академическом «Словаре русского языка» [Протченко 1977]. Василий Ильич с энтузиазмом включается в работу: исследует городскую речь – «Как говорят в Петербурге» (1913), публикует книги и учебные пособия по проблемам орфографии и орфоэпии: «Азбука выразительного чтения» (1910), «Русское правописание» (1910), «В защиту живого слова (ста-

ты о значении и преподавании живого языка)» (1911), «Обучение русскому правописанию» (1916) и др. [Приемышева 2017: 59].

В рецензии Д. Н. Ушаков отмечает, что записи В. И. Чернышева «отличаются чрезвычайной точностью и осторожностью, что поднимает их научное достоинство» (с. 156). Рецензент рассказывает о том, как В. И. Чернышев проехал и прошёл пешком уезды в окрестностях Москвы, Владимира, Рязани, обнаружил новые типы оканья и аканья, а также зафиксировал цоканье и чоканье в Богородском уезде. Д. Н. Ушаков пожелал собирателю «и далее той же любви и энергии, которое он вкладывает в своё дело» (с. 157). В книге опубликовано около 70 песен из Московского уезда, анализируя которые, автор приходит к заключению о некрестьянском происхождении русской песни, о её связи с книжной поэзией и о роли города и помещичьей усадьбы в переходе песни в народ (с. 158) [Д. У. 1903].

В 1904 году Дмитрий Николаевич, уже будучи основательно погружённым в диалектологию, сделал обзоры некоторых публикаций и выпустил новую статью по русской этнологии. В первом номере «Этнографического обозрения» он рассказывает об известиях Тамбовской учёной архивной комиссии за 1903 год, в которой опубликованы собрания народных прозвищ-прибауток на мужские и женские имена и другие интересные для этнографов материалы [Д. У. 1904а: 151]. В обзоре книг и статей Д. Н. Ушаков сообщает о двух публикациях, вышедших в Варшаве в 1902 году параллельно в сборнике в честь Ф. Ф. Фортунатова и «Русском филологическом вестнике»: в первой финский профессор Иосиф Юлиус Миккола высказал предположение, что имя славян восходит к греческому слову $\lambda\alpha\beta\acute{o}\varsigma$ и имеет значение 'член племени', как и многие другие подобные этнонимы; во второй фольклорист Михаил Георгиевич Халанский высказал предположение, что именование Ильи Муромца представляет собой искажение имени князя Олега Мурманского, т. е. Норманнского [Д. У. 1904б: 178-179]. Рецензент никак не комментирует эти этимологические версии.

Во втором номере Дмитрий Николаевич публикует статью о поверьях и обычаях русского народа, написанную им по материалам словаря ростовского говора, кото-

рый составил и опубликовал в 1902 году преподаватель Ростовского 4-классного училища Василий Николаевич Волоцкой [Волоцкой 1902]. Д. Н. Ушаков приводит большое количество диалектных слов, относящихся к обычаям, приуроченным к определённым дням в году, поверьям и свадьбе [Ушаков 1904]. Материал книги В. Н. Волоцкого включён в СРНГ.

В этом же номере «Этнографического обозрения» Д. Н. Ушаков делает критический разбор доклада чешского профессора Л. Г. Нидерле на XI Археологическом съезде в Киеве в 1899 году «О времени переселения славян с севера гор Карпатских в Венгрию», опубликованном в Трудах съезда в 1902 году (с. 176), а также подробно анализирует упомянутый выше сборник В. Н. Волоцкого (с. 178-182). Рецензент отмечает, что для определения реальной жизни народного языка важны не только «остатки старины», но и слова, «которые вошли в язык на наших глазах» (с. 179). Ещё раз к археологическому съезду в Киеве Д. Н. Ушаков обращается в заметке раздела «Хроника», в которой рассказывает о мнении известного санскритолога профессора Киевского университета св. Владимира Фёдора (Фридриха) Ивановича Кнауэра (1849-1917) о происхождении имени народа Русь и месте индоевропейской прародины (с. 227-228). В заметке отмечается, что соображения профессора о том, что древним названием Волги было *Rosa / Ronsa*, от которого было образовано название народа Русь, а Приволжье объявлено прародиной индоевропейцев, вызвало возражения у участников съезда, поскольку они «не согласуются со многими историческими фактами» (с. 228).

В конце номера без подписи, но, вероятно, с подачи Д. Н. Ушакова рассказывается о создании комиссии по составлению диалектологической карты России под председательством Ф. Е. Корша, которая «составилась из молодых московских учёных, несколько лет тому назад составивших кружок для исторического и диалектологического изучения русского языка» (с. 195). Называются задачи комиссии, и публикуется обращение ко всем, «кто пожелал сообщить ей какой-либо диалектологический материал» (с. 196). Так осуществляется окончательный переход учёного от этнологии к диалектологии и геолингвистике.

Московская диалектологическая комиссия

В России большой вклад в развитие русской геолингвистики (лингвогеографии) и лингвокартографии внёс А. А. Шахматов, который ещё в конце XIX века инициировал издание «Программ для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия» [Программы... 1895] и подготовил обзор откликов на них [Шахматов 1896]. В 1900 году программы были переизданы с предисловием Василия Ильича Чернышева. Они были нацелены на работу собирателей с материалом: на развороте текстом была занята только правая страница, а левая предназначалась для ответов на вопрос [Программы... 1900]. В 1909 году по распоряжению неперменного секретаря ИАН академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863-1934) была напечатана краткая (всего на 4 страницах) программа по собиранию особенностей русских говоров, содержащая всего 24 вопроса, из них 10 содержали вопросы, относящиеся к говорам малорусов (хохлов) (так в тексте. – В. С.) и белорусов [Краткая... 1909].

В начале XX века группа молодых русских учёных приступила к обсуждению проблем диалектологии, создав неформальный кружок единомышленников. Первое собрание кружка состоялось 26 сентября 1901 года [Ушаков 1995в: 261]. Их деятельность привлекла внимание и маститых учёных, на заседания приходили академики Алексей Александрович Шахматов и Фёдор Евгеньевич Корш. Последний стал руководителем созданной на базе этого кружка при ОРЯС ИАН Московской диалектологической комиссии (МДК), первое заседание которой состоялось 21 января 1904 года. Д. Н. Ушаков стал товарищем (заместителем) председателя, с 1908 года на него были возложены обязанности казначея, а с 1910 года – ещё и редактора изданий комиссии [Ушаков 1995в: 262-263].

Ранее, летом 1900 года, Д. Н. Ушаков провёл около полутора месяцев в селе Черкизово около Коломны (сейчас оно включено в состав Коломны). Он постоянно общался с местными жителями, записывая их речь и выявляя в ней диалектные особенности. В 1902 году Дмитрий Николаевич доложил о собранных материалах и их анализе на заседании МДК [Ушаков 1995в:

262], а в 1903 году опубликовал статью «о диалектических данных» в варшавском журнале «Русский филологический вестник». В ней он даёт образное описание границ подмосковного говора, близкого к литературному языку: «Но известно ещё со времён Даля, что границы этого говора на все четыре стороны можно увидеть с высоты московских колоколен; далее уже говорят иначе, приближаясь к говорам соседних с Московской губерний» [Ушаков 1903: 32].

В этом журнале с 1900 года регулярно, почти в каждом номере, публиковались диалектологические статьи другого активного члена МДК Николая Николаевича Дурново (1876-1937). Фактически это была единая работа, опубликованная с 44-го по 50-й том (1900-1903) «Русского филологического вестника» с описанием говора деревни Парфёнки (в публикации родительный падеж – Парфёнок) Рузского уезда Московской губернии (ныне Большие и Малые Парфёнки Можайского района). За эту публикацию, собранную из журнальных оттисков в виде книги [Дурново 1903], в 1905 году он был отмечен почётным отзывом Ломоносовской премии [Отчёт... 1906: 7-8, 32-37].

Деятельность МДК постоянно освещалась в публикациях разных журналов и сборников. В «Русском филологическом вестнике» была издана серия работ о проведённых исследованиях и сборе диалектного материала, в Сборнике ОРЯС – отчёт комиссии по составлению диалектологической карты России за период с октября 1905 по ноябрь 1906 года и прилагаемые к нему два отчёта Н. Н. Дурново о научных исследованиях [Корш 1907; Дурново 1907]. В 1908 году опубликованы материалы по Тульской (Н. Н. Дурново), Воронежской (Н. Н. Кононов), Рязанской (Д. Н. Ушаков и Н. Н. Дурново), Костромской (Н. Н. Дурново по карточкам А. Д. Григорьева), Вологодской, Пермской, Санкт-Петербургской губерниям [Труды... 1908а/1-2], два отчёта Н. Н. Соколова и предисловие [Труды... 1908б/3]. Первый номер «Русского филологического вестника» за 1909 год открывался сводом материалов, собранных МДК, обработан материал по Казанской, Псковской, Новгородской, Пензенской губерниям [Труды... 1909]. Публикация трудов МДК продолжилась и в других выпусках варшавского журнала. В кратком очерке воз-

никновения и деятельности МДК товарищ председателя Д. Н. Ушаков и секретарь Н. Н. Соколов выражали благодарность редактору «Русского филологического вестника» профессору Е. Ф. Карскому за помещение «Трудов» комиссии на страницах журнала [Ушаков 1995в: 269]. В виде отдельных оттисков из «Русского филологического вестника» (ст. 54 по т. 77) эти публикации составили серию публикаций МДК (вып. 1-8, 1908–1919; некоторые выпуски не были оттисками, публиковались в Москве), которые позже были продолжены «Трудами Постоянной комиссии по диалектологии русского языка» (вып. 9-12, Москва, 1927-1931).

В 1914 году членами МДК была составлена диалектологическая карта русского языка [Дурново 1914], а в 1915 году опубликована книга «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» [Дурново 1915].

На карту подготовил рецензию в 1915 году (ещё до издания «Опыта») Алексей Иванович Соболевский (1856/7-1929), автор первого научного описания восточнославянских диалектов [Соболевский 1911]. Он справедливо упрекает составителей карты в том, что они отнесли жителей территории «по обе стороны Волги от Казани до Камышина» к северновеликорусскому наречию: «на юге этих земель большинство говоров акающие и при том сильно акающие» [Соболевский 1915: 400].

Что же касается упрека в том, что «совершенно неверно» земли оренбургского и уральского казачества отнесены также к северновеликорусскому наречию, то здесь рецензент оказался не вполне прав. Известный исследователь этих говоров Б. А. Моисеев отмечает, что в 30-е годы XVIII века на Оренбургскую линию были переведены ландмилицкие полки упразднённой Закамской линии, их окающие говоры с неполным оканьем сохраняются и сейчас во многих поселениях Оренбургской области. В 1810-1812 годы была создана Новоилецкая пограничная линия, на неё были переведены казаки из упразднённой Красноуфимской станицы, в говоре которых отмечено полное оканье. С 1832 года началось массовое переселение в Оренбургскую губернию государственных крестьян из центральных и южных губерний России с ака-

нем, яканьем и другими фонетическими чертами говоров, поэтому в настоящее время в местных диалектах представлены как северно-, так и южновеликорусские черты [Моисеев 2019: 7-9]. Отметим, что составители карты в «Опыте» отреагировали на замечание рецензента, однако их ответ заставляет предположить, что они знают о существовании у казаков Урала и окающих говоров: «К сожалению, по недосмотру составителей на с.-в.-р. территории остались невыделенными акающие говоры уральских казаков» [Дурново 1915: 17].

В 1916 году на диалектологический очерк была опубликована в «Этнографическом обозрении» обстоятельная рецензия, подписанная Р. Я. (в оглавлении: Р. И. Я-н). Вероятно, автором был Роман Осипович Яковсон (1896-1982), который в оглавлении указан с инициалом от имени Иосиф. В рецензии отмечается несколько «пробелов и неточностей в характеристике великорусских говоров», которые обнаруживаются из новых материалов, появившихся после выхода в свет «Очерка» [Р. Я. 1916: 103].

При рассмотрении поморской группы говоров рецензент упоминает о речи сказительницы Кривополеновой, в которой он услышал «звук близкий к о, но с некоторым понижением и передвижением вперёд артикуляции и с ослабленной лабиализацией» (с. 103). Вероятно, Р. О. Яковсон встречался с Марией Дмитриевной, которую в 1915 году привезла из Архангельской губернии в Москву фольклористка Ольга Эрастовна Озаровская (1974-1933). М. Д. Кривополенова (1843-1924) пробыла в обеих столицах три месяца, выступила с концертами, позже ещё несколько раз приезжала в Москву и посетила другие города России от Архангельска до Екатеринодара и от Твери до Саратова и Харькова [Озаровская 1922: 15].

В том же номере опубликован отчёт Р. О. Яковсона о диалектологических поездках в мае 1916 года по Московской губернии: «Вокализм говоров с намечающейся переходностью составлял главный предмет моих наблюдений как в Дмитровском, так и в Богородском уу.» [Научные поездки... 1916: 147]. На основании этого материала в том же 1916 году он пишет обширную статью, которая в форме литографированной брошюры вышла в Праге в 1927 году, а затем была включена в четвёр-

тый том его собрания сочинений. В послесловии Роман Осипович пишет: «Свой незрелый ученический опыт на поприще русской диалектологии я осмеливаюсь посвятить моим дорогим учителям Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушакову, которые своим строгим, изощрённым мастерством в анализе живых языковых фактов невольно увлекали учеников в дебри русской диалектологии» [Яковсон 1966а: 612]. Вдохновлённый учителями, он напишет позже: «Диалектология становится главным импульсом раскрытия основных лингвистических законов, и лишь изучение процессов живой речи позволяет проникнуть в тайны окаменелой структуры языка былых периодов» [Яковсон 1987: 272].

Юный учёный «Ромка Яковсон», о котором упоминает В. В. Маяковский в стихотворении «Товарищу Нетте, пароходу и человеку» [Маяковский 1958: 163], уже в начале 1915 года, в 19-летнем возрасте, делает доклад о Трехдиактовском в комиссии по народной словесности при этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии [Иванов 1987: 9]. Позже этот доклад будет им зачитан на заседании МДК [Ушаков 1995б: 276], куда он был принят, вероятно, после 1914 года, поскольку в первом отчёте о деятельности МДК его фамилия не значится [Ушаков 1995в]. Статья о языке Трехдиактовского опубликована в его собрании сочинений [Яковсон 1966б].

После смерти Ф. Е. Корша в 1915 году председателем МДК стал Дмитрий Николаевич Ушаков. 17 марта 1915 года он выступил на заседании МДК с докладом «Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф. Е. Корше» [Ушаков 1995а]. В 1919 году было решено приступить к составлению диалектологического атласа великорусских говоров, в который должны были войти карты с обозначением распространения отдельных диалектных явлений или комплексов сходных черт [Ушаков 1995б: 277]. Н. Н. Дурново разработал программу для сбора необходимых сведений, которая была подготовлена к печати профессором Ярославского педагогического института Иваном Григорьевичем Голановым (1890-1967) [Дурново 1926]. Как и дореволюционное издание, книга была напечатана только на правой стороне

разворота, чтобы собиратели могли на левой записывать сведения.

Диалектология по-прежнему оставалась в центре внимания доцента, позже профессора кафедры русского языка историко-филологического факультета Московского университета Д. Н. Ушакова. В МДК царили между коллегами уважение, взаимовыручка и доброжелательность. О. В. Никитин опубликовал письма Н. Н. Дурново, в которых он отказывался баллотироваться на доцентскую должность в Московском университете, уступая её Д. Н. Ушакову [Никитин 2001]. Когда Р. О. Якобсон, всемерно доверяющий Дмитрию Николаевичу, спрашивал своего учителя из Праги, стоит ли ему возвращаться в Россию (его пригласили в Саратовский университет на профессорскую должность), Д. Н. Ушаков написал в ответ в открытке: «Когда хочется танцевать, надо помнить не только о той печке, от которой танцует, но и о той стенке, к которой танцует». Роман Осипович остался в Праге, позже перебрался в США, где стал ведущим американским филологом, профессором лучших университетов, автором многочисленных публикаций [Иванов 1985]. Другого своего друга, Н. Н. Дурново, Дмитрий Николаевич сберечь не смог.

В 1931 году МДК была ликвидирована, вскоре Николай Николаевич Дурново был арестован, 27 октября 1937 года его расстреляли [Ашнин, Алпатов 1993; Никитин 2001], работа над атласом была свёрнута. Но сама идея не была забыта. Вскоре к работе над атласом приступила другая команда учёных, базирующаяся в Институте языка и мышления. С 1932 года Московскую диалектографическую комиссию, созданную в этом институте, по предложению Н. Я. Марра, возглавил Николай Михайлович Каринский (1873-1935) [Комшилова 2003: 67]. Дмитрий Николаевич в это время был основательно занят лексикографической работой. Начинается новый этап его исследовательской деятельности.

Осенью 1939 года Д. Н. Ушаков возглавил сектор славянских языков (русского языка) в Институте языка и письменности народов СССР, где снова обратился к изучению диалектов и к диалектологическому атласу русского языка. Но эти его новые планы прервала война, а затем и смерть учёного в 1942 году в Ташкенте [Никитин 2018].

Заключение

Дмитрий Николаевич Ушаков – выдающийся русский лингвист, внёсший вклад в различные направления отечественного языкознания. Научная русская диалектология, геолингвистика, лингвокартография фактически начинаются с него и его сподвижников. Разработанные им принципы описания диалектных явлений, их фиксации на картах, выделения групп диалектов и говоров сохраняют свою актуальность и в наши дни. Воспитанная им плеяда лингвистов продолжила разработку идей учителя. Современная российская лингвистика помнит не только грандиозный «Ушаковский словарь», но и его труды по другим направлениям научного поиска [Ушаков 1968].

Все, кто знал Дмитрия Николаевича, отмечали его глубокую порядочность, доброту, увлечённость делом, разносторонние творческие качества. 23 июля 1942 года, в 397-й день Великой Отечественной войны, когда фашистские войска вели боевые действия в большой излучине Дона, прорываясь к Сталинграду, а на Калининском фронте советские войска потерпели крупное поражение в результате наступления немцев в ходе операции «Зейдлиц», в Москве на филологическом факультете МГУ состоялось заседание, посвящённое памяти выдающегося учёного-лингвиста, члена-корреспондента Академии наук СССР Дмитрия Николаевича Ушакова, ушедшего из жизни 17 апреля 1942 года в Ташкенте. Александр Александрович Реформатский сказал о своём учителе: «Он был учёным, но он одновременно был и художником. Каждый его научный труд – это до некоторой степени художественное произведение. Он был художником в разных областях. Григорий Осипович (Винокур. – В. С.) рассказывал вам, что он был живописцем. Но он был и актёром, декламатором, во всяком случае, большим мастером устного живого слова» [Реформатский 1998: 34-35]. Таким он остался в памяти не только непосредственных учеников, но и новых поколений отечественных лингвистов. Современная русская диалектология продолжает постигать и развивать идеи великого учёного [Брысина 2022; Никитин 2002]. И в разрабатываемом ныне Лексическом атласе русских народных говоров мы ощущаем продолжение творческих поисков Д. Н. Ушакова.

Источник

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 17 / гл. ред. Ф. П. Филин. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1981. – 383 с.

Литература

- Ашнин, Ф. Д. Николай Николаевич Дурново / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 4. – С. 54-68.
- Брысина, Е. В. Современная русская лингвогеография : картографирование диалектных лексем / Е. В. Брысина, В. И. Супрун // Царицынские рождественские чтения. Вып. 5. – Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 120-130.
- Волоцкой, В. Н. Сборник для изучения Ростовского (Яросл. губ.) говора / В. Н. Волоцкой. – СПб. : Тип. ИАН, 1902. – 115 с.
- Вопросы воспитания и обучения : Труды Педагогического общества, состоящего при Московском университете. – Вып. 1. – М. : Типо-литогр. В. Ф. Рихтера, 1901. – 183 с.
- Говорушко, Э. Л. К. Р. / Э. Л. Говорушко, Э. Е. Матонина. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 671 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 1324).
- Григорьева, Т. М. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв.) / Т. М. Григорьева. – М. : Элпис, 2004. – 456 с.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] Этнографические коллекции на Всероссийской выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде / У. Д. [Д. Н. Ушаков] // Этнографическое обозрение. – 1897а. – № 1. – Год 9-й. – Кн. XXXIV. – С. 152-157.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] Землеведение (изд. Географического Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. под ред. Д. Н. Анучина), кн. I-IV, 1896 г. [рец.] / У. Д. [Д. Н. Ушаков] // Этнографическое обозрение. – 1897б. – № 3. – Год 9-й. – Кн. XXXIV. – С. 196-198.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] Сибирский сборник. Приложение к Восточному обозрению 1897 г. Вып. I, II, III, изд. под ред. Попова [рец.] / У. Д. [Д. Н. Ушаков] // Этнографическое обозрение. – 1898. – № 2. – Год 10-й. – Кн. XXXVII. – С. 146.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] В. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов СПб. 1903. (Отд. отг. Из Сборника Отд. рус. яз. и слов. И. Академии наук, т. LXXV) / У. Д. [Д. Н. Ушаков] [рец.] // Этнографическое обозрение. – 1903. – № 4. – Год 15-й. – Кн. LIX. – С. 156-158.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии под ред. правителя дел Н. А. Щеглова. В. XLVIII. Тамбов, 1903 [рец.] / У. Д. [Д. Н. Ушаков] // Этнографическое обозрение. – 1904а. – № 1. – Год 16-й. – Кн. LX. – С. 151.
- Д. У. [Ушаков, Д. Н.] Новая догадка о происхождении имени славян. Новый взгляд на происхождение имени и богатырского образа Ильи Муромца / У. Д. [Д. Н. Ушаков] // Этнографическое обозрение. – 1904б. – № 1. – Год 16-й. – Кн. LX. – С. 178-179.
- Дурново, Н. Н. Описание говора деревни Парфёнок Рузского уезда Московской губернии / Н. Н. Дурново. – Варшава, 1903. – VI + 268 + VII с.
- Дурново, Н. Н. Отчёт по разработке матерьялов по южновеликорусским наречиям для диалектологической карты русского языка. Отчёт на научных занятиях в 1906 г. / Н. Н. Дурново // Сборник ОРЯС ИАН. – Т. LXXXII. – № 1. – СПб. : Тип. ИАН, 1907. – С. 30-42, 60-62.
- Дурново, Н. Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе / Составлена членами Московской диалектологической комиссии... / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – Пг., 1914. – 1 карта.
- Дурново, Н. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – М. : Синод. тип., 1915. – 132 с.
- Дурново, Н. Н. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2: Северновеликорусские и средневеликорусские говоры / сост. Н. Н. Дурново. – 2-е изд. – Рыбинск : Гублит, 1926. – 22 с.
- Иванов, Вяч. Вс. Поэтика Романа Якобсона / Вяч. Вс. Иванов // Якобсон, Р. О. Работы по поэтике : Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова; вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – С. 5-22.
- Карский, Е. Ф. К вопросу о реформе русской орфографии / Е. Ф. Карский // Русский филологический вестник. – Т. 52. – 1904. – № 3-4. – С. 154-174.
- Комшилова, Е. А. Николай Михайлович Каринский – диалектолог: К 10-летию со дня смерти (1935-1945) / Е. А. Комшилова // Диалектологическая практика : Учебное пособие / Сост. И. С. Лутовинова, М. А. Тарасова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 63-69.
- Корш, Ф. Отчёт комиссии по составлению диалектологической карты России за период с октября 1905 по ноябрь 1906 г. / Ф. Корш, Н. Соколов // Сборник ОРЯС ИАН. – Т. LXXXII. – № 1. – СПб. : Тип. ИАН, 1907. – С. 27-29.

- Краткая программа по собиранию особенностей русских говоров. – СПб. : Тип. ИАН, 1909. – 4 с.
- Маяковский, В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 7: Стихотворения, очерки. 1925-1926 / В. В. Маяковский. – М. : Гослитиздат, 1958. – 536 с.
- Моисеев, Б. А. Оренбургский областной словарь / [Послел. Е. Н. Бекасовой] ; Б. А. Моисеев. – Оренбург : Оренб. кн. изд-во им. Г. П. Донковцева, 2019. – 516 с.
- Научные поездки с этнографическими целями // Этнографическое обозрение. – Год 28-й. – Кн. СІХ-СХ. – 1916. – № 1-2. – С. 141-149.
- Никитин, О. В. Жизнь и труды Николая Николаевича Дурново / О. В. Никитин // Дурново Н. Н. Грамматический словарь. – М. : Флинта, 2001. – С. 6-20.
- Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева : неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91-102.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Языкознание. – 2018. – № 1 (170). – С. 88-95.
- Озаровская, О. Э. Бабушкины старины / О. Э. Озаровская. – 2-е изд., измен. и доп. – М. : Гос. изд-во, 1922. – 120 с.
- Отчёт о присуждении Ломоносовских премий в 1905 году. – СПб. : Тип. ИАН, 1906. – 53 с.
- Приемышева, М. Н. «Сокровища родного слова...» (К 150-летию со дня рождения В. И. Чернышева) / М. Н. Приемышева // Русский язык в школе. – 2017. – № 1. – С. 59-64.
- Программы для собирания особенностей народных говоров. I: Программа для собирания особенностей говоров северо-великорусского наречия. – СПб. : [б. и.], 1895. – II + 29 с.
- Программы для собирания особенностей народных говоров: Ч. 1-3 / [автор предисловия В. Чернышев]. – СПб. : тип. ИАН, 1900. – VI + 145 с.
- Протченко, И. Ф. Василий Ильич Чернышев, ученый языковед и методист / И. Ф. Протченко // Русский язык в школе. – 1977. – № 5. – С. 107-110.
- Пятидесятилетие Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. 1863-1913 / Сост. В. В. Богданов. – М. : Тип. Т-ва Рябушинских, 1914 (на обложке: 1913). – 254 с.
- Р. Я. [Якобсон, Р. О.]. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков (составили). Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии (Труды Моск. диал. комиссии, вып. V). М. 1915. 80. [рец.] / Я. Р. [Р. О. Якобсон] // Этнографическое обозрение. – Год 28-й. – Кн. СІХ-СХ. – 1916. – №1-2. – С. 102-107.
- Реформатский, А. А. Труды Д. Н. Ушакова по русской орфографии и орфоэпии / А. А. Реформатский // Русская речь. – 1998. – № 1. – С. 33-47.
- Сакулин, П. Н. Реформа русского правописания / П. Н. Сакулин. – Пг. : Парус, 1918 (на титульном листе: 1917). – 69 с.
- Соболевский, А. И. Опыт русской диалектологии : наречия великорусское, белорусское и малорусское / Изд. студ.-филол. / А. И. Соболевский. – Киев : Тип. «Прогресс», 1911. – 168 + 93 с.
- Соболевский, А. И. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Составлена... Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым : Издание Императорского Русского географического общества. Петроград. 1914 г.: [рец.] / А. И. Соболевский // Журнал Министерства народного просвещения. – Новая серия. – Ч. 57. – 1915, кн. 6 (июнь). – С. 399-402.
- Сорокалетие Московских педагогических курсов при Обществе воспитательниц и учительниц. 1872-1912 гг. – М. : тип. П. П. Рябушинского, 1912. – 69 с.
- Труды Московской диалектологической комиссии. Свод материалов, собранных комиссией... // Русский филологический вестник. – Т. LXI. – 1909. – №1. – С. 1-39.
- Труды Московской диалектологической комиссии. Свод материалов, собранных комиссией. Краткая программа по собиранию особенностей русских говоров // Русский филологический вестник. – Т. 58, вып. 1. – 1907. – № 3. – С. 190-210.
- Труды Московской диалектологической комиссии. Свод материалов, собранных комиссией... // Русский филологический вестник. – Т. LIX. – 1908а. – № 1-2. – С. 299-332.
- Труды Московской диалектологической комиссии. Два отчёта Н. Соколова и предисловие // Русский филологический вестник. – Т. LX. – 1908б. – № 3. – С. 84-97.
- Ушаков, Д. Н. Материалы по народным верованиям великоруссов / Д. Н. Ушаков // Этнографическое обозрение. – 1896. – Кн. 29-30. – С. 146-204.
- Ушаков, Д. Н. Несколько диалектических данных из Коломенского уезда Московской губернии / Д. Н. Ушаков // Русский филологический вестник. – Т. 58. – 1903. – № 3. – С. 32-40.

Ушаков, Д. Н. Сведения о некоторых поверьях и обычаях в Ростовском у. Ярославской губ., извлеченные из «Словаря ростовского говора» В. Волоцкого / Д. Н. Ушаков // Этнографическое обозрение. – 1904. – № 2. – Год 16-й. – Кн. LXI. – С. 161-166.

Ушаков, Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе / Д. Н. Ушаков. – М. : Тип. В. С. Спиридонова, 1911. – 102 с.

Ушаков, Д. Н. Московское произношение / Д. Н. Ушаков // Русская речь. – 1968. – № 2. – С. 43-49.

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк возникновения Московской диалектологической комиссии и её деятельности за первое десятилетие (1904-1914 гг.) / Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов // Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение, 1995в. – С. 261-269.

Ушаков, Д. Н. Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф. Е. Корше / Д. Н. Ушаков // Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение, 1995а. – С. 287-296.

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) / Д. Н. Ушаков, И. Г. Голанов // Ушаков Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение, 1995б. – С. 270-279.

Чернышев, В. И. Письма о старой и новой орфографии. I-IV / В. И. Чернышев. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. – 17 с.

Шахматов, А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. II: Извлечения из 6 сообщений на «Программу для собирания особенностей говоров северно-великорусского наречия» / А. А. Шахматов. – СПб. : Тип. ИАН, 1896. – 45 с.

Якобсон, Р. О. Фонетика одного северновеликорусского говора с намечающейся переходностью / Р. О. Якобсон // Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV / R. Jakobson. – The Hague ; Paris : Mouton & Co ; 's-Gravenhag, 1966a. – Pp. 571-613.

Якобсон, Р. О. Влияние народной словесности на Третьяковского / Р. О. Якобсон // Jakobson R. Selected Writings. Vol. IV / R. Jakobson. – The Hague ; Paris : Mouton & Co ; 's-Gravenhag, 1966b. – Pp. 614-633.

Якобсон, Р. О. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова; вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова / Р. О. Якобсон. – М. : Прогресс, 1987. – 464 с.

Якобсон, Р. О. Будетлянин науки : Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / [сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта] / Р. О. Якобсон. – М. : Гилея, 2012. – 304 с.

References

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. (1993). Nikolai Nikolaevich Durnovo. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. T. 52. № 4, pp. 54-68.

Brykina, E. V., Suprun V. I. (2022). *Sovremennaya russkaya lingvogeografiya: kartografirovanie dialektnykh leksem* [Modern Russian Linguogeography: Mapping Dialect Lexemes]. In *Tsaritsynskie rozhdestvenskie chteniya*. Вып. 5. Volgograd, PrinTerra-Dizajn, pp. 120-130.

Chernyshev, V. I. (1904). *Pis'ma o staroi i novoi orfografii. I-IV* [Letters about Old and New Orthography. I-IV]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akad. Nauk. 17 pp.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1897b). *Zemlevedenie* [Land Studies] (izd. Geograficheskogo Otd. I. O. L. E. A. i E. pod red. D. N. Anuchina), kn. I-IV 1896 g. [rets.]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 3. God 9. Kn. XXXIV, pp. 196-198.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1897a). *Etnograficheskie kolleksii na Vserossiiskoi vystavke 1896 g. v Nizhnem Novgorode* [Ethnographic Collections at the All-Russian Exhibition of 1896 in Nizhny Novgorod]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. God 9. Kn. XXXIV, pp. 152-157.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1903). V. Chernyshev. *Svedeniya o nekotorykh govorakh Tverskogo, Klinskogo i Moskovskogo uездov* [V. Chernyshev. Information about Some Dialects of Tver, Klin and Moscow counties]. SPb. 1903. (Otdel'n. ott. iz Sbornika Otd. rus. yaz. i slov. I. Akademii nauk, t. LXXV) [rets.]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 4. God 15. Kn. LIX, pp. 156-158.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1904b). *Novaya dogadka o proiskhozhdenii imeni slavyan. Novyi vzglyad na proiskhozhdenie imeni i bogatyrskogo obraza Il'i Muromtsa* [A New Guess about the Origin of the Name of the Slavs. A New Look at the Origin of the Name and Heroic Image of Ilya Muromets]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. God 16. Kn. LX, pp. 178-179.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1904a). *Izvestiya Tambovskoi uchenoi arhivnoi komissii pod red. pravitelya del N. A. Shcheglova* [Proceedings of the Tambov Scientific Archival Commission under the Editorship of the Ruler of Affairs N. A. Shcheglov]. V. XLVIII. Tambov, 1903 [rets.]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 1. God 16. Kn. LX, p. 151.

D. U. [Ushakov, D. N.] (1898). *Sibirskii sbornik* [Siberian Collection]. Prilozhenie k Vostochnomu obozreniyu 1897 g. Вып. I, II, III. Izd. pod red. Popova [rets.]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 2. God 10. Kn. XXXVII, p. 146.

Durnovo, N. N. (1903). *Opisanie govora derevni Parfyonok Ruzskogo uезда Moskovskoi gubernii* [Description of Dialect Village Parfenki Ruza County Moscow Province]. Varshava, VI + 268 + VII p.

Durnovo, N. N. (1907). Otchyot po razrabotke materialov po yuzhnelikorusskim narechiyam dlya dialektologicheskoi karty russkogo yazyka. Otchyot o nauchnykh zanyatiyakh v 1906 g. [Development Report about materials of Southern Great Russian Dialects for Dialectological Map. Report on Scientific Studies in 1906]. In *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. T. LXXXII. № 1. Saint Petersburg, Tip. IAN, pp. 30-42, 60-62.

Durnovo, N. N. (1926). *Programma dlya sobiraniya svedenii, neobkhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoi karty russkogo yazyka* [The Program of Collecting Information, which are Necessary for Mapping the Dialects of the Russian Language]. 2. Severnelikorusskie i srednelikorusskie govory. 2nd ed. Rybinsk, Gubl. 22 p.

Durnovo, N. N. Sokolov, N. N., Ushakov, D. N. (1914). *Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope...* [Dialectological Map of the Russian Language in Europe...]. Petrograd, Izd-e Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1 karta.

Durnovo, N. N. Sokolov, N. N., Ushakov, D. N. (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii* [Experience of Russian Linguistic Map in Europe with the Appendix Essays of Russian Dialectology]. Moscow, Sinod. tip. 132 p.

Govorushko, E. L., Matonina, E. E. (2008). K. R. [K. R.]. Moscow, Molodaya gvardiya. 671 p. (Zhizn' zamchate'nykh lyudei. Vyp. 1324).

Grigor'eva, T. M. (2004). *Tri veka russkoi orfografii (XVIII-XX vv.)* [Three Centuries of Russian Orthography (XVIII-XX Centuries)]. Moscow, Elpis. 456 p.

Ivanov, Vyach. Vs. (1987). *Poetika Romana Yakobsona* [The Poetics of Roman Jakobson]. In Jakobson, R. O. *Raboty po poetike: Perevody*. Moscow, Progress, pp. 5-22.

Jakobson, R. O. (1966a). Fonetika odnogo severnelikorusskogo govora s namechayushcheysoy perekhodnost'yu [The Phonetics of a Northern Russian Dialect with Incipient Variability]. In Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. IV. The Hague; Paris, Mouton & Co; 's-Gravenhag, pp. 571-613.

Jakobson, R. O. (1966b). Vliyaniye narodnoi slovesnosti na Trediakovskogo [The Influence of the Folk Literature on Trediakovsky]. In Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. IV. The Hague; Paris, Mouton & Co; 's-Gravenhag, pp. 614-633.

Jakobson, R. O. (1987). *Raboty po poetike: Perevody* [Works on poetics: Translations]. Moscow, Progress. 464 p.

Jakobson, R. O. (2012). *Budetyanin of nauki: Vospominaniya, pis'ma, stat'i, stikhi, proza* [Budetyanin of Science: Memoirs, Letters, Articles, Poems, Prose]. Moscow, Gileya. 304 p.

Karskii, E. F. (1904). K voprosu o reforme russkoi orfografii [On the Issue of the Reform of Russian Spelling]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. 52. № 3-4, pp. 154-174.

Komshilova, E. A. (2003). Nikolai Mikhailovich Karinskii – dialektolog: K 10-letiyu so dnya smerti (1935-1945) [Nikolay Mikhailovich Karinsky as a Dialectologist. To the 10th Anniversary of the Death]. In *Dialektologicheskaya praktika: Ucheb. posobie*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 63-69.

Korsh, F., Sokolov, N. (1907). Otchyot komissii po sostavleniyu dialektologicheskoi karty Rossii za period s oktyabrya 1905 po noyabr' 1906 g. [Commission Report on the Joint Dialectological Map of Russia for the Period from October 1905 to November 1906]. In *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*. T. LXXXII. № 1. Saint Petersburg, Tip. IAN, pp. 27-29.

Kratkaya programma po sobiraniyu osobennostei russkikh gorovor (1909). [A Short Program for Collecting Features of Russian Dialects]. Saint Petersburg, Tip. IAN. 4 p.

Mayakovskii, V. V. (1958). *Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. T. 7: Stikhotvoreniya, ocherki. 1925-1926* [The Complete Works in 13 volumes. V. 7: Poems, Essays. 1925-1926]. Moscow, Goslitizdat. 536 p.

Moiseev, B. A. (2019). *Orenburgskii oblastnoi slovar'* [Orenburg Regional Dictionary]. Orenburg, Orenb. kn. izd-vo im. G. P. Donkovtseva. 516 p.

Nikitin, O. V. (2001). Zhizn' i trudy Nikolaya Nikolaevicha Durnovo [Life and Work of Nikolay Nikolaevich Durnovo]. In Durnovo, N. N. *Grammaticheskii slovar'*. Moscow, Flinta, pp. 6-20.

Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya kommissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva: neizvestnyye stranitsy istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly [Moscow Dialectological Commission in Memories D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev: Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School]. In *Voprosy yazykoznaniya*. № 1, pp. 91-102.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XX century: to the 145th anniversary of D. N. Ushakov's birth]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazykoznanie*. 1 (170), pp. 88-95.

Otchyot o prisuzhdenii Lomonosovskikh premii v 1905 godu (1906). [Report on the Award of the Lomonosov Prize in 1905]. Saint Petersburg, Tip. IAN. 53 p.

Ozarovskaya, O. E. (1922). *Babushkinyy stárimy* [Old Grandmother's Fairy Tales]. 2nd ed. Moscow, Gos. izd-vo. 120 p.

Priemysheva, M. N. (2017). "Sokrovishcha rodnogo slova..." (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Chernysheva) ["Treasures of the Native Word...": to the 150th Anniversary of the Birth of V. I. Chernyshev]. In *Russkii yazyk v shkole*. № 1, pp. 59-64.

Programmy dlya sobiraniya osobennosti narodnykh govorov (1895). [Programs for Collecting Features Folk Dialects]. I: Programma dlya sobiraniya osobennosti govorov severnovelikoruskogo narechiya. Saint Petersburg, [b. i.], II + 29 p.

Programmy dlya sobiraniya osobennosti narodnykh govorov: Ch. 1-3 (1900). [Programs for Collecting Features Folk Dialects]. Saint Petersburg, tip. IAN, VI + 145 p.

Protchenko, I. F. (1977). Vasilii Il'ich Chernyshev, uchenyi yazykoved i metodist [Vasilii Ilyich Chernyshev: Linguist and Methodologist]. In *Russkii yazyk v shkole*. № 5, pp. 107-110.

Pyatidesyatiletie Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii. 1863-1913 (1914). [50th anniversary of the Society of Lovers of Natural Science, Anthropology and Ethnography]. Moscow, Tip. T-va Ryabushinskih, 254 p.

R. Ya. [Jakobson, R. O.] (1916). N. N. Durnovo, N. N. Sokolov, D. N. Ushakov (sostavili). Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope, s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii (Trudy Mosk. dial. komissii, vyp. V). M. 1915. 8°. [rets.] [Experience of Russian Linguistic Map in Europe with the Appendix Essays of Russian Dialectology]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. God 28. Kn. CIX-CX. № 1-2, pp. 102-107.

Reformatskii, A. A. (1998). Trudy D. N. Ushakova po russkoi orfografii i orfoepii [D. N. Ushakov's Works on Russian Orthography and Orthoepy]. In *Russkaya rech'*. № 1, pp. 33-47.

Sakulin, P. N. (1918). *Reforma russkogo pravopisaniya* [Reform of Russian Orthography]. Petrograd, Parus. 69 p.

Shakhmatov, A. A. (1896). *Materialy dlya izucheniya velikoruskikh govorov* [Materials for the Study of Great Russian Dialects]. Vyp. II. Saint Petersburg, Tip. IAN. 45 p.

Sobolevskii, A. I. (1911). *Opyt russkoi dialektologii: narechiya velikoruskoe, beloruskoe i maloruskoe* [The Experience of Russian Dialectology: Dialects Great Russian, Belorussian and Malorussian]. Kiev, Tip. "Progress". 168 + 93 p.

Sobolevskii, A. I. (1915). Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope [Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Sostavlena... N. N. Durnovo, N. N. Sokolovym i D. N. Ushakovym: Izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Petrograd. 1914 g. [rets.]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. Ch. 57. Kn. 6 (June), pp. 399-402.

Sorokaletie Moskovskikh pedagogicheskikh kursov pri Obshchestve vospitatel'nits i uchitel'nits. 1872-1912 gg. (1912). [The 40th Anniversary of the Moscow Pedagogical Courses at the Society of Schoolmistress and Governess]. Moscow, tip. P. P. Ryabushinskogo. 69 p.

Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Svod materialov, sobrannykh komissiei... (1909). [Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Summary of Materials Collected by the Commission... Two Reports by N. Sokolov and a Preface]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. LXI. № 1, pp. 1-39.

Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Svod materialov, sobrannykh komissiei. Kratkaya programma po sobiraniyu osobennosti russkikh govorov [Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Summary of Materials Collected by the Commission. A Short Program for Collecting the Features of Russian Dialects]. (1907). In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. 58, vyp. 1. № 3, pp. 190-210.

Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Svod materialov, sobrannykh komissiei... (1908a). [Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Summary of Materials Collected by the Commission...]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. LIX. № 1-2, pp. 299-332.

Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. Dva otchyota N. Sokolova i predislovie (1908b). [Proceedings of the Moscow Dialectological Commission. Two Reports by N. Sokolov and a Preface]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. LX. № 3, pp. 84-97.

Ushakov, D. N. (1896). *Materialy po narodnym verovaniyam velikorussov* [Materials on the Folk Beliefs of the Great Russians]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. Kn. 29-30, pp. 146-204.

Ushakov, D. N. (1903). Neskol'ko dialekticheskikh dannykh iz Kolomenskogo uезда Moskovskoi gubernii [Several Dialectical Data from Kolomenskoye County of Moscow Province]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. T. 58. 1903. № 3, pp. 32-40.

Ushakov, D. N. (1904). Svedeniya o nekotorykh pover'yakh i obyчайakh v Rostovskom u. Yaroslavskoi gub., izvlechennye iz "Slovyara rostovskogo govora" V. Volotskogo [Information about Some Beliefs and Customs in the Rostov County Yaroslavl' Province, Extracted from the "Dictionary of the Rostov Dialect" by V. Volotsky]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. № 2. God 16. Kn. LXI, pp. 161-166.

Ushakov, D. N. (1911). *Russkoe pravopisanie. Ocherk ego proiskhozhdeniya, otnosheniya ego k yazyku i voprosa o ego reforme* [Russian Spelling. An Essay on its Origin, its Relation to the Language and the Question of its Reform]. Moscow, Tip. V. S. Spiridonova. 102 p.

Ushakov, D. N. (1968). Moskovskoe proiznoshenie [Pronunciation of Moscow]. In *Russkaya rech'*. № 2, pp. 43-49.

Ushakov, D. N. (1995a). *Vospominaniya o predsedatele Moskovskoi dialektologicheskoi komissii akademike F. E. Korshe* [Memoirs of the Chairman of the Moscow Dialectological Commission, Academician F. E. Korsh]. In Ushakov, D. N. *Russkii yazyk*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 287-296.

Ushakov, D. N., Golanov, I. G. (1995b). *Kratkii ocherk deyatelnosti Postoyannoi komissii po dialektologii russkogo yazyka za 12 let (yanvar' 1914 g. – yanvar' 1926 g.)* [A Brief Essay of the Activities of the Permanent Commission on Dialectology of the Russian Language for 12 Years (January 1914 – January 1926)]. In Ushakov, D. N. *Russkii yazyk*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 270-279.

Ushakov, D. N., Sokolov, N. N. (1995v). *Kratkii ocherk vozniknoveniya Moskovskoi dialektologicheskoi komissii i eyo deyatelnosti za pervoe desyatiletie (1904-1914 gg.)* [A Brief Essay of the Emergence of the Moscow Dialectological Commission and its Activities for the First Decade (1904-1914)]. In Ushakov, D. N. *Russkii yazyk*. Moscow, Prosveshchenie, pp. 261-269.

Volotskoi, V. N. (1902). *Sbornik dlya izucheniya Rostovskogo (Yarosl. gub.) govora* [Collection for the Study of the Rostov (Yaroslav. Gubernia) Dialect]. Saint Petersburg, Tip. IAN. 115 p.

Voprosy vospitaniya i obucheniya: Trudy Pedagogicheskogo obshchestva, sostoyashchego pri Moskovskom universitete (1901) [Questions of Education and Training. Proceedings of the Pedagogical Society of the Moscow University]. Issue 1. Moscow, Tipo-litogr. V. F. Rikhtera. 183 p.

Данные об авторе

Супрун Василий Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия).

Адрес: 400005, Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27.

E-mail: suprun@vspu.ru.

Author's information

Suprun Vasilii Ivanovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia).

Дата поступления: 30.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 30.09.2023; date of publication: 30.12.2023

ПСКОВСКАЯ ТЕМА В ТРУДАХ МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Большакова Н. В.

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

SPIN-код: 4809-3003

А н н о т а ц и я. Статья посвящена вопросам ареальной лингвистики, основы которой были заложены Московской диалектологической комиссией. Оценивается актуальность разработанной в трудах Московской диалектологической комиссии проблематики в контексте современной диалектологии и лингвогеографии. Цель работы – выявление и оценка классификационных и территориальных проблем говоров, расположенных в этноконтактных зонах. Особое внимание уделено вопросу о переходных и смешанных говорах, который рассмотрен в связи с неоднородностью псковского культурно-языкового пространства и подвижностью административных границ Псковщины. В работе установлен содержательный перечень общих вопросов, признанных существенными для псковских говоров в трудах Московской диалектологической комиссии. В связи с продолжающейся в лингвистической литературе дискуссией о переходных и смешанных говорах автор предлагает устранить сложившуюся конкуренцию данных терминов в связи с отсутствием единой основы для их противопоставления. Делается вывод о невозможности применения принципа дополнительной дистрибуции в понимании переходных говоров как понятия историческом и смешанных говоров как атрибута синхронно-типологического подхода.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Московская диалектологическая комиссия; ареальная лингвистика; диалектные контактные зоны; глубина этноконтактных зон; псковские говоры; переходные говоры; смешанные говоры

Д л я ц и т и р о в а н и я: Большакова, Н. В. Псковская тема в трудах Московской диалектологической комиссии / Н. В. Большакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 192–203. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-192-203.

THE THEME OF PSKOV IN THE WORKS OF THE MOSCOW DIALECTOLOGICAL COMMISSION

Natalia V. Bolshakova

Pskov State University (Pskov, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2038-9565>

A b s t r a c t. The article deals with the issues of areal linguistics, the foundations of which were laid by the Moscow Dialectological Commission. The author considers the urgency of the problems developed in the works of the Moscow Dialectological Commission in the context of modern dialectology and linguogeography. The aim of the study is to identify and assess the classification and territorial problems of the dialects located in ethnocontact zones. Special attention is paid to the issue of transitional and mixed dialects, which is considered in connection with the heterogeneity of the Pskov cultural and linguistic space and the mobility of the administrative borders of Pskov region. The paper outlines the contents of the general issues recognized as essential for Pskov dialects in the works of the Moscow Dialectological Commission. In connection with the ongoing discussion in the linguistic literature about transitional and mixed dialects, the author proposes to eliminate the existing competition between these terms due to the lack of a common basis for their opposition. A conclusion is made about the absence of the principle of supplementary distribution in the interpretation of transitional dialects as a historical concept and mixed dialects as an attribute of the synchronous-typological approach.

Key words: Moscow Dialectological Commission; areal linguistics; dialect contact zones; depth of ethnocontact zones; Pskov dialects; transitional dialects; mixed dialects

For citation: Bolshakova, N. V. (2023). The Theme of Pskov in the Works of the Moscow Dialectological Commission. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 192–203. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-192-203.

Введение

Дмитрий Николаевич Ушаков, известный «в науке как видный ученый-славист, историк русского языка, лексикограф, организатор многих крупных научных и общественных начинаний, “учитель учителей”» [Никитин 2018: 88], в начале своей научной деятельности занимался изучением русских народных говоров. Причем уже тогда, в ходе масштабной работы Московской диалектологической комиссии (1903–1931 гг.) по составлению Диалектологической карты русского языка в Европе, проявился выдающийся организаторский талант Д. Н. Ушакова как руководителя научного коллектива [Никитин 2003].

Предыстория Московской диалектологической комиссии (далее – МДК) связана с деятельностью А. А. Шахматова по составлению Программ для собирания особенностей народных говоров – северновеликорусских и южновеликорусских [Программы 1896], что отвечало идее ученого о самостоятельной научной значимости живых говоров как объекта лингвистического исследования. Предисловие к программам представляет собой рекомендации для работы на местах собирателей-корреспондентов Императорской Академии наук. Несмотря на краткость изложения, в этом предисловии определены основные правила сбора диалектного материала, которые и в настоящее время являются императивом для полевых диалектологов: «Удобнее всего было бы для Вас, если вы живете в крестьянской семье»; «обращайте внимание на речь только местных коренных жителей этого села или деревни»; «слушайте преимущественно лиц, постоянно живущих в деревне» [Программы 1896: I–II]. Судя по рекомендациям программы («Слушайте также стариков, баб и детей лет 8–12» [Программы 1896: II]), уже в конце XIX в. намечалось внимание к гендерной и возрастной дифференциации крестьянской речи. После получения первых результатов и, видимо, с учетом погрешностей в 1900 г. была издана общая программа не только с дополнительными вопросами, но и с указанием на неукоснительное соблюдение рекомендаций сбора диалектного материала (предисловие подписано В. И. Чернышевым) [Программы 1900: I]

Таким образом, «появлению на свет и

плодотворному научному будущему Диалектологической карты русского языка в Европе предшествовала большая и кропотливая работа по составлению Программы для собирания особенностей народных говоров» [Лённгрен 2015: 138], проходившая при инициативном участии А. А. Шахматова, который, помимо подготовительной деятельности, обрабатывал и публиковал поступающие из разных мест материалы [Шахматов 1896].

Итак, в 90-е гг. XIX в. работа по сбору диалектных данных имела широкий территориальный охват (северные и южные русские говоры), Программы в своих вопросах обобщали уже известные многочисленные диалектные данные по всем языковым уровням – от фонетики до синтаксиса. Были разработаны основополагающие правила, которые в последующем сформировали методику работы полевого диалектолога. Более того, уже на этом этапе были намечены социолингвистические аспекты устной народной речи, которые в настоящее время сближают территориальную и социальную диалектологию. Продолжая развивать социокультурное направление в изучении диалектов, современная наука акцентирует внимание на ареальной лингвистике, выросшей из диалектологии, решая вопросы соотношения диалектных и административных границ, вопросы переходных и (или) смешанных говоров. Но эти вопросы ареальной лингвистики будут стоять уже перед Московской диалектологической комиссией при составлении ею Диалектологической карты русского языка в Европе [Диалектологическая карта 1914; Опыт 1915].

Институциональному становлению МДК также способствовал А. А. Шахматов: «Благодаря стараниям академика А. А. Шахматова, желания кружка¹ осуществились путем учреждения при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук комиссии для составления диалектологической карты» [Ушаков 1995: 262]. Тщательное описание работы Комиссии в целом и вклад ее выдающихся членов

¹ «Московская Диалектологическая Комиссия образовалась из кружка (действовал с сентября 1901 г. – Н. Б.), составившегося в Москве по инициативе А. Д. Григорьева из лиц, занимавшихся изучением истории и диалектологии русского языка» [Ушаков 1995: 261].

дал сам Д. Н. Ушаков в ряде публикаций [Ушаков 1915; Ушаков, Соколов 1914; Ушаков, Голанов 1927].

История МДК подробно изучена современным языковедением [Никитин 2001, 2002, 2018]. Известно, что Д. Н. Ушаков принял руководство МДК после кончины выдающегося филолога-классика Ф. Е. Корша, заместителем которого он до этого являлся: «Председателем Диалектологической Комиссии после смерти академика Ф. Е. Корша с весны 1915 г. состоит Д. Н. Ушаков, товарищем председателя Н. Н. Дурново; секретарем Комиссии был до 1919 г. Н. Н. Соколов, а с 1919 г. состоит И. Г. Голанов» [Ушаков, Голанов 1927: 270]. Р. И. Аванесов, П. Г. Богатырев, Г. О. Винокур, С. С. Высоцкий, А. Н. Гвоздев, И. Г. Голанов, Н. Н. Дурново, С. П. Обнорский, М. Н. Петерсон, А. М. Пешковский, П. А. Расторгуев, А. М. Селищев, В. Н. Сидоров, Р. О. Якобсон [Ушаков 1995: 270–271; Никитин 2018: 89] – вот далеко не полный перечень имен крупных языковедов, принимавших деятельное участие в работе МДК, которую возглавлял Д. Н. Ушаков до ее ликвидации в 1931 г.

Проблемы диалектных границ. Переходные и смешанные говоры

Главным достижением работы МДК явилась Диалектологическая карта русского языка в Европе [Диалектологическая карта 1914; Опыт 1915], создание которой опиралось на целый ряд источников. «Комиссией была выпущена в количестве 3000 экземпляров и разослана на места своя собственная Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка» [Ушаков 1995: 267], обработанные ответы по которой регулярно публиковались в Трудах МДК. В картографической деятельности, где члены МДК были среди первопроходцев, были учтены имеющиеся данные по восточнославянской лингвистической географии – в первую очередь для верификации внешних границ диалектного пространства русского языка [Гриценко 2015: 45].

Картографирование пространственно-диалектного ландшафта потребовало от ученых проработки основ теории лингвистической географии, а именно вопроса квалификации междиалектных, этноконтактных территорий. С этой целью были использованы термины *переходные говоры* и

смешанные говоры.

В литературе отмечается, что указанные сочетания существовали в российском языковедении и до использования их МДК [Макаров 2001: 12–14]. Но только в очерке русской диалектологии, приложенном к Опыту диалектологической карты русского языка в Европе, эти словосочетания приобретают терминологический характер [Дурново, Соколов, Ушаков 1915: 1–3].

Понимая переходный говор как «третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, от которых он образовался» [Там же: 2], авторы пояснительного очерка к Карте применяют в первую очередь этот термин к выделению и обоснованию средневеликорусских говоров [Там же: 32–47].

На Карте МДК составителями выделяются только переходные говоры, в то время как смешанные говоры, связанные, по мнению авторов, с простым заимствованием отдельных слов или даже форм и не представляющие по этой причине отдельный тип, не получают в данном труде лингвогеографического отображения [Там же: 3].

К категории переходных на Карте МДК отнесены «средневеликорусские» говоры, а также еще 4 типа говоров на границах «великорусских», с одной стороны, и «малорусских» и белорусских – с другой, в том числе и акающие говоры южной части Псковской губернии.

Действительно, все эти типы говоров в ареальном отношении представляют собой промежуточные зоны с совмещением диалектных признаков. Однако само употребление термина *переходные говоры* диалектологами МДК содержало в себе диахронический аспект, т. е. предполагало установление некоего исторически исходного состояния идиома и более позднего влияния на него извне. Так, например, «средневеликорусские» говоры квалифицированы как «переходные говоры на северновеликорусской основе с белорусским наложением» [Там же: 32]. Несмотря на то, что в современном диалектном членении русского языка средне-русские говоры также рассматриваются как промежуточное звено между севернорусскими и южнорусскими говорами, но их происхождение не имеет единственного общепринятого объяснения.

Итак, установление границ русского диалектного пространства, обоснование

лингвистической неоднородности внутри его пределов, выявление в его составе особых зон на основе характерного набора диалектных признаков – все эти достижения МДК с проекцией на лингвистическую карту в последующем легли в основу лингвистической географии [Пшеничнова 2008: 12–13], а затем и ареальной лингвистики в отечественной науке. Вместе с тем выявились дискуссионные вопросы и направления дальнейших путей исследования.

Со времен МДК к терминам *переходные* и *смешанные говоры* неоднократно обращались в отечественной ареалогии. В строго терминологическом смысле в соответствии с трактовкой терминов МДК квалифицируются островные украинские говоры на территории Воронежской обл. как переходные от украинского языка к русскому: «в своей основе северноукраинские (с примесью особенностей других украинских наречий) с южнорусскими наслоениями» [Бескровный 1949: 313]. Однако по прошествии нескольких десятилетий, наблюдая пеструю картину межъязыковых контактов, даже при условии достоверного знания исторической основы говора, авторы оценивают идиом типологически, т.е. как *смешанный*, т.к. при таком подходе термин *переходный* методологически неуместен [Борисова 2016]. Также на территории Саратовской области по причине значительной пестроты диалектного ландшафта отмечаются смешанные говоры [Гольдин, Крючкова 2006]. Как смешанный характеризуется костромской островной акающий говор, функционирующий в окружении акающих говоров [Ганцовская 2008]. Отечественная традиция использования понятия переходных говоров продолжается в белорусской диалектологии, в частности в исследованиях, посвященных белорусско-брянским и белорусско-смоленским языковым связям [Манаенкова 1978, Новопокровская 1975, Прохорова 1991].

Во второй половине XX в. диалектное картографирование сосредоточилось в рамках масштабных проектов составления Общеславянского лингвистического атласа, Диалектологического атласа русских народных говоров и региональных атласов русских говоров; также были созданы Атлас української мови и Диялекталагічны атлас беларускай мовы. При этом методика

подготовки каждого из атласов восточнославянских языков опиралась на синхроническое состояние говоров строго в пределах республиканских границ.

Сложившееся положение, когда «немалое количество языковых изоглосс совпали с государственными границами Беларуси и России» [Чекмонас 2001: 30], негативно оценивается в научном дискурсе (см. также: [Антропов 2014]). Между тем и диалектная лексикография XX–XXI вв. придерживается того же принципа, определяя территориальные границы лексикографируемого материала в соответствии с новыми административными и государственными границами [Слоўнік беларускіх гаворак 1979–1986; Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны 2012–2014; Псковский областной словарь 1967–2018].

Постепенно термины *переходные говоры* и *смешанные говоры*, введенные в трудах МДК, перешли из разряда конкурирующих в нейтральную плоскость. В работах по диалектному членению принята новая ареальная номенклатура: *межзональные говоры* – для квалификации чисто синхронного образования, в том числе для южной части псковских говоров [Захарова, Орлова 1970]. В структурно-типологической классификации русских говоров интересующие нас говоры псковско-белорусского пограничья занимают позицию *смешанной совокупности разнородных говоров* [Пшеничнова 1996: 170].

Псковские говоры в ареальном аспекте

Специфика говоров, распространенных на псковской территории и в контактных зонах, неоднократно обсуждалась в трудах МДК. Об этом свидетельствуют отчеты о деятельности членов МДК, в которых ее председатель Д. Н. Ушаков скрупулезно фиксирует тематику докладов, сделанных на заседаниях комиссии. Так, на заседаниях за период 1904–1913 гг. был представлен отчет Н. Н. Соколова о поездке в Псковскую губ., доклады того же ученого: «О некоторых типах переходных говоров в западной части Тверской губ.», «Определение границ говоров вообще и белорусских в частности» [Ушаков 1995: 265]. За этот же период Н. Н. Соколов совместно с В. Н. Каменевым совершили поездку в Псковскую и Новгородскую губ. в 1910 г., Н. Н. Соколов – в Псковскую губ. в 1911 г. [Там же: 266]. В отчете Д. Н. Ушакова за период 1914–1926 гг. значится обсужде-

ние доклада Н. Н. Соколова «О говорах Псковской губ.» [Там же: 275]. Столь пристальное внимание МДК к псковской теме было связано с неоднородностью говоров на территории Псковской губ. того времени, но особенно с пограничным ее положением на юге – в зоне контакта с белорусским ареалом, в связи с чем южная часть была отнесена к переходным говорам как особому типу диалектных зон.

О роли Н. Н. Соколова (1875–1923 гг.) в разработке понятий *переходных* и *смешанных* *говоров* пишет в своих воспоминаниях Н. Н. Дурново (1876–1937 гг.): «Поездки как самого Н. Н. Соколова, так и других членов МДК были по большей части согласованы с планом, выработанным Комиссией, а в выработке этих планов едва ли не главная роль принадлежала Н. Н. Соколову. В согласии с его пониманием задач и методов исторической диалектологии большая часть диалектологических экскурсий, организованных МДК, была направлена в область переходных говоров» [Никитин 2001: 78]. Сам Н. Н. Дурново в Своде материалов, собранных Московской диалектологической комиссией, публикует обработанные им материалы по Программе МДК, поступившие из Новгородской и Псковской губ. [Свод материалов 1909: 16–29].

Опубликованная позднее статья Н. Н. Соколова «Говоры Псковской губернии» [Соколов 1917] представляет собой не только обобщение данных о диалектных особенностях этой территории, но и рассуждения о диалектных границах в их отношении с административными. Следует подчеркнуть, что границы Псковской губернии того времени не были тождественны границам современной Псковской области (которые ранее и в последующем неоднократно менялись). С юго-востока в нее входили Холм (совр. Новгородская обл.) и Торопец (совр. Тверская обл.), составляя с Великими Луками относительно однородные говоры. В северной части, наоборот, за пределами Псковской губ. был Гдовский у., входивший в Петроградскую губ. Южная граница также была значительно приближена к псковскому историческому центру, не поднимаясь выше южных оконечностей Опочецкого и Новоржевского уу., и совпадала с северной границей Витебской губ. Но даже и в этих

границах говоры Псковщины оценивались как неоднородные: выделялись окающие порховские, акающие собственно псковские говоры и, как уже отмечалось, «переходные к белорусским» [Там же: 155].

Таким образом, опираясь на материалы МДК, псковская территория может быть представлена как особая ареально-диалектная модель, в описании которой выявился целый узел проблем, которые остаются актуальными до настоящего времени. В частности, диалектологи МДК показали, что факт несовпадения диалектных и территориальных границ может исказить языковой ландшафт, во избежание чего требуется тщательное обследование картографируемых территорий.

Особую остроту вопрос о границах и пограничных зонах приобретает в случаях, когда междиалектные контактные зоны являются одновременно и межъязыковыми внутри близкородственных восточнославянских языков. Псковские говоры и до настоящего времени входят в сферу проблем межъязыкового контактирования: южная граница псковских говоров и соответствующая пограничная территория представляет собой предмет дискуссии [Янковяк 2015]. При этом следует еще раз подчеркнуть, что современным южнопсковским говорам [Большакова 2013] и «переходным» говорам юга Псковской губ. времен МДК соответствует далеко не одна и та же по протяженности с севера на юг территория.

Вследствие неоднократного изменения границ Псковщины [Филимонов 2009] зона контактирования псковских говоров с белорусским языком значительно расширилась и в настоящее время охватывает почти целиком семь районов Псковской области (в прошлом частично входивших в состав Витебской губ.). Последствия политико-административных решений в результате приобретают в публичном дискурсе общегуманитарный характер. Расширение псковской территории отразилось на географии Белоруссии, что в филологической среде воспринимается как утрата: «Географическая судьба западно-восточной части белорусско-русского пограничья представляется по меньшей мере драматической» [Антропов 2014: 16]. Ссылаясь на Карту МДК и Этнографическую карту белорусского племени Е. Ф. Карско-

го, автор устанавливает близость позиций этих источников в определении северной границы «диффузной» переходной зоны между русскими (читай – псковскими) и севернорусскими говорами [Там же: 17]. В связи с этим заслуживают внимания наблюдения К. А. Иеропольского над народной речью в д. Савкино б. Пушкинского р-на в 1928 и 1929 гг., где он, наряду с массово представленными яркими псковскими диалектными (в том числе древними: *кепок*, *кявина*), отмечает особенности, свойственные белорусскому языку [Иеропольский 1930: 597]. Иначе говоря, «белорусизмы» [Большакова 2018], по-видимому, спорадически проявлялись и на территории, более северной, чем определяется на Карте МДК и даже на Карте Е. Ф. Карского [Карский 1902], а этноконтактная русско-белорусская зона имеет разную степень глубины.

История говоров, располагающихся в зоне современного псковско-белорусского контактирования, на наш взгляд, не может быть подведена под стандартную модель языкового взаимодействия (историческая «основа» – инодиалектное/иноязычное «наслоение»), т. к. современное состояние является результатом разнонаправленных процессов, причем происходивших в разные эпохи: время расселения славянских племен в восточной Европе, период раннего средневековья, время существования Великого княжества Литовского и Московского государства и далее новое и новейшее время – отражают как адстратные, так и конвергентные и дивергентные процессы. Закрепление новых границ в начале XX в., которые в конце его стали государственными между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, усиливало и языковую дифференциацию в рассматриваемой этноконтактной зоне за счет распространения русского языка.

Отметим факты разновекторных процессов, характерных для территории псковско-белорусского пограничья. Как установлено на основе ретроспективных данных, выделяемая среди западных среднерусских говоров «Псковская группа говоров» обладает рядом специфических черт, среди которых результаты исторического взаимодействия с новгородским диалектом, с финно-угорскими языками, а также соседство с белорусским языком.

«Близость территории распространения белорусского языка сказывается в том, что на данную территорию находит частично зона явлений, общих говором русского и белорусского языков, расположенных на сопредельных территориях» [Образование 1970: 392]. Южная граница «Псковской группы говоров» подробно не описывается в указанном труде, однако все карты, иллюстрирующие диалектные явления разного типа, показывают, что она совпадает с границей БССР. Не останавливаясь подробно на выделяемых в данной работе особенностях южной части псковской группы говоров, отметим лишь некоторые из них и укажем, что они отражают черты белорусских говоров, например: «произношение [w] в конце слова и слога: *дрow*, *лаwка*»; произношение [y] «в слове *унук*»; «распространение предлога [ув], [уво]»; произношение [ы] «в глаголах типа *мыйу*, *рыйу*» и мн. др. [Там же: 412]. В очерке истории формирования «Псковской группы говоров» отмечается глубокая древность взаимоотношений между населением Псковской и Полоцкой земель, уходящая своими корнями в эпоху расселения восточнославянских племен [Там же: 446]. В дальнейшем развитие специфических только для юга псковских говоров некоторых явлений (в том числе перечисленных выше), «возможно, поддерживалось тем, что уже после того, как на юге Псковской земли образовалась граница с Великим княжеством Литовским, обусловившая образование пучка изоглосс, создавшего и языковую границу, разделяющую в настоящее время диалекты русского и белорусского языков» [Там же: 452]. Трудно с определенностью сказать, о какой языковой границе идет речь, вероятно, имеется в виду все же не черта, а некая территория, полоса, зона, разделяющая диалекты двух восточнославянских языков.

По прошествии незначительного (около 50 лет), но интенсивного по силе влияния русского языка тот же ареалогический анализ лексических явлений отражает «в зоне пограничных контактов русских и белорусских диалектов» конвергентные процессы «волнового распространения лексем из центров, находящихся на территории русского языка, т.е. в роли донора выступают, как правило, русские диалекты» [Вендина 2009: 219].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что Московская диалектологическая комиссия, плодотворно проработавшая около тридцати лет, представляла собой инновационный и масштабный проект, заложивший основы отечественной ареальной лингвистики и определивший путь диалектологии как самодостаточной языковедческой науки. Объединяя как именитых специалистов, так и начинающих ученых, МДК способствовала не только развитию фундаментальных идей, но и являлась школой формирования научных исследователей. Историческая роль во всех этих процессах принадлежит Д. Н. Ушакову как генератору идей, организатору научного коллектива и специалисту-языковеду.

Изданная Д. Н. Ушаковым в соавторстве с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым Диалектологическая карта русского языка в Европе с приложением Очерком русской диалектологии – это не только веха в истории науки, но и средоточие идей, которые продолжают оставаться актуальными. Одним из вопросов, не потерявших остроту, является проблема переходных и смешанных говоров, обсуждающаяся и через столетие со времени публикации трудов МДК. Так сложилось, что именно псковские говоры, особенно их южная часть, продолжают оставаться объектом, применительно к которому возобновляется дискуссия об употреблении терминов *переходные говоры* и *смешанные говоры*, введенных в трудах МДК.

Литература

Антропов, Н. П. К истории научного обоснования белорусско-русского диалектного пограничья: запад – восток / Н. П. Антропов. – Текст : электронный // Диалекти в синхронії та діахронії: загальнослов'янський контекст [тези доповідей міжнародної конференції] / за ред. П. Ю. Гриценка. Ін-т укр. мови НАН України. – К. : КММ, 2014. – С. 16–24. URL : <http://smalensk.org/?p=1078> (дата обращения: 6.06.2023).

Бескровный, А. М. Из истории образования переходного украинско-русского диалекта в Воронежской области / А. М. Бескровный // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. / [отв. ред. акад. С. П. Обнорский и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1949. – С. 312–319.

Большакова, Н. В. Южнопсковские говоры в контексте лингвогеографических и этнолингвистических проблем / Н. В. Большакова // Вестник Псковского государственного университета. Серия : социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2013. – № 3. – С. 143–150.

Большакова, Н. В. К вопросу о «белорусизмах» в псковских народных говорах / Н. В. Большакова // Сборнік дакладаў і тэзісаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў» (Мінск, Беларусь, 7–8 верасня 2017 года) / гал. рэд. А. І. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2018. – С. 421–424.

Борисова, О. Г. Типологическая характеристика кубанского диалекта / О. Г. Борисова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. – 2016. – № 9-10 (113). – С. 74–79.

Вместе с тем появилось понимание внеконкурентного содержания данных терминов в связи с отсутствием единой основы для их противопоставления. Если первый из них характеризует результат исторического процесса взаимодействия языков, то содержание второго лежит в синхронической плоскости и отражает состояние сложившегося идиома. В таком случае один и тот же говор может быть охарактеризован исторически как переходный, а типологически как смешанный.

И все же такое разведение терминов не устраняет остроты вопроса. Проблемной зоной продолжает оставаться лингвистическая интерпретация переходности. Если, например, для переселенческих говоров вопрос исторической основы и стороннего влияния в целом очевиден, то применительно к таким говорам, как южнопсковские, территория распространения которых пережила сложный комплекс разновекторных и разновременных типов взаимодействия близкородственных языковых (а ранее – племенных) общностей, простое решение вопроса вряд ли существует. Более того, для разных частей рассматриваемой псковской территории (юго-западной и юго-восточной) вопрос исторического взаимодействия в направлении север – юг может решаться неодинаково (однако, как представляется, уже не в рамках лингвистики, а в сфере данных истории и археологии).

Вендина, Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте / Т. И. Вендина / Институт славяноведения РАН. – М. : Пробел 2000, 2009. – 532 с.

Ганцовская, Н. С. Лексика говоров костромского акающего говора (проблемы типологии) : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 39 с.

Гольдин, В. Г. Саратовские говоры и лингвистическое краеведение / В. Г. Гольдин, Е. Ю. Крюкова. – Текст : электронный // Краеведение и архивное дело в провинции : исторический опыт и перспективы развития. Вып. 9 / отв. редактор Н. М. Малов. – Саратов : Издательство «Локатор», 2006. – С. 88–93. – URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/sargovory.htm/> (дата обращения: 6.06.2023).

Гриценко, П. Е. Лингвистическая география как инструментальный познания языка / П. Е. Гриценко // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 44–50.

Диалектологическая карта русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым. – Пг. : Императорское Русское Геогр. об-во, 1914. – 132 с.

Дурново, Н. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии / Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – М. : Синодальная типография, 1915. – 140 с.

Захарова, К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – М. : Просвещение, 1970. – 165 с.

Иеропольский, К. А. Говор д. Савкино Пушкинского района Псковского округа / К. А. Иеропольский // Академия наук СССР. Известия по русскому языку и словесности. – 1930. – Т. 3, кн. 2. – С. 585–597.

Карский, Е. Ф. К вопросу об этнографической карте белорусского племени / Е. Ф. Карский. – СПб. : Имп. АН, 1902. – 16 с.

Лённгрен, Т. П. У истоков Диалектологической карты русского языка в Европе : вклад норвежского профессора Олафа Брока в подготовку Программы для собирания особенностей русских народных говоров 1896 г. / Т. П. Лённгрен // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 138–139.

Макаров, В. И. В. И. Даль и восточнославянская диалектология / В. И. Макаров // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия 1, Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 6–17.

Манаенкова, А. Ф. Русско-белорусские языковые отношения : На материале рус. говоров Ветки / А. Ф. Манаенкова. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 168 с.

Никитин, О. В. Воспоминания о Московской диалектологической комиссии. Н. Н. Дурново (К 125-летию со дня рождения) / О. В. Никитин [вступительная статья, публикация и примечания О. В. Никитина] // Русская речь. – 2001. – № 5. – С. 73–80.

Никитин, О. В. С. С. Высотский. Д. Н. Ушаков и русская диалектология [вступительная статья, публикация и примечания О. В. Никитина] / О. В. Никитин // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 79–86.

Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : К 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95.

Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева : неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.

Новопокровская, В. Н. Из истории говоров, переходных от белорусского языка к русскому / В. Н. Новопокровская. – Минск : [б. и.], 1975. – 143 с.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвогеографии / отв. ред. В. Г. Орлова; авт. колл. К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1970. – 457 с.

Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры // Русский филологический вестник. – 1911. – № 3–4. Т. 66. – С. 177–192 [В основу программы положен проект, составленный Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым].

Программы для собирания особенностей народных говоров : издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб. : Типография Имп. Академии наук, 1900. – 145 с.

Проخورова, С. М. Синтаксис переходной русско-белорусской зоны : ареально-типологическое исследование / С. М. Проخورова / науч. ред. П. П. Шуба. – Минск : Университетское, 1991. – 135 с.

Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1–28 / под ред. Б. А. Ларина [и др.]. – Л. ; СПб. : Издательство ЛГУ-СПбГУ, 1967–2018. (ПОС) (издание продолжается)

Пшеничнова, Н. Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров) / Н. Н. Пшеничнова ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – М. : Азбуковник, 2008. – 219 с.

Пшеничнова, Н. Н. Типология русских говоров / Н. Н. Пшеничнова; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М. : Наука, 1996. – 208 с.

Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / склад.: Г. К. Семьянькова, Т. А. Грачыха, А. С. Дзядова [і інш.]; рэд. Л. І. Злобін (ч. 1), А. С. Дзядова (ч. 2). – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2012–2014.

Свод материалов, собранных Московской Диалектологической комиссией (продолжение). Новгородская и Псковская губернии / обработал Н. Н. Дурново // Русский филологический вестник. – 1909. – № 1. Т. 61. – Вып. 1. – С. 16–29.

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч [і інш.], рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979–1986.

Соколов, Н. Н. Говоры Псковской губернии / Н. Н. Соколов // Русский филологический вестник. – 1917. – Т. 77. № 2. – С. 152–163.

Ушаков, Д. Н. Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф. Е. Корше / Д. Н. Ушаков. – Текст : электронный / Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 4 // Русский филологический вестник. – 1915. – Т. 74, вып. 1 (№ 3). – С. 68–81. – URL: <https://www.prlib.ru/item/678466> (дата обращения: 06.06.2023).

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк возникновения Московской диалектологической комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914) / Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов / Труды Московской диалектологической комиссии // Русский филологический вестник. – 1914. – Т. 71, вып. 2. – С. 419–430.

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) / Д. Н. Ушаков, И. Г. Голанов // Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии). Вып. 9 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1927. – С. 1–12.

Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение, 1995. – 320 с.

Филимонов, А. В. Процесс «районирования» в Псковском крае (1918–1930 гг.) / А. В. Филимонов // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия : социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. – 2009. – № 9. – С. 43–60.

Чекмонас, В. Н. Из истории формирования белорусских говоров / В. Н. Чекмонас // Беларуская мова : шляхі развіцця, кантакты, перспектывы : Матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» / рэдкал.: Г. Цыхун (гл. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 29–46.

Шахматов, А. А. Материалы для изучения великорусских говоров / А. А. Шахматов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1896. – Т. I. Кн. 2. – С. 335–354.

Шахматов, А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. II / А. А. Шахматов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1896. – Т. I. Кн. 3. – С. 549–573.

Шахматов, А. А. Материалы для изучения великорусских говоров. III / А. А. Шахматов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1896. – Т. I. Кн. 4. – С. 952–1004.

Янковяк, М. Говоры Себежского и Невельского районов Псковской области как пример белорусско-русских переходных (смешанных) диалектов / М. Янковяк // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 224–226.

References:

Antropov, N. P. (2014). K istorii nauchnogo obosnovaniya belorussko-russkogo dialektного pogranič'ya: zapad – vostoк [On the History of the Scientific Substantiation of the Belarussian-Russian Dialect Borderland: West – East]. In *Dialekti v sinkhronii ta diakhronii: zagal'noslov'yans'kii kontekst [tezi dopovidei mizhnarodnoi konferencii]*. Kiev, KMM. Pp. 16–24. – URL: <http://smalensk.org/?p=1078> (mode of access: 06.06.2023).

Beskovnyi, A. M. (1949). Iz istorii obrazovaniya perekhodnogo ukrainsko-russkogo dialekta v Voronezhskoi oblasti [From the History of the Formation of the Transitional Ukrainian-Russian Dialect in the Voronezh Region]. In *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. Vol. II. Moscow ; Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Pp. 312–319.

Bol'shakova, N. V. (2013). Yuzhnopskovskie govory v kontekste lingvogeograficheskikh i etnolingvicheskikh problem [South Pskov Dialects in the Context of Linguogeographic and Ethnolinguistic Problems]. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : sotsial'no-gumanitarnye i psichologo-pedagogicheskie nauki*. No. 3, pp. 143–150.

Boľshakova, N. V. (2018). K voprosu o «belorusizmakh» v pskovskikh narodnykh govorakh [On the Question of “Belarusianism” in Pskov Folk Dialects]. In *Zbornik daklady i tezisay VIII Mizhnarodnai navukova-praktychnai kanferencyi «Tradycyi i suchasny stan kul'tury i statststvay» (Minsk, Belarus', 7–8 verasnya 2017 goda)*. Minsk, Prava i ekonomika. Pp. 421–424.

Borisova, O. G. (2016). Tipologicheskaya kharakteristika kubanskogo dialekta [Typological Characteristics of the Kuban Dialect]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 9-10 (113), pp. 74–79.

Chekmonas, V. N. (2001). Iz istorii formirovaniya belorusskikh govorov [From the History of the Formation of Belarusian Dialects]. In *Belaruskaya mova: shlyakhi razvitsya, kantakty, perspektivy: Materyyaly III Mizhnar. kangresa belarustsity «Belaruskaya kul'tura i dyyalogu tsyvilizatsyyi»*. Minsk, Belaruskii knigazbor. 308 p. Pp. 29–46.

Chernyshev, V. I. (Ed.). (1900). *Programmy dlya sobiraniya osobennosti narodnykh govorov* [Programs for Collecting Features of Folk Dialects]. Saint Petersburg, Tip. Imp. Akademii Nauk. 145 p.

Durnovo, H. H. (Ed.). (1909). Svod materialov, sobrannykh Moskovskoi Dialektologicheskoi komissiei (prodolzhenie). Novgorodskaya i Pskovskaya gubernii [Summary of Materials Collected by the Moscow Dialectological Commission (Continued). Novgorod and Pskov Provinces]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. No. 1, vol. 61, part 1, pp. 16–29.

Durnovo, N. N., Sokolov, N. N. (1911). Programma dlya sobiraniya svedenii, neobhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoi karty russkogo yazyka. 2. Severnovelikoruskie i srednevelikorusskie govory [A Program for Collecting Information Necessary for Compiling a Dialectological Map of the Russian Language. 2. Northern Great Russian and Middle Great Russian Dialects]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. No. 3–4, vol. 66, pp. 177–192.

Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., Ushakov, D. N. (1914). *Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope*. [Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Petrograd, Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe ob-vo. 132 p.

Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., Ushakov, D. N. (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii* [Russian Dialectological Map Experience in Europe with the Application of an Essay on Russian Dialectology]. Moscow, Sinodal'naya tipografiya. 140 p.

Filimonov, A. V. (2009). Process «raionirovaniya» v Pskovskom krae (1918–1930 gg.) [The Process of “Zoning” in the Pskov Region (1918–1930)]. In *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: sotsial'no-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. No. 9, pp. 43–60.

Gantsovskaya, N. S. (2008). *Leksika govorov kostromskogo akayushchego govora (problemy tipologii)* [Vocabulary of Dialects of the Kostroma Dialect (Problems of Typology)]. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Kostroma, KGU im. N. A. Nekrasova. 39 p.

Gol'din, V. G., Kryuchkova, E. Yu. (2006). Saratovskie govory i lingvisticheskoe kraevedenie [Saratov Dialects and Linguistic Local Lore]. In *Kraevedenie i arkhivnoe delo v provintsii: istoricheskii opyt i perspektivy razvitiya*. No. 9. Saratov, Izdatel'stvo “Lokator”. Pp. 88–93. – URL: <http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/sargovory.htm> (mode of access: 06.06.2023).

Gritsenko, P. E. (2015). Lingvisticheskaya geografiya kak instrumentarii poznaniya yazyka [Linguistic Geography as a Tool for Language Cognition]. In *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope : Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii 30 oktyabrya – 01 noyabrya 2015 g.* Moscow, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Pp. 44–50.

Ieropol'skii, K. A. (1930). Govor d. Savkino Pushkinskogo raiona Pskovskogo okruga [The Dialect of the Village of Savkino of the Pushkin District of the Pskov District]. In *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Akademii nauk*. Vol. 3. Part. 2. Pp. 585–597.

Karskii, E. F. (1902). *K voprosu ob etnograficheskoi karte belorusskogo plemeni* [On the Question of the Ethnographic Map of the Belarusian Tribe]. Saint Petersburg, Imp. AN. 16 p.

Larin, B. A. et al. (Eds.). (1967–2018). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi* [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Vol. 1–28. Leningrad / Saint Petersburg.

Lyonngrén, T. P. (2015). U istokov Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope : vklad norvezhskogo professora Olafa Broka v podgotovku Programmy dlya sobiraniya osobennosti russkikh narodnykh govorov 1896 g. [Russian Dialectological Map in Europe : Contribution of Norwegian Professor Olaf Brock to the Preparation of a Program for Collecting the Peculiarities of Russian Vernacular Dialects in 1896]. In *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope : Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii 30 oktyabrya – 01 noyabrya 2015 g.* Moscow, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Pp. 138–139.

Makarov, V. I. (2001). V. I. Dal' i vostochnoslavianskaya dialektologiya [V. I. Dahl and East Slavic Dialectology]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Gumanitarnye nauki*. No. 2, pp. 6–17.

Manaenkova, A. F. (1978). *Russko-belorusskie yazykovye otnosheniya : Na materiale rus. govorov Vetki* [Russian-Belarusian Language Relations: Based on the Material of the Russian Dialects of the Vetka]. Minsk, Izd-vo BGU. 168 p.

Matskevich, Yu. F. (Eds.). (1979–1986). *Slojnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zahodnyai Belarusi i yae pagranichcha: u 5 t.* [Dictionary of Belarusian Dialects of North-Western Belarus and Its Borderlands: in 5 Vols.]. Minsk, Navuka i tehnika.

Nikitin, O. V. (2001). Vospominaniya o Moskovskoi dialektologicheskoi komissii. N. N. Durnovo (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya) (vstupitel'naya stat'ya, publikatsiya i primechaniya O. V. Nikitina) [Memories of the Moscow Dialectological Commission. N. N. Durnovo (To the 125th Anniversary of His Birth) (Introductory Article, Publication and Notes by O. V. Nikitin)]. In *Russkaya rech'*. No. 5, pp. 73–80.

Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva : neizvestnye stranitsy istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly [The Moscow Dialectological Commission in the Memoirs of D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev: Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 1, pp. 91–102.

Nikitin, O. V. (2003). S. S. Vysotskii. D. N. Ushakov i russkaya dialektologiya (vstupitel'naya stat'ya, publikatsiya i primechaniya O. V. Nikitina) [S. S. Vysotsky. D. N. Ushakov and Russian Dialectology (Introductory Article, Publication and Notes by O. V. Nikitin)]. In *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 79–86.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniya XX veka : K 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XX Century: to the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (170), pp. 88–95.

Novopokrovskaya, V. N. (1975). *Iz istorii govorov, perekhodnykh ot belorusskogo yazyka k russkomu* [From the History of Dialects Transitioning from Belarusian to Russian]. Minsk, B. i. 143 p.

Orlova, V. G. (Eds.). (1970). *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Po materialam lingvogeografii* [Formation of the Northern Russian dialect and Central Russian Dialects. Based on the Materials of Linguogeography]. Moscow, Nauka. 457 p.

Prokhorova, S. M. (1991). *Sintaksis perekhodnoi rusko-belorusskoi zony: areal'no-tipologicheskoe issledovanie* [Syntax of the Transitional Russian-Belarusian Zone: an Areal-Typological Study]. Minsk, Universitetskoe. 135 p.

Pshenichnova, N. N. (1996). *Tipologiya russkikh govorov* [Typology of Russian Dialects]. Moscow, Nauka. 208 p.

Pshenichnova, N. N. (2008). *Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkikh govorov)* [Linguistic Geography (Based on the Materials of Russian Dialects)]. Moscow, Azbukovnik. 219 p.

Shakhmatov, A. A. (1896). Materialy dlya izucheniya velikoruskikh govorov [Materials for the Study of Great Russian Dialects]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. I, part 2, pp. 335–354.

Shakhmatov, A. A. (1896). Materialy dlya izucheniya velikoruskikh govorov [Materials for the Study of Great Russian Dialects II]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. I, part 3, pp. 549–573.

Shakhmatov, A. A. (1896). Materialy dlya izucheniya velikoruskikh govorov. [Materials for the Study of Great Russian Dialects III]. In *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. I, part 4, pp. 952–1004.

Sokolov, H. H. (1917). Govory Pskovskoi gubernii [Dialects of Pskov Province]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. Vol. 77, No. 2, pp. 152–163.

Ushakov, D. N. (1915). Vospominaniya o predsedatele Moskovskoi dialektologicheskoi komissii akademike F. E. Korshe [Memories of the Chairman of the Moscow Dialectological Commission Academician F. E. Korsh]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. Vol. 74, part 1 (No. 3), pp. 68–81. – URL: <https://www.prlib.ru/item/678466> (mode of access: 06.06.2023).

Ushakov, D. N. *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie. 320 p.

Ushakov, D. N., Golanov I. G. (1927). Kratkii ocherk deyatelnosti Postoyannoi Komissii po dialektologii russkogo yazyka za 12 let (yanvar' 1914 g. – yanvar' 1926 g.) [A Brief Outline of the Activities of the Permanent Commission on Dialectology of the Russian Language for 12 Years (January 1914 – January 1926)]. In *Trudy Postoyannoi Komissii po dialektologii russkogo yazyka (b. Moskovskoi dialektologicheskoi komissii)*. Vol. 9. Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk. Pp. 1–12.

Ushakov, D. N., Sokolov, N. N. (1914). Kratkii ocherk vozniknoveniya Moskovskoi dialektologicheskoi komissii i ee deyatelnosti za pervoe desyatiletie (1904–1914) [A Brief Outline of the Emergence of the Moscow Dialectological Commission and Its Activities During the First Decade (1904–1914)]. In *Russkii filologicheskii vestnik*. No. 2, vol. 71, part 2, pp. 419–430.

Vendina, T. I. (2009). *Russkie dialekty v obshchslavyanskom kontekste* [Russian Dialects in the Common Slavic Context]. Moscow, Probel. 532 p.

Yankovyak, M. (2015). Govory Sebezhskego i Nevel'skogo raionov Pskovskoi oblasti kak primer belorussko-russkikh perekhodnykh (smeshannykh) dialektov [Dialects of Sebezhsky and Nevel'sky Districts of Pskov Region as an Example of Belarusian-Russian Transitional (Mixed) Dialects]. In *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope : Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii*

30 oktyabrya – 01 noyabrya 2015 g. Moscow, V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Pp. 224–226.

Zakharova, K. F., Orlova, V. G. (1970). *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialect Division of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie. 165 p.

Zlobin, L. I. et al. (Eds.). (2012–2014). *Regional'ny sloynik Vitsebskchyny: u 2 ch.* [Regional Dictionary of Vitsebsk Region: in 2 Parts]. Vitsebsk, VDU imya P. M. Masherava.

Данные об авторе

Большакова Наталья Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий научно-образовательной лабораторией «Социогуманитарная регионика», Псковский государственный университет (Псков, Россия).

Адрес: 180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, 2.

E-mail: bolshakova55@yandex.ru.

Author's information

Bolshakova Natalia Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Scientific and Educational Laboratory “Socio-Humanitarian Regionics”, Pskov State University (Pskov, Russia).

Дата поступления: 02.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 02.09.2023; date of publication: 30.12.2023

ИССЛЕДОВАТЕЛИ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ЗАВЕТАМ МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ганцовская Н. С.

Костромской государственный университет (Кострома, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>
SPIN-код: 6164-6414

Неганова Г. Д.

Костромской государственный университет (Кострома, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>
SPIN-код: 7284-9715

А н н о т а ц и я . Статья посвящена начальному периоду лингвистической биографии Д. Н. Ушакова, связанной с его работами в МДК, и её продолжением в позднейшее время силами его учеников, соратников, последователей. Рассмотрены труды диалектологов, изучавших костромские говоры в период работы МДК и далее по заветам А. А. Шахматова благодаря личным контактам с Д. Н. Ушаковым (председателем МДК с 1915 по 1931 г.) или опосредованно, через взаимодействие с учредителями МДК и деятелями того же направления. Отмечено, что последователи А. А. Шахматова и Д. Н. Ушакова, с его учениками и «учениками учеников», сделали неопределимый вклад в изучение костромских говоров как органической части пространства русских говоров, определив их место в диалектном членении русского языка. В частности, Н. Н. Соколов обследовал акающие костромские говоры и определил их границы, связь с говорами Подмоскovie, Н. Н. Виноградов установил причины появления «чухломского аканья», затем статус Костромского акающего острова обсуждали Г. З. Шкляр, Л. Л. Касаткин, С. С. Высотский, Н. Н. Пшеничнова, Н. С. Ганцовская и др. Исследования Н. Н. Виноградова шунгенских говоров начала XX в. сначала как проба пера в виде небольшого фонетического очерка, а затем, с ведома А. А. Шахматова, по обширной академической Программе, потом и лексика северной свадьбы того же региона поимы Костромы, арго «галивонских алеманов», языка заговоров и оберегов костромского края также актуальны и сейчас. В заключение говорится о том, что костромские диалекты, начиная с середины XX в. и до сегодняшнего дня, продолжают интенсивно изучаться с разными целями, но в немалой степени в результате активной стимуляции государственными академическими программами создания диалектологических атласов как бы в продолжение дела, начатого создателями и участниками МДК, прежде всего А. А. Шахматовым, Д. Н. Ушаковым и их последователями.

К л ю ч е в ы е с л о в а : деятели Московской диалектологической комиссии; исследователи костромских говоров; костромские говоры; Костромской (Чухломской) акающий остров; костромские шунгенские говоры

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ганцовская, Н. С. Исследователи костромских говоров: деятельность по заветам Московской диалектологической комиссии / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 204–216. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-204-216.

RESEARCHERS OF KOSTROMA DIALECTS: IN THE WAKE OF THE MOSCOW DIALECTOLOGICAL COMMISSION

Nina S. Gantsovskaya

Kostroma State University (Kostroma, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Galina D. Neganova

Kostroma State University (Kostroma, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3247-1440>

A b s t r a c t . The article focuses on the initial period of D. N. Ushakov's linguistic biography related to his work in the Moscow Dialectological Commission (MDC), continued later by his students, colleagues, and followers.

The article looks at the works of dialectologists who studied Kostroma dialects during the work of the MDC and later in the wake of A. A. Shakhmatov due to direct personal contacts with Ushakov (Chairman of the MDC from 1915 to 1931) or indirectly through interaction with the MDC founders and colleagues. It is noted that the followers of Shakhmatov and Ushakov, together with his students and “students of students”, made an invaluable contribution to the study of Kostroma dialects as an organic part of the space of Russian dialects, determining their place in the dialectal division of the Russian language. In particular, N. N. Sokolov examined the Kostroma dialects, in which unstressed “o” is pronounced as “a”, and determined their boundaries and their connection with the dialects of the Moscow region. N. N. Vinogradov discovered the reasons for the emergence of the “Chukhloma dialect”. Then the status of the Kostroma Chukhloma dialect was discussed by G. Z. Shklyar, L. L. Kasatkin, S. S. Vysotsky, N. N. Pshenichnova, N. S. Gantsovskaya and others. Vinogradov’s studies of Shungun dialects of the early 20th century began in the form of a small phonetic essay, and then, with the approval of Shakhmatov, were continued within an extensive academic program, later accompanied by investigations of the vocabulary of the northern wedding of the same region, the argot of the “Galivon alemans”, and the language of conspiracies and charms of the Kostroma region, relevant even now. In conclusion it is argued that Kostroma dialects, starting from the mid 20th century and up to the present day, continue to be intensively studied for various purposes, but to a large extent as a result of active stimulation by state academic programs of the creation of dialectological atlases, as if in continuation of the work begun by the creators and participants of the MDC, primarily Shakhmatov, Ushakov and their followers.

Key words: members of the Moscow Dialectological Commission; researchers of Kostroma dialects; Kostroma dialects; Kostroma Chukhloma dialect; Kostroma Shunga dialects

For citation: Gantsovskaya, N. S., Neganova, G. D. (2023). Researchers of Kostroma Dialects: In the Wake of the Moscow Dialectological Commission. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 204–216. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-204-216.

Введение

Знаменитая аббревиатура МДК означает Московская диалектологическая комиссия, т. е. та организация лучших, высококвалифицированных и патриотически настроенных русских лингвистов, которая в 1903 г. возникла в Москве по инициативе академика А. А. Шахматова, чтобы на основе собранных диалектных материалов выявить группировку русских говоров с конечной целью создания сводной карты диалектного членения русского языка. Благородная личность Дмитрия Николаевича Ушакова (1873–1942), в течение многих лет возглавлявшего её работу, подлинного интеллектуала, человека с разнообразными интересами и многообразными видами деятельности, учёного и учителя, вошедшего в XX столетии в число самых замечательных отечественных лингвистов круга А. А. Шахматова и Московской фортуна-товской школы, хорошо известна.

Нашу статью мы посвящаем начальному периоду лингвистической биографии учёного, которая связана с его работой в МДК и её продолжением в позднейшее время силами его учеников, соратников, последователей. «Последними из его аспирантов были Е. П. Танская (Красноярск), С. С. Высотский, – писал Р. И. Аванесов. – Д. Н. Ушаков оставил богатое наследство

не только в своих трудах – книгах и статьях, словаре, проложив новые пути в области орфоэпии, орфографии, диалектологии, лексикографии, в методике преподавания русского языка в школе, он жив в работах и трудах своих многочисленных учеников, которые уже и сами дали большое “потомство”. В этом подлинное бессмертие» [Аванесов 1973: 105]. Непосредственно же мы постараемся сосредоточиться на рассмотрении трудов диалектологов, описавших костромские говоры в период работы МДК и далее по её заветам.

С. С. Высотский: по заветам Д. Н. Ушакова
«Последний из аспирантов Дмитрия Николаевича» С. С. Высотский называл себя представителем последнего поколения, воспитанного Д. Н. Ушаковым – участником, а в 1915–1931 гг. председателем Московской диалектологической комиссии, совместно с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым подготовившим Диалектологическую карту русского языка в Европе – монументальный труд, «воспитавший десятки диалектологов и послуживший мощной базой и импульсом для развития русской диалектологии» [Высотский 2003: 84]. Интерес к живой народной речи побудил С. С. Высотского поступить в 1938 г. в аспирантуру знаменитого МИФЛИ (Московского института философии, литерату-

ры и истории) к Д. Н. Ушакову, который тогда заведовал кафедрой славяно-русского языкознания, а спустя год возглавил занимавшийся ДАРЯ (диалектологическим атласом русского языка) диалектологический центр при Институте языка и письменности АН СССР. Неслучайно в русле этой работы находилась кандидатская диссертация Сергея Сергеевича, темой которой было описание юго-западных подмосковных говоров. После успешной защиты диссертации в 1941 г. он был принят в Институт русского языка АН СССР на должность сначала младшего, затем старшего научного сотрудника, где в 1958 г. организовал лабораторию экспериментальной фонетики. Как известно, работа над ДАРЯ была приостановлена в начале войны и возобновилась уже после её окончания учениками и последователями Д. Н. Ушакова. В этой работе С. С. Высотский принимал самое деятельное участие: «собирал материал в экспедициях, планировал их маршруты и формировал экспедиционные группы, участвовал в подготовке карт-бланков для Атласа» [Касаткина 1987: 89]. Он был одним из авторов «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы». Много было сделано им для становления лингвистической географии, в частности, как отмечала Р. Ф. Касаткина, занимался разработкой лингвогеографической методики [Касаткина 1987: 89].

Полевым обследованием для ДАРЯ в послевоенное время активно занимались и в Костромском пединституте им. Н. А. Некрасова (ныне Костромской государственной университет). Возглавлял работу высококвалифицированный славист Г. З. Шкляр – белорусский лингвист, старший научный сотрудник Белорусской академии наук, летом 1941 г. оказавшийся в эвакуации в Костроме. «...Я продолжаю также научную работу, главным образом в области изучения местных народных говоров по программе Института русского языка Академии наук СССР, – писал он в автобиографии, датированной 17 января 1948 г. – На протяжении 1944–1947 гг. под моим руководством были проведены четыре экспедиции и обследованы говоры 8 районов Костромской области. С докладами об итогах этих экспедиций я выступал на первом межобластном диалектологическом совеща-

нии в г. Ярославле в 1946 г. и на втором межобластном совещании в г. Костроме...» [Шкляр 2020: 44]¹.

В межобластном диалектологическом совещании, проходившем в Костроме под эгидой Академии наук СССР в 1947 г., приняли участие известные диалектологи АН СССР. Костромская областная газета «Северная правда» от 20 июня 1947 г. следующим образом осветила это мероприятие: «Сегодня в Костромском учительском институте им. Н. А. Некрасова открывается межобластное диалектологическое совещание, организованное Академией наук СССР. В совещании примут участие научные сотрудники Академии наук СССР гг. Высотский и Бромлей, профессор Ярославского педагогического института Миртов и представители Горьковского, Ивановского и Вологодского педагогических институтов. Будут обсуждены отчёты вузов об итогах диалектологических экспедиций за 1946 год и планы диалектологической работы на 1947 год. С докладом “Анализ собранного вузами материала для издания четвертого тома диалектологического атласа Академии наук СССР” выступит научный сотрудник Академии профессор Высотский. Преподаватель Костромского учительского института тов. Шкляр ознакомит участников совещания с итогами диалектологических экспедиций по Костромской области и прочитает доклад “Местные особенности в языке Н. А. Некрасова”»². В архивных костромских материалах в «списке научных трудов и изобретений» Г. З. Шклера хранятся его рукописные документы, среди которых мы находим материалы и исследования костромских говоров, полезные для целей и задач ДАРЯ.

Возвращаясь к обзору лингвистической деятельности С. С. Высотского по заветам Д. Н. Ушакова, частью которой было курирование сбора диалектного материала в Костроме и других местах для ДАРЯ, укажем специальные издания и исследования недавнего времени этого направления. Например, публикация О. В. Никитиным

¹ Более детально о послевоенной деятельности Г. З. Шклера как диалектолога, в том числе в русле задач составления ДАРЯ, см. в книге избранных трудов Г. З. Шклера [Шкляр 2020: 143–216].

² Северная правда. 1947. 20 июня.

со вступительной статьёй и примечаниями труда С. С. Высотского о диалектологической деятельности Д. Н. Ушакова и «Ходатайства Д. Н. Ушакова о С. С. Высотском» [Высотский 2003; Никитин 2004]. Приведём ещё один пример того, сколь велик был авторитет С. С. Высотского как специалиста по экспериментальной диалектной фонетике (имеется в виду его статья «О звуковой структуре слова в русских говорах», помещённая в «Исследованиях по русской диалектологии» [Высотский 1973]), когда его имя использовалось уже в нашем веке одним из самых выдающихся русских диалектологов Л. Л. Касаткиным для разрешения спорного вопроса о статусе говоров с намечающейся переходностью и месте их в диалектном членении русского языка. Л. Л. Касаткин не поддержал точку зрения на этот вопрос Н. Н. Пшеничновой, на картах которой объединялись говоры с полным и неполным оканьем, и привёл как важный довод в споре один из аргументов Высотского о том, что говоры с неполным оканьем отличаются от говоров с полным оканьем ещё и другим свойством: «Неполное оканье распространено в говорах с иной ритмической структурой слова, чем в говорах с полным оканьем, резко различающей эти два типа говоров, именно с такой структурой, при которой “гласные значительно длиннее согласных своего слога, предударный гласный нередко равен, а часто длиннее ударенного” и которая распространена и в среднерусских акающих говорах [Высотский 1973: 35, IV, V, VI]» [Касаткин 2002: 29].

С. С. Высотский для начинающих диалектологов Костромского пединститута, в частности для Н. С. Ганцовой, приоткрыл ещё одну страницу их будущей деятельности. Произошло это следующим образом. Приведём один из моментов воспоминаний Нины Семёновны о встрече с ним в 1977 г. в стенах Института русского языка (в присутствии Р. Ф. Пауфошмы (Касаткиной), которая помнит этот факт) в его Лаборатории экспериментальной фонетики: «Тогда я ещё была преимущественно синтаксистом (в 1967 г. защитила кандидатскую диссертацию по синтаксису под руководством М. С. Буниной, аспирантки А. Б. Шалиро, на кафедре общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина из серии

тем, предложенных завкафедрой проф. И. А. Василенко, одним из оплотов Московской фортунаговской школы), но начала заниматься, любя историю русского языка, диалектологией (также в духе Ивана Афанасьевича, и уже читала в КГПИ им. Н. А. Некрасова её курс, руководила экспедициями по сбору материалов в Костромской области для ОЛА (Общеславянского лингвистического атласа), а ранее, студенткой Костромского пединститута, исследуя говоры Галичского и Шарьинского и др. районов нашей области для ДАРЯ под руководством Герцеля Залмановича Шкляра). В ответ на вопрос Сергея Сергеевича, знаю ли я своего земляка, костромича Николая Николаевича Виноградова, я ответила, что не знаю. И он пристыдил меня. Действительно, о Н. Н. Виноградове, репрессированном советской властью и погибшем на Соловках в 1938 г., члене МДК и КНОИМК (Костромского научного общества по изучению местного края), знаменитом костромском краеведе – не только лингвисте, но вообще разносторонне талантливой личности – в те времена студентам не очень-то и полагалось знать (правда, Г. З. Шкляр ценил его труды и упоминал его имя). Прошли годы, и деятельность Н. Н. Виноградова во многих своих ипостасях, но, конечно, ещё не в полной мере, стала хорошо известна мне и достаточно широкой общественности, в том числе и научной» [Ганцовская 2023].

Член МДК Н. Н. Виноградов – исследователь костромских говоров

Вклад Н. Н. Виноградова в исследование узловых моментов диалектных явлений костромского края в их синхронии и диахронии, в их территориальном и социальном расслоении, рассматриваемых в тесной связи с фольклорными, этническими и другими их особенностями, неосценим. Изучение его деятельности важно, конечно, не только на местном, костромском уровне, но и в самом широком масштабе – как части общеславянского лингвистического пространства. Глубина проникновения в суть освещаемых вопросов, сам выбор актуальных для русистики проблем, важных для понимания связи локальных и общерусских черт развития национального языка, умелое композиционное развёртывание сюжета исследования, спо-

способность художественно-выразительно преподнести лингвистические, историко-культурные, фольклорные факты описываемых им костромских мест (прежде всего Шунгенской волости Костромского уезда, своей родины) – таковы особенности стиля его развёрнутых лингвистических исследований. Как кажется, А. С. Герд смог бы посчитать подобный способ изложения материала Н. Н. Виноградовым художественно-научным, как он с полным одобрением назвал стиль очерков Б. Л. Богородского по истории народно-разговорной лексики русского языка (см. об этом в предисловии «Несколько слов благодарной памяти» А. С. Герда к книге Б. Л. Богородского «Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка» [Герд 2006: 7]).

Н. Н. Виноградов обратил на себя внимание А. А. Шахматова, как и некоторые другие талантливые молодые провинциальные деятели будучи студентами МГУ в начале XX в., в период европейской сецессии, проявлявшие усиленное внимание к языку и культуре родного края как факту национального возрождения (например, белорусы Максим Богданович (1891–1917) и Бронислав Тарашкевич (1892–1937), о чём упоминается в статье Арсеня Ліса «Браніслаў Тарашкевіч як асветны і грамадскі дзеяч» [Ліс 2017: 384], и только про Б. Тарашкевича в 3-м томе библиографического словаря М. Г. Булахова [Булахов 1978: 226]), и предложил ему исследовать костромские говоры по развёрнутой Программе МДК. Об этом ниже. Теперь же обратимся непосредственно к биографии и описанию лингвистических трудов Н. Н. Виноградова.

Николай Николаевич Виноградов (1875–1938) родился в семье священника. После окончания Костромской духовной семинарии в 1896 г. в течение пяти лет (с 1897 до 1902 г.) работал учителем в Семиловской церковноприходской школе Костромского уезда. «С 1902 г. действительный член КГУАК (Костромской губернской архивной комиссии), занимался комплектованием музея, сбором диалектологического и фольклорного материала... В 1905 г. при поддержке академика А. А. Шахматова поступает в С.-Петербургский университет, одновременно секретарь отделения этнографии при Русском географическом обществе, редактор журнала “Живая ста-

рина”. В годы первой русской революции... участвует в работе комиссии по подготовке нового устава учёных архивных комиссий, готовит 4-й областной археологический съезд в Костроме (1909), – пишет костромской краевед Л. И. Сизинцева. – <...> 1916 г. уезжает учиться в Московский университет, где принимает участие в работе Общества любителей антропологии и этнографии, печатается в Известиях ОРЯС АН. В 1918 г. возвращается в Сельцо-за-Воржею Костромского у., по просьбе односельчан принимает сан священника и занимает отцовское настоятельское место. Одновременно состоял сотрудником экскурсионно-выставочной секции Губполитпросвета, корреспондент газеты “Красный мир” (орган ГК РКП(б)). В 1920-х гг. сложил с себя сан, продолжал работать в газете... 14 ноября 1925 г. арестован, весной 1926 г. отправлен на Соловки; освобождён досрочно, зачислен вольнонаёмным сотрудником ОГПУ на должность учёного секретаря Соловецкого общества краеведения. Исследует Соловецкие лабиринты, участвует в создании музея Соловецкого общества краеведения. С 1932 г. научный сотрудник заповедника “Кивач”, действительный член Карельского научно-исследовательского института... участвовал в подготовке Карельской энциклопедии, ряда библиографических справочников, сотрудничал с Карельским государственным музеем. В 1938 г. арестован, расстрелян в окрестностях Петрозаводска» [Сизинцева 2002: 61].

Ещё «во время обучения в последних классах семинарии» Н. Н. Виноградов «иногда заменял в школе отца-законоучителя и местную учительницу» [Виноградов 2017б: 2], а позднее во время работы со школьниками начальных классов в местной земской школе он заметил, «как одну из отличительных черт», особенность их речи – «чрезвычайную твёрдость в произношении согласных звуков, в особенности – в окончаниях слов и, ещё более, в окончании фраз, перед остановками на месте грамматических точек» [Виноградов 2017б: 1], что описал в виде статьи и позднее, в 1917 г., опубликовал отдельным изданием в Петербургской академии наук, а до этого упоминал «в одной из своих ранних работ» (имеется в виду его статья 1904 г. «О народном говоре Шунгенской волости Костром-

ского уезда» [Виноградов 1904]. – *Авт.*) [Виноградов 1917б: 1]. «Трескоток стоит кругом», когда разговариваются между собою “шунецкиё”, – отмечает Н. Н. Виноградов эту особенность речи «мысовых» и «заворских» жителей края. Он поясняет, что «мысовыми» «называют обыкновенно жителей двух приходов – Шунгенского и Яковлевского, расположенных на мысу между реками Волгой и Костромой», а «заворские – жители Саметского и Селецкого (села Сельцо. – *Авт.*) приходов, расположенных за речкой Воржей, к западу от “мысовых”; «ещё западнее, по границе с Ярославской губ., живут “барские” – бывшие помещичьи крестьяне» [Виноградов 1917б: 1]. Он пишет: «Вращаясь постоянно в среде местного населения, я давно уже заметил, что в обыденной речи крестьян, после конечных твёрдых звуков, слышится какой-то *призвук, вроде краткого ы*, иногда чуть заметный, иногда слышимый совершенно ясно и отчётливо. Первоначально на это явление, как особенно резко проявлявшееся, пришлось обратить внимание во время случайных занятий в местной земской школе» [Виноградов 1917б: 2]. Данное явление в костромских говорах (село Николо-Шанга Шарьинского района) было замечено Н. С. Ганцовой, ещё неопытной студенткой, по заданию Г. З. Шкляра собиравшей материалы для ДАРЯ в 50-х гг. прошлого века. Выявлено оно и в других севернорусских говорах (например, в муромских), имеет разные версии объяснения, особенно развёрнуто поданные в трудах Л. Л. Касаткина (см., например, интерпретацию его гипотезы в [Ганцовская, Неганова 2021: 114]).

В 1903 г. Н. Н. Виноградов загорается идеей создания «Словаря Костромской губернии» и увлекает ею А. А. Шахматова. И под руководством академика, ещё до своего поступления в университет, готовит несколько статей по диалектологии для «Известий отделения русского языка и словесности Академии наук». Уехав из Петербурга в 1911 г., продолжает общаться с А. А. Шахматовым посредством переписки, а в тяжёлые послереволюционные годы «зовёт к себе... из голодного Петрограда: “Вероятно, у Вас в СПб. жить оч[ень] плохо,

приезжайте к нам в село. Будете читать лекции в Костромском Университете”» [Сизинцева 2011: 317–318, 319].

Летом 1904 г. Н. Н. Виноградов намеревался обследовать говоры северо-восточной части Костромской губернии, для чего, как сообщается в авторском предисловии к работе «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда», он заранее, «благодаря любезному содействию академика А. А. Шахматова», получил через Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук «открытый лист для проезда по Костромской губернии» [Виноградов 1904: 2]. Однако, ввиду изменившихся обстоятельств, отправиться в продолжительную поездку не смог и «решил своё свободное время употребить на проверку и более детальное обследование говора Шунгенской волости» [Там же].

Местность, говоры которой описывал Н. Н. Виноградов, занимает значительную часть Волго-Костромской поймы. До середины XX в., до сооружения Костромского разлива Горьковского водохранилища, она представляла собой «луговое поёмное пространство, усеянное мелкими озёрами», весной заливаемое «водами Волги и Костромы почти сплошь» [КГ 1877: V].

Свою работу Н. Н. Виноградов выполнил по I части Программы МДК по фонетике, его детальное описание фонетических особенностей уникальных шунгенских говоров, не сходное со звуковым строем соседних говоров, носит диагностирующий характер и показывает их особое место в диалектной системе севернорусских говоров. Вместе с тем выразительные иллюстративные её материалы могут

¹ Костромской университет был открыт в 1918 г. Костяк гуманитарного факультета «составили перебравшиеся на несколько лет в Кострому из Петроградского университета профессор В. Ф. Шишмарёв (впоследствии академик, крупнейший специалист по романским языкам и литературам), приват-доцент А. Л. Саккетти ... приват-доцент В. Н. Кун... С. М. Бонди (впоследствии всемирно известный пушкинист), а также москвичи: искусствовед А. И. Некрасов и филолог-классик Ф. А. Петровский» и др. [Сморчков 2013: 37]. Проректором, а затем ректором был уроженец Костромского уезда Ф. А. Меньков, получивший образование во Франции – в Дижонском и Нансийском университетах.

служить немаловажным источником изучения лексики края в разных аспектах – лингвогеографическом, этнодиалектном и др. На основе выборок лексики из шунгенских трудов Н. Н. Виноградова уже составлены и могут составляться словари разных типов, объёмов и направлений. См. для примера части их, выполненные Н. С. Ганцовской в сборнике её работ «Костромское народное слово» [Ганцовская 2003: 60–69], до самого крупного в настоящее время диалектного словаря – сводного академического Словаря русских народных говоров (СРНГ).

Приведём выдержки из словарных выборок шунгенских трудов Н. Н. Виноградова.

1. Словарь говоров Шунгенской волости Костромского уезда¹

♦ **Ааром-яром, под амбаром, не давайте, деуки, даром. Баять.** Говорить. *Што и баять, дома хорошиё. БезделЮшка.* В смысле – пустое занятие. ♦ **Бей в доску, поминай Москву** (песенка). ♦ **Без колоколу не колокольня, без попа не приход.** ♦ **Безо всяково сумления.** ♦ **Береги спину про мою дубину. БерЕзник.** Дрова хорошиё: березник всё с елошником самыё жаркиё. **БепопОвщина, попОвщина.** Секты раскольничьи. **БОлого.** Благо. **БОлесь и болЕсь (болись).** Болезнь. *БОлесь какая-то: всвою корчят да ломаёт. Нехорошая какая-то болИсь-то присунулась.* **БОльнё.** Нареч. Очень. *Наш народ к церькве не больно подвержен, старовиеру внуого.* ♦ **БородЫ, усосу лишыцца, што души решыцца. БратЕйник и братЕльник.** Брат, нередко меньший. ♦ **БРАТцы-хвАТцы, сёстры – подлизУшки. БРАТчик.** Младший брат или просто брат. ♦ **Брилы охОлить.** Баят, стань к сторонке, а не то все брилы охолит (машина на лесопилке). **Бузатой стрючок.** Созревший стручок. **БурИть.** Работать, служить. *До самова до Веденья в работницах бурила.* **Быть.** Сравн. союз. Будто. *Штой-то ты платы все вывисила, быть в коронацию.*

2. Лексика и устойчивые обороты народной свадьбы²

Точно так же для составления словарика было использовано и другое извест-

ное произведение Н. Н. Виноградова, особо ценное фольклористами, – «Народная свадьба в Костромском уезде» [Виноградов 1917а], описывающее шунгенские говоры. Приведём и из него несколько примеров на начальные буквы алфавита (курсив самого Виноградова).

I. **БАНтить.** Девыцы ещё бантили, т.е. украшали разноцветными лентами и бумажками десятка два веников. ♦ **БАНтить вершинку** («ёлочки»), т.е. украшают разноцветными лентами, бумагой и свечками. II. ♦ **БАРское мыло,** т.е. не серое мыло. **БАять.** Говорить. *Неча баять, свадьба справная.* **БесЕда.** Вечернее собрание молодёжи, гулянье. *Гулять по беседам и свозам.* **БОльшина.** Старшинство, главенство. *Поднести не по большине – значит нанести кровную обиду.* **БОльшничайть.** Кто первый вступит на подножник, тот будет в семье большничать, т.е. будет действительным главой семьи. II **БудИльня.** Будильная песня. *Пока невеста ещё не проснулась, мать невесты в прежнее время приходила к её постели и пела будильню, т.е. будильную песню.*

Обращает на себя внимание описание географической лексики в упомянутых выше произведениях Н. Н. Виноградова – как в части состава, так и в количественном отношении. Выявлено около трёхсот языковых единиц, большую часть которых составляют имена собственные. В номенклатуре апеллятивной лексики в основном представлены термины, которые коррелируют с природно-географическими характеристиками края и связанными с ними особенностями сельскохозяйственной деятельности местных жителей. Приведём несколько примеров географических терминов и топонимов, образованных от географических терминов или включающих их: апеллятивы – *баданá, броды́/бродá, вёшница, вóтчина, враг, грывка (грйўка), горá (горá), елошня́, заувйá, камешки/камешкй, óзеро, озёркó, полé, протóк, ча́щица/чащицá, чишишóба;* наименования сёл и деревень – *Борóк Большóй и Борóк Мálый, Пустуби́шка/Пустуби́шки, Сельцó, Слободá, Шунья́ (Шунгá);* наименования рек, протоков, озёр и озерков – *Кáменка, Перéволока, Промудина (Промóина), Россуб́ха (Рассóха);* *Бездённые Ямы, Кáменник, Перебрóдноё, Подпóльноё, Поля́нноё;* наименования лесов, лесных грив и лесных болот – *Барсúчы*

¹ Выборка слов и выражений из статьи Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» [Виноградов 1904].

² Извлечения из статьи Н. Н. Виноградова «Народная свадьба в Костромском уезде» [Виноградов 1917а].

Норы, Верхотина, Деревенька, Гари, Зячья Роща (Зячья Роща), Красная Грива, Осиновик, Узкая Грива; названия пожен и лугов – Заозёрная, Заплица, Малинник, Мысы, Омутина, Подозёрца, Полё, Полянки, Пригон, Рукава, Стожары, Усьё (Устье) [Виноградов 1904: 94–97]. Ранее мы рассматривали ландшафтную лексику, выявленную в исследовании Н. Н. Виноградова (см. [Неганова 2011]). Здесь же обратим внимание на лексему *вёшница*. Встретилась она в параграфе «Особенности ударения в склонении существительных множественного числа» главы «IV. Ударение в именах существительных», в приведённом автором случае словоупотребления существительного *дровца* в форме Род. п. мн. ч.: *Наобира́ла на вёшнице дровец, дак перевезти́ поскоряё хочи́цца* [Виноградов 1904: 79]. Наше внимание обусловлено тем, что в Словаре Д. Н. Ушакова выявлено однокоренное слово с другим словообразовательным суффиксом, также географический термин – существительное муж. р. *вешняк* с пометой «*обл.*» (областное), толкуемое как «окольная весенняя дорога, пролагаемая на время половодья» [Ушаков 1: 267] (слово вошло в БАС с пометой «В просторечии и *обл.*» [БАС 2: 222]). Термин не имеет широкого распространения в русских говорах: по СРНГ, его ареал – «Екатеринб. Перм.», «Урал.», 1887» [СРНГ 4: 224]. На Средней Волге лексема *вешняк* зафиксирована со значением 'озеро' – «Симб.» [СРНГ 4: 226], «в Куйбышевской обл.» [Мурзаев 1984: 121].

В современных шунгенских говорах известно слово *вёшница*, бытующее со значениями (1) 'вода во время весеннего половодья', (2) 'разлив воды во время весеннего половодья' и (3) 'заливной луг': *Была сильная вешница в том году-та; На месяц разливалась вода, как по полу, бежит, бежит до самой Шунги; Так травы-то всякие-перевсякие на вешнице-то* (записано в с. Шунга в 1994 г., информант Н. А. Кондратьева, 1923 г. р., род. в д. Шемякино); *Вешница – вода, весной в половодье все заливные луга затопливает* (записано в с. Шунга в 2023 г., информант Г. А. Морозова, 1942 г. р., род. в д. Коробейниково). В первом значении лексема *вёшница/вешница* представлена в СРНГ (в числе шести зафиксированных значений) с указанием географии – «Арх.», «Тобол.», «Свердл.» [СРНГ 4: 224]; говоры Костром-

ской области не отмечены. На данный момент можно констатировать, что Н. Н. Виноградов первым зафиксировал бытование данного географического термина в костромских говорах, однако не привёл толкования, что вполне объясняется указанной выше целью его исследования.

Вызывает удивление, как молодой и ещё не получивший достаточного образования провинциальный священник, но уже член МДК и КНОИМК, в принципе разрешил загадку знаменитого «Костромского (Чухломского) акающего острова», т. е. причины и время его возникновения, определил его типологию и задал нужное направление поискам его места в диалектном членении русского языка. Об этом обширном оазисе аканья среди моря аканья стало впервые известно ещё в 1820-х гг. из материалов «Трудов Общества любителей российской словесности» – сообщение учителя чухломской гимназии Николая Нерехотского, затем о костромских акающих говорах писали В. Даль, А. И. Соболевский, Ф. И. Покровский, уже в начале XX в. – Н. Н. Соколов и костромич Н. Н. Виноградов, в середине, конце XX в. – нач. XXI в. Г. Г. Шайтанова, Л. П. Грехова, Г. Г. Мельниченко, Л. Л. Касаткин, Н. Н. Пшеничнова, Н. С. Ганцовская (см. об этом в [Ганцовская 2007: 18–67] и трудах Л. Л. Касаткина, упомянутых выше). В 1917 г. Н. Н. Виноградов опубликовал статью «Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае» [Виноградов 1918], где он обосновывает мнение о том, что аканье в данном регионе появилось не в результате расселения жителей из каких-то отдалённых местностей и что оно не связано с отхожими промыслами, поскольку отхожие промыслы возникли только в XVIII в., а аканье появилось непосредственно после эпохи Смутного времени: «документы Московского архива Министерства юстиции позволяют с несомненностью установить существование акающего говора в Чухломском крае уже во второй половине XVII» [Виноградов 1918: 2]. Он установил, что там «чёрные» волости, т. е. волости, свободные от вотчинного и помещного владения, «послужили для массового испомещения» служилого люда в награду за участие в войне 1607–1619 гг. [Виноградов 1918: 7]. Н. Н. Виноградов

справедливо полагал, что переселенцы и привнесли новый говор [Там же: 8]. Подтверждение «справедливости» этого своего предположения Н. Н. Виноградов видел в том, что чухломские патриаршьи земли на Светице в раздачу не попали, «наезжих помещичьих семейств в них на жительстве не было и, вследствие этого, здесь во всей неприкосновенности сохранили северновеликорусский окающий говор» [Виноградов 1918: 8].

Прокомментируем данное высказывание костромского исследователя:

1) «усвоило все особенности средневеликорусского наречия»? Тут отмечаем не терминологическое употребление слова *наречие*, не соотносимое с терминами МДК *северновеликорусское наречие*, *южновеликорусское наречие*, поскольку надо говорить просто *средневеликорусские говоры*, поскольку в них смешиваются черты северновеликорусского и южновеликорусского наречий;

2) если ориентироваться на положения классификации великорусских говоров МДК 1915 г., то все – точнее, это значит – только в области безударного вокализма, поскольку грамматические и лексические особенности средневеликорусских говоров такие же, как говоров северновеликорусского наречия (за очень небольшим исключением);

3) пришлое население также быстро ассимилировалось к местным условиям и языку коренного населения, так что сейчас невозможно вычленишь ни по языку, ни по другим каким-либо этническим особенностям бывших жителей Подмосковья. В целом говоры Костромского (Чухломского) акающего острова (КАО) сейчас квалифицируются как среднерусские говоры с севернорусской основой (лексика, грамматика, консонантизм и ударный вокализм) и южнорусским наслоением (безударный вокализм);

4) до сих пор КАО сохранился в прежних своих очертаниях на территории Костромской области (полностью Чухломский район, почти полностью Солигаличский (за исключением северной его части по реке Совеге), небольшие части Буйского, Галичского, Парфеньевского и Кологривского районов).

С мнением Н. Н. Виноградова о статусе и происхождении Костромского акаю-

щего острова коррелировали и наблюдения Н. Н. Соколова (1975–1923). Н. Н. Соколов, с 1914 секретарь Постоянной комиссии по диалектологии (1914–1926), приемнице МДК (1904–1914) при отделении русского языка и словесности, один из авторов знаменитой карты МДК и Приложения к ней, экспедиционно в 1911 г. обследовал костромские акающие говоры, а в 1917 г. описал их как отчет о поездке в большом исследовательском очерке «Акающие говоры Костромской губернии», помещенном в Русском филологическом вестнике [Соколов 1917]. Н. Н. Соколов установил границы акающих говоров и происхождение «чухломского аканья» и их «поразительное сходство с переходными говорами именно Московской губ.», поэтому и на «Диалектологической карте эти говоры обозначены цифрой 3, как и говоры восточной части Московской губ.» [Соколов 1917: 139–140]. К сожалению, Н. Н. Соколов, талантливый лингвист-исследователь, рано умер¹.

Н. Н. Виноградов описал не только территориальные, но и социальные диалекты. Арго галичан как части общеофенского языка посвящена его статья 1915 г. «Галивонские алеманы. Условный язык галичан (Костромская губерния)», опубликованная в «Известиях отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» [Виноградов 1915]. При написании её он пользовался такими документальными источниками, которые теперь утеряны и нам недоступны. Представляет интерес его этимология слов *галивонский*, *галивон*, *елман*.

Народная медицинская лексика и сопровождающая её ритуальная лексика и фразеология являются объектом серии публикаций Н. Н. Виноградова «Заговоры, обереги, спасительная молитва и проч.» (по старинным рукописям и современным записям), помещенных в журнале «Живая старина» в 1907–1909 гг. [Виноградов 1907–1909]. Она представляет интерес как для диалектологов, так и для историков языка и фольклористов.

¹ О его деятельности более детально см. в библиографическом словаре М. Г. Булахова «Восточнославянские языковеды» (Минск, 1978. Т. 3. С. 215–217) и публикации А. Кондратенко «Труженик на пользу Отечеству» (Орловская правда. 2015. 9 декабря. С. 9).

Заклучение

Как уже говорилось выше, в 40–50-х гг. прошлого века работа по всестороннему изучению костромских говоров, главным образом в целях создания академического «Диалектологического атласа русского языка», продолжилась под руководством высококвалифицированного специалиста по славянской филологии Г. З. Шкляра, затем с 1970-х гг. в связи с собиранием материалов для «Общеславянского лингвистического атласа», пополнения картотеки и хрестоматии костромских говоров и др. задач – под руководством Н. С. Ганцовской.

Новый всплеск диалектологической деятельности костромских филологов в духе идей МДК наступил в связи с работой над созданием Лексического атласа русских народных говоров (СРНГ) в конце XX – нач. XXI в. Студенты Костромского государственного пединститута им. Н. А. Некрасова (затем университета им. Н. А. Некрасова, ныне КГУ – Костромского

госуниверситета) и их преподаватели собирали диалектные материалы. Последнее, Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова, Е. В. Цветкова, Т. Е. Никулина, И. В. Лебедева, Г. Д. Неганова и др., регулярно выступали в ИЛИ РАН (СПб.) на совещаниях по проблемам составления ЛАРНГ и в других научных собраниях, в своих докладах, сообщениях и публикациях разрабатывая многие актуальные проблемы современной диалектологии, составляли карты ЛАРНГ, организовывали мероприятия, касающиеся тематики, заданной деятельностью членов МДК. Из них самыми заметными являются Громовские чтения, регулярно проводимые с 2012 г. в честь сельского учителя, полевика-диалектолога, лексиколога и лексикографа А. В. Громова, тем самым как бы продолжая дело, начатое создателями МДК А. А. Шахматовым, Д. Н. Ушаковым, С. С. Высотским и их учениками и последователями.

Литература

- Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков : (К столетию со дня рождения) / Р. И. Аванесов // Русская речь. – 1973. – № 3. – С. 99–195.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР: Наука, 1948–1965.
- Виноградов, Н. Н. Галивонские алеманы. Условный язык галичан (Костромская губерния) / Н. Н. Виноградов // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – 1915. – Т. 22, кн. 2. – С. 209–260.
- Виноградов, Н. Н. Заговоры, обереги, спасительная молитва и проч. (по старинным рукописям и современным записям) / Н. Н. Виноградов // Живая старина. – 1907. – № 4; 1908. – № 1–3; 1909. – № 4.
- Виноградов, Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде / Н. Виноградов. – Кострома : [б. и.], 1917а. – 82 с. – (Отд. отд. из «Трудов Костр. науч. о-ва по изучению местного края», вып. 8).
- Виноградов, Н. Н. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Ч. 1 : Фонетика / Н. Виноградов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1904. – [4], II, 100 с. – (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 77, № 8).
- Виноградов, Н. Н. Послеконечное *ы* в народном говоре Шунганской вол., Костромского уезда / Николай Виноградов. – Петроград : Тип. Академии наук, 1917б. – 8 с.
- Виноградов, Н. Н. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае / Н. Н. Виноградов. – Петроград : Тип. Рос. Акад. наук, 1918. – 16 с. – (Отд. отд. из «Известий Отделения русского языка и словесности Российской академии наук», т. 22 (1917), кн. 2).
- Высотский, С. С. Д. Н. Ушаков и русская диалектология / С. С. Высотский ; вступ. статья, публ. и примеч. О. В. Никитина // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 79–86.
- Высотский, С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах / С. С. Высотский // Исследования по русской диалектологии / отв. ред. С. В. Бромлей. – М. : Наука, 1973. – С. 17–41.
- Ганцовская, Н. С. Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы / Н. С. Ганцовская. – Кострома : Ред.-изд. сектор Костромской обл. думы, 2003. – С. 54–69, 194–203.
- Ганцовская, Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова : проблемы типологии / Н. С. Ганцовская. – СПб. : Наука, 2007. – 228 с.
- Ганцовская, Н. С. О встрече с С. С. Высотским / Н. С. Ганцовская // Ганцовская Н. С. Письма. – Рукопись, 2023.
- Ганцовская, Н. С. Белорусы на Волге : белорусско-российские научные связи и сотрудничество / Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова // Беларуская мова – галоўная гісторыка-культурная каштоўнасць нацыі і

- дзяржавы : (да 90-годдзя Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа) : зб. наук. арт. У 2 ч. Ч. 1 / пад агул. рэд. І. Л. Капылова ; навук. рэд.: В. У. Міцкевіч, І. У. Ялынцава. – Мінск : Беларуская навука, 2021. – С. 111–119.
- Герд, А. С. Несколько слов благодарной памяти / А. С. Герд // Богородский Б. Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. – С. 5–7.
- Касаткин, Л. Л. Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова / Л. Л. Касаткин // Материалы и исследования по русской диалектологии : К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. Вып. I (VII) / ред. Л. Л. Касаткин. – М. : Наука, 2002. С. 25–39.
- Касаткина, Р. Ф. С. С. Высотский – фонетист и диалектолог // Русская речь. – 1987. – № 5. – С. 87–91.
- КГ 1877 – Костромская губерния. Список населённых мест по сведениям 1870–72 годов / ред. М. Раевский. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин. внутр. дел, 1877. – [4], LXXIII, [1], 465 с., 1 л. к.
- Ліс, А. Браніслаў Тарашкевіч як асветны і грамадскі дзеяч / Арсень Ліс // Беларуская граматыка : ад Браніслава Тарашкевіча да сучаснасці : зб. матэрыялаў Міжнароднай навук. канф. (Мінск, 19–20 студзеня 2017 г.). – Мінск : Чатыры чвэрці, 2017. – С. 381–392.
- Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов. – М. : Мысль, 1984. – 654 с.
- Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика в исследовании Н. Н. Виноградова «О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда» / Г. Д. Неганова // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 1000-летию г. Ярославля (Ярославль, 21–23 мая 2010 г.). В 2 ч. Ч. 2. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. – С. 260–263.
- Никитин, О. В. Ходатайство Д. Н. Ушакова о С. С. Высотском / О. В. Никитин // Отцы и дети Московской лингвистической школы : Памяти Владимира Николаевича Сидорова. – М. : Институт русского языка, 2004. – С. 382.
- Сизинцева, Л. И. Виноградов Николай Николаевич / Л. И. Сизинцева // Кострома : Историческая энциклопедия. – Кострома : Костромаиздат-850, 2002. – С. 61.
- Сизинцева, Л. И. «Разве я не народ?..» : Письмо В. И. Смирнова о Н. Н. Виноградове / Л. И. Сизинцева // Современные проблемы археографии : сб. ст. по материалам конф., проходившей в Библиотеке РАН 25–27 мая 2010 г. – СПб. : БАН, 2011. – С. 317–326.
- Сморчков, В. К. Первый костромской вуз : время, люди, судьбы / В. К. Сморчков. – Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2013. – 498, [1] с.
- Соколов, Н. Н. Акающие говоры Костромской губернии / Н. Н. Соколов // Русский филологический вестник. – 1917. – Т. 78, № 3/4. – С. 138–169.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1– / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. – М. : Наука ; Л. : Наука, Ленинград. отд-ние ; СПб. : Наука, 1965–.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.
- Шкляр, Г. З. Выбранные працы. Моўная спадчына / уклад.: В. М. Курцова [і інш.] ; навук. рэд.: В. М. Курцова, Н. С. Ганцоўска. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – 259 с.

References

- Avanesov, R. I. (1973). Dmitry Nikolaevich Ushakov: (On the Centenary of His Birth). In *Russkaya rech'* [Russian speech], Vol. 3, pp. 99–195.
- BAS – Chernyshyov, V. I. (ed.) (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, Nauka, Vol. 1–17.
- Gantsovskaya, N. S. (2003). *Kostromskoe narodnoe slovo. Ocherki, issledovaniya, esse, narodnye rasskazy* [Kostroma Folk Word. Essays, Research, Essays, Folk Stories]. Kostroma, Red.-izd. sektor Kostromskoi obl. dumy, pp. 54–69, 194–203.
- Gantsovskaya, N. S. (2007). *Leksika govorov Kostromskogo akayushhego ostrova: problemy tipologii* [The Vocabulary of the Dialects of the Kostroma Floating Island: Problems of Typology]. Saint Petersburg, Nauka. 228 p.
- Gantsovskaya, N. S. (2023). About the Meeting with S. S. Vysotskii. In Gantsovskaya, N. S. *Pis'ma* [Letters]. Rukopis'.
- Gantsovskaya, N. S., Neganova G. D. (2021). Belarusians on the Volga: Belarusian-Russian Scientific Ties and Cooperation. In Kapylov, I. L. (Ed.). *Belaruskaya mova – galoynaya gistoryka-kul'turnaya kashtojnascz nacyi i dzjarzhavy: (da 90-goddzia Instytutu movaznajstva imya Yakuba Kolasa)* [The Belarusian Language is the Main Historical and Cultural Value of the Nation and the State: (for the 90th Anniversary of the Yakub Kolas Institute of Linguistics)], zb. nauk. art. Minsk, Belaruskaya navuka, Ch. 1, pp. 111–119.
- Gerд, A. S. (2006). A Few Words of Grateful Memory. In Bogorodskii, B. L. *Ocherki po istorii slov i slovosochetanii russkogo yazyka* [Essays on the History of Words and Phrases of the Russian Language]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterburg. Un-ta, pp. 5–7.
- Kasatkin, L. L. (2002). Russian Dialect Division, the Typology of Russian Dialects and the Status of the Chukhlomskoi Akayushchyi Ostrov. In Kasatkin L. L. (Ed.). *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*:

K 100-stoletiyu so dnya rozhdeniya R. I. Avanesova [Materials and Research on Russian Dialectology : To the 100th Anniversary of the Birth of R. I. Avanesov]. Moscow, Nauka, Vol. I (VII), pp. 25–39.

Kasatkina, R. F. (1987). S. S. Vysotskii – Phonetist and Dialectologist. In *Russkaya rech'* [Russian Speech], № 5, pp. 87–91.

KG 1877 – Raevskii, M. (1877). *Kostromskaya guberniya. Spisok naselyonnykh mest po svedeniyam 1870–72 godov* [Kostroma Province. List of Populated Places According to Information from 1870–72]. Saint Petersburg, Centr. stat. komitet Min. vnutr. del, [4], LXXIII, [1], 465 p.

Lis, A. (2017). Bronislav Tarashkevich as an Educational and Public Figure. In *Belaruskaya gramatyka: ad Branslava Tarashkevicha da suchasnasczi* [Belarusian Grammar: from Branslav Tarashkevich to the Present], zb. materyya-laŭ Mizhnarodnai navuk. kanf. (Minsk, 19–20 studzenya 2017 g.). Minsk, Chatyry chverchi, pp. 381–392.

Murzaev, E. M. (1984). *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Folk Geographical Terms]. Moscow, Mysl'. 654 p.

Neganova, G. D. (2011). Landscape Lexis in the Study of N. N. Vinogradov “On the Folk Dialect of the Shungen Volost of the Kostroma District”. In *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edynits v raznykh tipakh rechi* [Semantics and Functioning of Language Units in Different Types of Speech]. Collection of articles... Yaroslavl', Izd-vo YaGPU, Ch. 2, pp. 260–263.

Nikitin, O. V. (2004). D. N. Ushakov's Petition about S. S. Vysotsky. In *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova* [Fathers and Children of the Moscow Linguistic School: In Memory of Vladimir Nikolaevich Sidorov]. Moscow, Institut russkogo yazyka, p. 382.

Shklyar, G. Z. (2020). *Izbrannye raboty. Yazykovoe nasledie* [Selected Works. Linguistic Heritage]. Minsk, Belaruskaya navuka. 259 p.

Sizintseva, L. I. (2002). Vinogradov Nikolai Nikolaevich. In *Kostroma: Istoricheskaya entsiklopediya* [Kostroma: Historical Encyclopedia]. Kostroma, Kostromaizdat-850, p. 61.

Sizintseva, L. I. (2011). “Am I not the People?..”: V. I. Smirnov's Letter about N. N. Vinogradov. In: *Sovremennye problemy arkheografii* [Modern Problems of Archeography]. Collection of articles... Saint Petersburg, BAN, pp. 317–326.

Smorchkov, V. K. (2013). *Pervyi kostromskoi vuz: vremya, lyudi, sud'by* [The First Kostroma University: Time, People, Destinies]. Kostroma, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet im. N. A. Nekrasova. 498, [1] p.

Sokolov, N. N. (1917). The Fkayushhie dialects of Kostroma Province. In *Russkii filologicheskii vestnik* [Russian Philological Bulletin]. Vol. 78, No 3/4, pp. 138–169.

SRNG – Filin, F. P. Sorokoletov, F. P. Myznikov, S. A. (ed.) (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Nauka, Leningrad, Nauka, Leningrad. otd-nie, Saint Petersburg, Nauka, Vol. 1–.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIZ, Vol. 1–4.

Vinogradov, N. N. (1904). *O narodnom govore Shungenskoj volosti Kostromskogo uezda*. Ch. 1: Fonetika [On the Folk Dialect of the Shungen Volost of the Kostroma District. Part 1: Phonetics]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences, [4], II, 100 pp. (Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, t. 77, No 8).

Vinogradov, N. N. (1907–1909). Spells, Amulets, Saving Prayers, etc. In *Zhivaya starina* [Living Antiquity], Vol. 4 (1907), Vol. 1–3 (1908), Vol. 4 (1909).

Vinogradov, N. N. (1915). Galivon Alemans. The conditional Language of the Galicians (Kostroma Province) In *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk* [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], Vol. 22, No 2, pp. 209–260.

Vinogradov, N. N. (1917). *Narodnaya svad'ba v Kostromskom uezde* [Folk Wedding in Kostroma County]. Kostroma. 82 p. (Otd. ott. iz «Trudov Kostr. nauch. o-va po izucheniyu mestnogo kraja», vyp. 8).

Vinogradov, N. N. (1917). *Poslekonechnoe y v narodnom govore Shungyanskoj vol., Kostromskogo uezda* [Post-final y in the Vernacular of Shungyan vol., Kostroma County]. Petrograd, Akademy nauk. 8 p.

Vinogradov, N. N. (1918). *Prichiny i vremya vozniknoveniya akan'ya v Chukhlomskom krae* [Causes and Time of Occurrence of Akanya in the Chukhloma Region]. Petrograd, Russian Academy of Sciences. 16 p. (Otd. ott. iz «Izvestiy Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossijskoj akademii nauk», t. 22 (1917), kn. 2).

Vysotskii, S. S. (1973). About the Sound Structure of the Word in Russian Dialects. In Bromlei, S. V. (Ed.). *Issledovaniya po russkoi dialektologii* [Research on Russian Dialectology]. Moscow, Nauka, pp. 17–41.

Vysotskii, S. S. (2003). D. N. Ushakov and Russian Dialectology. In *Russkaya rech'* [Russian Speech], Vol. 6, pp. 79–86.

Данные об авторах

Ганцовская Нина Семёновна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография», Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.

E-mail: gantsovsky_n@mail.ru.

Неганова Галина Дмитриевна – кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография», Костромской государственной университет (Кострома, Россия).

Адрес: 156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.

E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru.

Дата поступления: 15.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Gantsovskaya Nina Semenovna – Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher of the Educational and Scientific Research Laboratory “Lexicology and Lexicography”, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

Neganova Galina Dmitrievna – Candidate of Culturology, Senior Researcher of the Educational and Scientific Research Laboratory “Lexicology and Lexicography”, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

Date of receipt: 15.10.2023; date of publication: 30.12.2023

НА МОСКВА-РЕКЕ: ПО СЛЕДАМ ОДНОГО ИЗ «ОРФОЭПИЧЕСКИХ ПОХОДОВ» ДМИТРИЯ НИКОЛАЕВИЧА УШАКОВА

Патроева Н. В.

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

SPIN-код: 5886-7841

А н н о т а ц и я . Статья посвящена анализу тенденций в сфере использования топонима *Москва-река* с несклоняемой первой частью. Материалом исследования служат научные труды представителей Московской лингвистической школы – Ф. Ф. Фортунатова, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и других, а также «Национальный корпус русского языка».

Цель работы – выявление частотности форм косвенных падежей гидронимического наименования *Москва-реке, Москва-реки, Москва-реку, Москва-рекой (-ю)* в разножанровых источниках – газетной и журнальной публицистике, дневниковой и мемуарной прозе, художественном нарративном тексте, поэзии (в сопоставительном плане приводятся сведения также из устного и мультимедийного корпусов). Еще одна из задач работы – обсуждение проблемы квалификации географического названия *Москва-река* в качестве сложного слова (композиата) или словосочетания с приложением, а также определение элемента, являющимся приложением в данном словосочетании (по мнению автора статьи, приложением является топоним *Москва*, а не нарицательное родовое понятие как именование неодушевленного предмета). Методы, использованные в процессе исследования: анализ и синтез, индуктивный и дедуктивный, сопоставительный, количественный, объяснительно-интерпретационный, описательный, корпусной.

Общий объем выборки из «Национального корпуса русского языка» составил 457 словоупотреблений. По данным «Национального корпуса русского языка», словосочетание с несклоняемой гидронимической частью *Москва-реки* впервые в печатных источниках встречается в 1886 г. – в мемуарах «Из пережитого» Н. П. Гилярова-Платонова. Затем, после значительного – более двадцати лет – перерыва, подобный гидроним фиксируется в газетных публикациях, воспоминаниях, дневниковом жанре, в меньшем объеме контекстов – в художественной прозе и поэзии. Некоторые репрезентации географического наименования *Москва-река* свидетельствуют об употреблении его в значении урбанонима.

Данные об активности гидронима в различных стилистических сферах позволяют заключить, что сочетание *Москва-реке* и тому подобные употребления обладают яркой разговорной, публицистической и фольклорной коннотациями и не могут претендовать на статус строгой книжно-литературной морфологической нормы современного русского литературного языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : орфоэпия; орфоэпическая норма; топонимика; гидроним; парадигма

Д л я ц и т и р о в а н и я : Патроева, Н. В. *На Москва-реке: по следам одного из «орфоэпических походов» Дмитрия Николаевича Ушакова* / Н. В. Патроева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 217–225. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-217-225.

NA MOSKVA-REKE: IN THE FOOTSTEPS OF ONE OF THE “ORTHOEPIC CAMPAIGNS” OF DMITRY NIKOLAEVICH USHAKOV

Natalia V. Patroeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3836-6393>

Abstract. The article analyzes modern trends in the use of the toponym *Moskva-reka* with the indeclinable first part. The research material includes the scientific works of the representatives of the Moscow Linguistic School – F. F. Fortunatov, D. N. Ushakov, S. I. Ozhegov and others, as well as the National Corpus of the Russian Language.

The aim of the study is to reveal the frequency of usage of the forms of indirect cases of the hydronym *Moskva-reke, Moskva-reki, Moskva-reku, Moskva-rekoi* in different genre sources – newspaper and magazine articles, diary and memoir prose, fiction narrative text, poetry (for the sake of comparison, information is also provided from

oral and multimedia corpora). One more objective of the work is to discuss the problem of defining the geographical name *Moskva-reka* as a compound word (composite) or a phrase with an apposition, as well as to determine the element which fulfills the function of an apposition in this word combination (according to the author of the article, it is the toponym *Moskva* that is the apposition and not the common noun as a generic name of an inanimate object).

The research methods used in the paper include analysis and synthesis, induction and deduction, and the methods of comparative, quantitative, explanatory-interpretive, descriptive, and corpus analysis.

The total sample size from the National Corpus of the Russian Language comprises 457 word usages. According to the National Corpus of the Russian Language, the phrase *Moskva-reki* with the indeclinable first part expressed by a hydronym was first found in printed sources in 1886 – in the memoirs “From My Life” by N. P. Gilyarov-Platonov. Then, after a significant break that lasted for over twenty years, the hydronym is recorded in newspaper publications, memoirs, the diary genre, and, in a smaller number of contexts – in fiction prose and poetry. Some representations of the geographical name *Moskva-reka* indicate its use in the function of an urbanonym.

The data on the activity of the hydronym in various stylistic areas allow concluding that the combinations *Moskva-reke* and the like have vivid colloquial, journalistic and folklore connotations and cannot claim the status of a strict bookish and literary morphological norm of the modern Russian literary language.

Key words: orthoepy; orthoepic norm; toponymy; hydronym; paradigm

For citation: Patroeva, N. V. (2023). *Na Moskva-reke: In the Footsteps of One of the “Orthoepic Campaigns” of Dmitry Nikolaevich Ushakov.* In *Philological Class.* Vol. 28. No. 4, pp. 217–225. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-217-225.

Предварительные замечания: к истории вопроса

Одним из важнейших направлений деятельности Дмитрия Николаевича Ушакова была нормализаторская деятельность в области русского литературного произношения, образцом которого для него была старомосковская орфоэпическая норма. Выступления в печати и по радио, многие статьи и доклады Д. Н. Ушакова были направлены на заботу об орфоэпической культуре народа, поддержание лучших образцов устной речи, отступление от которых в современном ему узусе вызывало особую тревогу ученого, оказываясь причиной так называемых «орфоэпических походов»¹, борьбы с оппонентами, настаива-

вавшими на демократизации произносительных норм как неизбежной, по их мнению, уступке повседневности.

Слово в его устной и письменной форме бытования – предмет многогранный, поэтому сфера орфоэпии понималась Д. Н. Ушаковым как область, тесно связанная с иными в иерархии языковых уровней и наук, их изучающих. Так, получил известность такой факт научной биографии Дмитрия Ушакова, как спор о гидрониме *Москва-река*, – своеобразная заочная дискуссия с Филиппом Федоровичем Фортунатовым, главным научным наставником Дмитрия Николаевича Ушакова.

В курсе «Сравнительное языковедение» 1902 г. Фортунатов фиксирует появление в русском языке «слитного слова» *Москварека* с утратившей склонение первой частью: «Например, в Москве существует слитное слово *Москвареки* (с его словоизменением: *Москвареки*, *Москвареку*); это слово, хотя и разлагается на слова *Москва* (со значением известной реки) и *река*, однако отличается от сочетания значений слов *Москва* и *река* (так как *Москварека* в целом является известным собственным именем)» [Фортунатов 1956: 173]. Заметим, что ранее, в курсе лекций 1885 года, Ф. Ф. Фортунатов пишет о «русском словосочетании *Москва-река*, *Москвы-реки* и так далее. В этом словосочетании слова “Москва” и “река” остаются каждое отдельным словом, как

¹ А. А. Реформатский вспоминал: «Д. Н. Ушаков был центром орфоэпических интересов той эпохи. Он был консультантом Радиокomiteта, Всероссийского театрального общества, деятельно участвовал в работе кружка по культуре речи в московском Доме ученых и в Государственной академии художественных наук. Я не буду пересказывать споров того времени, когда участвовали в них Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский, С. И. Бернштейн, Г. О. Винокур, Р. И. Аванесов, А. М. Сухотин, В. Н. Сидоров, А. Б. Шапиро и автор этих строк... Осталось еще очень много нерешенных вопросов, а заветы Д. Н. Ушакова для всех интересующихся и “болеющих” русской орфоэпией и его призывы к “походам” остаются основной программой в этой области» [Реформатский 1950: 31]. См. также: [Горшкова 1973].

это видно из того, что склоняется каждое из этих слов». Фортунатов уточняет, что в подобных «речениях» значение словосочетания как «известного целого» «не распадается вполне» на значения каждого из двух составляющих его элементов: *Москва* выступает как наименование не города, а реки, а элемент река участвует в акцентировании именно гидронимического смысла, выделяя в значении имени собственного «известную часть его» [Фортунатов 1885: 11-12]. Далее Фортунатов использует несколько иной термин для наименования композита в сравнении с курсом 1902 г., говоря о случае утраты склонения первой частью и переходе по этой причине «речения»-«словосочетания» в «слитносложное слово».

Д. Н. Ушаков, активный участник борьбы за чистоту и правильность русской речи, живо отреагировал на появление в 1927 г. брошюры «Технико-орфографических правил», допускавших произношение «московского сложного слова *Москва-река* с одним только ударением на первой части *Москва* и без ударения на второй *река*» [Ушаков 1995: 185], а также несклоняемость первой части композита. Лингвист резко отверг подобное узаконение не свойственного речи столичной интеллигенции и возникшего в «старом московском просторечии» [Ушаков 1995а: 186] употребления, в котором первая часть остается без изменения: на *Москва-реке*, на *Москва-реку* и так далее, в законченной в марте 1936 года, но оставшейся при жизни ученого неопубликованной статье «К вопросу о правильном произношении», хотя сам Ушаков был носителем именно старомосковской орфоэпической нормы: «Я коренной москвич, с детства знаю эти произношения, могу ими любоваться как любитель фольклора или ценить их как лингвист, но не употребляю их в своей речи и утверждаю, что особенность в московско-литературном названии нашей реки состоит только в том, что оно – сложное слово, однако с двумя ударениями: на *Москва* и на *река*, и что склоняем мы его: *Москвы-реки*, *Москве-реке*, *Москву-реку* и так далее» [Ушаков 1995а: 186].

Еще одно подтверждение своей позиции лингвист представил в комментарии к «Открытому письму к товарищам из Радиокомитета» известного советского писателя Ф. В. Гладкова, напечатанному в «Ли-

тературной газете» 10 октября 1939 года. Дмитрий Николаевич соглашается с мнением автора открытого письма: «Относительно *Москва-реки* Вы совершенно правы... Я коренной москвич и прекрасно знаю такое произношение. Но это, как Вы удачно называете, – «местный жаргон» (хотя бы и столичного города, хотя бы и интересный «фольклорный факт»)» [Ушаков 1995б: 313]. Интеллигенция Москвы так не говорила, и в печати этого раньше не было». Далее Д. Н. Ушаков ссылается на авторитетные примеры склоняемости обеих частей гидронима, принадлежащие М. Ю. Лермонтову, А. И. Герцену, И. С. Тургеневу, В. О. Ключевскому и иным писателям и ученым XIX столетия.

Споры о нормативности старомосковского феномена продолжил ученик Д. Н. Ушакова Сергей Иванович Ожегов, который определил гидроним *Москва-река* не как композит (сложное слово), а как словосочетание и заметил, что «основное ударение в сочетании находится на второй части (*река*), а сохранение сильного побочного ударения на первой части (*Москва*), свидетельствующего о грамматическо-смысловой значимости этой части, – еще более подчеркивает обязательность склонения» [Ожегов 1974: 337-338].

Дискуссии о «Москвареке» («Москва-реке») не закончены и в начале XXI столетия¹, специалисты в области ономастики и культуры речи фиксируют факты несклоняемости первого элемента гидронима в современной устной речи носителей русского языка². Таким образом, проблема нормативности гидронимов с несклоняемой первой частью остается актуальной, нормативный статус подобных образований требует подтверждения с опорой на широкий эмпирический материал авторитетных классических текстов. Целью данного исследования является выяснение истории гиперонима *Москва-река* с несклоняемой первой частью в памятниках русского литературного языка XVIII–XX в. (по данным «Национального корпуса рус-

¹ См., напр.: [Левашов 2009].

² Так, по наблюдениям А. В. Суперанской, «в речевой практике последних десятилетий наметилась тенденция склонять это название лишь в последней части: на *Москва-реку*, вдоль *Москва-реки*» [Суперанская 1985: 172].

ского языка» (далее – НКРЯ¹). Каковы истоки подобного явления? Когда в книжно-письменный русский язык проникли подобные примеры несогласованности в склонении обеих частей наименований рек из устной разговорной речи? Сложным словом или словосочетанием являются такие гидронимические образования? Предлагаемая вниманию уважаемого читателя статья является попыткой восполнить некоторые из этих дискуссионных лакун.

Частотность гидронима Москва-река в памятниках русского литературного языка (по данным «Национального корпуса русского языка»)

Конкорданс, представленный в ресурсе НКРЯ (раздел «Основной корпус»), позволяет с опорой на широкую временную перспективу и большой объем текстов выявить первые из зафиксированных в этой базе данных примеры использования гидронимов с несклоняемой первой частью – собственным именем *Москва-реки* / *-е* / *-у* / *-ой* (*-ою*).

В основном корпусе НКРЯ фиксируется следующая частота использования анализируемого наименования (выборка примеров задана в художественных и нехудожественных текстах, написанных между 1700 и 2021 г.):

1) для *Москва-реки*: 120 примеров в 78 произведениях (художественных и нехудожественных – мемуары, публицистика, научные статьи и пр. – текстах); первый случай использования – в мемуарном жанре, причем с авторским объяснением, касающимся происхождения особого варианта гидронима: *Церковь, при которой отец мой был священником, стояла на берегу Москвы-реки или, как выражаются коломенцы, Москва-реки* (Н. П. Гиляров-Платонов, «Из пережитого», том 1, 1886 г.); следующая репрезентация относится уже к жанру исторического романа А. Е. Зарина «Двоевластие» (1912): *Наши всадники пересекли весь город и со стороны Москва-реки вехали в Немецкую слободу... На шестой день, бродя из одной тайной корчмы в другую, шли они, сцепясь руками, вдоль Москва-реки...*;

2) для *Москва-реке*: в 52 текстах представлено 77 репрезентации, первые из которых относятся к газетной хронике за 1906 и 1913 г. (художественная проза одних из первых примеров – у И. Новикова в рассказе «Гарахвена» 1917–1919 г.: *Проголодавшийся глаз с великим восторгом к душе безотносительно ловил и подмечал всякий снаряд, засевший в стене, свороченный столб и сбитую вывеску, высокий брандмауер, подобный больному, только что вставшему и тяжело изуродованному оспой, и легкомысленно веселье рядом розетки лучей на стекле у круглых и аккуратных отверстий, кучки разобранных коротеньких рельсов, бурую глину сверху камней – ту самую, что некогда, в давние годы, подстинала бока лесистых оврагов, сбегавших к Москва-реке, прохладной и тенистой*); в очерке Б. Зайцева «Улица св. Николая» 1921 г.: *А поэт бирюзоглазый, улетающий и вечно проносящийся и в жизни, и в пространствах, точно облако белеющее, также пробегает по другому тротуару и приветствует лазурь, и ждет пришествия, и изнывает от томлений по закатам огненно-золотистым над Арбатом – там – в конце, где он спускается к Москва-реке, в ней утопая*; в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» 1921 г.: *Говорю «на Москва-реке», «нипочем», люблю блины, к Иверской хожу*.; в повести Б. Пильняка «Иван Москва» 1927 г.: *Медленно, наблюдая окрест, он спустился кремлевскими рвами к Москва-реке... и др.*); множество подобных примеров находим в произведениях И. С. Шмелева: *В рожи бы закатиться, под Звенигород... там под покос большие луга сняты у меня, по Москва-реке* (И. С. Шмелев, «Лето Господне», 1927–1944 г.) и др.;

3) для *Москва-реку*: 92 примера в 54 текстах; первая репрезентация – в названии городской хроники происшествий «Бросившаяся в Москва-реку» в московской газете «Трудовая копейка» за 10 октября 1916 г.; следующие примеры – в публицистике и мемуаристике 1920–1930-х годов: *За Москва-реку – за Симонов – за Воробьевы горы лучевой надземницей красный звон* (А. М. Ремизов, «Взвихренная Русь», 1917–1924 г.) и др.;

4) для *Москва-рекой* (*-ою*): корпус выдает 30 примеров в 22 текстах, из которых первые фиксируются во «Взвихренной Руси» А. Ремизова (*За Москва-рекой заря – по заре, разгораясь, звон из-под Симонова*.), в названии пятой главы повести А. В. Чаянова «Вене-

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>. При цитировании в круглых скобках указан автор текста, название произведения и год написания.

цианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека» 1923 г. (Глава пятая, и последняя, содержащая конец нашей истории и не мало доказательств тому, что за Москва-рекою существует нечто выходящее за пределы допускаемого благонравными педантами.) и в романе 1932 г. «Юнкера» А. Куприна (Пленяла воображение и относительно близость к одной из столиц: особенно москвичей удручала мысль расстаться надолго с великим княжеством Московским, с его семью холмами, с сорока сороками церквей, с Кремлем и Москва-рекою.).

Графики распределения частотности анализируемого гидронима с несклоняемой первой частью (см. рис., демонстри-

рующий активность для Москва-реке) свидетельствуют о его большей активности в период с 1910-х по середину 1950-х годов и некотором новом всплеске активности в 1990-е годы, когда публиковалась так называемая «возвращенная» российскому читателю литература (мемуаристика, художественная и дневниковая проза). Первые два десятилетия XXI века характеризуются уже гораздо более скромным использованием в публицистических, научных и художественных текстах наименований Москва-реке (-и, -у, -ой), постепенным снижением их частотности (мультимедийный и устный подкорпусы выявляют ту же тенденцию).

Рис. Распределение по годам частотности использования Москва-реке в основном корпусе НКРЯ

Если сравнить данные основного подкорпуса НКРЯ с поэтическим, то выясняется, что первые примеры использования гидронима с несклоняемой первой частью относятся к 1910-20-м годам: *Бегу к Москва-реке Смотреть, как лед идет* (М. Цветаева, 1916 г.); *Глядел с моста у Москва-реки на воду...* (И. Сельвинский, 1924 г.); *На Москва-реке, поза Москва-рекой, Что ни день под землю опускается...* (В. Меркурьева, 1918 г.); *Последний плач там, за Москва-рекой* умолк. (И. Эренбург, 1921 г.). Некоторые контексты свидетельствуют об использовании Москва-реки с целью исторической стилизации, создания пафосной речи при воплощении патриотических мотивов или, напротив, в ироническом ключе: *Тихо на Москва-реке и по святой Руси*. (В. Меркурьева, «На честном дворе, в Страстном монастыре», 1918 г.); *О ноч-*

ную пору на Москва-реке Поднялася, веется Метелица... (В. Меркурьева, «О ночную пору на Москва-реке...», 1918 г.); *Отразился в лазоревой ленте, Развитой по лугам-муравам, Аристотелем Фиоравенти На Москва-реке строенный храм.* (М. Волошин, «Дикое поле», 1920 г.); *И насчет светопреставленья За Москва-рекой сеют слух...* (И. Эренбург, «Повесть временных лет», 1967 г.); *Разнообразные мосты Москва-реку венчают славой...* (Н. Глазков, «Возникли образы поэм...», 1940 г.); *Над родной Москвою, вдоль Москва-реки, Самолеты вражеские или* (М. Светлов, «Песня о фонариках», 1942 г.); *Маруся пошла На Москва-реку, И к ней подошел китаец.* (Д. Кедрин, «Китайская любовь», 1931 г.); *За Москва-рекой в полуподвале Жил высокого роста блондин.* (С. Гандлевский, «Баллада», 1977 г.).

**Частотность гидронима Москва-река
в памятниках русского языка XVIII–XXI вв. по данным НКРЯ**

Корпус НКРЯ	Контекст	Количество текстов	Количество репрезентаций
Основной	<i>Москва-река</i>	61	91
	<i>Москва-реки</i>	78	120
	<i>Москва-реке</i>	52	77
	<i>Москва-реку</i>	54	92
	<i>Москва-рекой (-ою)</i>	23	30
Поэтический	<i>Москва-река</i>	23	23
	<i>Москва-реки</i>	5	5
	<i>Москва-реке</i>	9	9
	<i>Москва-реку</i>	4	4
	<i>Москва-рекой /-ою</i>	6	6

В художественных и мемуарных произведениях начала XX в. появляется иное значение у географического термина: *Москва-река* с несклоняемой первой частью оказывается в ряде примеров не столько гидронимом, сколько урбанонимом, названием московского района, прилегающего к берегу главной столичной реки – см., например: *На Москва-реке были проталины и лужи* (К. А. Коровин, «Грибной рынок», 1930–1938 г.); *До Староносова длился Арбат; от него, что ни есть, – относилось к Москва-реке, к баням семейным, где мылся Танеев, С. И., композитор известнейший...* (Андрей Белый, «Начало века», 1930 г.). Наименование «Москварека» (если пользоваться фортуновским орфографическим вариантом) возникло в устной речи горожан, вероятно, по аналогии с *Симоновка, Хитровка* и т. п. названиями московских районов.

Некоторые предположения о причинах распространения московского топонима с несклоняемой первой частью

Наименования рек с несклоняемой первой частью встречаются в отражающих древнее языковое состояние русского языка былинах: так, в песнях и былинах встречаются репрезентации *по Дунай-реке, по Иртыш-реке, у Амур-реки, в Урал-реку* и др., придающие особую ритмо-мелодическую схему нарративному тексту, например: *...подъезжает онъ къ Пучай-ръкъ...* [Марков 1901: 330].

Отдельные фольклорные контексты демонстрируют отмеченную Ф. Ф. Фортунатовым синсемантическую, некоторую лексико-семантическую связанность элемента *река* (как будто бы уподобляющегося

аффиксу *-ка*, характерному для названий многих рек: *Мойка, Лососинка, Неглинка* и т. п.), что говорит в пользу дефиниции *Москва-реки* как композита, «слитного» слова: *Где пала Дунаева головушка, Протекала речка Дунай река...* [Гильфердинг 1950: 194] (опоясывающий несклоняемое имя собственное повтор *речка... река* свидетельствует о лексической «недостаточности», «аффиксальности» нарицательного компонента гидронима).

Гидроним *Москва-река* в былинах и исторических песнях встречается, между тем, в ином варианте со склоняемыми обеими частями, например: *Потьжмаеть Скопинь-отъ за Моску-ръку* [Материалы, собранные... 1905: 98] («Смерть Михайлы Скопина»); *А погип царевиць за Москвой-рекой...* [Архангельские былины 2002: 363] («Иван Грозный и его сын»: «Было у нас да во Царе-граде...»). В лирических песнях зафиксированы оба варианта – ср.: *Къ Москвь-ръкъ воротился...* [Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. I. 1911. С. 285]; *Не близко ко мнѣ, за Москва-ръкой. По той ли сторонкѣ идѣть мой милой...* [Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. II. 1911. С. 108]; *По быстрой рѣкъ, По Москва-ръкъ, Плыветъ-восплываетъ... Зеленый садокъ...* [Великорусские народные песни 1897: 183]. Эта фольклорно-песенная коннотация явно, наряду с разговорной окрашенностью, ощущается у гидронима *Москва-река* с несклоняемым собственным именем.

Не случайно В. Ходасевич в мемуарном очерке «Горький» (1938 г.) приводит специально созданный шутливо-иронический

контекст, стилизованный под устнопоэтический: «Уж ты гой еси, Марахол Марахолович, Славный богатырь наш скоморошина! Ты седлай свою коня борзого, Ты скачи ко мне на **Москва-реку!** Как Андреева, ведьма лютая, Извести меня обещаюся., Из Кремля меня хочет вытрясти, Малых детушек в полон забрать!» Седлал Марахол коня борзого, Прискакал тогда на **Москва-реку**. А и брал он тую Андрееву За белы груди да за косыньки, Подымал выше лесу синего, Ударял ее об сыру землю – и так далее».

Подобные факты из языка устной поэзии и фольклорных стилизаций свидетельствуют о том, что гидронимы с препозицией собственного и постпозицией нарицательного имени возникли еще в давний период существования русского языка – по крайней мере, в его устнопоэтической разновидности. Возможно, на наш взгляд, проведение аналогии и с топонимом *Новгород*, когда-то имевшим парадигму *Новгорода*, *Нову-городу* и так далее, но уже давно утратившим склонение в первой части композита. Следовательно узуальное употребление типа *на Москва-реке* оказывается поддержанным фольклорной традицией и уходящим корнями в культурно-языковые древности.

Проблема грамматического статуса гидронима

Важным представляется вопрос о грамматической квалификации образования *Москва-река*. Так, считающиеся на сегодняшний день главным нормативным документом по современному русскому правописанию «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. содержат следующую формулировку, в которой определяется норма дефисного написания сложных слов: «Пишутся через дефис: 1. Сложные существительные, имеющие значение одного слова и состоящие из двух самостоятельно употребляющихся существительных, соединенных без помощи соединительных гласных о и е, например: <...> Москва-река (при склонении изменяются оба существительных)» [Правила 1957: 78]. В полном академическом справочнике по русской орфографии и пунктуации 2006 г. находим дефиницию для дефисного написания *Москва-река*, прямо не указывающую статус географического наименования как словосочетания или композита: «Названия, представляющие собой сочетание

собственного имени с последующим родовым нарицательным названием, напр.: *Москва-река...*» [Правила 2007: 132]. Учебники по синтаксису русского языка для высшей школы обычно характеризуют подобные географические наименования как словосочетания с приложением, выраженным топонимом, – см., напр.: «Одиночные приложения, относящиеся к собственным именам, могут не обособляться и в постпозиции сливаться с определяемым именем. Ср.: *Река Москва – Москва-река*» [Валгина 2003: 239]. Между тем, встает вопрос о том, какой из двух элементов здесь оказывается приложением – имя собственное или имя нарицательное, если речь идет о неодушевленном объекте, тем более о топониме, демонстрирующем тенденцию к несклоняемости. В тех же источниках по синтаксису прямо указывается, что «отсутствует согласование ... у приложений-топонимов» [Валгина 2003: 126], так что возникает явная квалификационная коллизия.

Несклоняемость в части имени собственного, действительно, сближает образование типа *Москва-реки* со сложными словами, отдаляя от словосочетания с онимом-приложением, конкретизирующим нарицательное понятие – водный объект как родовое понятие. Впрочем, подобная несклоняемость для географического имени встречается и в словосочетаниях с обратным размещением компонентов, однако интересно, что сочетание *реки Москва* зафиксировано НКРЯ лишь в одной из научных статей 2004 г.¹; словосочетание *реке Москва* представлено только тремя примерами в источниках 1997, 2004 и 2015 г. – научной статье, культурологическом эссе и путеводителе; пример *реку Москва* также маргинален и используется, по данным НКРЯ, в газетной информации за 1910 г.; репрезентации *рекой / -ю Москва* в основном корпусе НКРЯ отсутствуют.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Проникновение варианта из «старомосковского

¹ «...вследствие возросшей антропогенной нагрузки на экосистему *реки Москва*, во много раз увеличилось содержания практически всех показателей качества...» (Экологическое состояние р. Москвы на территории Раменского района Московской области // Геоинформатика. 2004).

просторечия» совершалось, прежде всего, через отражающие внутреннюю и / или устную разговорную речь жанровые сферы. Употребление *Москва-реки* в лирических стихотворениях, рассказах, повестях и романах демонстрирует сохранение у гидронима фольклорно-архаической коннотации, связи с устнопоэтической традицией, содержащей немало примеров использования географических названий, не склоняемых в части собственного имени.

Таким образом, тенденция к несклоняемости географических наименований, давно выявленная в официально-деловой и научной сферах, подтверждается очень скромным количеством репрезентаций в иностилевых областях – художественной литературе и публицистике и совсем не фиксируется поэтическим корпусом русского языка.

Стилистические сферы и активность употребления географического наименования с несклоняемой первой частью оказываются релевантными для грамматической дискуссии о нормативном статусе

неизменяемости гидронима, развернувшейся на страницах лингвистических трудов первой половины XX века. Дмитрий Николаевич Ушаков, настаивавший на ненормативности *Москва-реке* / -и / -у / -ой, конечно же, прав, в том, что правила русского словоизменения требуют склонения обеих частей сочетаний изменяемых географических имен с нарицательными существительными. Между тем гидроним с сильным ударением на первом несклоняемом элементе (*Москва*) и слабоударяемой склоняемой последующей частью (*река*) оказывается фактом русской литературной речи XX столетия и начала нынешнего века. Активность использования подобного варианта невелика (достигает максимальных величин между 1920-ми и 1960-ми годами прошлого столетия), однако употребление его не прекращается, а потому заслуживает особого внимания в качестве стилистически маркированного – стилистически сниженного, окрашенного фольклорной и разговорной (уже не «старомосковской просторечной»!) коннотациями.

Источники

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. – СПб. : Тропа Троянова, 2002–2003. – (Полное собрание русских былин; Т. 2). – Т. I. Ч. 1: Поморье – Ч. 2: Пинега. – 2002. – 716 с.

Великорусские народные песни / Изд. проф. А. И. Соболевским. – Т. III. – СПб., 1897. – 628 с.

[Гильфердинг А. Ф.] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Сектор фольклора; отв. ред. А. М. Астахова. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949–1951. – Т. 1–3. – Т. 2 / Подгот. текста и коммент. А. И. Никифорова. – 1950. – 812 с.

[Марков А. В.] Беломорские былины, записанные А. Марковым / предисл. проф. В. Ф. Миллера. – М. : А. А. Левенсон, 1901. – 618 с.

Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским : Ч. 1: Зимний берег Белого моря : 1, 2, 3. Духовные стихи. Былины и исторические песни. Причитания : Волость Зимняя Золотица. – 1905. – М. : тип. К. Л. Меншова, 1905 (обл. 1909)–1908 (обл. 1909). – 157 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/>. При цитировании в круглых скобках указан автор текста, название произведения и год написания.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. – М., 1911–1929. – Вып. I–II. – Вып. I. (Песни обрядовые). – М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. – 356 с.

Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия / Изд. О-вом любителей рос. словесности при Моск. ун-те. – М., 1911–1929. – Вып. I–II. – Вып. II, ч. 1. (Песни необрядовые). – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1911. – 125 с.

Литература

Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис : Учебник / Н.С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.

Горшкова, К. В. Вопросы орфоэпии в работах Д. Н. Ушакова / К. В. Горшкова // Вестник Московского университета. Сер. филология. – 1973. – № I. – С. 86–90.

Левашов, Е. А. Еще раз о Москве-реке и Москва-реке / Е. А. Левашов // Русская речь. – 2009. – № 3. – С. 52–54.

- Ожегов, С. И. Склоняется ли Москва-река? / С. И. Ожегов // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. – М. : Высшая школа, 1974. – 352 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации. – М. : Учпедгиз, 1957. – 176 с.
- Правила русской орфографии и пунктуации : Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М. : Эксмо, 2007. – 480 с.
- Реформатский, А. А. Методические указания и руководство по современному русскому языку / А. А. Реформатский. – М. : Изд-во Литературного института Союза советских писателей, 1950. – 536 с.
- Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1985. – 182 с.
- Ушаков, Д. Н. К вопросу о правильном произношении / Д. Н. Ушаков // Ушаков Д. Н. Русский язык. – М. : Просвещение: АО «Учебная литература», 1995а. – С. 180-186.
- Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков. – М. : Просвещение: АО «Учебная литература», 1995б. – 320 с.
- Фортунатов, Ф. Ф. Лекции по сравнительному языковедению : сравнительное склонение / Ф. Ф. Фортунатов. – Б.м. : б.и., 1885. 308 с. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=68539> (дата обращения: 04.08.2023).
- Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. – М. : Гос. учебно-педагогич. изд-во, 1956. – Т. I. – 450 с.

References

- Fortunatov, F. F. (1885). *Leksii po sravnitel'nomu yazykovedeniyu : sravnitel'noe sklonenie* [Lectures on Comparative Linguistics: Comparative Declension]. 308 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=68539> (mode of access: 04.08.2023).
- Fortunatov, F. F. (1956). *Sravnitel'noe yazykovedenie* [Comparative Linguistics]. In Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Gos. uchebno-pedagogich. izd-vo, 1956. V. I. 450 p.
- Gorshkova, K. V. (1973). *Voprosy orfoepii v rabotakh D. N. Ushakova* [Issues of Orthoepy in the Works of D. N. Ushakov]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Filologiya*. № 1, pp. 86–90.
- Levashov, E. A. (2009). *Eshche raz o Moskve-reke i Moskva-reke* [Once Again about *Moskve-reke* and *Moskva-reke*]. In *Russkaya rech'*. № 3. Pp. 52-54.
- Ozhegov, S. I. (1974). *Sklonyaetsya li Moskva-reka?* [Is the Word *Moskva-reka* Declining?]. In Ozhegov S. I. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi*. Moscow, Vysshaya shkola. 352 p.
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii : Polnyi akademicheskii spravochnik [Rules of Russian Spelling and Punctuation: Complete Academic Reference Book] (2007). Main ed. V. V. Lopatin. Moscow, Eksmo. 480 p.
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [Rules of Russian Spelling and Punctuation] (1957). Moscow, Uchpedgiz. 176 p.
- Reformatskii, A. A. (1950). *Metodicheskie ukazaniya i rukovodstvo po sovremennomu russkomu yazyku* [Methodological Instructions and Guidance on the Modern Russian Language]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo instituta Soyuza sovetsskikh pisatelei. 536 p.
- Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymy?]. Moscow, Nauka. 182 p.
- Ushakov, D. N. (1995a). *K voprosu o pravil'nom proiznoshenii* [On the Issue of Correct Pronunciation]. In Ushakov, D. N. *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie, AO «Uchebnaya literatura», pp. 180-186.
- Ushakov, D. N. (1995b). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie, AO «Uchebnaya literatura». 320 p.
- Valgina, N. S. (2003). *Sovremennyi russkii yazyk: Sintaksis: Uchebnik* [Modern Russian Language: Syntax: Textbook]. Moscow, Vysshaya shkola. 416 p.

Данные об авторе

Патроева Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия).
Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр-т Ленина, 33.
E-mail: nvpatr@list.ru.

Author's information

Patroeva Natalia Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia).

Дата поступления: 25.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 25.09.2023; date of publication: 30.12.2023

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.161.1(091). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-226-242. ББК Ш141,12-03.
ГРНТИ 16.21.63. Код ВАК 5.9.5

ОТ МОСКОВСКОГО КРУЖКА ДЛЯ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА К МОСКОВСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ (1901–1904 гг.)

Крылова О. Н.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

SPIN-код: 2870-4887

А н н о т а ц и я . Статья посвящена первым страницам истории Московской диалектологической комиссии, неофициальная деятельность которой началась в 1901 г. с заседаний Московского кружка для изучения русского языка, основанного А. Д. Григорьевым и Н. Н. Дурново при поддержке Ф. Е. Корша и А. А. Шахматова. Значительную роль в деятельности кружка, а впоследствии и в работе Комиссии сыграл Д. Н. Ушаков. Одной из целей статьи является публикация архивных материалов из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, которые позволяют в деталях проследить путь создания Комиссии в 1904 году, преобразованной из этого лингвистического кружка. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов в статье дается информация о Московском кружке для изучения русского языка: о составе ее членов; о взаимодействии со II Отделением русского языка и словесности Императорской Академии наук; о роли академика А. А. Шахматова в создании МДК; о том, как начиналась работа по составлению Диалектологической карты русского языка и др. Приводятся данные о том, какие материалы планировалось включить в карту, с чего начиналась и как собиралась библиотека Комиссии. Издаваемые материалы восполняют пробел в истории создания Московской диалектологической комиссии, показывают, какой путь предстояло пройти ученым от организации частного кружка до официального признания его работы Академией наук. При подготовке статьи использованы документы, связанные с деятельностью Московской диалектологической комиссии, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Публикуются протоколы первого и последнего заседаний кружка, а также тридцатого, на котором обсуждался вопрос об официальном признании кружка. Впервые также обнаружен протокол первого заседания Комиссии. По архивным данным восстанавливаются обсуждения, дискуссии, связанные с этим периодом летописи Комиссии. Представленные материалы являются не только ценным источником по истории отечественного языкознания, но дают сведения о том, как происходило становление лингвистического сообщества.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история отечественного языкознания; русская диалектология; Московская диалектологическая комиссия; Д. Н. Ушаков; А. А. Шахматов; А. Д. Григорьев; Московский кружок по изучению русского языка; Диалектологическая карта русского языка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Крылова, О. Н. От Московского кружка для научного изучения русского языка к Московской диалектологической комиссии (1901–1904 гг.) / О. Н. Крылова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 226–242. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-226-242.

FROM MOSCOW CIRCLE FOR THE SCIENTIFIC STUDY OF THE RUSSIAN LANGUAGE TO MOSCOW DIALECTOLOGICAL COMMISSION (1901–1904)

Olga N. Krylova

Institute for Linguistic Studies RAS (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6887-4316>

Abstract. The article presents the first pages of the history of the Moscow Dialectological Commission, the unofficial activity of which began in 1901 with the creation of the Moscow circle for the study of the Russian language, founded by A. D. Grigoriev and N. N. Durnovo with the support of F. E. Korsh and A. A. Shakhmatov. D. N. Ushakov played a significant role in the activities of the circle, and subsequently in the work of the Moscow Dialectological Commission. One of the aims of the article is to publish the archival materials from the funds of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, which allow tracing the progress of the Commission creation in 1904 from this linguistic circle.

Based on the archival documents introduced into scientific circulation for the first time, the article provides information about the Moscow circle for studying the Russian language: about its membership; about the interaction with the II Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences; about the role of academician Shakhmatov in the creation of the MDC; about the beginning of work on compiling a dialectological map of the Russian language. The article contains information about the materials expected to be included in the map and the way the Commission's library collection was started. The materials presented in the article fill the gap in the history of the creation of the Moscow Dialectological Commission and show the distance the scholars were to pass from the creation of a private circle to the official recognition of their activity by the Academy of Sciences.

While writing the article, the author uses materials related to the activity of the Moscow Dialectological Commission, stored in the St. Petersburg branch of the RAS Archive. The article publishes for the first time the minutes of the first meeting of the circle about the beginning of its work, as well as the minutes of the last thirtieth meeting, at which the question of official recognition of the circle was discussed, as a result of which the members of the circle decided to agree with its transformation into a commission. The article also publishes the minutes of the first meeting of the Commission for the first time. The discussions and considerations related to this period of the Commission history are restored on the basis of archival data.

The archival materials presented in the article are not only a valuable source of information about the history of Russian linguistics, but also provide evidence about the formation of this linguistic center and the atmosphere and the context in which it took place.

Keywords: history of Russian linguistics; Russian dialectology; Moscow Dialectological Commission; D. N. Ushakov; A. A. Shakhmatov; A. D. Grigoriev; Moscow circle for the study of the Russian language; Dialectological map of the Russian language

For citation: Krylova, O. N. (2023). From Moscow Circle for the Scientific Study of the Russian Language to Moscow Dialectological Commission (1901–1904). In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 226–242. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-226-242.

Введение

В истории отечественной лингвистики есть очень яркие страницы, без которых невозможно представить развитие русского языкознания. Одной из них была деятельность Московской диалектологической комиссии (1904–1931), впоследствии Постоянной диалектологической комиссии Академии наук, которая внесла неоценимый вклад в развитие отечественной диалектологии и диалектографии. По архивным данным можно хотя бы отчасти восстановить ту научную, духовную атмосферу, в которой создавалось данное уникальное объединение выдающихся для своего вре-

мени лингвистов, те принципы и задачи, ради которых эта комиссия начала свою работу. Не менее значимым для истории отечественной лексикографии оказывается и то, что с первого до последнего дня работа комиссии была связана и с научной деятельностью Дмитрия Николаевича Ушакова.

Московская диалектологическая комиссия – официально Комиссия по диалектологическому изучению русского языка – была создана в 1904 году при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук по инициативе и большой поддержке академиков А. А. Шахматова и Ф. Е. Корша. В работе Комиссии принимал

активное участие Дмитрий Николаевич Ушаков, сначала в качестве товарища председателя (председатель – академик Ф. Е. Корш), а с 1915 года до последнего дня существования комиссии (1931) – бессменного ее председателя и редактора всех 12-ти выпусков «Трудов» (1908–1931). «Именно труды Московской диалектологической комиссии... заложили основы русской диалектологии как научной дисциплины. Если в области истории русского языка многое уже было сделано предшествующими поколениями ученых, прежде всего А. А. Шахматовым, то диалектология до начала XX в. основывалась лишь на самых общих представлениях и на разрозненных и часто дилетантских записях диалектных текстов. Лишь Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков и их коллеги смогли развернуть широкомащтабную и основанную на единой методике работу по сбору и обработке материала и дать на ее основе первую детальную классификацию восточнославянских диалектов, основанную прежде всего на звуковых различиях. По существу, с некоторыми дополнениями она остается действующей и сейчас» [Ашнин, Алпатов 1993: 56–57].

Трудами членов МДК был выпущен первый «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии» [Опыт... 1915]. На карту были нанесены границы языков, наречий и говоров восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского). «В 1919 г. было намечено составление диалектологического атласа великорусских говоров, который должен состоять из ряда карт, где будет обозначено распространение отдельных диалектологических явлений или комплексов сходных черт» [Ушаков, Голанов 1995: 277].

Д. Н. Ушаков сумел собрать вокруг себя славную когорту единомышленников из коллег и своих учеников – Н. Н. Дурново, В. Н. Сидорова, И. Г. Голанова, Р. О. Якобсона, А. М. Селищева, Г. О. Винокура, Р. И. Аванесова, П. Г. Богатырева, А. А. Буслаева и многих других. Дмитрию Николаевичу Ушакову и другим членам МДК посвящены работы многих исследователей (см., например: [Алпатов 2012а, 2012б, 2009, 2000, 1999; Амбросович 2015; Ашнин, Алпатов 1993; Березин 2016; Бернштейн 1973; Борунова 2000, 1996; Из переписки... 2016; Ле-

генда русского слова... 2023; Никитин 2017, 2015, 2004а, 2004б, 2002; Опарина 2016; Плотникова 1983; Потапов 2003, 2002; Робинсон, Петровский 1992; Сумникова 1981; Ушаков, Голанов 1927; Ушаков, Соколов 1914; Филиппова 2013]). И если вклад Комиссии в отечественную науку в той или иной мере известен специалистам в области истории науки и русской диалектологии, то ее создание – тема малоисследованная и малоизученная в отечественном языкознании, и ей посвящен очень небольшой круг работ (см., например: [Никитин 2017, 2015, 2004а, 2004б, 2002; Ушаков, Голанов 1927; Ушаков, Соколов 1914]). И практически не исследованными оказываются сами истоки возникновения Комиссии из Московского кружка А. Д. Григорьева¹. Однако, по данным СПбФ АРАН², можно хотя бы отчасти восстановить научную атмосферу, в которой создавалось данное уникальное объединение выдающихся для своего времени лингвистов, те принципы и задачи, ради которых этот кружок, а впоследствии – Комиссия – создавались.

Целью данной статьи является попытка на основании архивных данных воссоздать первые шаги в работе Комиссии, этапы ее становления: от Московского кружка А. Д. Григорьева к созданию при Академии наук Комиссии для диалектологического изучения русского языка.

От «Московского кружка для изучения русского языка» до «Комиссии для диалектологического изучения русского языка» при ОРЯС Академии наук (1901–1904)

Осенью 1901 года по инициативе Александра Дмитриевича Григорьева был организован Московский кружок для изучения русского языка. Как вспоминал Н. Н. Дурново, «не помню точно, кому из

¹ Григорьев Александр Дмитриевич (1874–1949) – русский фольклорист, историк древнерусской литературы, литературовед, историк, диалектолог. Выпускник Московского университета (1899), ученик М. И. Соколова и В. Ф. Миллера; позже преподаватель в университете (1903–1912). Профессор Варшавского и Донского (1914–1916), Томского (1917–1922) университетов. Один из основателей Московской диалектологической комиссии.

² СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1–26; Оп. 2. Д. 1–331.

нас первому, Григорьеву или мне, кажется, что Григорьеву, пришла в голову мысль организовать кружок для изучения русского языка. Я больше его чувствовал потребность поделиться своими мыслями, касающимися лингвистических вопросов, с другими, чем Григорьев, потому что в это время был занят печатаньем своей первой большой работы по диалектологии – Описания говора д. Парфенок, – которая являлась как бы энциклопедией моих тогдашних знаний по языку.

С самого начала кружок был очень велик. <...> Все мы пятеро были по Университету однокурсники, кончили в 1899 году. Григорьев, Соколов, Тарабрин и я, Московский, Нахтигаль – Венский Университет. Д. Н. Ушаков вошел в наш кружок только с 5-го заседания, т. е. через 2 с небольшим месяца» [Никитин 2002: 94–95].

Заседания кружка проходили на собственной квартире Александра Дмитриевича Григорьева, в Москве, в районе Арбата. Приведем в полном объеме текст Протокола первого заседания кружка, которое состоялось 26 сентября 1901 г.

Протокол¹

1-го заседания Московского Кружка для изучения русского языка в среду 26-го сентября 1901 г. в квартире А. Д. Григорьева (Б. Афанасьевский пер., д. Ефремовой, кв. № 1).

Присутствовали: А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново², И. М. Тарабрин³, Н. Н. Со-

колов⁴ и д<окто>р Р. Р. Нахтигаль⁵.

А. Д. Григорьев сказал, что в виду того, что в Москве нет особого общества для изучения русского языка в его истории и диалектах, он задумал еще в прошлом академическом году устроить для этой цели пока частный кружок, который при наличии необходимых для того условий может со временем обратиться во что-нибудь большее. Мысль эта встретила сочувствие у лиц, интересующихся изучением русского языка, вследствие чего с началом этого академического года явилась возможность приступить к осуществлению ее и начать заседания Кружка.

А. Д. Григорьев сообщил некоторые материалы по диалектологии, собранные им в Архангельской губернии.

Н. Н. Дурново прочел доклад: «Деепричастия на мши в русском яз<ыке>». По мнению докладчика, на образование этих наречий оказали влияние причастия настоящ<его> и прошед<шего> времен страдат<ельного> залога. Р. Р. Нахтигаль, указывая на слово «пимцо» в одном из великорусских говоров, предполагал фонетическое происхождение «м» в окончании этих деепричастий и обратил внимание докладчика на то, что деепричастия на «ёмши» образуются исключительно от глаголов IV класса. Н. Н. Соколов, соглашаясь в общих чертах с докладчиком, указал на существование в великорусских говорах причастий на мший, напр. вольноопределя'мший(ся).

Затем Н. Н. Дурново отметил некото-

¹ Представленные здесь и далее документы публикуются впервые по тексту рукописей. Тексты приведены в современной орфографии, с сохранением стилистических и пунктуационных особенностей подлинника, а также орнаментики документа. При воспроизведении текста нами были сделаны сопутствующие ссылки и примечания; сокращения раскрыты в угловых скобках.

² Дурново Николай Николаевич (1876–1937) – лингвист, член-корреспондент АН СССР (1924), академик Белорусской АН (1928–1930, исключен). Выпускник Московского университета (1899), ученик Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова. Сфера его научных занятий: диалектология, история русского и славянских языков, морфология, теория грамматики, древнерусская литература. Один из основателей Московской диалектологической комиссии, заместитель Д. Н. Ушакова.

³ Тарабрин Иван Мемнонович (1876–1942) – архивист, историк древнерусской литературы, сотрудник Исторического музея в Москве: помощник библиотекаря

(1902–1905), ученый секретарь (1905–1916, 1918–1920), зав. отделом архива (1920–1931), научный сотрудник Архива (до 1937). Выпускник Московского университета (1899). Один из основателей Московской диалектологической комиссии.

⁴ Соколов Николай Николаевич (1875–1923) – ученый-славист, преподаватель русского, белорусского, старославянского языков, исследователь литовского языка. Выпускник Московского университета (1899). Профессор Воронежского (1919–1922) и Московского (с 1920) университетов. Один из основателей Московской диалектологической комиссии, секретарь комиссии (1904–1919).

⁵ Нахтигаль Райко Райкович (1877–1958) – словенский филолог, славист, лингвист, исследователь старославянского языка и письменности, сравнительной грамматики славянских языков, истории словенского языка, древнерусской литературы и русского языка.

рые новости по изучению языка, в особенности прекрасное описание жиздринских говоров г<осподи>на А. Никольского, печатающееся в Русском Филологическом вестнике¹.

По обсуждению всех докладов было решено собираться по воскресеньям или праздникам днем в 1 час дня, приблизительно через 2 недели, в квартире А. Д. Григорьева.

А. Григорьев Н. Дурново Н. Соколов
И. Тарабрин Р. Нахтигаль

СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
Автографы

Эта инициатива бывших выпускников МГУ послужила началом большой научной традиции, значение которой трудно переоценить. Вскоре в состав кружка вошли Д. Н. Ушаков², В. А. Погорелов³, Н. П. Кашин⁴, Н. И. Шатерников⁵, А. С. Орлов⁶, К. С. Кузь-

¹ Имеются в виду статьи: Никольский А. А. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губернии // Русский филологический вестник. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1901. Т. 45, № 1-2. С. 269-277; 1901. Т. 46, № 3-4. С. 235-249; 1902. Т. 47, № 1-2. С. 169-186; 1903. Т. 49, № 1-2. С. 322-335.

² Ушаков Дмитрий Николаевич (1873-1942) – лингвист, специалист по русской диалектологии, лексикографии, истории русского языка, один из организаторов реформы русской орфографии. Член-корреспондент АН СССР (1939). Редактор и соавтор «Толкового словаря русского языка». Один из основателей Московской диалектологической комиссии, товарищ председателя Ф. Е. Корша с 1904 г., председатель комиссии с весны 1915-1931 гг.

³ Погорелов Валерий Александрович (1872-1955) – филолог-славист, литературовед. Выпускник Московского университета (1895). Библиотекарь библиотеки Московской синодальной типографии (1896-1902). Профессор Варшавского университета (1911-1920), Донского университета (с 1915). С начала 1920-х гг. – в эмиграции. С 1923 г. – преподаватель русского языка и литературы Братиславского университета (Чехословакия). Член Московской диалектологической комиссии.

⁴ Кашин Николай Павлович (1874-1939) – театровед, литературовед, академик ГАХН. Выпускник Московского университета (1898). Член Московской диалектологической комиссии.

⁵ Шатерников Николай Иванович (1871-1940) – переводчик античных авторов. Выпускник Московского университета. Член Московской диалектологической комиссии.

⁶ Орлов Александр Сергеевич (1871-1947) – литературовед, текстолог, историк древнерусской литературы. Выпускник Московского университета (1895). Заме-

минский⁷, Н. Н. Кононов⁸, А. С. Мадуев⁹, Н. В. Васильев¹⁰. (Впоследствии все эти ученые вошли в состав МДК, за исключением Р. Р. Нахтигалья, который вернулся в Вену осенью 1902 года.) В ряде заседаний принимали участие также академики Ф. Е. Корш¹¹ и А. А. Шахматов¹².

Заседания проходили преимущественно на квартирах А. Д. Григорьева: с 1-го по 13-е заседание по адресу Б. Афанасьевский пер., д. Ефремовой, кв. 1; с 14-го по 23-е – Б. Молчановка, д. Херсонской, кв. 13; с 24-е по 30-е – угол Арбата и Б. Афанасьевского пер., д. Бобовича, кв. 7 [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-46].

ститель директора Пушкинского Дома (1930-1944). Академик АН СССР (1931). Профессор Московского и Ленинградского (в 1930-е гг.) университетов. Член Московской диалектологической комиссии.

⁷ Кузьминский Константин Станиславович (1875-1940) – журналист, искусствовед, историк. Выпускник Московского университета. Член Московской диалектологической комиссии.

⁸ Кононов Николай Николаевич (1881-1920) – литературовед. Сотрудник Исторического музея в Москве. Член Московской диалектологической комиссии.

⁹ Мадуев Аркадий Степанович (1877-1941) – фольклорист, лингвист, историк. Выпускник Московского университета. Доцент кафедры славяно-русской филологии филологического факультета Ленинградского университета. В протоколах заседаний кружка с октября 1901 по апрель 1902 гг. в списке присутствующих отмечен как студент. Член Московской диалектологической комиссии.

¹⁰ Васильев Николай Васильевич (1879 - ?) – филолог, преподаватель русского языка. В списке членов МДК, составленном в октябре 1923 г., обозначен как преподаватель русского языка [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 412]. В протоколах заседаний кружка с декабря 1901 по апрель 1902 гг. в списке присутствующих отмечен как студент. Член Московской диалектологической комиссии.

¹¹ Корш Федор Евгеньевич (1843-1915) – русский филолог-классик, славист, востоковед. Академик Петербургской АН (1900). Состоял председателем Комиссии АН по изданию сочинений А. С. Пушкина (1900-1906) и Московской диалектологической комиссии (1904-1915). Преподавал в Московском (1868-1890, 1892-1905) и Новороссийском (1890-1892) университетах, в Лазаревском институте восточных языков (1892-1915).

¹² Шахматов Алексей Александрович (1864-1920) – славист, историк русского языка, диалектолог, исследователь летописной традиции и публикатор памятников русской старины. Академик Императорской АН (1899), председатель ОРЯС (1906-1920), профессор Петербургского университета.

В первые же месяцы работы кружка возникла инициатива А. А. Шахматова о придании этому любительскому научному объединению официального статуса. Так, на заседании кружка, состоявшемся 12 февраля 1902 года, Н. Н. Дурново зачитал фрагмент письма, полученного от академика А. А. Шахматова, в котором последний приветствует состоявшееся событие: «Меня очень заинтересовало известие об образовавшемся у Вас кружке. Весьма любопытны рефераты, прочитанные Григорьевым. Жалко, что этот кружок в Москве, а не здесь¹. Надеюсь, Вы приняли бы меня в его состав. Не могу ли быть полезен Вам и отсюда, хотя бы присылкой книг, каких-нибудь материалов?» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 15]. На этом же заседании было принято решение собирать собственную библиотеку: «Хотя кружок не существует еще официально и не имеет собственного помещения, все-таки сочли возможным иметь книги, принадлежащие специально кружку, с тем чтобы они хранились у А. Д. Григорьева... В виду связи русского языка со славянскими и балтийскими кружку нужны были бы исследования, словари и материалы как по русскому, так по славянским и балтийским языкам; но кружок, не зная, как могут отнестись к его просьбе в Отделении русского языка и словесности, предоставляет выбор и количество изданий на усмотрение акад. Шахматова» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–16]. Члены кружка попросили А. Д. Григорьева сообщить А. А. Шахматову об их просьбе. На очередном, 9-м заседании, 10 марта 1902 г., А. Д. Григорьев прочел фрагмент из письма, полученного им от Алексея Александровича: «Постановлено также послать книги Вашему кружку. ... Вероятно, Ваш кружок нуждается в печатном органе. Это навело меня на мысль предложить Вам возбудить через Академию² ходатайство о том, что(бы) Ваше существование было узаконено. Ваше Общество может официально приписаться к Академии, как многие общества существуют при университетах. Правда, примеров пока нет, но тем желательнее, чтобы почин принадлежал такому симпатичному» по своим

целям обществу, как Ваше. Выработайте краткий устав и пришлите в Академию. Поручиться за успех нельзя, но он весьма вероятен. Разумеется, то обстоятельство, что общество существует не здесь³, а в Москве, не может служить препятствием. Если Академия согласится приписать Вас к себе или ко Второму своему Отделению⁴, Вы всегда можете рассчитывать на то, что оттиски из Сборника⁵ составят Ваш орган» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 17].

После получения этого письма А. Д. Григорьев начинает работу по выработке проекта Устава. «На частном совещании на Масленицу⁶, на котором присутствовали А. Д. Григорьев, И. М. Тарабрин, Д. Н. Ушаков и студ<ент> Н. В. Васильев, шла речь о цели кружка. Затем о том же А. Д. Григорьев совещался с Н. Н. Дурново, Р. Р. Нахтигалем и Н. Н. Соколовым. ... Исправив проект сообразно с высказанными замечаниями, он внес кроме того § <параграф> о праве кружка заботиться об устройстве съездов исследователей русского языка» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 17 об].

На заседании 10 марта 1902 г. обсудили две главы проекта: I. Цель Общества и его права, II. Состав Общества.

На следующем заседании (присутствовали: А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново, И. М. Тарабрин, Н. Н. Соколов, В. А. Погорелов, студ<енты> Н. В. Васильев и А. С. Маду-

³ Не в Петербурге.

⁴ Имеется в виду Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук (II Отделение Императорской Академии наук, ОРЯС) (1841–1927), занимавшееся русским языком и литературой.

⁵ Имеется в виду периодическое издание Академии наук, издававшееся с 1867 по 1928 гг. в Петербурге–Петрограде–Ленинграде, – «Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук». Издание содержит протоколы отделения, материалы и исследования, касающиеся русского языка, произведений древней письменности и русских писателей XVIII и перв. пол. XIX века. С 1867 по 1872 гг. тома носили название «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук», после 1917 г. – «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР».

⁶ То есть за неделю до состоявшего 10 марта 1902 г. девятого заседания кружка.

¹ Имеется в виду Петербург, где жил А. А. Шахматов.

² Имеется в виду Императорская Академия наук.

ев и д<окто>р Р. Р. Нахтигаль¹, которое состоялось 12 марта в типографской библиотеке², были сделаны изменения и дополнения к этим главам и обсуждены 3 глава «О должностных лицах Общества» и 4 глава «О собраниях и занятиях Общества».

24 марта 1902 г. на очередном заседании А. Д. Григорьев сообщил, что проект Устава был подписан всеми членами кружка. Тогда же было принято решение обратиться к А. А. Шахматову за советом, перед кем, в какой форме и когда ходатайствовать о приписке кружка к Императорской Академии наук или Второму Отделению и об утверждении проекта Устава [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 20]. Проект Устава был отправлен А. А. Шахматову.

В апрельском заседании А. Д. Григорьев сообщил, что он получил извещение от Н. Н. Соколова, который в то время находился в Петербурге, о том, что А. А. Шахматов хочет на ближайшем заседании Академии наук поднять вопрос о приписке кружка к Академии и поэтому надо прислать к этому времени прошение на имя Академии о приписке кружка ко II Отделению по форме, содержащейся в письме. Прошение было написано А. Д. Григорьевым и подписано всеми членами кружка, которые находились то время в Москве³. «Позднее А. Д. Григорьев получил от акад. А. А. Шахматова письмо, в коем последний осведомлялся, передано ли ему Н. Н. Соколовым его желание; из этого письма было также видно, что прошение надо бы написать более обстоятельное, чем это сделано. Не имея возможности по недостатку времени составить второе прошение и хлоп-

тать о его подписании, А. Д. Григорьев передал его захавшему к нему по дороге В. И. Чернышеву⁴, прося передать прошение акад. А. А. Шахматову и известить его, годится ли оно в такой форме, а если не годится, то как формулировать добавления. На это письмо до заседания не было получено ответа от В. И. Чернышева, что должно означать согласно условию, что форма прошения сочтена удобной» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–22 об].

По вопросу необходимости составления списка рукописей по месту и времени их написания «А. Д. Григорьев заявил, что список рукописей по сведениям, полученным им от А. И. Соболевского⁵, составляет в Петербурге библиотекарь г<осподин> Никольский⁶, более точные сведения о работе коего он надеется получить во время своей предстоящей поездки в Петербург⁷. Относительно же составления предложенной кружком диалектической⁸ карты А. Д. Григорьев сообщил свою переписку с проф<ессором> Карским⁹ по поводу опре-

¹ Из протокола 10-го заседания кружка [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 18].

² Библиотека Московской синодальной типографии (Типографская библиотека) – историческая библиотека при московском Печатном дворе, ее основание относится к открытию печатного двора в XVI веке (1553). Библиотека возникла из собрания рукописных подлинников Московской Синодальной типографии и первопечатных книг.

³ В протоколе 13-го заседания кружка от 28 апреля 1902 г. напротив этого сообщения на полях карандашом сделана запись: Ушак<ов> Вас<ильев> Каш<ин> Дурн<ово> Шатер<ников> Тарабр<ин> Погорел<ов> [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. Предполагается, что это может означать, что именно эти члены кружка подписали прошение.

⁴ Чернышев Василий Ильич (1867–1949) – языковед-русист, диалектолог, фольклорист, этнограф. Член-корреспондент Академии наук СССР (1931).

⁵ Соболевский Алексей Иванович (1857–1929) – лингвист, палеограф, историк литературы, славист, педагог. Академик Санкт-Петербургской Академии наук (1900). Член-корреспондент Белградской и Софийской АН, профессор Киевского университета (1884–1888); заведующий кафедрой русского языка и словесности Санкт-Петербургского университета (1888–1908). А. Д. Григорьев вел переговоры с ним и А. А. Шахматовым по вопросу приписки кружка к Отделению (из протокола 14 заседания от 22 сентября 1902 – СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 24).

⁶ Никольский Антон Иванович (1857–1914) – архивист, историк. Архивариус Святейшего синода.

⁷ А. Д. Григорьев в результате встречи с А. И. Соболевским во время своей поездки в Петербург узнал: «библиотекарь Синодального Петербургского Архива Антон Ив<анович> Никольский, составивший уже описание рукописей Синодального Архива и печатающий его, что он составляет список датированных рукописей; что он [Никольский] решил воспользоваться для этой цели рукописями собраний, имеющих печатные описания, и всеми рукописями, как описанными так и не описанными, Императорской Публичной библиотеки, что эта работа, длающаяся уже год, продлится еще год» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об.].

⁸ Здесь и далее читай диалектологическая.

⁹ Карский Евфимий (Ефим) Федорович (1860–1931) –

деления последним границ белорусского наречия и составления карты белорусского наречия. На предложение А. Д. Григорьева напечатать при карте указатель всего напечатанного диалектического материалы и отметить в ней все места записей проф<ессор> Карский ответил, что в его работу войдет также перечисление всего напечатанного этнографического материала по языку, но что на карте едва ли удастся нанести все местности, т<ак> к<ак> пришлось бы карту печатать в большом масштабе, что потребовало бы очень больших издержек¹. При дальнейшем обсуждении вопроса о карте было решено, по предложению Д. Н. Ушакова, перед составлением самой карты составить карточный список всех трудов по диалектологии, с расположением самих карточек в алфавитном порядке уездов; заказ карточек взял на себя, по просьбе кружка, Д. Н. Ушаков» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–28об]. При составлении карточного каталога «...было решено: а) составлять список трудов на основании первоисточников, причем журналы просмотреть за все время их существования, б) на карточки заносить труды как по

диалектологии, так и по истории русского языка, с тем чтобы из этих карточек образовать два особых каталога, в) труды по истории рус<ского> яз<ыка> заносить на карточки по авторам, г) труды по диалектологии, руководствуясь пока одними заглавиями их, заносить на карточки по уездам; если же в заглавии уезд не обозначен, обозначена только губерния, то по губерниям; общие труды по диалектологии должны составить в каталоге отдельную группу, с которой имеет справляться всякий из составителей диалектологич<еской> карты; д) всякий из составителей карты, если найдет при чтении статей, относящихся к избранной им местности, диалектический материал, относящийся к другим местностям, обязан занести на карточки указания на эти местности и передать карточки в общий каталог» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 29].

23 марта 1903 года на заседании кружка А. Д. Григорьев сообщает, «...что от академика А. А. Шахматова получено письмо с важным для кружка предложением. Акад. Шахматов находит желательным составление диалектической карты всего великорусского наречия на основании ожидаемых ответов на составленную им краткую программу². Прилагая эту программу при письме, акад. Шахматов просит предложить ее на рассмотрение в кружке для возможных дополнений и из-

---

филолог-славист, палеограф, этнограф, основатель белорусского языкознания. Академик Петербургской АН (1916), Чешской АН (1926), действительный член Института белорусской культуры (1922), ректор Варшавского университета (1905–1910). Главный редактор журнала «Русский филологический вестник» (1905–1917), где с 1907 года печатались труды Московской диалектологической комиссии. Директор Музея антропологии и этнографии (1921–1929).

¹ Масштабная работа над созданием диалектологической карты, включающей говоры русского, белорусского и украинского языков, которая началась еще членами кружка, завершилась изданием в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», составленной членами МДК Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым.

Результатом многочисленных диалектологических экспедиций Е. Ф. Карского стали 2 карты, помещенные им в первом томе «Белорусов» [Карский Е. Ф. Белорусы: в 3-х т. Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.]: «Этнографическая карта белорусского племени» и «Этнографическая карта белорусского племени. Белорусские говоры». Особую ценность представляет вторая карта, на которой показаны территориальное распространение разнообразных фонетических явлений белорусского языка и классификация белорусских диалектов.

---

² В 1900 г. на основе двух Программ для собирания особенностей говоров северновеликорусского и южновеликорусского наречий была опубликована Программа для собирания особенностей великорусских говоров [Программа для собирания особенностей великорусских говоров // Сборник Отделения русского языка и словесности ИАН. Т. 68, № 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1900]. Возможно, эта программа имела в виду. В дальнейшем в Трудах диалектологической комиссии была опубликована Краткая программа по собиранию особенностей русских говоров, при этом в примечании сказано, что она напечатана по распоряжению Императорской Академии наук. СПб. Май 1903 г. [Труды Московской диалектологической комиссии. Свод материалов, собранных комиссией. Краткая программа по собиранию особенностей русских говоров. Владимирская губ., Калужская губ.; Нижегородская губ.; Курская губ. // Русский филологический вестник. Варшава: Типография Варшавского учебного округа Императора. 1907. Т. 58, № 3. С. 191–210].

менений. Он спрашивает, согласен ли кружок помочь ему для составления этой карты в разработках ожидаемых материалов, с тем чтобы карту можно было издать к съезду славистов, который будет в сентябре 1904-го года¹. Он надеется, что члены кружка могли бы рассчитывать на гонорар от Отд<еления> р<усского> я<зыка> и сл<овесности> за предстоящую им работу.

... Было решено выразить согласие на предложение акад. Шахматова принять участие в составлении карты великор<усского> наречия, указать на необходимость составлять ее по существующим уже и по ожидаемым материалам и назначить срок для представления материалов, указать на то, что кружок имел в виду отметить все места записи материала, а не только границы наречий. Присланную акад. Шахматовым краткую программу предварительно просмотрели А. Д. Григорьев и Н. Н. Дурново и предложили ряд дополнений и изменений. Программа с этими дополнениями и изменениями была обсуждена и о предлагаемых кружком дополнениях и изменениях решено известить акад. Шахматова» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31об].

А. Д. Григорьев, находясь в Петербурге², встречается с А. А. Шахматовым, от которого узнает о решении II Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук подключить к составлению карты членов кружка. В карте планируется «...обозначать не только границы поднаречий... великорусского наречия, но и деревни, где произведены записи мате-

риалов, ...Шахматов предлагает для этой карты взять карту России Ильина³ на 6-ти листах и (вследствие указания его на непригодность этой карты для некоторых местностей вследствие незначительности ее масштаба) предложить сделать дополнительные карты этих кусков, что карта будет состояться на основании а) материалов рукописных имеющих поступить на короткую программу и б) ответов на большую программу⁴ Отделения и наконец в) напечатанных уже материалов...» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 33].

О дальнейших решениях II Отделения в отношении статуса Московского кружка становится известно из Протокола 30 заседания от 2 января 1904 г. Протокол цитируем в полном объеме в связи с тем, что он содержит важные для истории науки факты – именно в нем подробно освещается процесс получения кружком своего официального статуса.

Протокол

7 (30)-го заседания Московского Кружка для научного изучения русского языка 2-го января 1904 г. в 6 час. вечера в квартире А. Д. Григорьева (Б. Афанасьев<ский> пер., д. Бобовича).

Присутствовали: Н. В. Васильев, А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново, Н. Н. Кононов, Ф. Е. Корш, А. С. Орлов, И. М. Табурин, Д. Н. Ушаков и А. А. Шахматов.

¹ Организатором будущего международного съезда филологов и историков-славистов являлось Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Императорской Академии наук. Была сформирована комиссия по организации съезда русских и иностранных славистов в составе А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, Ф. Ф. Фортунатова, П. А. Лаврова, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др. Но международный съезд, который планировался к проведению в Петербурге, на период с 31 августа по 10 сентября 1904 года, не состоялся из-за начавшейся русско-японской войны. Подробнее см.: Лаптева Л. П. Несостоявшийся форум русских славистов // Славянский альманах : 2013. М., 2014. С. 152–159.

² Точной даты пока установить не удалось, но основываясь на данных протоколов кружка, можно предположить, что данная поездка состоялась в промежутке между 20 апреля и 15 мая 1903 года.

³ Ильин Алексей Афиногенович (1832–1889) – русский генерал-лейтенант, известный картограф и издатель. Его имя связано с возникновением и развитием первого в России частного картографического заведения. Открытая в 1859 году в Петербурге литография выросла в знаменитое «Картографическое заведение Ильина».

⁴ Возможно, речь идет о «Программе для собирания особенностей народных говоров», которая была разработана А. А. Шахматовым и опубликована в 1896 г.: Шахматов А. А. Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. 1896. Т. I, кн. 1. С. 179–234; Программа для собирания особенностей говоров южновеликорусского наречия // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. 1896. Т. I, кн. 3. С. 593–646. Третья часть программы была составлена Е. Ф. Карским и опубликована в 1897 г.: Карский Е. Ф. Программы для собирания особенностей народных говоров. III. Программа для собирания особенностей белорусского наречия // Известия Отделения русского языка и словесности ИАН. 1897. Т. II, кн. 2. С. 501–560.

1. А. Д. Григорьев прочел протокол предыдущего заседания, после чего протокол был подписан.

2. А. Д. Григорьев сообщил, что в библиотеку кружка поступили книги: 1) Н. Н. Дурново Диалектологическая карта Калужской губ<ернии> СПб. 1903 г. из 76 т. Сборн<ика> Отд<еления> р<усского> яз<зыка> и сл<овесности> 1–35 стр.¹, и 2) В. А. Погорелова Библиотека Москов<ской> Синод<альной> типогр<афии>, ч. II – печатные книги, вып. I. Иностран- ные книги 15 и 16 вв. (1485–1538). М<осква>².

3. А. Д. Григорьев сообщил, что, как выяснилось из разговора К. С. Кузьминского с кн<язем> Щербатовым³, кружок, в случае его официального признания, может рассчитывать на получение помещения для своих заседаний в канцелярии Исторического музея. А. С. Орлов заявил, что кружок мог бы рассчитывать на помеще- ние в Типографской библиотеке.

4. А. Д. Григорьев, указав, как видно из писем акад. А. А. Шахматова к акад. Ф. Е. Коршу и к нему лично, в Отделении рус<ского> яз<зыка> и слов<есности> Им- ператорской Академии наук состоялось постановление просить акад. Ф. Е. Корша образовать в Москве комиссию для состав- ления диалектологической карты России и отпустить пока 500 руб. рублей на состав- ление диалектологич<еской> карты Вели- коруссии. Затем А. Д. Григорьев указал, что теперь предстоит обсудить два вопроса: 1) вопрос об официальном признании кружка и 2) вопрос о составлении диалек- тологической карты России. Было решено обсудить сначала первый, а потом второй вопрос.

Первый вопрос. А. А. Шахматов под- твердил, что состоялось постановление

¹ Дурново Н. Н. Диалектологическая карта Калужской губернии // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 76, № 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. С. 1–35.

² Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 2: Печатные книги / Описал Валерий Погорелов. Вып. 1, Иностранные книги XV и XVI вв. (1485–1538). М.: Синодальная тип., 1903.

³ Щербатов Николай Сергеевич (1853–1929) – князь, морской офицер, историк, археолог. В 1909 г. назна- чен на должность товарища председателя Историче- ского музея в Москве.

Отделения р<усского> яз<зыка> и сл<овесности> просить Ф. Е. Корша обра- зовать в Москве Комиссию для составления диалектологической карты России и отпу- стить на составление карты Великорусии пока 500 рублей, и сообщил, что т<ак> к<ак> теперь дело идет не об Обществе, а только о комиссии, то комиссия должна будет руководиться в своих действиях не уставом, а наказом или правилами, кото- рые она сама должна составить для себя. После этого по данному вопросу состоялась оживленная беседа, в которой принимали участие А. А. Шахматов, Ф. Е. Корш, А. Д. Григорьев, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дур- ново и другие.

С одной стороны указывалось, что ко- миссия далеко не то, о чем мечтали члены кружка, желавшие устройства общества для изучения русского языка во всем объе- ме, которое по мере надобности могло бы образовывать комиссии, иметь всех вы- борных должностных лиц, не исключая и председателя; что эта комиссия по самому своему возникновению является времен- ной, как бы существующей при своем по- стоянном председателе; что, если первого председателя не станет, возникнут затруд- нения по вопросу о новом председателе.

С другой стороны акад<емиками> А. А. Шахматовым и Ф. Е. Коршем указы- валось, что объем занятий комиссии оста- нется тот же, что был намечен кружком, и разница будет только в заглавии кружка; что эта комиссия является единственно возможным теперь способом приписки кружка к Отделению рус<ского> яз<зыка> и слов<есности>; что комиссия может в слу- чае надобности устраивать подкомиссии; что впоследствии, может быть, Отделение согласится на допущение выборного пред- седателя; что комиссия в случае разногла- сий с Отделением рус<ского> яз<зыка> и слов<есности> может отделиться всегда от него и образовать особое общество; что для науки будет более пользы от совместного действия Отделения рус<ского> яз<зыка> и слов<есности> и Комиссии, чем при от- дельных их действиях на одном и том же пути.

В виду всего этого, а в особенности в виду того, что 1) объем занятий Комиссии будет тот же, что и кружка, т<о> е<сть> русский язык во всем объеме с допущени-

ем рефератов, поскольку того требует изучение русского языка, и по другим языкам, 2) что кроме председателя остальные должностные лица будут выборные, 3) что состав комиссии будет пополняться посредством выборов, 4) что Комиссия в крайнем случае может и отделиться от Отделения рус<ского> яз<ыка> и сл<овесности> Императ<аторской> Акад<емии> наук, – было решено согласиться на преобразование кружка в Комиссию и позаботиться только о том, чтобы название комиссии возможно более соответствовало объему занятий Комиссии. В конце концов нашли самым подходящим названием «Комиссия для диалектологического изучения русского языка», т. к. оно позволяет заниматься как диалектологией, так и историей русского языка, и допускает, по мере надобности, рефераты по другим языкам и т. к. против этого названия Отделение рус<ского> яз<ыка> и сл<овесности> ничего не может иметь. Вместе с тем выяснилось, что Ф. Е. Корш в своем ответе Отделению на его официальную бумагу объяснить, что составление диалектологической карты России требует занятия вообще русской диалектологией и что комиссия поэтому будет называться Комиссией не для составления диалектологической карты, а для диалектологического изучения русского языка.

Затем при чтении выработанного раньше кружком устава выяснилось, что войдет в состав правил, коими будет руководиться в своих действиях Комиссия. При этом выяснилось, что печать для Комиссии не нужна, т. к. достаточно подписи председателя; что комиссия, издавая свои труды на академический счет, может сделать на них надпись, что это труд Комиссии; что надпись Комиссии может быть и на конвертах отправляемых Комиссией бумаг; (бесплатной пересылкой не пользуется) что Комиссия может устроить с другими учеными учреждениями обмен изданий; что о существовании Комиссии можно говорить и в газетах.

Вопрос о диалектологической карте России. При обсуждении этого вопроса выяснилось, что 500 рублей назначены только на составление карты, а издаст ее на свой счет Отделение; что в случае израсходования этих денег могут быть на это ассигнованы новые средства; что на них

можно приобретать нужные карты, книги, оплачивать работы переписчиков, делать экскурсии, хотя для последней цели могут быть ассигнованы особые средства; что составлять эту карту придется на основании не только печатных сведений, но и тех, какие есть в Отделении рус<ского> яз<ыка> и сл<овесности> в виде ответов на полную программу Отделения и какие будут присланы в ответ на краткую программу Отделения; что Отделение вышлет на известный срок в Комиссию свои материалы, если кто из членов Комиссии остановится на известной местности.

При обсуждении вопроса о карте А. Д. Григорьев указал, 1) что у Ильина, кроме 60-верстной карты на 6-ти листах есть 40-верстная карта России на 9-ти листах, а также учебная карта с одними губернскими и уездными городами; 2) что лучше бы взять ту из карт, на оригинале которой Ильин согласился сделать изменения и 3) что теперь приготовить карту к съезду славистов нельзя будет успеть. По поводу указания Ф. Е. Корш заметил, что к съезду славистов можно было бы издать для иностранных гостей краткую диалектологическую карту России на основании уже существующих в печати сведений, а А. А. Шахматов сказал, что для этой карты перед съездом славистов кружок мог бы посредством нескольких экскурсий точнее определить границу между окающими и акающими великорусскими говорами и для этой цели мог бы получить из Отделения, кроме назначенных 500 р., еще 200–300 рублей.

5. Ф. Е. Корш выразил акад. А. А. Шахматову признательность Кружка за его постоянное внимание к нуждам кружка и готовность оказывать всякое содействие и в будущем.

6. Реферат Н. Н. Дурново решили отложить до следующего заседания.

Ф. Корш, Д. Ушаков, Николай Дурново, Н. Кононов, А. Орлов, К. Кузьминский, И. Тарабрин, Н. Кашин, Н. Соколов, А. Григорьев

СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–46.

Автографы

Нужные и научно значимые цели объединения, особенно в области русской диалектологии, послужили поводом для

того, чтобы академик А. А. Шахматов ходатайствовал перед Академией наук о создании на базе этого любительского научного объединения профильной академической Комиссии – Комиссии для диалектологического изучения русского языка. Заседание кружка, на котором был обсужден и принят его новый статус, состоялось 2 января 1904 г.

Таким образом, с момента возникновения, за два с половиной года существования кружка (с сентября 1901 – по январь 1904) было проведено 30 заседаний. Практически с самого начала интересы кружка сосредоточились на изучении русской диалектологии. Из 22 докладов [подробнее см. Ушаков, Соколов 1914: 219–220], прочитанных на заседаниях кружка, 13 были посвящены диалектологическим вопросам. Обсуждались вопросы по проведению диалектологических экспедиций, составлению диалектологической карты русского языка, были сделаны сообщения о новых трудах по лингвистике. «Члены кружка взяли на себя составление списка всех трудов по диалектологии и истории языка для будущей диалектологической карты России. Кружок также согласился на предложение А. А. Шахматова принять участие в составлении для Отделения русского языка и словесности карты великорусского наречия и обсудить присланную им краткую программу для собирания особенностей великорусского наречия» [СПбФ АРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1. Л. 25].

Первое заседание Комиссии для диалектологического изучения русского языка при ОРЯС Императорской Академии наук (21 января 1904 г.)

Следующее заседание коллектива состоялось уже в новом статусе – официальной Комиссии при ОРЯС Императорской Академии наук – 21 января 1904 г. С этого момента началась официальная деятельность Комиссии, название которой в научном обиходе – Московская диалектологическая комиссия – сохранило связь с местом ее возникновения, а также с тем, что до 9-го выпуска (1927) Труды издавались коллективом самостоятельно и по его возможностям под заглавием «Труды Московской диалектологической комиссии»¹.

¹ Так, 1 (1908) – 3 (1914) выпуски Трудов представляли собой отдельные отписки из журнала «Русский фило-

Ввиду особой значимости и информативности публикуем в полном объеме Протокол первого заседания Комиссии, оригинал которого также хранится в СПбФ АРАН.

Протокол

1-го заседания Комиссии для диалектологического изучения русского языка, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук (до этого было 30 заседаний Кружка для научного изучения русского языка) 21-го янв. 1904 г. в 7 ½ час. вечера в квартире А. Д. Григорьева (Б. Афанасьевский пер., д. Бобовича, кв. № 7).

Присутствовали: Ф. Е. Корш, А. Д. Григорьев, Н. Н. Дурново, Н. П. Кашин, Н. Н. Кононов, К. С. Кузьминский, А. С. Орлов, Н. Н. Соколов, И. М. Тарабрин и Д. Н. Ушаков.

1. А. Д. Григорьев прочел протокол предыдущего заседания, после чего протокол был подписан.

2. А. Д. Григорьев сообщил, что в библиотеку поступили книги: 1) отписки статей А. А. Шахматова (Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров. Варш. 1896 г.², К вопросу о различении юта и неслогового *і* в истории славянских языков. Варш. 1903³, К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. СПб. 1903⁴, – от А. А. Шахматова; 2) 86 экземпляров краткой программы по собиранию особенностей великорусских говоров – из 1-го Отделения Библиотеки Императорской Академии наук (т. о. е-сть) от А. А. Шахматова; 3) 74 т. Сборника

логический вестник» (издавался в Варшаве под ред. Е. Ф. Карского и А. И. Смирнова), 4–8 – в Москве, и только с 9-го выпуска (1927) – при поддержке Академии наук (с указанием Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московская диалектологическая комиссия).

² Шахматов А. А. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров // Русский филологический вестник. Т. 36, № 3–4. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1896. С. 60–99.

³ Шахматов А. А. К вопросу о различении юта и неслогового *і* в истории славянских языков // Русский филологический вестник. Т. 50, № 3–4. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. С. 161–181.

⁴ Шахматов А. А. К истории звуков русского языка. О полногласии и некоторых других явлениях. Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1903. 212 с.

Отд<еления> рус<ского> яз<ыка> и слов<есности> Императорской> Акад<адемии> наук. СПб. 1903 и В. В. Сиповского¹ «Из истории романа и повести». Ч. I. СПб. 1903 г.² – из Книжного склада Академии наук и 4) А. И. Соболевский «Лекции по истории рус<ского> яз<ыка>». Изд. 2-е. СПб. 1891 г.³ – от К. С. Кузьминского.

3. Ф. Е. Корш сообщил о получении им от Отделения русского яз<ыка> и слов<есности> Императорской> Акад<емии> наук а) официальной бумаги с поручением составить в Москве из молодых московских ученых Комиссию для составления диалектологической карты Велико-русии и б) 500 рублей на расходы Комиссии по составлению этой карты. Затем с целью вызвать дополнения и поправки Ф. Е. Корш прочел составленный им ответ Отделению русского языка и слов<есности> Императорской> Акад<емии> наук, в котором он сообщил об исполнении им поручения Отделения по составлению Комиссии, дал перечень входящих в состав ее членов с кратким указанием их научных работ, выменял необходимость для успешного выполнения Комиссией возложенной на нее Отделением рус<ского> яз<ыка> и слов<есности> задачи – расширить рамки ею занятий до занятия диалектологии всего русского языка и испрашивал позволения пополнять состав Комиссии посредством [избрания] новых членов. Ответ Ф. Е. Корша, после немногих дополнений и поправок, был одобрен.

4. Присутствующие решили, что теперь, в виду получения официальной бумаги Отделения рус<ского> яз<ыка> и слов<есности> об образовании в Москве Комиссии, можно начать официальную жизнь. Поэтому было решено произвести

¹ Сиповский Василий Васильевич (1872–1930) – русский ученый-филолог, профессор. Член-корреспондент РАН (1921). Писатель-беллетрист, автор романов, опубликованных под псевдонимом Новодворский В. Публикатор и редактор произведений русских писателей.

² Сиповский В. В. ...Из истории русского романа и повести: (Материалы по библиографии, истории и теории русского романа). Ч. 1: XVIII век. СПб.: 2-е Отд. Импер. Акад. наук, 1903. 352 с.

³ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 2-е. СПб.: Типо-Хромолитография А. Траншель, 1891. 273 с.

выборы должностных лиц посредством записок. Большинство голосов были избранны: товарищем председателя – Д. Н. Ушаков, а секретарем – А. Д. Григорьев. Казначей решили не выбирать, а производство мелких расходов возложили на секретаря. Выборы библиотекаря⁴ было решено отложить до выяснения вопроса о постоянном помещении Комиссии. В виду того, что К. С. Кузьминский еще ранее говорил с кн<язем> Щербатовым по вопросу о помещении для заседаний Комиссии в канцелярии Исторического музея, – было решено просить его выяснить подробные условия, на которых возможно будет пользоваться этим помещением, а результаты этого выяснения сообщить секретарю, чтобы дать председателю Комиссии в случае надобности лично переговорить по этому поводу с кн<язем> Щербатовым⁵.

5. Н. Н. Дурново предложил в члены Комиссии нескольких лиц. Секретарь Комиссии А. Д. Григорьев заявил, что раз Комиссия начала действовать официально, то теперь она может пополняться новыми членами только посредством выборов, но для этого предварительно надо установить правила, коими будет руководствоваться Комиссия; что ранее предполагалось выбирать в члены только лиц, заявивших себя деятельным участием в работе Комиссии, и при том по предложению не менее 2-х членов, кои письменно заявляют Комиссии о трудах предлагаемых лиц в Комиссии; что самые выборы предполагалось производить в первое заседание, следующе-

⁴ В дальнейшем на 1904 г. библиотекарем был выбран К. С. Кузьминский. На заседании комиссии от 19 января 1905 г. библиотекарем был избран И. М. Тарабрин.

⁵ На следующем заседании комиссии 27 февраля 1904 года «А. Д. Григорьев сообщил, что, как выяснилось из переговоров К. С. Кузьминского, И. М. Тарабрина и его самого с администрацией Исторического музея, – Исторический музей дает помещение для заседаний комиссии вечером и половину большого шкафа для хранения библиотеки комиссии под условием платы каждый раз по 1 рублю за электрическое освещение и по 3 рубля за чай с печеньем, одевание и раздевание членов комиссии, пока число их не превысит 15-ти, и что председатель комиссии находит возможным отнести расходы по заседаниям на счет академических денег» [СПбФ АРАН. ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 2]. С апреля 1904 г. заседания стали проходить в Историческом музее.

щее за тем, в коем сделано предложение в члены. Председатель Комиссии Ф. Е. Корш считал излишним составление правил, которыми будет руководствоваться Комиссия, т. к. они, по его мнению, могут стеснить Комиссию. Соглашение по вопросу о необходимости правил не было достигнуто, но в прошедшей беседе выяснилось, что предлагать в члены следует только с ведома предлагаемого и только тех, кто будет работать в Комиссии, и что самые выборы следует производить в первое заседание, следующее за тем, в коем было сделано предложение в члены. Вместе с тем было решено с выборами новых членов подождать¹.

6. Реферат Н. Н. Дурново за поздним временем было решено отложить до следующего заседания.

Председатель Ф. Корш, Н. Кононов,
Д. Ушаков, Н. Дурново, Н. Васильев
Секретарь А. Григорьев

СПбФАРАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
Автографы

С этого заседания начинается официальная история Комиссии для диалектологического изучения русского языка (с апреля 1904 г. – Московская диалектологическая комиссия, с 1919 г. – Постоянная комиссия по диалектологии русского языка), которая просуществовала до 1931 года.

МДК была своеобразным и единственным в Москве лингвистическим обществом, и обсуждаемые на ее заседаниях вопросы нередко далеко выходили за пределы диалектологии в область общего языкознания, проблем истории языка, грамматики, лексикологии и многих других. Ее целью было системное изучение русских народных говоров на основании собранных в экспедициях диалектных материалов, создание диалектной карты европейской части России, включающей говоры русского, белорусского и украинского языков. За короткое время было собрано достаточное количество материала, чтобы подготовить и выпустить ее в свет в 1915 году, сопроводив очерком диалектологии [Опыт... 1915].

Заключение

А. М. Селищев в своей речи, посвященной 25-летию юбилею Комиссии, подчеркивая целый ряд ее достижений и заслуг, в том числе отмечал: «Комиссия выполнила огромную работу по собиранию и обработке диалектологического материала, преимущественно великорусского и белорусского. *Диалектологическая карта*, составленная Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым, *Очерк русской диалектологии*, приложенный к ней, 10 выпусков *Трудов* Комиссии (1908–1918) – свидетели неуклонного стремления деятелей Комиссии к изучению русских диалектов во всем их разнообразном составе. В изданной карте, охватывающей все огромные пространства в Европе, занимаемые русскими диалектами, имеются, разумеется, неточности. Члены Комиссии, составители карты сознают это не меньше других диалектологов. В результате дальнейших исследований Комиссия вносит те или иные поправки в определения диалектических границ. Эти исправления выразительно подчеркиваются ею в отчетах и статьях, помещаемых в очередных выпусках ее *Трудов*. <...>

Московской Диалектологической Комиссии принадлежит заслуга в методологическом руководстве молодыми лингвистами-диалектологами. К участию в своих работах она привлекает молодые силы. Молодые люди, обнаружившие интерес к изучению русского языка, командировались ею по летам в диалектологические экскурсии в разные местности России, иногда отдаленные и глухие...» [Никитин 2002: 100–101, разрядка источника].

Однако представляется очень ценным и значимым тот исторический факт, который документально и прослежен в данной статье, что такое огромное дело по масштабному изучению и описанию русских диалектов, которое было поддержано Академией наук с 1904 года и к которому впоследствии присоединились практически все лингвисты России, начиналось с небольшой научной инициативы – с создания в 1901 году выпускниками одного курса Московского университета любительского научного кружка по изучению русского языка...

¹ Данный пункт в Протоколе зачеркнут.

Архив

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 197. Оп. 1. Д. 1, 2.

Литература

- Алпатов, В. М. Воспоминания о Петре Саввиче Кузнецове / В. М. Алпатов // Фортунатовский сборник. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 333–338.
- Алпатов, В. М. Петр Саввич Кузнецов (к 100-летию со дня рождения) / В. М. Алпатов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 1. – С. 66–74.
- Алпатов, В. М. Человек-словарь (Д. Н. Ушаков) / В. М. Алпатов // Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. – М. : Языки славянских культур, 2012а. – С. 25–29.
- Алпатов, В. М. Никуда не годный заговорщик (Н. Н. Дурново) / В. М. Алпатов // Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки. – М. : Языки славянских культур, 2012б. – С. 30–37.
- Алпатов, В. М. Розалия Осиповна Шор / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 5. – С. 114–131.
- Амбросович, П. А. Николай Николаевич Соколов : наука и судьбы / П. А. Амбросович // Филологические науки. – № 4. – 2015. – С. 112–120.
- Ашнин, Ф. Д. Николай Николаевич Дурново / Ф. Д. Ашнин, В. М. Алпатов // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 58, № 4. – С. 54–67.
- Березин, Ф. М. Петр Саввич Кузнецов / Ф. М. Березин // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – С. 255–265.
- Бернштейн, С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) / С. Б. Бернштейн // Вестник Московского университета. Серия 10. Филология. – 1973. – № 1. – С. 78–85.
- Борунова, С. Н. Владимир Николаевич Сидоров / С. Н. Борунова // Фортунатовский сборник. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 328–332.
- Борунова, С. Н. Воспоминания об учителе – В. Н. Сидорове / С. Н. Борунова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1996. – Т. 55, № 2. – С. 73–79.
- Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905–1912) / публ. и коммент. Е. Басовской // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 207–217.
- Легенда русского слова – лингвист и педагог : к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова : библиографический указатель / сост. М. Г. Сороколетова ; отв. за выпуск Е. И. Аболмасова. – Курск, 2023. – 27 с.
- Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.
- Никитин, О. В. Из переписки Н. Н. Дурново с членами Московской диалектологической комиссии / О. В. Никитин // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти В. Н. Сидорова / отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон. – М. : Институт русского языка, 2004а. – С. 322–327.
- Никитин, О. В. Ушаков Д. Н. <Воспоминания об основных основателях Московской диалектологической комиссии> / О. В. Никитин // Отцы и дети Московской лингвистической школы. Памяти В. Н. Сидорова / отв. ред. С. Н. Борунова, В. А. Плотникова-Робинсон. – М. : Институт русского языка, 2004б. – С. 318–320.
- Никитин, О. В. Профессор И. Г. Голанов – диалектолог / О. В. Никитин // Русский язык в школе. – 2015. – № 11. – С. 57–60.
- Никитин, О. В. Из истории отечественной диалектологии: И. Г. Голанов и его идеи на заре ареальных исследований / О. В. Никитин // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2017. – № 12. – С. 284–293.
- Опарина, Е. О. Николай Николаевич Дурново / Е. О. Опарина // Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В. В. Потапов. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – С. 165–179.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе : с приложением очерка русской диалектологии / сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. – М. : Синод. Тип., 1915. – 132 с.
- Плотникова, В. А. Владимир Николаевич Сидоров / В. А. Плотникова // Русская речь. – 1983. – № 6. – С. 66–71.
- Потапов, В. В. Научное наследие Владимира Николаевича Сидорова в русистике / В. В. Потапов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2003. – № 1. – С. 83–93.
- Потапов, В. В. Рубен Иванович Аванесов (к 100-летию со дня рождения) / В. В. Потапов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 119–131.
- Робинсон, М. А. Н. Н. Дурново и Н. С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) / М. А. Робинсон, Л. П. Петровский // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 68–82.

Сумникова, Т. А. Николай Николаевич Дурново (1876–1937) / Т. А. Сумникова // Русская речь. – 1981. – № 5. – С. 93–100.

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк деятельности Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) / Д. Н. Ушаков, И. Г. Голанов // Труды Постоянной Комиссии по диалектологии русского языка (б. Московской диалектологической комиссии) / под ред. Д. Н. Ушакова. – Л., 1927. – Вып. 9. – С. 1–12.

Ушаков, Д. Н. Краткий очерк возникновения Московской диалектологической комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914) / Д. Н. Ушаков, Н. Н. Соколов // Труды Московской диалектологической комиссии / под ред. Д. Н. Ушакова. – Варшава, 1914. – Вып. 3. – С. 219–230.

Филиппова, О. Н. Д. Н. Ушаков – филолог и живописец (на основе фондов Архива РАН и Главархива Москвы) / О. Н. Филиппова // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 3. – С. 5–7.

References

Alpatov, V. M. (2000). Vospominaniya o Petre Savviche Kuznetsove [Memories of Pyotr Savvich Kuznetsov]. In *Fortunatovskii sbornik*. Moscow, Editorial URSS, pp. 333–338.

Alpatov, V. M. (1999). Petr Savvich Kuznetsov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Petr Savvich Kuznetsov (on the 100th Anniversary of His Birth)]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. No. 1, pp. 66–74.

Alpatov, V. M. (2012a). Chelovek-slovar' (D. N. Ushakov) [Man-Dictionary (D. N. Ushakov)]. In Alpatov, V. M. *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 25–29.

Alpatov, V. M. (2012b). Nikuda ne godnyi zagovorshchik (N. N. Durnovo) [A Good-for-Nothing Conspirator (N. N. Durnovo)]. In Alpatov, V. M. *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 31–37.

Alpatov, V. M. (2009). Rozalia Osipovna Shor [Rosalia Osipovna Shor]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 5, pp. 114–131.

Ambrosovich, P. A. (2015). Nikolai Nikolaevich Sokolov: nauka i sud'by [Nikolay Nikolaevich Sokolov: Science and Fate]. In *Filologicheskie nauki*. No. 4, pp. 112–120.

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. (1993). Nikolai Nikolaevich Durnovo [Nikolay Nikolaevich Durnovo]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 57. No. 4, pp. 54–67.

Basovskaya, E. (publ. and comment.). (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) [From Correspondence F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4, pp. 207–217.

Berezin, F. M. (2016). Petr Savvich Kuznetsov [Petr Savvich Kuznetsov]. In V. V. Potapov (ed.). *Otechestvennye lingvisty XX veka*. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, pp. 255–265.

Bernstein, S. B. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (stranitsy vospominanii) [Dmitry Nikolaevich Ushakov (Pages of Memories)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Filologiya*. No. 1, pp. 78–85.

Borunova, S. N. (2000). Vladimir Nikolaevich Sidorov [Vladimir Nikolaevich Sidorov]. In *Fortunatovskii sbornik*. Moscow, Editorial URSS, pp. 328–332.

Borunova, S. N. (1996). Vospominaniya ob uchitele – V. N. Sidorove [Memories of the Teacher – V. N. Sidorov]. In *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Vol. 55. No. 2, pp. 73–79.

Durnovo, N. N., Sokolov, N. N., Ushakov, D. N. (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope: s prilozheniem ocherka russkoi dialektologii* [Experience of a Dialectological Map of the Russian Language in Europe: With an Application of an Essay on Russian Dialectology]. Moscow, Synod. Typ. 132 p.

Filippova, O. N. (2013). D. N. Ushakov – filolog i zhivopisets (na osnove fondov Arkhiva RAN i Glavarkhiva Moskvy) [D. N. Ushakov – Philologist and Painter (Based on the Funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences and the Main Archive of Moscow)]. In *Vestnik Yaroslavskego gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova*. No. 3, pp. 5–7.

Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly) [Moscow Dialectological Commission in Reminiscences by D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic Circle)]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No. 1, pp. 91–102.

Nikitin, O. V. (2004a). From the Correspondence of N. N. Durnovo with Members of the Moscow Dialectological Commission. In S. N. Borunova, V. A. Plotnikova-Robinson (eds.). *Ottsy i deti Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly. Pamyati V. N. Sidorova* [Fathers and Sons of the Moscow Linguistic School. In memory of V. N. Sidorov]. Moscow, Russian Language Institute, pp. 322–327.

Nikitin, O. V. (2004b). Ushakov D. N. <Vospominaniya ob osnovnykh osnovatelyakh Moskovskoy dialektologicheskoi komissii> [Ushakov D. N. <Memories of the Main Founders of the Moscow Dialectological Commission>]. In S. N. Borunova, V. A. Plotnikova-Robinson (eds.). *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoi shkoly. Pamyati V. N. Sidorova*. Moscow, Institut russkogo yazyka, pp. 318–320.

Nikitin, O. V. (2015). Professor I. G. Golanov – dialektolog [Professor I. G. Golanov – Dialektolog]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 11, pp. 57–60.

Nikitin, O. V. (2017). Iz istorii otechestvennoi dialektologii: I. G. Golanov i ego idei na zare areal'nykh issledovaniy [From the History of Russian Dialectology: I. G. Golanov and His Ideas at the Dawn of Areal Studies]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. No. 12, pp. 284–293.

Oparina, E. O. (2016). Nikolai Nikolaevich Durnovo [Nikolai Nikolaevich Durnovo]. In V. V. Potapov (ed.) *Otechestvennye lingvisty XX veka*. Moscow, Izdatel'skii Dom YaSK, pp. 165–179.

Plotnikova, V. A. (1983). Vladimir Nikolaevich Sidorov [Vladimir Nikolaevich Sidorov]. In *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 66–71.

Potapov, V. V. (2002). Ruben Ivanovich Avanesov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ruben Ivanovich Avanesov (on the 100th Anniversary of His Birth)]. In *Voprosy yazykoznanija*. No. 4, pp. 119–131.

Potapov, V. V. (2003). Nauchnoe nasledie Vladimira Nikolaevicha Sidorova v rusistike [Scientific Heritage of Vladimir Nikolaevich Sidorov in Russian Studies]. In *Vestnik MGU. Seriya 9. Filologiya*. No. 1, pp. 83–93.

Robinson, M. A., Petrovski, L. P. (1992). Durnovo i N. S. Trubetskoi: problema evraziizstva v kontekste «dela slavistov» (po materialam OGPU–NKVD) [N. N. Durnovo and N. S. Trubetskoi: The Problem of Eurasianism in the Context of the “Case of the Slavists” (Based on Materials of the OGPU–NKVD)]. In *Slavyanovedenie*. No. 4, pp. 68–82.

Sorokoletova, M. G. (comp.). (2023). *Legenda russkogo slova – lingvist i pedagog: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova: bibliograficheskii ukazatel'* [Legend of the Russian Word – Linguist and Teacher: On the 150th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov: Bibliographic Index]. Kursk. 27 p.

Sumnikova, T. A. (1981). Nikolai Nikolaevich Durnovo (1876–1937) [Nikolay Nikolaevich Durnovo (1876–1937)]. In *Russkaya rech'*. No. 5, pp. 93–100.

Ushakov, D. N., Golanov, I. G. (1927). Kratkii ocherk deyatel'nosti Postoyannoï Komissii po dialektologii russkogo yazyka za 12 let (yanvar' 1914 g. – yanvar' 1926 g.) [A Brief Outline of the Activities of the Standing Commission on Dialectology of the Russian Language for 12 Years (January 1914 – January 1926)]. In D. N. Ushakov (ed.). *Trudy Postoyannoy Komissii po dialektologii russkogo yazyka (b. Moskovskoi dialektologicheskoi komissii)*. Leningrad. Issue 9, pp. 1–12.

Ushakov, D. N., Sokolov, N. N. (1914). Kratkii ocherk vznikoveniya Moskovskoi dialektologicheskoi komissii i eyo deyatel'nosti za pervoe desyatiletie (1904–1914) [A Brief Outline of the Emergence of the Moscow Dialectological Commission and Its Activities for the First Decade (1904–1914)]. In D. N. Ushakov (ed.). *Trudy Moskovskoi dialektologicheskoi komissii*. Warsaw. Issue 3, pp. 219–230.

Данные об авторе

Крылова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, ученый секретарь, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 197053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

E-mail: krylova_olga2004@mail.ru.

Author's information

Krylova Olga Nikolaevna – Candidate of Philology, Scientific Secretary, Institute for Linguistic Studies RAS (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 23.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 23.10.2023; date of publication: 30.12.2023

УДК 811.161.1'374(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65. Код ВАК 5.9.5

О ЗАБЫТОЙ КАРТОТЕКЕ НЕИЗДАННОГО «УШАКОВСКОГО» СЛОВАРЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА 1920-х гг.

Приёмывшева М. Н.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>

SPIN-код: 4188-4347

Стукова Е. Г.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-340X>

SPIN-код: 4721-0396

А н н о т а ц и я . Статья посвящена малоизвестным страницам истории Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН и описанию обнаруженной в августе 2023 года в ее архивах картотеки словаря русского литературного языка 1920-х гг., инициатива создания которого принадлежала В. И. Ленину и руководство над работой которого было поручено Д. Н. Ушакову. Этот словарь, задуманный как справочное пособие для борьбы с неграмотностью в послереволюционной России, в силу сложных исторических, политических и экономических причин так и не был издан и в разных документах фигурирует как «ленинский» (по фамилии автора идеи), «московский» (по месту создания, в основном в документах петроградских составителей словаря) и «ушаковский» (по фамилии главного редактора). Работой по созданию этой картотеки руководил в 1921–1923 гг. Д. Н. Ушаков, главой петроградской группы, участвовавшей в её создании, был Л. В. Щерба. Картотека этого словаря, переданная из Москвы в Ленинград в 1934 г., считалась утерянной. В статье собраны и обобщены опубликованные ранее факты по истории этой картотеки и подробно представлены данные, в том числе и из архивов Института, касающиеся истории нахождения картотеки в фондах Большой словарной картотеки ИЛИ РАН. В статье впервые публикуются два письма Д. Н. Ушакова В. М. Истрину за 1925 г. (с незначительными сокращениями), в которых кратко описывается ситуация возможной утраты фонда и обнаружения его Д. Н. Ушаковым и обсуждается возможность его передачи в Академию наук в Петроград. Рассматриваются причины сложной судьбы и дальнейшего забвения картотеки, принимается во внимание противоречивая и динамичная культурная и общественно-политическая конъюнктура 1920-х гг. В статье дается краткое описание фонда, а также, на материале фрагмента картотеки *колупать-коммфракция*, дается краткая его характеристика (словник, источники, объем выборки, отдельные персоналии). На материале карточек, содержащих материалы для словарной статьи, делается попытка восстановить ее предполагаемый внешний облик.

К л ю ч е в ы е с л о в а : история отечественной лексикографии; методология лексикографии; картотека «ленинского» словаря; Большая словарная картотека; Институт лингвистических исследований РАН

Д л я ц и т и р о в а н и я : Приёмывшева, М. Н. О забытой картотеке неизданного «Ушаковского» словаря русского литературного языка 1920-х гг. / М. Н. Приёмывшева, Е. Г. Стукова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 243–260. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260.

ON THE FORGOTTEN CARD INDEX OF THE UNPUBLISHED “USHAKOV’S” DICTIONARY OF THE 1920s

Marina N. Priemyshcheva

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9423-3486>

Ekaterina G. Stukova

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-340X>

Abstract. The article covers little-known episodes of the history of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The article focuses on the history of the might-have-been “Lenin Dictionary”, the creation of which was initiated by V. I. Lenin in 1920 and the work on which was supervised by D. N. Ushakov. The dictionary was intended to become a reference book for the elimination of illiteracy in post-revolutionary Russia but because of complicated historical, political and economic reasons it had never been published, and in different documents is titled as “Lenin” (after the author of the idea), “Moscow” (after the place where it was being created, chiefly in the documents of the Petrograd team of the dictionary) and “Ushakov” (after its editor-in-chief). The work on the card index creation in 1921-1923 was headed by Ushakov, and the Leningrad group of collaborating scholars was headed by L. V. Scherba. The card index of this dictionary, sent from Leningrad to Moscow in 1934, was considered to be lost. The article has collected and summarized many facts on the history of this card index published earlier and has presented the data, and specifically those from the Institute archives, concerning the history of discovery of the card index in question in the funds of the Great Dictionary Card Index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. The article publishes for the first time two letters of Ushakov to V. M. Istrin written in 1925 (slightly abridged), which briefly describe the situation of the possible loss of the fund and its subsequent discovery by Ushakov and discuss the prospects of its transfer to the Academy of Sciences in Petrograd. The article dwells on the card index plight and oblivion taking into account the controversial and dynamic cultural and socio-political situation of the 1920s. The article provides a brief description of the fund and its basic characteristics (vocabulary, sources, extent of material, and selected personalia) on the material of the card index fragment *Kolupat’ – Kommfraktsiya*. An attempt is made to restore the probable appearance of the dictionary entry.

Key words: history of the Russian lexicography; methodology of lexicography; card index of the “Lenin” dictionary; Great Card Index; the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

For citation: Priemysheva, M. N., Stukova, E. G. (2023). On the Forgotten Card Index of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 243–260. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-243-260.

Введение

Большая словарная картотека Института лингвистических исследований Российской Академии наук, или – как ее еще называют лингвисты старшего поколения – словарная картотека Грота-Шахматова, – в настоящее время является уникальным многомиллионным хранилищем лексических материалов, «сокровищницей» русской лексики, которая формировалась с конца XIX века как инструментарий для подготовки и составления основных толковых академических словарей русского языка. На материалах картотеки составлялись неоконченные «Словарь русского языка» под редакцией Я. К. Грота – А. А. Шахматова (1895–1929), «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина (1929–1937), были полностью составлены «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт. (БАС-1, БАС-2), «Словарь русского языка» в 4-х тт. (МАС-1, МАС-2), «Словарь синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой в 2-х тт., другие аспектные академические словари XX века. Картотека является одним из постоянных источников «Словаря русских народных говоров». История создания, описание фондов картотеки, а также формы научной работы с ней пред-

ставлены в целом ряде публикаций, напр.: [Котелова и др. 1967; Семериков 1967; Рожникова 2003; Приемышева 2003; Эвериня 2022]. До появления Национального корпуса русского языка Большая словарная картотека являлась единственным в России «генеральным фондом» русской лексики, а с ее материалами за период с 1947 по 2007 гг. смогли поработать около 3 000 специалистов как из России, так и из других стран Европы, Азии, Африки и Америки. Но ввиду больших объемов, ввиду специфики форматов хранения (ящики, кубы, шкафы) в разных помещениях (затрудняющих зачастую свободный доступ к материалам), ввиду того что последние описи картотеки составлялись только в 1950–1960-е гг., оказалось, что картотека, помимо малоиспользуемых дополнительных фондов, до сих пор хранит в своем архиве огромное количество неиспользуемых, забытых материалов. Из особенно ценных дополнительных фондов можно назвать, например, картотеку словаря к поэтическим произведениям П. А. Вяземского, составленную и переданную в Академию наук его внучкой, графиней Е. П. Шереметевой (вдовой графа С. Д. Шереметева), Материалы для словарей к сочинениям Ломоносова, Сумаро-

кова, Державина, собранные преподавателем словесности Петербургский женской гимназии К. П. Петровым – автором опубликованного «Словаря к сочинениям и переводам Д. И. Фонвизина» (СПб., 1904) – и переданные им в Академию наук в 1908 г., Материалы для словаря к сочинениям А. С. Пушкина, собранные кружком графа А. И. Урусова, Материалы для словаря языка М. Ю. Лермонтова, часть картотеки словаря русского народного языка А. Н. Островского, переданной в Академию наук братом писателя М. Н. Островским в 1891 г. (другая часть хранится в СПбФ АРАН) и нек. др.

Однако многие из хранящихся в картотеке фондов неизвестны даже сотрудникам картотеки. В связи с чем в настоящее время была возобновлена работа по систематизации и описанию всего фонда картотеки, в том числе ее архива. И в результате этой работы сотрудников картотеки ожидал ряд интересных открытий...

Одно из таких открытий связано с обнаружением, а точнее сказать – с атрибуцией картотеки так называемого «ленинского» словаря, работа над которым велась с июня 1921 г. по декабрь 1923 г. по инициативе В. И. Ленина под руководством Д. Н. Ушакова коллективом московских лингвистов и филологов (Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Н. Грузинский, А. А. Буслаев и мн. др.) при участии петроградских лингвистов – членов Словарной комиссии Академии наук (Л. В. Щерба, С. И. Обнорский, Е. С. Истрина, П. Л. Маштаков, Ф. И. Покровский, В. И. Чернышев, Н. К. Ядрышев).

Этот словарь должен был стать первым словарем новой социалистической России, кратким справочным пособием по русскому языку с иллюстрациями и предназначался «для всего населения России, нуждающегося в современном справочном пособии при чтении новой и новейшей русской литературы, газет, журналов и пр.» [Никитин 2016: 14], словарем по типу малого «Ларусса» или «Малого толкового словаря русского языка по типу Ларусса и Даля» П. Е. Стояна (3-е изд., 1916 г.).

Трудная история создания так называемого иллюстрированного словаря русского живого литературного языка», этапы подготовки и работы, сложности и проблемы, внезапное прекращение работы в связи с

болезнью и смертью Ленина очень подробно восстановлены на основании огромного числа архивных документов и хорошо представлены в ряде публикаций Е. А. Левашова, О. В. Никитина, В. П. Петушкова [Левашов, Петушков 1970, 1975; Левашов 1998; Никитин 2004, 2005, 2012, 2016 и др., Петушков 1976]. В настоящее время данной темой глубоко и всесторонне занимается О. В. Никитин.

История создания картотеки

Одной из сложных страниц истории этого словаря является судьба его картотеки.

По опубликованным источникам (преимущественно на основании архивных данных) краткая история создания и дальнейшая судьба картотеки этого словаря восстанавливаются следующим образом.

В подготовке картотечных материалов в 1921–1923 гг. участвовало в общей сложности около 60 человек. Помимо основной, московской, группы указанных выше редакторов под руководством Д. Н. Ушакова были привлечены молодые сотрудники Московского университета (Д. Д. Благой, Б. В. Горнунг, В. А. Дружинина, М. Н. Петерсон, М. В. Сергиевский, А. Д. Седельников, Н. П. Сидоров, А. М. Пешковский, А. А. Реформатский, А. М. Селищев, Р. О. Шор, Н. И. Шатерников и мн. др.¹), а также петроградские ученые – сотрудники академического «Словаря русского языка» (под ред. А. А. Шахматова), работа над которым возобновилась в 1921 г. после возвращения в 1920-м г. эвакуированной ранее в Саратов Большой словарной картотеки (с января 1922 г. данный коллектив стал основой официально созданной при Академии наук «Комиссии по составлению «Словаря русского языка»). Задачей сотрудников Словарной комиссии было по преимуществу копирование авторитетных материалов из академической словарной картотеки.

По архивным данным, представленным в указанных выше публикациях Е. А. Левашова и О. В. Никитина, общий фонд картотеки на момент завершения работы с ним составлял около 240 000 карточек (из них около 30 000 были подготов-

¹ В публикации [Левашов, Петушков 1970] в последней сноске авторы благодарят Б. В. Горнунга и А. А. Реформатского за личные устные воспоминания об их работе по созданию картотеки этого словаря.

лены в Петрограде). Словарь планировался и как толковый, и как энциклопедический (с иллюстрациями). Справочная, энциклопедическая информация должна была составить вторую часть словаря: «во вторую часть (чисто энциклопедическую) предполагалось ввести около 2000 географических имен, около 3500 обозначений исторических событий, около 4000 имен исторических деятелей и до 500 сокращенных обозначений учреждений и предметов¹ (всего около 10000 словарных статей)» [Левашов, Петушков 1975: 75].

Предварительный словник словаря включал преимущественно актуальную общеупотребительную и новую лексику, большое количество актуальных для 1920-х гг. иностранных слов и для экономии времени базировался на самых современных для авторов словарях: помимо указанного словаря П. Е. Стояна привлекались академический «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота и А. А. Шахматова (а также его неизданные материалы²), «Полный русско-французский словарь» Н. П. Макарова (13-е изд., СПб., 1908), «Русско-немецкий словарь» И. Я. Павловского (3-е изд. Рига, 1911), «Энциклопедический словарь» Ф. Павленкова (2-е изд., СПб., 1913), «Новый полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» Е. Ефремова (под редакцией проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1911). Предполагалось использование «Толкового и словопроизводного словаря русского языка для школы и самообразования» Г. А. Миловидова (М., 1913) [Никитин 2004: 207].

Очень показательными с точки зрения концепции словаря и его замысла, а также с точки зрения отражения духа времени являются источники словаря (см. подробнее, напр. [Никитин 2004: 201–202, Ники-

тин 2016: 15–16]). Подчеркнем только, что помимо традиционной для словарей классической литературы (цитаты из которой преимущественно копировались участниками петроградской группы), в фокус внимания авторов и выборщиков попали преимущественно поэты и писатели Серебряного века различных направлений (А. Белый, В. Брюсов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Н. Гумилев, С. Есенин, В. Иванов, Н. Клюев, О. Мандельштам, Д. Мережковский, И. Северянин, М. Цветаева и мн. др.), политики – В. Ленин, П. Бухарин, А. Луначарский, Г. Плеханов и др. По архивным данным восстанавливается количество таких авторов – не менее 75. Очень широко представлена в картотеке современная авторам дореволюционная и послереволюционная периодика цитатами из журналов «Вестник Европы», «Живописное обозрение», «Живописная Россия», «Мир Божий», «Русское богатство», «Русская мысль», «Русское слово», «Современный мир», «Вестник театра», «Жизнь», «Искусство», «Искусство коммуны», «Красный журналист», «Творчество», «Красная новь», «Пролетарская культура», «Художественная жизнь» и др., из газет «Беднота», «Известия», «Правда», «Коммунистический труд» и др.

Особенно обратим внимание на тот факт, что для данной картотеки, учитывая ее важность и важность самого проекта, были в типографии Госиздата заказаны специальные карточки (их наличие послужило одним из самых главных оснований для атрибуции фонда). Так, в материалах Центрального государственного Архива Е. А. Левашов обнаружил следующие сведения:

«Согласно предписанию председателя Совнаркома В. И. Ленина, особой комиссией ученых-специалистов <...> был разработан план работ по составлению и подготовке нового словаря русского языка <...>. Поэтому Управление научных учреждений Акцентра настоятельно просит Госиздат принять самые срочные меры к напечатанию на хорошей плотной бумаге 500 000 экз. прилагаемого при сем образца карточки для выборки материалов» [Левашов, Петушков 1975: 77–78]. И такие карточки, как теперь видно при осмотре фонда, были напечатаны.

¹ При обнаружении алфавитной картотеки словаря на буквы А-Я были также обнаружены материалы «сокращенных обозначений учреждений и предметов» общим числом около 1270 карточек. См. подробнее об этом в следующей публикации.

² Ср., напр.: «В июне 1922 г. Редакционный комитет московского словаря обратился к В. М. Истрину с новой просьбой – переслать через заведующего Петроградским отделением словаря проф. Л. В. Щербу корректурные листы неизданных еще выпусков Академического словаря на буквы И, «существенно необходимых для работы над новым словарем» [Семериков 1967: 294].

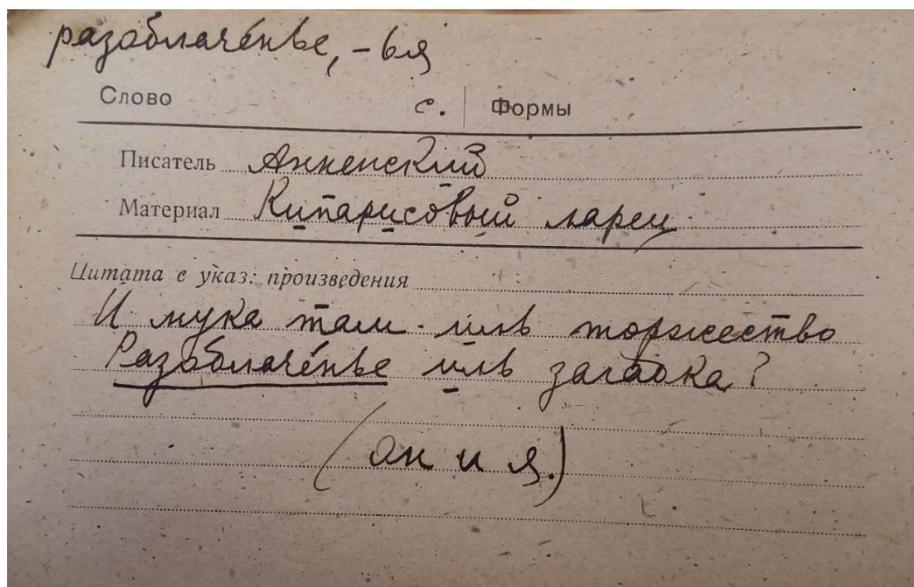

Рис. 1. Образец карточек, специально напечатанных Госиздатом в 1921 г. для подготовки картотеки словаря.
Карточка на слово «разоблаченье» с автографом Н. И. Шатерникова

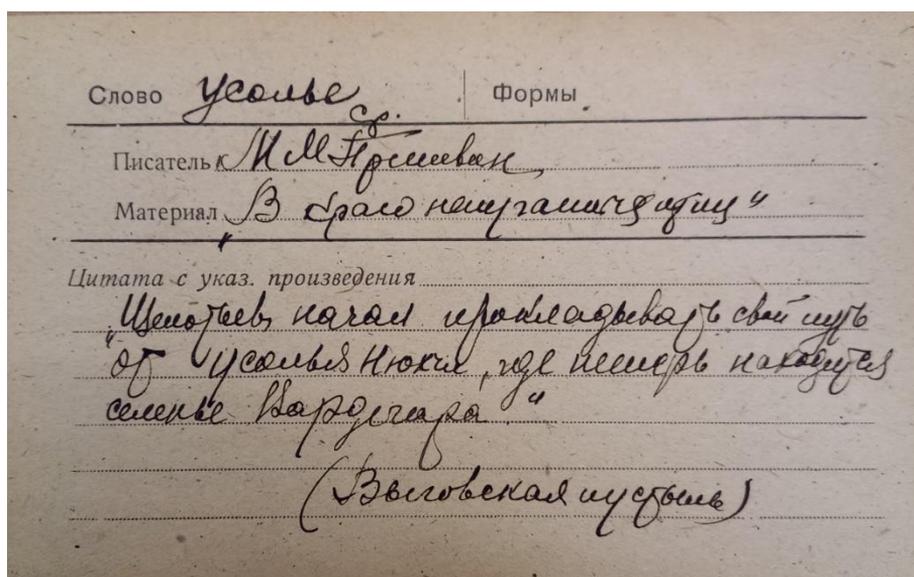

Рис. 2. Карточка из картотеки на слово «усолье». Автограф А. А. Реформатского

Дальнейшая судьба картотеки

Картотека была создана в кратчайшие сроки, видимо, в полном (для предполагаемого начала работы над словарем) объеме. Однако, в связи с замедлением темпа работы, а к декабрю 1923 г. – с официальным закрытием проекта ввиду недостаточности средств, картотека осталась бесхозной, а

точное ее местонахождение некоторое время оставалось неизвестным.

Но уже с начала 1924 г. Академия наук начала выражать интерес к картотеке, готовность и желание помочь и в ее сохранении, и в использовании ее материалов при создании академического «Словаря русского языка», о чем свидетельствует опублико-

ванное О. В. Никитиным письмо председателя ОРЯС В. М. Истрина от 18 февраля 1924 г. Д. Н. Ушакову: «Многоуважаемый Дмитрий Николаевич! До нас дошли слухи, что Московский Словарь приостановился. Даже более: будто у вас не знают, что делать с материалом. Если все это так, то не выдадите ли материалы нам, если не навсегда, то на время? Мы воспользовались бы из них для нашего Словаря тем, чего у нас недостает, т. е. выборкой из новейших писателей. Как Вы об этом думаете? Уважающий Вас В. Истрин» [Никитин 2004: 217].

В ответных письмах Д. Н. Ушакова В. М. Истрину восстанавливается как краткая история поиска им фонда, так и ответ на просьбу о передаче фонда в Петроград. Сложная, «детективная» история поиска и спасения Д. Н. Ушаковым картотеки «ленинского» словаря очень ярко и подробно описана О. В. Никитиным по архивным источникам [Никитин 2004: 212–214]. Здесь позволим себе процитировать впервые публикуемые фрагменты еще двух писем Д. Н. Ушакова за октябрь – ноябрь 1925 гг., в которых кратко отражаются эти две проблемы¹:

«Наконец, по вопросу о материалах московского словаря литературного языка. Воз и поныне там..., если возом считать самые карточки: они и поныне пребывают в кладовой Главнауки² (если не исчезли), хотя постановлением Н<ар>К<ом>проса, закрывшего словарь, они должны быть направлены в Социалистич.<ескую> Академию. Академия эта до сих пор и извещения о том не получала. Вы мне писали в 24-году о возможности переправить этот материал в Петербург, в Академию, чтоб спасти от гибели. Я тогда просил подождать, так как Гос. Издат. тогда вдруг загорелся желанием закончить и издать этот словарь. Я приглашен был подать докладную записку, смету и проч., что я и сделал. Было принято, и была избрана Комиссия, которая должна была познакомиться с материалами и которая... так и не приступила к работе (один из ее членов, Брюсов, успел и умереть). — Но еще гораздо раньше я,

чтобы спасти материал, предложил здешнему Н.<аучно-> Иссл.<едовательскому> Институту языка и литературы, в к<ото>ром я состою председателем лингвистической секции, взять из Главнауки и пристроить его у себя, в надежде, что может быть когда-нибудь исподволь мы что-нибудь с ним сделаем. Так или иначе работа по этому словарю стала считаться входящей в коллективную работу секции. Но для нее ничего еще не сделано, и материал еще, как я сказал, лежит где-то в Главнауке. В настоящее время, когда у Ассоциации Институты оказались какие-то ассигнования, опять поднялся вопрос о Словаре и потребных суммах на его довершение. Я все-таки поговорил сегодня с представителями Коллегии Института о том, что же не вернее ли было материал этот исхлопотать и отослать в Петербург в Академию. У меня сложилось такое впечатление от разговора: если б Академия наук взяла на себя работу по составлению этого словаря литературного языка, то материал был бы послан, а посылать только, так сказать, для сдачи в Архив нежелательно. Любопытно, что мы все говорим о материале, который формально принадлежит Главнауке, которая не знает, что ГосИздат имел на него виды, не знает, что наш Институт мечтает им заняться, не знает, что Академия наук считает целесообразным приобщить его к своим материалам. Собственно говоря, не мешало бы спросить хозяина этого материала, как он, хозяин, предпочитает распорядиться им. Впрочем, это хозяин юридически, может быть, и не хозяин: ведь постановление Н<ар>К<ом>Просато есть о передаче этого материала Соц. Академии... Но и эта последняя хозяйка не знает об этом, так как никакого уведомления ниоткуда не получала. Преданный Вам Д. Ушаков 15/X-1925. Сивцев Вражек, 38»³

В письме от 7 ноября 1925 г. Д. Н. Ушаков пишет В. М. Истрину: «Относительно материалов по Словарю надо сказать, что настоящий момент, может быть, недостаточно благоприятный для Академии. Сейчас Институт как раз затеял это дело с Главнаукой, и Главнаука не будет знать, что ей делать, кого предпочесть. Ес-

¹ В текстах писем авторские орфография и пунктуация сохранены, в угловых скобках раскрыты сокращения.

² Орган в структуре Академического центра Наркомпроса – Народногo комиссариата просвещения РСФСР.

³ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 169, л.19 об. – 21 об.

ли бы Академии удалось доказать, что из институтской затеи ничего не выйдет (недостаток средств и т.д.), тогда другое дело, но поверят ли доказательствам? Кстати (и даже очень кстати): материалов Главнаука до сих пор не может найти... Преданный Вам Д. Ушаков <...> 7/XI <1>925, Сивцев Вражек, 38»¹.

Однако уже в декабре Д. Н. Ушаков нашел картотеку при удручающих обстоятельствах: она была обнаружена в Главнауке в ненадлежащем состоянии, о чем он составил 5 декабря 1925 г. собственноручно акт, фрагмент которого был опубликован О. В. Никитиным: «Материалы для Словаря русского литературного языка, изготовлявшегося при Главнауке в 1921–1923 г. и прекращенного по постановлению Коллегии Наркомпроса, состоящие из карточек, найдены т. Мариным и находятся в помещении Топливного отдела Наркомпроса <...> в комнате перед уборной на полу в полном беспорядке; карточки, частью в связках, частью не связанные, находятся в перекрытых ящиках, по словам технических служащих, этого материала было больше и при переноске его часть, неизвестно когда, исчезла» [Никитин 2004: 214].

Таким образом, в начале декабря 1925 г. картотека, с некоторыми утратами фонда, была обнаружена.

Поскольку Д. Н. Ушаков в декабре 1925 г. приехал в Главнауку с целью забрать картотеку для Научно-исследовательского Института языка и литературы, то можно предположить, что в Институте Д. Н. Ушаков так и не смог реализовать свой замысел.

Для дальнейшей судьбы картотеки готовность Академии наук на тот момент воспользоваться ее материалами при текущем составлении «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова сыграла, как мы увидим далее, положительную роль.

Так, в Отчете АН СССР за 1934 г. по Институту языка и мышления (г. Ленинград), где в то время уже в Словарном отделе²

продолжалась работа над составлением «Словаря русского языка» и формировалась Большая словарная картотека, отмечается следующее: «Фактический прирост <картотеки> выразился в количестве 270 144 карточек (на 5 декабря 1934 г.), не считая полученного из Москвы специального картотечного собрания в количестве 140 000 карточек, составленного в 1920-х гг. на специальные ассигнования В. И. Ленина» [Отчет... 1935: 378, курсив наш – М. П., Е. С.]. То есть картотека «ленинского» словаря, первого «Ушаковского словаря», таким образом, в своей основной части оказалась в Ленинграде.

Как писал А. В. Семериков, заведующий Большой словарной картотекой с 1947 по 1964 гг., «...этим материалам было присвоено название «Ленинских». Однако заведующий Словарным отделом, чл.-корр. Академии наук В. И. Чернышев в январе 1939 года дал указание сотрудникам Института называть упомянутое собрание «Материалами Ушаковского словаря». Об этом был составлен 29 января 1939 года следующий протокол: «В составе Картотеки Словарного отдела имеется собрание материалов, служивших для составления Толкового словаря, издаваемого под редакцией проф. Д. Н. Ушакова. Эти материалы работниками картотеки неправильно именуется: «Ленинский словарь». Настоящее собрание постановило: 1) снять указанное неправильное название; 2) именовать данное собрание «Материалы к составлению Толкового словаря под ред. проф. Д. Н. Ушакова, сокращенно: «Ушаковский словарь». Позднейшей проверкой было установлено, что составители Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Д. Н. Ушакова, вышедшего в 1935–1940 гг. не имели никакого отношения к собранию выше названных материалов; они не имели этих материалов в своем распоряжении и при составлении словаря. В настоящее время упомянутому собранию словарных карточек, находящихся на хранении в Словарном секторе Института русского языка в Ленинграде, восстановлено первоначальное название – «Словарные материалы 1920-х годов», под которыми они поступи-

ники (за исключением Ф. И. Покровского и Н. К. Ядрышева), которые входили в состав петроградской группы словаря.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. № 169, л.23 – 23 об.

² В 1931 г. Постоянная словарная комиссия при Академии наук СССР была присоединена к Институту языка и мышления – единственному на тот момент лингвистическому институту в системе Академии наук – в качестве самостоятельного подразделения. Подчеркнем, что в его составе продолжали работать те сотруд-

ли в Институт в 1934 году» [Семериков 1967: 292–293].

Поскольку название фонда существенно повлияло на его дальнейшую трудную судьбу и фактическое, до настоящего момента, забвение, остановимся на этом факте подробнее.

Рабочее название словаря в переписке участников проекта, к которым относился в 1920-е гг. в том числе и В. И. Чернышев,

варьировалось: он назывался (видимо, по преимуществу московскими авторами) «ленинским» (на ряде перевязанных стопок и в настоящий момент сохранилось такое название), среди петроградских участников он назывался «московским» и, судя по всему, «ушаковским» (так как уточнение В. И. Чернышева в 1939 г. могло быть сделано только поэтому).

Рис. 3. Надпись на перевязанной стопке карточек

Предположительно, чтобы не привлекать внимание к картотеке «ленинского» словаря, которая содержала большое количество выписок из запрещенных и репрессированных авторов (А. Белый, В. Брюсов, Н. Гумилев, В. Хлебников, М. Цветаева и мн. др.), а также потому, что в 1937 г. саму картотеку «Словаря русского языка» подвергли существенной зачистке (в связи с обвинением авторов издаваемого академического Словаря и выборщиков картотеки в троцкизме)¹, В. И. Чернышев предложил именовать картотеку одним из ее других рабочих названий — «Ушаковский словарь». Но, видимо, В. И. Чернышев в вопросы оформления фонда не вникал, а

новые сотрудники отдела² наименование «Ушаковский словарь» поняли в контексте своего личного знания о публиковавшемся в те годы «Толковом словаре русского языка»³. Считать автором такой ошибки — отождествления рабочего наименования «Ушаковский словарь» с названием еще не

² С 1932 г. происходило существенное обновление состава сотрудников Отдела.

³ Несмотря на авторитетность публикации А. В. Семерикова, остается неясным, как в 1939 г. такая путаница могла возникнуть в ситуации, когда «Толковый словарь...» еще не был окончен, а данная картотека, находясь с 1934 г. в Ленинграде, не могла использоваться при его создании. Более того, некоторые авторы издаваемого словаря под ред. Д. Н. Ушакова были сотрудниками Института языка и мышления (например, С. И. Ожегов до 1936 г. работал в Институте над созданием выпуска буквы Д «Словаря русского языка», Б. А. Ларин был сотрудником «Словаря древнерусского словаря», работа над которым велась тогда в Словарном отделе Института), и для сотрудников картотеки не могло не быть очевидным, что эти материалы, в том числе и этими сотрудниками, не использовались.

¹ Из рабочих тетрадей первого заведующего картотекой А. В. Семерикова следует, что в 1937 г. была проведена зачистка фонда картотеки и изъятый материал был объединен в «фонд, не подлежащий обращению» и «содержащийся на особом хранении», который составил 45–50 тыс. карточек.

завершенного «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова – самого В. И. Чернышева, участвовавшего в создании и переписывании карточек для первого из этих словарей, не представляется возможным. Возможно также, что фонд намеренно был назван ошибочно, чтобы под видом картотеки уже как будто сделанного и имеющего авторитет словаря не привлекать внимание к выборкам из запрещенных авторов.

Также следует подчеркнуть, что только в публикациях о составе фонда [Котелова и др. 1967, Семериков 1967] он называется «Словарные материалы 1920-х гг.», тогда как во всех сохранившихся описях дополнительных фондов картотеки данный фонд так и остался названным или «Ушаковский словарь», или «Картотека “Толкового словаря русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова». Запись «Словарные материалы 1920-х гг.» в описях не встречается (возможно, такая надпись могла быть на ящиках, в которых хранилась картотека, но ввиду плохих условий хранения надписи на ящиках за много лет стерлись или оказались утрачены). Запись «Картотека «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова», а также «Ушаковский словарь» для последующих поколений сотрудников картотеки могла означать, что это картотека законченного словаря (то есть включает использованный, отработанный, неактуальный материал), поэтому особого внимания, даже у сотрудников картотеки, ее материалы больше не привлекли.

Помимо неактуальности наименования фонда, осложняющим фактором для его сохранности и точной атрибуции оказались и проблемы хранения всей картотеки в целом: и эвакуация ее во время Великой Отечественной войны, и длительное приведение в порядок основной картотеки после возвращения. Сразу после войны была возобновлена работа над будущим «Словарем современного русского литературного языка» в 17 тт., поэтому все силы сотрудников были брошены на приведение материалов в порядок и на активное пополнение картотеки новыми материалами. Как отмечает А. В. Семериков, к концу 1947 г. картотека была приведена в порядок и начала функционировать, и только к 1954 г. была полностью систематизирована,

оформлена и обрела рабочий вид. При этом после войны и до настоящего времени картотека неоднократно меняла место своего нахождения – в послевоенные годы она располагалась на 3 этаже Пушкинского Дома, позднее – в подвальном этаже Главного здания Академии наук (сейчас здание СПбНЦ), а с 1991 г. – в Тучковом переулке, 9 (где также пережила 2 переезда до ее настоящего местонахождения на 5 этаже здания, впервые за всю историю картотеки предназначенного специально для нее). Необходимо подчеркнуть, что «дополнительные фонды» более (после их описи А. В. Семериковым) никогда не использовались, не оформлялись и не описывались, так как задачей сотрудников была работа только с основным фондом.

Судьбой картотеки «ленинского словаря» в 1970–1990-е гг. очень заинтересовался сотрудник Института – кандидат филологических наук Евгений Александрович Левашов. И если о самом «ленинском» словаре он со своим коллегой – Валентином Петровичем Петушковым – подготовил несколько публикаций [Левашов, Петушков 1970; Левашов, Петушков 1975; Петушков 1976; Левашов 1998], то местонахождением картотеки интересовался постоянно и пытался привлечь внимание сотрудников картотеки к этому фонду с целью инициирования его поисков. И, видимо, отчасти ему это удалось. В одной из сносок в своей монографии, говоря о картотеке Словаря 1920-х гг., автор отмечает: «Эта картотека находится до настоящего времени в законсервированном состоянии в архиве Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Частично она была просмотрена при подготовке настоящей книги» [Левашов, Петушков 1975: 96]. Также авторы приводят образец одной карточки на слово «гелертерский» с указанием, что она взята «из Архива Словарного сектора» [Там же: 85]. В начале 2000-х гг., в период переезда картотеки, Е. А. Левашов в результате самостоятельных поисков смог обнаружить несколько ящиков с разрозненными материалами фонда, но совокупного объема фонда ни он, ни сотрудники картотеки не могли на тот момент найти. Предположительно считалось, что весь фонд утрачен в период эвакуации или переездов.

Обнаружение фонда картотеки и его краткая характеристика

Однако стечение ряда обстоятельств и случайностей привели сотрудников картотеки и группы Большого академического словаря в августе 2023 г. к обнаружению этого фонда в достаточно большом объеме, и первоначально по ряду косвенных признаков было установлено, что, собранный воедино, данный неатрибутированный картотечный фонд является картотекой первого «ушаковского» (т. е. «ленинского») словаря. Дальнейший, уже целенаправ-

ленный поиск архивных материалов всего Словарного сектора ИЛИ РАН позволил увеличить количество искомого картотечного материала. В настоящий момент можно утверждать, что сотрудниками собрана полная из имеющегося в Институте картотека словаря 1920-х гг.¹

¹ Ввиду того что еще некоторое количество дополнительных фондов картотеки подлежат систематизации и упорядочиванию, остается небольшая вероятность нахождения еще некоторых материалов данной картотеки.

Рис. 4. Найденная картотека

Основанием для точной атрибуции послужило несколько факторов. Во-первых, обнаружение в Архиве картотеки и приведение в порядок полных описей материалов картотеки ее сотрудником – Геннадием Алексеевичем Кузнецовым – позволило обнаружить факт наличия в картотеке на период 1956 г. фонда «Ушаковский словарь», что поставило перед сотрудниками проблему его поиска. Во-вторых, в составе обнаруженной картотеки было найдено значительное число специальных типографских карточек, которые совпали по внешнему виду с теми, образцы которых приведены в монографии [Левашов, Петушков 1975] и которые, как выяснилось

из этой книги, были заказаны именно для создания «ленинского» словаря в 1921 году. В-третьих, был установлен уникальный для лексикографии XX века состав авторов источников (особенно поэтов Серебряного века), большая часть из которых до начала 1990-х гг. были под официальным запретом: произведения таких авторов не могли быть источниками для словарной выборки с 1924 г. по 1990-е гг.

Однако по-настоящему сложить все элементы в единую картину позволили публикации на тему «ленинского» словаря Е. А. Левашова, В. П. Петушкова, многочисленные публикации О. В. Никитина, а также малоиспользуемые в работе карто-

теки публикации ее первого заведующего – А. В. Семерикова.

В настоящее время собранный как одно целое и достоверно атрибутированный фонд в целом соотносится с самой ранней описью «Ушаковского словаря», которая позволяет судить о его размерах и структуре. Фонд состоял из 104 ящиков, в 103 из которых были представлены разложенные по алфавиту материалы на буквы от А до Я, в 104-м ящике – «Материалы на разные буквы». Именно к последней части следует отнести материалы «сокращений», которые предположительно относились ко второй, справочной, части предполагаемого словаря. Обнаружение этой части фонда трудно переоценить¹. При этом в рабочей тетради А. В. Семерикова с образцами почерков картотеки этот фонд описан уже иначе: «Материалы к Толковому словарю под ред. проф. Д. Н. Ушакова («Ушаковский словарь») – 128 ящиков + 1 ящик, не приведенный в порядок = 129 ящиков»².

В общей характеристике фонда присоединимся к его первому опубликованному краткому описанию: «Материалы для словаря, собранные в 20-е годы, представляют собой картотеку, содержащую около 140 000 карточек. В ней представлены выборки из классической литературы XIX в. – сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского и др.³ Особенно важно то, что в картотеке имеются многочисленные выборки из журналов конца XIX – начала XX в., произведений прозаиков и поэтов XIX – начала XX в. Таких выборок в основной картотеке мы обыкновенно не находим. Материал распределен в алфавитном порядке на пачки карточек, внутри кото-

рых тоже соблюдается алфавитный порядок. Некоторые пачки представляют собой перечень (словник) слов, которые, по видимому, предполагалось включить в словарь. Каждое слово в пачке иллюстрируется несколькими цитатами, иногда имеются и толкования значений. Можно заметить, что работа над словарем была прервана в самом начале» [Котелова и др. 1967: 41–42].

Примерный объем фонда пока предварительно можно соотнести с размером, указанным в 1934 г., в 140 000 карточек: полная опись фонда через некоторое время позволит уточнить эти данные в меньшую или большую стороны. В целом фонд является достаточно полным – он включает материалы на все буквы алфавита от А до Я, за исключением значительных и незначительных лагун на ряд букв

Карточки в картотеке в среднем одинаковые и имеют размер 16,5 x 10,5 см, большая часть из них – полиграфически изданные, часть – самодельные, вырезанные из обычной тонкой бумаги. Причем необходимо отметить, что, например, на букву А и начало буквы Б карточки еще только самодельные, тогда как начиная середины буквы Б в картотеке представлены карточки как типографские, так и вырезанные из обычной бумаги. То есть работа по составлению картотеки началась до того, как выборщиками были получены типографские карточки. Большой интерес представляет обратная сторона некоторых самодельных карточек: иногда они написаны на чистой бумаге, иногда на фрагментах бланков, документов, текстов, в том числе позволяющих установить место работы выборщика или причастность его к тому или иному учреждению. Так, например, очень много вырезок сделано из документов, бланков Московского университета и его библиотеки. См., например:

¹ См. подробнее следующую публикацию.

² Количественная разница в ящиках в первой описи (104) и в данном упоминании (129) может быть вызвана перемещением фонда из ящиков, хранящихся в специальных больших картотечных шкафах (длина ящика – 60 см), в отдельные крытые ящики (длина ящика – около 44 см), в которых до начала XXI века хранились дополнительные фонды. Предположительно, фонд изначально также хранился в другом месте, так как в Описи картотеки (в рукописном отчете Словарного отдела Института языка и мышления за 1937 г.) значатся «Словарные материалы для Ленинского словаря» в объеме – 124 ящика.

³ Подчеркнем, что цитаты из классической литературы первой половины XIX века единичны.

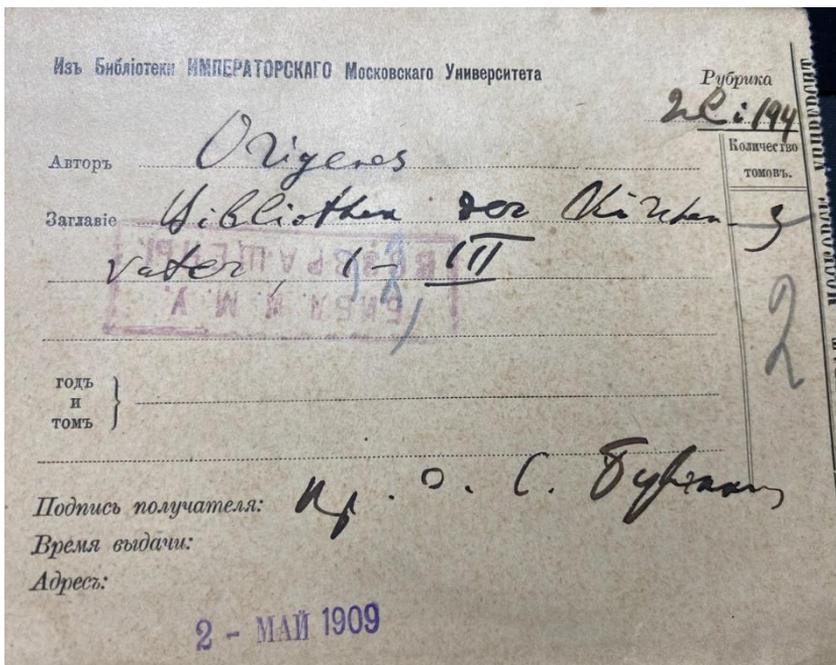

Рис. 6. Оборот карточки – бланк требования на литературу библиотеки Императорского Московского университета (1909 г.) с автографом пр<отоиерея> о. Сергия Булгакова

Или, например, документация Горного института в Петербурге-Петрограде, где

работал библиотекарем один из сотрудников словарной комиссии – Н. К. Ядрышев:

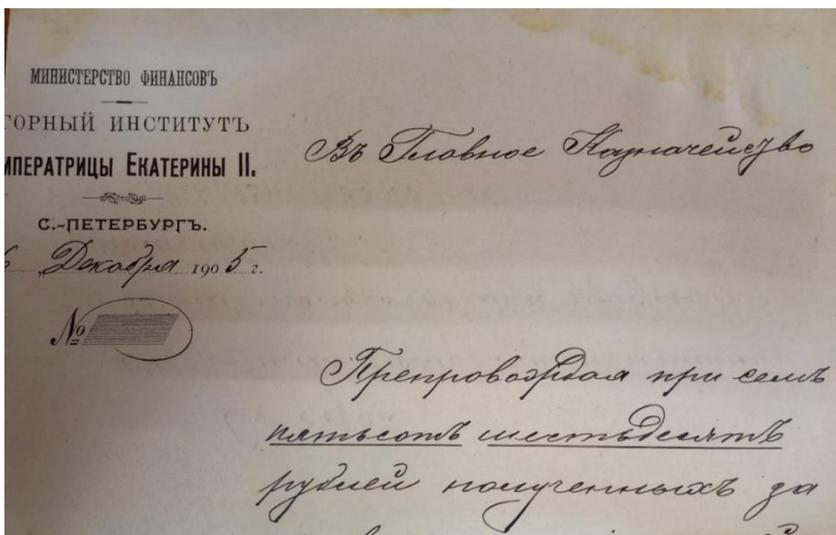
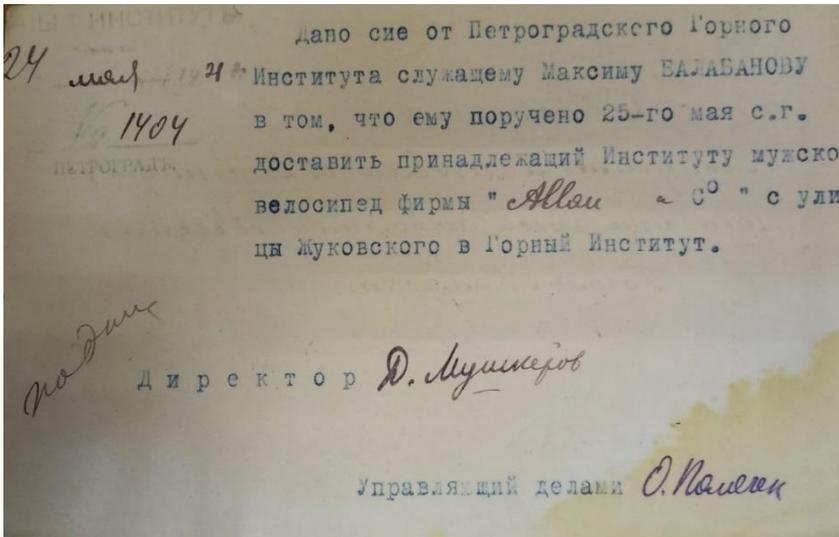

Рис. 7. Оборот карточки – бланк Горного Института (1905 г.)

Рис. 8. Оборот карточки – нотариальная доверенность, оформленная по заказу Горного института (1921 г.)

При этом интересно, что самодельные карточки широко использовались выборщиками московской группы, а типографские – не менее широко сотрудниками петроградской группы.

Содержательно картотека в своей основе представляет собой карточки с указанием слова и иллюстрацией к нему из художественного, поэтического, публицистического текста.

Обычно на 1 слово приводится 1 карточка с цитатой, в случае многозначности слова – от 2 до 7 карточек-цитат.

Как отмечалось в опубликованной характеристике фонда, на некоторых карточках представлены и фрагменты будущей словарной статьи.

В качестве иллюстрации приведем один произвольно выбранный фрагмент картотеки – **колупать-коммфракция** из отрезка **колупать-компромисс**¹:

¹ Далее указывается вокабула с карточки и – в скобках – перечень авторов тех цитат, которые приводятся на последующих карточках картотеки. В ряде случаев на карточках представлены толкования. Если на базовой карточке (с определениями) дается предполагаемое словообразовательное гнездо, то фамилии авторов источников приводятся при том слове, которое входит в такое гнездо и на которое имеется отдельная карточка-цитата. Поскольку сложные слова следуют обычно ранее примеров на само слово или его дериваты, это дает основание предположить, что такие слова должны были бы даваться как иллюстративный

колу́пать², -аю, -аешь. Ковырять. сов.в. -пн^уть, -пн^у, -пн^ешь. (Арцыбашев)

колухн^уться (Л. Леонов) (цитата на колыхнуться)

колхóз (Д. Бедный)

кóлча, -и, ж. Кочка.

Колчáк, -á, м. (Самобытник)

колчакиáда (Коммунистический труд 1920, № 27)

колчáковец (Ленин)

колчáковский (Д. Бедный, Ленин)

колчáковщина (Ленин, Коммунистический труд 1920, № 2)

колчáн, -а, м. Кожаный или деревянный футляр для помещения стрел.

колчевáтик (Пришвин)

колчедáн, а, м. Общее название для минералов, представляющих сернистые, мышьяковистые, реже селенистые и сурьмянистые соединения металлов из группы железа, кобальта, никеля, платины, частью олова и меди.

колченóгий, -ая, -ое. Хромой; особенно тот, у которого одна нога короче другой; кривоногий, имеющий ноги дугой, и вообще: имеющий походку с покачиванием на обе стороны. (Сергеев-Ценский)

материал на основное слово. Оформление полужирным, прямым и курсивом представлено так, как оно обозначено на составительских карточках.

² Как следует из записей Д. Н. Ушакова, слова должны были оформляться «с малой буквы» [Никитин 2004: 199].

колчужка (Пришвин, Сергеев-Ценский)

колыбайка (В. Каменский)

колѣбаться (Пришвин)¹

колыбѣлимый, -ая, -ое. Убаюкиваемый, усыпляемый. (У Маяковского). (Маяковский)

колыбель, и, ж. 1. Приспособление для качивания маленьких детей; зыбка, люлька, качалка. 2. Перен.: родина, место рождения человека, где он провел свое младенчество; а в дальнейшем и – место происхождения народа, поколения, науки и т. под. (Асеев, Бальмонт, Каменский, Клюев)

Уменьш. – **бѣлька**, и, ж. (Ремизов, Блок)

Прил. – **бѣльный**, -ая, -ое. (Ремизов, Самобытник, Клюев, Вяч. Иванов, Кузмин).

колыбель-ясли (Брюсов)

колыбельная (Блок, Городецкий)

колыбельно (Бальмонт, Г. Чулков)

колыбельно-знакомый (Клюев)

колыбельно-могильный (Мережковский)

колывань (Асеев)

колымага, -и, ж. Старинный крытый экипаж, похожий на нынешнюю карету, но без рессор и без особых сидений для едущих. Теперь так называют иногда вообще старинные громоздкие экипажи на колесах, рыдваны, дормезы и т.п. (Есенин)

Уменьш. – **мажка**, и, ж.

Прил. – **мажный**, -ая, -ое.

колыска (Русское слово 1904)

колыханье, -я, *ср.р.* (Брюсов, Ф. Сологуб, Анненский)

колыхать, - хаю, -хаешь. Качать плавно и легко. (Современный мир 1911, I, 217; Пастернак (колыханый), Северянин)

Возвр. – **хаться**, -хаюсь, -хаешься. (Хлебников, А. Белый, Самобытник, Н. Асеев, Б. Пастернак, Клычков, Анненский, Ф. Сологуб, Шершеневич)

Соверш. – **хнуть**, - хнуться. (Клычков, Блок, Арцыбашев)

колышек (Лесков, Шмелев)

колышень (Пришвин, В. Евр. 1914)

коль (Д. Бедный)

кольбовский, -ая, -ое. (Ленин)

кольдрём, -а, м. Косметическое средство: прохладящая мазь, приготовляемая из миндального масла, спермацета и

белого воска.

кольѣ, *ср.*, *нескл.* Ожерелье из драгоценных камней, одна из принадлежностей дамского туалета. (И. Северянин, Маяковский)

кольт, -а, м. (Морозов)

кольтовский, ая, ое. (Морозов)

<...>

коммуна, -ы, ж. (Самобытник, М. Горький, Клюев, М. Герасимов)

коммуна-общезитие (Коммунистический труд, 1920, № 148)

коммунализация, ж. (Мир Божий 1905, 12)

коммунальный, -ая, -ое (Кропоткин, Бакунин, Д. Бедный, Ленин, Морозов, Н. Бухарин)

коммунар, -а, м. Член коммуны. (Боборыкин, Маяковский, Самобытник, Брюсов, Д. Бедный, Ленин, Творчество 1919, Бакунин)

коммунар-большевик (Пролетарская культура, 1918, № 2)

коммунизация, -ии, -ж. (Морозов)

коммунизм, -а, м. Учение, отвергающее частную собственность во имя людского блага. (Мир Божий, 1905, 5, с.12).

коммунизм-марксизм (Коммунистический Труд. 1920. № 32).

коммунизма, ж. (Д. Бедный)

коммуникация, -ии, ж. *Стар.* Сообщение одного места с другим; пути, средства сообщения.

Прил. – **кационный**, -ая, -ое.

коммунист, -а, м. Последователь коммунизма (Д. Бедный. Маяковский, Самобытник).

Сущ. ж.р. – **нистка**, -и. (Д. Бедный, Ленин)

Прил. – **нистический**, ая, ое. (Бакунин, Плеханов, Бухарин, Д. Бедный, Мир Божий, 1906, Вестник Европы, 1918, № 1–4, Современный мир 1917, 1, с.202)

коммунист-горожанин (Красный журналист, 1921, № 7–9)

коммунист-футурист (Искусство Коммуны 1917).

коммунист-народник (Ленин).

коммунист-поляк (Коммунистический труд, 1920, № 23).

коммунистически-мыслящий, -ая, -ое. (Красный журналист, 1921, №7-9)

коммунистически-анархический, -ая, -ое (Коммунистический труд, 1920, № 16).

¹ Слово, видимо ошибочно, написано еще через «ять» и располагается по старому алфавиту.

коммунистский, -ая, -ое (Ленин).

комму́ния (Бухарин)

коммута́тор, -а, м. Прибор, служащий для замыкания электрического тока, для перемены направления или для прерывания его.

коммута́ция (Вестник Европы, 1907, №3).

коммфра́кция (Вестник театра, 1920)

Чуть подробнее, с раскрытием цитатного материала, проиллюстрируем подачу многозначного слова:

кольцо́, -á, ср.; мн. ко́льца, коле́ц. Металлическая (или из какого-н. другого материала) окружность, обод.

Прил. -цево́й, -áя, -бе.

И черный змей завит в кольцо, Шипел неведому кому... В. Хлебников. Ночь в окопе, 241.

Дым разорван был в кольцо. В. Хлебников (Творения, т. I, стр.11).

У меня жена — в кольцах да в шелках. Ореш<ин>. На деревне.

Мы бьем, мы бьем по кольцам корчей. Н. Асеев Оксана, VIII (Осада неба, 19)

Свои серебряные кольца. Блок. Седое утро (Арфы и скрипки).

Способ постройки в кольцо. Лесков. Юдоль.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог. Есенин. Выткался на озере ясн<ый свет зари> (Радуница)¹

О принципах создания и оформления словаря подробно, на основании архивных материалов, написано в работах современных исследователей (см., напр. [Никитин 2004; Никитин 2016 и др.]). Здесь же остановимся только на тех выводах, которые позволяют сделать краткий анализ обнаруженных материалов картотеки.

Словарь включал как актуальную широкоупотребительную лексику, так и новую, в том числе – индивидуально-авторскую². Из просмотренного отрезка к таким словам можно было бы отнести, например, *колыбельный*, *колыбельно-знакомый*, *колыбельно-могильный*, *колчакиада*, *коммунистически-мыслящий*, *коммунистически-анархический*.

¹ Наличие нескольких цитат при одном слове демонстрирует, как правило, разные его значения.

² В отношении таких слов в дневниковых заметках Д. Н. Ушакова отмечается: «...Слова редкие, свойственные одному писателю или однажды им употребленные – отмечены именем автора» [Никитин 2004: 199].

Встречается в картотеке также и некоторая областная лексика, употребление которой подтверждалось цитатами из произведений художественной литературы: *колчка*, *колывань*, *колыска*, *колышень*.

На основании просмотренного фрагмента очевидно, что имена собственные и прилагательные от имен собственных также включались в словарь, причем – судя по всему – в алфавите первой части: *Колчак*, *колчаковский*, *кольбовский*, *кольтовский*, *Кольцов* (фамилия).

Словарная статья включала элемент гнездования. Регулярные формы (прилагательные от существительных, уменьш. формы, женский род от мужского; возвратные формы у глаголов, формы сов. в. при несовершенном), согласно оформлению на карточках, должны были разрабатываться в одной словарной статье. С учетом наличия и очередности иллюстративного материала на каждую из заявленных форм они должны были иллюстрироваться по мере их размещения в словарной статье.

Каждое слово, каждое значение многозначного слова или особая форма слова (напр., **ко́льцы**) должно было иллюстрироваться одной цитатой (без ориентации на политическую конъюнктуру), см., напр., слово **коммунизм**, содержащую в картотеке только 1 цитату, причем из журнала «Мир Божий» – ситуация, согласно подготовленным материалам 1–2 тт. «Словаря современного русского литературного языка», уже невозможная в конце 1930-х гг.

Цитаты подбирались преимущественно из самой актуальной современной литературы (источники из работ политических деятелей используются только для иллюстрации лексики социальной и социально-политической сферы, обилие поэтов, предположительно, вызвано именно тенденцией времени, а не художественными вкусами выборщиков, для наименования широкоупотребительной лексики прослеживается попытка показать их наличие в языке ранее за счет цитат преимущественно конца XIX века.

Оформление цитат (о чем свидетельствует шаблон печатной формы) предполагало грамматическое оформление материала, традиционное для словарного описания – преимущественно ударение, традиционные для толковых словарей грамма-

тические показатели существительных (окончание в род. п.), указание на род прилагательных (окончания женского и среднего рода), глаголов (окончания 1 и 2 лица) или на неизменяемость части речи приводились почти в каждой карточке: составителю оставалось только сформулировать определение. В просмотренном фрагменте периодически встречаются карточки с определениями. Текст на таких карточках располагался по вертикали, тогда как цитаты на карточках написаны по самой широкой, горизонтальной, ее части. Более того, на карточках с толкованиями содержатся графические знаки разметки, на основании которых можно условно восстановить графический облик статьи¹: волнистая черта (курсив), пунктир (разрядка), подчеркивание (полужирный шрифт).

Особенно подчеркнем еще не слишком сильную идеологизированность словаря, свободу и легкость авторов в выборе источников.

Также по материалам картотеки выявляются и уязвимые места в качестве лексикографической работы, которые можно оправдать сжатыми сроками подготовки картотеки и заданными ограниченными сроками создания самого словаря.

Одной из главных и уникальных исторически ценных особенностей картотеки является список ее выборщиков – авторов карточек. Так, О. В. Никитин, со ссылкой на архив Д. Н. Ушакова, отмечает, что «Н. И. Шатерников обрабатывал Анненского, Клюева, Короленко, Самобытника, Р. О. Шор – Морозова и Шершеневича, Б. В. Горнунг – Асеева, Хлебникова и Мандельштама, А. А. Реформатский – Кондурушкина и Пришвина, А. М. Пешковский – Ремизова, Д. Д. Благой – Ленина и Плеханова и др.». [Никитин 2004: 203]. В другой своей публикации исследователь приводит карточки с автографами московских авторов словаря – Б. В. Горнунга, А. А. Реформатского, А. М. Пешковского,

Р. О. Шор [Никитин 2016].

При первичном анализе материалов обнаружены также авторы выписок из «петроградской» группы. Из писем Л. В. Щербы, адресованных Д. Н. Ушакову [Никитин 2004: 220–227], а также из черновых набросков А. В. Семерикова к статье по истории картотеки также устанавливается, что очень активно «копировали» материалы из академической картотеки для картотеки «московского» словаря С. П. Обнорский, П. Л. Маштаков², Н. К. Ядрышев³.

Заключение

Обнаружение картотеки «ленинского» (или неопубликованного «ушаковского», согласно названию фонда в Архиве картотеки) словаря в ее значительном объеме – событие достаточно важное не только для Института лингвистических исследований РАН, который теперь является хранителем уникального и научно ценного словарного фонда. Этот факт чрезвычайно значим для отечественного языкознания в целом. Обнаруженный фонд, требующий еще целенаправленной работы по его хранению, систематизации и описанию, открывает новую перспективу дальнейших исследований в области истории, теории и практики отечественной лексикографии, истории русского языка первой четверти XX века, истории русской культуры и литературы XX века. На его основе можно хотя бы отчасти реконструировать первый в

¹ Материал выше оформлен согласно таким значкам. Несмотря на то что цитаты приводятся на отдельных карточках и графически не оформлены, они, с очень большой вероятностью, должны были бы даваться курсивом, так как предшествующая зона – толкование – не имела обозначения, а предшествующая толкованию зона была обозначена как курсив.

² *Петр Лазаревич Маштаков* (1872–1942) – штатный сотрудник Комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в Смольном институте, в ряде гимназий Санкт-Петербурга; один из исследователей «Слова о полку Игореве». Автор нескольких учебников и грамматик по русскому языку, многочисленных работ по русской топонимике.

³ *Николай Константинович Ядрышев* (1869–1928) – штатный сотрудник Словарной комиссии; выпускник Историко-филологического института Петербургского университета, педагог, филолог, лингвист; до приглашения в Академию наук был преподавателем русского языка и словесности в ряде гимназий Санкт-Петербурга, в том числе в гимназии и в реальном училище Карла Мая; соавтор (совм. с М. В. Головинским) книги «История финского народа» (СПб., 1901); владел 14 языками. Долгое время работал библиотекарем Горного института в Петербурге-Петрограде.

истории советского государства словарь, над которым работали лучшие лингвисты и филологи 1920-х гг. и который был еще достаточно свободен от жестких рамок советской идеологии, существенно изменившейся в 1930-е гг. лексикографический ландшафт в описании русского языка. Обнаруженный фонд является замечательным

источником по изучению истории русского языка в целом. Сотрудники картотеки и авторы статьи не только рады были показать, что данная картотека была обнаружена как целостный научный объект и теперь имеет заботливого хозяина, но и надеются на то, что теперь этот фонд дождет своих новых исследователей...

Источники

Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. – М., 1935. – С. 378.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 332. Оп. 2. № 169. Лл. 19 об. – 23 об.

Литература

Котелова, Н. З. Словарная картотека современного русского языка / Н. З. Котелова, А. В. Семериков, Т. А. Дальгрэн // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. – М. : Наука, 1967. – С. 10–46.

Левашов, Е. А. Ленин и словари / Е. А. Левашов, В. П. Петушков. – Л. : Наука, 1975. – 109 с.

Левашов, Е. А. У истоков советской лексикографии / Е. А. Левашов, В. П. Петушков // Известия АН СССР. – 1970. – Т. XXIX. – С. 165–172.

Левашов, Е. А. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова / Е. А. Левашов // История русской лексикографии. – СПб. : Наука, 1998. – С. 346–351.

Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228.

Никитин, О. В. Забытая картотека (из лексикографической практики 1920-х гг.) / О. В. Никитин // Седьмые Поливановские чтения : сб. ст. по матер. докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 11–12 окт. 2005 г.). Ч. 1. Социоллингвистика. Лексика и фразеология. Лексикография. Проблемы методики. – Смоленск : СГПУ, 2005. – С. 209–220.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 1. – С. 13–22.

Петушков, В. П. Предисловие к «Записке об издании объяснительного словаря русского языка» В. Брюсова / В. П. Петушков // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. – М. : Наука, 1976. – С. 246–248.

Приемышева, М. Н. Картотека как источник лексикографической и научной работы / М. Н. Приемышева // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 1, часть 3. – СПб. : ИЛИ РАН, 2003. – С. 23–29.

Рогожникова, Р. П. Сокровищница русского слова. История Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / Р. П. Рогожникова. – СПб. : Наука, 2003. – 106 с.

Семериков, А. В. Из истории академической словарной картотеки / А. В. Семериков // Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. – М. : Наука, 1967. – С. 281–316.

Эзериня, С. А. К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН / С. А. Эзериня // История, теория и практика академической лексикографии. Юбилейный сб. научн. статей / отв. ред. М. Н. Приемышева. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 35–46.

References

Ezerinya, S. A. (2022). K 135-letiyu Bol'shoi slovarnoi kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN [On the 135th Anniversary of the Great Card Index of the Institute for the Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii. Yubilejnyi sb. nauchn. statei*. M. N. Priemysheva (ed.). St. Petersburg, ILI RAN, pp. 35–46.

Kotelova, N. Z., Semerikov, A. V., Dal'gren, T. A. (1967). Slovarnaya kartoteka sovremennogo russkogo yazyka [The Dictionary Card Index of the Modern Russian Language]. In *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 10–46.

Levashov, E. A. (1998). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka pod red. D. N. Ushakova* [Explanatory Dictionary edited by D. N. Ushakov]. In *Istoriya russkoi leksikografii*. St. Petersburg, Nauka, pp. 346–351.

Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1970). U istokov sovetskoi leksikografii [At the Origins of the Soviet Lexicography]. In *Izvestiya AN SSSR*, XXIX, pp. 165–172.

Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1975). *Lenin i slovari* [Lenin and Dictionaries]. Leningrad, Nauka. 109 p.

Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-x gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovarya”) [The Forgotten Pages of the Russian Lexicography of 1920s (Prehistory of the Ushakov Dictionary)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshenii*. 1 (7), pp. 195–228.

Nikitin, O. V. (2005). Zabytaya kartoteka (iz leksikograficheskoi praktiki 1920-kh gg.) [The Forgotten Card Index (from the Lexicographical Practice of the 1920s)]. In *Sed'mye Polivanovskie chteniya: Sb. st. po mater. dokl. i soobshch. konf. (Smolensk, 11–12 okt. 2005 goda)*. Part 1. *Sotsiolingvistika. Leksika i frazeologiya. Leksikografiya. Problemy metodiki*. Smolensk, SGPU, pp. 209–220.

Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essay on the History of the Russian Lexicography of the First Part of the XX century]. Slavyansk-na-Kubani, Izdatel'skii tsentr filiala KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani. 232 p.

Nikitin, O. V. (2016). Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Larussa” [The Forgotten Card Index, or the Fate of the Russian “Larousse”]. In *Mir russkogo slova*. 1, pp. 13–22.

Petushkov, V. P. (1976). Predislovie k “Zapiske ob izdanii ob'yasnitel'nogo slovarya russkogo yazyka” V. Bryusova [Preface for the “Notes on the Edition of the Explanatory Dictionary of the Russian Language”]. In *Literaturnoe nasledstvo*. 85. Valerii Bryusov. Moscow, Nauka, pp. 246–248.

Priemysheva, M. N. (2003). Kartoteka kak istochnik leksikograficheskoi i nauchnoi raboty [Card Index as a Source of the Lexicographical and Scientific Work]. In *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*. V. 1, part 3, pp. 23–29.

Rogozhnikova, R. P. (2003). *Sokrovishchnitsa russkogo slova. Istoriya Bol'shoi slovarnoi kartoteki Instituta lingvisticheskikh issledovanii RAN* [The Treasury of the Russian Word. The History of the Great Dictionary Card Index of the Institute for the Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Nauka. 106 p.

Semerikov, A. V. (1967). Iz istorii akademicheskoi slovarnoi kartoteki [From the History of the Academic Dictionary Card Index]. In *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 281–316.

Данные об авторах

Приёмшева Марина Николаевна – доктор филологических наук, заведующая Отделом лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

E-mail: mn.priemysheva@yandex.ru.

Стукова Екатерина Григорьевна – младший научный сотрудник Отдела лексикографии современного русского языка, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9.

E-mail: e.g.stukova@gmail.com.

Дата поступления: 19.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Priemysheva Marina Nikolaevna – Doctor of Philology, Head of Department of the Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Stukova Ekaterina Grigorievna – Junior Researcher of Department of the Modern Russian Lexicography, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Date of receipt: 19.10.2023; date of publication: 30.12.2023

УДК 811.161.1'374(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-261-270. ББК Ш141.12-4.
ГРНТИ 16.21.65 Код ВАК 5.9.5

**КАРТОТЕКА СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ
НЕИЗДАННОГО «УШАКОВСКОГО» СЛОВАРЯ 1920-х гг.**

Кузнецова И. Е.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>

SPIN-код: 3693-9521

Кузнецов Г. А.

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7836-5816>

А н н о т а ц и я. В состав хранящейся в архиве Большой словарной картотеки ИЛИ РАН картотеки материалов для неизданного «Словаря русского языка» – так называемого «ленинского» словаря, работа по подготовке которого велась под руководством Д. Н. Ушакова и Л. В. Щербы по инициативе В. И. Ленина в начале 20-х гг. XX века, отдельной частью входит картотека сокращенных обозначений, насчитывающая 1270 карточек. Цель настоящей публикации – познакомить заинтересованных исследователей с составом картотеки, которая в 2023 году впервые после долгих лет была обнаружена среди материалов «ленинского» словаря, и, соответственно, ранее не была описана. Использование для картотеки сокращенных тех же стандартных типографских карточек, что для картотеки «ленинского» словаря, говорит о том, что эта картотека была создана именно в процессе подготовки словаря. При заголовочных словах на карточках приводятся только толкования, исключения составляют 36 слов, к которым на отдельных карточках приводятся также примеры употреблений слов. Состав сокращенных обозначений разнообразен. Это слова, состоящие из начальных частей слов, образованные сочетанием начальной части слова (или слов) с целым словом, сокращения отдельных слов, различные виды аббревиатур, сложносокращенные слова смешанного типа, часть которых состоит из двух или более слов. При некоторых сокращениях приводятся их варианты, а также указания на устную форму. Сокращения тематически разнообразны: это названия организаций, военные и сельскохозяйственные термины, наименования лиц, правовые понятия и др. С 1917 по 1923 годы процесс образования сокращений в русском языке шел наиболее активно, и именно в это время появляются первые словари сокращений. По сравнению с содержанием изданных словарей материалы картотеки включают существенно большее количество сокращений. Несомненно, что картотека сокращений, хранящаяся в архиве Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН, представляет собой уникальный материал для изучения словообразования и истории русского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история русского языка; история лексикографии; словарная картотека; словари сокращений; аббревиатура; словообразование

Д л я ц и т и р о в а н и я: Кузнецова, И. Е. Картотека сокращенных обозначений неизданного «Ушаковского» словаря 1920-х гг. / И. Е. Кузнецова, Г. А. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 261–270. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-261-270.

**CARD INDEX OF ABBREVIATIONS OF THE UNPUBLISHED
“USHAKOV’S” DICTIONARY OF THE 1920s**

Irina E. Kuznetsova

Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7984-5919>

Gennadii A. Kuznetsov

Institute for Linguistic Studies of Russian Academy of Sciences

(Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7836-5816>

Abstract. The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Great card index of materials of the unpublished “Dictionary of the Russian Language” – also known as the “Lenin Dictionary”, work on which was initiated by V.I. Lenin and supervised by D. N. Ushakov and L.V. Shcherba in the early 1920s of the 20th century – contains a special section of abbreviations totaling 1270 index cards. The aim of this paper is to introduce those interested in research to the composition of the card index, which was found among the materials of the “Lenin Dictionary” in 2023 and, naturally, had not been described before. The use of the same standard print cards for the card index of abbreviations as for the card index of the “Lenin Dictionary” shows that it was in the process of the dictionary compilation that this card index was created. The headword cards contain only definitions; 36 words are exceptions and are supplemented with usage examples on separate cards. Various abbreviations are included in the card index. These are words consisting of the initial parts of words, made up by the combination of the initial part(s) of a word with a whole word, abbreviations of separate words, and complex abbreviations of a mixed type, a number of which consist of two or more words. Some abbreviations contain their variants, including oral ones. The abbreviations are thematically diverse: they include names of organizations, legal notions, etc. The process of abbreviation was especially active in the Russian language from 1917 to 1923. It was at this time that the first dictionaries of abbreviations were published. In comparison with the published dictionaries, the materials of the card index include a significantly greater number of abbreviations. Undoubtedly, the card index from the archive of the Great card index of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences represents unique material for the study of word formation and history of the Russian language.

Keywords: history of the Russian language; history of lexicography; dictionary card index; abbreviation dictionaries; acronyms; word formation

For citation: Kuznetsova, I. E., Kuznetsov, G. A. (2023). Card Index of Abbreviations of the Unpublished “Ushakov’s” Dictionary of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 261–270. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-261-270.

Введение

В состав хранящейся в архиве БСК ИЛИ РАН картотеки материалов для неизданного «Словаря русского языка» – так называемого «ленинского» словаря, работа по подготовке которого велась по инициативе В. И. Ленина в начале 20-х гг. XX века (в 1939 году, по указанию В. И. Чернышева, эту картотеку стали называть «Материалы Ушаковского словаря» [Семериков 1967]), о её судьбе писали А. В. Семериков, Е. А. Левашов, В. П. Петушков и О. В. Никитин [Семериков 1967; Левашов, Петушков 1975; Никитин 2004, 2005, 2016]¹, отдельной частью входит картотека сокращённых обозначений. Эта картотека насчитывает 1270 карточек, расположенных в алфавитном порядке.

Согласно архивным данным, проект

«ленинского» словаря предполагал включение в него энциклопедической части, куда, в частности, должны были ввести «до 500 сокращённых обозначений учреждений и предметов» [Левашов, Петушков 1975: 75]. Для картотеки словаря были специально напечатаны стандартные типографские карточки [Левашов, Петушков 1975: 77–78], именно на них выполнена и обсуждаемая картотека сокращений. Все это позволяет с уверенностью говорить о том, что картотека сокращений создавалась как часть картотеки «ленинского» словаря.

Состав картотеки сокращённых обозначений

Несмотря на то что для картотеки сокращений использовались стандартные карточки, имеющие графы для иллюстративного материала, при заголовочных словах здесь приводятся только толкования:

¹ Подробнее – см. предыдущую публикацию.

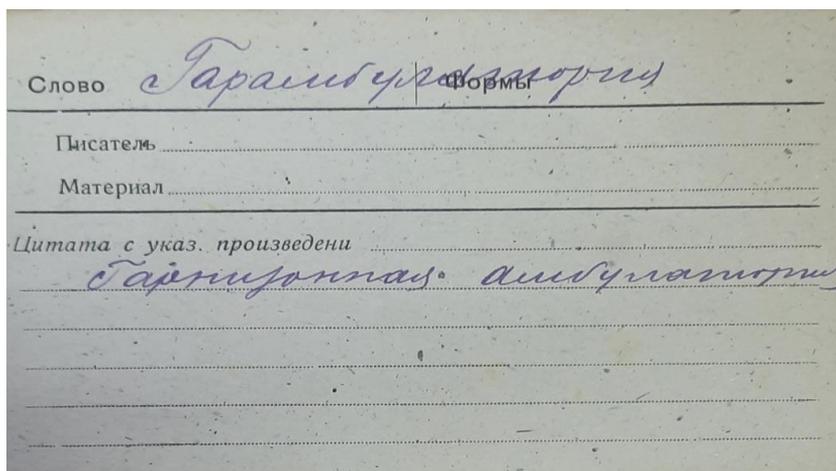

Рис. 1

Соответственно, одно слово фиксируется только на одной карточке. По сути, картотека сокращений представляет собой готовый материал для словаря, не требующий дополнительного отбора.

Исключение составляют единичные самодельные рукописные карточки со словами на первые буквы алфавита (1 – на В и 35 – на Г), где при словах есть только цитаты из различных источников и нет толкований:

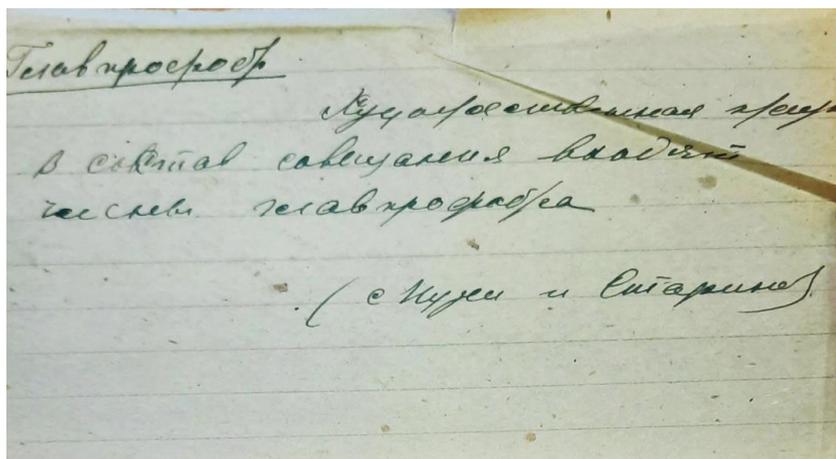

Рис. 2

Каждая из таких карточек размещена после соответствующей стандартной карточки, где приведено определение слова. По датировке представленных источников можно предположить, что карточки с примерами либо были выполнены до принятия решения о включении в словарь отдельной части с сокращенными обозначениями и позже перенесены из материалов основной картотеки словаря в картотеку сокращений, либо от такого рода выборки на каком-то этапе отказались по причине неинформативности иллюстративного

материала, ср.:

Военспец – «армию... приходится отдавать в руки военспецов» Ленин, Речь на съезде казаков

Главвода – Искусство коммуны 1919 г. «13 организационный комитет приглашены представители: Главвода...»

Губкурсы – «Доклад о Губкурсах инструкторов» (Выборы президиума) Вестник театра 1920 г.

Губэвак – «Предлагается всем без исключения великобрит. и франц. гражданам зарегистрироваться по месту жительства в Губэвак»

ках и Уездэваках своих губерний для немедл. отправки в Москву» (Вним. фр. и англ. гражд.-дан) Комм. Тр. 1920 №167

Гужналог – «Гужналоги, трудовони, – Сколько мудрости-то ноне!» Д. Бедный, «Абра-кадабра». Правда, 1921 г. №2/3

Несколько слов фиксируются в карточке только на карточках с примерами и не имеют определений, например:

Губком – «Затем идут представители Губкома (Р.К.П.)» Вестник театра 1920 г.

Губкурсы – «Доклад о Губкурсах инструкторов» (Выборы президиума) Вестник театра 1920 г.

Губнаробраз – «Заведующие музейными подотделами входят в состав коллегии Губнаробраза» (Музеи и Старина), Художественная жизнь 1920 г.

Губпресса – «Что писать о кооперации в губпрессе?» (Заголовок статьи) – (428-9) Красн. Журналист, 1921 №7-9

В одном случае такое слово имеет грамматический комментарий:

Главмыло только ед. число (сокращение) – Луначарский: «...они почти все устроились, эти господа капиталисты. Гаммер в Главмыле.» Канцлер и слесарь X 84

На стандартных карточках с определениями при некоторых сокращениях приводятся их варианты, например:

Военвед или **В.В.** – Военное Ведомство

Всеукраиздат (**В.У.И.**) – Всеукраинское Государственное Издательство

Вышсовнархоз (**ВСНХ**) – Высший Совет Народного Хозяйства

Г.К.Г.С. – Главкомсогор – Главный Комитет Государственного Строительства

Чусоснабарм или **Чусо** – Чрезвычайный Уполномоченный Совета Труда и Оборона по снабжению Армии

– или содержится указание на возможность варьирования части слова, например:

Пусиб ... (турк.) – Полит. управление Сибирского Военн. округа (Туркестанского)

Облфонд (**Цефонд**, **Губфонд**) – Областная Комиссия по фондам заработной платы

Часть обозначений состоит из двух или более слов, например:

Администрупр РВСР – Админ.-Учетное Управление Революционного Военного Управления Республики

Наморси Черноаз – Начальник морских сил Черного и Азовского морей

Паромеханик ВСНХ – Центральное правление государственных паровозо-ремонтного и механических заводов

Полпред Грузии – Полномочный представитель Грузии

Если возможны варианты, то имеется указание на варьирующуюся часть такого обозначения, например:

ВКО (Губ., Обл.) – Губернский или Областной отдел Военно-Кооперативного Управления Центросоюза

Диспотел (назв. города) – Дислокаторское отделение при местной почтово телеграфной конторе

Диспоч (название города) – Дислокаторское отделение при почтовой конторе (оседлой)

По (Зап., Сиб.) – Политический Отдел Р.В.С. фронта

В составе картотеки есть несколько омонимичных обозначений с толкованиями:

Кожсырье – Ацк. общ. для внутр. и внешней торговли Кожсырьем

Кожсырье – Кожвенное сырье

Комтруд – «Коммунистический Труд» -- газета

Комтруд – Комиссар труда

Мосторг – Торговый отдел М.С.Н.Х

Мосторг – Управление Торговли Москов. Совета Народного Хозяйства (МСНХ)

Нацмен – Национальное меньшинство

Нацмен – Совет по делам просвещения национальных меньшинств

Рауспирт – Районное Управление винокуренными заводами

Рауспирт – Районное Управление спиртовой промышленности

Несколько слов, включенных в картотеку, по сути, сокращениями не являются. Это существительные, образованные от сокращений:

Генштабист – Лицо с образованием Академии Генерального Штаба

Рабфакист (факовец) – Студент рабочего факультета

Чекист – Сотрудник Чрезв. Комиссии (Ч.К.)

В одном случае есть указание на многозначность такого слова:

Нэпман – Последователь или продукт Новой экон. Политики

Некоторые слова, по-видимому, внесены в картотеку ошибочно:

Членство – Состояние членом к.л. союза, общества и т.д.

Картофелизация – Распространение

культуры картофеля

Представленные в картотеке сокращения тематически разнообразны. Это названия государственных органов и различных организаций, военная терминология, наименования лиц по должности или профессии, правовые понятия (*трудновинность*, *продналог* и т. п.), сельскохозяйственная терминология (*крупкот*, *семкартофель* и т. п.) и даже отдельные названия бытовых предметов (например: *носплаток*).

Состав сокращений, представленных в картотеке словаря, с позиций лингвистики

В современной лингвистической литературе сокращенные обозначения анализируются подробно и разносторонне, исследователями предлагаются их классификации с точки зрения производящей основы, внешнего оформления, грамматики, семантико-стилистических особенностей и т. п. [Алексеев 1979; Каледина, Ларичева 2009; Климас 2016; Сергеева 2013; Сизов 2018 и др.]. Подробное рассмотрение сокращений, представленных в картотеке сокращений «ленинского» словаря, не является целью данной публикации, однако представляется важным дать общий обзор состава этих сокращенных обозначений с позиций лингвистики.

Все представленные в картотеке сокращения можно разделить на пять групп.

В первую очередь, это образованные от словосочетаний инициальные аббревиатуры, которые могут быть записаны с точками после каждой буквы или без них:

АТА – Американское Телеграфное Агентство

В.Т.У.З. – Высш. Технические учебные заведения

КУБУ – Комитет по Улучшению быта ученых

МВТУ – Московское Высшее Техническое Училище

М.Х.Т. – Московский Художественный Театр

В большинстве случаев сделать однозначный вывод о том, какого типа аббревиатура – буквенная или звуковая, не представляется возможным, однако некоторые инициальные аббревиатуры записаны как обычные заголовочные слова: первая буква заглавная, остальные – строчные. Это позволяет предположить, что такие аббревиатуры читались как обычные слова,

и их можно рассматривать как звуковые:

Мосву – Московское Окружное Военно-Санитарное Управление.

Мосо – Московский отдел Соц. обеспечения

Увмуз – Управление учебных отрядов и школ воен. морских учебных заведений

Уска – Управление Связи Кр. Армии

Кроме того, при некоторых словах есть указания на их произношение:

В.Ц.И.К. – произносится: **Вцик**; – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

М.Ч.К. (Произносится: **Эмчека**) – Московская Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией

М.О.Г.Э.С. (произн. **Могес**) – Трест Государственных объединенных Электрических станций Московского района

П.У.Р. (Произн. **Пур**) – Политическое Управление Р.В.С.Р.

Ц.П.А.З. (произн. **Цепаз**) – Центральное Правление Артиллерийских Заводов

Ц.У.С. (произн. **Цус**) – Центральное Управление Снабжения при РВСР

В ряде случаев имеющееся при инициальной аббревиатуре указание на произношение по сути является указанием не инициального варианта сокращения:

Н.К.В.Д. (произн. **Наркомвудел**) – Народн. Ком-ат Внутренних дел

С.Н.К. (произносится **Совнарком**) – Совет Народных Комиссаров

Вторую, наиболее значительную по объему группу в составе картотеки составляют сокращения, образованные от словосочетаний путем слияния усеченных основ двух или более лексических единиц:

Волком – Волостной Комитет

Теревсат – Театр революционной сатиры

Главкомколхоз – Главный Комитет Коллективных хозяйств

Порядок следования усеченных основ в составе сокращения не всегда соответствует порядку следования слов в словосочетании, от которого сокращение было образовано:

Всебюркомвоен – Всероссийское Бюро Военных Комиссаров

Третью группу сокращений составляют слова, образованные сочетанием начальной части слова (или слов) с целым словом, например:

Агитпункт – Агитационный пункт

Воендорбюро – Военно-дорожное Бюро

Картрудкоммуна – Карельская трудовая коммуна

Кирреспублика – Киргизская Совет. Соц. Респ.

Обычно главное слово в сокращаемом словосочетании не сокращается и следует за сокращенной основой, независимо от порядка следования слов в словосочетании:

Дислошкола – Высшая Школа Дислокации при Управлении связи Красной Армии

Потельдоход – Доход от почтово-телеграфных операций

Судремонт – Ремонт судов

Однако в единичных случаях несокращаемое слово занимает в сокращении центральное положение, что делает такое сокращение сходным со словами, образованными сложением частей слов:

Автоскладарм – Автомобильный Склад Армии

Запасполкарм – Запасной полк армии

Метаскладтаон – Склад металлов тяжелой артиллерии особого Назначения

Четвертая группа – это сложносокращенные слова смешанного типа:

Замска – Заместитель Начальника Управления Связи Красной Армии

Замобовсу – Заведующий Мобилизационным отделом окружного Военно-Санитарного Управления

Закудел РВСР – Законодательный Отдел Управления Делами Революционного Военного Совета Республики

Мальцовправ ВСНХ – Правление госуд. заводов Мальцовского фабрично-заводского района (с. Дятьково Брянской губ.)

Мачмор – Московская авто-часть Морского ведомства

Совсероглаштаба – Совет Всеросс. Главного Штаба

В всех четырех группах сокращений отсутствует единообразие в сокращении одинаковых основ. Так, слово *военный* (-ая, -ое) может быть сокращено и как *воен* и как *во*, слово *начальник* – и как *на* и как *нач* и т. п.:

Воаптмаг – Аптечный магазин Военно-Санитарного Ведомства

Военстаж – Военный стаж

Гарамбулатория – Гарнизонная амбулатория

Гарнветлазарет – Гарнизонный ветеринарный лазарет

Нахозагештаб – Начальник хозяйственной части Академии Генерального Штаба

Начартбазарм – Начальник артиллерийской базы армии

В сокращениях могут быть представлены не все слова, составляющие полное наименование. В этом отношении наиболее интересными представляются сокращения, построенные по схеме слог+слово, где слово представляет собой краткое метонимическое обозначение той или иной организации:

Главметалл – Главное Управление Металлической промышленности

Главмех (ВСНХ) – Главное Управление предприятиями меховой промышленности

Главтабак ВСНХ – Главный табачный Комитет

Губкомдезертир – Губернская Комиссия по борьбе с дезертирством

Днепролес – Правление лесной промышленности бассейна Днепра

Раусахар – Районное Управление сахарной промышленности

Рауспирт – Районное Управление винокуренными заводами

Пятая группа сокращений в составе картотеки – это сокращения отдельных слов, усечения:

Казна – Главное Полевое Казначейство фронта

Спец – Специалист

Эвак – Эвакуационный пункт

Эта группа самая малочисленная.

Словари сокращений начала 1920-х гг. и картотека сокращений «ленинского» словаря

В своей книге «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926)» А. М. Селищев – один из тех, кто работал над «ленинским» словарем [Никитин 2016: 17], писал: «В России в 90-х и в начале 900-х годов было немного терминов, образованных посредством названия начальных букв *Эсдэ* или *эсдэк* и производные, *Эсэр* и производные, *цэка* (ЦК – центральный комитет партии). Сокращенное название усваивается и легальной партией конституционалистов-демократов: *кадэ* или *кад'ёт*. В ряде случаев такие сокращения применялись в России ради краткости, в деловых письменных и телеграфных сообщениях. Некоторые из этих сокращений входили в устную речь. <...> Этот способ образования терминов стал часто применяться во время войны:

главоверх – верховный главнокомандующий армией, *дарм* – действующая армия, *военмин* – военное министерство, *земгор* – земский и городской союзы. Еще сильнее такое образование стало применяться после революции 1917 года. И в политической, и в общественной, и в экономической жизни стали усердно прибегать к таким сокращениям. <...> В последние 2–3 года к таким сокращениям стали обращаться реже» [Селищев 1928: 46–47]. Таким образом, по наблюдению А. М. Селищева, наиболее активно процесс образования сокращений шел с 1917 по 1923 год. Надо отметить, что в свою книгу, посвященную особенностям языка этого периода, Селищев включает только в качестве примеров более двухсот сокращений с определениями. Неслучайно, что именно в 20-е гг. появляется новый вид словарей русского языка – словари сокращений.

Нам известны два словаря сокращений, опубликованные в 1924 году. «Словарь вошедших в обиход сокращенных названий» был издан во Владивостоке. Его издателем назван Н. Н. Серокузов, но составители словаря не указаны. В преамбуле к словарю анонимные составители пишут: «Слова эти созданы в огне революции, и в них сказались вся нервность и порывистость времени, все необычайное напряжение сил, когда мало двадцати четырех часов в сутки для работы и когда каждое громоздкое слово, каждая длинная надпись делаются лишними, ненужными и даже вредными». [Словарь сокращенных названий... 1924: 1]. Этот словарь включает около 1000 сокращений, в том числе такие, которые составители определяют как шуточные, например: *Совбарышня*, *Шуточное название канцелярской служащей (советская барышня)*. *Штраб*, *Штабной работник (шуточн.)*.

«Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений», опубликованный в Ташкенте, насчитывает около 600 сокращений, но составители словаря, также анонимные, предупреждают читателя, что «слова, имеющие одинаковые сокращения, не перечислены, а объяснено только это именно сокращение. Напр., вместо объяснения слов „автобаза“, „автосклад“, „автомастерская“ и т. д. – указано, что авто... – значит „автомобильный“» [Краткий советский словарь... 1924: 1].

В предисловии к «Краткому советскому словарю общеупотребительных сокращений» говорится, что он «является первым опытом издания такого рода в РСФСР» [Там же]. Однако годом раньше, в 1923 году, издательством Всероссийского комитета помощи инвалидам войны при ВЦИК Советов был опубликован «Словарь общеупотребительных сокращений „КОД“», составителями которого названы *Веров* и *Рубановский*. Словарь включает только сокращения на букву А – всего 71, поэтому трудно назвать его полноценным словарем. В «Предисловии» составители пишут, что предполагаются «повторные издания», и указывают на «несомненную пользу» словаря «при чтении газет, журналов, при сношениях с учреждениями, слушания лекций и докладов, а также в деловом и коммерческом обороте». Но в то же время они отмечают, обнаруживая чисто научную цель издания: «Как первая попытка собрать и систематизировать накопившийся за годы революции словесный материал, получивший распространение в жизни и печати, словарь этот, если и не будет иметь серьезного значения для истории языка и словообразования, то во всяком случае будет любопытной памяткой нашей эпохи для лингвиста» [Веров, Рубановский 1923: 3]. Очевидно, что составители «Словаря общеупотребительных сокращений „КОД“» выразили общую мысль языковедов того времени, наблюдавших лавинообразный рост количества сокращенных обозначений.

К моменту издания первых словарей сокращений создание обсуждаемой картотеки сокращений, по-видимому, уже завершилось, так как после 1923 года работа над «ленинским» словарем практически уже не велась. Сравнивая изданные в 20-е годы словари сокращений с материалами картотеки, можно отметить, что в картотеке зафиксировано существенно большее количество сокращенных обозначений, и сделано это было по источникам, часть которых датирована 1919 годом и ранее.

Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что картотека сокращений использовалась при создании толковых словарей, выходящих в 30-е годы. Признаком такого использования не наблюдается и при сопоставлении данных словарей

и картотеки. В Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР – втором издании словаря Я. К. Грота – А. А. Шахматова, первый выпуск которого был опубликован в 1932 году [Словарь... 1932], вошло значительное количество сложных слов с сокращенной первой частью. «Так, например, гнездо на АВИА- содержит 127 заголовочных слов. Для сравнения отметим, что в словаре Д. Н. Ушакова данное гнездо представлено 8 заголовочными словами, а в БАСе – 14 (с учетом слов внутри гнезд)» [Приемышева, Стукова 2020: 203]. В картотеке сокращений слов на *авиа*- всего шесть:

Авиабаза – *Авиационная База*

Авиадив – *Авиационный Дивизион*

Авиакурсы – *Авиационные Курсы*

Авиапарк – *Авиационный парк*

Авиапоезд – *Авиационный поезд-мастерская*

Авиашкола – *Школа Авиации Красного Воздушного Флота*

– из которых два (*Авиадив* и *Авиапоезд*) не входят в [Словарь... 1932], и ни одно не входит в [ТСРЯ 1935].

Литература

Алексеев, Д. И. Сокращенные слова в русском языке / Д. И. Алексеев. – Саратов : СГУ, 1979. – 328 с.

Антонов, В. П. Функционирования аббревиатур в художественном тексте (на примере повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД») / В. П. Антонов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – 2014. – № 3 (33), ч. II. – С. 24–28.

Веров. Словарь общеупотребительных сокращений «код» / Веров, И. М. Рубановский (сост.). – М. : Изд-во Всерос. ком. пом. инвалидам войны, 1923. – 8 с.

Каледина, А. В. Становление и развитие аббревиатурного способа словообразования / А. В. Каледина, Н. В. Ларичева // *Альманах современной науки и образования.* – Тамбов : Грамота, 2009. – № 8 (27). Ч. II. – С. 90–92.

Климас, И. С. Аббревиатуры в составе актуальной лексики русского языка / И. С. Климас // *Теория языка и межкультурная коммуникация.* – 2016. – № 3 (22). – С. 73–81.

Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений. – Ташкент : Центр. дет. комис. при Турцике, 1924. – 38 с.

Левашов, Е. А. Ленин и словари / Е. А. Левашов, В. П. Петушков. – Л. : Наука, 1975. – 109 с.

Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // *Русский язык в научном освещении.* – 2004. – № 1 (7). – С. 195–228.

Никитин, О. В. Забытая картотека (из лексикографической практики 1920-х гг.) / О. В. Никитин // *Седьмые Поливановские чтения : сб. ст. по матер. докл. и сообщ. конф. (Смоленск, 11–12 окт. 2005 г.). Ч. 1. Социолингвистика. Лексика и фразеология. Лексикография. Проблемы методики.* – Смоленск : СГПУ, 2005. – С. 209–220.

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // *Мир русского слова.* – 2016. – № 1. – С. 13–22.

Приемышева, М. Н. Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии / М. Н. Приемышева, Е. Г. Стукова // *Вопросы лексикографии.* – 2020. – № 17. – С. 195–212.

Семериков, А. В. Из истории академической словарной картотеки / А. В. Семериков // *Лингвистические источники. Фонды Института русского языка.* – М. : Наука, 1967. – С. 281–316.

Выводы

Не вызывает сомнения, что картотека сокращений, хранящаяся в архиве Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН, представляет собой уникальный материал для изучения словообразования и истории русского языка. Если бы эти архивы в свое время были изданы, в составе словаря или отдельно, мы имели бы наиболее ранний и полный словарь сокращений послереволюционной эпохи.

Эту картотеку стоит в будущем рассматривать и в другом ключе – как оригинальный социолингвистический эксперимент, закрепивший в сознании современников «языковой вкус эпохи». Ее тенденции, отраженные в языковой практике, свидетельствуют о тех новых культурных процессах, которые смещали облик языка старого времени в сторону кодификации идеологии. Наши находки не только интересны с лингвистической точки зрения. Картотека – это своего рода семиотический феномен, черты которого проявлялись и в литературе, и в искусстве, и в словесном творчестве в целом.

- Селищев, А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926) / А. М. Селищев. – М. : Работник просвещения, 1928. – 248 с.
- Сергеева, Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2-х ч. Ч. II. – С. 174-179.
- Сизов, Н. С. Проблема изучения лексических сокращений (аббревиатуры) в русском языке : теоретические аспекты / Н. С. Сизов // Слово и текст : психолингвистический подход. – 2018. – Вып. 19. – С. 24–28.
- Словарь вошедших в обиход сокращенных названий. – Владивосток : Н. Н. Серокузов, 1924. – 58 с.
- Словарь русского языка, составленный Комиссией по русскому языку Академии наук СССР. Т. 1: А–Ажно. – Новое переработанное и дополненное издание. Вып. 1. – Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1932. – II стр. + 224 стлб.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.

References

- Alexeev, D. I. (1979). *Sokrashchennye slova v russkom yazyke* [Abbreviated Words in the Russian Language]. Saratov, SGU. 328 p.
- Antonov, V. P. (2014). Funktsionirovaniya abreviatur v khudozhestvennom tekste (na primere povesti G. Belykh i L. Panteleeva “Respublika SHKID”) [The Functioning of Abbreviations in Artistic Texts (on the Example of the Story “Republic SHKID” by G. Belykh and L. Panteleev)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. № 3 (33), vol. II, pp. 24-28.
- Kaledina, A. V., Laricheva, N. V. (2009). Stanovlenie i razvitie abreviaturnogo sposoba slovoobrazovaniya [Formation and Development of the Abbreviation Method of Word Formation]. In *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Tambov, Gramota, № 8 (27). Vol. II, pp. 90-92.
- Klimas, I. S. (2016). Abreviatury v sostave aktualnoi leksiki Russkogo yazyka [Abbreviations in the Composition of the Actual Vocabulary of the Russian Language]. In *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. № 3 (22), pp. 73-81.
- Komissiya po russkomu yazyku Akademii nauk SSSR (1932). [Commission on the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR]. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Pt. 1. Leningrad, USSR AS. 224 p.
- Kratkii sovetskii slovar' obshchepotrebitel'nykh sokrashchenii* (1924). [Short Soviet Dictionary of Common Abbreviations]. Tashkent, Tsentr. det. komis. pri Turtsike. 38 p.
- Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1975). *Lenin i slovari* [Lenin and Dictionaries]. Leningrad, Nauka. 109 p.
- Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya “Ushakovskogo slovary”) [The Forgotten Pages of the Russian Lexicography of 1920s (Prehistory of the Ushakov Dictionary)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 1 (7), pp. 195–228.
- Nikitin, O. V. (2005). *Zabytaya kartoteka (iz leksikograficheskoi praktiki 1920-kh gg.)* [The Forgotten Card Index (from the Lexicographical Practice of the 1920s)]. In *Sed'mye Polivanovskie chteniya: Sb. st. po mater. dokl. i soobshch. konf. (Smolensk, 11–12 okt. 2005 goda). Part 1. Sotsiolingvistika. Leksika i frazeologiya. Leksikografiya. Problemy metodiki*. Smolensk, SGPU, pp. 209–220.
- Nikitin, O. V. (2016). *Zabytaya kartoteka, ili sud'ba russkogo “Lyarussa”* [The Forgotten Card Index, or the Fate of the Russian ‘Larousse’] In *Mir russkogo slova*. № 1, pp. 13–22.
- Priemysheva, M. N. Stukova, E. G. (2020). Akademicheskii “Slovar russkogo yazyka” pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929-1937 gg.) v istorii russkoi tolkovoi leksikografii [The Academic Dictionary of the Russian Language (1929–1937) Edited by N. S. Derzhavin in the History of Russian Explanatory Lexicography]. In *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. № 17, pp. 195–212.
- Selishchev, A. M. (1928). *Yazyk revolyutsionnoi epokhi. Iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917-1926)* [The Language of the Revolutionary Epoch. From Observations on the Russian Language in Recent Years (1917-1926)]. Moscow, “Rabotnik prosveshcheniya”. 248 p.
- Semerikov, A. V. (1967). Iz istorii akademicheskoi slovarnoi kartoteki [From the History of the Academic Dictionary Card Index]. In *Lingvisticheskie istochniki. Fondy Instituta russkogo yazyka*. Moscow, Nauka, pp. 281–316.
- Sergeeva, T. S. (2016). Abreviatura v sisteme leksicheskikh sokrashchenii [Abbreviations in the System of Lexical Abbreviations]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota. № 6 (24): v 2-kh ch. Ch. II, pp. 174-179.
- Sizov, N. S. (2018). Problema izucheniya leksicheskikh sokrashchenii (abreviatury) v russkom yazyke: teoreticheskie aspekty [The Problem of Studying Lexical Abbreviations (Abbreviations) in the Russian Language: Theoretical Aspects]. In *Slovo i tekst: psikholingvisticheskii podkhod*. № 19, pp. 24-28.
- Slovar' voshedshikh v obikhod sokrashchennykh nazvaniy* (1924). [Dictionary of Common Abbreviated Names]. Vladivostok, N. N. Serokuzov. 58 p.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935). *Tolkovyi slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, OGIz. Vol. 1.

Verov, Rubanovsky, I. M. (Eds.). (1923). *Slovar' obshchepotrebitel'nykh sokrashchenii "kod"* [Dictionary of Common Abbreviations "Code"]. Moscow, Izd-vo Vseros. kom. pom. invalidam voyny. 8 p.

Данные об авторах

Кузнецова Ирина Евгеньевна – научный сотрудник, соискатель, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

E-mail: kuznetsova4irina@rambler.ru.

Кузнецов Геннадий Алексеевич – лаборант, соискатель, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

E-mail: dzhutsov@gmail.com.

Authors' information

Kuznetsova Irina Evgenievna – Researcher, Postgraduate Student, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Kuznetsov Gennadii Alekseevich – laboratory Assistant, Postgraduate Student, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 23.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 23.10.2023; date of publication: 30.12.2023

УДК 821.161.1-6:811.161.1'374.3:811.161.1'28(091). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-271-287.
 ББК Ш33(2Рос=Рус)6-46+Ш141.12-420+Ш141.12-257+Ш141.12-03.
 ГРНТИ 16.21.21. Код ВАК 5.9.5

**ПЕРЕПИСКА Д. Н. УШАКОВА
 С В. М. ИСТРИНЫМ И Е. С. ИСТРИНОЙ 1921–1934 гг.**

Груздева Е. Н.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Санкт-Петербург, Россия)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7300-1840>
 SPIN-код: 6309-4836

Мызников С. А.

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9252-5407>
 SPIN-код: 4796-6667

Аннотация. В статье впервые публикуются и комментируются письма Д. Н. Ушакова академику В. М. Истрину, в которых освещались важные филологические проблемы: заседание историко-филологического факультета Московского университета, посвященное памяти академика А. А. Шахматова (1921 г.); деятельность Московской диалектологической комиссии (1921–1929 гг.); работа по подготовке проекта создания толкового словаря русского языка (1920-е гг.), которая не была завершена. Приводились также редкие данные о событиях тех лет, например, о том, какие доклады об А. А. Шахматове прозвучали; сообщалось об архивных разысканиях Д. Н. Ушакова по биографии академика; говорилось о роли А. А. Шахматова в организации Диалектологического атласа русского языка; в письме от 28 марта 1925 г. Д. Н. Ушаков извещал В. М. Истрина о найденной части рукописи «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского. Представляет большой интерес фактологическая основа данных материалов, показывающая, как в непростых условиях советской действительности происходила работа по изданию «Трудов Московской диалектологической комиссии». Упоминаются известные слависты – организаторы и участники научных проектов того времени: А. А. Буслаев, И. Г. Голанов, А. М. Пешковский, А. М. Селищев и др. Обнародованные факты свидетельствуют о тесных контактах руководства АН с московской группой по главе с Д. Н. Ушаковым. В заключение публикуются два послания Е. С. Истриной Д. Н. Ушакову 1934 г., рассказывающие в числе прочего о работе над орфографическим словарем русского языка. В последнем письме упоминается и готовившийся к изданию первый том «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. Публикуемые материалы пополняют историографию науки и могут использоваться для изучения отечественного языкознания довоенного периода и лингвоперсонологии.

Ключевые слова: история языкознания; Словарь русского языка; Московская диалектологическая комиссия; лингвистический эксперимент; лексикография; языковая личность

Для цитирования: Груздева, Е. Н. Переписка Д. Н. Ушакова с В. М. Истриным и Е. С. Истриной 1921–1934 гг. / Е. Н. Груздева, С. А. Мызников. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 271–287. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-271-287.

**CORRESPONDENCE OF D. N. USHAKOV
 WITH V. M. ISTRIN AND E. S. ISTRINA IN 1921–1934**

Elena N. Gruzdeva

Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences
 (Saint Petersburg, Russia)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0002-7300-1840>

Sergey A. Myznikov

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
 (Moscow, Russia)
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9252-5407>

Abstract. The article for the first time publishes and comments on the letters of D. N. Ushakov to Academician V. M. Istrin, which highlight important philological problems: a meeting of the Faculty of History and Philology of Moscow University dedicated to the memory of Academician A. A. Shakhmatov (1921); the activities of the Moscow Dialectological Commission (1921–1929); work on the preparation of a project to compile an explanatory dictionary of the Russian language (1920s), which was not completed. The letters also contain rare data about the events of those years, for example, what reports about Shakhmatov were delivered; about the archival research of Ushakov on the biography of the academician; about the role of Shakhmatov in the organization of the Dialectological Atlas of the Russian language; in the letter dated March 28, 1925, Ushakov informs Istrin about the found part of the manuscript of the “Etymological Dictionary of the Russian language” by A. G. Preobrazhensky. The factual basis of these materials is of great interest, showing how the work on the publication of the “Proceedings of the Moscow Dialectological Commission” took place in the difficult conditions of Soviet reality. The well-known Slavists-organizers and participants of scientific projects of that time are mentioned: A. A. Buslaev, I. G. Golanov, A. M. Peshkovsky, A. M. Selishchev, etc. The published facts testify to close contacts between the leadership of the Academy of Sciences with the Moscow group headed by Ushakov. In conclusion, the article presents two letters by E. S. Istrina sent to Ushakov in 1934. They inform about the work on the orthographic dictionary of the Russian language. The last letter mentions the first volume of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by Ushakov, which was being prepared for publication. The published texts fill a gap in the historiography of science. They can be used to study the Russian linguistics of the pre-war period and linguopersonology.

Keywords: history of linguistics; Dictionary of the Russian language; Moscow Dialectological Commission; linguistic experiment; lexicography; linguistic personality

For citation: Gruzdeva, E. N., Myznikov, S. A. (2023). Correspondence of D. N. Ushakov with V. M. Istrin and E. S. Istrina in 1921–1934. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 271–287. DOI:10.26170/2071-2405-2023-28-4-271-287.

Введение

Имя Д. Н. Ушакова стоит в одном ряду с самыми видными учениками филологов и историков золотого века русского филологии – Ф. Ф. Фортунатова, Ф. Е. Корша, Вс. Ф. Миллера, В. О. Ключевского. Их последователи – старшее и младшее поколения выпускников Императорского Московского университета – вступило на профессиональный путь на рубеже двух столетий, во время создания новых школ, кружков и научных экспериментов. Среди таких ученых разные по творческим идеям и дарованиям, но очень способные чувствовать слово исследователи, добившиеся большого признания в сообществе филологов. Это, в первую очередь, академик А. А. Шахматов – центральная фигура в науке тех лет. По широте исследовательских интересов, высоте духовных состязаний и глубине мысли его можно было бы сравнить с академиком Ф. И. Буслаевым. Затем Василий Михайлович Истрин, ученый-древник, знаток греческих рукописей, талантливый литературовед и организатор науки, ставший у руля ОРЯС в трагический и ответственный период – после смерти А. А. Шахматова. Рядом с ними младшие ученики – Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и др., которые продолжали традиции историко-

филологических, компаративистских, методологических исследований уже в новую эпоху – в 1920–1930-е гг. Этот период и сейчас остается для нас terra incognita в силу недостаточности сведений о реальных событиях того времени. Мы мало еще знаем о лингвистических сообществах и дискуссиях, о том, что происходило внутри академических институтов.

Переписка Д. Н. Ушакова с академиком В. М. Истриным и его женой Е. С. Истриной в какой-то мере восполняет эту лауну и дает возможность понять идейный смысл филологических исканий 1920–1930-х гг. Стоит заметить, что при наличии уже достаточного количества архивных публикаций и даже книг о жизни и деятельности А. А. Шахматова [Макаров 2000; Масальская 2012], Ф. Е. Корша [Баскаков 1989], А. М. Пешковского [Пешковский 2007], личность Д. Н. Ушакова заметно уступает им в области разработки архивного наследия и популяризации его идей¹, а потому

¹ Мы до сих пор знаем только один удачный опыт издания избранных трудов Д. Н. Ушакова с обстоятельной статьей М. В. Панова, предварившего эту книгу [Панов 1995]. Но и она почти не была основана на архивных материалах. В прежние годы неоднократно выходили воспоминания о Д. Н. Ушакове (см., например: [Бернштейн 1973]). В последние десятиле-

любая документальная информация об этом ученом и его контактах с другими филологами представляется нам ценной в контексте историографии отечественного языкознания.

Эпистолярный как историко-лингвистический источник

Вниманию читателей предлагаются всего 16 писем, но они настолько информативны, что оставляют яркую картину описываемых событий. В центре переписки находятся несколько крупных тем – чествование памяти академика А. А. Шахматова и подготовка мемориального сборника; текущая работа МДК и прежде всего проблемы ее финансирования; поиски возможности продолжить и активизировать подготовку Толкового словаря русского языка.

Д. Н. Ушаков на момент публикуемой переписки был уже широко известен своими работами по диалектологии, орфографии, орфоэпии, лексикографии и истории русского языка [История русской лексикографии... 1998; Никитин 2023; Опыт... 1915]. Его лингвометодическая деятельность также была на редкость разносторонней: отдельные работы Д. Н. Ушакова посвящены проблемам теоретической грамматики, педагогики, описательной фонетики, стилистики. А. А. Реформатский, оценивая творчество Д. Н. Ушакова, говорил: «Он был ученым, но он одновременно был и художником. Каждый его научный труд – это до некоторой степени художественное произведение... Он был и актером, декламатором, во всяком случае большим мастером устного живого слова» (цит. по изд.: [Панов 1995: 12]).

Первые письма рассказывают о желании филологов сохранить память об А. А. Шахматове – выдающемся ученом-слависте, педагоге и удивительном человеке. Обсужда-

ются проблемы, связанные с участием Д. Н. Ушакова и других московских коллег в подготовке Сборника ОРЯС, посвященного памяти А. А. Шахматова. Д. Н. Ушаков показал себя не только деятельным организатором, но и верным соратником: в документах говорилось о том, что он переживал за вдову академика (о пенсии, письмо 5). Показательно, что выпущенный через два года после смерти А. А. Шахматова сборник [Известия... 1922] включил не все статьи, упоминавшиеся в переписке. Так, работа А. А. Грушки скорее всего по идеологическим причинам, эмоциональности и трагической интонации автора так и не вышла и была опубликована много позднее [Басаргина 2015]. К сожалению, до сих пор не реализована поднятая в письмах идея создания музея академика А. А. Шахматова или «комнаты» его имени (письмо 2).

В 1903 г. Д. Н. Ушаков стал одним из организаторов Московской диалектологической комиссии, а также основным редактором её изданий. После смерти Ф. Е. Корша с 1915 г. он становится председателем МДК. Этот пост он занимал до ликвидации Комиссии в 1931 г. Важнейшим этапом в деятельности МДК стала публикация в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии» Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова [Опыт... 1915]. Впервые на карте было показано диалектное членение трёх восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского (а по терминологии того времени – великорусского, малорусского и белорусского наречий русского языка). Она стала отправной точкой для *научного* исследования ареалов распространения говоров и укрепила позиции Д. Н. Ушакова в лингвистическом сообществе как лингвиста-новатора.

В письмах говорится о работе с молодыми диалектологами, сообщаются планы продолжения печатания диалектологических программ (письмо 11) и их обработки. Часто сдержанный в выражении эмоций, здесь Д. Н. Ушаков раскрывается как ответственный руководитель, чьими заботами и трудами МДК жило все послереволюционное время. Показательно сюжеты о возобновлении после долгого перерыва сборника «Трудов МДК» и неожиданном переименовании издания (письма 10–13).

тия, однако, здесь наблюдается подъем интереса к личности Д. Н. Ушакова. Так, опубликована его переписка с Ф. Е. Коршем [Басовская 2016], вышли работы, по-новому оценивающие деятельность ученого в русле идеологических кампаний 1920–1930-х гг. и вносящие интересные факты к рассмотрению его биографии (см.: [Басовская 2023; Никитин 2004, 2012, 2016а, 2016б, 2023; Ольховская 2023; Северская 2023]). Впервые сотрудником Архива РАН был опубликован обзор личного фонда Д. Н. Ушакова [Селиванова 2023].

Письма информируют о постоянных хлопотах Д. Н. Ушакова, связанных с необходимостью пополнения библиотеки МДК. Интересен сюжет о выезде библиотеки МДК и самой Комиссии из стен Государственного исторического музея в 1929 г. (письмо 14).

В 1931 г., по представлению академика Н. Я. Марра, президиум Академии наук СССР принял решение о преобразовании Диалектологической комиссии в Диалектографическую комиссию при Институте языка и мышления. Ее главой и реформатором стал Н. М. Каринский. Эта перемена нанесла серьезный удар по традиции русской диалектологии, уводила ее в модное социологизаторство. Д. Н. Ушаков тяжело переживал ликвидацию Диалектологической комиссии, которой отдал почти три десятилетия своей жизни [Бернштейн 1973: 84].

В эпистолярии говорится также об одном интересном проекте 1920-х гг. — попытке создания толково-иллюстративного словаря русского языка (вроде «Ляруса»). Эти обстоятельства уже частично исследованы [Никитин 2004, 2012, 2016a], однако публикуемые материалы вносят новые факты о событиях тех лет. Начинания 1921 г. в отношении подготовки этого издания оказались обманчивы (письмо 3). За ними последовали годы упорной борьбы за возобновление работ над словарем, невзирая на мнение руководителей Главнауки о том, что это «невыгодное предприятие», на безуспешные поиски уже собранных материалов, на отсутствие надежных соратников в деле спасения от гибели картотеки, обнаруженной в конце концов в кладовых Главнауки (письма 6–7, 10)... Упрямая настойчивость Д. Н. Ушакова, разделяемая и В. М. Истриным, которого он информировал обо всех происшествиях, свидетельствует о заинтересованности ОРЯС в этом проекте и надежде его завершить.

Послания Е. С. Истриной 1934 г. упоминают уже о других событиях — о разработке норм корректорской правки и унификации письма, тесно связанных с вопросами орфографии, над которыми работал Д. Н. Ушаков (см. подробнее письмо 15). Здесь же пунктиром (письмо 16) делается намек на сложности в работе над «Толковым словарем русского языка» — продолжением порушенного чиновниками «Ля-

руса» в новом качестве. Д. Н. Ушаков и его соратники (Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский) в течение 1930-х гг. готовили первый в истории лексикографии *нормативный* толковый словарь литературного языка. Он насчитывал более 85 тысяч слов, что позволило показать основной состав общерусской лексики с начала XIX в. до конца 1930-х гг. XX в. Этот сюжет выходит за рамки публикуемых писем, но, учитывая все перипетии борьбы за «Ушаковский» словарь, нельзя не напомнить слова М. В. Панова о том, что под руководством Д. Н. Ушакова «был создан прекрасный памятник русскому языку XX в. и вместе с тем памятник подвижнической деятельности советских филологов новой эпохи» [Панов 1995: 10].

Переписка Д. Н. Ушакова с В. М. и Е. С. Истриными сохранилась далеко не полностью. В настоящем издании использованы письма из академических архивов: Архива РАН (Москва) и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. Согласно указаниям «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990), текст писем передается в современной орфографии и пунктуации. Сокращенные авторами части слов при восстановлении заключены в угловые скобки, незначительные вставки даются в квадратных скобках. Авторские подчеркивания сохранены и специально не оговариваются.

Переписка Д. Н. Ушакова и В. М. Истрина

1

6/III [1]921

Многоуважаемый Василий Михайлович!

27 февраля состоялось заседание И<сторико>-ф<илологического> фак<ультета> М<осковского> ун<иверсите>та, Об<щест>ва люб<ителей> рос<сийской> сл<овесности>, Моск<овской> диалект<ологической> комиссии, Лингвистического о<бщест>ва и О<бщест>ва истории и др<евностей> рос<сийских>, посвященное памяти А. А. Шахматова¹ по след<ующей>

¹ Смерть выдающегося лингвиста и литературоведа академика Алексея Александровича Шахматова (5(17).06.1864–16.08.1920) стала для русской филологии невосполнимой утратой и вызвала ряд воспоминаний и мероприятий, посвященных его памяти. Одно из

программе:

А. А. Грушка¹. Жизнь и смерть А. А. Шахматова.

Д. Н. Ушаков. А. А. Шахматов – историк русского языка.

Ю. В. Готье². А. А. Шахматов и русская история.

П. Н. Сакулин³. Научно-общественная деятельность А. А. Шахматова.

В. К. Поржезинский⁴. А. А. Шахматов как лингвист.

М. Н. Сперанский⁵. А. А. Шахматов – историк древней русской литературы.

Будучи всемерно готов исполнить Вашу просьбу (в письме от 1 декабря <1>920 г.) принять на себя посредничество в доставлении речей об А. А. Шахматове для упомянутой Вашей книги «Известий», я начал собирание текстов названных выше речей; собрав их, я подожду okazji для посылки их Вам, т. к. почтовое сношение считаю ненадежным. За это время поспеет еще один доклад (мой – об отношении А. А. Шахматова к Диалектологической комиссии, предназначенный для апрельского заседания Комиссии). Кроме того я пришлю один материал биографического характера, который, может быть, редакция найдет подходящим поместить в этой книжке, именно выписки из дела о присуждении А. А. Шахматову степени доктора русского языка и словесности, – дела, хранящегося в Московском университете архиве, – здесь между прочим текст факультетского отзыва о диссертации.

первых произошло в феврале 1921 г.

¹ Грушка Аполлон Аполлонович (1870–1929) – филолог-классик, профессор Московского университета (1907–1918) и ряда др. вузов.

² Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – историк, профессор Московского университета (с 1917), сотрудник Румянцевского музея (1908–1930).

³ Сакулин Павел Никитич (1868–1930), литературовед, преподаватель ряда московских вузов, активный либеральный общественный деятель.

⁴ Поржезинский Виктор Карлович (1870–1929) – лингвист, славист, возглавлял кафедру сравнительного языковедения и санскрита в Московском университете (1902–1921).

⁵ Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – историк литературы, славист, археограф, чл.-корр. Императорской АН (1902), профессор Московского университета (1906–1923) и др. вузов.

Справка в этом «деле» позволяет внести поправку в автобиографические сведения, сообщенные А. А. Шахматовым в Словаре членов Академии⁶: диспут происходил не «весною 1893 г.», а в субботу 12 марта 1894 г., что совпадает и с моими записями на экземпляре «тезисов», сделанными во время присутствия моего на этом диспуте.⁷ Кстати, я пришлю и текст «тезисов»; может быть и их надлежало бы напечатать: ведь эти бумажки обыкновенно теряются, и выводы, которые делал сам автор из своей диссертации, остаются неизвестными, если не были напечатаны в книге. – Желательно знать, когда предполагается выход этой книги «Известий». Будьте добры мне написать хотя бы для того, чтоб знать, что это мое письмо дошло до Вас.

Большая просьба – прислать 20 экземпляров Отчета Отделения за 1919 г.⁸ для Диалектологической комиссии на имя секретаря Ивана Григорьевича Голанова⁹ – 1-й Знаменский, 23, кв. 17 (не на имя Комиссии, а то возня на почте с доверенностью).

Нельзя ли Вас просить раздобыть для москвичей и прислать сколько возможно экземпляров книжки А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» издания Русского исторического журнала. Петр. 1920¹⁰ – на имя того же Голанова.

Преданный Вам Д. Н. Ушаков
Арбат, Никольский 19, кв. 1.

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 1.
Автограф. На обороте листа адрес: Петроград, Университетская наб. 5, кв 28. Академику Василию Михайловичу Истрину.

⁶ Речь идет об издании: [Материалы... 1917: 230–235].

⁷ Доклады, прозвучавшие на заседании 27.02.1921, и материалы к биографии А. А. Шахматова были изданы в томе «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук» за 1920 г. (см.: [Известия... 1922]), посвященном памяти ученого.

⁸ Имеется в виду: [Отчет... 1921].

⁹ Голанов Иван Григорьевич (1890–1967) – лингвист, ученик Д. Н. Ушакова, член МДК, редактор ее трудов.

¹⁰ Указанная монография вышла не в 1920, а в 1919 г. [Шахматов 1919].

2

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю с оказией

1. Повестку заседания 27/II [1]921
2. Речь А. А. Грушки
3. " Д. Н. Ушакова
4. " Ю. В. Готье
5. " В. К. Поржезинского
6. " М. Н. Сперанского.

Речь П. Н. Сакулина будет прислана дополнительно.

Что касается речи А. А. Грушки, то автор согласен на сокращения, которые редакция, по всей вероятности, найдет нужным сделать. Полный текст мог бы быть передан в Шахматовский музей (передавали, что учреждается «комната» его имени)¹.

7. Доклад П. А. Расторгуева² в другом заседании, именно Диалектологической комиссии.

8. Некролог из газеты «Сас»³ 31 сентября <1>920, написанный Р. О. Якобсоном⁴ (оставленный при Московском университете по русскому языку, учившийся и у Алексея Александровича Шахматова). Делайте с ним, что хотите.

9. Выбранный мной архивный материал.

Что касается моего доклада «А. А. Шахматов и Московская диалектологическая комиссия», прочитанного мной в Комиссии, но еще не вполне готового к печати, то пришлю его дополнительно⁵.

Наконец, 10, отчет в израсходовании Московской диалектологической комиссией ассигновки 1920 г. для передачи куда следует.

Желал бы иметь известие о получении всего этого.

10 экземпляров шахматовской рабо-

ты «Древнейшие судьбы» Комиссией получены. Глубоко благодарны. Передали, согласно Вашему желанию, экземпляры в университетскую библиотеку, в Исторический и Румянцевский музеи и в библиотеку Диалектологической комиссии, остальные — членам Комиссии.

Относительно корректуры поступите как найдете более целесообразным применительно к современным условиям сношений.

Вот какое дело есть у Диалектологической комиссии ко Второму отделению.

* Комиссия затеяла большую работу — составление Диалектологического атласа русского языка, в которой предполагал принять участие и покойный Алексей Александрович⁶. На атлас исходатайствованы деньги от Научного отдела Наркомпроса, которые будут выдаваться в виде ежегодного пособия. Об этом мы печатаем в отчете Комиссии Отделению.

Комиссия считала бы уместным довести о получении известных сумм на это дело до сведения Отделения с тем, чтобы предупредить, так сказать, возможность недоумения или сомнения в надобности пособия от Академии. Дело в том, что Комиссии дорого рассматривать пособие Академии как внешнее проявление моральной связи, и тяжело было бы отказаться от нее. Но кроме того, деньги Наркомпроса имеют специальное назначение, и мы не можем из них оплачивать очень многие статьи расхода, например приобретение книг, канцелярские, оплата заказанного портрета А. А. Шахматова^{**} и др. Таким образом лишившись академических денег мы, несмотря на немалые

^{*} Текст, в начале и конце отмеченный знаком *, взят синим карандашом в квадратные скобки (вероятно, В. М. Истриным).

⁶ Трудом членом МДК был выпущен первый «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии» [Опыт... 1915]. На карту были нанесены границы языков, наречий и говоров восточнославянских языков (русского, украинского и белорусского). Предполагая подготовить более подробный национальный диалектологический атлас, сотрудники МДК на рубеже 1910–1920-х гг. начали собирать материал для описания диалектных особенностей языка.

^{**} Слова *оплата заказанного портрета А. А. Шахматова* подчеркнуты синим карандашом.

¹ Речь А. А. Грушки не была напечатана в «Известиях ОРЯС» даже в сокращенном виде. Она сохранилась в Архиве и была опубликована почти 100 лет спустя: [Басаргина 2015: 24–40].

² Расторгуев Павел Андреевич (1881–1959) — языковед, специалист по русской и белорусской диалектологии.

³ «Сас» («Время») — чешская еженедельная газета, орган «народной» партии, выходила в Праге.

⁴ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) — лингвист, выпускник Московского университета, с 1920 г. работал в советском полпредстве в Чехословакии.

⁵ Это сообщение опубликовано не было.

деньги другого происхождения, оказались бы в большом затруднении. Довести до сведения Отделения об изложенном Комиссия считает своим долгом.*

Не откажите сообщить Ваше мнение об этом, а также, следует ли написать официальное отношение или же достаточно просить Вас заявить об этом.

Преданный Вам Д. Ушаков

Арбат, Никольский п. 19, кв. 1.

18/IV <1>921

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 3-4об. Автограф.

3

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Здесь был Ив<ан> Ив<анович> Гливенко¹, с которым я беседовал по поводу Словаря². Все устраивается хорошо, но я указал Ив<ану> Ив<ановичу>, что здесь работа может начаться только тогда, когда будет вполне оборудовано надлежащее помещение. Но для этого нужны деньги, которых в настоящее время у нас нет. Он обещал в скорости прислать. Но исполнит ли обещание? Потому повоздействуйте и Вы на благоприятное разрешение данного положения.

Уважающий Вас В. Истрин

21/IX [1921]³

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 16. Л. 2. Автограф.

4

Многоуважаемый Василий Михайлович!

¹ Гливенко Иван Иванович (1868–1931) – историк литературы, преподаватель ряда вузов, с 1921 г. – профессор Московского университета, заведующий Главнаукой Наркомпроса РСФСР (1921 – лето 1923).

² Речь идет о словаре современного русского языка (т. н. «Ленинского»). Летом 1921 г. для его подготовки была создана специальная комиссия во главе с руководителем Главнауки И. И. Гливенко. В ее состав входили Д. Н. Ушаков и его коллеги (см.: [Левашов, Петушков 1975: 60–67]). Члены оргбюро посчитали желательным привлечь к работе и петроградских лингвистов с их опытом и богатыми словарными фондами. Вскоре в северной столице была организована рабочая группа в составе Л. В. Щербы, С. П. Обнорского, П. Л. Маштакова и др. По-видимому, именно ее работой интересовался И. И. Гливенко у В. М. Истрина. Подробнее см.: [Никитин 2016а: 13–22].

³ В оригинале год отсутствует; датировано по смыслу письма.

Спасибо Вам за заботы о Диал<ектологической> комиссии (имею в виду Ваше письмо от 19/VIII о денежных затруднениях Академии).

Диал<ектологическая> ком<иссия>, как Вам известно из моих слов и из отчетов, получала субсидию из Акцентра⁴, сначала «на работы по атласу», а затем в виде оплаты должностных лиц. Ни разу эта субсидия не принесла нам пользы в той мере, как это можно было рассчитывать, судя по куче сначала тысяч, а потом миллионов рублей, так как ко времени получения денег всегда оказывалось, что миллионы обратились в тысячи, тысячи в нули и т. д. Эта игра нам надоела, и когда нам предложили представить смету на 1922 г., мы отказались, тем более, что сами же предлагавшие говорили при этом, что едва ли ученым обществам будут продолжены субсидии. Так мы и жили без субсидии не хуже, чем при субсидии, и спокойно бросали в корзину отношения Акцентра с предложением указать должностных лиц, представить отчет и т. д. Туда же бросили и внезапное, пришедшее, кажется, в августе предложение мне срочно указать число должностных лиц (платежных единиц) и их место в тарифной сетке с предупреждением, что если я к такому-то сроку не укажу, то эти лица(?) будут рассчитаны по «среднему тарифу». Вдруг нашего казначея спрашивают в финотделе: что же вы смету не даете? – Да мы, мол, без сметы... Ну вас! – Да как же? А мы вам деньги назначили на три единицы с июля... и все равно, хоть и сметы не дадите, а получить можете...

Вот Вы и подите! Почему с июля? Почему назначили? До сих пор, впрочем, этих денег мы не видали, а говорят на июль по 30 млн, да на август по 50...

Словом, получим ли мы их, нет ли, мы на все согласны. А что касается субсидии от Академии, то нам при таких журавлях в небе стыдно на нее и претендовать; мы только ценим и желаем продолжения этой связи и зависимости от Отделения, какие существовали до сих пор.

Весьма вероятно, что эту связь придет-

⁴ Акцентр – Академический центр – структурная часть Наркомпроса РСФСР, в 1921–1925 гг. осуществлявшая руководство научными и художественными учреждениями.

ся в недалеком будущем манифестировать пред «ВНУДелом»¹, и м<ожет> б<ыть> нам придется просить у Отделения какого-либо соответствующего удостоверения. Дело идет о перерегистрации ученых обществ. Мы в свое время не регистрировались как учрежденьице при учреждении, а не отдельное общество, и сейчас на том стоим. Так<им> обр<азом>, мож<ет> быть, по выяснении дела придется просить Отделение подтвердить «Внуделу», кто мы такие. Тогда не оставьте.

Преданный Вам Д. Ушаков

4/X [1]922

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 5–6.

Автограф.

5

Многоуважаемый Василий Михайлович!

По каким-то неисповедимым причинам до Вас не дошли счета и доверенности по Диал<ектологической> ком<иссии>, посланные Буслаевым², как он уверяет, дважды, согласно Вашим письмам. Это дело следует предать забвению. Диал<ектологическая> ком<иссия> в средствах не нуждалась и очень признательна Отделению за факт ассигнования пособия.

Еще в прошлом году мы не представили сметы в Акцентр, считая это бесцельным; однако прошлым летом, почему-то с июля (!), нам вдруг дали 3 «единицы»; потом «сократили штаты» и оставили одну. В текущ<ем> мае эта «одна» достигла около 500 р. Теперь получено извещение, что на осн<овании> решения Комиссии Совнаркома по пересмотру сети НКПроса «в дальнейшем финансирование Диалектологической ком<иссии> будет производиться Академией наук непосредственно». Что это может обозначать на деле и что у Вас известно по этому делу?

Большая просьба к Вам: в свое время я не получил 1-й кн<ижки> «Известий» за 1918 г. (2-я получена); не откажите при случае распорядиться мне выслать.

Недавно А. М. Селищев³ хлопотал о

¹ Распространенное сокращение от словосочетания «внутренних дел».

² Буслаев Алексей Александрович (1897–1965) – филолог, председатель Московского лингвистического кружка (1920–1922) – научного общества, работавшего при поддержке МДК.

³ Селищев Афанасий Матвеевич (1886–1942) – славист, лингвист, этнограф. Преподавал в Казанском универ-

пенсии вдове казанск<ого> проф. Петровского⁴ в Акцентре, и его после спросили, не знает ли он, получает ли пенсию вдова Шахматова. Он не знал. Дело идет о пенсии, назначаемой по представлению соотв<етствующего> Главка Совнаркомом. Какую пенсию получает Нат<алья> Ал<ександровна>⁵?

Наконец, еще одно дело. Вышла интересная, в смысле попытки изложения «синтаксиса словосочетаний» книга Петерсона «Очерк синт<аксиса> р<усского> яз<ыка>»⁶. Пешковский⁷ просит у Вас места в «Известиях» для обстоятельной рецензии на нее. Как обстоит дело с «Известиями» и найдется ли в ближ<айшее> время П<ешковско>му место?⁸

Искренне преданный Вам Д. Ушаков

13/VI [1]923

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 7–8
об. Автограф.

6

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

До нас дошли слухи, что Московский словарь приостановился и не восстановится. Даже более: будто у вас все не знают, что делать с материалом. Если все это так, то не выдадите ли материал нам, если не навсегда, то на время? Мы воспользовались бы из него для нашего Словаря⁹ тем, чего у нас недостает, т. е. выборкой из новейших писателей.

Как Вы об этом думаете?

Уважающий Вас В. Истрин

18.II.1924

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 16. Л. 1. Автограф.

ситете (1911–1921), с 1922 г. – в Москве.

⁴ Петровский Нестор Мемнонович (1875–1921) – филолог, историк славянских литератур; преподавал в Казанском университете (1901–1921); чл.-корр. Императорской АН (1917).

⁵ Шахматова Наталья Александровна (1870–1942) – вдова А. А. Шахматова.

⁶ Речь идет о книге: [Петерсон 1923].

⁷ Пешковский Александр Матвеевич (1878–1933) – лингвист, синтаксист и методист, специалист по стилистике русского языка, автор учебников.

⁸ Рецензия А. М. Пешковского вышла в другом журнале [Пешковский 1924: 242–246].

⁹ В Петрограде II Отделение Императорской АН продолжало издание многотомного толкового «Словаря русского языка», начатого еще в 1891 г. Я. К. Гротом, продолженного после него А. А. Шахматовым, а с 1910-х гг. и другими членами ОРЯС и филологами.

7

Многоуважаемый Василий Михайлович!

Словарь наш, действительно, как особое учреждение при Главнауке со сменой ее начальства¹, найден был невыгодным предприятием и Комиссией НКПроса закрыт, а материалы постановлено передать в Акад<емию> соц<иалистических> наук². Передача эта, однако, до сих пор не состоялась, и Соц<иалистическая> академия не выказывает никакой охоты принять этот дар³. Мысль передать туда принадлежит М. Н. Покровскому⁴, однако Соц<иалистическая> акад<емия> недоумевает о причине. Во всяком случае, распоряжение состоялось, но даже извещения о том Соц<иалистическая> акад<емия> не получала. Материал лежит опечатанный в Главнауке.

Но нельзя пока сказать, что работы в ином каком-либо виде не возобновятся. Желая сохранить материал и не теряя надежды как-нибудь продолжить работу, я сделал Научно-иссл<едовательскому> ин<ститу>ту языка и л<итерату>ры представление о возможности работать над Словарем сотрудникам Ин<ститу>та и вопрос оставался за тем, куда для этих целей поместить материал: в Соц<иалистическую> академию или в какой-либо музей. Как бы, впрочем, организовалась эта работа, я отчетливо себе еще не представляю; одно ясно, заняла бы она годы и годы...

Далее, перед самым получением мною Вашего письма от 18/II Коммерч<еский> отдел Госиздат'а заинтересовался Словарем и вступил со мной в переговоры о возможности его завершения и издания. Я потому и не отвечал Вам тогда же, что ждал решения Госизд<ат>а. Но вопрос затянулся, и я счел нужным Вам ответить о положении

¹ Летом 1923 г. руководителем Главнауки стал профессиональный революционер, государственный деятель (по образованию медик) Ф. Н. Петров.

² Социалистическая академия общественных наук (официальное название) была создана в 1918 г., в 1919 г. реорганизовалась в Социалистическую академию, а в 1924 г. – в Коммунистическую академию. Все эти учреждения были научно-исследовательскими и образовательными, призванными готовить новые, марксистские, кадры и разрабатывать науку, опираясь на марксистскую теорию.

³ Подробнее см.: [Никитин 2004: 209–210].

⁴ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – историк-марксист, организатор советской науки, глава «марксистской исторической школы» 1920-х гг.

дела, чтоб не задерживать, в предположении, что напишу Вам опять, когда дело в Госизд<ате> решится. Сейчас особая комиссия от Госизд<ата> должна ознакомиться с характером и достоинствами материалов, чтоб решить, стоят ли они того, чтоб на них тратиться. Но избранная неделя две тому назад комиссия к этому ознакомлению еще не приступала...⁵

Пользуюсь случаем сообщить Вам, что «Известий» и «Сборника» я еще не получал. После Вашего письма, где Вы предложили мне потерпеть, я сижу и терплю. «Известий» последняя книжка у меня т. XXIII (1918) № 1, есть еще конечно т. XXV, а «Сборника» последний том 94-й, да на днях взял себе из присланных Диал<ектологической> комиссии 99-й.

Простите, Бога ради, что я этим Вас беспокою и затрудняю. Я знаю, что это теперь гораздо сложнее, чем раньше. Человечья терпеливость, подожду, а Вы м<ожет> б<ыть> будете добры не пропускать случая поездок кого-либо из знакомых в Москву, чтоб прикинуть ему для меня книжку-другую.

Искренне преданный Вам Д. Ушаков
21/III [1]924

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169.
Л. 10–11 об. Автограф.

8

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Прежде всего благодарю Вас лично за хлопоты и за инициативу этих хлопот для Диал<ектологической> комиссии.

Разрешите попросить у Вас несколько разъяснений. Деньги, 25 р. в м<еся>ц, ассигнованы Комиссии или председателю ее? Т<о> е<сть> отчитываться в них необходимо указанием на председательскую работу или за всякую иную работу Комиссии? В первом случае, по-видимому, Председатель должен развивать необычайно разнообразную деятельность... Ведь не за председательствование же ему платить? Определение «работы» в первой расписке, по-видимому, не встречает возражений, поэтому в новую редакцию вношу только указание на время. Можно ли в следующих

⁵ Подробнее об этих событиях см. в указанных статьях О. В. Никитина, а также в его монографии [Никитин 2012].

писать то же самое или желательно разнообразие?

Издания Отделения получил вчера. Спасибо. Не дополучил лишь двух №№ тома 99 «Сборника»: мне прислали его не в сброшюрованном целом виде, а отдельными №-ами, и № 8 (Белецкий) и № 9 (Симоны, Список трудов Веселовского) не дослали. При случае, может быть, дошлют?

Наконец, последнее. 23/IX № 176 Председатель Диал<ектологической> ком<иссии> извещен, что Отд<еление> не имеет средств на оплату материала, предлагаемого Тростянским¹. Он мне после первого обращения в Комиссию не писал, не знаю получил ли он мое письмо и не знаю, послало ли ему Отделение том «Известий» 1920 г. (памяти Шахматова), о чем я просил.

Искренне преданный и уважающий Вас Д. Ушаков

19/XII [1]924

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 15–15 об. Автограф.

9

28/III [1]925

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Разыскали мы окончание рукописи покойного А. Г. Преображенского² «Этимологический» словарь рус<ского> языка». Издательство Думнова не беретса доиздать³. Материала на 2–3 выпуска (применяясь к ранее выпущенным 14-ти), листов всего 10–12. Нельзя ли исхлопотать у Академии на это предприятие средств?⁴

Преданный Вам Д. Ушаков

Москва, Сивцев-Вражек, 38, кв. 1

(NB, Адрес это не новый, а все тот же, а так как Никольский переименован в Плотников, а письма, адресованные в «Никольский» носят то на Никольскую, то в оба

¹ Тростянский Владимир Иванович (1877–?) – сельский учитель, собиратель диалектологических материалов Воронежской губернии, информант А. А. Шахматова.

² Преображенский Александр Григорьевич (ок. 1850–1918) – лексикограф, педагог, учитель русской языка IV московской гимназии, в которой учился Алексей Шахматов, автор учебных пособий для начальной и средней школы.

³ Словарь издавался с 1910 по 1916 гг. (14 выпусков) и остановился на слове *сумя*. Окончание (буквы Т-Я) вышло много позднее [Преображенский 1949].

⁴ Этот проект в 1920-е гг. не был реализован. Последний, завершающий, выпуск словаря вышел в 1949 г.

Николо-Песковские переулка или в Криво-Никольский, и наконец, так как подъезд мой выходит в Сивцев Вражек, то я решил «графически» переехать, оставаясь фактически на том же месте).

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 17–17 об. Автограф.

10

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Как снег на голову приятная весть о 10 листах⁵. У нас материала много, больше гораздо, чем на 10 листов, но «немедленно» ничего представить нельзя. Просим сроку месяц, чтоб все сдаваемое на 10 л<истов>, привести в вполне приличный вид. Мы желали бы, чтоб это был 9-й выпуск трудов М<осковской> диал<ектологической> ком<иссии>. Как он будет выпущен, отдельно ли, в «Сборнике» ли или иначе как, – напишите, пожалуйста, о Ваших предположениях.

В состав выпуска войдут: краткий отчет о деятельности Комиссии за второе десятилетие (1915–1924), программы для собирания особенностей говоров: великорусских (вторая переработанная редакция), белорусских и малорусских (впервые); несколько небольших докладов – описаний говоров (отчеты о поездках) и, наконец, главное – продолжение «Свода материалов Комиссии, серия 2-я», т. е. обработка отчетов на наши программы. Этого у нас сколько хотите, и поэтому можно оборвать материал где угодно, чтоб дать ровно 10 л<истов>.

Кроме этих, наших вполне, материалов у нас есть еще много обработанных ответов на академические большие программы по Сибири; при желании, в сравнительно недолгий срок можно бы отработать все сибирские академические программы. Словом, можно было бы выпустить 11-й выпуск «Материалов по велико-рус<ским> говорам». Это, конечно, все 10 л<истов>, отведенные Комиссии. Как Вы на это смотрите?

Наконец, по вопросу о материалах московского Словаря литературного языка. Воз и поныне там..., если возом считать

⁵ По-видимому, МДК получила известие о подготовке продолжения издания «Трудов МДК», превратившегося после 1919 г., с просьбой срочно представить рукописи на 10 печатных листов.

самые карточки: они и поныне пребывают в кладовой Главнауки (если не исчезли), хотя постановлением НКПроса, закрывшего Словарь, они должны были быть направлены в Социалистическую академию. Академия эта до сих пор и извещения о том не получила. Вы мне писали в <19>24 году о возможности переправить этот материал в Петербург, в Академию, чтоб спасти от гибели. Я тогда просил подождать, так как Госиздат тогда вдруг загорелся желанием закончить и издать этот словарь. Я приглашен был подать докладную записку, смету и проч., что я и сделал. Было принято и была избрана Комиссия, которая должна была познакомиться с материалом и которая... так и не приступила к работе (один из ее членов, Брюсов¹, успел и умереть). Но еще гораздо раньше я, чтоб спасти материал, предложил здешнему Научно-исследовательскому институту языка и литературы, в котором я состою председателем лингвистической секции, – взять из Главнауки и приютить его у себя, в надежде, что может быть когда-нибудь исподволь мы что-нибудь с ним сделаем. Так или иначе работа по этому словарю стала считаться входящей в коллективную работу секции. Но для нее ничего еще не сделано, и материал еще, как я сказал, лежит где-то в Главнауке. В настоящее время, когда у Ассоциации институтов² оказались какие-то ассигнования, опять поднялся вопрос о Словаре и потребных суммах на его довершение. Я все-таки поговорил сегодня с представителями Коллегии института о том, что не вернее ли было материал этот исхлопотать и отослать в Петербург в Академию. У меня сложилось такое впечатление от разговора: если бы Академия наук взяла на себя работу по составлению этого словаря литературного языка, то материал был бы послан, а посылать только

¹ Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт-символист, в советское время работал в Наркомпросе, Госиздате и др. учреждениях, участвовал в литературной и издательской жизни Москвы.

² Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (АНИОН) была создана в 1924 г. с целью взять под контроль деятельность научных учреждений, их общественную и идеологическую направленность. В 1930 г. волилась в Коммунистическую академию.

так сказать для сдачи в архив нежелательно.

Любопытно, что мы все говорим о материале, который формально принадлежит Главнауке, которая не знает, что Госиздат имел на него виды, не знает, что наш Институт мечтает ими заняться, не знает, что Академия наук считает целесообразным приобщить его к своим материалам. Собственно говоря, нелишне бы спросить, как он, хозяин, предполагает распорядиться им. Впрочем, этот хозяин юридически, может быть, и не хозяин: ведь постановление НКПроса – то есть о передаче этого материала Социалистической академии... Но и эта последняя хозяйка не знает об этом, так как никакого уведомления ниоткуда не получала.

Преданный Вам Д. Ушаков

15/X [1]925

Сивцев Вражек, 38

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 19–21 об. Автограф.

II

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Печатание диалектологических программ Отделение, видимо, связывает с вопросом об их распространении. Нам просто хотелось напечатать давно готовый труд, чтоб не пропал. Однако относительно великорусских было бы желательно отпечатать известное, немалое, количество оттисков для рассылки и раздачи. Об этом я забыл Вам написать. Не откажите уведомить меня, на каких условиях они могли бы быть отпечатаны. Может быть, придется программы вовсе не печатать и подождать случая другого. Предложений нам было несколько. Год тому назад бело-русский Наркомпрос хотел напечатать нашу бело-русскую программу, взял текст, но ничего не слышно об ее выходе. Куряне перепечатали южно-велико-русскую программу. Иваново-Вознесенские краеведы взяли текст северо-велико-русской. Пока ничего для нас путного не вышло, кроме курских программ³, которые мы взамен своих иногда и даем, – но может быть когда-нибудь и выйдет. Если не будем печатать программы, то зайдем место сводками.

Относительно материалов по Словарю надо сказать, что настоящий момент, мо-

³ Имеется в виду: [Программа... 1921].

жет быть, недостаточно благоприятный для Академии. Сейчас Институт как раз затеял это дело с Главнаукой, и Главнаука не будет знать, что ей делать, кого предпочесть. Если б Академии удалось доказать, что из институтской затеи ничего не выйдет (недостаток средств и т. д.), тогда другое дело, но поверят ли доказательствам?

Кстати (и даже очень кстати): материалов Главнаука до сих пор не может найти...*

Преданный Вам Д. Ушаков

Р. С. Октябрьские деньги для Д<иалектологической> ком<иссии> задержались, вероятно, по случаю «нового» сметного года?

7/XI [1]925

Сивцев Вражек, 38.

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 23–23 об. Автограф.

12

9/V [1]926

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Идет набор «Трудов Д<иалектологической> к<омиссии>». Нам дано, как Вы сообщали, 10 листов. Я пишу в Издательство АН о том, что если материала не хватит на 10 листов, то мы сейчас же дошлем продолжение.

Нельзя ли подумать о некотором, минимальном, авторском гонораре? Или не следует об этом думать? В общей сложности рублей 400–500 (максимум) очень бы подняли дух наших молодых авторов. Это я пишу так, что называется, «на всякий случай», т. е. на тот случай, если б вдруг оказалась непредвиденная возможность: ведь наши 25 р. в месяц тоже появились вдруг, неожиданно.

Преданный Вам Д. Ушаков

Сивцев Вражек, 38

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 25. Автограф.

13

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Прислали мне 1-й сверстаный лист «Трудов» с неожиданным изменением нашей так сказать фирмы... Оказывается наша Комиссия – не Московская диалектологическая, а Постоянная по диалектологии русского языка... Как это случилось и

зачем? Восемь выпусков наших Трудов, на которые ссылаются постоянно диалектологи, именовались Трудами М<осковской> диал<ектологической> ком<иссии>, а 9-й будет носить иное имя? Это чрезвычайно неудобно. Конечно, «М<осковская> д<иалектологическая> к<омиссия>» – это название, возникшее на практике взамен официального (Протокол ОРЯС об учреждении комиссии) «Комиссия для составления диалектологической карты великорусского языка», но, как видите, новое название, явившееся в последней корректуре, оказывается третьим именем, не совпадающим ни с ходячим, ни официальным.

Нельзя ли Комиссии присвоить утвердившееся за ней ходячее название? Если почему-либо не годится «Московская (?)», то м<ожет> б<ыть> просто «Диалектологическая комиссия»? Если перемена – плод бесповоротного решения, то необходимо в заголовке, в титуле прибавить в скобках «Моск<овская> диал<ектологическая> комис<сия>»¹.

Если не минует нас чаша сия – переименование, – то не откажите сделать распоряжение в издательство об этой прибавке в скобках.

Я подписал к печати 1-й лист с оговоркой о том, чтоб запросили Вас.

Преданный Вам Д. Ушаков

10/VI [1]926

Сивцев Вражек, 38.

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 26–27. Автограф.

14

Глубокоуважаемый Василий Михайлович!

Ежемесячное пособие, получаемое Диал<ектологической> комиссией, идет на оплату разных работ, которые Вы любезно обозначаете на подписанных нами бланках. Фактически эти деньги идут не только на подобные работы, а и на другие нужды и прежде всего на оплату расходов по устройству заседаний.

В настоящее время мы произвели много таких «других» расходов (пока из заимообразно взятых средств) в связи с перевозкой нашей библиотеки из Историч<еского> музея в помещение Лингви-

* Предложение обведено в рамку красным карандашом.

¹ Во всех последующих изданиях «Трудов» на титуле такая прибавка в скобках была сделана.

стич<еского> кабинета 1-го унив<ерситета> (б<ывшее> Синодальное училище на Никитской)¹, и будем погашать наш долг получениями из Академии. Нельзя ли и в расписках наших обозначать эти действительные расходы, оправдывая их счетами?

Расходы таковы:

Перевозка книг и шкафов – 43 р.

Переплет книг – 40 р.

Приведение в порядок шкафов и книг (чистка и т. п.) – 3 р.

Составление карточек на вновь поступившие книги – 12 р.

Продолжение инвентаря (с 1924 г.) – 4 р.

Проверка книг – 6 р.

Кроме того, на устройство заседаний в текущем сезоне понадобится 16 р.

Кстати – история такова. Когда Истор<ический> музей неимоверно разросся, в канцелярии, где мы собирались и где стояло наше имущество, стало тесно, и наши шкафы без нашего ведома унесли в недра музея. Лет пять мы не пользовались библиотекой и даже не могли ставить в нее новые поступления. Разные формы пользования библиотекой придумывались и отвергались, и с убылью из состава служащих музея лиц, так или иначе связанных с диалектологией и Комиссией, ничего придумать оказалось уже нельзя. Мы давно перестали собираться в музей и наконец, совсем с ним расстались. За пять лет стояния шкафов с книгами в неподходящем месте они пришли в состояние, требующее ремонта и чистки, а библиотека – в состояние, требующее новой (частично) каталогизации.

Так вот можно ли деньги тратить не на ученые работы, а на изложенные нужды?

Искренне преданный Вам Д. Ушаков

31/X [19]29

Москва, Сивцев Вражек 38.

СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 169. Л. 28–29 об. Автограф.

Письма Е. С. Истриной Д. Н. Ушакову

15

10.III.[1]934

Глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Недавно состоялось у нас заседание той Комиссии по вопросам урегулирова-

ния корректорской правки, а отсюда и вообще унификации письма, а частью и изношения (поскольку оно передается в разного рода справочниках: современный – современн<ый>), о которой мы с Вами беседовали в Москве. С. П. Обнорский² сделал очень обстоятельный доклад, систематизировав разнообразные случаи разнобоев в написаниях. Доклад намечен к печати. Доклад и резолюции Комиссии по докладу пойдут в следующие академические инстанции и по ним будут сделаны постановления предположительно в марте-апреле. А. С. Орлов³, возглавляющий Комиссию, развертывает широкие перспективы дальнейшей работы, не столько в смысле составления справочников, сколько в смысле работы по принципиальным установкам. К работе привлечены и полиграфы.

На заседании я поставила вопрос об увязке работы с работой по Вашему орфографическому словарю и о привлечении Вас в Комиссию. Последнее встретило общее сочувствие. Что касается первого, то А. С. предложил мне сделать ему письменное сообщение в форме письма о всем, что мне известно по этому вопросу, и внести в него свои предложения об увязке работ. А я прошу Вас дать мне для этого более точные сведения и высказать Ваши пожелания, – словом дать мне материал для письма, которое бы удовлетворяло Вас. Прошу Вас очень сделать это в ближайшие дни. А. С. предполагает на основе письма беседовать с В. П. Волгиным⁴.

Жму Вашу руку.

Преданная Вам Е. Истрина

Пишу несколько в гипспозном состоянии, но авось не очень беспозложно.

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 17. Л. 1–1 об. Автограф.

² Обнорский Сергей Петрович (1888–1962) – лингвист, историк языка, преподаватель ряда вузов Петрограда-Ленинграда, чл.-корр. АН СССР (1931).

³ Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – литературовед, чл.-корр. (1921), академик (1931) АН СССР, профессор Московского университета (1918–1930); с 1931 г. переехал в Ленинград, зам. директора ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР (1930–1944).

⁴ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – советский историк, профессор Московского университета (1919–1930), член Государственного ученого совета (1919–1929), академик АН СССР (1930), непреходящий секретарь (1930–1935).

¹ Здание Синодального училища церковного пения в 1923 г. было передано Московскому университету (само учебное заведение вошло в консерваторию).

16

Что Вы, Что Вы, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич! Вижу, что Толковый словарь совсем замучил Вас своими корректурами, и Вы чуть ли не готовы отказаться от орфографического... Об этом и речи не может быть. Вы там уж сработались, столковались и столько уже работали! Вам писал Сергей Петрович¹, что предполагается в конце апреля на Сессии его орфографический доклад, – с приглашением специалистов, от них же первый есть Д. Н. Ушаков. С. П. мечтает вызвать и А. И. Томсона², но в реальности этих его мечтаний я немножко сомневаюсь.

Во что все это реально выльется в Академии я тоже пока себе не представляю.

За Ваши исчерпывающие сведения душевно Вам благодарна.

Может быть увидимся еще в Москве, до Вашего приезда сюда на сессию АН, – если я только не погибну совсем в ближайшие дни от сильнейшего переутомления, к[отор]ое приходится преодолевать – для того, чтобы чувствовать ее (*sic!*) еще больше. Но – авось увидимся.

Жму крепко Вашу руку. Е. Истрина
26. III. [1]934

Р. С. «Грип(п)озная» часть Вашего письма – чудесная! Вот Вам маленький материал на эту тему: ко мне недавно обратились за консультацией, в защиту рабфаковца, которому решили уменьшить стипендию (кажется, не совсем лишить ее) за то, что он написал: *амля...*, причем ретивый не в меру педагог потрясал словарем Шапиро³...

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Д. 17. Л. 2–2 об.
Автограф.

Заключение

Представленные документы отражают противоречивые страницы становления советского языкознания и в целом отечественной науки послереволюционного периода. Можно сказать, что со смертью академика А. А. Шахматова, последнего

председателя ОРЯС Императорской АН, заканчивается период расцвета филологических исследований в русле фортунаговских традиций и начинается этап новых идей, перевернувших представления о ценностях знания и отвергавших традиционный компаративизм (Н. Я. Марр и его сторонники), иных авторских экспериментов и лексикографических проектов, какими были неизданный толковый словарь 1920-х гг. и фундаментальный четырехтомник – ушаковский тезаурус – первый *нормативный* словарь филологического типа советской эпохи. Еще вплоть до конца 1920-х гг. и значительно меньше в 1930-е в АН сохранялся *status quo*: продолжал издаваться «Словарь русского языка» Грота-Шахматова в новой редакции, сузились, но были возможны публикации на историко-культурные темы (например, вышел трехтомник академика В. М. Истрина «Книги времена и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе» (Пг.; Л., 1920–1930. Тт. 1–3)), ОРЯС могло финансировать свои направления, одним из которых была Московская диалектологическая комиссия. Но вскоре многие начинания были свернуты и прекращены.

Тем не менее работа старшего поколения лингвистов, к которым относились упоминавшиеся в переписке А. С. Орлов, В. М. и Е. С. Истрины, А. М. Селищев, А. М. Пешковский, А. И. Томсон, Д. Н. Ушаков, Л. В. Щерба и др., продолжалась вопреки вызовам времени. Публикуемые материалы показывают, насколько энергично обсуждались в письмах текущие проблемы науки и какое место в них занимали события, в которых активно участвовал Д. Н. Ушаков. Кроме уже отмечавшихся нами, мы хотим обратить внимание на факт нахождения рукописи «Этимологического словаря» А. Г. Преображенского, борьбу Д. Н. Ушакова за сохранение штатов и прежнее, устоявшееся название МДК и др. Мы обсудили ключевые темы эпистолярия. Пунктиром идут не менее важные и интересные сюжеты о личностях филологов и их судьбах. Но все же центральной фигурой эпистолярия является Д. Н. Ушаков. Не будет преувеличением повторить вслед за М. В. Пановым, что «по широте своей деятельности, по значительности ее, по принципиальному научному влиянию своих трудов на культурную жизнь Д. Н. Ушаков был

¹ Здесь и далее имеется в виду С. П. Обнорский.

² Томсон Александр Иванович (1860–1935) – лингвист, чл.-корр. Императорской АН (1910), профессор Новороссийского университета (1897–1932).

³ Очевидно, имелся в виду справочник для работников печати под названием «Орфография, пунктуация и техника корректуры» [Шапиро 1933].

деятелем русской, и... мировой культуры» [Панов 1995: 11]. Эти слова созвучны и нашему представлению о том, какое место в науке занимал Дмитрий Николаевич Ушаков – человек-легенда.

Сокращения

АРАН – Архив Российской академии наук (Москва).

МДК – Московская диалектологическая комиссия.

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Литература

- Басаргина, Е. Ю. «Жизнь и смерть А. А. Шахматова» : слово профессора А. А. Грушки на заседании памяти А. А. Шахматова в 1921 г. (Публикация, предисловие и примечания Е. Ю. Басаргиной) / Е. Ю. Басаргина // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию ко дню рождения). – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 24–40.
- Баскаков, Н. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников : К истории русской филологической науки / Н. А. Баскаков. – М. : Наука, 1989. – 277 с.
- Басовская, Е. Н. Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905–1912) / Е. Н. Басовская // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 207–218.
- Басовская, Е. Н. «Новые газетизмы» в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова и национальном корпусе русского языка : о феномене научной интуиции // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 100–107.
- Бернштейн, С. Б. Дмитрий Николаевич Ушаков (страницы воспоминаний) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Филология. – 1973. – № 1. – С. 78–85.
- Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. 1920 г. Том XXV. – Пг. : Гос. школа-типография им т. Алексеева, 1922. – 489 с.
- История русской лексикографии / отв. ред. Ф. П. Сорокалетов. – СПб. : Наука, 1998. – 610 с.
- Левашов Е. А., Петушков В. П. Ленин и словари. – Л.: Наука, 1975. – 109 с.
- Макаров, В. И. «Такого не бысть на Руси прежде...» : Повесть об академике А. А. Шахматове / В. И. Макаров. – СПб. : Алетейя, 2000. – 390 с.
- Масальская, Е. А. Воспоминания о моем брате А. А. Шахматове / Е. А. Масальская. – М. : Изд-во им. Сабашниковых : РГАЛИ, 2012. – 597 с.
- Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии наук. Ч. 2 : М–Я. – Пг. : Тип. Имп. Академии наук, 1917. – 335 с.
- Никитин, О. В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х гг. (предыстория «Ушаковского словаря») / О. В. Никитин // Русский язык в научном освещении. – 2004. – № 7 (1). – С. 209–210.
- Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : Монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Изд-во филиала Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 231 с.
- Никитин, О. В. Забытая картотека, или Судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016а. – № 1. – С. 13–22.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016б. – № 3. – С. 27–40.
- Никитин, О. В. Шер мэтр Дмитрий Николаевич Ушаков : от этнографа до лексикографа (заметки к творческой биографии незабвенного мастера) / О. В. Никитин // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 71–81.
- Ольховская, А. И. Мастерская лексикографа : лексика первых десятилетий XX в. в рабочих материалах Д. Н. Ушакова / А. И. Ольховская // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 94–99.
- Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением Очерка русской диалектологии / сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. – М. : Синод. типогр., 1915. – 132 с. (Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5).
- Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Д. Н. Ушаков. Русский язык / Вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. – М. : Просвещение ; АО «Учебная литература», 1995. – С. 8–40.
- Петерсон, М. Н. Очерк синтаксиса русского языка / М. Н. Петерсон. – М.; Пг. : Гос. изд., 1923. – 130 с.
- Пешковский, А. М. [Рец. на:] М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923 / А. М. Пешковский // Печать и революция. – 1924. – Кн. 2. – С. 242–246.

- Пешковский, А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика. Избранные труды / сост. и науч. ред. О. В. Никитин. – М.: Высшая школа, 2007. – 800 с.
- Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 3: Т–Я. – 144 с.
- Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты Курской губернии / сост. Моск. диалектол. комис. – Курск: Гос. изд-во, 1921. – 10 с.
- Северская, О. И. Д. Н. Ушаков первым... довел страну до цугундера / О. И. Северская // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 108–111.
- Селиванова, О. В. Личный фонд Дмитрия Николаевича Ушакова в Архиве РАН / О. В. Селиванова // Русский язык за рубежом. – 2023. – № 5. – С. 82–86.
- Шапиро, А. Б. Орфография, пунктуация и техника корректуры: Справочник для работников печати / А. Б. Шапиро, М. И. Уаров. – М.: Гизлегпром, 1933. – 205 с.
- Шахматов, А. А. Древнейшие судьбы русского племени / А. А. Шахматов. – Петроград: Изд. Русского исторического журнала, 1919. – 64 с.

References

- Basargina, E. Yu. (2015). “Zhizn’ i smert’ A. A. Shakhmatova”: slovo professora A. A. Grushki na zasedanii pamyati A. A. Shakhmatova v 1921 g. [“The Life and Death of A. A. Shakhmatov”: The Speech of Professor A. A. Grushka at the Meeting in Memory of A. A. Shakhmatov in 1921]. In *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn’, tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiyu ko dnyu rozhdeniya)*. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 24–40.
- Baskakov, N. A. (1989). *Akademik F. E. Korsh v pis'makh sovremennikov: K istorii russkoi philologicheskoi nauki* [Academician F. E. Korsh in the Letters of Contemporaries: On the History of Russian Philological Science]. Moscow, Nauka. 277 p.
- Basovskaya, E. (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) [From the Correspondence of F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912)]. In *NLO*. No. 4, pp. 207–218.
- Basovskaya, E. N. (2023). “Novye gazetizmy” v “Tolkovom slovare russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova i natsional’nom korpuse russkogo yazyka: o fenomene nauchnoi intuitsii [New Russian Newspaper Vocabulary in the Explanatory Dictionary of Russian Language Edited by D. Ushakov and in the Russian National Corpus: Phenomenon of Scientific Intuition]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 100–107.
- Bernshtein, S. B. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov (stranitsy vospominanii) [Dmitry Nikolaevich Ushakov (Pages of Memoirs)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya X. Folologiya*, 1, pp. 78–85.
- Durnovo, N. N. et al. (Eds.). (1915). *Opyt dialektologicheskoi karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem Ocherka russkoi dialektologii* [An Experience of Russian Dialectological Map in Europe with the Application of an Essay on Russian Dialectology]. Moscow, Sinod. tipogr. 132 p.
- Izvestiya... (1922) – *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk*. 1920 [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. 1920]. V. XXV. Petrograd, Alexeev Publ. 489 p.
- Levashov, E. A., Petushkov, V. P. (1975). *Lenin i slovari* [Lenin and Dictionaries]. Leningrad, Nauka. 109 p.
- Makarov, V. I. (2000). “Takogo ne byst’ na Rusi prezhe...” : Povest’ ob akademike A. A. Shakhmatove [“There Was no Such Thing in Russia Before...” : A Story about Academician A. A. Shakhmatov]. Saint Petersburg, Aleteia. 390 p.
- Masal’skaya, E. A. (2012). *Vospominaniya o moyom brate A. A. Shakhmatove* [Memories of My Brother A. A. Shakhmatov]. Moscow, Sabashnikov Publ. 597 p.
- Materialy... (1917). – *Materialy dlya biograficheskogo slovarya deistvitel’nykh chlenov Imperatorskoi Akademii nauk* (1917). [Materials for the Biographical Dictionary of Full Members of the Imperial Academy of Sciences]. Part 2: M–Ya. Petrograd, Imp. Acad. of Sciences. 335 p.
- Nikitin, O. V. (2004). Zabytye stranitsy russkoi leksikografii 1920-kh gg. (predystoriya «Ushakovskogo slovarya») [Forgotten Pages of Russian Lexicography of the 1920s (the Background of “Ushakov Dictionary”)]. In *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 7 (1), pp. 209–210.
- Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari): Monografiya* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XX Century (Explanatory Dictionaries)]. Slavyansk-na-Kubani, Slavyansk-na-Kubani Branch of Kuban State University Press. 231 p.
- Nikitin, O. V. (2016a). Zabytaya kartoteka, ili Sud’ba russkogo «Lyarussa» [The Forgotten Card File, or the Fate of the Russian “Laruss”]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 13–22.
- Nikitin, O. V. (2016b). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor’ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya “Tolkovogo slovarya russkogo yazyka” pod redaktsiei D. N. Ushakova) [Russian Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the “Explanatory Dictionary of the Russian language” Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. 3, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2023). Sher maître Dmitrii Nikolaevich Ushakov: ot etnografa do leksikografa (zametki k tvorcheskoi biografii nezabvennogo mastera) [Cher Maître Dmitry Nikolaevich Ushakov: From Ethnographer to Lexicographer (Notes to the Creative Biography of the Unforgettable Master)]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 71–81.

Olkhovskaya, A. I. (2023). Masterskaya leksikografa: leksika pervykh desyatiletii XX v. v rabochikh materialakh D. N. Ushakova [Workshop of the Lexicographer: The First Decades of the 20th Century Vocabulary in the Working Drafts of Dmitry Ushakov]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 94–99.

Panov, M. V. (1995). Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and Work]. In D. N. Ushakov. *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie; AO "Uchebnaya literatura", pp. 8–40.

Peshkovskii, A. M. (1924). [Rev.:] M. N. Peterson. Ocherk sintaksisa russkogo yazyka [An Essay on the Syntax of the Russian Language]. M., 1923. In *Pechat' i revolyutsiya*. Book 2, pp. 242–246.

Peshkovskii, A. M. (2007). *Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Linguistics. Poetics. Stylistics]. Moscow, Vysshaya shkola Press. 800 p.

Peterson, M. N. (1923). *Ocherk sintaksisa russkogo yazyka* [An Essay on the Syntax of the Russian Language]. Moscow, Petrograd, Gos. izd. 130 p.

Preobrazhenskii, A. G. (1949). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. V. 3. Moscow; Saint Petersburg, Academy of Sciences Press. 144 p.

Programma... (1921) – *Programma dlya sobiraniya svedenii, neobhodimyykh dlya sostavleniya dialektologicheskoi karty Kurskoi gubernii* (1921). [A Program for Collecting Information Necessary to Compile a Dialectological Map of Kursk Province]. Kursk, Gos. izd-vo. 10 p.

Selivanova, O. V. (2023). Lichnyi fond Dmitriya Nikolaevicha Ushakova v Arkhive RAN [Dmitry Nikolaevich Ushakov' Personal Papers in the Archive of the Russian Academy of Sciences]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 82–86.

Severskaya, O. I. (2023). D. N. Ushakov pervym... dovyol stranu do tsugundera [D. N. Ushakov Was the First... to Bring the Country to a Zugunder]. In *Russian Language Abroad*. 5, pp. 108–111.

Shakhmatov, A. A. (1919). *Drevneishie sud'by russkogo plemeni* [The Oldest Destinies of the Russian Tribe]. Petrograd, Russian historical journal Press. 64 p.

Shapiro, A. B., Uarov, M. I. (1933). *Orfografiya, punktuatsiya i tekhnika korrekturny: Spravochnik dlya rabotnikov pechati* [Orthography, Punctuation and Proofreading Techniques: A Handbook for Print Workers]. Moscow, Gizlegprom. 205 p.

Sorokoletov, F. P. (Ed.). (1998) *Istoriya russkoi leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Saint Petersburg, Nauka. 611 p.

Данные об авторах

Груздева Елена Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела информационного обеспечения и учета документальных материалов, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 196084, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Клевская, 5, корп. 9, стр. 1.
E-mail: elgru@rambler.ru.

Мызников Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия).
Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32-А.
E-mail: myznikovs@rambler.ru.

Дата поступления: 18.11.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Gruzdeva Elena Nikolaevna – Candidate of History, Senior Researcher of Department of Information Support and Accounting of Documentary Materials, Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia).

Myznikov Sergey Alekseevich – Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Center of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Date of receipt: 18.11.2023; date of publication: 30.12.2023

Д. Н. УШАКОВ И ФОРТУНАТОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ XX-XXI ВВ.

УДК 811.161.1'374.3(Ушаков Д. Н.). DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-288-297. ББК Ш141.12-420.
ГРНТИ 16.21.47. Код ВАК 5.9.5

LINGUISTIC TERMINOLOGY IN D. N. USHAKOV'S DICTIONARY AS THE REFLECTION OF FORTUNATOV SCHOOL IN LINGUISTICS

Oxana A. Voloshina

MSU-BIT University (Shenzhen, China)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1359-5987>

Abstract. The article discusses linguistic terms included in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov (1935–1940). The analysis of definitions of terms in the context of specialized dictionaries of linguistic terminology of the first half of the 20th century (dictionaries by N. N. Durnovo, E. D. Polivanov, etc.) allows us to speak about the reflection in the Ushakov Dictionary of the conceptual and terminological system of Moscow the formal (Fortunatov) School in linguistics. The change of the scientific paradigm in the Russian linguistics of the first third of the 20th century is reflected in the system of terms – the basic concepts of a certain direction in science. Thus, N. N. Durnovo’s Dictionary represents the concepts of the Moscow formal school based on F. F. Fortunatov’s theory, and E. D. Polivanov’s Dictionary represents the structural phonology of I. A. Baudouin de Courtenay, in addition, R. O. Shor’s project to create a Linguistic encyclopedia demonstrates the emergence of a new direction of Soviet linguistics – the “Marxist science of language”. The comparison of the list of terms contained in the Index to the Brief Introduction to the Science of Language by D. N. Ushakov (1925) and some basic terms included in the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov shows a change in the list of terms, their meanings, the role of each term in scientific theory, which allows us to talk about transformation of the theoretical platform of the formal School of Russian linguistics.

Keywords: D. N. Ushakov; explanatory dictionary; conceptual and terminological system, the formal linguistic school

For citation: Voloshina, O. F. (2023). Linguistic Terminology in D. N. Ushakov’s Dictionary as the Reflection of Fortunatov School in Linguistics. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 288–297. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-288-297.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СЛОВАРЕ Д. Н. УШАКОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ФОРТУНАТОВСКОЙ ШКОЛЫ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

Волошина О. А.

Совместный университет МГУ-ППИ (Шэньчжэнь, Китай)

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-1359-5987>

Аннотация. В статье рассматриваются основные лингвистические термины, вошедшие в «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг.). Анализ дефиниций терминов в контексте специализированных словарей лингвистической терминологии первой трети XX в. (словари Н. Н. Дурново и Е. Д. Поливанова и др.) позволяет говорить об отражении в «Ушаковском словаре» понятийно-терминологической системы московской формальной (Фортунаатовской) школы в языкознании. Смена

научной парадигмы в отечественной науке о языке первой трети XX века репрезентируется в системе терминов – базовых понятий лингвистики. Так, Словарь Н. Н. Дурново определяет понятия Московской формальной школы, опирающейся на учение Ф. Ф. Fortunatova, а Словарь Е. Д. Поливанова – структурную фонологию И. А. Бодуэна де Куртенэ, кроме того, проект Р.О. Шор по созданию «Лингвистической энциклопедии» демонстрирует появление нового направления советской лингвистики – «марксистской науки о языке».

Сопоставление списка терминов, содержащихся в Указателе к «Краткому введению в науку о языке» Д. Н. Ушакова (1925) и некоторых базовых терминов, вошедших в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова показывает изменение списка терминов, их значений, роль каждого термина в научной теории, что позволяет говорить о преобразовании теоретической платформы формальной школы отечественной лингвистики в первой половине XX века.

Ключевые слова: Д. Н. Ушаков; толковый словарь; понятийно-терминологическая система; формальная лингвистическая школа

Для цитирования: Волошина, О. А. Лингвистическая терминология в Словаре Д. Н. Ушакова как отражение Fortunatovской школы в языкознании / О. А. Волошина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 288–297. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-288-297.

Introduction

This article examines the linguistic terms documented in *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (the “Explanatory Dictionary of the Russian Language”) edited by D. N. Ushakov against the background of specialized dictionaries of linguistic terms – dictionaries by N. N. Durnovo and E. D. Polivanov. A comparative analysis of the basic linguistic terms recorded in D. N. Ushakov’s “Explanatory Dictionary of the Russian Language” with the terms selected and described in D. N. Ushakov’s “Brief Introduction to the Science of Language” (1925), their definitions and contextual uses allows not only to demonstrate the theoretical platform of the formal school of linguistics through the prism of the selected terms but also to show the dynamics of the conceptual and terminological base of the most formal Fortunatov school in the Russian science of language [Алпатов 2012].

D. N. Ushakov’s broad scientific pursuits are well-documented – Dmitry Nikolaevich Ushakov engaged extensively in the fields of history and theory of the Russian language, orthography and orthoepy, dialectology and methodologies for teaching Russian. However, within Russian linguistics, his name is primarily associated with the four-volume “Explanatory Dictionary of the Russian Language” (1935–1940). An amusing anecdote recounts an incident where a schoolchild, upon seeing Dmitry Nikolaevich on the street, remarked to the other ‘Look, Ushakov is coming!’ to which the other retorted ‘What are you saying! Ushakov is a dictionary’ [Крысин 1984: 286].

Contemporaries and followers of the scientist discussed an innovative approach towards creating a new type of explanatory dictionary: the criteria for word selection, methods for defining word meanings and more. D. N. Ushakov aimed to capture the vocabulary that emerged in the early 20th century, thereby ensuring that the dictionary reflected the life of Soviet society in the 1920s–1930s, encapsulating numerous political, social and cultural changes. Any dictionary represents a particular ‘worldview’ shaped by the compiler’s perspective. As such, it is unsurprising that the explanatory dictionary, crafted by a linguistic scholar – not merely a lexicographer and lexicologist but also a theorist steadfast in following the Fortunatov school of linguistics – explained the meanings of linguistic terms.

As the system of terms reflects the theoretical positions of a particular scientific school and even scientific trends, exploring the linguistic terminology included in D. N. Ushakov’s Dictionary, which was meticulously defined within the dictionary entries, aids in identifying the fundamental concepts of the formal Fortunatov school, a movement staunchly supported by D. N. Ushakov. Of course, the works of the school’s founder, Philip Fedorovich Fortunatov, alongside those of numerous followers and students, offer insights into reconstructing the theoretical underpinnings of the formal school. However, it is the conscious selection of terms, their systematic description and the perspective showcased in the dictionary that signifies a distinct approach by supporters of the formal

school towards presenting and explaining language.

The early 20th century witnessed a rapid shift in the scientific paradigm – from the groundwork laid by comparative historical Indo-European linguistics emerged a new structural linguistics, accommodating a spectrum of diverse, sometimes conflicting approaches to explaining language structure. Variations in language description and the formulation of scientific research methodologies were embodied in several dictionaries of linguistic terms that appeared almost simultaneously, the analysis of which serves as a reflection of the evolution of linguistics in the first third of the 20th century.

The linguistic terminology used in D. N. Ushakov's Dictionary vividly showcases the author's dedication to the Fortunatov school, set against the backdrop of specialised dictionaries of linguistic terms: N. N. Durnovo's "Grammatical Dictionary" (1924) (*Grammaticheskii slovar' (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)*), the unpublished "Dictionary of Linguistic and Literary Terms" by E. D. Polivanov (*Slovar' lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov*), a student and follower of I. A. Baudouin de Courtenay (1935–1938, published in archives in 1991), and the unpublished project on the organization of the publication of the Linguistic Encyclopedia (Memorandum) by R. P. Shor (early 1930s).

N. N. Durnovo's "Grammatical Dictionary" (1924) (*Grammaticheskii slovar'*)

N. N. Durnovo's "Grammatical Dictionary (Grammatical and Linguistic Terms)" (*Grammaticheskii slovar' (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)*) provides an insight into the concept of the formal Fortunatov school. Here, the dictionary contrasts grammatical terms (representing the formal school) with all other 'linguistic' terms, highlighting the pivotal role of grammar (morphology and syntax) in laying the groundwork for a new formal language description.

The dictionary notably reflects terms like 'grammatical form' (*forma grammaticheskaya*), 'formal grammar' (*formal'naya grammatika*), 'formal school' (*formal'naya shkola*) and 'formal meaning' (*formal'noe znachenie*) [Дурново 1924: 133–138]. This selection highlights that the foundation upon which the entire structure of the formal school stands is the term 'form' (*grammatical*). The author, when defining this

fundamental term for the school, refers to F. F. Fortunatov, who perceives the grammatical form of individual words as 'the ability of individual words to distinguish themselves for speakers consciousness in terms of **formal** and **foundational word belonging**' (*formal'nyyu i osnovnyyu prinadlezhnost' slova*) [Дурново 1924: 134]. This differentiation of formal indicators is based on the recurrence of elements carrying specific meanings: the lexical meaning of the root (base) and the grammatical meaning of inflection – like 'kot-u', 'kot-ik-u', 'kot-ik-om'; 'dom-u', 'dom-ik-u', 'dom-ik-om' and so forth.

Within the concept of grammatical form, **grammar** is defined as 'the study of language forms' [Дурново 1924: 137], 'related to sound expressions of relationships between expressed word concepts' [Дурново 1924: 32]. Accordingly, it is divided into **morphology** – 'the study of individual word forms' [Дурново 1924: 64] – and **syntax**, described as 'a grammatical branch encompassing phrase forms' [Дурново 1924: 101]. Understanding grammatical form underpins language structure description: 'individual word forms are classified, based on their relationships, into inflectional forms (*formy slovoizmeneniya*) and word formation forms (*formy slovoobrazovaniya*)' [Дурново 1924: 135].

The concept of form serves as the foundation for Fortunatov's classification of parts of speech, a framework followed by N. N. Durnovo: 'Conventionally, parts of speech in grammars denote **word classes** (*chasti rechi*) distinguished by a wide array of signs, not solely grammatical but also non-grammatical. Nevertheless, the main principle underpinning word division into parts of speech remains grammatical' [Дурново 1924: 139]. Durnovo notes that traditional grammar also distinguishes pronouns and numerals – word classes not unified by a common grammatical meaning (comp. [Волошина 2021б; 2022]).

The conflation of grammatical and non-grammatical features, forming the basis for distinguishing parts of speech, prompts the necessity to formulate the concept of a grammatical class of words, comprising words 'unified by common grammatical features' [Дурново 1924: 39]. N. N. Durnovo specifies that 'strictly speaking, only the grammatical category of conjugates is termed a **verb** in words' (*glagol – kategoriya spryagaemykh slov*) [Дурново 1924: 28]. Additionally, '**noun** – in grammar – is an inflected word, varying in cases' (*imya v grammatike – sklonyаемое slovo*) [Дурново 1924: 49] or **an adjective** – 'a word featuring gender, number and

case agreement forms, signifying an attribute of the noun it agrees with' (prilagatel'noe – slovo, imeyushchee formy soglasovaniya v rode, chisle i padezhe) [Дурново 1924: 91].

Thus, the main terms forming the foundation of linguistic theory in N. N. Durnovo's Dictionary indeed belong to the grammatical category. However, the dictionary also includes 'linguistic' terms (as implied by its name), such as phonetic terms, terms related to comparative historical linguistics (*kinship of languages, proto-language, phonetic law*, etc.) (rodstvo yazykov, prayazyk, foneticheskij zakon) and others.

Specifically, N. N. Durnovo's Dictionary contains numerous phonetic terms that name speech sound categories (sometimes providing synonymous terms like *sibilant, fricative, spirant* and *flowing consonants* (shipyashchie, frikativnye, spiranty i protochnye soglasnye)), terms related to phonetic processes and prosodic means (*stress* and *intonation* (udarenie i intonaciya)) and more. Phonetics is examined within the prevailing historical approach in linguistics at that time. Notably, Durnovo provides the following definition: "Phonetics is the study of the sound composition of individual languages and the phonetic changes of sounds in the history of these languages" [Дурново 1924: 121].

The Dictionary also includes terms associated with emerging trends in the field of phonetics, including experimental phonetics. Notably, the author does not overlook a term of significance for followers of Baudouin de Courtenay, but, like other representatives of the Fortunato school, rejects the term, describing it as *'the psychic equivalent of sound'* (eksperimental'naya fonetika). Clearly, the emphasis in the dictionary lies on terms defining the Fortunato formal school, while concepts from other scientists, undoubtedly familiar to the author, are only presented in fragments and often criticized (comp. [Богатырева 2012]).

"Dictionary of Linguistic and Literary Terms" by E. D. Polivanov (1935–1938) (*Slovar' lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov*)

The St. Petersburg (Leningrad) branch of Russian linguistics, rooted in the science of language founded by I. A. Baudouin de Courtenay and continued by his students, including representatives of the Kazan school like L. V. Shcherba, E. D. Polivanov, etc., operated

on fundamentally different theoretical principles and language research methods. These principles are evident in E. D. Polivanov's "Dictionary of Linguistic and Literary Terms". The analysis of the dictionary reveals the author's effort to construct a clear conceptual and terminological system for the new science, with minimal inclusion of terms reflecting classical comparative historical linguistics concepts. Instead, Polivanov predominantly relies on the most advanced field of modern linguistics – phonetics. Alongside phonetic terms, the dictionary fully captures the idea of the phoneme as formulated by I. A. Baudouin de Courtenay [Волошина 2021a].

While the term *'phoneme'* (fonema) does not have a separate entry in the dictionary, Polivanov's views on phonemes are expressed in the article *'Psychophonetics'* (psikhofonetika) (what he calls *'phonology'* after Baudouin).

"Psychophonetics – this word was used mainly by its creator himself, and along with it the founder of psychophonetics (as a special department and direction of linguistics), the late I. A. Baudouin de Courtenay, as well as some of his students; comes from a combination of the Greek basis ψυχή (soul; in a compositional form – *psycho-*) and the term phonetics (see). Unlike anthropophonics (see), i.e. the part of phonetics that refers to the physiological and physical composition of human pronouncing activity, psychophonetics considers the sounds of a language from the point of view of their functional (symbolic) use in a given language (for semantic differentiation) and, thus, does not base the phonetic description of a language on physiological and physical (=acoustic) temporary facts, but a system of constantly existing representations of differentiable sounds of a language (or elements of a phonetic system), which are called phonemes by Baudouin de Courtenay" [Поливанов 1991: 414].

Following Baudouin de Courtenay, Polivanov distinguishes anthropophonics (the science of articulatory and acoustic characteristics of sounds) and psychophonetics (= phonology, the science of the semantic function of the sound unit – phoneme). The semantic distinguishing function is based on differential (phonological) signs of sounds, such as the hardness and softness of consonant sounds in Russian: *'kon – kon'*. Articulatory and acoustic differences that do not perform a semantic

distinguishing function, like the consonant [g] explosive and [ɣ] fricative in Russian, are not considered different phonemes since they do not differentiate meaning in words like [god] and [ɣod].

Polivanov presents his own version of unifying linguistic terminology, solving the problem posed by Baudouin de Courtenay, who saw the reflection of a strict scientific theory in the system of clearly formulated concepts. Polivanov not only provides definitions for individual terms but also offers a series of structurally and semantically related nominations for special concepts. For instance, he writes about the term 'phoneme' as "a term from the 'psychophonetic' terminology of the Russian-Polish scientist, the late Professor I. A. Baudouin de Courtenay (- among other terms created or proposed by him: **phoneme – kinema – akusma – kinakema – morpheme – grapheme – syntagma** (fonema – kinema – akusma – kinakema – morfema – grafema – sintagma), which are now accepted and introduced into international use by the modern 'phonological' school)" [Поливанов 1991: 325].

In the effort to create a universal dictionary of linguistic terminology for the modern stage of language development, Polivanov included both new terms, like the 'new doctrine of language' (novoe uchenie ob yazyke) by academician N. Y. Marr and classical (comparative historical) linguistic terms. The Dictionary aimed not to be eclectic but rather to structurally describe language, notably unifying phonetic and grammatical terminology. This urgent task of offering a panoramic representation of linguistic concepts through a Dictionary was addressed not only by N. N. Durnovo and E. D. Polivanov but also by a project proposed by R. O. Shor in the early 1930s – an unrealized and unpublished *Linguistic Encyclopedia* located in the Archive of the Russian Academy of Sciences [Никитин 2018b].

R. O. Shor believed that creating a dictionary of terms was necessary not only to revise and streamline old scientific terminology but also to describe the concepts of emerging Marxist linguistics – a radically new scientific direction. She proposed cleansing classical linguistics from erroneous idealistic ideas of bourgeois linguistics and the formalism within Russian linguistics, as presented in N. N. Durnovo's Dictionary. The creation of a new dictionary of terms was looked upon as a

solution to formulating and popularizing the principles of the Marxist doctrine of language, primarily based on the ideas of N. Y. Marr, the ideologist of the class approach to language description.

At the beginning of the 20th century, a polyphony of different directions in language knowledge was observed not only within traditional linguistics (such as comparative Indo-European linguistics or the school of formal grammar) but also in a fierce struggle between the emerging Marxist linguistics and the 'old' academic science of language [Никитин 2012]. The creation of terminological dictionaries proved particularly relevant during the shift in scientific paradigms and the emergence of new scientific directions. A comparison between linguistic terminology in D. N. Ushakov's *Brief Introduction to the Science of Language* and the four-volume *Explanatory Dictionary of the Russian Language* under his editorship offers an idea of the dynamics within the conceptual and terminological system of Russian linguistics.

Linguistic terminology in D. N. Ushakov's "Explanatory Dictionary of Russian Language" (*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*)

Dmitry Nikolaevich Ushakov, the compiler of the four-volume *Explanatory Dictionary of the Russian Language* in the first third of the 20th century, did not produce a specialized dictionary of linguistic terminology¹. However, as a theoretical linguist, he was interested in clarifying fundamental terms in the science of language, thus including specialized vocabulary on linguistics in his Dictionary. Ushakov, a supporter of the Fortunatov school, adhered to the conceptual framework of the formal school, aligning his dictionary's definitions of linguistic terms with their understanding reflected in N. N. Durnovo's Dictionary.

D. N. Ushakov's affiliation with the Fortunatov school of Russian linguistics is prominently demonstrated in his repeatedly republished work, *A Brief Introduction to the Science of Language (Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke)* (1925). Ushakov echoes many key principles of

¹ Although Ushakov did not create a separate dictionary of terms, some of his dictionary entries, likely intended for a textbook or encyclopedic dictionary, have been preserved in the archive. These entries, like 'Alphabet' and 'Phonetics', reflect the scientist's interest in offering definitions and detailed descriptions of linguistic terms [Никитин 2018a: 91–94].

F. F. Fortunatov's *General Course of Comparative Linguistics* (*Obshchii kurs sravnitel'nogo yazykovedeniya*). However, he aims to popularise contemporary language science achievements and present language descriptions to a wide readership.

D. N. Ushakov introduces a systematical of the linguistic sections, formulating term interpretations entirely in line with the formal school's principles: "Linguistics includes the following departments: phonetics – the doctrine of sounds; *semasiology* – the doctrine of the meanings of words; *grammar* – the doctrine of forms, divided into *morphology* – the doctrine of the forms of words without regard to their role in a phrase, and *syntax* is the teaching about the forms of words as parts of a phrase, and about the forms of the phrases themselves" [УШАКОВ 1925: 8–9]. The scientific text is saturated with specialised vocabulary, section names, linguistic unit descriptions, etc. It is not surprising that the essay is accompanied by an index [УШАКОВ 1925: 141–142] – an alphabetical list of terms indicating the page number(s) where each term appears in the text.

The index contains 140 terms, including 46 phonetic terms. It notably includes numerous synonymous terms, exemplified by "other physiological terms in linguistic writings that denote various aspects of noise formation; for instance, 'gate' (*vzryvnye*) or 'bowed' (*zatvornnye*), instead of 'explosive' (*smychnnye*) and instead of 'fricative' (*frikativnye*): 'slotted' (*shchelinnye*), 'flowing' (*protochnnye*), 'spirants' (*spiranty*) or, as the translation of the latter, 'blown' (*produvnye*)" [УШАКОВ 1925: 30]. The index lists all five synonymous terms: *fricative*, *slit*, *flowing*, *spirant* and *blown* [УШАКОВ 1925: 141–142], along with other synonyms like *syllable loss* and *haplology* [УШАКОВ 1925: 122]; *infinitive* and *indefinite mood* [УШАКОВ 1925: 88]; *descriptive* and *static study* [УШАКОВ 1925: 9] and more.

A set of grammatical terms, like N. N. Durnovo's Dictionary, reflects the formal school's foundation: *grammar*, *grammatical classes* (though lacking the term *non-grammatical classes*, the main non-grammatical classes – *subjects* and *signs* – are mentioned [УШАКОВ 1925: 141]), *parts of speech*, *morphology*, *syntax*, *syntactic forms*, *verb*, *verb word*, *grammatical* and *non-grammatical adverbs*, *inflection*, *word*

formation, *root*, etc. Interestingly, the index omits terms like *affix*¹, *suffix*, *prefix*, yet includes *root* ("a base that does not decompose into a base + affix is called a **non-derivative base**, or **root**" [УШАКОВ 1925: 71]) and *prefix* ("affix is a common name for any formal affiliation that is in the word, a separate part, and means, in fact, '**prefix**' (*pristavka*). Affixes are divided into **suffixes** ('*podstavka*') attached to the base from behind, **prefixes** ('*predstavka*') attached to it from the front and **infixes** ('*vstavka*') inserted inside the base" [УШАКОВ 1925: 74]). The index features terms like *living suffix* and *dead suffix*: "formal accessories can arise in a language and can die out, and we can talk, for example, about **living and dead suffixes**" [УШАКОВ 1925: 138], as well as *inflection of the bases* (*fleksiya osnov*) ("such a sound change in the base that the speaker recognises as **necessary for the formation of the word form**") and *inflection of words* (*fleksiya slov*) ("instead of '**inflection**' (*slovoizmenenie*), the term **inflection of words** (*fleksiya slov*) or simply '**inflection**' (*fleksiya*) is very common" [УШАКОВ 1925: 68]).

The selection of terms for the index in *A brief introduction to the science of language* (*Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke*) illustrates Ushakov's professional interest in ordering linguistic terminology as a tool for presenting scientific theory, emphasising the scientist's adherence to the Fortunatov formal school. Consequently, numerous linguistic terms are indicated in the *Explanatory Dictionary of the Russian Language*, compiled under D. N. Ushakov's guidance (1935–1940). To depict the cross-section of linguistics displayed in the dictionary in the first half of the 20th century, let us examine interpretations of some fundamental terms. The Dictionary encompasses various phonetic terms, including the science of sounds:

"Phonetics [from Greek *phōnētikos* – sound] (*lingv.*). 1. Department of Linguistics, studying the sound structure of the language. Experimental phonetics. 2. The sound side of speech, the sound com sound composition of the language. The dialects differ from each other in phonetics. Phonetist (*linguist*). Linguist, specialist in phonetics" [TCPЯ 1940 IV: 1097]. Here we also find a synonym term:

¹ Whereas in the text of the essay, the author gives the definition of an affix: "A formal affiliation, which is a separate part of a word, is called an *affix*" [УШАКОВ 1925: 71].

“*Phonica* [from Greek *phōnē* – sound] (lingv.). The sound side, the sound composition of speech; the same as *phonetics*”.

Defining the phonetic unit of the language system, the Dictionary states: “*Sound*. Articulate element of spoken speech (lingv.) *The history of the sounds of the Russian language*” [TCPЯ 1935 I: 1086]. Within the article on *sound*, it defines *sound laws* as “the laws of changes in the sounds of human speech in its history; lingv.” [TCPЯ 1935 I: 1086]. Speech sounds are explored not only in historical phonetics (formulating the concept of sound laws) but also from the perspective of segmenting the speech stream into articulate units.

The Dictionary characterises sounds, including vowels and consonants: “*Vowel* (lingv.). 1. About the sounds of speech: formed with less participation of noises in the oral cavity than a consonantal sound (cf. consonant). *Vowel sounds of the Russian language*” [TCPЯ 1935 I: 569]. It defines “*Consonant* (lingv.) 1. Produced by noise resulting from the friction of air in a very narrow duct between the organs of speech or from an explosion when tightly closed organs of speech open (about the sounds of human speech). *Consonant sounds*” [TCPЯ 1940 IV: 349]. These definitions emphasise the primary distinguishing features of vowels and consonants – the absence and presence of an obstacle, noting the obstacle type, allowing for classification of consonants based on their formation method. In addition to phonetic terms, the dictionary also presents phonological terminology, since phonology had become a rapidly developing area of structural linguistics at the time of compiling the dictionary. The central concept, the phoneme¹, is defined as: “*Phoneme* [from Greek *phōnēma* – voice, sound]. The sound of speech, considered as a sound sign of the language system, which helps to distinguish the meanings of words and their grammatical parts (lingv.)... *The phonemic composition of the language*” [TCPЯ 1940 IV: 1097].

Thus, alongside proper phonetic and prosodic terms, the Dictionary contains terms embodying a new phonological theory. If N. N. Durnovo’s Dictionary portrayed the

phoneme as a mental equivalent of sound, fundamentally inapplicable to the realm of articulatory and acoustic phonetics, Ushakov’s *Explanatory Dictionary* delivers a precise definition of the term phoneme (a sound sign within the language system performing a semantic function).

The definitions of basic linguistic terms in the *Explanatory Dictionary of the Russian Language* have undergone modifications compared to those in *A brief introduction to the science of language* (1925). For instance, grammar [Greek *grammatikē*] is no longer defined as the science of language forms but as “the doctrine of the structure of a language or a group of languages (lingv.)” [TCPЯ 1935 I: 614]. *Morphology* [‘from Greek *morphē* – form and *logos* – teaching] (linguistics) is defined as “the department of linguistics that studies the forms of words (linguistics). *Morphology of the Russian language* || A set of forms of words of some language (lingv.). *The Bulgarian language differs greatly in its morphology from other Slavic languages*” [TCPЯ 1938 II: 263]. However, *syntax* [Greek *syntaxis* – compilation] (linguistics) is understood as “a department of grammar that studies sentences and phrases” [TCPЯ 1940 IV: 188], encompassing not only phrases but also sentences for syntactic description.

The Dictionary gives importance to the names of various types of morphemes: ‘*morpheme*’ – “[from Greek *morphē* – form] (lingv.). The significant part of the word: root, prefix, or suffix” [TCPЯ 1938 II: 263]. The root is identified as the main part of a word without prefixes and suffixes (gram.). The root of the word “*izvozchik*” is “*voz*” [TCPЯ 1935 I: 1150]. Ushakov finds it challenging to define the root, emphasising its dominant position among other morphemes and the formal procedure of isolating it by removing affixes. Furthermore, Ushakov uses the term ‘*part of the word*’ rather than ‘*morpheme*’ when defining the root, prefix, suffix and inflection.

In defining the suffix and prefix, Ushakov emphasises the linear arrangement of affixes in relation to the root: “*The prefix* (pristavka) is an integral part of the word standing in front of the root; the same as the prefix (gram.). *In the word ‘perekhod’, the prefix is ‘pere’*” [TCPЯ 1939 III: 854]. The suffix is determined by its position relative to the root and inflection and its specific word-forming significance: “*suffix* [from Latin *suffixus* – substituted] (lingual).

¹ “*Phonology* [from Greek *phōnē* – sound and *logos* – teaching] (lingv.). Department of Linguistics, studying the phoneme system of the language and their changes” [TCPЯ 1940 IV: 1097].

A word-forming element, a part of a word located between the root and the ending (inflection), giving a specific meaning to the word compared to other words of the same root, for example, *its* or *ov* in the words *stolitsa*, *stolovyi*. || In some linguistic writings (distinguishing between word-forming and inflectional suffixes) – any part of the word located behind the root, i.e., including the so-called ‘inflection’ (fleksiya) [TCPЯ 1940 IV: 600]. Ushakov refers to the broad understanding of the suffix as any postfix morpheme in texts by linguists who divide suffixes into word-formative¹ (proper suffixes) or inflectional² (inflections).

“*Inflection* (fleksiya) [Latin *flexio* – letters bending, bending] (lingv.). A way of forming word forms by changing endings. || The ending of the word itself changes with declension or conjugation. *Internal inflection* (vnutrennyaya fleksiya) or *basic inflection* (fleksiya osnovy) (lingual). *Inflectional* (lingual). Forming shapes by inflection. *Inflectional languages*” [TCPЯ 1940 IV: 1091].

It is notable that inflection dictionary is linked to linguistic terms, while the ending (okonchanie) (“inflection, the part of a word that changes with declension, conjugation, or change of words by gender (gram.). In the word *domami*, the ending *-ami*” [TCPЯ 1938 II: 790]) pertains to grammatical terms.

When defining the concept of the *basis* (osnova), Ushakov refers to its expression of lexical meaning: “The part of a word that forms its material, lexical meaning and consists of a root, as well as a suffix and prefix, in contrast to inflection or ending (gram.). In the word *ruchka*, the basis is *ruchk*” [TCPЯ 1938 II: 871].

Occasionally, the Dictionary provides outdated meanings of term. For instance, the term *etymology*: “[from Greek *etymos* – true and *logos* – teaching] (linguistics) 1. The department of linguistics that studies the origin of words ... 2. The very origin of the word Grammar without syntax (i.e., the doctrine of sounds, parts of speech and forms of words,

mainly. As a subject of school education (outdated). Folk etymology (narodnaya etimologiya) (lingua.) is the alteration of an incomprehensible (e.g. a borrowed word) explained by the need to bring it closer in sound similarity to some kind of from familiar words and thus comprehend it...” [TCPЯ 1940 IV: 1437].

Grammatical terms refer to concepts related to grammatical meaning, their expression methods, grammatical classes and categories (*declension* (sklonenie), *conjugation* (spryazhenie), etc.). For instance, “A *verb* is a part of speech denoting an action or state of an object, varying in tenses, persons and numbers (gram.)” [TCPЯ 1935 I: 565]. Or “*Voice* (zalog) (gram.) is a verb form denoting the various relations of an action to its producer or to its object. *The active voice* (deistvitel'nyi zalog). *The passive voice* (stradatel'nyi zalog)” [TCPЯ 1935 I: 971]. Grammatical terms also include those naming the types of connections of words in phrases: *coordination* (soglasovanie), *management* (upravlenie) and *adjacency* (primykanie). Phonetic terms, as well as the naming of linguistics sections (*grammar*, *morphology*, *syntax*, etc.), language units (e.g. *phrases* (slovosochetanie)), types of morphemes, etc., representing the structure of a language, fall under the category of linguistic terms.

Conclusion

The comparative analysis of two dictionaries of linguistic terms – N. N. Durnovo's and E. D. Polivanov's – reveals fundamentally different theoretical foundations within Russian language science. These foundations are reflected in the conceptual and terminological systems of the Moscow (Fortunatov) formal school and the St. Petersburg (Baudouin) phonology amid the emergence of structural linguistics. R. O. Shor's project, the *Linguistic Encyclopedia*, illustrates the inclination of proponents of new Marxist linguistics towards auditing established academic scientific schools and constructing the conceptual and terminological basis of the new socialist linguistics. Consequently, Russian scientists in the early 20th century proposed diverse approaches to compiling dictionaries of linguistic terminology, thereby provoking lively debates.

The analysis of linguistic terminology in D. N. Ushakov's *Explanatory Dictionary* of the Russian Language serves as a reflection of the development of Russian language science in

¹ Word formation (slovoobrazovanie) (linguistics). Methods, the process of word formation in a language. The word-formation suffix [TSRYA 1940 IV: 273].

² Inflection (slovoizmenenie) (linguistics). This is a change in words that expresses the relationship between words in speech. Forms of inflection (declension, conjugation, change by gender) [TSRYA 1940 IV: 272].

the 1930s. The diverse spectrum of schools and directions, connected with the radical shift in scientific paradigms, is evident in the dictionaries of Russian scientists. The Dictionary by N. N. Durnovo embodies the formal school in linguistics, while the conceptual and terminological groundwork of emerging phonology lies in the unpublished Dictionary by E. D. Polivanov¹. Linguistic terms in D. N. Ushakov's

Dictionary portray the evolution of the formal Fortunatov school of Russian linguistics, incorporating changes in scientific concepts and the assimilation of new ideas. Thus, the specialised vocabulary in the *Explanatory Dictionary of the Russian Language* captures a specific stage in the development of national language science.

¹ Further dictionaries in global science will be created, offering comprehensive reflections of phonology as the dominant direction in linguistics in the mid-20th century. Examples include Y. Vakhek's *Linguistic Dictionary of the Prague School* [Вахек 1964]. Detailed coverage of phonolo-

gy as an exemplar of structurally describing a fragment of language systems will also be present in dictionaries in the latter half of the 20th century, such as in the *Encyclopedic Dictionary of the Young Philologist (Linguistics)* edited by M. V. Panov [Энциклопедический словарь... 1984].

Литература

- Алпатов, В. М. Языковеды, востоковеды, историки / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 374 с.
- Богатырева, И. И. Словарь школьных лингвистических терминов / И. И. Богатырева, О. А. Волошина. – М. : Добросвет, 2012. – 358 с.
- Вахек, Й. Лингвистический словарь пражской школы / Й. Вахек. – М. : Издательство «Прогресс», 1964. – 349 с.
- Волошина, О. А. Два этюда о лингвистической деятельности Е. Д. Поливанова (к 130-летию со дня рождения) / О. А. Волошина // Русский язык в школе. – 2021а. – № 6. – С. 92-101.
- Волошина, О. А. Научно-методический потенциал энциклопедических словарей по языкознанию для школьников / О. А. Волошина // Материалы XVIII Осенней школы русистики : сб. статей. – Нур-Султан, 2021б. – С. 138-147.
- Волошина, О. А. Проект словаря-тезауруса терминов в научно-методическом наследии Ю. В. Рождественского / О. А. Волошина // Наследие трудов Ю. В. Рождественского в XXI в. – к 95-летию со дня рождения Юрия Владимировича (1926-1999). – М. : КнигИздат, 2022. – С. 35-44.
- Дурново, Н. Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины) / Н. Н. Дурново. – М. ; Пг. : Издательство Л. Д. Френкель, 1924. – 154 с.
- Крысин, Л. П. Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова / Л. П. Крысин // Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. – М. : Педагогика, 1984. – С. 285-287.
- Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 232 с.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018а. – № 1 (170). – С. 88-95.
- Никитин, О. В. Лингвистическая энциклопедия – неизвестный лексикографический проект 1930-х годов / О. В. Никитин // Вестник РУДН. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2018б. – Т. 9. № 3. – С. 612-624.
- Поливанов, Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935-1937). Архивная публикация / Е. Д. Поливанов // Поливанов, Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. – М. : Наука, 1991. – С. 318-507.
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка. Т. 1-4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия» ; ОГИЗ, 1935–1940.
- Ушаков, Д. Н. Краткое введение в науку о языке / Д. Н. Ушаков. – 7-е изд. – М. : Работник просвещения, 1925. – 143 с.
- Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / сост. М. В. Панов. – М. : Педагогика, 1984. – 352 с.

References

Alpatov, V. M. (2012). *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 374 p.

- Bogatyрева, I. I., Voloshina, O. A. (2012). *Slovar' shkol'nykh lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of School Linguistic Terms]. Moscow, Dobrosvet. 358 p.
- Durnovo, N. N. (1924). *Grammaticheskii slovar' (grammaticheskie i lingvisticheskie terminy)* [Grammatical Dictionary (Grammatical and Linguistic Terms)]. Moscow ; Petrograd, L. D. Frenkel Publishing House. 154 p.
- Krysin, L. P. (1984). *Slovar' pod redaktsiei D. N. Ushakova* [Dictionary Edited by D. N. Ushakov]. In *Entsiklopedicheskii slovar' yunogo filologa (yazykoznanie)*. M. V. Panov (comp.). Moscow, Pedagogika Publ., pp. 285-287.
- Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovni)* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XX Century (Explanatory Dictionaries)]. Slavyansk-on-Kuban, KubGU Publishing House Branch in Slavyansk-on-Kuban', – 232 p.
- Nikitin, O. V. (2018a). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniiya XX veka : k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XX Century : to the 145th Anniversary of the Birth of D. N. Ushakov]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (170), pp. 88-95.
- Nikitin, O. V. (2018b). Lingvisticheskaya entsiklopedia – neizvestnyi leksikograficheskii proekt 1930-kh godov [Linguistic Encyclopedia – an Unknown Lexicographic Project of the 1930s]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. Vol. 9. No. 3, pp. 612-624.
- Panov, M. V. (Comp.). (1984). *Entsiklopedicheskii slovar' yunogo filologa (yazykoznanie)* [Encyclopedic Dictionary of a Young Philologist (Linguistics)]. Moscow, Pedagogika. 352 p.
- Polivanov, E. D. (1991). *Slovar' lingvisticheskikh i literaturovedcheskikh terminov (1935-1937)*. Arkhivnaya publikatsiya [Dictionary of Linguistic and Literary Terms (1935-1937). Archival Publication]. In Polivanov, E. D. *Trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu*. Moscow, Nauka, pp. 318-507.
- TSRYA – Ushakov, D. N. (Ed.). (1935-1940). *Tolkovyyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1-4. Moscow, Gos. In-t "Sov. entsiklopediya" ; OGIZ.
- Ushakov, D. N. (1925). *Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke* [A Brief Introduction to the Science of Language]. 7th ed. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya. 43 p.
- Vakhek, Y. (1964). *Lingvisticheskii slovar' prazhskoi shkoly* [Linguistic Dictionary of the Prague School]. Moscow, Progress Publishing House. 349 p.
- Voloshina, O. A. (2021a). Dva etuda o lingvisticheskoi deyatel'nosti E. D. Polivanova (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya) [Two Studies on Linguistic Activity of E. D. Polivanov (to the 130th Anniversary of His Birth)]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 6, pp. 92-101.
- Voloshina, O. A. (2021b). Nauchno-metodicheskii potentsial entsiklopedicheskikh slovarei po yazykoznaniiyu dlya shkol'nikov [Scientific and Methodological Potential of Encyclopedic Dictionaries on Linguistics for Schoolchildren]. In *Materials of the XVIII Autumn School of Russian Studies: Collection of Articles*. Nur-Sultan, pp. 35-44.
- Voloshina, O. A. (2022). Proekt slovyara-tezaurusa terminov v nauchno-metodicheskom nasledii Yu. V. Rozhdestvenskogo [Draft Dictionary-Thesaurus of Terms in the Scientific and Methodological Heritage of Yu. V. Rozhdestvensky]. In *The Legacy of the Works of Yu. V. Rozhdestvensky in the XXI Century - to the 95th Anniversary of the Birth of Yuri Vladimirovich (1926-1999)*. Moscow, KnigIzdat, pp. 138-147.

Данные об авторе

Волошина Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия); Совместный университет МГУ-ППИ (Шэньчжэнь, Китай).
Адрес: 119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: oxanav2005@mail.ru.

Author's information

Voloshina Oxana Anatolyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of General and Comparative Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); MSU-BIT University (Shenzhen, China).

Дата поступления: 08.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 08.10.2023; date of publication: 30.12.2023

СЛОВАРЬ Д. Н. УШАКОВА В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

Чэнь Пэйцзюнь

Шаньдунский университет (Цзинань, Китай)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7883-7175>

SPIN-код: 6813-3488

А н н о т а ц и я. В статье, имеющей целью раскрыть значение «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – Словарь Ушакова) для современной китайской русистики, рассматриваются различные точки зрения китайских ученых на знаменитое лексикографическое сочинение, с одной стороны, вобравшее в себя опыт составления толковых словарей русского языка предшествующих эпох, с другой стороны, положившее начало академической ортологической лексикографии советского времени. В статье предпринята попытка представить наиболее заметные критические и исследовательские работы китайских русистов разных лет, посвященные Словарю Д. Н. Ушакова, причем в разных аспектах. Приводятся, например, суждения лексикографов-русистов Китая (Лю Цзезун, Цао Цзинхуа и др.), кто считал этот словарь образцовым и в начале 1930–1940-х годов учился русскому языку в советских вузах, а при составлении первых двуязычных (китайско-русских и русско-китайских) словарей следовал принципам лексикографического шедевра Ушакова. Предлагается также краткий обзор работ известных педагогов современного Китая (Чжан Хуйсэнь, Го Динтай, Чжан Цзиньчжун и др.), определяющих Словарь Д. Н. Ушакова как ценный источник лексики, актуальной и необходимой для китайских учащихся в преподавании им русского языка любой исторической эпохи, но прежде всего, советской. Подчеркиваются те аспекты этого словаря, которые представляются наиболее ценными для теоретической русистики в Китае, например: вопросы исторической и функциональной стилистики, семантической изменчивости слова, соотношения грамматической и лексической сторон словесного знака, проблем фразеологии, лексической омонимии и полисемии. Анализ научных статей о Словаре Д. Н. Ушакова, в разные годы вышедших в Китае, воспоминания о пользе словаря в различных областях жизни Китая после 1930-х гг. ясно свидетельствуют о том, что словарь оказал огромное влияние на развитие лексикографии в Китае как самостоятельной области русистики и в теоретическом и научно-прикладном значениях, а также подчеркивает практическую ценность этого знаменитого издания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: двуязычная лексикография; китайская русистика; нормативный словарь; история лексикографии; научная школа; стилистические пометы

Д л я ц и т и р о в а н и я: Чэнь, П. Словарь Д. Н. Ушакова в китайской русистике / П. Чэнь. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 298–309. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-298-309.

D. N. USHAKOV'S DICTIONARY IN CHINESE RUSSIAN STUDIES

Peijun Chen

Shandong University (Jinan, China)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7883-7175>

Abstract. The aim of this article is to explore the significance of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by D. N. Ushakov (hereinafter Ushakov’s Dictionary) to the modern Chinese Russian studies. This article makes a comprehensive analysis of the Dictionary based on various viewpoints of Chinese scholars on this renowned Dictionary, which not only incorporated the principles of previous Russian dictionaries, but also laid the foundation for academic orthological lexicography of the Soviet era. The article attempts to present the most notable critical and research works of Chinese Russian scholars of different years devoted to Ushakov’s dictionary, and in different aspects. For example, this article presents opinions of Chinese Russian language lexicographers (Liu Zerong and others), who considered this dictionary exemplary, and who in the early 1930s and 40s studied Russian in Soviet universities, and when compiling the first bilingual (Chinese-Russian and Russian-Chinese) dictionaries followed the principles of Ushakov’s lexicographic masterpiece. The study also contains a brief overview of the works of famous teachers of modern China (Zhang Huisen, Guo Dingtai, Zhang Jingzhong, etc.), who define Ushakov’s dictionary as a valuable source of vocabulary relevant for teaching Rus-

sian of any historical era, especially the Soviet one, to Chinese students. Those aspects of this dictionary that seem most valuable for theoretical Russian studies in China are emphasized, for example, in matters of historical and functional stylistics, semantic variability of a word, correlation between grammatical and lexical aspects of a verbal sign, problems of phraseology, lexical homonymy and polysemy. The analysis of the scientific articles about Ushakov's dictionary published in China in different years and the memories about the usefulness of the dictionary in various areas of life in China after the 1930s clearly indicate that Ushakov's dictionary had a huge impact on the development of lexicography in China as an independent field of Russian studies in both theoretical and scientific-applied perspectives and emphasize the practical value of this famous publication.

Keywords: bilingual lexicography; Chinese Russian studies; normative dictionary; history of lexicography; scientific school; stylistic notes

For citation: Chen, P. (2023). D. N. Ushakov's Dictionary in Chinese Russian Studies. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 298–309. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-298-309.

Введение

Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) – выдающийся русский и советский ученый, член-корреспондент Академии наук СССР, в настоящее время наиболее известен в Китае тем, что под его редакцией был издан «Толковый словарь русского языка» (1935–1940 гг.) – один из самых авторитетных толковых словарей в истории русской лексикографии, оказавший безусловное влияние на развитие словарного дела не только в России, но и в тех странах, где всегда существовал большой интерес к русскому языку, литературе и культуре. Показателен в этом отношении пример Китая.

Интерес китайских ученых к научному творчеству Д. Н. Ушакова, особенно к «Толковому словарю русского языка» (известному всем как Словарь Ушакова), возник уже с момента его выхода в свет.

Истоки традиции

После Синьхайской революции (1911–1912 гг.) Китайская национальная партия Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая придавали большое значение связям с СССР и подготовке специалистов, свободно владеющих русским языком и понимающих специфику Советского Союза [Нин Ци 2019: 77]. Многие китайские студенты 1920–1930-х гг. мечтали поехать учиться в СССР, в том числе изучать русский язык. Те из них, кто успешно окончил советские университеты и возвращался на родину, например, Цао Цзинхуа, Лю Цзэжун, Ван Чжисян и др., начинали активно заниматься преподаванием русского языка, привозили с собой большое количество ценных русскоязычных книг и учебных материалов, на основе которых преподавание русского языка в Китае начало

строиться по-новому [Фу Кэ 1986: 38].

Некоторые из прошедших обучение в СССР китайских студентов создавали свои учебники и пособия по русскому языку, которые были предназначены именно для китайской аудитории и учитывали её культурный контекст [Там же]. Именно они – первые китайские русисты, пионеры преподавания русского языка в Китае – познакомились со Словарем Ушакова почти сразу после того, как в СССР в 1935 г. из печати вышел его первый том.

Цао Цзинхуа (1897–1987) – известный переводчик и педагог, который в своё время, в 1921 г., был направлен на учёбу в советский Коммунистический университет трудящихся Востока (Москва, 1921–1938 гг.).

С образованием КНР он возглавил факультет русского языка Пекинского университета. Цао Цзинхуа был одним из первых китайских русистов, кто познакомил широкую читательскую аудиторию своей страны с русской и советской литературой. Он перевел большое количество произведений русских писателей на китайский язык и своей деятельностью внёс значительный вклад в распространение и популяризацию русской и советской литературы в Китае. По воспоминаниям издателя и переводчика Сунь Шэнью (1917–2014), в 1937 г., когда Япония вероломно развязала против Китая агрессивную империалистическую войну и Бэйпин (нынешний Пекин) пал, Цао Цзинхуа вместе с семьёй покинул город, оставив там почти все свои книги и взяв с собой только три словаря, одним из которых был Словарь Ушакова.

После 1942 г., находясь в городе Чунцин, временной фактической столице Китая, Цао Цзинхуа в тяжёлых условиях,

пользуясь Словарём Ушакова, выполнял переводы большого количества советских произведений на китайский язык [Сунь Шэнью 2007: 78].

При взгляде на историю создания двуязычных словарей в Китае становится понятно, что едва ли не каждый русско-китайский словарь, созданный после образования КНР, оказывается тесно связан со Словарём Ушакова. В предисловии к первому вышедшему после образования КНР в ноябре 1949 г. «Русско-китайскому словарю» (俄华求解同义 成语 文法四用辞典) его автор Го Цзинтянь включает ТСРЯ в список использованных им базовых изданий.

В изданном в 1953 г. двухтомном «Русско-китайском словаре» (俄华大辞典) под редакцией Ван Юйцзиня, Кун Кэцзя и других ученых-лексикографов указано, что при его подготовке также использовался ТСРЯ.

«Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна, вышедший в 1960 г. (он квалифицируется как «первый крупный русско-китайский словарь, в котором представлено наибольшее количество слов, отражён самый полный набор значений, даны самые точные переводы» и признаётся «самым практико-ориентированным со времён образования КНР» [Чжан Цзиньчжун 2005: 80]), имел принципиальное отношение к ТСРЯ как ценному источнику лексики, как образцовому лексикографическому изданию, о чем говорится в предисловии. В свою очередь на основе этого русско-китайского словаря в 1998 г. был составлен четырёхтомный «Большой русско-китайский толковый словарь» (俄汉详解大词典), «самый большой в истории китайской русистики», представляющий собой «выдающееся событие в научной жизни КНР, крупное достижение китайских русистов» [Солнцев 1998: 3].

В кругу лингвистов Китая имя Д. Н. Ушакова тесно связано с одним из первых китайских русистов Лю Цзэжуном (в 1920-е годы он был хорошо известен в Советском Союзе как деятель Коммунистического интернационала и даже трижды встречался с В. И. Лениным).

В период становления КНР СССР направлял большое количество специалистов для поддержки социалистического строительства в Китае, что явилось толчком к новой волне изучения русского язы-

ка в Китае. Естественно, что важнейшим источником русской лексики в таких случаях были русско-китайские словари, что примечательно, с конца 1930-х гг. составленные прямо или опосредованно на основе «Толкового словаря» Д. Н. Ушакова.

В годы, предшествовавшие выходу знаменитого словаря, студентам и преподавателям приходилось использовать популярный тогда «Русско-японский словарь» (露和辞典) под редакцией Ясуги Садатоси, вышедший в 1935 г. (ввиду исторической близости китайских и японских иероглифов это было возможно). По воспоминаниям Пань Аньжуна, редактора, переводчика и ученика Лю Цзэжуна, Лю Цзэжун с самого начала своего преподавания русского языка хотел составить объёмный русско-китайский словарь, взяв за основу четырёхтомный ТСРЯ и дополнив его новыми лексемами. Однако в связи с нехваткой научных кадров для составления такого словаря и ввиду необходимости как можно скорее удовлетворить потребность китайцев, изучающих русский язык, в русско-китайском словаре, Лю Цзэжун принял решение отказаться от первоначального намерения и приступить к составлению русско-китайского словаря среднего объёма по образцу Словаря С. И. Ожегова [Пань Аньжун 1981: 237]. Так, в декабре 1956 г. вышел в свет 1-й том двухтомного «Нового русско-китайского словаря» (俄汉新辞典) под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий слова на буквы А–О. В предисловии к этому словарю отмечается: «Первоначально русско-китайский словарь был составлен нами на основе “Словаря русского языка” С. И. Ожегова; также мы добавили комментарии и некоторые новые слова русского языка, и объём словаря составил более 50 000 словарных статей. В конце августа 1954 г. мы закончили подготовку первоначального проекта и начали работы по корректуре, предварительной проверке, повторной проверке и доработке словаря. Но в процессе доработки стало явственно ощущаться, что толкования слов, представленные в словаре, для изучающих русский язык китайцев слишком кратки и не удовлетворяют их запросам, в связи с чем нами было принято решение пересоставить наш словарь, взяв за его основу толковый словарь Ушакова, расширить толкова-

ния значений, добавить некоторые новые часто употребляющиеся слова и фразеологизмы и добавить примеры употребления некоторых часто встречающихся глаголов и предлогов. Таким образом, первоначальный вариант словаря претерпел существенные изменения, количество словарных статей увеличилось с 52 000 до 60 000, обогатилось и их содержание» [Лю Цзэжун 1956: 1].

В 1960 г. был выпущен уже «Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий 105 000 словарных статей и насчитывающий в общей сложности 7 млн печатных знаков. Лю Цзэжуну всё-таки удалось реализовать свой давний план и составить большой русско-китайский толковый словарь, опосредованно восходящий к высоко ценимому им ТСРЯ. Непосредственной же основой для «Большого русско-китайского словаря» (俄汉大词典) послужил «Новый русско-китайский словарь» (俄汉新辞典) 1950-х гг.

«Большой русско-китайский словарь» отличался от него тем, что он включал в себя все словарные статьи и фразеологизмы из словаря Ушакова, также при его подготовке использовались уже вышедшие тогда в свет первые два тома «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР (известного как «Большой академический словарь»), некоторые статьи из «Словаря иностранных слов» под редакцией И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова, выпущенного в 1954 г. и др. [Лю Цзэжун 1960: 3]. «Большой русско-китайский словарь» (俄汉大词典) под редакцией Лю Цзэжуна явился «самым полным русско-китайским словарём своего времени, заслужил признание нескольких поколений китайских студентов и преподавателей русского языка и многократно переиздавался» [Чэнь Чусян 2001: 4].

Китайская научная школа и советская лексикография

Словарь Ушакова стал основой для составления русско-китайских словарей китайскими русистами потому, что, по их мнению, для создания качественного русско-китайского словаря требовался добротный толковый словарь русского языка, который соответствовал бы стандартам авторитетности, современности и совместности [Чжэн Шупу 1992: 30], чему ТСРЯ

удовлетворял идеально. Рассмотрим подробно эти требования ниже.

«Под авторитетностью понимается то, что качество выбираемого русского словаря должно было признано в научном кругу наилучшим. Теоретическая база, позиция его составителей и информация, содержащаяся в словаре, должны быть точны и достоверны» [Там же]. ТСРЯ, первый законченный и полный толковый словарь русского языка советской эпохи, являлся значимым трудом, занявшим важное место в истории русской лексикографии, и после своего выхода в свет он был признан учёными и преподавателями. По мнению В. В. Виноградова, этот словарь представлял собой «в высшей степени ценное справочное пособие по современному русскому языку» [Виноградов 1977: 239]. Как отмечает О. В. Никитин, «при всей жесткости политики в области языкознания в 1930-е гг. “Ушаковский словарь” показал подлинные ориентиры современной лексикографии: нормативность, литературный язык, грамотность в отборе и толковании лексических единиц, широкий общефилологический и культурный кругозор. Даже в условиях сильного идеологического давления он смог противостоять марровским позициям в науке, сохранить четкие академические традиции в теории и практике создания толковых словарей и поныне является ориентиром в подготовке нормативных тезаурусов XXI века» [Никитин 2016а: 39].

Авторитетность ТСРЯ была признана и на официальном уровне: так, в 1948 г. Все-союзное общество культурной связи с заграницей решило преподнести Цао Цзинхуа в знак благодарности за серьёзную и плодотворную работу ценный подарок – Словарь Ушакова [Чжан Дэмэй 1992: 626].

«Под современностью понимается то, что выбираемый русский словарь должен отражать русский язык именно последнего времени, так как язык постоянно развивается и лексика является одним из наиболее динамично обновляющихся языковых уровней. Как правило, чем текст новее, тем ярче он отображает прошедшие в языке изменения» [Чжэн Шупу 1992: 30]. Словарь Ушакова, вышедший с 1935 по 1940 гг., отражал не только слова, употреблявшиеся в произведениях классической литературы

от Пушкина до Горького, но и лексику общепринятого делового и научного языка XIX – начала XX в.; также в словарь были включены неологизмы, возникшие в первой трети XX в., особенно после Октябрьской революции 1917 г. О. В. Никитин справедливо полагает, что одна из важных задач «Словаря» Ушакова – отразить новую лексику, вошедшую в употребление за последние 10-15 лет [Никитин 2016б: 57]. Всё это дало Словарю Ушакова полное право называться «толковым словарём современного русского языка» [Ушаков 1935: 3].

В соответствии с контекстом своего времени и стоявшими перед ним задачами ТСРЯ отражал системные лексико-семантические изменения последних десятилетий и давал картину развития языка в новую, социалистическую эпоху. По мнению О. В. Никитина, «Ушаковский словарь» фиксировал отражение в языковом фонде, как правило, новейших явлений, характерных для советской эпохи [Никитин 2016б: 57]. Тут важно отметить, что редактор и составители ТСРЯ сумели придерживаться идеологических установок и одновременно во многих случаях отстоять научный принцип издания и его лингвистическую, а не политическую направленность, главенство филологии над лозунгами победившего строя [Там же]. Для теории молодой лексикографии в Китае эти наблюдения за свойствами лексического знака имели глубокое теоретическое значение.

Немаловажно и то, что словарь фиксирует обширный ряд новых специализированных технических терминов, использовавшихся в сфере производства и машиностроения. На то были свои продиктованные историей причины, так как в начале выполнения первых пятилеток в СССР возрос массовый интерес к технике и промышленности, в связи с чем стали широко употребительны некоторые малоизвестные ранее специализированные термины (*втулка, подшипник, стартер*), на что и откликнулся коллектив словарников, возглавляемый Д. Н. Ушаковым. Они стремились отразить современный им русский язык максимально точно и полно.

В словаре также можно найти лексемы, отражающие актуальные для этого времени реалии внутренней и внешней политики и общественной жизни (*проле-*

тариат, империализм, ленинец), и слова, иллюстрирующие недавние на тот момент достижения науки и техники (*нейтрон, фотография, электродвигатель*). Благодаря этому ТСРЯ был востребован не только в среде филологов, писателей и переводчиков. По свидетельству ряда китайских ученых, свидетелей этой эпохи (1940–50-е гг.), советские специалисты, приехавшие в КНР с различными строительными, инженерными целями широко использовали данные собрания Д. Н. Ушакова, чтобы точно и ясно (как это растолковано в словаре) объяснить китайским коллегам, владевшим русским языком весьма сносно, то или иное значение нового для них термина или технического понятия. Допустимо в этом отношении предположить, что ТСРЯ в известном смысле внёс свою лепту в налаживание дружбы народов СССР и Китая в довоенное и послевоенное время.

«Под совместимостью понимается то, чтобы объем, характер, структура и адресат выбираемого русского словаря были как можно ближе к планируемому русско-китайскому словарю, и, чем соответствие этих характеристик будет больше, тем лучше» [Чжэн Шупу 1992: 30]. В литературе можно встретить опыт подсчёта численных величин подобных характеристик словарей. Так, по статистике Чжан Цзиньчжуна, число лексикографических параметров¹ в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) – 15, в «Толковом словаре живого великорусского языка» (словаре Даля) количество лексикографических параметров сокращено до 12 за счёт уменьшения объёма грамматической информации, а в монументальном, но не доведённом до конца словаре Грота–Шахматова («Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук» / «Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР», 1891–1937) количество этих параметров почти такое же, как и в «Словаре Академии Российской», не считая лишь одного добавленного этимологического параметра.

¹ Чжан Цзиньчжун, следуя за Ю. Н. Карауловым, понимает под лексикографическим параметром «квант информации о языке» в словарном представлении (см.: [Скляревская 2017: 11]).

По сравнению с указанными словарями четырёхтомник Д. Н. Ушакова даёт гораздо большее число параметров – 40. В этой связи можно утверждать, что он даёт гораздо больше информации по каждому слову, чем словари, предшествующие ему. Учитывая обилие лексикографических параметров и глубину проработки каждого слова, ТСРЯ вполне заслуживал того, чтобы быть использованным в качестве основы для составления двуязычных словарей [Чжан Цзиньчжун 2005: 32–33].

Стоит отметить и то, что словари 1940–1980-х годов имели отчетливо выраженное политическое звучание, о чём, в частности, можно судить по следующему высказыванию двух известных в своё время китайских специалистов по русскому языку: 1) «Мы – социалистическая страна, и наши словари должны иметь социалистическое содержание, которое должно проявляться во всём: и в выборе лексики, и в толковании значений слов, и особенно в идейном содержании примеров. Словари должны занимать чёткую политическую позицию и иметь правильную точку зрения. Распространение буржуазного смрада и феодальных суеверий не допускается» [Юй Шисюн 1962: 49]; 2) «Словарь был не только орудием общественной борьбы, мысли и общения, но и орудием воспитания народных масс» [Чжан Хуйсэн 1980: 116]. Примечательно, что эти (и подобные) высказывания китайских лексикографов явились следствием их внимательного знакомства со Словарем Ушакова. Так, с точки зрения современных российских исследователей, обилие коммунистических штампов с цитатами из трудов Ленина и Сталина в словаре является его видимым недостатком [Нефёдов, Нефёдова 2013: 9], в то время как в Китае 1950–1960-х гг. остро нуждались именно в таком словаре русского языка, составители которого стремились «отразить процесс переработки словарного материала в эпоху пролетарской революции, полагающей начало новому этапу в жизни русского языка» [Ушаков 1935: 3].

Следует отметить, что составители русско-китайского словаря считали необходимым включить в двуязычный русско-китайский словарь как можно больше русских фразеологизмов, крылатых выраже-

ний, пословиц и поговорок», справедливо полагая, что «именно они больше всего нужны китайским читателям» [Составители «Нового русско-китайского словаря» (俄汉新辞典) и «Большого русско-китайского словаря» (俄汉大词典) 1959: 105] и что «фразеологизмы, крылатые слова, пословицы и поговорки наиболее полно и ярко отражают особенности языка и зачастую трудны для усвоения изучающими данный язык, поэтому при составлении словарей следует включать их в как можно большем объёме, и, чем богаче будет представлены в словаре эти устойчивые выражения, тем будет лучше» [Юй Шисюн 1962: 48]. Как известно, ТСРЯ богат разного рода фразеологическими единицами: в качестве текстовых иллюстраций к словарной статье часто приводятся фразеологизмы и объяснения их значений. Это дало возможность использовать его и как основу для составления специализированных русско-китайских фразеологических словарей.

Роль Словаря Ушакова в обучении РКИ

ТСРЯ был весьма ценен при преподавании в китайских университетах русского языка как иностранного, особенно в 1950-е гг., в период бурного развития русистики в Китае. Наиболее известным центром преподавания русского языка в Китае в то время стал Харбинский специализированный институт иностранных языков (известный как «Ха Вай Чжуань», 哈外专), существовавший в 1946–1958 гг. [Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета]. Этот институт – первый крупный центр преподавания русского языка как иностранного, учреждённый Коммунистической партией Китая (КПК). Харбинский специализированный институт иностранных языков неизменно лидировал по количеству подготовленных квалифицированных кадров со знанием русского языка: так, в 1954 г. на учёбу по специальности «Русский язык» было принято сразу 1700 новых студентов [Лю Вэй 2010: 91], и число желающих изучать русский язык с каждым годом только росло.

Именно в Харбинском специализированном институте иностранных языков в 1951 г. при преподавании русского языка как иностранного начали методично и постоянно использовать Словарь Ушакова.

Использование этого источника в преподавании во многом было связано с деятельностью проректора Чжао Сюнь (1917–1988). Она была одной из первых китайских ученых-лексикографов, профессионально работавших в этой области. При этом Чжао Сюнь – известный преподаватель русского языка как иностранного в Китае, заметный переводчик и специалист в области двуязычного (китайско-русского) переводоведения.

В 1951 г. Чжао Сюнь, уже в должности проректора, начала составлять «Русско-китайский фразеологический словарь», используя как основу богатый фразеологический материал ТСРЯ. Она добавила к фразеологизмам бытовые примеры их употребления и снабдила их переводами. Таким образом, появилось новое ценное пособие по русскому языку для китайских преподавателей и студентов [Ли Сиинь 2007: 243].

Итак, ценность Словаря Ушакова при преподавании русского языка как иностранного в Китае, безусловно, заключается ещё и в том, что именно на его основе, как указывалось выше, был составлен «Большой русско-китайский словарь» под редакцией Лю Цзэжуна, содержащий в себе все словарные статьи и фразеологизмы оригинала. «Большой русско-китайский словарь» оказал значительную помощь китайским преподавателям русского языка, переводчикам и исследователям, использовавшим русский язык в своей работе. Он намного повысил качество преподавания русского языка как иностранного и перевода с него в Китае. С его использованием было подготовлено несколько поколений высококлассных китайских специалистов по русскому языку, в чём опосредованно следует видеть и заслугу ТСРЯ.

Из истории изучения Словаря Ушакова в китайской лингвистической традиции

Уже сразу после выхода в свет первого тома ТСРЯ был замечен китайскими русистами и вызвал у них большой интерес. Об этом свидетельствует письмо Лю Цзэжуна Д. Н. Ушакову от 2 декабря 1936 г.: «Какова же была наша радость, когда мы узнали про выпуск нового толкового словаря современного русского языка под Вашей редакцией <...>. Просмотрев Ваш богатый, прекрасно выполненный словарь, я нашёл, что это именно такой словарь, какой нам

нужен. Объём словаря, расположение материала, схема толкования каждого слова оказались приблизительно такими же, какие были приняты нами в результате долгих размышлений» [Ожегов 1957: 194]. Учитывая «усиленный интерес к русскому языку в Китае» [Там же], существовавший ещё в начале 1930-х гг., Лю Цзэжун и его коллеги, преподававшие русский язык на факультете русского языка института права и экономики Бэйпинского (Пекинского) университета, задумали создать «хороший и достаточно полный русско-китайский словарь» [Там же].

Однако они столкнулись с большими трудностями, обусловленными тогдашним положением дел в русской лексикографии: до появления ТСРЯ другого современного и подробного словаря, который подходил бы для целей создания на его основе двуязычного словаря для изучения русского языка как иностранного, просто не было. В письме Д. Н. Ушакову от 2 декабря 1936 г. Лю Цзэжун писал: «С самого начала этой работы мы встретились с одним чрезвычайно большим затруднением, а именно с отсутствием хорошего современного толкового словаря русского языка, который мог бы облегчить работу как в отношении выбора материала, так и в отношении этимологического и смыслового анализа слов: из известных нам русских толковых словарей – маститый Даль не подходит для целей современного русско-иностранного словаря, словарь Стояна (однотомный «Краткий, или Малый, толковый словарь русского языка», вышедший в 1913, 1915 и 1916 гг. – Ч. П.) слишком мал и недостаточен, а словарь Академии слишком велик и подробен и к тому же далеко ещё не закончен. Из русско-иностраных словарей мы также не нашли ни одного достаточно полного для современного русского языка. Таким образом, нам пришлось самим, своими силами, путём, с одной стороны, справок по имеющимся словарям, а с другой стороны, путём выборки из современной русской литературы и прессы, приступить к составлению словаря <...>» [Там же]. Поэтому выход Словаря Ушакова был очень кстати для работы китайских лексикографов, он полностью оправдал их ожидания, благодаря чему и был положен в основу русско-китайских словарей.

В 1984 г. в китайской печати появилась статья Го Динтай, посвященная анализу ТСРЯ, которая называлась «Ушаков и словарь под его редакцией». В своей статье её автор подробно описал биографию, научную деятельность и достижения Д. Н. Ушакова и высоко оценил рассматриваемый словарь, акцентируя внимание на следующих его аспектах: словарный состав, толкование значений слов, стилистические пометы, кодификация правописания и произношения.

Словарный состав. Го Динтай указывает: «Словарь Ушакова, содержащий 85 289 словарных статей, в основном отражает состояние лексики и фразеологии нормативного (литературного) русского языка 1930-х гг., отвечая потребностям общества того времени. Помимо слов из классических произведений русских писателей от Пушкина до Горького, он включает, в соответствии с требованиями революционного и культурного развития того времени, большое количество политических и «производственных» слов, часто появлявшихся в печати и уже вошедших в обиход всего населения» [Го Динтай 1984: 165-166]. Он также замечает, что «в словаре Ушакова в значительном объеме были представлены сложносокращенные слова», что соответствовало тенденциям и фактам развития русского языка того времени, так как «за последние несколько десятилетий (относительно времени составления словаря – Ч. П.) количество таких слов многократно увеличилось» [Там же: 166].

Го Динтай особо отмечает, что «словарь Ушакова богат фразеологическими единицами от Пушкина до 30-х годов» [Там же]. Причём фразеологические единицы подаются в словаре таким образом, что читатель легко может их найти и использовать. Указывается автором статьи и то, что «в словаре особо даются и некоторые широкоупотребительные словообразовательные части – морфемы. Дается краткое толкование значения этих морфем с иллюстративными примерами, что позволяет читателю увидеть принцип построения таких слов и даёт ему возможность освоить его и расширить свой словарный запас» [Го Динтай 1984: 166–167]. Но указывает автор и на недостатки словника: «Небольшое ко-

личество новых слов должно было быть включено в словарь, но включено оно не было. Включение областных и устаревших слов представляется избыточным» [Го Динтай 1984: 167].

Толкование значений слов. Го Динтай считает, что при толковании слов составители ТСРЯ стремились к краткости, что нередко приводило к тому, что толкования обычно оказывались очень ёмкими; составители также широко пользовались синонимическим способом толкования и давали в качестве толкований словосочетания и краткие предложения. Полученная таким образом краткость словарных статей иногда, с точки зрения Го Динтай, снижала точность толкований и уровень концептуальной целостности словаря. Кроме того, «Толковый словарь» Ушакова, по мнению китайского исследователя, не всегда содержал все значения общеупотребительных слов [Там же]. Автор упрекал составителей ТСРЯ и в отсутствии согласованности при подаче производных слов: например, в одних случаях наречия, образованные от прилагательных, рассматриваются как их денотаты и подаются в статьях о прилагательных (*весело, страшно*), а в других – такие же наречия подаются в отдельных словарных статьях (*душно, стыдно*) [Го Динтай 1984: 168].

Стилистические пометы. Го Динтай уделяет заметное внимание системе стилистических помет, во многом новаторски, широко и разносторонне характеризующих лексику русского языка. Стилистическая дифференциация словарного состава имеет огромное значение не только в преподавании русского литературного языка в иностранной аудитории, но и для тех владеющих русским языком китайцев, кто хотел бы в подлиннике читать произведения русской литературы. Иными словами, он видел в этой работе Д. Н. Ушакова серьезный просветительский смысл. Неслучайно он отмечает, что «впервые в истории русской лексикографии в Словаре Ушакова систематически использованы стилистические пометы, указывающие на сферу употребления, устарелость, стилевую отнесенность и эмоциональную окраску слов, что в большой степени способствует пониманию и правильному использованию лексики

читателем (здесь и далее курсив наш. – П. Ч.) [Там же].

Правописание и произношение. Го Динтай говорит также о том, как в Словаре Ушакова решались вопросы правописания и произношения слов: при колебании написания в виде наличия двух вариантов в словаре приводились оба: более распространённый подавался как основной, а менее распространённый приводился в скобках. Распространённые, но признававшиеся неправильными варианты также приводились в скобках со специальной пометой «неправ.», а в статьях о словах, которые могли быть произнесены неправильно, указывалось верное произношение. Го Динтай в этой связи отмечает, что в 1930-е гг. в Советском Союзе бурно развивалось культурное строительство, а старое произношение и правописание, сложившиеся в ходе истории, были очень непоследовательны и затрудняли работу школ и издательств; Словарь Ушакова, зафиксировавший новые нормы правописания и произношения, сыграл значительную роль в деле унификации русской орфографии и орфоэпии [Го Динтай 1984: 169].

С развитием теоретической и практической лексикографии понимание китайскими учёными ценности ТСРЯ продолжает углубляться. По мнению Чжан Цзиньчжун, Словарь Ушакова явился проводником в жизнь ряда важных теоретических и практических новаций: так, именно в нём впервые среди русских толковых словарей появилось развёрнутое теоретическое предисловие. В этом предисловии Д. Н. Ушаков разъясняет отличие лингвистического словаря от энциклопедического, описывает основные характеристики словаря, в частности его задачи, объём, способ построения самого словаря и словарных статей, стилистические пометы, типы толкований и т. д. [Чжан Цзиньчжун 2005: 30]. Словарь Ушакова также представляет собой первый толковый словарь русского языка, в котором идея нормативности реализована от начала до конца и принцип нормативности проходит через весь словарь на всех его уровнях, причём принципы нормативности чётко отражены в лексикографических параметрах [Там же: 31–32]. Кроме того, при составлении «Толкового словаря» под редакцией Ушакова был

достигнут определённый успех в части отбора лексем для словника (он отражает состав русского литературного языка своей эпохи во всей его полноте). ТСРЯ на фоне своих предшественников также выгодно отличается большим количеством фразеологизмов, рассматриваемых как отдельные структурно-семантические единицы языка, значение которых не складывается из суммы составляющих их элементов [Там же: 33]. Новаторским в Словаре Ушакова является и подход к проблеме разграничения многозначных слов и омонимов; в предшествующих словарях они часто разграничивались исходя из субъективных представлений их составителей, и в результате при пользовании словарями часто возникали трудности с пониманием того, действительно ли то или иное слово обладает рядом далёких друг от друга значений, или же в данном конкретном случае речь должна идти об омонимичных словах. В ТСРЯ большое количество пар слов впервые подано отдельно – как омонимы; это выгодно отличает его от словаря Грота–Шахматова [Там же: 34–35]. Также Чжан Цзиньчжун особо отмечает глубину и подробность проработки семантического анализа многозначных слов при толковании их значений [Там же: 36]. Наконец, в Словаре Ушакова тщательно проанализировано значение приставок, отмечена их синонимия, разобраны стилистические оттенки, приведены примеры словообразования при помощи приставок, что заложило начало новой традиции тезаурусной подачи словообразовательных аффиксов, которая в конечном счёте может привести к переосмыслению приставок как самостоятельных лексических единиц (наподобие «приглагольных предлогов»); кроме того, даны значения часто встречающихся первых и вторых частей сложных слов (префиксоидов и суффиксоидов) [Там же: 122–124].

Заключение

Труды Д. Н. Ушакова, особенно Словарь под его редакцией, не утрачивают актуальности как в китайской русистике в целом, так и в практической сфере преподавания русского языка как иностранного в Китае. Он остаётся одним из самых распространённых источников лексикограмматической информации по русскому языку вплоть до настоящего времени.

Сегодня мы имеем в своём распоряжении новые, более обширные по составу словари русского языка, нежели ТСРЯ. Однако этот фундаментальный источник по-прежнему является ценным справочным пособием, полезным для исследователей, изучающих эволюцию русского языка в XX в., и, с поправкой на время, для преподавателей русского языка как иностранного и как родного. Очевидно, что Словарь

Ушакова, отражавший живую русскую речь по состоянию на 1930-е гг., может служить не только источником изучения истории русского литературного языка в советскую эпоху, но и содержательным справочником в выявлении исторической эволюции семантики известных слов (*товарищ, партия, зав*), а также служить основой, образцом при подготовке двуязычных словарей.

Литература

- Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
- Го, Динтай. Ушаков и словарь под его редакцией / Го Динтай // *Lexicographical Studies*. – 1984. – № 04. – С. 163–169. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1984.04.039.
- Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета. История Хэйлунцзянского университета (1941–2001) / Группа по написанию истории Хэйлунцзянского университета. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2001. – 407 с.
- Ли, Сиинь. Язык, словарь, перевод / Ли Сиинь. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2007. – 277 с.
- Лю, Вэй. Общий обзор преподавания русского языка в Харбинском специализированном институте иностранных языков / Лю Вэй // *Foreign Language Research*. – 2010. – № 01. – С. 91–94. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.01.025.
- Лю, Цзэжун. Большой русско-китайский словарь / Ван Цзыюн, Ли Ифан, Лю Цзэжун и др. – Пекин : Коммерческая пресса, 1960. – 1384 с..
- Лю, Цзэжун. Новый русско-китайский словарь / Ван Цзыюнь, Ван Жунсянь, Лю Цзэжун и др. – Пекин : издательство «Шидай», 1956. – 1059 с.
- Нефёдов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи. К 140-летию со дня рождения профессора Д. Н. Ушакова / И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова // *Мир русского слова*. – 2013. – № 1. – С. 8–13.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // *Мир русского слова*. – 2016а. – № 3. – С. 27–40.
- Никитин, О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // *Русская речь*. – 2016б. – № 3. – С. 51–62.
- Нин, Ци. Преподавание русского языка в Китае : обзор 70-летнего развития и перспективы / Нин Ци // *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. – 2019 – № 05. – С. 76–88. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.05.008.
- Ожегов, С. И. Новый русско-китайский словарь / С. И. Ожегов // *Лексикографический сборник*. – Выпуск 2. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – С. 194.
- Пань, Аньжун. Лю Цзэжун и русско-китайские словари / Пань Аньжун // *Lexicographical Studies*. – 1981. – № 02. – С. 234–244. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1981.02.034.
- Скляревская, Г. Н. Идея лексикографической параметризации и ее реализация в современном толковом словаре живого русского языка / Г. Н. Скляревская // *Мир русского слова*. – 2017. – № 1. – С. 11–17.
- Солнцев, В. М. Предисловие / В. М. Солнцев // *Большой русско-китайский толковый словарь*. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 1998. – С. 3–7.
- Составители «Нового русско-китайского словаря» и «Большого русско-китайского словаря». Из опыта составления «Нового русско-китайского словаря» и «Большого русско-китайского словаря» // *Западная филология*. – 1959. – № 02. – С. 104–105.
- Сунь, Шэнью. Незабываемые годы в городе Чунцин / Сунь Шэнью // *Мемориальный сборник Цао Цзинхуа. – Шанхай, 2007. – С. 63–80.*
- ТСРЯ – Ушаков, Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1 / Д. Н. Ушаков. – М. : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 стб.
- Фу, Кэ. История преподавания иностранных языков в Китае / Фу Кэ. – Шанхай : Шанхайское издательство по обучению иностранным языкам, 1986. – 328 с.

Чжан, Дэмэй. Мемориальный сборник Цао Цзинхуа / Чжан Дэмэй, Лэн Кэ. – Кайфэн : Хэнаньское образовательное издательство, 1992. – 647 с.

Чжан, Хуйсэнь. Теория и практика составления словарей в СССР / Чжан Хуйсэнь // *Lexicographical Studies*. – 1980. – № 03. – С. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1980.03.022.

Чжан, Цзиньчжун. Очерки по составлению русско-китайских словарей / Чжан Цзиньчжун. – Харбин : Хэйлунцзянское народное издательство, 2005. – 269 с.

Чжэн, Шупу. Как используются существующие материалы в качестве основы при составлении двуязычных словарей / Чжэн Шупу // *Lexicographical Studies*. – 1992. – № 01. – С. 29–37. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1992.01.004.

Чэнь, Чусян. Обзор развития практики составления двуязычных словарей русского языка за прошедшее столетие / Чэнь Чусян // *Lexicographical Studies*. – 2001. – № 04. – С. 1–10. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2001.04.001.

Юй, Шисюн. Рецензия на «Большой русско-китайский словарь» / Юй Шисюн // *Foreign Language Teaching and Research*. – 1962. – № 03. – С. 48–51.

References

Chen, Chuxiang (2001). *Obzor razvitiya praktiki sostavleniya dvuyazychnykh slovarei russkogo yazyka za proshedshee stoletie* [Century Review of the Development of Bilingual Russian Language Dictionaries]. In *Lexicographical Studies*. No. 03, pp. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.2001.04.001.

Fu, Ke (1986). *Istoriya prepodavaniya inostrannykh yazykov v Kitae* [History of Foreign Language Teaching in China]. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press. 328 p.

Gruppa po napisaniyu istorii Heilunczyanskogo universiteta (2001). *Istoriya Heilunczyanskogo universiteta (1941–2001)* [The History of Heilongjiang University (1941–2001)]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 407 p.

Guo, Dingtai (1984). Ushakov i slovar' pod ego redaktsiei [Ushakov and the Dictionary under His Editorship]. In *Lexicographical Studies*. No. 04, pp. 163–169. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1984.04.039.

Li, Xiyin (2007). *Yazyk, slovar', perevod* [Language, Dictionary, Translation]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 277 p.

Liu, Wei (2010). *Obshchii obzor prepodavaniya russkogo yazyka v Kharbinskom spetsializirovannom institute inostrannykh yazykov* [The General Review of Russian Teaching in Harbin Institute of Foreign Languages]. In *Foreign Language Research*. No. 01, pp. 91–94. DOI: 10.16263/j.cnki.23-1071/h.2010.01.025.

Liu, Zerong (1956). *Novyi russko-kitaiskii slovar'* [The New Russian-Chinese Dictionary]. Beijing, izdatel'stvo "Shidai". 1059 p.

Liu, Zerong (1960). *Bol'shoi russko-kitaiskii slovar'* [The Great Russian-Chinese Dictionary]. Beijing, The Commercial Press. 1384 p.

Nefedov, I. V., Nefedova T. P. (2013). *Otazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetsoi epokhi. K 140-letiyu so dnya rozhdeniya professora D. N. Ushakova* [The Reflection of the Russian Language Lexis Systemacy in the First Monolingual Explanatory Dictionary of the Soviet Epoch (Devoted to the 140-year Anniversary of Professor Dmitry N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 8–13.

Nikitin, O. V. (2016a). *Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovary russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova)* [Russian Lexicography in the 1930s: The Struggle of Ideas and Ideologies (Glimpses of History of Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 3, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2016b). *Ushakovskaya epopeia: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovary [Ushakov's Epopee: Unknown Pages of the Famous Dictionary]*. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 51–62.

Ning, Qi (2019). *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae: obzor 70-letnego razvitiya i perspektivy* [Russian Language Education in China: A Review of 70-year Development and Its Prospect]. In *Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences)*. No. 05, pp. 76–88. DOI: 10.13806/j.cnki.issn1008-7095.2019.05.008.

Ozhegov, S. I. (1957). *Novyi russko-kitaiskii slovar'* [The New Russian-Chinese Dictionary]. In *Leksikograficheskii sbornik. Vypusk 2*. Moscow, Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, p. 194.

Pan, Anrong (1981). *Lyu Czehun i russko-kitaiskie slovni [Liu Zerong and Russian-Chinese Dictionaries]*. In *Lexicographical Studies*. No. 02, pp. 234–244. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1981.02.034.

Sklyarevskaya, G. N. (2017). *Ideya leksikograficheskoi parametrizatsii i ee realizatsiya v sovremennom tolkovom slovare zhivogo russkogo yazyka* [The Idea of Lexicographical Parametrization and Its Implementation in the Modern Explanatory Dictionary of the Live Russian Language]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 11–17.

Solntsv, V. M. (1998). *Predislovie* [Preface]. In *Bol'shoi russko-kitaiskii tolkovyi slovar'*. Harbin, pp. 3–7.

Sostaviteli "Novogo russko-kitaiskogo slovary" i "Bol'shogo russko-kitaiskogo slovary" (1959). *Iz opyta sostavleniya "Novogo russko-kitaiskogo slovary" i "Bol'shogo russko-kitaiskogo slovary"* [From the Experience of Compiling the New Russian-Chinese Dictionary and the Great Russian-Chinese Dictionary]. In *Zapadnaya filologiya*. No. 02, pp. 104–105.

Sun, Shengwu (2007). Nezabyvaemye gody v gorode Chuncin [Unforgettable years in Chongqing]. In *Memorial'nyi sbornik Cao Czinhua*. Shanghai, pp. 63–80.

TSRYA - Ushakov, D. N. (Ed.). (1935). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. T. 1 [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaya entsiklopediya". 1562 p.

Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected Works. Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka. 312 p.

Yu, Shixiong (1962). Retsenziya na "Bol'shoi russko-kitaiskii slovar'" [Review of "The Great Russian-Chinese Dictionary"]. In *Foreign Language Teaching and Research*. No. 03, pp. 48–51.

Zhang, Demei (1992). *Memorial'nyi sbornik Cao Czinhua* [Memorial Collection of Cao Jinghua]. Kaifeng, Henan Education Press. 647 p.

Zhang, Huisen (1980). Teoriya i praktika sostavleniya slovarei v SSSR [Theory and Practice of Dictionary Compilation in the USSR]. In *Lexicographical Studies*. No. 03, pp. 116–122. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1980.03.022.

Zhang, Jinzhong (2005). Ocherki po sostavleniyu russko-kitaiskikh slovarei [Studies of Russian-Chinese Dictionary-Making]. Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. 269 p.

Zheng, Shupu (1992). Kak ispol'zuyutsya sushchestvuyushchie materialy v kachestve osnovy pri sostavlenii dvuyazychnykh slovarei [How Existing Materials are Used as a Basis for Compiling Bilingual Dictionaries]. In *Lexicographical Studies*. No. 01, pp. 29–37. DOI: 10.16134/j.cnki.cn31-1997/g2.1992.01.004.

Данные об авторе

Чэнь Пэйцзюнь – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета русского языка Института иностранных языков, Шаньдунский университет (Цзинань, Китай).

Адрес: 250100, Китай, г. Цзинань, Хунцзялоу, 5.

E-mail: chenpeijun1123@163.com.

Author's information

Chen Peijun – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of Department of Russian Studies of School of Foreign Languages and Literature, Shandong University (Jinan, China).

Дата поступления: 29.09.2023; дата публикации: 30.12.2023

Date of receipt: 29.09.2023; date of publication: 30.12.2023

СЛОВАРНАЯ СТАТЬЯ КАК ТЕКСТ: ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Валентинова О. И.

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (Москва, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

SPIN-код: 6986-9081

Загуменнов А. В.

Вологодская духовная семинария (Вологда, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

SPIN-код: 6230-5594

А н н о т а ц и я . Цель статьи – обсудить перспективы применения объяснительного потенциала филологической герменевтики в исследовании толковых словарей. Объектом изучения стали словарные статьи «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, рассматриваемые как текст. Впервые такой тип текста изучался с процессуальной стороны: не как предмет, а как деятельность. Методологической основой исследования послужили классические труды по герменевтике Г. Г. Шпета и Г. И. Богина, синтезированные в ходе работы в целостный теоретико-методологический подход к изучению словарной статьи как особого типа текста. Процессы дефиниции, экспозиции и интерпретации рассматриваются авторами в свете системного подхода в качестве диалектической триады, служащей целям понимания разных уровней – семантизирующего и конципирующего. Такая исследовательская позиция позволила оценить словарь Д.Н. Ушакова и как текст, декодирующий семантическую действительность языка, и как текст, ее опредмечивающий.

В статье представлены результаты теоретического моделирования создания словарной статьи и их верификация при анализе словарного материала, который рассматривался с исторических позиций – как этап переживаемых семантической системой русского языка динамических изменений, для отслеживания которых, кроме словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, были привлечены данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ и «Словаря русского языка в четырёх томах» под редакцией А.П. Евгеньевой.

Авторы пришли к выводу, что порядок следования значений, причины изменения стилистических помет, принцип подбора семантизирующих то или иное значение сочетаний и цитат обусловлены интенционально, и потому декодируют для читателя искаженное семантическое пространство языка.

Разрабатываемый авторами подход к исследованию словарной статьи как текста может послужить теоретической основой герменевтического изучения толковых словарей, результаты которого значимы не только для филологической герменевтики, но и для истории литературного языка, истории науки, истории общества.

Ключевые слова: филологическая герменевтика; текст; доминанта; значение; лексикография; словарная статья

Для цитирования: Валентинова, О. И. Словарная статья как текст: опыт филологической герменевтики / О. И. Валентинова, А. В. Загуменнов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 310–322. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322.

DICTIONARY ENTRY AS A TEXT: AN EXPERIENCE OF PHILOLOGICAL HERMENEUTICS

Olga I. Valentinova

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8510-8701>

Alexandr V. Zagumennov

The Vologda Theological Seminary (Vologda, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Abstract. The purpose of the article is to discuss the prospects of applying the explanatory potential of philological hermeneutics in the study of explanatory dictionaries. The scope of the study includes the entry of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" edited by D. N. Ushakov, considered as a text of a special type. For the first time, this type of text is studied from the procedural point of view: not as an object, but as an activity. The methodological basis of the study consists of the classical works on hermeneutics by G. G. Shpet and G. I. Bogin, synthesized in the course of the work into a holistic theoretico-methodological approach to the study of the dictionary entry as a special type of text. The processes of definition, exposition and interpretation are considered by the authors in the light of a systemic approach as a dialectical triad that serves the purposes of understanding different levels – semanticizing and conceptualizing. Such a research position has made it possible to present Ushakov's dictionary both as a text decoding the semantic reality of language and as a text objectifying it.

The article presents the results of theoretical modeling of creation of a dictionary entry and their verification in the analysis of dictionary material, which is considered from a historical perspective – as a stage of dynamic change experienced by the semantic system of the Russian language. To discover this change, in addition to the dictionary edited by Ushakov, the authors employ data from the "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language" by V. I. Dahl edited by I. A. Baudouin de Courtenay and "The Dictionary of the Russian Language" in Four Volumes edited by A. P. Evgenieva.

The authors come to the conclusion that the order of meanings, the reasons for changing stylistic notes, and the principle of selecting combinations and quotations semanticizing a particular meaning are determined intentionally, and therefore decode the distorted semantic space of the language for the reader.

The approach developed by the authors to the study of the dictionary entry as a text can serve as a theoretical basis in the hermeneutic study of explanatory dictionaries, the results of which are significant not only for philological hermeneutics, but also for the history of literary language, the history of science, and the history of society.

Key words: philological hermeneutics; text; dominant; meaning; lexicography; dictionary entry

For citation: Valentinova, O. I., Zagumennov, A. V. (2023). Dictionary Entry as a Text: An Experience of Philological Hermeneutics. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 310–322. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-310-322.

Введение

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова представляет собой сложный, противоречиво воспринимаемый в науке и обществе феномен, осознание которого далеко от завершения, несмотря на вышедшие в последние годы серьезные монографические исследования [Купина 1995; Никитин 2012] и статьи (например: [Скляревская 2022; Стукова 2022; Филиппова 2023]). *Неоднозначность* этого лексикографического труда отражается в контрасте оценочных суждений о нём современного исследовательского сообщества: от признания словаря шедевром филологической науки [Никитин 2003] до его понимания как уникального памятника «тоталитарного языка советской эпохи» [Купина 1995: 7]. Подчеркнем, что от этой разности взглядов данная *диспозиция* не преобразуется в *оппозицию*. В нашей работе аксиологический аспект опускается принципиально. Мы рассматриваем «Толковый словарь...» под редакцией Д. Н. Ушакова не как замкнутый филологический факт, а в свете лексикографической ретроспективы и перспективы, вовлекая в исследователь-

ское поле «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ и «Словарь русского языка» в четырёх томах под редакцией А. П. Евгеньевой. Причем словарная статья рассматривается нами как текст особого типа. Этим объясняется выбор филологической герменевтики [Докучаев 2019; Крюкова 2019; Ашихманова 2020; Рябко 2020; Волков 2022; Оборина 2022; Белова 2023] как определяющего подхода в исследовании. Поэтому мы сначала эксплицируем аксиоматику, сущность обусловленных материалом теоретико-методологических координат, чтобы затем экстраполировать их на словарные статьи, связанные с религиозной тематикой.

Словарная статья как текст в ракурсе филологической герменевтики

После работ В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. П. Мельникова потенциально многоуровневый и в силу этого – внутренне противоречивый объект обязан рассматриваться не только статично, как «вещь» (ἔργον, эргон), но и в динамике, как действие (ἐνέργεια, энергея). Эта антиномия присуща и тексту.

«Вещная» дефиниция текста содержится в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами к-рой являются связность и цельность» [Николаева 1998: 507]. С этих позиций статья из толкового словаря – текст как вещь (ἔργον). В квазидинамических определениях текст характеризуется как *результат* некоторых «процессов», то есть тоже предстает в конечном счете как вещь: результат «речетворческого процесса» [Гальперин 1981: 18], «функционирования» речи [Михайлов 2006: 7], «производства, говорения» [Касевич 1988: 50] и т. п.

Однако «произвести анализ некоторого явления как процесса – это значит разложить это явление на части, а затем установить между частями определенные связи» [Щедровицкий 2003: 110].

Таким образом, с позиций категориального аппарата филологической герменевтики, словарная статья, хотя и воспринимается традиционно как статичное целое, как вещь (ἔργον), но является в своей сущности процессом, а значит, отношением между процедурами, представляющими собой связку логических операций [Щедровицкий 2003]. Другими словами, словарная статья является не чем иным, как текстом. Жанр научной статьи не позволяет нам исчерпывающе раскрыть динамический состав и содержание словарной статьи толкового словаря, однако позволяет согласовать лингвистический и герменевтический взгляды на дотекстовые процессы, формирующие такой *тип текста*.

В филологической герменевтике ближе всего к процессуальной природе текста подошли Г. Г. Шпет и Г. И. Богин. Поскольку принцип филологической герменевтики – не исключать, а абсорбировать, мы можем синтезировать эти концепции. Это позволит нам представить понимаемую как текст словарную статью отношением трёх процессов:

1. Дефиниции (*definitio* – определение) – служащего целям понимания процесса, оформленного логическими процедурами для отграничения объема одного слова-понятия от других. Например: ве-

ра ≠¹ песок; вера ≠ мех.

2. Экспозиции (*expositio* – выставление на обозрение, изложение) – процесса «определения понятий в их словесно-логической форме» [Шпет 2007: 414], когда истолкование дается для всякого потенциально возможного контекста. Получаем: вера ≅ религия; вера ≅ христианство.

3. Интерпретации – направленного на понимание слова «в его действительном контексте» [Шпет 2007: 414] процесса, в ходе которого вскрывается глубинная диалектика словарной статьи как особого типа текста, поскольку:

– интерпретация истолковывает слово в его действительном контексте, тогда как экспозиция имеет в виду как бы всякий возможный контекст, т. е. некоторую имманентно связанную систему, из которой уже почерпается нужное слово-понятие для действительного контекста» [Шпет 2007: 414], а

– словарь конкретного языка не может существовать без текстов на этом языке.

Таким образом:

– экспозиция – формально данный *образец толкования* для возможной вариативности, т. е. употребления слова-понятия в потенциальном контексте;

– интерпретация – выходящая за пределы словаря потенциальная реализация *образца толкования* в живом контексте, а потому она представляет собой размыкание семантического пространства слова в его замыкающем *о-пределении*.

В лексикографической практике эти процессы не осуществляются изолированно друг от друга. Говорим ли мы о сотворенном или творящемся тексте, метонимия нашего мышления синтезирует статику и динамику. «Во всякой реальности (в том числе в тексте. – О. В., А. З.) есть **и** момент ἔργον, **и** момент ἐνέργεια» [Флоренский 2017: 18]. В этом нет логического противоречия, поскольку дефиниция, экспозиция и интерпретация представляют собой диалектическую триаду, в которую входят:

– *исходное* внутреннее состояние, характеризующее интенциями к изменению;

– *причастное* внешнее состояние, содействующее превращению этих интен-

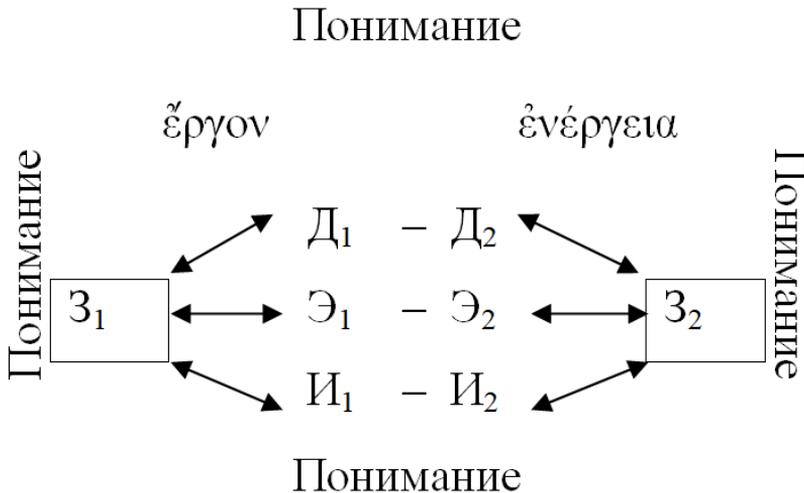
¹ Мы придерживаемся следующего понимания знаков: ≠ – 'не есть равно', ≅ – 'частично совпадает с'.

ций в экстенции и, следовательно, протеканию этих изменений;

– *предельное* внутреннее состояние, возникающее в результате перехода в него *исходного* состояния благодаря содействию со стороны *причастного* [см. Мельников

2003: 47]¹. В упрощенном варианте эти отношения показаны нами на рисунке 1.

¹ Триадологический подход имплицитно присутствует и в концепциях Г. Г. Шпета и Г. И. Богина.

Рис. 1. Антиномия «вещь-действие» в процессах восприятия слова составителями словаря и словарной статьи читателями словаря

Выше показано, что дефиниция, экспозиция, интерпретация представляют собой и результат процессов, $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\nu$ (D_1 , E_1 , I_1), и сами процессы, $\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ (D_2 , E_2 , I_2), а антиномия «вещь-действие» распространяется и на «значение» (Z_1 , Z_2). В результате происходит разграничение «значения» как «вещи» и «значения» как «процесса»².

Триадологическая текстовая модель словарной статьи

Если дефиниция отграничивает семантический объем одного знака от семантических объемов других знаков, а экспозиция представляет собой систему воз-

можностей в очерченных данной дефиницией границах, то интерпретация завершает восхождение от абстрактного к мысленно конкретному, но уже за пределами толкового словаря. Таким образом, перед нами три соединенных друг с другом процесса, но, как мы писали выше, они представлены не-равномерно и не-равноценно. Дефиниция, экспозиция, интерпретация, вплоть до окончательной вербальной материализации словарной статьи, имманентно содержат, как универсальный принцип творчества, доминанту³, которая выступает в роли, выражаясь метафорически, механизма, направленного «на достижение однопонимания текста» [Валентинова 2022: 11] на каждом этапе его создания. Каждому из трёх упомянутых процессов соответствует определенный модус проявления доминанты, вступающей в корреляцию с определенным типом понимания (иначе «однопонимания» не достичь).

² Если признать правоту В. фон Гумбольдта, то «значение» как $\acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\nu$ и «значение» как $\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\alpha$ – лишь моменты антиномичности самого языка. И если первый подход характерен для исследований лингвистов-когнитологов, то второй – не что иное, как возвращение к «конструктивно-феноменологическому» (термин А. Ф. Лосева) методу А. А. Потемби с одновременным отстранением от «аспектирующих» (термин Г. П. Мельникова) тенденций структуралистского подхода. Впрочем, возможно, что на этой же антиномии основывается разграничение семасиологии и ономасиологии как лингвистических дисциплин.

³ Понятие доминанты получает теоретическое обоснование с позиции филологической герменевтики в книге «Универсальные принципы анализа вербального искусства» [Валентинова 2022].

Дотекстовая доминанта, обнаруживаемая в психике составителя, задает ведущую интенцию словарной статьи на этапе дефиниции. Дефиниция как процесс поддерживается семантизирующим пониманием, т. е. декодированием «единиц текста, выступающих в знаковой функции» [Богин 2009: 49]. Примечательно, что этот способ освоения содержательности высказывания функционален главным образом в пределах словосочетания и реже – предложения.

Экспозиция подкрепляется *конципирующим пониманием*¹, т. е. освоением «содержательности познавательной информации, данной в форме **тех же самых** единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание» [Богин 2009: 50]. При формальном сходстве с семантизирующим типом понимания – конципирующее понимание отличается функционально. В этом процессе экспонируются понятия, причём их источник обнаруживается

¹ Мы сознательно используем понятие «конципирующее понимание» вместо оборота «когнитивное понимание», которое применял Г. И. Богин в 1980-х гг., чтобы не было ошибочных ассоциаций с отечественными работами по когнитивной лингвистике.

вается в надсистеме и над-надсистеме коллективного менталитета. Они же, будучи погруженными в словарь как некое целое, формируют лексико-семантические и лексико-тематические группы. Дефиниция и экспозиция совместно намекают на доминанту в словарных статьях.

Интерпретация подкрепляется смысловым (распредмечивающим) пониманием, построенным «на распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста» [Богин 2009: 50]. Этот процесс в полной мере реализуется *после* словарной статьи, в психике читателя словаря, а в ее пределах он дан в свернутом виде как возможность расширения алгоритмов дефиниции и экспозиции в сложном синтаксическом целом текстов разных функциональных стилей. Г. Г. Шпет открыл подобие отношений между экспозицией и интерпретацией, с одной стороны, и «конципированием и пониманием», с другой [Шпет 2007: 414]. Теперь мы подошли к триадологической текстовой модели словарной статьи (рис. 2).

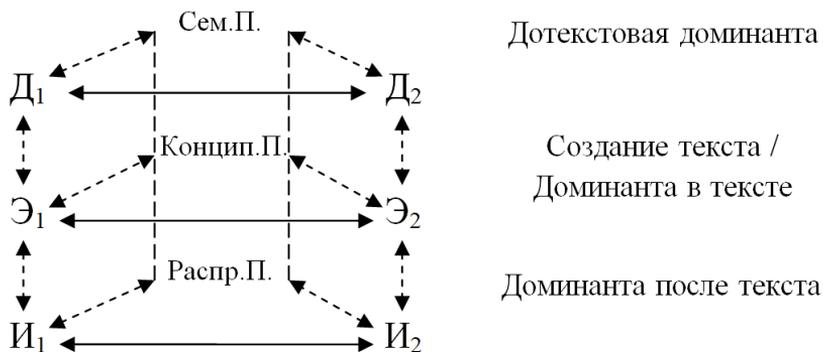

Рис. 2. Триадологическая текстовая модель словарной статьи

Рисунок 2 является логическим завершением рисунка 1. Дефиниция, экспозиция, интерпретация как итог процессов, $\xi\rho\upsilon\omicron\nu$ (D_1 , E_1 , I_1), и как сами процессы, $\acute{\epsilon}\nu\acute{\epsilon}\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha$ (D_2 , E_2 , I_2), в равной мере координируются определенным типом доминанты с уклоном к конкретному типу понимания – семантизирующему (Сем. П.), конципирующему (Концип.П.) и распредмечивающему (Распр.П.).

Дотекстовая доминанта

Создание текста /
Доминанта в тексте

Доминанта после текста

Герменевтический анализ словарных статей религиозной тематики

Переходя от процессуальной стороны рассматриваемого феномена к его «поверхностному слою», мы должны учесть разграничение в словарной статье трех величин.

Первая из них – отрефлексированное сознанием лексикографа объективное отражение бытующего в языковом коллективе в некоторый исторический период зна-

чения того или иного лексического знака. В этом обнаруживается корреляция с семантизирующим типом понимания, и это – максимум дефиниции как процесса.

Второй величиной является непроизвольное отражение личности составителя: «идиолектной» или «полилектной» – в данном случае значения не имеет. Описанное явление коррелирует с конципирующим типом понимания и соответствует минимуму экспозиции как процесса.

Третья величина – вынужденный в силу политической ситуации компромисс, так или иначе искажающий семантическую действительность языка. По сути, речь идёт о решении определенных лиц вмешаться в некогда устойчивые связи знака со значением, чтобы заместить ее своей «конструкцией значений» (Г. П. Щедровицкий). Для достижения этой цели в словаре задается агрессивно распредмечивающий, переходящий в разложение исходно данного, тип понимания с максимумом экспозиции и минимумом интерпретации как процессов. Таким образом, мы выявляем принципиальную герменевтическую проблему, разрешение которой достигается только признанием словарной статьи особым типом текста, а совокупность тематически связанных словарных статей и, наконец, всего словаря – текстами более высокого порядка.

Для всех трёх величин на поверхностном слое значимым будет анализ *порядка расположения* лексико-семантических вариантов слова, а именно: соблюдение или нарушение следования вторичных значений слова за первичным (1); принцип отбора лексических сочетаний, в которых проявляется семантическая определенность слова (2); принцип отбора иллюстрирующих значение слова цитат (3). Так от процессуальной стороны мы переходим к *конструктивно-логической*.

В толковых словарях, отражающих современное состояние языков, первичное значение многозначного слова предшествует вторичным значениям. Изменение этого порядка провоцируется либо личностью составителя, либо текущей общественно-политической обстановкой. Поскольку семантика слова представляет собой определенную структуру функционально взаимосвязанных значений, опре-

деление характера предлагаемой словарем последовательности значения достигается логико-семантическим анализом. Объективировать же принцип отбора проявляющих значение слова сочетаний и цитат из литературных произведений невозможно вне сравнения с предшествующим и последующим лексикографическим опытом. Именно поэтому исследуемый нами на материале слов религиозного содержания Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова мы рассматриваем в свете исторической ретроспективы и перспективы, соотнося его со словарем В. И. Даля и с Малым академическим словарем.

В Словаре Д. Н. Ушакова при перечислении значений слова *вера*, вопреки сформировавшейся лексикографической культуре, отсутствует первичное, не связанное с религией значение, которое выделяется другими толковыми словарями как основное, а значит, наиболее общее, – 'увѣренность, убѣждение, твердое сознание, понятие о чемъ-либо, особенно о предметахъ высшихъ, невещественныхъ, духовныхъ' [Даль 1903, I: 813–814], 'твердая убежденность, уверенность в чем-л., в исполнении чего-л.' [МАС 1895, I: 149]. Заметим, что различный характер представления первичного значения слова *вера* в Словаре В. И. Даля и в МАСе так же значим, как и отсутствие этого значения в статье Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова: в Словаре В. И. Даля уточняется объект уверенности – *особенно предметы высшие, невещественные, духовные*, в МАСе он обозначается неопределенным местоимением *что-то*. Читатель, хорошо знакомый с текстами Нового Завета, может усмотреть в дефиниции В. И. Даля скрытую отсылку на слова апостола Павла в русском синодальном переводе: «Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр 11,1)¹. Трансформация первичного значения, порождающая вторич-

¹ Наиболее точную, как нам представляется, формулировку первичного значения слова *вера* дал Вл. С. Соловьев, раскрывая содержание понятия веры – «признание чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств» [Соловьев 1993: 352–353]. Это определение составители толковых словарей, к сожалению, не учитывают и не включают – хотя бы на уровне примера.

ное значение, стоит в словаре Д. Н. Ушакова на втором месте – ‘убеждение в реальном существовании предметов **религии** или **фантазии**, а также в истинности того, **что не доказано с несомненностью**’ [ТСРЯ 1935, I: 248-249] (выделено нами. – О. В., А. З.). Так в отношениях смыслового подобия оказываются:

религия // фантазия // то, что не доказано с несомненностью.

Основание подобия выражено последним, наиболее нейтральным, членом ряда – *то, что не доказано с несомненностью.*

Лексические сочетания, подобранные составителями словаря для проявления выделенного ими значения слова, приводят к смысловому соположению еще трех величин:

черт // загробная жизнь // научная гипотеза.

Одновременно формируются логико-семантические отношения между первыми, вторыми и третьими членами двух рядов:

‘убеждение в реальном существовании предметов религии’ – *вера в черта*;

‘убеждение в реальном существовании предметов фантазии’ – *вера в загробную жизнь*;

‘убеждение в истинности того, что не может быть доказано с несомненностью’ – *вера в научную гипотезу.*

Сильные семантические связи, которые в данном случае обеспечиваются конструктивным подобием (трехсложностью) формулировки значения и приводимых примеров, – один из базовых показателей высокой системности текста.

Первым в Словаре Д. Н. Ушакова дается вторичное значение с пометой *книжное*, которое у Вл. И. Даля и в МАСе идет, согласно лексикографической традиции, вторым: ‘состояние сознания верующего, религия’ [МАС 1985, I: 149]. Объем литературной цитаты – *Лишь вера в тишине отрадою своей живит унывший дух и сердца ожиданье* – очевидно недостаточен для подтверждения этого значения. Расширение ближайшего контекста строк из раннего, 1817 года, стихотворения А. С. Пушкина «Безверие» тоже не подтверждает выведенное значение:

О вера, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освещаешь,
И ободренную с надеждой отпускаешь...
Но, други! пережить ужаснее друзей!
Лишь вера в тишине отрадою своей

Живит унывший дух и сердца ожиданье.

«Настанет! – говорит, – назначено свиданье!»

Расширение цитаты позволяет обнаружить значимые для понимания конструктивного решения словарной статьи смыслы: в стихотворении А. С. Пушкина как минимум речь идет о вере во встречу после смерти с ушедшими ранее друзьями, как максимум это – смысловая передача концовки *символа веры* (в русском переводе – *ожидая воскресения мертвых, и жизни будущего века*):

Во храм ли вышнего с толпой народа
входит,

Там умножает он тоску души своей.

При пышном торжестве старинных алтарей,

При гласе пастыря, при сладком хором пенье,

Тревожится его безверия мученье;

Он бога тайного нигде, нигде не зрит,

С померкшею душой святыне предстоит.

Можно предположить, что так описывается литургия¹, когда символ веры поётся прихожанами перед причастием.

Значение же ‘состояние сознания верующего, религия’ выводится только из всего стихотворения в результате *интерпретации*. Причем это значение может быть получено только аподиктическим способом, через описание другого состояния сознания – безверия.

Герменевтически значим характер отбора устойчивых сочетаний в словарной статье *вера*.

1. Принять на веру – признать что-н. истинным, не требуя доказательств.

2. Дать, придать веру (устар.) – чему-н. поверить, признать истинным что-н. общенное.

¹ Косвенным указанием на литургию является строка *При пышном торжестве старинных алтарей*, поскольку алтарь, находясь в обычное время за иконостасом, невидим для прихожан в обычное время, но именно перед причастием, при выносе чаши, середина иконостаса – царские врата – открыты. Неспособность увидеть бога тайного кроется в отсутствии веры в таинства, в данном случае – в евхаристию. По этой причине лирический герой, формально, без воодушевления *с померкшею душой святыне предстоит*. В этом стихотворении уже прослеживается байроновский мотив, который в перевернутом варианте будет реализован в романе «Евгений Онегин».

3. Дать на веру (устар.) – одолжить кому-н. без законных гарантий возврата, на честное слово.

С точки зрения структуры эти примеры – синтаксическая деривация общей схемы: $\bar{V}N_a(2) \rightarrow \bar{V}$ на N_a , (1, 3), с точки зрения содержания – семантическая деривация с привлечением другого устойчивого оборота – (дать) *на честное слово*, однако в контексте статьи мог быть приведен другой фразеологизм – *верить на слово*. Он имплицитно присутствует в значении ‘признать что-н. истинным, не требуя доказательств’, но эксплицитно не обнаруживается. Не находим мы и номинации *символ веры*, хотя во взятом для словарной статьи произведении, как показано выше, есть смысловые и текстовые намёки на него.

Выражения, подобранные в Малом академическом словаре, не обнаруживаются в издании под редакцией Д. Н. Ушакова: 1) Символ веры, 2) Верой и правдой (служить) (устар.), 3) На веру (принимать, брать и т. д.). Интересен последний фразеологизм. Во-первых, он сводит к одной структурной схеме первый и третий примеры из Словаря под редакцией Д.Н. Ушакова. Во-вторых, оборот *на веру* в МАСе теряет стилистическую помету (устар.), следовательно, сама система помет сталинской эпохи – намёк на принятый издательским коллективом «компромисс» в условиях особой социокультурной ситуации. Однако дальнейший герменевтический анализ, опирающийся на распремечивающий тип понимания, даёт и другие результаты.

В словаре Д. Н. Ушакова значение слова *христианство* определяется так: ‘религия, в основе которой лежит культ мифического Иисуса Христа как богочеловека’ [ТСРЯ 1940, IV: стлб. 1189]. Это толкование в одинаковой мере отличается от понимания этой лексемы и в Словаре В. И. Даля (‘состоянье христианина, самая вера и ученье это; || совокупность всѣхъ христіанъ’ [Даль 1909, IV: стлб. 1233]), и в МАСе (‘одна из наиболее распространенных религий мира, возникшая в 1 в. н. э., в основе которой лежит вера в Иисуса Христа как богочеловека, якобы сошедшего на землю и принявшего страдания ради спасения человечества’; *собр.* ‘христиане’ [МАС 1988, IV: 626]). При сравнении эти три лексикогра-

фических источника образуют несколько смысловых рядов, обнажающих различие интенции их составителей.

Первая последовательность выявляет движение от внутреннего переживания личности к абстрактной данности (‘религия’), которая представляется одним из проявлений некоторого множества (‘одна из наиболее распространенных’):

‘состоянье христианина’ [Даль 1909, IV: стлб. 1233] // ‘религия’ [ТСРЯ 1940, IV: стлб. 1189] // ‘одна из наиболее распространенных религий мира’ [МАС 1988, IV: 626].

Вторую последовательность образуют толкования:

‘самая вера и ученье это’ [Даль 1909, IV: стлб. 1233] // ‘культ мифического Иисуса Христа как богочеловека’ [ТСРЯ 1940, IV: стлб. 1189 стлб. 1189] // ‘вера в Иисуса Христа как богочеловека, якобы сошедшего на землю и принявшего страдания ради спасения человечества’ [МАС 1988, IV: 626]. В Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова «христианство» понимается не как *вера* и *учение*, а как *культ*. Если заменить ключевые слова в толкованиях лексемы «христианство» значениями этих слов, представленных в других статьях этого же словаря, то можно вскрыть не лежащую на поверхности глубинную интенцию авторов, отражающую их подлинное я.

В Словаре В. И. Даля в понимании христианства обнаруживается единение чувства (*уверенности*) и знания (*учения*):

‘самая <уверенность, убеждение, понятие о предметахъ высшихъ, невещественныхъ, духовныхъ> и ученье’.

В Словаре Д. Н. Ушакова – возникает смысловая вариативность:

‘<религиозное служение божеству> [ТСРЯ 1935, I: стлб. 1545] мифического Иисуса Христа как богочеловека’ [ТСРЯ 1940, IV: стлб. 1189].

Семантизирующее понимание намекает на языческое поклонение полубогу, что, вероятно, должно было примирить составителей Словаря с цензорами. Однако конципирующий тип понимания, который становится возможным при внешнем воздействии интеллектуальной среды, прямо и косвенно связывавшего Д. Н. Ушакова, воспитывавшегося в доме своего деда – протопресвитера кремлевского Успенского

собора, и религиозных мыслителей (П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева), выводит на ещё одну смысловую конфигурацию. Если подставить в толкование Д. Н. Ушакова понимание мифа А. Ф. Лосевым – миф «*есть в словах данная чудесная личностная история*» [Лосев 1990: 578], то мы получим:

‘<религиозное служение божеству>₁ <словесно данного чудесного личностного и исторического>₂ Иисуса Христа как богочеловека’. Таким образом, словарная статья «христианство» в Словаре Д. Н. Ушакова порождает внешние ассоциации с языческим пониманием христианства и одновременно не противоречит его догматическому пониманию.

Если мы в толковании слово «христианство» в МАСе заменим ключевое слово «вера» на его первое значение, то получим своеобразную смысловую трансформацию третьего члена символа веры в русском переводе: ‘<твердая убежденность, уверенность в чем-л., в исполнении чего-л.> в Иисуса Христа как богочеловека, якобы **сошедшего на землю и принявшего страдания ради спасения человечества**’ [МАС 1988, IV: 626] // ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с Небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и вочеловечившегося. Выделим очевидные соответствия:

Богочеловека – воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы
ради спасения человечества – ради нас, людей, и ради нашего спасения
сошедшего на землю – сошедшего с Небес.

Смысловая вариативность создаётся в МАСе союзом *якобы*. Этот союз, выражая неуверенность или недостоверность, стоит после утверждения, что *Иисус Христос – богочеловек* вместо **Иисус Христос как якобы богочеловек*. Позиция союза *якобы* позволяет предположить, что он может относиться как к обоим однородным причастиям *сошедшего на землю и принявшего страдания*, так и только к первому из них, перед которым он стоит, что кажется более логичным. Ведь если недостоверна вся конъюнкция утверждений – *сошедшего на землю и принявшего страдания ради спасения человечества*, то для чего вводить в толковый словарь то, что кажется сомнительным? Пока без ответа остаётся вопрос, почему из всех равнозначимых характеристик христиан-

ства, которые заложены в Символе Веры, составители МАСа остановились только на тех из них, которые содержатся в его третьем члене.

Ещё одну смысловую последовательность образуют вторые значения слова «Христианство»:

‘совокупность всѣхх христианъ’ [Даль 1909, IV: стлб. 1233] // значение отсутствует в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова // *соби́р.* ‘христиане’ [МАС 1988, IV: 626]. Концептуально значимо отсутствие этого значения в лексикографическом источнике сталинской эпохи: *христианство* как некоторая абстракция есть, а *христиан* как вполне определенной общности людей – официально – нет.

Текстовый пример в МАСе, который должен был семантизировать значение ‘христиане’, более чем неудачен: «[Городничий (в исступлении):] Вот, смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурочен городничий! Гоголь, Ревизор» [МАС 1988, IV: 626]. В этом высказывании выражение *все христианство* имеет значение ‘все люди’ (весь мир = все христианство = все люди). Заметим, что перед репликой городничего почтмейстер читает письмо Хлестакова его другу с едкими описаниями жителей города, в которых закодировано отрицание христианства героями комедии. «Совершенная свинья в ермолке» – оксюморон, характеризующий нравственное состояние попечителя богоугодных заведений Земляники, где ермолка (от *ярей маэлока* – ‘боящийся Бога’), или кипа, – головной убор в иудее, отрицающем учение Христа. В ситуации, когда составители словаря не учитывают контекстуальное значение слов, текстовые примеры не выполняют свою функцию – проявления семантической определенности слова. Подобрать контекст, полноценно раскрывающий нужное значение слова, – несопоставимо более сложная задача, чем найти высказывание с искомой буквенной последовательностью.

Заключение

Опираясь на категориальный аппарат филологической герменевтики, удалось обосновать, что словарная статья является текстом особого типа, который сам нуждается в истолковании. Этот феномен был проанализирован и с процессуально-динамической, и с

конструктивно-статической стороны. В работе была предложена триадологическая модель, фиксирующая соответствие процессов создания словарной статьи (дефиниции, экспозиции и свёрнутой интерпретации) фазам доминанты (дотекстовой, текстовой, послетекстовой) и типам понимания (семантизирующему, конципирующему, распредмечивающему).

Эта модель получила подтверждение, когда ключевые слова, использованные составителями при формулировке словарной статьи, замещались на значения этих слов, данных в этом же словаре в других, содержательно связанных, словарных статьях. Одновременно мы соотнесли формулировки значений одних и тех же знаков в трёх словарях (кроме Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова, были привлечены данные «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ и «Словаря русского языка в четырёх томах» под редакцией А. П. Евгеньевой) и раскрыли значения каждой значимой составляющей в этих формулировках по этим же словарям, что позволило обнаружить не лежащее на поверхности семантическое взаимодействие знаков одной тематической группы. Предложенный подход позволяет распределить использованные в работе лексикографические источники по ключевым уровням реконструированной нами триадологической модели.

Источники

Даль = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб. ; М. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1909.

МАС = Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [гл. ред. А. П. Евгеньева ; вып. полн. Л. П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – М. : Русский язык, 1985–1988.

ТСРЯ = Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Литература

Ашихманова, Н. А. Сюжет «прозрение» в герменевтической триаде понимания (на материале романа Р. Брэдли «451 по Фаренгейту») / Н. А. Ашихманова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2020. – № 3(38). – С. 21-29.

Белова, Ю. А. Герменевтика и ее некоторые виды / Ю. А. Белова // Доклады Башкирского университета. – 2023. – Т. 8, № 2. – С. 1-6.

Богин, Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет / Г.И. Богин – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2009. – Т. 2. – 152 с.

Валентинова, О. И. Универсальные принципы анализа вербального искусства / О.И. Валентинова. – М. : РУДН, 2022. – 160 с.

Словарь В. И. Даля оказывается наиболее удачным для семантизирующего понимания благодаря принципу выстраивания словарной статьи в виде синонимических рядов, позволяющих соотнести читателю неизвестное со своим языковым чутьём/опытом. Издание под редакцией Д. Н. Ушакова направлено на конципирующее понимание. Именно этот лексикографический источник намекает на необходимость учитывать интеллектуальный контекст эпохи, что позволит прервать субъективные ассоциации читателей этого издания, выйти на не лежащий на поверхности конципирующий уровень понимания лексем и определить соотношение трёх возможных стимулов: отражения семантической действительности языка, личности составителя и уступки внешнему давлению.

В свою очередь в МАСе семантизирующее понимание блокируется неточностью примеров (в Словаре Вл. И. Даля и в ряде статей в издании под редакцией Д. Н. Ушакова примеры отсутствуют), конципирующее понимание возможно, но непонятны стимулы, словно они случайны. Этот лексикографический источник в большей мере требует распредмечивающего понимания: через расширенный контекст приводимых примеров мы улавливали сбои в семантизирующем понимании, на которые накладывается отсутствие обоснованности стимулов для конципирующего понимания.

Волков, В. В. Фонема, лексема и другие. К учебной герменевтике лингвистических терминов / В. В. Волков, И. В. Гладилина, Л. Н. Скаковская // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. – 2022. – № 3(74). – С. 101-112.

Гальперин, И. Д. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; АН СССР, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.

Докучаев, И. И. Филологическая герменевтика как философский метод. Школа В. Г. Адмони и Н. О. Гучинской / И. И. Докучаев // Вопросы философии. – 2019. – № 11. – С. 36-39.

Касевич, В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – Москва : Наука, 1988. – 311 с.

Крюкова, Н. Ф. Метафора как герменевтический инструмент юмористического смыслообразования / Н. Ф. Крюкова // Современная германистика и западноевропейская литература : коллективная монография / Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2019. – С. 203-213.

Купина, Н. А. Тоталитарный язык : Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та; ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.

Лосев, А. Ф. Из ранних произведений. – Москва : Издательство «Правда», 1990. – 655 с.

Мельников, Г. П. Системная типология языков : Принципы, методы, модели / Г. П. Мельников. – М. : Наука, 2003. – 395 с.

Михайлов, Н. Н. Теория художественного текста : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / Н. Н. Михайлов. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 224 с.

Никитин, О. В. Словарь / О. В. Никитин // Московский журнал. История государства Российского. – 2003. – № 2. – С. 18-27.

Никитин, О. В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари) : монография / О. В. Никитин. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани, 2012. – 231 с.

Николаева, Т. М. Текст / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 507.

Оборина, М. В. Роль и место герменевтического подхода в филологической подготовке / М. В. Оборина // Иностранные языки : лингвистические и методические аспекты. – 2022. – № 47. – С. 196-204.

Рябко, Е. И. Методика обучения художественному переводу в рамках филологического герменевтического подхода / Е. И. Рябко // Актуальные проблемы востоковедения : материалы IX Международной научно-практической конференции по востоковедению, Хабаровск, 20 марта 2020 года / редколлегия: И. Н. Гущина (отв. ред.) [и др.]. Том Выпуск 9. – Хабаровск : Тихоокеанский государственный университет, 2020. – С. 160-164.

Скляревская, Г. Н. Об одном этапе эволюции русского языка: тоталитарный язык (по материалам «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова) / Г. Н. Скляревская // Говор: альманах. – 2022. – № 9. – С. 77-82.

Соловьев, Вл. С. Вера // Христианство : Энциклопедический словарь в 2-х тт. Т. 1. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – С. 352-353.

Стукова, Е. Г. Академический «Словарь русского языка» под ред. Н. С. Державина и «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х гг. // История, теория и практика академической лексикографии : юбилейный сборник научных статей / ред. коллегия Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева (отв. ред.), Е. В. Пურიцкая ; Институт лингвистических исследований РАН. – СПб. : ИЛИ РАН, 2022. – С. 61–71.

Филиппова, О. Н. Филолог Д. Н. Ушаков. Жизнь, семья, творчество. К 150-летию со дня рождения / О. Н. Филиппова // Фундаментальные и прикладные научные исследования в современном мире : сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. В 3 ч., Уфа, 14 февраля 2023 года. Часть 3. – Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 118-121.

Флоренский, П. А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). – Москва : Академический проект, 2017. – Т. 2. – 607 с.

Шпет, Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. редактор-составитель Т. Г. Щедрина. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 712 с.

Щедровицкий, Г. П. Из архива Г. П. Щедровицкого / Г. П. Щедровицкий. – М. : Путь, 2003. – Т. 6 : Процессы и структуры в мышлении (курс лекций). – 320 с.

References

Ashikhmanova, N. A. (2020). Syuzhet “prozrenie” v germeneyvticheskoi triade ponimaniya (na materiale romana R. Bredberi “451 po Farengaitu”) [The Plot of “Epiphany” in the Hermeneutic Triad of Understanding (Based on the Novel by R. Bradbury “Fahrenheit 451”)]. In *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 3 (38), pp. 21-29.

- Belova, Yu. A. (2023). Germenevtika i ee nekotorye vidy [Hermeneutics and Some of Its Types]. In *Doklady Bashkirkogo universiteta*. Vol. 8, No 2, pp. 1-6.
- Bogin, G. I. (2009). *Obretenie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let* [Gaining the Ability to Understand: Works of Different Years]. Vol. 2. Tver', Tver' state un-t. 152 p.
- Dokuchaev, I. I. (2019). Filologicheskaya germenevtika kak filosofskii metod. Shkola V. G. Admoni i N. O. Guchinskoi [Philological Hermeneutics as a Philosophical Method. The School of V. G. Admoni and N. O. Guchinskaya]. In *Voprosy filosofii*. No. 11, pp. 36-39.
- Filippova, O. N. (2023). Filolog D. N. Ushakov. Zhizn', sem'ya, tvorchestvo. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya [Philologist D. N. Ushakov. Life, Family, Creativity. To the 150th Anniversary of His Birth] In *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: Sbornik nauchnykh statei po materialam I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 3 ch., Ufa, 14 fevralya 2023 goda. Chast' 3*. Ufa, "Vestnik nauki", pp. 118-121.
- Floreskii, P. A. (2017). *U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoi metafiziki)* [Watersheds of Thought (Features of Concrete Metaphysics)]. Vol. 2. Moscow, Akademicheskii proekt. 607 p.
- Gal'perin, I. D. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, Nauka, 1981. 139 p.
- Kasevich, V. B. (1988). *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Moscow, Nauka. 311 p.
- Kryukova, N. F. (2019). Metafora kak germenevticheskii instrument yumoristicheskogo smysloobrazovaniya [Metaphor as a Hermeneutic Tool of Humorous Meaning-Making]. In A. V. Ivanov, V. M. Bukharov (eds.). *Sovremennaya germanistika i zapadnoevropeyskaya literatura: Kollektivnaya monografiya*. Moscow, "FLINTA", pp. 203-213.
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarnyi yazyk: Slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions]. Yekaterinburg, Perm, Ural Publishing House, un-ta ; ZUUNTS. 144 p.
- Losev, A. F. (1990). *Iz rannikh proizvedenii* [From Early Works]. Moscow, Izdatel'stvo "Pravda". 655 p.
- Mel'nikov, G. P. (2003). *Sistemnaya tipologiya yazykov: printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, Nauka. 395 p.
- Mikhailov, N. N. (2006). *Teoriya khudozhestvennogo teksta* [Theory of Literary Text]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". 224 p.
- Nikitin, O. V. (2003). Slovar' [Dictionary]. In *Moskovskii zhurnal. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo*. No. 2, pp. 18-27.
- Nikitin, O. V. (2012). *Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovari)* [Essays on the History of Russian Lexicography of the First Half of the XXth Century (Explanatory Dictionaries)]. Slavyansk-on-Kuban, Izdatel'skii tsentr filiala KubGU v g. Slavyanske-na-Kubani. 231 p.
- Nikolaeva, T. M. (1998). Tekst [Text]. In V. N. Yartseva (ed.). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, p. 507.
- Oborina, M. V. (2022). Rol' i mesto germenevticheskogo podkhoda v filologicheskoi podgotovke [The Role and Place of the Hermeneutical Approach in Philological Training]. In *Inostrannye yazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, No. 47, pp. 196-204.
- Ryabko, E. I. (2020). Metodika obucheniya khudozhestvennomu perevodu v ramkakh filologicheskogo germenevticheskogo podkhoda [Methods of Teaching Literary Translation within the Framework of the Philological Hermeneutic Approach]. In *Aktual'nye problemy vostokovedeniya: Materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po vostokovedeniyu, Khabarovsk, 20 marta 2020 goda*. Vol. 9. Khabarovsk, pp. 160-164.
- Shchedrovitskii, G. P. (2003). *Iz arkhiva G. P. Shchedrovitskogo* [From the Archive of G. P. Shchedrovitsky]. Vol. 6: Protsessy i struktury v myshlenii (kurs lektsii) [Processes and Structures in Thinking (Course of Lectures)]. Moscow, Put'. 320 p.
- Shpet, G. G. (2007). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Moscow, "Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN). 712 p.
- Sklyarevskaya, G. N. (2022). Ob odnom etape evolyutsii russkogo yazyka: totalitarnyi yazyk (po materialam "Tolkovogo slovary russkogo yazyka" pod red. D. N. Ushakova) [On One Stage of the Evolution of the Russian Language: Totalitarian Language (Based on the Materials of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by N. D. N. Ushakov)]. In *Govor: al'manakh*, No. 9, pp. 77-82.
- Soloviev, V. S. (1993). Vera [Faith]. In *Khristianstvo: Entsiklopedicheskii slovar' v 2-kh tt. T. 1*. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, pp. 352-353.
- Stukova, E. G. (2022). Akademicheskii "Slovar' russkogo yazyka" pod red. N. S. Derzhavina i "Tolkovyi slovar' russkogo yazyka" pod red. D. N. Ushakova v kontekste leksikograficheskoi i kul'turno-rechevoi situatsii 1920-1930-kh gg. [Academic "Russian Dictionary" Edited by N. S. Derzhavin and "Explanatory Dictionary of the Russian language" Edited by D. N. Ushakov in the Context of Lexicographic and Cultural-Speech Situation of the 1920s-1930s]. In M. N. Priemysheva (ed.). *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii: yubileinyi sbornik*

nauchnykh statei. Saint Petersburg, Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences, pp. 61-71.

Valentinova, O. I. (2022). *Universal'nye printsipy analiza verbal'nogo iskusstva* [Universal Principles of Verbal Art Analysis]. Moscow, RUDN. 160 p.

Volkov, V. V., Gladilina, I. V., Skakovskaya L. N. (2022). Fonema, leksema i drugie. K uchebnoi germenевtike lingvisticheskikh terminov [Phoneme, Lexeme and Others. To the Educational Hermeneutics of Linguistic Terms]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. No. 3 (74), pp. 101-112.

Данные об авторах

Валентинова Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия).

Адрес: 117198, Россия, г. Москва ул. Миклухо-Маклая, 6.

E-mail: ovalentinova@yandex.ru.

Загуменнов Александр Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Вологодская духовная семинария (Вологда, Россия).

Адрес: 160901, Россия, г. Вологда, ул. Монастырская, 2.

E-mail: zaw1991@mail.ru.

Дата поступления: 09.10.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Valentinova Olga Ivanovna – Doctor of Philology, Professor of Department of General and Russian linguistics, RUDN University (Moscow, Russia).

Zagumenov Alexandr Vladimirovich – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Humanities and Natural Sciences, The Vologda Theological Seminary (Vologda, Russia).

Date of receipt: 09.10.2023; date of publication: 30.12.2023

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ И ЭРГОНОМИНАЦИЙ

Гридина Т. А.

Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

SPIN-код: 9100-3240

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический университет

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

SPIN-код: 5984-0528

А н н о т а ц и я . Проблемное поле статьи определяется исследованием соотношения лексикографической фиксации слов определенной эпохи в проекции на их функционал в речевых практиках, определяющих динамику языковых процессов. Материалом исследования выступает «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова, отражающий не только общие тенденции составления словарей такого рода, но и во многом индивидуальный «почерк» автора. Это проявляется в толковании слов в опоре на типовые ситуации их употребления в речи при использовании синонимических коррелятов разных функциональных регистров и разветвленной системы стилистических помет, маркирующих диапазон вероятностной сферы речевой реализации лексем. Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность выявления динамики их употребления при сопоставлении с данными современной лексикографии (в частности, это касается разряда феминитивов, получающих новый «импульс» осмысления и стилистической маркированности в настоящее время). Выявлена операциональность техники толкования единиц одного словообразовательного гнезда через отсылку к мотиваторам, каждый из которых представлен в отдельной словарной статье: это дает возможность проследить динамику производных слов в соотношении с производящими. Особым ракурсом анализа дискурсивной направленности Словаря Д. Н. Ушакова выступает семантизация эмоционально-оценочных лексем с пометой «шутл.». В динамическом аспекте именно такого рода коннотации могут служить индикаторами языковых изменений, в частности, маркируя употребление слов как проявление смехового регистра языковой игры. Отдельный интерес представляет дискурсивная семантизация хронологического характера, демонстрирующая динамичность словарного состава языка. В этом плане в статье охарактеризованы процессы новой архаизации: переход слов из разряда общеупотребительных в пассивный запас на рубеже XX–XXI веков, а также вторичная архаизация слов, когда-то вернувшихся из пассивного запаса. Динамика языковых процессов, отраженная в лексикографических источниках, находит специфическое преломление в современных дискурсивных практиках, в частности, в номинациях объектов городского пространства, в свете которых город предстает как своего рода культурный текст, демонстрирующий социолингвистические аспекты нового осмысления исходной семантики слов разных исторических периодов. В данном ключе проанализированы эргонимы Екатеринбурга как отражение новой ассоциативной обработки значений слов пассивного запаса с целью направленного воздействия на мировоззренческие установки современного городского социума.

К л ю ч е в ы е с л о в а : лексикография; лексическая семантика; динамика языковых процессов; дискурсивные практики толкования значений; ассоциативный потенциал слова

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда и Правительства Свердловской области, грант № 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Гридина, Т. А. Динамика языкового сознания в свете лексикографических данных и эргономинаций / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 323–336. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336.

**DYNAMICS OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS
IN THE LIGHT OF LEXICOGRAPHIC DATA AND ERGONYMS**

Tatiana A. Gridina

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3993-5164>

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Abstract. The problem field of the article is shaped by the study of the correlation of lexicographic entries of words of a certain epoch in projection on their functioning in speech practices that determine the dynamics of language processes. The “Explanatory Dictionary of the Russian language” by D. N. Ushakov, reflecting not only the general trends in compiling dictionaries of this kind, but also in many ways the individual “handwriting” of the author, constitutes the research material of this study. This is manifested by the interpretation of words based on the typical situations of their use in speech while providing synonymous correlates of different functional registers and an extensive system of stylistic notes marking the boundaries of the feasible scope of the use of these lexemes in speech. Situationally oriented description of the meanings of words makes it possible to identify the dynamics of their use when compared with the data of modern lexicography (in particular, this applies to the category of feminitives receiving a new “impulse” in their comprehension and stylistic marking at the present time). The study reveals the operability of the technique of interpreting units of the same word-formation paradigm through reference to motivators, each of which is presented in a separate dictionary entry: this allows tracing the dynamics of derived words in comparison with the words they are derived from. A special perspective of the analysis of the discursive orientation of Ushakov’s Dictionary is the interpretation of emotional-evaluative lexemes with a note (*joking*). In the dynamic aspect, it is this kind of connotations that can serve as indicators of language changes, in particular, marking the use of words as a manifestation of the laughing potential of language game. Of particular interest is the discursive semantization of a chronological nature, demonstrating the dynamism of the vocabulary of the language. In this regard, the article describes the processes of new archaization: the transition of words from the category of the commonly used vocabulary into the passive vocabulary at the turn of the 20th–21st centuries, as well as the secondary archaization of words that once returned from the passive vocabulary. The dynamics of linguistic processes reflected in lexicographic sources is specifically presented in modern discursive practices, in particular, in urbanonyms, in the light of which the city appears as a kind of cultural text demonstrating sociolinguistic aspects of a new understanding of the original semantics of words of different historical periods. In this way, the ergonyms of Ekaterinburg are analyzed as a reflection of the new associative processing of the meanings of words of the passive vocabulary in order to influence the worldview attitudes of the modern urban society.

Keywords: lexicography; lexical semantics; dynamics of language processes; discursive practices of interpretation of meanings; associative potential of the word

Acknowledgments: The current research was carried out with financial support of the Russian Science Foundation and the Government of Sverdlovsk Region, grant No. 22-28-20075, <https://rscf.ru/project/22-28-20075/>.

For citation: Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2023). Dynamics of Linguistic Consciousness in the Light of Lexicographic Data and Ergonyms. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 323–336. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-323-336.

Предварительные замечания

Динамика языковых процессов – сложный феномен, предполагающий взгляд на современное состояние языка сквозь призму диахронических срезов, фиксируемых, в первую очередь, разными типами словарей, прежде всего – толковыми. Сле-

дует учитывать тот факт, что семантизация слова – процесс творческий, во многом отражающий индивидуальный почерк лексикографа (как в плане отбора, так и в плане интерпретации значений словесных знаков). В этом отношении Словарь Д. Н. Ушакова представляет несомненный

интерес. Яркую характеристику данного словаря находим у М. В. Панова: «...словарь часто вызывает эстетическое чувство... Каждый читатель, вникающий в него со вниманием, бывает вдруг остановлен прекрасным по точности и изяществу определением значения, яркой цитатой-иллюстрацией, тонким разграничением значений» [Электронный ресурс: <https://russkiymir.ru/publications/309587/>].

В Предисловии отмечается, что «... выпускаемый толковый словарь не ставит себе целью объять все богатство русского языка во всем его историческом и территориальном объеме. Он дает объяснение значений слов современного русского литературного языка, <под которым> понимается ... вообще книжная и разговорная речь образованных людей» [ТСРЯ 1935, I: XXII]. Однако данное определение явно не исчерпывает концепции рассматриваемого словаря, специфика которого заключается в отражении внутреннего устройства лексикона как динамического фрагмента соответствующего периода жизни (судьбы слова) в языке. Используя современную терминологию, можно было бы назвать этот словарь дискурсивно ориентированным. Ср. Дискурс – «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137].

Характер толкований в плане их ориентации на тот или иной тип дискурса проявляется в фиксации социально обусловленных, временных, возрастных, экспрессивных факторов использования соответствующих слов.

В целом толкования имеют комплексный характер, создавая некий «портрет слова» в свете его речевой актуализации. Принципы толкования ориентированы на **типичные ситуации** употребления слов в речи – с привлечением широкого спектра синонимических коррелятов разных функциональных регистров («разновидностей книжной и устной речи»); комментарий сопровождается использованием разветвленной системы стилистических помет, устанавливающих границы употребления слов: (разг.), (простореч.), фам. (фамильярное), детск. (детское) и экспрессивные пометы, указывающие на выразительные оттенки (экспрессию) слов. Сюда относятся (бран.), (ирон.), (неодобрит.), (шутл.), (пре-

зрит.), (пренебр.), (укор.), (торж.), (ритор.), (звф.) – «употребительное эвфемистически для замены прямого обозначения чего-нибудь описанием с целью скрыть, прикрыть что-нибудь предосудительное» [ТСРЯ 1935, I: XXVIII]. Нередко все эти параметры могут быть отнесены к разряду слов с шутл. и/или иронич. коннотацией. Такая «дискурсивная» семантизация отражает разные ракурсы лексикографической обработки «видения слова» носителями языка, выявляя черты наивного сознания в соотношении с научной категоризацией представляемого в словаре материала. Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность выявления их речевой динамики в соотношении с данными современной лексикографии.

Лексикографические техники дискурсивной семантизации слова

Рассмотрим в этом ключе некоторые наиболее востребованные автором техники представления словарных значений в данном лексикографическом источнике:

1. Толкования слов сопровождаются указанием на типовую ситуацию и /или типовой контекст употребления слова (словосочетания, устойчивые обороты, отражающие использование слов в разных дискурсах; фиксируется специфика лексической и грамматической сочетаемости толкуемого слова, в том числе экспрессивно-оценочные коннотации слов; дополнительная семантизация лексем подкрепляется через фразеологизмы / пословицы).

Например:

АВТОРИТЕТ. «1. Общепризнанное значение, влияние кого-чего-н. *Пользоваться вполне заслуженным авторитетом. Иметь а. Приобрести а.* 2. Лицо, пользующееся авторитетом (в 1 знач.). *Этот ученый – а. в своей области*» [ТСРЯ 1935, I: 11].

АВАНТЮРА. «1. Приключение, похождение. || То же с оттенком осуждения; неблагоприятное дело (разг.). *Любовные авантюры. Он пустился в авантюры.* 2. Дело, предпринятое неосновательно, без шансов на удачу, рискованное. *Дальневосточная а. 1904 г. Участник авантюры Юденича*» [ТСРЯ 1935, I: 7].

Формат семантизации через отсылку к типовой ситуации и типовому контексту особенно показателен для описания **дис-**

курсивных слов – частиц, междометий – с указанием интонационных особенностей, соответствующих выражению намерения говорящего:

АГА. «1. междом., с восклицательной интонацией... *Так вот как! вот видишь! Ага! попался! Ага! теперь ты боишься!* 2. частица (с утвердительной интонацией). Конечно, ладно, да (простореч.). – *Ты помнишь его? – Ага!*» [ТСРЯ 1935, I: 11-12].

АЙ. междом. «1. Выражение боли или испуга. *Ай! Закричала девочка, увидев мышь.* 2. Выражение упрека или укоризны. *Ай, как нехорошо!...*» [ТСРЯ 1935, I: 18-19].

АУ. междом. «1. Крик, к-рым взаимно обмениваются в лесу, чтобы не потерять друг друга. 2. Восклицание в знач.: конечно, пропало (разг.). *Уж ау, брат: прежнего не воротись.* Островский» [ТСРЯ 1935, I: 70].

Б. частица. «То же, что “бы”. *Если б я знал! Было б болото, а черти найдутся.* Пословица» [ТСРЯ 1935, I: 73].

Ср. описание функционала частицы **А:** «**А.** вопросит. частица (разг.). Что? как? *Что ты сказал? а?*» [ТСРЯ 1935, I: 2].

«**А.** междом. (разг.) 1. Выражение догадки, удивления (произн. протяжно). *А вот оно что!* || То же с оттенком иронии или злорадства. *А так вот вы как!* || То же в начале приветствия. *А, это вы, Иван Иванович! А, здравствуйте!* 2. Выражение решимости с оттенком отчаяния или досады. *А, была не была, пойду!* 3. При повторном обращении к кому-н., как выражение некой настойчивости. *Ваня, а Ваня, иди сюда!...*» [ТСРЯ 1935, I: 2].

В качестве значимых комментариев к употреблению слов при их толковании нередко отмечаются случаи **типичных речевых ошибок**, например, связанных с паронимастическими подменами:

АГАТ. «Ценный твердый минерал, полудрагоценный камень, состоящий из слюев различной окраски. || перен. О черных глазах, волосах, *ошибочно вместо гагат* (поэт.). *Нет, не а. в глазах у ней.* Пушкин» [ТСРЯ 1935, I: 12].

Ситуативно ориентированное описание значений слов дает возможность **выявления динамики их употребления** при сопоставлении с данными современной лексикографии.

Ср., например: **ИНСПЕКТОРША...** (разг.). «Жена инспектора || Женщина-

инспектор (*неправ.*)» [ТСРЯ 1935, I: 1210]. **ИНСПЕКТРИСА...** (*дореволюц.*). «Женщина, исполнявшая обязанности инспектора в женских учебных заведениях. *И. Смольного института*» [ТСРЯ 1935, I: 1211].

Современными словарями русского языка лексема *инспектриса* не фиксируется, а слово *инспекторша* переходит из разряда разговорных в просторечное. См.: **ИНСПЕКТОРША** (прост.) – ж. к **ИНСПЕКТОР**. Должностное лицо, занятое инспектированием чего-н. [ТССРЯ 2007: 301]. Значение «жена инспектора» уже не отмечается, хотя в живой разговорной речи вполне может быть востребовано. Смена стилистического регистра подобных феминитивов и изменение их значений, уход старых наименований и одновременное появление целого ряда новых – активный процесс современного русского языка, ср. *авторесса, авторка, критикесса, психологиня, ректорша, депутатка, блогерка, организаторка, адвокатка, президентка* и др. (см., например: [Кронгауз 2019, Фуфаева 2020]).

2. Толкования на основе мотивационного перифраза.

Данный способ принят (используется Д. Н. Ушаковым) в толкованиях производных слов через отсылку к непосредственному мотиватору, кодериватам и /или другим однокоренным словам, значения которых даны в отдельных словарных статьях. Толкования, таким образом, получают «перекрестный» характер, стимулируя рефлексию читателя к установлению семантических связей между единицами одного словообразовательного гнезда.

Например: **АВАНТЮРИЗМ.** «Склонность к рискованным похождениям или неблагоприятным поступкам, к *авантюрам*» [ТСРЯ 1935, I: 7]. **АВАНТЮРИСТ.** Искатель приключений. || Человек, склонный к *авантюризму*» [Там же].

АПЕЛЛЯЦИЯ. «Жалоба на решение суда, подаваемая в высшую судебную инстанцию. || Действие по глаг. *апеллировать*» [ТСРЯ 1935, I: 48].

АДРЕСАТ. «Лицо, к-рому *адресовано* почтовое отправление; **получатель.** *Письмо возвращено отправителю за ненахождением адресата...*» [ТСРЯ 1935, I: 16].

Мотивационные связи как способ толкования значений слов отражают активные процессы их осмысления в живых ре-

чевых практиках (преимущественно в разговорной речи), выступая как естественный механизм выведения смысла незнакомого слова через отсылку к знакомому, или служат для уточнения актуальных для говорящего компонентов значений употребляемых слов. См., например:

ЖИДЕЛЬ (простореч.). «Жижа, совершенно *жидкое* вещество, масса (о пище, напитках). *Жидели какой-то налили вместо супу* || Тонкий, *совсем не плотный* предмет. *Это сукно совсем жидель*» [ТСРЯ 1935, I: 868].

ДЕЕСПОСОБНЫЙ (книжн.). «1. Имеющий право на совершение *действий* юридического характера и несущий ответственность за свои поступки (право). *Малолетние не являются дееспособными*. 2. Способный к *деятельности*. *Организм его еще дееспособен*» [ТСРЯ 1935, I: 670].

В обоих примерах толкование слов через отсылку к мотиватору служит эффективным способом пояснения их значения: в первом случае указывая на основание номинации предмета по характерному признаку пищи /напитка; во втором примере – фиксируя специальные оттенки значения слова в сфере правоповедения и физиологии.

3. Толкования через синонимы и антонимы

Данные способы толкования могут иметь автономный характер (толкование через синоним или через антоним), а также комплексный характер, когда в толкование, наряду с синонимами, включаются и антонимические корреляты, снабжаемые пометой *противоп.* (противоположный).

БЕЗГРАМОТНОСТЬ. «2. То же, что во 2 знач., *неграмотность* (офиц.). *Ликвидация безграмотности*» [ТСРЯ 1935, I: 106].

АНФАС. «О лице, как оно представляется взору, если смотреть на него не сбоку, а прямо; *противоп.* *в профиль*» [ТСРЯ 1935, I: 47].

АСИММЕТРИЯ. «Отсутствие *симметрии*» [ТСРЯ 1935, I: 63].

АНТИПАТИЯ. «Чувство *нерасположения, неприязни, отвращения; противоп.* *симпатия*. *Я почувствовал к нему антипатию с первого взгляда*» [ТСРЯ 1935, I: 44].

АКТУАЛЬНЫЙ. «1. Существующий в действительности, осуществлённый; *противоп.* *потенциальный* (науч.). 2. *Насущный*, важный в настоящее время, *злободневный*

(нов.). *Актуальная задача данного момента*» [ТСРЯ 1935, I: 24].

Особо отметим синонимические толкования, фиксирующие стилистические различия, ситуативно ограничивающие употребление соответствующих коррелятов в речи:

КУШАТЬ. «*Есть*, принимать пищу (употребляется в форме пов. накл. и инф. при вежливом или ласковом приглашении к еде, иногда к питью). *Кушайте, пожалуйста, пироги! Пожалуйста к.! Садитесь чай к.!* || То же, во всех формах, кроме 1-го лица, употреблялось в подобострастно-вежливом выражении (о господах, высоких особах и т. п.; дореволюц. простореч.). *Барыня кушают*» [ТСРЯ 1935, I: 1561].

Приведенный пример показателен в отношении динамических сдвигов в употреблении глагола *кушать*, который в современной языковой ситуации имеет коннотацию принадлежности к «языку нянь» в коммуникации взрослого с ребенком, а также маркирует уровень речевой культуры говорящего как носителя просторечия.

Характер такого рода толкований, подкрепляемых типовыми контекстами, «отзеркаливает» дискурсивные практики семантизации слова в опоре на системно заданные пресуппозиции и их представленность в обыденном языковом сознании.

4. Толкование через развернутую дефиницию – с выделением существенных признаков обозначаемого и введением слова в определенную категорию, а также с указанием ситуаций переносного употребления слова.

АБСТРАКЦИЯ. «1. Мысленное отделение каких-н. свойств и признаков предмета от самого предмета (науч.). || Отвлеченное понятие (книжн.). 2. Неясное, туманное выражение мысли (разг. неодобрит.). *У него получилась такая а., что никто ничего не понял*» [ТСРЯ 1935, I: 5].

В данном толковании зафиксирована тенденция к приобретению любыми словами с абстрактной семантикой отрицательных коннотаций, связанных с восприятием неясной, возможно, намеренно усложненной речи; шутливо дискредитируется неумение адресата четко выражать собственные мысли. Вероятность использования слова в таком значении **обуслов-**

лена ситуативно как возможный маркер оценки понятности – непонятности речи для адресата [Норман 2016, 2018; Российская ... 2021].

ЗАВОРОЖИТЬ (книжн.). «1. ... Подчинить волшебной силе, сделать волшебным, заколдованным (поэт., устар. и обл.)... 2. *Перен.* ... Совершенно очаровать, оборотить кого-н., всецело завладеть чьим-н. вниманием, мыслями, чувствами (кнжн.)... 3. ... Начать ворожить...» [ТСРЯ 1935, I: 906].

Как видно из данного примера, значения слова-полисеманта при его толковании вводятся в три категории – магия (волшебство), «пленяющее» воздействие на эмоционально-чувственную сферу воспринимающего; гадание как ритуальная практика.

Разнообразие представленных в словаре способов описания значений вместе с тем подчиняется принципу их комплексного применения – экономного способа подачи материала с учетом показательных для речевой практики вариантов толкования, сопровождаемых авторскими комментариями. См., например: **АНТИЧНЫЙ**. «1. Относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян. А. *памятник. Античное искусство.* 2. Правильный, красивый (*преимущ. о чертах лица*). А. *нос. А. профиль*» [ТСРЯ 1935, I: 46]. Выделенная в описании употребления слова авторская «ремарка» – своеобразная мнемоника, ориентирующая читателя словаря на типовой контекст употребления слова в указанном значении.

Дискурсивная направленность Словаря Д. Н. Ушакова ярко проявляется в семантизации коннотированных лексем, снабженных пометой *шутл.*, *шутл.-разг.*, *шутл.-ирон.*, а также в толковании эмоционально-оценочных экспрессем (как устойчиво закрепленных за значениями слов, так и имеющих статус речевых «опозитов и симиларов» – в терминах А. А. Залевской). В динамическом аспекте именно такие оценочные коннотации могут служить индикаторами языковых изменений, в частности, маркируя употребление слов с пометой *шутл.* как проявление смехового регистра языковой игры [Гридина 2021].

Приведем некоторые примеры словарных толкований, фиксирующих подобные ассоциативно-смысловые трансформации:

АЛЬЯНС. «Союз (книжн.). *Международный кооперативный а. Политический а.* || Соглашение, уговор, близость (*разг. шутл.*). *Между ними замечается некоторый а.*» [ТСРЯ 1935, I: 31].

Отмеченный семантический сдвиг в соотношении слова с референтом обуславливает шутливую коннотацию его употребления в разговорной речи.

БЭ. «Название буквы “б”, название соответствующего звука... **Ни бэ, ни мэ (не знать)** (*шутл. фам.*) – о полном незнании. *Он ни бэ, ни мэ не знает по-немецки. Он ни бэ, ни мэ в математике*» [ТСРЯ 1935, I: 214].

Подобные типовые контексты в виде поговорок часто отражают прагматику актуализации слова в игровом (шутливом) ключе. В данном случае прием языковой игры основан на ассоциативной идентификации названия буквы русского алфавита с «блеянием овцы» (как метафорическим маркером невнятной речи человека, свидетельствующей о его интеллектуальной беспомощности в какой-л. области знаний).

БАЛАХОН. «Просторный и длинный халат... || Дурно сшитая, широкая, длинная одежда (*разг.*). *Надел какой-то б.*» [ТСРЯ 1935, I: 81].

Отрицательно-оценочная коннотация, зафиксированная во втором значении слова (см. идентификатор *дурно*), задает потенциальную перспективу его шутливого толкования. Ср. определение данного слова в [ТССРЯ 2007: 8]: «Просторный длинный халат, а также (*шутл.*) вообще слишком просторная, бесформенная одежда». В современной разговорной речи слово актуализирует данные коннотации в том числе в игровом ключе – при намеренно парадоксальном соответствии с референтом: *Надевай свой парадно-выходной балахон.*

В некоторых случаях зафиксированные Д. Н. Ушаковым коннотации, указывающие на шутливый характер слов, неактуальны для их современного употребления в связи с архаизацией самих обозначаемых реалий:

КАНЦЕЛЯРИЯ. «Отделение какого-н. учреждения, занятое делопроизводством, составлением бумаг... К. *университета. Справки выдает к.* || *перен.* Чьи-н. деловые бумаги, документы, записки (*разг. шутл.*). *Я перенес всю канцелярию на другой стол и уселся продолжать письмо*» [ТСРЯ 1935, I: 1308].

В самом Словаре такая динамика для целого ряда слов представлена специальной пометой (в 3-м значении): см., например: **КОМИССИЯ**. *перен.* «Всякое затруднение, возня, хлопоты (*разг. шутл.*). Что за к., создатель, быть взрослой дочери отцом!..» [ТСРЯ 1935, I: 1422].

Обобщая сказанное, можно констатировать, что Словарь Д. Н. Ушакова – ценный источник для изучения языка соответствующей эпохи в проекции на современную лингвокультурную ситуацию, чему способствует операциональность техник толкования в плане их ориентации на тот или иной тип дискурса.

Отдельный интерес представляет дискурсивная семантизация хронологического характера, демонстрирующая динамичность словарного состава языка. Для русского языка, как для любого живого языка, характерно, с одной стороны, обновление составляющих его элементов и отношений между ними, с другой, – устаревание, архаизация единиц разных уровней.

Особенно ярко эти процессы проявляются в лексике, где отмечается переход слов (или отдельных значений полисемантов) из активного запаса в пассивный. Возможен и обратный процесс возвращения архаизированных лексем и фразем в активное употребление, при этом их понятийное содержание или коннотации изменяются. Ср., например, лексику сферы «образование»: *гимназия, лицей, гувернер, гувернантка*; сферы «номинация общественно-политических явлений»: *статус, губернатор, генерал-губернатор, гильдия, иноходец, департамент* и др.

Причины таких изменений чаще всего имеют экстралингвистический характер: развитие науки и техники, активизация международных связей государств, изменение / забвение культурных традиций и пр. Отмечаются и внутриязыковые причины архаизации: синонимическая замена, терминологизация, взаимодействие разных страт национального языка и т.п.

Процессы архаизации в русском языке находят отражение в лексикографической практике семантизации как конкретной, так и абстрактной устаревшей лексики, при этом необходим лингвокультурологический комментарий, соотносящий слово с

его предметным содержанием и историческим контекстом [Гридина, Коновалова 2017; Булыгина, Трипольская 2017].

В русской лексикографической практике используется, как правило, два способа для обозначения устаревшей лексики: 1) пометы *стар.*, *устар.*, *арх.*; 2) включение в словарную дефиницию идентификаторов исторической перспективы *в старину, в царской России, в прошлом, в дореволюционной России, в буржуазном обществе, в советское время* и др., а также конкретных временных границ функционирования слова в русском языке *в эпоху Ивана Грозного; с начала 30-х гг. XX века* и т.п.

См. как это представлено в Словаре Ушакова: **«нов.** – т. е. новое, означает, что слово или значение возникло в русском языке в эпохи мировой войны <речь идет о Первой мировой войне> и революции (т. е. с 1914 года); *церк.-книжн.*, т. е. церковно-книжное, означает что слово является пережитком той эпохи, когда церковнославянская стихия преобладала в русском литературном языке; **«старин.** – т. е. старинное, указывает, что слово является пережитком отдаленных эпох истории русского языка, но употребляется иногда авторами с какой-нибудь нарочитой стилистической целью; **устар.** – т. е. устарелое, означает: вышедшее или выходящее из употребления но еще широко известное, между прочим, по классическим литературным произведениям 19 века» [ТСРЯ 1935, I: XXVII].

Приведем несколько примеров архаизмов разных типов, представленных в Словаре Д. Н. Ушакова:

– акцентологический: **«СТАРЁЕ** и (*устар.*) **СТÁРЕЕ**. ... То же, что старше. ... *Что стáрее, то хуже.* Грибоедов» [ТСРЯ 1940, IV: 484];

– фонетический: **«СТАНС** и (*устар.*) *станц.* ... В стихах – строфа, представляющая собой законченный синтаксический период || *только мн.* Стихотворение, состоящее из таких строф» [ТСРЯ 1940, IV: 483];

– грамматический: **«ЗЫБАТЬ** и **ЗЫБИТЬ** (*инф. и прош.* вышли из употр.), *зыблю, зыблешь, несов. (книжн. устар.). 1. что.* Колыхать что-н., производить зыбь на чем-н.» [ТСРЯ 1935, I: 1122];

– лексический: **«ЗРЕТЬСЯ...** (*книжн., устар.*). 1. Виднеться. *Зрелася ладья, бегущая в*

тумане. Пушкин. || *перен.* Представляться воображению. *Ей своенравный зрелся лик. Баратынский*» [ТСРЯ 1935, I: 1118];

– семантический: **«ЗУБАТОВЩИНА ... (истор. полит.)**. Полицейский социализм, особая форма борьбы самодержавия с растущим рабочим движением путем показной защиты экономических требований рабочего класса полицейскими органами. [По имени начальника московского охранного отделения Зубатова, под руководством которого в 1901 г. в Москве было создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве»] [ТСРЯ 1935, I: 1119].

В словарях лексики рубежа XX–XXI вв. [ТССРЯ 2001; Бутакова, Гуц 2023; Леонтьева, Щетинина 2021] частично сохраняется система помет, характеризующих динамику употребления слова: *в советск. время, в соврем. употр.*, но вводятся специальные знаки. **Во-первых**, для лексики, вернувшейся с периферии общественного языкового сознания, которая сопровождалась в словарях советского времени пометой *устар.* или комментариями *в старину, в дореволюц. России* и т. п. (стрелка вправо). Во-вторых, для слов, уходящих в пассивный запас (стрелка влево). Кроме того, в-третьих, выделена группа слов, подвергшихся актуализации, т. е. претерпевших на рубеже веков семантические, стилистические, сочетаемостные и др. изменения (стрелка вверх).

Наиболее показательными в плане архаизации лексики на рубеже XX–XXI века являются десовитизация и деидеологизация языка, в результате чего потеряли актуальность и вышли из активного запаса полностью или стали крайне редко употребительными названия реалий советского периода. К ним относятся:

а) номинации из сферы экономики: **«ДЕНОМИНАЦИЯ** – изменение нарицательной стоимости денежных знаков с целью стабилизации валюты или упрощения расчетов путем обмена старых денежных знаков на новые ... Последняя денотация в России производилась в течение 1998 г. с увеличением стоимости рубля в 1000 раз» [ТССРЯ 2001: 211], **ПЯТИЛЕТКА** – «в советск. время пятилетний план развития народного хозяйства СССР, принявший обычно на очередном съезде

коммунистической партии; период действия такого плана» [ТССРЯ 2001: 647], **ЧЕЛНОК** – «*перен., разг.* Мелкий торговец, ввозящий товар из-за рубежа и вывозящий его за границу с последующей реализацией на местных рынках» [ТССРЯ 2001: 846], **ПРИВАТИЗАЦИЯ** – «экон. Передача государственного или муниципального имущества в собственность отдельных лиц или коллективов за плату или безвозмездно» [ТССРЯ 2001: 622–623];

б) идеологические понятия, штампы и клише: **ДЕНОМЕНКЛАТУРИЗАЦИЯ** – «*полит.* Ликвидация системы партийной номенклатуры (дающей возможность занимать руководящую должность только лицам, персонально назначаемым той или иной инстанцией КПСС) [ТССРЯ 2001: 211], **КООПЕРАТИВ** – «форма совместной экономической деятельности граждан на основе находящегося в коллективной собственности имущества, средств производства, капиталов» [ТССРЯ 2001: 382], **ТОВАРИЩ** – «в советск. время обращение к незнакомому человеку; официальное именование советского человека» [ТССРЯ 2001: 782], причем слово употреблялось применительно к лицам как мужского, так и женского пола;

в) обозначения органов правопорядка и служб исполнения наказаний: **ГКЧП** – «*полит., сокр.* Государственный комитет по чрезвычайному положению. Высший орган власти, созданный в августе 1991 г. при попытке государственного переворота» [ТССРЯ 2001: 174], **ГБ** – «сокр. Органы государственной безопасности» [ТССРЯ 2001: 168].

Особый интерес представляет, условно говоря, «новая архаизация», которую можно понимать в двух смыслах: во-первых, это переход слов из разряда общепотребительных в пассивный запас на рубеже XX–XXI веков; во-вторых, это вторичная архаизация слов, когда-то вернувшихся из пассивного запаса [Коновалова 2021].

Этот процесс «новой (или вторичной) архаизации касается в первую очередь названий устаревших технических устройств, гаджетов, девайсов: *дискета, диапроектор, аудиокассета, пейджер, телефон-автомат* и др.

Активно архаизируются, в том числе повторно, названия денежных единиц: **ДВУШКА** – «разг. В советск. время монета

достоинством в две копейки, которая, в частности, использовалась для оплаты разговора в телефонах-автоматах» [ТССРЯ 2001: 199-200], **ТРЕШКА** // *трёха* // *трёшник* // *трёшница* – «разг. три рубля» [ТССРЯ 2001: 792-793], небольшая бумажная купюра, **ПЯТАК** – «разг. Пятикопеечная монета (о монете, имевшей хождение до инфляции. Была упразднена денежной реформой 1991 г. Современную монету достоинством в 5 копеек, введенную в оборот после денонминации 1997 г., пятаком не называют» [ТССРЯ 2001: 646], к тому же сейчас такой монеты в ходу практически нет и др. Зато уже отмечается употребление этого слова по отношению к пятитысячной купюре.

Динамика языковых процессов, отраженная в лексикографических источниках, находит специфическое преломление в современных дискурсивных практиках, в частности, в номинациях объектов городского пространства. Проиллюстрируем это на материале эргонимов г. Екатеринбурга, в свете которых город предстает как своего рода культурный текст, демонстрирующий социолингвистические аспекты нового осмысления исходной семантики слов разных исторических периодов.

Лексика пассивного запаса в современной эргономии

Обращение к данному материалу обусловлено тем, что рассматриваемый Словарь Д. Н. Ушакова, так же как и последующие толковые словари, фиксирует языковой «континуум» определенной эпохи, что требует особого рода комментария архаизированной лексики в новом социокультурном контексте.

В фокусе внимания при таком подходе оказываются, в частности, эргономии, транслирующие и формирующие мировоззренческие установки современного городского населения в свете «языкового вкуса эпохи» [Костомаров 2015].

Одним из векторов эргономии является новая **когнитивная обработка историзмов и архаизмов**. Ср., например, следующие названия заведений городского общепита:

ТРАПЕЗА – столовая; ресторан быстрого питания; кафе. **ТРАПЕЗНАЯ** – кафе. **ДОМАШНЯЯ ТРАПЕЗА** – кофейня. **ЦАРСКАЯ ТРАПЕЗА** – ресторан. **ПРАВОСЛАВ-**

НАЯ ТРАПЕЗА – кафе Ново-Тихвинского женского монастыря, где возрождается традиция празднования именин. В перечисленном ряду только два последних названия соответствуют изначальной семантике положенного в их основу апеллятива. См. значения 1-3 данной лексемы в Словаре Д. Н. Ушакова: «ТРАПЕЗА. 1. Общий стол для приема пищи в **монастыре (церк.)**. *Сесть за трапезу. Зачем и мне не тешишься в боях, не пировать за царского трапезой?* Пушкин. 2. *Только ед.* прием пищи (обед, ужин) за таким столом (**церк.**). *Вечерняя т.* || Вообще прием пищи, еда (**устар.**, теперь **шутл.**). *Давно ль они часы досуга, трапезу, мысли и дела делили дружно?* Пушкин. *Уважающие себя горожане готовились к обеденной трапезе.* А. Н. Толстой. *За трапезой убогой отдохнуть с своей семьей.* Вяземский. *Есть с кем разделить трапезу этого великого дня.* Салтыков-Щедрин. 3. Помещение для еды, столовая в монастыре (**церк.**). 4. Западная часть христианского храма (церк.)» [ТСРЯ 1940, IV: 776].

Ср. дефиниции приведенных выше слов в ТССРЯ [2007: 996]: «ТРАПЕЗА 1. Общий стол для приема пищи в монастыре. 2. Прием пищи, еда в монастыре. ТРАПЕЗНАЯ – монастырская столовая».

Подчеркнем, что пометы *устар.* и *шутл.* при этих словах в данном словаре отсутствуют.

Вполне очевидно, что в современном словарном представлении значения рассматриваемых слов сохраняют референтную соотнесенность с церковным обиходом, в обыденном же употреблении происходит расширение их денотативной сферы за счет утраты коннотации книжности и дифференциального компонента «относящийся к церковному быту». Кроме того, в исходном значении слова «трапеза» содержится импликатура «дружеское общение во время неспешного приема пищи в торжественной или домашней обстановке, в часы досуга» (см. вышеприведенные контексты). В эргонимах актуализируется только профанный компонент «место, где едят», маркирующий названия заведений общепита, в частности, ресторанов и кафе быстрого питания. Этот когнитивный сдвиг как несоответствие функции объекта его названию в первоначальном смысле

практически не осознается представителями городского социума. Так, данные проведенного нами ассоциативного эксперимента на базе рандомной выборки респондентов показывают, что самыми частотными реакциями на заданные эргонимические стимулы являются *еда, пища, быстро, поест, быстропит*. На периферии ассоциативного поля эргонима «Царская трапеза» зафиксирована реакция прецедентного типа *Иван Васильевич меняет профессию*, отсылающая к названию известной комедии Л. Гайдая.

Эргономинация ТРАПЕЗНАЯ вписывается в широко распространенную в современной практике модель означивания городских объектов общепита субстантиватами типа СУПОШНАЯ, ХЛЕБНИЧНАЯ, ПИРОГОВАЯ и т.п.

К данному ряду примеров можно отнести и использование историзмов в качестве эргонимов с оценочной коннотацией элитарности. Это касается, в частности, названий салонов красоты, предназначенных для тех, кто заботится о своей внешности как средстве создания престижного имиджа в обществе:

ДВОРЯНКА – название парикмахерской, студии красоты, салона косметических услуг. Ср. ДВОРЯНКА – «женск. к дворянин». «Лицо, принадлежащее к дворянскому сословию» [ТСРЯ 1935, I: 661]. **ДВОРЯНСТВО** – «высшее привилегированное сословие (существовавшее в России до революции, состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников)» [Там же]. К статье **ДВОРЯНСКИЙ**: «Дворянское происхождение» [Там же].

Данный историзм, в частности, в функции эргономинации, актуализирует изначально присущую ему коннотацию «избранности» применительно к характеристике лица, не имеющего отношения к дворянскому сословию, но претендующего на признание его статусности. Такое явно переносное употребление отражает перемещение коннотативного компонента значения слова-историзма в зону актуального смысла, вытесняя исходную денотативную сему.

Подобной когнитивной обработке в современной языковой ситуации подвергаются названия заведений, связанных с уходом за внешностью (студии красоты,

спа-салоны, бьюти-бары и др.). Показательным примером может служить эргоним **БОГЕМА** (салон красоты). В таких случаях позиционируется престижность, элитарность объекта городского пространства без учета оценочных коннотаций (в какой-то степени даже контрастирующих с исходной семантикой небеспеченности и беспорядочности богемного образа жизни). См.: **«БОГЕМА...** [фр. *bohème*, букв. цыганщина]. 1. *собр.* **Необеспеченные** актеры, художники, литераторы и т. п. интеллигенты, ведущие **беспечную** и **беспорядочную** жизнь. *Литературная б.* 2. **Беспорядочный быт** такой среды (разг.). *Дома у него настоящая б.»* [ТСРЯ 1935, I: 161]. Ср.: «Не имеющие устойчивого обеспечения люди творческого труда ..., ведущие беспорядочную жизнь, а также такой образ жизни, среди таких людей» [ТССРЯ 2007: 52].

Некоторые преднамеренные сдвиги в ассоциативной обработке апеллятивной основы эргономинаций связаны с применением техник языковой игры. Таково, например, название салона красоты **ВАШЕ СИЯТЕЛЬСТВО**, созданное по принципу «ассоциативного наложения» и «ассоциативной выводимости» (термины Т. А. Гридиной). Эффект языковой игры создается новой мотивацией историзма через отсылку к глаголу «сиять» в значении «исполненный радости, счастья и выражающий своим видом это состояние»; одновременно актуализируется и исходный смысл данного выражения, позиционирующий «сверхуважительное» отношение к клиентам заведения. Ср.: **«СИЯТЕЛЬСТВО**, а, ср. (офиц. до-революц.). В соединении с местоим. *ваше, их, его, ее* – титулование князей, графов, их жен и детей» [ТСРЯ 1940, IV: 196].

Еще одним вектором когнитивной обработки устаревших слов в сфере современного эргонимикона является **«новая архаизация»** так называемых **советизмов** – слов, обозначающих знаковые реалии советской эпохи. Приведем некоторые, наиболее показательные, примеры:

КОММУНА (названия кофейни, ресторана, кафе). Данная эргономинация применительно к типу обозначаемых объектов, очевидно, транслирует идею общения в неофициальной обстановке, в кругу друзей. См., например, отзывы посетителей кафе «Коммуна» в одном из центральных

районов города Екатеринбурга (с историческим названием ГОРОДОК ЧЕКИСТОВ – жилой комплекс в стиле конструктивизма, историко-архитектурный памятник, построенный для сотрудников НКВД в начале 1930-х гг.): уютное место с доброй, **объединяющей** атмосферой; интерьер почти **домашний**; можно **посидеть с друзьями**; тут проводятся поэтические вечера; есть разные настольные игры; подойдет для **посиделок в компании друзей**; можно посмотреть исторические фотографии. Ср. толкование значения слова в его нарицательном смысле: «КОММУНА... [фр. commune]. 1. Коллектив лиц, объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда. В Мезени я встретил **ссылнополитических**, к-рые жили небольшой **коммуной**. Се-рафимович. Наша к. состояла из 10 лиц. На **высшей ступени коллективизации** сельского хозяйства сельскохозяйственная **артель преобразуется в коммуны**. **Трудовая к. Дом-к.** || Территория, место, где обитает такой коллектив (разг.). Проезжали мимо новой коммуны» [ТСРЯ 1935, I: 1423].

В современном языковом сознании лексема «коммуна» деидеологизирована (утрачивает значение «объединение на основе общности **идей, трудовой деятельности**»), при этом сохраняются семантика коллективного бытия (в узком смысле этого слова «совместное **проведение досуга**, времяпрепровождение в дружеском кругу»).

Процесс десоветизации и деидеологизации наблюдается и в эргонимическом переосмыслении слова-историзма «зарница». Так в эргонимиконе Екатеринбурга данное слово представлено в названии игровых клубов (пейнтбола, страйкбола, лазертага), развлекательных центров и т. п. По своему происхождению данное название является советизмом, ср.: «**В советское время пионерская военная игра**. **Играть в зарницу**. Зарница, как правило, была заранее хорошо подготовлена с помощью вожатых-комсомольцев и напоминала военные учения: **условные военные действия** двух команд друг против друга» [ТССРЯ 2001: 279]. В свою очередь советизм является метафорой и восходит к символике апеллятива «зарница», обозначающего природное явление: «Мгновенная световая вспышка, озаряющая горизонт вечером или ночью, вроде

молнии, но без грома; отблеск дальней грозы. Небо, полное грозю, от зарниц всё **трепетало**. Тютчев» [ТСРЯ 1935, I: 1020]. Основанием метафорического переосмысления служит визуальная аналогия «вспышка молнии – вспышка сигнальной ракеты и т. п.». Вторичное переосмысление «**ЗАРНИЦА**» в названиях развлекательных игровых заведений основано на актуализации компонента «коллективная игра».

Коррелирует с вышеприведенным примером эргономинация **ПРЯТКИ** применительно к новым реалиям развлекательного досуга для детей и молодежи. Таковы названия игровых центров **ПРЯТКИ в темноте** (компания по организации квестов), **МЕСТО ПРЯТОК** (парк развлечений), **ПРЯТКИ** (*локал* – место проведения квеста). Само слово «прятки» без изменения своего денотативного компонента вписывается в новый формат коллективных игр, связанных с интеллектуальной и двигательной активностью игроков, быстрым решением головоломок и логических заданий, а также конкретными действиями исследовательского характера. Ср. ПРЯТКИ в традиционном значении «детская игра, состоящая в том, что все, кроме одного (водящего), прячутся, а тот ищет их. *Играть в п.*» [ТСРЯ 1939, III: 1057].

Особый ракурс исследования динамики языковых процессов в зеркале эргономинаций представляет обыгрывание образной семантики фразеологизмов, в составе которых в качестве словных компонентов, в частности, представлены историзмы и архаизмы. См., например, название бара **МЕДНЫЙ ГРОШ**, которое отсылает к пресуппозиции «дешевое заведение». В отзывах посетителей этого бара отмечается: *ценник приемлемый; рекомендую для небольшой непритязательной компании; банальные огурцы с помидорами не лучшего качества; можно расположиться одному за маленьким столиком под лестницей*. Эти оценки коррелируют с коннотациями слова-историзма «грош», отраженными также в семантике фразеологизмов с этим компонентом. Ср.: ГРОШ. 1. Монета, ценностью в полкопейки (устар.). 2. *чаще мн.* Мало денег, ничтожная цена. ... *Это стоит гроши. За грош или за гроши купить, продать что-н.* (очень дешево, почти даром). **Ни**

гроша нет (разг.) – вовсе нет денег. **Грош медный** или **ломаный цена кому-чему** или **гроша (медного, ломаного) не стоит** (разг. ирон.) – ничего не стоит, очень плохо, никуда не годится...» [ТСРЯ 1935, I: 628].

В данном случае интенция номинатора, вероятно стремящегося привлечь посетителей бара недорогой ценой предлагаемых услуг, «вступает в конфликт» с неучтенными отрицательными коннотациями слова «грош» в его фразеологических репрезентациях.

Заключение

В словаре Д. Н. Ушакова реализована дискурсивно ориентированная модель представления значений, что находит отражение как в вариативных техниках их толкования, так и в иллюстративном материале: фиксации ситуативных контекстов и типовой синтагматики, метафорической и фразеологической специфики употребления слов, стилистической маркированности, определяющей потенциальные зоны их функционирования. Синонимы, антонимы, а также словообразовательные

корреляты толкуемых слов задают собственный ракурс дискурсивной актуализации значений.

Динамика языковых процессов ярко обнаруживается при сопоставлении лексикографических данных (фиксации значений словарями разных эпох), а также с дискурсивными практиками употребления слов в живой речи. Наиболее показательны в этом отношении процессы десоветизации, деидеологизации и новой архаизации советизмов в современной языковой ситуации, связанные с когнитивными сдвигами в осмыслении понятийного и коннотативного компонентов значений.

Динамические процессы функционирования слов в современной языковой ситуации активно проявлены в практиках эргономинии, в том числе с использованием приемов языковой игры, эксплуатирующей оценочный ассоциативный потенциал историзмов и архаизмов в целях мировоззренческого воздействия на сознание современного городского социума.

Литература

- Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- Булыгина, Е. Ю. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 5-19. – DOI: 10.17223/22274200/11/1. – EDN ZAPCJX.
- Бутакова, Л. О. Эвристический потенциал психолингвистических словарей разного типа / Л. О. Бутакова, Е. Н. Гуц // Вопросы психолингвистики. – 2023. – № 3(57). – С. 36-60. – DOI 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60. – EDN WJQAAA.
- Гридина, Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография / Т. А. Гридина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117-126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10. – EDN YLOOWL.
- Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119-131. – DOI 10.17223/22274200/11/8. – EDN ZAPCMP.
- Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 127-135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11. – EDN XQDDZC.
- Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – СПб. : «Златоуст», 2015. – 320 с.
- Кронгауз, М. А. Язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Издательство CORPUS, 2019. – 512 с.
- Леонтьева, Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. – Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2021. – 424 с.
- Норман, Б. Ю. «Креатив» говорящего vs. «креатива» слушающего : компромисс взаимопонимания / Б. Ю. Норман // Лингвистика креатива-4 : Коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 174-212. – EDN XQUMWD.
- Норман, Б. Ю. Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов / Б. Ю. Норман // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 222-237. – EDN WDNRTF.
- Российская психолингвистика : итоги и перспективы (1966–2021) (2021) / О. В. Абакумова, Т. В. Ахутина, В. Н. Базылев [и др.]. – М. : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт

языкознания Российской академии наук. – 626 с. – ISBN 978-5-6045633-7-3. – DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3. – EDN AQMQWH.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935-1940.

ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : ООО Издательство «Астрель» : ООО Издательство «АСТ», 2001. – 944 с.

Фуфаева, И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция / И. В. Фуфаева. – М. : Издательство АСТ : CORPUS. 2020. – 304 с.

References

Abakumova, O. V., Akhutina, T. V., Bazylev, V. N. etc. (2021). Rossiiskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966-2021) [Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)]. Moscow, Institut yazykoznanija Rossiiskoi akademii nauk. 626 p. DOI: 10.30982/978-5-6045633-7-3.

Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, "Sovetskaya entsiklopediya", pp. 136-137.

Bulygina, E. Yu., Tripol'skaya T. A. (2017). Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike slova i sposoby ego predstavleniya v baze dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki [National-Cultural Component in the Semantics of a Word and Ways of Representing It in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 5-19. DOI: 10.17223/22274200/11/1.

Butakova, L. O., Guts, E. N. (2023). Evristicheskii potentsial psikholingvisticheskikh slovarei raznogo tipa [Heuristic Potential of Psycholinguistic Dictionaries of Various Types]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No. 3(57), pp. 36-60. – DOI: 10.30982/2077-5911-2023-57-3-36-60.

Fufaeva, I. V. (2020). Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitivy: istoriya, ustroystvo, konkurentsya [What Are Women Called? Feminitives: History, Structure, Competition]. Moscow, Izdatel'stvo AST ; CORPUS. 304 p.

Gridina, T. A. (2021). Slovar' V. I. Dalya i sovremennaya assotsiativnaya leksikografiya [Dictionary of V. I. Dahl and Modern Associative Lexicography]. In *Filologicheskii klass*. Vol. 26, No. 4, pp. 117-126. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

Gridina, T. A., Konovalova N. I. (2017). Parametry leksikograficheskoi interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokulturologicheskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguocultural Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119-131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.

Konovalova, N. I. (2021). Semantizatsiya sakral'noi leksiki v slovare V. I. Dalya [Semantization of Sacred Vocabulary in V. I. Dal's Dictionary]. In *Filologicheskij klass*. Vol. 26, No. 4, pp. 127-135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

Kostomarov, V. G. (2015). *Yazykovoii vkus epoxi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Linguistic Taste of the Era. From Observations of the Speech Practice of Mass Media]. Saint Petersburg, "Zlatoust". 320 p.

Krongauz, M. A. (2019). *Yazyk na grani nervnogo sryva* [Language on the Verge of a Nervous Breakdown]. Moscow, Izdatel'stvo CORPUS. 512 p.

Leont'yeva, T. V., Shchetinina A. V. (2021). *Slovar' aktual'noi leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of Current Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century]. Ekaterinburg, Izdatel'skii dom "Azhur". 424 p.

Norman, B. Yu. (2016). Stereotipnye repliki na sluzhbe u standartnykh rechevykh aktov [Stereotypical Cues in the Service of Standard Speech Acts]. In *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti*. No. 14, pp. 222-237.

Norman, B. Yu. (2018). "Kreativ" govoryashchego vs. "kreativa" slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya ["Creativity" of the Speaker vs. "Creativity" of the Listener: A Compromise of Mutual Understanding]. In T. A. Gridina (ed.). *Lingvistika kreativa-4*. Ekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, pp. 174-212.

Sklyarevskaya, G. N. (Ed.). (2001). *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Yazykovye izmeneniya kontsa XX stoletiya*. Moscow, ООО Izdatel'stvo "Astrel" ; ООО Izdatel'stvo "AST". 944 p.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol.]. Moscow, Gos. In-t "Sov. entsiklopediya" ; OGIZ.

Данные об авторах

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Дата поступления: 08.11.2023; дата публикации: 30.12.2023

Authors' information

Gridina Tatiana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

Konovalova Nadezhda Ilynichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

Date of receipt: 08.11.2023; date of publication: 30.12.2023

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Д. Н. УШАКОВА:
ХРАНИТЕЛЬ ФОРТУНАТОВСКИХ ТРАДИЦИЙ
ИЛИ УЧЕНЫЙ-ЭКСПЕРИМЕНТАТОР?**

Селеменова О. А.

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-842>

SPIN-код: 4731-7091

Аннотация. В статье дана характеристика синтаксических взглядов Д. Н. Ушакова на проблему предложения и его членов в русском языке. Выполненный обзор лингвистических работ, посвященных оценке научного и методического наследия ученого, наглядно показал, что данный аспект его деятельности так и остался за пределами изысканий современных филологов. Будучи широко известен как лексикограф, нормализатор русской орфоэпии и орфографии, диалектолог, Д. Н. Ушаков совсем не известен как синтаксист. Автор статьи отмечает, что в области синтаксиса лингвист во многом опирался на новаторские идеи своего учителя Ф. Ф. Fortunatov. Однако в отличие от него смог преодолеть влияние психологизма, разграничив психологическое суждение и предложение, психологическое и грамматическое подлежащее и сказуемое. Показано, что Д. Н. Ушаков интересовался достаточно широким кругом вопросов синтаксиса предложения: роль интонации в предложении, типы связок в составном сказуемом, принципы классификации второстепенных членов, средства выражения отношений в сложном предложении. Зачастую ограничиваясь отдельными замечаниями, Д. Н. Ушаков тем не менее демонстрирует высокий профессионализм и тонкое чувство языка, оказываясь идейно близок в некоторых своих тезисах крупнейшим отечественным теоретикам-синтаксистам А. А. Шахматову и А. М. Пешковскому. В статье акцентируется внимание и на вопросе участия Д. Н. Ушакова в дискуссии по объему предлагаемого к изучению материала по синтаксису в программах для советской школы 20-х гг. XX в. В своих дидактических взглядах лингвист остается умеренным формалистом, ратуя за освобождение курса школьного синтаксиса от «логики» и изучение взаимного отношения слов и предложений и способов выражения этих отношений. Автор приходит к выводу, что в синтаксисе Д. Н. Ушаков все же не был экспериментатором, но не был и хранителем исключительно fortunatovских традиций. Благодаря широте кругозора, открытости новому знанию, простоте стиля он занял особое место – проводника наиболее продуктивных синтаксических идей ряда своих современников.

Ключевые слова: формальная грамматика; психологическое суждение; предложение; типы связок в составном сказуемом; второстепенные члены предложения; школьный курс синтаксиса

Для цитирования: Селеменова, О. А. Синтаксические взгляды Д. Н. Ушакова: хранитель fortunatovских традиций или ученый-экспериментатор? / О. А. Селеменова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 337–348. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-337-348.

**SYNTACTIC IDEAS OF D. N. USHAKOV: A GUARDIAN OF FORTUNATOV'S TRADITIONS
OR A SCHOLAR-EXPERIMENTALIST?**

Olga A. Selemeneva

Bunin Yelets State University (Yelets, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0488-842>

Abstract. The article deals with the syntactic ideas of D. N. Ushakov on the problem of the sentence and its members in Russian. The author's review of the linguistic works devoted to the assessment of the scientific and methodological heritage of the scholar clearly show that this aspect of the activity of Ushakov has remained outside the survey of modern philologists. Ushakov is widely known as a lexicographer, a specialist in the normative Russian orthoepia and orthography, and a dialectologist, but not at all known as a researcher of the syntax of the Russian language. The author of the article notes that in the field of syntax, the linguist largely relies on the innovative ideas of his teacher F. F. Fortunatov. However, unlike him, Ushakov manages to overcome the influence of psychologism by distinguishing between the psychological judgment and the sentence, and between the psycho-

logical subject and predicate and the grammatical ones. The article shows that Ushakov was interested in a fairly wide range of issues of the sentence syntax: the role of intonation, the types of link-verbs in the compound predicate, the principles of classification of secondary parts of the sentence, the means of expressing relations in a composite sentence, etc. Often limited to individual comments, Ushakov nevertheless demonstrates high professionalism and a subtle sense of language, finding himself ideologically close in some of his theses to the largest domestic syntax theorists A. A. Shakhmatov and A. M. Peshkovsky. The article also focuses on the issue of Ushakov's participation in the discussion of the scope of syntactical material chosen for study in the curricula of the Soviet schools of the 1920s. In his didactic views, the linguist remains a moderate formalist, advocating the liberation of the school syntax course from "logic" and the study of the interrelations between words and sentences and the ways of expressing these relations. The author comes to the conclusion that in the sphere of syntax, Ushakov was still not an experimenter, and neither the keeper of exclusively Fortunatov's traditions. Due to the breadth of outlook, openness to new knowledge and simplicity of style, he took a special place as a popularizer of the most productive syntactic ideas of a number of his contemporaries.

Key words: "formal grammar"; psychological judgment; sentence; types of link-verbs in the compound predicate; secondary parts of the sentence; school syntax course

For citation: Selemeneva, O. A. (2023). Syntactic Ideas of D. N. Ushakov: A Guardian of Fortunatov's Traditions or a Scholar-Experimentalist? In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 337–348. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-337-348.

Дмитрий Николаевич Ушаков в ряду достойнейших представителей отечественной лингвистики – И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, Ф. Ф. Fortunatova, А. А. Реформатского, А. А. Шахматова и многих других – принадлежит к совершенному особому типу исследователей, для которых характерно, по мнению М. В. Панова, успешное решение двух задач: с одной стороны, открытие универсальных законов «Языка как достояния человечества», а с другой – изучение родного языка как драгоценности «в ее сокровенных и неповторимых особенностях» [Ушаков 1995: 32]. Прославленный русист не только смог реализовывать эти задачи, но и уравновесить их.

Создатель первого толкового словаря современного русского литературного языка в четырех томах; активный участник Московской диалектологической комиссии, стоявший у самых истоков изучения «русского языка в его говорах» [Высотский 2003: 81]; видный организатор «деятельности орфографических комиссий послереформенного периода» (реформа 1917–1918 гг.) [Науменко 2018: 62]; носитель «исключительного по красоте и совершенству русского литературного произношения» [Аванесов 1973: 100], ставший «рыцарем русской орфоэпии» [Прохорова 2014: 161]; «учитель учителей» [Никитин 2018: 88]; блестящий лектор и исторически исключительно плодотворный деятель «русской, и общесоюзной, и мировой культуры» [Ушаков 1995: 11] – все

эти слова современников и благодарных потомков о Д. Н. Ушакове.

Научное и методическое наследие Д. Н. Ушакова в фокусе исследований современных ученых

В научно-педагогической биографии Д. Н. Ушакова обычно выделяют три периода: этнографо-диалектологический (дооктябрьский), методический (20-е гг. XX в.) и лексикографический (30-е гг. XX в.) [Добродомов 2003: 59]. Однако круг интересов лингвиста отнюдь не замыкался диалектологией, лексикографией и методикой преподавания русского языка и был чрезвычайно широк: сравнительное языкознание, история и теория языка, орфография, описательная фонетика, культура речи, язык художественной литературы... О неограниченном вкладе «легенды русского слова» в развитие филологии уже написано немало, о чем свидетельствует выпущенный в 2023 г. к 150-летию юбилею библиографический указатель¹. Целая плеяда современных ученых – В. М. Алпатов, Е. Н. Басовская, Ж. В. Ганиев, Ф. Н. Двинятин, И. Г. Добродомов, С. В. Науменко, И. В. Нефедов, Т. П. Нефедова, О. В. Никитин, С. П. Пра-

¹ Легенда русского слова – лингвист и педагог: к 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова: библиографический указатель / Министерство культуры Курской области, Курская областная универсальная научная библиотека им. Н. Н. Асеева; составитель М. Г. Сороколетова; ответственный за выпуск Е. И. Аболмасова. Курск, 2023. 27 с.

ведников, И. О. Прохорова, О. Н. Филиппова и др. – обращается к оценке научного и методического наследия Д. Н. Ушакова.

Так, «вершиной деятельности ученого» В. М. Алпатов считает «Толковый словарь русского языка» [Алпатов 2002: 24]. И. В. Нефедов и Т. П. Нефедова, анализируя достоинства и недостатки словаря (системность лексического материала, точность семантического анализа слов, обилие поговорок и пословиц, злоупотребление общеполитической лексикой и т. п.), приходят к выводу о несомненном его содействии в обогащении русского языка [Нефедов, Нефедова 2013: 9–13]. Включая указанный лексикографический труд в контекст лингвистических дискуссий 1930-х гг., О. В. Никитин резюмирует, что несмотря на время серьезных идеологических испытаний для общества и науки этого времени словарь К. Д. Ушакова демонстрирует «подлинные ориентиры современной лексикографии» и «сохраняет академические традиции» [Никитин 2016: 39].

К разным аспектам нормализаторской деятельности К. Д. Ушакова в области русской орфоэпии и орфографии обращаются Ж. В. Ганиев, И. О. Прохорова, С. В. Науменко, О. Н. Филиппова и др. [Ганиев 2010; Прохорова 2014; Науменко 2018, 2019; Филиппова 2023]. Анализ орфоэпических подходов и рекомендаций Д. Н. Ушакова позволяют И. О. Прохоровой прийти к следующему выводу: лингвист «на много лет вперед сумел определить путь развития орфоэпической культуры общества» [Прохорова 2014: 164]. А С. В. Науменко высоко оценивает вклад Д. Н. Ушакова в нормализацию правописания на основе двух принципов – единообразия и последовательности [Науменко 2018: 58]. Находясь «в авангарде орфографического движения XX века», лингвист смог добиться того, что упорядочивание орфографии «стало осознаваться и обществом, и государством как важнейший приоритет» [Там же: 62]. А его новаторский школьный «Орфографический словарь» стал «классикой отечественной орфографической лексикографии первой половины XX в.», памятником «подвижнической деятельности» своего создателя [Науменко 2019: 97].

О. В. Никитиным, Е. Н. Басовской ве-

дется большая работа по освоению архивных материалов: неопубликованных трудов Д. Н. Ушакова, его личной переписки, выступлений его учеников и т. п. [Никитин 2002; Высотский 2003; Басовская 2017]. Например, в 2002 г. в журнале «Вопросы языкознания» О. В. Никитиным публикуются протоколы 189-го заседания Московской диалектологической комиссии, на котором председательствовал Д. Н. Ушаков [Никитин 2002]. В 2003 г. в журнале «Русская речь» ученый впервые по машинописной копии стенограммы, хранящейся в архиве РАН, представляет широкой общественности доклад С. С. Высотского, прочитанный 23 июня 1942 г. на заседании филологического факультета МГУ и Института языка и письменности АН СССР [Высотский 2003]. В своем выступлении известный диалектолог и историк языка, ученик Д. Н. Ушакова, определил «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (1915 г.) как «монументальный труд Дмитрия Николаевича, воспитавший диалектологов и послуживший мощной базой и импульсом для дальнейшего развития русской диалектологии» [Там же: 84]. А в 2018 г. в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» увидела свет переписка А. А. Шахматова с Д. Н. Ушаковым, отзыв Д. Н. Ушакова о «Методике русского языка» П. О. Афанасьева, а также воспоминания о нем М. Н. Петерсона, С. И. Ожегова, декана филологического факультета МИФЛИ А. М. Еголина [Никитин 2018].

Е. Н. Басовская в 2015 г. на страницах журнала «Вестник Российского государственного гуманитарного университета» публикует переписку между прозаиком Ф. В. Гладковым и Д. Н. Ушаковым, хранящуюся в архивах РАН, а также материалы, отражающие сотрудничество известного филолога с Радиокomiteтом СССР [Басовская 2015]. В центре статьи – лингвистическая полемика о «чистоте языка», развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» в 1939 г. В 2016 г. в журнале «Новое литературное обозрение» ученым обнаружится дружеская переписка Д. Н. Ушакова и латиниста Ф. Е. Корша [Басовская 2016]. А в 2017 г. Е. Н. Басовская обращается к неопубликованному учебно-

му пособию Д. Н. Ушакова «Материалы для учебной книги по развитию речи» из Центрального московского архива-музея личных собраний [Басовская 2017]. На материале указанного пособия и ряда опубликованных работ она формулирует оригинальные ушаковские дидактические принципы: почти врачебный «не навреди», «не противопоставляй школьное знание академическому», «не отделяй развитие речи от развития мысли», «делай материал интересным и увлекательным» [Басовская 2017: 13–14, 16–17]. Последовательная реализация этих принципов в системе традиционных и нетрадиционных авторских упражнений, представленных в «Материалах...», свидетельствует о постоянном стремлении Ушакова-педагога ориентироваться на «интересы и возможности ученика», создавать на занятиях атмосферу «творческого сотрудничества» [Там же: 17]. В условиях постулирования необходимости гуманизации и гуманитаризации современного российского образования, утверждения ценности человеческой личности, акцентуации роли науки в деле и интеллектуального, и духовно-нравственного воспитания молодежи заветы Д. Н. Ушакова, на наш взгляд, звучат особенно актуально.

Масштаб личности Д. Н. Ушакова до сих пор позволяет открывать и открывать новое в деятельности ученого, педагога, организатора, находить и устранять белые пятна на профессиональной карте Человека-эпохи. Одной из таких лакун выступают синтаксические взгляды Д. Н. Ушакова.

Простое предложение в концепции Д. Н. Ушакова: освобождение от «психологизма»

О синтаксической системе русского языка лингвист написал немного. Взгляд Ушакова-ученого на предложение и систему его членов изложен в работе «Краткое введение в науку о языке» (1913 г.), а взгляд Ушакова-педагога на объем изучаемого материала в школе по курсу синтаксиса – в опубликованных докладах «Спорные вопросы в новой программе грамматики» (1923 г.) и «Грамматика и орфография в новой программе» (1928 г.) [Ушаков 1995].

Хотя имя Д. Н. Ушакова никогда не упоминалось в ряду известных отечественных синтаксистов (и тоже учеников Ф. Ф. Фортунатова) М. Н. Петерсона, А. М. Пешковского,

А. А. Шахматова, его представления о синтаксической системе вызывают интерес в силу того, что и на этом поприще ученый проявил и глубокое знание законов современного русского языка, и высокий профессионализм, и дар научной интуиции.

В целом в области грамматики Д. Н. Ушаков опирался на новаторские идеи своего учителя Ф. Ф. Фортунатова о языке как совокупности отношений и грамматической форме. Непосредственно в синтаксических изысканиях, как и основоположник формального направления, Д. Н. Ушаков не смог полностью избежать влияния психологизма. Так, Ф. Ф. Фортунатов при рассмотрении вопросов соотношения языка и мышления, языка и речи оперировал понятиями «представлений», «ощущений», «психических ассоциаций», «предложений в мысли» (психологических суждений) [Фортунатов 1956]. Суждение он считал отдельной мыслью, образуемой «объединением (в чувстве соотношения) одного представления с другим» [Там же: 126]. В структуре суждения у лингвиста присутствовали два элемента: психологическое сказуемое и психологическое подлежащее [Там же]. Аналогичные рассуждения находим у Д. Н. Ушакова: «Соединение в мысли двух представлений называется психологическим суждением... Процесс суждения основан на ассоциациях представлений. То представление, от которого отправляется процесс суждения, называется подлежащим суждения, а то, которое сознается объединяющимся с ним или отделяющимся от него, – сказуемым...» [Ушаков 1995: 84].

Несмотря на наличие прямых параллелей у учителя и ученика именно Д. Н. Ушаков, согласно верному замечанию советского и российского лингвиста М. В. Панова, первый «сказал “нет” психологизму», а его размышления о представлениях и ассоциациях представлений являются, скорее, еще «проявлением инерции» [Там же: 24–25].

Действительно, первостепенной задачей Д. Н. Ушаков считал развести понятия психологического суждения и предложения, разграничить психологическое и грамматическое подлежащее и сказуемое [Там же: 109]. Утверждая свободу лингвистики от категорий психологических,

Д. Н. Ушаков искал при анализе предложения формальных, языковых признаков и находил их. У него грамматические подлежащее и сказуемое определялись «той или иной формой – самого ли слова или формой сочетания слов» [Там же] в отличие от психологического подлежащего и сказуемого, определяемых на основе представлений (см. цитату, приведенную выше) [Там же: 84].

Ф. Ф. Fortunatov объектом синтаксиса считал словосочетание, разновидностью которого выступало предложение [Fortunatov 1956: 183]. Д. Н. Ушаков не смешивал термины «словосочетание» и «предложение» и принимал под предложением словесное выражение суждения, а границами предложений с грамматической точки зрения признавал интонацию: «...границы предложений определяются только соотношением интонаций» [Ушаков 1995: 109]. В этом он гораздо ближе другому ученику Ф. Ф. Fortunatov и крупнейшему отечественному теоретику-синтаксису А. А. Шахматову, чем своему учителю. У А. А. Шахматова читаем: «...предложение – это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных частей и интонации) выражение психологической коммуникации» [Шахматов 2001: 29–30].

В работах Д. Н. Ушакова обнаруживаем мысль о предложении как единице языка, т. е. синтаксическом знаке, который не создается каждый раз заново, а «хранится в памяти в готовом виде и воспроизводится в необходимый момент» [Norman 2013: 35]: «...мы при передаче своей мысли... пользуемся готовыми словами в готовых сочетаниях, которые мы переняли у старшего поколения; мы составляем, таким образом, новые предложения из разрозненных частей старых» [Ушаков 1995: 110]. И пусть эта мысль еще не выкристаллизовавшаяся, завуалированная, но она выступает своеобразной предтечей идеи абстрактных образцов, моделей, структурных схем, обнаруживающейся у отечественных ученых, представляющих самые разные направления: от формально-грамматического направления 60–80-х гг. XX в. до функционального и когнитивного синтаксиса конца XX – первой четверти XXI в.

При классификации предложений

Д. Н. Ушаков оперирует терминами «грамматические» и «неграмматические», «полные» и «неполные» [Ушаков 1995: 110–112]. Эти термины фигурировали и у Ф. Ф. Fortunatov, но применительно к словосочетаниям [Fortunatov 1956: 182–187]. В частности, к законченным словосочетаниям относились грамматические предложения, включавшие в себя грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, представленное спрягаемым глаголом; неграмматическими же считались словосочетания, в которых отношения формами слов не выражены [Там же]. В неполных предложениях у Ф. Ф. Fortunatov только одна часть психологического суждения находил словесное выражение (знаменитый пример *Пожар* с языковым выражением только сказуемого психологического суждения), в полных – обе [Там же: 183].

Дефиниции Д. Н. Ушакова не только стилистически более ясны и прозрачны, но и избавлены от акцентуации связи предложения с психологическим суждением и его членами. Он отмечает, что в грамматических предложениях отношение сказуемого и подлежащего выражается средствами языка (например, связочным глаголом, окончанием полнозначного глагола или суффиксом), а в неграмматических остается невыраженным [Ушаков 1995: 112]. К неграмматическим предложениям, судя по приводимому ученым ряду примеров (*Завтра экзамен*, *Моська ну на слона кидаться*, *Татьяна – ах!* и др.), причислялись двусоставные полные предложения со сказуемыми, выраженными неизменяемыми частями речи, и эллиптические предложения [Там же].

Дифференциация предложений на полные и неполные у Д. Н. Ушакова осуществлялась на основе способности предложения выражать законченную или незаконченную мысль [Там же: 110]. Односоставные предложения – определенно-личные, неопределенно-личные и безличные – рассматриваются ученым как полные: «...такие однословные предложения, как “возьми”, “звонят”, “морозит”, являются полными, так как выражают целые суждения» [Там же].

Д. Н. Ушаков о главных и второстепенных членах простого предложения

Д. Н. Ушаков, как и Ф. Ф. Фортунатов, выделял сказуемые простые и составные, но в отличие от своего учителя акцентировал внимание на вопросе типологии связок в составном именном сказуемом. В частности, он указал на наличие в русском языке трех групп связок. Прежде всего, тех, которые выражены «частичным словом» [Ушаков 1995: 112]. Термин «частичное слово» фигурировал в работах Ф. Ф. Фортунатова и применялся к грамматической связке *был* (*Пушкин был поэт*) [Фортунатов 1956: 186]. Д. Н. Ушаков отнес связку *быть* (*есть*), именуемую в современном синтаксисе «отвлеченной» или «незнаменательной», как раз к первому типу. Эту связку он отличал от полнозначного бытийного глагола, способного выступать в предложении простым глагольным сказуемым.

Вторую группу у Д. Н. Ушакова составили связки, представленные глаголами, «обычно являющимися самостоятельными» словами [Ушаков 1995: 112]. Такие связки иллюстрировались примерами *жить*, *сидеть*, т. е. глаголами, полностью сохраняющими лексическое значение и выступающими в современном синтаксисе знаменательными связками.

Третья же группа включала глаголы, которые функционируют в предложениях «то в роли самостоятельных слов, то в роли связки» [Там же]. К таким глаголам были отнесены *являться* и *казаться*, которые обладают некоторой долей лексического значения (помимо грамматического выражения времени и склонения) и являются поэтому в современном русском языке ползнаменательными связками. Функцию связок вне зависимости от принадлежности к той или иной группе Д. Н. Ушаков видел в осуществлении связи между подлежащим и сказуемым, а самыми частотными считал связки третьей группы [Там же].

Ученый отмечал в русском языке и наличие сказуемых с нулевой связкой при именной части в предложениях типа *Я болен* [Там же]. Отметим, что сам термин «нулевая связка», введенный в научный обиход еще одним известнейшим учеником Ф. Ф. Фортунатова А. М. Пешковским в работе «Русский синтаксис в научном освещении» [Пешковский 2001: 258], не использовался. Д. Н. Ушаков форму времени в синтаксических конструкциях, по-

добных приведенной выше, называет «отрицательной», осознающей как настоящее время «вследствие отсутствия формальной принадлежности и соотносительно с *я был болен, я буду болен*» [Ушаков 1995: 112]. По сути Д. Н. Ушаков, иллюстрируя свои рассуждения приведенными примерами, строит парадигмы с нулевой и словесно выраженной связкой, аналогичные тем, которые приводил А. М. Пешковский в доказательство «способности языка создавать нулевые формы» [Пешковский 2001: 258].

Помимо главных членов предложения, Д. Н. Ушаков, как и Ф. Ф. Фортунатов, рассматривал второстепенные, для которых использовал традиционные термины «определение», «дополнение», «обстоятельство». Однако у Ф. Ф. Фортунатова дифференциация второстепенных членов основана еще только на значении: дополнение «обозначает самостоятельный предмет мысли в данном его отношении к другому предмету мысли»; определение – «несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли»; а обстоятельство – «несамостоятельный предмет мысли, признак в его принадлежности другому самостоятельному предмету мысли» [Фортунатов 1956: 184]. Д. Н. Ушаков же выступает за различие второстепенных членов не только с точки зрения смысловой, но и формальной, грамматической. Второстепенные члены, подобно главным, получают у него «известные, им собственные формы (формы самих слов или формы сочетания слов)» [Ушаков 1995: 111]. Для идентификации второстепенного члена предложения он считал неприемлемым использовать исключительно падежный или смысловой вопрос, поскольку «такой способ показывает, что при синтаксическом разборе имеют в виду мысль, а не словесное ее выражение» [Там же: 113]. Игнорирование, по его мнению, грамматики приводит к двойственности определения одной и той же грамматической формы. Например, грамматическая форма *отца* в сочетании *дом отца* – определение, а *вижу отца* – дополнение [Там же].

Синтаксис сложного предложения в работах Д. Н. Ушакова

В работах Д. Н. Ушакова синтаксис сложного предложения специально не

разрабатывался. Но ученый указывал на наличие средств выражения отношений не только между членами простого предложения, но и частями сложного предложения: «Как существуют в языке средства для выражения отношений между членами предложения, так и отношение между предложениями тоже может быть выражено» [Ушаков 1995: 112–113]. К таким средствам он относил союзы, местоимения, порядок слов, интонацию [Ушаков 1995: 113].

Подобно Ф. Ф. Fortunatovu, Д. Н. Ушаков не выделял бессоюзное сложное предложение в особый тип, полагая, что средствами выражения подчинительной связи служат и союзные средства, и интонация (ср. *Когда я его увижу, я скажу ему. – Мужик тонул, топор сулил*) [Там же].

Д. Н. Ушаков критиковал логический принцип в классификации сложноподчиненных предложений, указывая, как и в случае с разграничением второстепенных членов предложения, на игнорирование при дифференциации придаточных грамматической стороны. Он писал: «...одинаково грамматически, оказывалось различным, смотря по вопросу, напр., одно и то же придаточное предложение в одной фразе: *край, где все обильем дышит* – оказывалось определенным, в другой: *там, где все обильем дышит* – обстоятельством места, в третьей: *не знаю, где все обильем дышит* – дополнительным» [Там же: 114].

Д. Н. Ушаков об изучении школьного курса синтаксиса в условиях трансформации системы школьного образования 1920-х годов

Несмотря на то, что тема статьи касается преимущественно научных взглядов Д. Н. Ушакова на основную единицу синтаксической системы русского языка, считаем все-таки невозможным обойти вниманием вопрос участия лингвиста в создании и обсуждении программ по грамматике для советской школы 20-х гг. XX в., поскольку наибольшую дискуссию в то время вызвал именно предлагаемый к изучению материал по синтаксису.

Но сначала несколько слов об историческом контексте. В целом 1920-е гг. для системы школьного образования в условиях общей трансформации страны стали временем инноваций и внедрения нова-

торских педагогических практик. «Обращение к населению» первого наркома просвещения РСФСР А. В. Луначарского от 29 октября 1917 г. послужило тем официальным документом, который положил начало созданию «абсолютно новой единой, всеобщей, светской, трудовой, бесплатной и обязательной школы» [Щукин 2021: 465]. Проведенные советской властью реформы системы народного просвещения привели в середине 1920-х гг. к созданию семилетней школы, имеющей двухступенчатую структуру: школа I ступени с четырехлетним сроком обучения учащихся 8–12 лет и школа II ступени Первого Концентраата с трехлетним сроком обучения подростков 12–15 лет [Там же: 469]. Отметим, что существовала еще школа II ступени Второго Концентраата, но в 1930 г. постановлением коллегии Наркомпроса, ЦК ВЛКСМ и ЦК союза работников просвещения она была преобразована в техникумы [Там же].

Реформирование системы образования и выдвигание на первый план воспитательной функции подрастающего поколения, а не образовательной явились причинами, определившими необходимость разработки нового содержания школьного образования и, соответственно, новых образовательных программ.

В 1920 г. Д. Н. Ушаков и М. Н. Петерсон, а также педагог-методист Н. М. Соколов приступили к составлению программы грамматики для школ I ступени, которая в 1921 г. была принята Государственным ученым советом при Наркомпросе. Одна из задач, стоявших перед составителями, заключалась в определении объема теоретического материала по грамматике, которым должен овладеть каждый школьник на I ступени. Ратуя за максимальное сближение академического и школьного знания, Д. Н. Ушаков результатом обучения курсу грамматики русского языка считал получение учениками суммы «научных, хотя и весьма элементарных, сведений» [Ушаков 1995: 234]. В области синтаксиса, в соответствии с указанной программой, обучающимся необходимо было «научить распознавать, что говорится и о чем говорится в речи, научить понимать взаимное отношение слов и предложений и, наконец, определять, выражено или не выражено это

отношение, а если выражено, то чем выражено» [Там же: 237].

Курс синтаксиса в этой программе по сравнению с другими разделами претерпел значительные изменения: произошло сильное сокращение материала. Например, исключалось понятие о главных и второстепенных членах, типах простых предложений, видах придаточных¹. В результате из собственно синтаксической терминологии в программе были оставлены только термины «предложение» и «придаточное предложение» «ради удобства называния известных сочетаний слов» [Ушаков 1956: 49]. Подобное сокращение материала объяснялось следующим образом: «Школьный синтаксис наиболее из всех отделов грамматики построен на ложной основе, именно в нем господствовала логико-грамматическая точка зрения, в силу которой занимались собственно не языком, а мыслью, что составляет задачу логики...» [Там же: 47–48]. К тому минимуму, которым должен овладеть обучающийся, например, при изучении сложного предложения, относилось только выделение главной и придаточных частей и слов главной части, связанных с придаточным по смыслу. Составители программы утверждали, что «этого вполне достаточно и для цели собственно грамматической, и для цели прикладной – расстановки знаков препинания» [Там же: 48].

Подобный радикальный подход к объему изучаемого теоретического материала по курсу синтаксиса русского языка вызвал резкую критику учителя (в опубликованном докладе Д. Н. Ушакова не фигурируют конкретные имена, а лишь присутствуют ссылки типа «часть школьных работников», «астраханское учительство»), которое все же полагало, что «синтаксис не только не надо урезать, а с него надо начинать и его надо “поставить в центре грамматических наблюдений по языку”» [Там же: 238]. Возражая, Д. Н. Ушаков писал, что «в новых учебниках синтаксиса еще очень много “логики”, и велика опасность, наполнив их содержанием про-

грамму I ступени, дать вовсе не реальные научные сведения, а вместо одной схоластики – другую» [Там же]. Отказ на I ступени школьного обучения от знакомства практически со всеми синтаксическими единицами, по мнению лингвиста, позволит «не засорять детских голов, ограничиться самым существенным из того, что соответствует содержанию учебников синтаксиса» [Там же].

Некоторые доводы Д. Н. Ушакова в пользу упрощения курса синтаксиса для учеников 1 – 4 классов, как показало время и практика преподавания, оказались все же спорными. Курс синтаксиса, конечно, сложен, и для успешного его освоения требуется сформированность абстрактного мышления, которое бы в полной мере обеспечило понимание обучающимися синтаксических понятий. Однако достижения современной психологии доказывают, что никаких «оснований считать интеллектуальные возможности младших школьников заниженными» [Газаева 2005: 1] (вспомним аргумент «засорение голов») или препятствующими осмыслению синтаксических единиц нет. А это значит, что несмотря на пропедевтический характер синтаксиса на I ступени школы (Д. Н. Ушаков назвал синтаксис I ступени «преддверием синтаксиса» [Ушаков 1995: 240]) важно сформировать у школьников прочную терминологическую базу, научить идентифицировать языковые единицы, видеть их сходства и различия. А минимизация и нарочитое сокращение материала реализации подобных целей способствовать не будет.

Мы уже упоминали, что Д. Н. Ушаков объектом изучения синтаксиса видел и словосочетание, и предложение. Однако в 20-е гг. XX в. школьные учебники строились на синтаксисе предложения, очищенного «от крайностей логического направления» [Ушаков 1995: 248]. Это и послужило причиной построения синтаксического отдела программы 1927 г. на основе исключительно синтаксиса предложения [Там же]. Включение синтаксиса словосочетания, освобожденного от понятий подлежащего и сказуемого, в школьное обучение Д. Н. Ушаков считал делом будущего [Там же]. И оказался прав. Несмотря на нерешенность и в современной лингвистике вопроса о минимальной и макси-

¹ Программы для I и II ступени семилетней единой трудовой школы. РСФСР: Государственное издательство, 1921. С. 6–62. URL: <http://elib.gnpbu.ru> (дата обращения: 03.07.2023).

мальной синтаксических единицах, именно словосочетание и предложение рассматриваются в качестве основных единиц докоммуникативного и коммуникативного уровней соответственно в школьной и вузовской грамматике.

Кроме того, нужно отдать должное размышлениям Д. Н. Ушакова о том, что изучение синтаксиса должно стоять «на твердом научном, языковом пути» [Ушаков 1995: 240] и что школьники постепенно (уже на II ступени школы) должны переходить к наблюдениям над значениями синтаксических единиц, различными функциями форм слов, «над различиями формальной и “логической” стороны» [Там же]. Современные тенденции в школьном российском образовании – непрерывность, принцип вариативности, творческая направленность, повышение уровня коммуникативной компетенции – как раз диктуют ведущую роль теоретических научных знаний в обучении синтаксису и в целом грамматике, особое внимание к функциональной стороне языковых единиц, выполнение многоаспектного анализа (формальный, семантический, прагматический и др.) синтаксических единиц.

Отмечая те идеи Д. Н. Ушакова в области методики преподавания синтаксиса в школе, которые явно опережали время, позволим себе и критическое замечание. При закреплении теоретических знаний по синтаксису лингвист не считал эффективным выполнение синтаксического разбора. Он подобный вид упражнений называл расклеиванием «ярлычков над словами» [Там же: 239]. Очевидно, что это мнение сформировано под влиянием формальной школы и неприятия логического направления. Ведь его представители, напротив, при освоении курса синтаксиса огромную роль отводили синтаксическому разбору предложения. Так, в «Учебном плане преподавания русского языка и словесности» 1873 г. синтаксический анализ, сопрягаясь с этимологическим (все вместе – грамматический разбор), являлся обязательным в 1 – 4 классах [Телкова 2012: 259]. Д. Н. Ушаков же, оставаясь формалистом, по-настоящему важными при освоении синтаксиса считал только тренировочные упражнения, направленные на

определение «взаимных отношений слов и предложений в речи» [Ушаков 1995: 239]. С этим тезисом ученого сложно согласиться. Ведь синтаксический разбор способствует не только закреплению полученных теоретических знаний в области основных синтаксических понятий, прочному усвоению типологии синтаксических единиц, их связей, отношений, но и развитию логического мышления, аналитических способностей школьников, формированию синтетических учебно-языковых умений.

Заключение

Отвечая на заявленный в теме статьи вопрос, мы констатируем, что Д. Н. Ушаков все же в синтаксисе русского языка не был экспериментатором, но не был и просто хранителем фортунатовских традиций. Да, он не создал капитальных синтаксических трудов, как сделали это другие ученики Ф. Ф. Фортунатова – А. А. Шахматов и А. М. Пешковский. Не будучи крупным теоретиком-синтаксистом, лингвист ограничился частными замечаниями о синтаксической системе современного русского языка, анализом отдельных иллюстративных примеров. Но даже весьма небольшое по объему наследие, оставленное Д. Н. Ушаковым, показывает, что ученик пошел дальше своего учителя. Ведь Ф. Ф. Фортунатов не смог провести «антипсихологизм» через синтаксическую систему взглядов, игнорировал качественное своеобразие словосочетания и предложения. А взгляд Д. Н. Ушаков на предложение и его члены – это как раз реальная попытка преодоления психологизма.

Благодаря широте научного кругозора, языковому чутью, интуиции, открытости новому знанию, отсутствию закостенелости Д. Н. Ушаков занял в кругу лингвистов первой половины XX в., обращавшихся к проблемам синтаксиса русского языка, особое место. И это место проводника наиболее продуктивных (как показало время) идей современников. И речь идет не только об идеях его учителя – Ф. Ф. Фортунатова. В работах ученого присутствуют и идея разграничения синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения, авторство которой принадлежит А. А. Шахматову, и идея нулевой связки (пусть и без точного терминологического

обозначения), о которой писал А. М. Пешковский. Роль интонации для оформления простого предложения, разные типы связей в составном именном сказуемом по признаку сохранения или утраты лексического значения, грамматический принцип классификации второстепенных членов, аналогия средств выражения отношений между членами простого предложения и частями сложного – далеко не полный перечень вопросов, заявленных у Д. Н. Ушакова и разрабатываемых как его современниками, так и лингвистами II половины XX в. –

первой четверти XXI в.

Не разделяя две стороны своей личности – ученого и дидакта, Д. Н. Ушаков демонстрирует удивительное постоянство в поиске оптимальных путей внедрения научных идей в области синтаксиса в школьную практику. И надо заметить, что ему успешно удавалось реализовывать поставленную задачу. Во многом потому, что принадлежал Д. Н. Ушаков к тем редким ученым, которые способны о сложном писать очень просто, не затемняя смысл терминологическими хитросплетениями.

Литература

- Аванесов, Р. И. Дмитрий Николаевич Ушаков / Р. И. Аванесов // Русская речь. – 1973. – № 3. – С. 99–105.
- Алпатов, В. М. Человек-словарь (Д. Н. Ушаков) / В. М. Алпатов // Языковеды, востоковеды, историки. – М. : Языки славянских культур, 2012. – С. 24–28.
- Басовская, Е. Н. О глубинном смысле одного удараения (из истории газетной полемики конца 1930-х гг.) / Е. Н. Басовская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер. История, филология, культурология, востоковедение. – 2015. – № 4 (4). – С. 99–107.
- Басовская, Е. Н. Из переписки Ф. Е. Корша и Д. Н. Ушакова (1905 – 1912) (публ. и коммент. Евгении Басовской) / Е. Н. Басовская // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4 (140). – С. 207–218.
- Басовская, Е. Н. Методические идеи Д. Н. Ушакова и современная педагогическая практика / Е. Н. Басовская // Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (37). – С. 12–18.
- Высотский, С. С. Д. Н. Ушаков и русская диалектология / С. С. Высотский // Русская речь. – 2003. – № 6. – С. 79–86.
- Газаева, Л. В. Некоторые проблемы обучения младших школьников синтаксису / Л. В. Газаева // Начальная школа плюс До и После. – 2005. – № 11. – С. 1–5.
- Ганиев, Ж. В. Д. Н. Ушаков и московское произношение / Ж. В. Ганиев // Русский язык в школе. – 2010. – № 10. – С. 80–85.
- Добродомов, И. Г. Дмитрий Николаевич Ушаков / И. Г. Добродомов // Отечественные лингвисты XX века (Т – Я) : сб. статей. – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2003. – С. 58–71.
- Науменко, С. В. Орфографический меморандум Д. Н. Ушакова / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 1. – С. 57–65. – DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64.
- Науменко, С. В. Школьный «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и упорядочивание правил правописания 1930 – 1950 годов (к 85-летию первого издания) / С. В. Науменко // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80 – № 5. – С. 90–99. – DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-90-99.
- Нефедов, И. В. Отражение системности лексики русского языка в первом толковом словаре советской эпохи / И. В. Нефедов, Т. П. Нефедова // Мир русского слова. – 2013. – № 1. – С. 8–13.
- Никитин, О. В. Московская диалектологическая комиссия в воспоминаниях Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново и А. М. Селищева (неизвестные страницы истории Московской лингвистической школы) / О. В. Никитин // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 91–102.
- Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016. – № 3. – С. 27–40.
- Никитин, О. В. Из истории отечественного языкознания XX века : к 145-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. В. Никитин // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2018. – № 1 (170). – С. 88–95. – DOI: 10.15393/uchz.art.2018.15.
- Норман, Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка / Б. Ю. Норман. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 254 с.
- Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. / А. М. Пешковский. – М. : Языки славянских культур, 2001. – 544 с.
- Прохорова, И. О. «Рыцарь русской орфоэпии» : к 140-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования : языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 161–165.
- Телкова, В. А. Синтаксический разбор в трудах методистов буслаевской школы // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 5. – С. 258–265.

Филиппова, О. Н. Памяти ученых. К 150-летию со дня рождения Д. Н. Ушакова / О. Н. Филиппова // Актуальные вопросы современной науки и инноватики. Сб. научных статей. – Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. – С. 219–224.

Фортунов, Ф. Ф. Избранные работы. Т. 1 / Ф. Ф. Фортунов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 450 с. – URL: https://archive.org/details/1_fortunatov_works/page/111/mode/2up (дата обращения: 05.06.2023).

Ушаков, Д. Н. Русский язык / Д. Н. Ушаков; Вступ. ст., подг. текста, сост. М. В. Панова. – М. : Просвещение ; АО «Учебная литература», 1995. – 320 с.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка, 3-е изд. / А. А. Шахматов / Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова; редакция и комментарии проф. Е. С. Истриной. – М. : УРСС, 2001. – 624 с.

Щукин, Д. В. Советская власть и система народного образования в 1920-е годы : практика экспериментов в условиях построения новой государственности / Д. В. Щукин, О. Г. Некрылова // Научный диалог. – 2021. – № 5. – С. 462–476. – DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-462-476.

References

Alpatov, V. M. (2012). Chelovek-slovar' (D. N. Ushakov) [The Dictionary Man (D. N. Ushakov)]. In *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, pp. 24–28.

Avanesov, R. I. (1973). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Russkaya rech'*. No. 3, pp. 99–105.

Basovskaya, E. N. (2015). O glubinnom smysle odnogo udareniya (iz istorii gazetnoi polemiki kontsa 1930-kh gg.) [About the Implication of a Word Stress from the History of the Newspaper Polemics in the USSR of the Late 1930s]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya, kul'turologiya, vostokovedenie*. No. 4 (4), pp. 99–107.

Basovskaya, E. N. (2016). Iz perepiski F. E. Korsha i D. N. Ushakova (1905–1912) (publ. i komment. Evgenii Basovskoi) [From the Correspondence of F. E. Korsh and D. N. Ushakov (1905–1912) (Publ. and Comment. by Evgenia Basovskaya)]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4 (140), pp. 207–218.

Basovskaya, E. N. (2017). Metodicheskie idei D. N. Ushakova i sovremennaya pedagogicheskaya praktika [Methodological Ideas of D. N. Ushakov and Modern Pedagogical Practice]. In *Gumanitarnye nauki*. No. 1 (37), pp. 12–18.

Dobrodromov, I. G. (2003). Dmitrii Nikolaevich Ushakov [Dmitry Nikolaevich Ushakov]. In *Otechestvennye lingvisty XX veka (T–Ya)*. Moscow, Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 58–71.

Filippova, O. N. (2023). Pamyati uchenykh. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [In Memory of Scientists. To the 150th Anniversary of D. N. Ushakov's Birthdate]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki i innovatiki: Sb. nauchnykh statei*. Ufa, Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki", pp. 219–224.

Fortunatov, F. F. (1956). Izbrannye raboty. T. 1 [Selected Works. Vol. 1]. Moscow, Uchpedgiz. 450 p.

Ganiev, Zh. V. (2010). D. N. Ushakov i moskovskoe proiznoshenie [D. N. Ushakov and Moscow Pronunciation]. In *Russkii yazyk v shkole*. No. 10, pp. 80–85.

Gazaeva, L. V. (2005). Nekotorye problemy obucheniya mladshikh shkol'nikov sintaksisu [Some Problems of Teaching Syntax to Schoolchildren]. In *Nachal'naya shkola plus Do i Posle*. No. 11, pp. 1–5.

Naumenko, S. V. (2018). Orfograficheskii memorandum D. N. Ushakova [Spelling Memorandum by D. N. Ushakov]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 79, No. 1, pp. 57–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64.

Naumenko, S. V. (2019). Shkol'nyi "Orfograficheskii slovar'" D. N. Ushakova i uporyadochivanie pravil pravopisaniya 1930 – 1950 godov (k 85-letiyu pervogo izdaniya) [A School Spelling Dictionary by D. N. Ushakov and Spelling Regulation of 1930 – 1950 (to the 85th Anniversary of the First Edition)]. In *Russkii yazyk v shkole*. Vol. 80, No. 5, pp. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-5-90-99.

Nefedov, I. V., Nefedova, T. P. (2013). Otrazhenie sistemnosti leksiki russkogo yazyka v pervom tolkovom slovare sovetskoi epokhi [The Reflection of the Russian Language Lexis Systemacy in the First Monolingual Explanatory Dictionary of the Soviet Epoch (Devoted to the 140-year Anniversary of Professor Dmitry N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 8–13.

Nikitin, O. V. (2002). Moskovskaya dialektologicheskaya komissiya v vospominaniyakh D. N. Ushakova, N. N. Durnovo i A. M. Selishcheva (neizvestnye stranitsy istorii Moskovskoi lingvisticheskoi shkoly) [The Moscow Dialectological Commission in the Memoirs of D. N. Ushakov, N. N. Durnovo and A. M. Selishchev (Unknown Pages of the History of the Moscow Linguistic School)]. In *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 91–102.

Nikitin, O. V. (2016v). Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg. : bor'ba idei i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovarya russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova [Domestic Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (from the History of the Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*. No. 1, pp. 27–40.

Nikitin, O. V. (2018). Iz istorii otechestvennogo yazykoznaniiya XX veka: k 145-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova [From the History of Russian Linguistics of the XXth Century: 145 Years Since D. N. Ushakov's

Birth]. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No.1(170), pp. 88–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.15.

Norman, B. Yu. (2013). *Kognitivnyi sintaksis russkogo yazyka* [Cognitive Syntax of the Russian Language]. Moscow, FLINTA, Nauka. 254 p.

Peshkovskik, A. M. (2001). *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*. 8-e izd., dop. [Russian Syntax in Scientific Coverage, 8th ed., Supplemented]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 544 p.

Prokhorov, I. O. (2014). "Rytsar' russkoi orfoepii": k 140-letiyu so dnya rozhdeniya D. N. Ushakova ["The Knight of Russian Orthoepy": To the 140th Anniversary of D. N. Ushakov's Birthdate]. In *Vestnik RUDN. Ser. Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. No. 1, pp. 161–165.

Shakhmatov, A. A. (2001). *Sintaksis russkogo yazyka, 3-e izd.* [Syntax of the Russian Language, 3rd ed.]. Moscow, URSS. 624 p.

Shchukin, D. V., Nekrylova, O. G. (2021). Sovetskaya vlast' i sistema narodnogo obrazovaniya v 1920-e gody: praktika eksperimentov v usloviyakh postroeniya novoi gosudarstvennosti [Soviet Power and System of Public Education in 1920s: Practice of Experiments in Conditions of Building New Statehood]. In *Nauchnyi dialog*. No. 5, pp. 462–476. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-462-476.

Telkova, V. A. (2012). Sintaksicheskii razbor v trudakh metodistov buslaevskoi shkoly [Syntactic Analysis in the Works of Methodologists of the Buslaev's School]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5, pp. 258–265.

Ushakov, D. N. (1995). *Russkii yazyk* [Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie; AO "Uchebnaya literatura". 320 p.

Vysotskii, S. S. (2003). D. N. Ushakov i russkaya dialektologiya [Ushakov and Russian Dialectology]. In *Russkaya rech'*. No. 6, pp. 79–86.

Данные об авторе

Селеменова Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, методики его преподавания и документоведения, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Россия).

Адрес: 399770, Россия, г. Елец, ул. Коммунаров, 28.

E-mail: ol.selemeneva2011@yandex.ru.

Author's information

Selemeneva Olga Alexandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, Russian Teaching Methodology and Document Science, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Дата поступления: 27.08.2023; дата публикации: 31.12.2023

Date of receipt: 27.08.2023; date of publication: 30.12.2023

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПЕРЕМЕЩАЮЩИЕСЯ ЛИЦА»:
СЛОВАРЬ Д. Н. УШАКОВА И СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

Шайбакова Д. Д.

Казахский национальный педагогический университет им. Абая
(Алматы, Казахстан)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

SPIN-код: 6129-9986

А н н о т а ц и я. Целью исследования является рассмотрение лексической объективации понятия «перемещающиеся лица», происходящей в русском языке последние сто лет. Под лексической объективацией понятия понимается его вербализация, утверждение значения в употреблении и фиксация в словарях. Понятие «перемещающиеся лица, лица, меняющие местожительство» является многогранным и представлено в русском языке обширным рядом синонимов. Начальной хронологической точкой в анализе является Словарь Д. Н. Ушакова. Выбор обусловлен тем, что это первый нормативный толковый словарь русского языка нового времени. Изучаемая группа имен в нем представлена достаточно широко и описана полно. Приводимые в словаре примеры употребления отражают коммуникативные нормы первой половины 20 века. Для сравнения номинации разных периодов и в словарях разного типа фактическим материалом исследования являются, помимо «Ушаковского словаря», словарные статьи «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой, онлайн-словарь синонимов, др. онлайн-словари, данные Национального корпуса русского языка, с помощью которых устанавливается начало, частотность употребления лексем. Сравниваются толкования единиц и выявляются дифференцирующие признаки в номинации единой семантической группы, выявлены контекстуальные различия, влияющие на восприятие и лексическую объективацию понятия «перемещающиеся лица, лица, меняющие местожительство». Лексическая объективация также показана на примере неологизма «релокант».

В результате рассмотрения единиц синонимического ряда обнаружены различия в толковании и контекстуальная корректировка значений, отмеченных в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова. Новейшие словари могут быть обогащены расширением семантической структуры слов, обозначающих перемещенных лиц, лиц, меняющих местожительство.

Ключевые слова: Д. Н. Ушаков; толковый словарь; лексическая объективация; наименования перемещающихся лиц; норма употребления; функции

Для цитирования: Шайбакова, Д. Д. Лексическая объективация понятия «перемещающиеся лица»: Словарь Д. Н. Ушакова и современная лексикографическая практика / Д. Д. Шайбакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 4. – С. 349–366. – DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366.

**LEXICAL OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT “DISPLACED PERSONS”:
D. N. USHAKOV'S DICTIONARY AND MODERN LEXICOGRAPHIC PRACTICE**

Damina D. Shaibakova

Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0921-9669>

Abstract. The study aims to examine the lexical objectification of the concept “displaced persons” occurring in the Russian language over the last hundred years. The lexical objectification of a concept is understood as its verbalization, affirmation of its meaning in use and fixation in dictionaries. The concept of “displaced persons, persons changing their place of residence” is multifaceted and is represented in the Russian language by a broad range of synonyms. The initial chronological point in the analysis is the Ushakov's dictionary. The choice is because this is the first normative explanatory dictionary of the Russian language of modern times. The group of names under study in it is presented rather widely and described fully. The examples of usage given in the dictionary reflect the communicative norms of the first half of the 20th century. To compare nominations of different periods and in dictionaries of various types, the factual material of the study includes, in addition to the Ushakov dictionary, dic-

tionary articles from the “Russian Semantic Dictionary” edited by N. Yu. Shvedova, the online dictionary of synonyms, other online dictionaries, and data from the National Corpus of the Russian Language which allow establishing the origin and frequency of use of lexemes. The author compared interpretations of the units and revealed differentiating features in the nomination of a single semantic group and contextual differences affecting the perception and lexical objectification of the concept of “displaced persons, persons changing their residence”. Lexical objectification is also shown in the example of the neologism “relocant”.

As a result of examining the units of the synonymic series, the author found the differences in interpretation and contextual adjustment of meanings noted in the Dictionary edited by D. N. Ushakov. The latest dictionaries can be enriched by expanding the semantic structure of words denoting displaced persons, persons changing their residence.

Key words: Ushakov's explanatory dictionary; lexical objectification; names of displaced persons; norm of use; functions

For citation: Shaibakova, D. D. (2023). Lexical Objectivation of the Concept “Displaced Persons”: D. N. Ushakov's Dictionary and Modern Lexicographic Practice. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 4, pp. 349–366. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-28-4-349-366.

Введение

Д. Н. Ушаков вошел в историю русской лингвистической науки прежде всего как нормализатор. «Толковый словарь русского языка» под его редакцией (составители В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский) являет строгое отношение к норме, демонстрирует принципы формирования нормативных словарей. Он продолжает ряд вековых для русского языка лексикографических изданий, таких как «Словарь Академии Российской» в шести томах (СПб., 1789-1794); «Словарь церковнославянского и русского языков» (СПб., 1848) в четырех томах, в создании которого принимал участие А. Х. Востоков; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (СПб., 1863-1866) в четырех томах – словарь-тезаурус. Отражал словоупотребление своего времени незаконченный «Словарь русского языка», создававшийся на рубеже веков (1891-1937) под редакцией разных руководителей проекта (Я. К. Грота, А. А. Шахматова, В. И. Чернышева, Л. В. Щербы), который включал максимальное число слов, когда-либо употреблявшихся. Этот словарь близок современным, в нем используются система грамматических и других помет, примеры из классических произведений, различаются омонимия и многозначность [Панов 1995: 33].

И затем по значимости стоит отметить словарь, который именуют *ушаковским*. В. М. Алпатов пишет о Дмитрии Николаевиче Ушакове, что он «не был первооткрывателем и революционером, но он стал хранителем и умелым популяризатором

традиций, заложенных его учителем» [Алпатов 2012: 25]. Он не теоретизировал, а еще с 1920-х гг. решал вопросы практического применения языка, вел нормализаторскую деятельность, выступая за упорядочение русской орфографии, закрепление норм орфоэпии, создание нормативного словаря (см. об этом подробнее: [Никитин 2016]). Специалисты считают, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (далее: ТСРЯ) продолжает традиции предшествующих авторитетных лексикографических изданий, добавляя новые черты. Так, отмечаются важность системы помет, применяемых в этом словаре, рассмотрения «слова в отношении к другим словам, в сопоставлении и противопоставлении», включения новой лексики [Никитин 2015], стабилизации норм русского литературного языка, рациональных принципов отбора лексики [Горбачевич 1982: 78], эстетизма [Панов 1995: 35].

Все достоинства словаря, отмечаемые известными учеными, по существу выражают идеальные черты толкового нормативного словаря. Нормативные словари отличает точность, краткость, простота определения значений, строгость классификации значений (С. И. Ожегов) (см.: [Панов 1995: 34-35]). «Ушаковский словарь» по этой причине может служить образцом для сравнения. Слова группы «перемещающиеся лица, меняющие местожительство» представлены в ТСРЯ 1935-1940. Они показывают употребление того времени.

Однако любой словарь вообще в какое-то время уже отстает от жизни. Проблема заключается в том, что словарь, со-

здаваясь длительное время, не успевает реагировать на стремительные изменения в жизни, требующие номинации. Сейчас пополнение словаря приобретает более быстрые темпы, но и современные возможности для лексикографии несравненно шире. Электронные словари создаются оперативно. Существует мнение: чтобы соответствовать современному уровню лексикографии, словарь должен отражать новую лексику – слова последних 10-15 лет. Поэтому «Ушаковский словарь» уже не может в полной мере удовлетворять запросам сегодняшнего времени. Но обращение к нему дает возможность сделать выводы об актуализации лексики и принципах ее описания.

В данной статье мы рассматриваем лексику, обозначающую перемещающихся лиц, лиц, меняющих место жительства. Ими движут самые разные мотивы. Результаты этого акта могут различаться, отсюда разнообразие обозначений лиц, перемещающихся с одного места на другое, меняющих место жительства. В основе всех слов с этими значениями лежит понятие. Вербализация этого понятия имеет результатом объективацию – когда ощущение преобразуется в восприятие объекта, обретение им внешней формы, каковой является языковой знак. Объективация регламентирует, ограничивает или расширяет значение, приводит к созданию формы.

Формой объективации мышления является речь, и она приводит к обобщению образа. Она создает условия для словообразования – трансформации результатов восприятия в смыслы, которые определяются побочными мотивами, ассоциациями. Это происходит в текстах. А результат объективации на основе текстов фиксирует словарь. Так осуществляется кодификация – фиксация в словаре как результат объективации, основанной на анализе массива текстов.

Словарь содержит актуальную для своего времени лексику и приводит актуальные контексты, создавая тем самым ценную для истории кумуляцию фактов номинации. Так, ТСРЯ под редакцией Д. Н. Ушакова среди прочего базировался на текстах советского времени, и отдельные трактовки, а особенно иллюстративный материал, уже в некоторых случаях устарели.

Вербализация понятия часто осу-

ществляется неоднократно, что вызывается новыми причинами, изменением оценки – создаются синонимы. Синонимический ряд лексем, отражающих понятие, вызывает дифференцирующие оттенки значения. Словообразование сводится к тому, что происходит приращение, связанное с условиями употребления лексемы, с сочетаемостью, контекстом не только вербальным, но и социальным и даже геополитическим. Отсюда важность иллюстративного материала в словарях. Составители словарей каждое значение многозначного слова извлекают из текста. При этом есть выбор: какие тексты принимать как иллюстративные. Коллективу «Ушаковского словаря» тоже приходилось выбирать допустимый материал, но этот выбор был ограничен идеологическими рамками, обязательными для того времени.

Названия лиц по каким-либо признакам – одна из наиболее активных исследовательских сфер. Обзор работ по теме «названия лиц» выявляет такие подходы, как корпусный (Н. Ю. Шведова, С. С. Гусева, Л. Г. Бабенко), когда определяется состав лексем какой-либо ЛСГ, семасиологический (А. Ю. Епимахова, Е. А. Конопелькина), структурно-семантический – анализ имен лиц с точки зрения их словообразовательной и семантической производности (Г. Н. Плотникова, Гэн Юаньюань, А. Ю. Епимахова, Н. К. Мазурина), ономазиологический (Л. А. Иванова), анализ с точки зрения национально-культурных различий (Е. А. Маклакова) и др.

В статье рассматривается динамика изменений в этой группе слов, их причины и следствия. Предлагаемый подход имеет преимущество в том, что отслеживаются хронологические изменения в составе семантической группы, детерминированные новыми условиями, новыми аксиологическими установками.

Цель статьи – проследить активные процессы в номинации лиц, изменивших место жительства по тем или иным причинам, проанализировать вербализацию понятия «перемещающиеся лица». Такая лексика мобильна и различается в разные эпохи. Тем интереснее сравнить модели номинации, зафиксированные в словарях и текстах разного времени. Начальный

список лексем составлен на основе ТСРЯ 1935-1940 [Толковый словарь 1935].

Используются такие методы исследования, как компонентный, контекстологический, сравнительно-сопоставительный.

Анализируя обозначения перемещающихся лиц, лиц, меняющих место жительства, приходится обращаться, помимо традиционных (прецедентных) нормативных, и к мобильным онлайн-словарям, и к ненормативным словарям, чтобы найти слово, появившееся в узусе. Достаточно трудно составить номинативную парадигму (синонимический ряд), пользуясь лишь нормативными толковыми словарями. Мы этот ряд дополнили также лексемами из словаря синонимов, словаря аргю. Далее сравнили полученное с подмножеством из Русского семантического словаря (под ред. Н. Ю. Шведовой; далее – РСС) [Русский семантический словарь 2002].

Фиксация неологизмов производится оперативно, благодаря компьютерным технологиям. По мнению американской компании «Мерриам», которая издает уэбстерские словари, срок становления неологизмов – 10 лет. Время возникновения каждого нового слова, конечно, не фиксируется, но существующие корпуса позволяют определить, хотя бы условно, начало употребления слова и его частотность в текстах, что свидетельствует о принятии / непринятии неологизма в узусе, переходе слов в разряд единиц неактивного словаря. Этим объясняется обращение к Национальному корпусу русского языка, дающему информацию о частотности и хронологии употребления слов.

Электронный словарь мобилен. Если прежде словарная интерпретация связывалась с именами составителей словарей, то сейчас быстрая реакция электронных словарей оставляет в стороне персоналии. Такой словарь дает разные интерпретации одной и той же лексемы. Сайты gramota.ru/slovari/, sinonim.org, wordsonline.ru/dicts/, <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/961614>, проект «Словоборг» (<http://slovoborg.ru/> – словарь современного русского языка, составляемый самими посетителями сайта) представляют информацию из разных источников. Помогает упорядочению лексики, совершенствует полноту отбора и детализации семантики, выявляет языковые предпочтения разных эпох современная кор-

пусная лингвистика. Созданные в последние десятилетия корпусные справочно-информационные системы показывают частотность лексем, что является основным условием их утверждения (см.: [Национальный корпус]).

Материалом исследования являются словарные статьи ТСРЯ, словаря синонимов, словаря аргю, Русского семантического словаря и данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ).

Формальные и функциональные признаки лексем группы «перемещающиеся лица, лица, меняющие местожительство»

Анализ лексики предполагает обращение к парадигме – системе единиц и их форм – и к сочетаемости, контексту, функциональной стороне. В первом случае разобраться в семантике слова, в семантической структуре слова трудно без компонентного анализа. Лексикографы выявляют семантические компоненты, общие для групп слов, путем наблюдения за парадигматическими отношениями между словами [Brinton, Traugott 2005]. L. Brinton и E. Traugott отмечают, что, согласно «контекстуальному подходу» Круза, значение слова можно описать как составленное из значений других слов, с которыми оно вступает в парадигматические и синтагматические отношения внутри лексикона. Эти слова называются смысловыми признаками предыдущего слова. Круз заявляет, что не предполагается, что значение любого слова может быть исчерпывающе охарактеризовано каким-либо конечным набором смысловых признаков» [Там же: 22]. Лексическое значение сводится к ограниченному набору основных лексических единиц предметного языка, выявляемому путем анализа сети смысловых описаний [Там же: 22].

В нашем исследовании определяются дифференцирующие признаки лексем синонимического ряда.

(1) Для слов рассматриваемой семантики этот признак – большая семная объемность. К архисеме «человек» в них добавляются дифференцирующие семы: перемещение, срок пребывания, результат перемещения и др. Так, в значении слов *мигрант*, *эмигрант* к архисеме добавляется сема перемещения. А в слове *эмигрант* имеется дополнительная – срок пребывания на новом месте, результат (отъезд на долгий срок или навсегда).

Рассматриваемое понятие становится

глобальным, его определение утверждается на международном уровне для стратегий международных организаций (см. определение понятия «мигрант» в документе Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца «Глобальная стратегия МФОККиКП по миграции 2018–2022»: «Мигранты» – это люди, которые покинули места своего привычного проживания или бежали оттуда, чтобы отправиться на новое место жительства – как правило, за границу – в поисках возможностей, большего уровня безопасности или лучших перспектив. К их числу относятся трудящиеся мигранты, мигранты без гражданства, мигранты, которых власти считают имеющими неурегулированный статус, а также соискатели статуса беженца и беженцы» [Глобальная стратегия 2017: 6]. Как видим, здесь мигрант и беженец отождествляются. Заметим, что в словаре Д. Н. Ушакова нет словарной статьи «Мигрант».

(2) Другая дифференцирующая черта – отношение к норме: включение нелитературной лексики в кластер названий лиц со значением перемещения или отказ от этого приема. Семантику «лица» содержит много слов со стилевой принадлежностью (стилистическим статусом) и сферой употребления, и социальной детерминированностью [Маклакова 2010: 55–60]. Это требует социолингвистического анализа. Так, в России обозначение трудовых мигрантов, особенно из регионов Центральной Азии, бывает неполиткорректным. Иностранность в грубой форме представлена также и в словах *ганцы*, *фрицы*. В данной статье мы не рассматриваем такие экспрессивно, стилистически окрашенные единицы, равно как и название сельчан, переехавших в города: *деревня*, *мамбеты*, *колхоз*, *ватники*. Понятно, что в нормативных словарях они отсутствуют. Однако в словарях синонимов, в словаре аргос, НКРЯ есть такие просторечные обозначения.

В ряде стран в выборе номинации действуют принципы политкорректности, и одни названия, которые представляются грубыми, обидными, заменяются на другие. В некоторых случаях замена слова, выражающего понятие «перемещающиеся лица, меняющие местожительство», также производится из соображений политкорректности. Так, немецкое слово *ауслендер*

дословно переводится как «иностранец». Однако это слово в немецком языке используется с пренебрежительным оттенком. Точного соответствия в русском языке у слова нет, но его можно перевести как «приезжий». Немцы используют слово *ауслендер* в тех случаях, когда говорят о приезжих из других стран в негативном ключе (например, о беженцах, переселенцах и т. д.). В качестве синонимической замены используются такие единицы, как *Einwanderer*, *person mit Migrationshintergrund* (человек с миграционными причинами). Такая же политкорректная замена произошла в русском языке Казахстана: слово *оралман*, которое стало восприниматься негативно, было заменено на слово *кандас*. Слова *оралман* и *кандас* есть в словаре синонимов. *Оралман* – этнический казах, репатрирующийся в Казахстан из другой страны. *Кандасы* (дословный перевод с казахского: «соотечественники», «однокровки») (до 01.01.2021 г. использовался термин *оралман*) – этнические казахи-репатрианты, переселяющиеся в Казахстан из других стран (<https://sinonim.org>). Этих слов нет в НКРЯ, но они широко употребляются в русскоязычных источниках Казахстана.

(3) Следующим важным фактором является социальная значимость данного явления. Важна и актуальность контекстов употребления. Так, в связи с войной в Украине началось массовое перемещение граждан. Активизируется лексика, обозначающая перемещенных лиц. Появляется все больше универбов данной семантики (ср.: словосочетание *перемещенные лица* и универб *релоканты*).

(4) Еще одним важным параметром квалификации данных лексем является их функция. В статье Е. А. Маклаковой названия лиц рассматриваются с точки зрения функциональной, с учетом того, какую функцию выполняет слово [Маклакова 2010]. Основная функция этой лексики – идентифицирующая, т. е. называющая, устанавливающая соответствие между словом и денотатом. Коннотативные значения обеспечивают характеризующую, оценочную функцию, с маркированием каких-либо признаков, часто это оценочная информация. Например, слова *перевежчик*, *гастарбайтер* имеют коннотации отрица-

тельные. Перебежчик – человек, совершивший что-то незаконное: изменил, предал, нарушил нормы. Поэтому, помимо идентифицирующей, здесь еще и характеризующая функция. Характеризующая функция – это способность указывать на существенные и отличительные черты объекта. В ряде случаев в названии указывается на происхождение, причину, отношение к лицу. Универбы приобретают коннотации в узусе. Так, есть слова нейтральные (*релоканты, перемещающиеся лица, эмигранты*), с отрицательными коннотациями (*беженцы*), с ситуативными отрицательными коннотациями (*мигранты*), реализующими оценочную функцию.

Е. Маклакова называет, помимо указанных, функцию социально-различительную. Так, в контексте некоторые обозначения принимали негативные коннотации (например, *гастарбайтер*).

Таким образом, по направленности номинации есть функции социальные, касающиеся употребления, номинативная (идентифицирующая), касающаяся денотативной соотнесенности, референции, и характеризующая, оценочная функции. Для данной категории имен важна и социальная детерминированность, и оценочно-характеризующая. В узусе приобретаются коннотации. При этом основная функция

рассматриваемой лексики – идентифицирующая. Все обозначения перемещенных лиц нельзя назвать именами с конкретной референцией ввиду неоднородности этой категории. У большей ее части нет первичной оценочности. Она появляется в узусе при попытке обозначить эксплицитно какую-либо черту рассматриваемой группы.

В приближенной к максимально точной интерпретации группы лексем целесообразно использовать следующие два подхода. Один имеет результатом извлечение из различных словарей и контекстов единиц данной лексической группы, рассмотрение каждой единицы в классе единиц, выражающих одно понятие – парадигматический подход. При таком подходе эффективным является метод ступенчатой идентификации лексического значения слова, разработанный известным лексикологом, основателем Уральской семантической школы Э. В. Кузнецовой [Кузнецова 1989: 36-37].

Второй предполагает установление сочетаемости с другими единицами (синтагматический подход) [Хаймс 1995]. В тех случаях, когда отсутствует кодификация лексемы, ее значение выводится из контекстов употребления. В приводимой ниже таблице даются примеры как контекста употребления данной единицы, так и отношения внутри парадигмы.

Таблица

Обозначения перемещающихся лиц, лиц, меняющих место жительства

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизированный кластер) https://djuv.online/file/AnwKNNz6NnqGZ
нет	нет	АЛИЯ – евреи, возвращающиеся из диаспоры на свою историческую родину https://sinonim.org/s/	нет
нет	нет	АЛЛОХТОН – в социальных науках термин «аллохтонный» является противопоставлением автохтонности. https://sinonim.org/t/	нет
БЕЖЕНЕЦ, беженца, м. Человек, покинувший место своего жительства вследствие войны или стихийных бедствий. Осенью 1914 года на восток хлынула волна беженцев.	138 текстов 208 примеров С 1912 г. Пик – 1918 г.	БЕЖЕНЕЦ, -нца, м. Человек, покинувший место своего жительства вследствие какого-л. бедствия. <i>Мимо нас днем и ночью движутся беженцы. – Верхом и пешком – они медленно уходят в горы. Закруткин, Кавказские записки.</i> https://sinonim.org/s	БЕ'ЖЕНЕЦ, -нца, м. Человек, оставивший место своего жительства вследствие какого-н. бедствия. <i>Беженцы из прифронтовой полосы. Приюты для беженцев. Гуманитарная помощь беженцам.</i>

Продолжение таблицы

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизированный кластер) https://djvu.online/file/AnwKNNz6NnqGZ
			Статус беженца – официально признанное положение такого лица, обеспечивающее ему соответствующие права и социальные гарантии.
нет	18 текстов 19 примеров С 1930 г. Пик – 1937 г.	ВОЗВРАЩЕ'НЕЦ - разг. (разговорное) тот, кто вернулся откуда-либо. https://sinonim.org/t/ .	ВОЗВРАЩЕ'НЕЦ, -нца, м. (разг.). Человек, ранее покинувший свою страну и вернувшийся в нее. <i>В. из эмиграции.</i>
ВЫХОДЕЦ, выходца, м. (книжн. устар.). 1. Пришелец из другой страны, переселенец (с точки зрения того государства, куда он переселился на постоянное жительство). <i>Выходец из Польши.</i> 2. Человек, вышедший из одной социальной группы и ставший членом другой. <i>Выходец из дворян.</i>	525 примеров, 451 текст С 1788 г. Пик – 2017 г.	ВЫХОДЕЦ - пришелец, переселенец из другой страны, края. https://sinonim.org/s/	ВЫ'ХОДЕЦ, -дца, м. Пришелец, переселенец из другого края, местности (устар.). <i>Выходцы из окраинных губерний, из северных, из южных областей, из Сибири.</i>
нет	25 текстов. 29 примеров. С 1999 г. Пик – 2013 г.	ГАСТАРБАЙТЕР – наёмный рабочий, работающий и постоянно проживающий в стране, гражданином которой не является https://sinonim.org/s/	нет
нет	2 текста, 2 примера. С 1999 г. Пик 2016 г.	ЗАРОБИТЧАНИН – 1. жарг. приезжий работник, иностранный рабочий; трудовой мигрант, человек, уезжающий на заработки (обычно в отношении граждан Украины) ♦ <i>Во время экономического кризиса 2008–2009 годов наиболее многочисленными в Киеве стали заробитчане из близлежащих областей, а также областей, наиболее пострадавших от кризиса.</i> «Трудовая миграция с Украины» (цитата из Википедии) https://kartaslov.ru .	нет

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основ- ной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизиро- ванный кластер) https://djuv.online/file/ AnwKNNz6NnqGZ
ИММИГРАНТ, им- мигранта, м. (от ла- тин. <i>immigrans</i> – вселяющийся) (книжн.). Иностранец, поселившийся в ка- кой-н. стране на по- стоянное жительство. <i>В Америке много имми- грантов из Европы.</i>	303 текста 693 примера С 1899 года. Пик – 2009 г.	ИММИГРАНТ (лат. <i>immigrans</i> – вселяющийся) – это человек, который прибывает в какое- либо государство на долгий срок или для постоянного проживания. По отношению к коренным жителям.	ИММИГРАНТ, -а, м. Человек, живущий в той стране, в к-рую он эмигрировал. <i>Квоты на въезд иммигрантов в страну.</i> ж. имми- грантка, -и, род. мн. -ток. прил. имми- грантский, -ая, -ое.
нет	1 текст с 2 примерами	ИССЕИ – это японскоязычный термин, используемый этниче- скими японцами в странах Северной и Южной Америки для обозначения «японцев», которые были первым поколе- нием, иммигрировавшим туда. https://translated.turbopages.or g/proxy_u/en-ru.ru.5ecc7f48- 64f9f268-a90d6f66-74722d776562/	нет
нет	нет	КАНДАС (каз. қандас — до- словный перевод с казахского: «соотечественник», «одно- кровка») (до 01.01.2021 г. ис- пользовался термин орал- ман) – этнический казах- репатриант, переселяющийся в Казахстан из соседних стран https://ru.wikipedia.org/wiki/	нет
нет МИГРАЦИЯ, мигра- ции, ж. (латин. <i>migratio</i>) (науч.). Пе- редвижение, пересе- ление. Миграция народов. Периоди- ческое переселение животных – перелет- ных птиц, морских рыб – из одного ме- ста в другое (ест.). Закономерный пере- ход от одного народа к другому различных культурных ценно- стей (этнол.). Мигра- ция сказочных сюже- тов. Передвижение капитала из одной страны в другую или из одной отрасли народного хозяйства в другую (экон.).	С 1984 г. 30 примеров из 26 текстов. Пик – 2017 г.	МИГРАНТ – книжн. тот, кто покидает своё место житель- ства в силу каких-либо неблагоприятных причин (природ- ных катастроф, боевых дей- ствий, преследований по наци- ональному признаку, экономи- ческих трудностей и т. п.) https://sinonim.org/s/	МИГРАНТ, -а, м. Че- ловек, переселяющий- ся внутри своей стра- ны с одного места на другое, из одной мест- ности в другую. <i>Волна мигрантов после земле- трясения.</i>

Продолжение таблицы

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основ- ной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизиро- ванный кластер) https://djvu.online/file/ AnwKNNz6NnqGZ
НЕВОЗВРАЩЕ'НЕЦ, нца, м. (нов.). Лицо, не вернувшееся на родину из-за грани- цы и изменнически перешедшее в лагерь врагов СССР.	25 текстов 29 примеров С 1926 г. Пик – 1987 г.	НЕВОЗВРАЩЕ'НЕЦ – советск. (советское), разг. (разговорное) лицо, не вернувшееся на роди- ну из-за границы ♦ <i>В Польше всё- таки практиковался несколько смягчённый подход к невозвра- щенцам</i> (В.П. Аксёнов). (https://sinonim.org/t/).	нет
НЕЗДЕШНИЙ, нездешняя, нездеш- нее. 1. Не прожива- ющий в данной местности, приез- жий (разг.). <i>он человек н. 2. Неземной, таин- ственный (книжн. устар.). Нездешний мир. Кто-то нездеш- ний в часовне на камне сидит.</i> Жуковский.	153 текста 195 примеров. С 1779 г. Пик – 1979	× НЕЗДЕ'ШНИЙ залётный, пришлый, заезжий, приезжий, пришлец, захожий, наезжий https://kartaslov.ru	НЕЗДЕ'ШНИЙ, -его, м. Человек, живущий не в этом месте, уро- женец не этих мест (разг.). <i>Я приезжий,</i>
НОВОСЁЛ, новосёла, м. (обл.). Недавно поселившийся в дан- ном месте. <i>На берегу копошились новосёлы. Пришвин.</i>	33 текста 39 примеров С 1913 г. Пик – 2002 г.	НОВОСЁЛ поселенец, новопо- селенец https://kartaslov.ru	НОВОСЁЛ, -а, м. То же, что поселенец. <i>Новосёлы таёжного края.</i>
НЕЛЕГАЛЬНЫЙ, нелегальная, неле- гальное; нелегален, нелегальна, неле- гально. Не разре- шенный по закону, подпольный. <i>Партия рабочего класса, не бро- сая легальности, но и ни на минуту не преувели- чивая ее, должна соеди- нить легальную работу с нелегальной, как в 1912-1914 годах.</i> Ленин.	36 текстов 47 примеров С 1938 г. Пик – 2010 г.	НЕЛЕГАЛ: Синонимы: неле- гальный иммигрант, незакон- ный иммигрант https://sinonim.org/s/	нет
нет	11 текстов 43 примера. С 1822 г. Пик – 1974 г.	ОЛИМ – израильский репа- триант https://ru.wiktionary.org/wiki	нет
нет	нет	ОРАЛМАН – этнический казах, репатрирующий в Казах- стан из другой страны https://sinonim.org/	нет

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основ- ной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизиро- ванный кластер) https://djuv.online/file/ AnwKNNz6NnqGZ
ПЕРЕМЕЩЁННЫЙ, перемещенная, перемещенное; перемещён, перемещена, перемещено. Прич. страд. прош. вр. от переместить.	16 текстов 18 примеров С 1890 г. Пик 1946 г., 1980 г.	ПЕРЕМЕЩЕННЫЕ ЛИЦА – лица, насильственным путем увезенные немецкими фашистами в Германию для принудительного труда с временно оккупированных территорий в период второй мировой войны и затем оказавшиеся в различных странах. https://sinonim.org/s/r	нет
ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ, переселенца, м. Человек, переселяющийся, переселившийся или переселенный на новое место.	1069 текстов, 2730 примеров. С 1770 года. Пик – 1887 г. В 20 веке низкая частотность. В 2014 – выше (16).	ПЕРЕСЕЛЁНЕЦ, -нца, мужской род Тот, кто переселяется, переселился или кого переселили на новое место, на новые земли. <i>Уже лет десять на северной опушке живут переселенцы, приехавшие из Курской губернии.</i> Марков. https://sinonim.org/t/	ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ, -нца, м. Человек, переселившийся или переселенный с постоянного места жительства на новое, обычно необжитое место. <i>Переселенцы из центральных областей. Вынужденные переселенцы.</i>
нет	нет	РЕЛОКАНТ: неол. перемещенный в другую страну сотрудник ♦ эмигранты – это скорее те, кто боится политического преследования. А те, с кем я пересекалась, в основном у них другая мотивация. Они приехали переждать и точно себя эмигрантами не считают. Скорее – релоканты. Фонтанка.ру.	нет
ПОСЕЛЕНЕЦ, поселенца, м. 1. Человек, поселившийся где-н. впервые на новом, необжитом месте. <i>Первые русские поселенцы в Сибири.</i> 2. Лицо, подвергнутое ссылке на поселение (дореволюц.). <i>Среди ссыльных различались каторжники и поселенцы.</i>	64 текста 256 примеров С 1842 г. Пик – 1893. В 20 веке низкая частотность.	ПОСЕЛЕНЕЦ – колонист, скваттер; клерух, посельник, посельщик, новосел, ссыльный, порсейро. Словарь русских синонимов. https://dic.academic.ru	ПОСЕЛЕНЕЦ, -нца, м. Человек, к-рый впервые поселился на новом, необжитом месте. <i>Первые русские поселенцы в Сибири.</i>
ПРИЕЗЖИЙ. 1. Прибывший, приехавший откуда-н. <i>Приезжие люди. Приезжий из Харькова. Приезжая труппа.</i> 2. в знач. сущ. приезжий, приезжего, м., и приезжая, приезжей, ж. Лицо, приехавшее откуда-н. <i>На курорте много приезжих.</i>	793 текста 1430 примеров. С 1763 г. Пик – 1845 г.	ПРИЕЗЖИЙ, -ая, -ее. Прибывший, приехавший откуда-л. <i>Кирилла Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями.</i> Пушкин, Дубровский Больше: https://sinonim.org/s/	ПРИЕЗЖИЙ, -его, м. Человек, приехавший из другого места, нездешний. <i>Комната отдыха для приезжих.</i> ж. приезжая, -ей.

Продолжение таблицы

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основ- ной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизиро- ванный кластер) https://djuv.online/file/ AnwKNNz6NnqGZ
<p>ПРИШЕЛЕЦ, при- шельца, и пришлец, пришельца, м. (книжн.). человек, пришедший откуда- н., чужой, не здеш- ний человек. <i>Сидит пришелец за столом.</i> Лермонтов. перен. О чем-н. чуждом окружающему, чуже- родном. <i>Тощий плод, до времени созрелый, ... висит между цветов, пришлец осиротелый.</i> Лермонтов.</p>	<p>318 текстов 502 примера с 1800 г. Пик – 1974</p>	<p>ПРИШЕ́ЛЕЦ, -льца, м. Приш- лый, не местный, чужой чело- век. <i>Считая себя пришельцем извне в уже сформировавшийся товарищеский кружок, я всех молчаливых считал настроенны- ми против себя.</i> Морозов, Пове- сти моей жизни https://sinonim.org/s/</p>	<p>ПРИШЕ'ЛЕЦ, -льца, м. Пришлый, не здешний человек. <i>Лесной п.</i> (пе- рен.: о звере, пришед- шем к жилью). ж. прише́лица, -ы.</p>
<p>РЕПАТРИАНТ, репа- трианта, м. (нов. пол- лит.). Лицо, под- вергшееся репатриа- ции. РЕПАТРИАЦИЯ, ре- патриации, мн. нет, ж. (от латин. ге - вновь и patria - отече- ство) (нов. полит.). Возвращение на ро- дину лиц, задержа- нных или задержав- шихся по каким-н. причинам в чужой стране. Репатриации подлежат пленные, беженцы, интерниро- ванные, эмигранты.</p>	<p>19 текстов 25 примеров. С 1947 г. Пик – 1948 г.</p>	<p>РЕПАТРИАНТ - тот, кто воз- вращается на родину в резуль- тате репатриации (из плена, эмиграции и т. п.) ♦ <i>Зато в СССР значительно более длитель- ными оказывались сроки трудового использования принуждаемых рабочих, как из иностранцев, так и из собственных граждан, в частности репатриантов.</i> Хайнс-Хайнрих Хольте, Павел Полян, «Гитлер и Сталин: с кем же жить лучше, с кем весе- лей?», 2003 г. // «Неприкосно- венный запас» https://sinonim.org/t/</p>	<p>нет</p>
<p>ЭМИГРАНТ, эми- гранта, м. Человек, находящийся в эми- грации. ЭМИГРАЦИЯ, эми- грации, мн. нет, ж. (от латин. emigro - переселяюсь). 1. Вы- нужденное или доб- ровольное переселе- ние из своего отече- ства в другую страну по тем или иным причинам (политиче- ским, экономиче- ским и т. п.).</p>	<p>С 1789 г. Наиболее ча- стотным явля- ется в 20-ые годы 20 века, в 80-ые годы 20 века, в начале 2000-ых годов.</p>	<p>ЭМИГРА́НТ, -а, м. Человек, переселившийся из своего отечества в другую страну, находящийся в эмиграции (в 1 знач.). https://sinonim.org/s/</p>	<p>ЭМИГРА'НТ, -а, м. Человек, покинувший свою страну и живу- щий в эмиграции в другой стране. <i>Полити- ческие эмигранты (уехавшие по политиче- ским мотивам). Эконо- мические эмигранты (уехавшие по экономиче- ским причинам). Эми- гранты из России.</i></p>

Словарь Ушакова	НКРЯ. Основ- ной корпус	Онлайн-словари. Словарь синонимов	РСС (систематизиро- ванный кластер) https://djvu.online/file/ AnwKNNz6NnqGZ
<p>2. Длительное или постоянное пребывание за пределами отечества в результате такого переселения. <i>С громадной опасностью Ленину удалось в декабре 1907 года снова перебраться за границу, в эмиграцию.</i></p> <p>3. собир. Эмигранты. – <i>Разбиты и рассеяны национал-уклонистские группировки. Их организаторы либо окончательно спаялись с интервенционистской эмиграцией, либо принесли повинную. Сталин.</i></p>			

Мы стремились обеспечить полноту отбора материала – лексем, выражающих понятия «перемещающиеся лица, меняющие местожительство». Построен синонимический ряд с помощью толковых словарей, словаря синонимов, Русского семантического словаря, словаря арго. Получился ряд лексем, объединенных семантическим отношением: *аллохтон, алия, беженец, выходец (указывает на происхождение, как правило, хронологически отдаленное событие), гастарбайтер, заробитчанин, иммигрант, иностранец (не меняет местожительства), иссей, кандас, мигрант, невозвращенец, нелегал, оралман, переселенец, приезжий, пришелец, релокант, репатриант, эмигрант (перемещающийся на относительно длительное время или навсегда в другое место).*

Полученная выборка сверена с подмножеством из «Русского семантического словаря» под ред. Н. Ю. Шведовой. Кроме того, из Национального корпуса русского языка осуществлялся подбор примеров, установлены частота и распределение по годам.

По генерирующей семе слова со значением «перемещающиеся лица, меняющие местожительство» объединяются в одну лексическую группу. У нас лексемы расположены в алфавитном порядке. Ло-

гически же начинает ряд общее обозначение перемещающихся лиц, сменивших местожительство, – *мигрант*. Для всех синонимов к слову *мигрант* отмечается общая референция, связанная со сменой места проживания. Слово *мигрант* следует считать доминантой синонимического ряда, состоящего в словаре синонимов из 9 единиц. (К слову, в английском языке 40 синонимов к слову «мигрант») (<https://www.thesaurus.com/browse/migrant>).

Для построения парадигмы необходимо: определить состав единиц; выявить различия и сходства между ними; выявить коннотации и стилистические маркеры.

Номинативная парадигма перемещенных лиц, лиц, меняющих местожительство

Отмечаем, что в словах этой группы объективируются: 1) признаки чужести (*аллохтон, чужак, чужеземец, чужестранец, иностранец, пришелец*); 2) вектор (направление) их перемещения (миграции): *эмигрант* (выезжает из страны), *иммигрант* (въезжает на длительный срок) (<https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/ehmigrant-immigrant-kto-ehto-takie-chem-raznica.html>); 3) происхождение: *выходец*; 4) экспликация причины: *колонист, нелегал*,

невозвращенец; 5) род занятий, ассоциирующийся с этносом: *заробитчанин, гастарбайтер* (вторичная номинация); 6) этническая принадлежность: *алия, иссей, кандас, оралман*; 7) временное перемещение: *релокант*; 8) повторное перемещение: *репатриант*. Это семантический план данной лексической группы.

Среди рассматриваемых имен есть:

- 1) нейтральные: *мигрант*;
- 2) с отрицательными коннотациями: *чужеземец, гастарбайтер, понаехавшие* (в узусе);
- 3) семантически усиленные, с актуализацией сем: *реэмигранты*;
- 4) стилистически отмеченные: *оралман, заробитчанин*.

Это маркированные лексемы.

Если перемещение связано с какими-то конкретными причинами – политическими, геополитическими – и становится массовым, то обозначение лица иногда приобретает прямое или косвенное указание на этническую принадлежность. Референция слов рассматриваемой группы объясняется субъективным восприятием. Приведем пример объективации признака этничности, который использовала Т. Ivanova-Sullivan. Она пишет, что для среднестатистического американца большинство русскоязычных иммигрантов кажутся «русскими», независимо от страны, из которой они прибыли, их этнической и религиозной принадлежности. Аналогичное явление существует в некоторых европейских странах, таких как Нидерланды, где термин «аллохтоны» используется для мигрантов и их потомков, независимо от их отличительных этнических групп [Ivanova-Sullivan 2019: 223].

Перечень лексем производится с учетом максимально полного соответствия теме.

В «Русском семантическом словаре» дана группа обозначений лиц «по неисконному месту жительства, нахождения, по перемене места жительства» [Русский семантический словарь 1995]. Составители РСС информируют, что «предметом описания в “Русском семантическом словаре” является отдельное значение слова как единица, входящая в подмножество того или иного лексического класса» [Там же]. При этом признается готовность слова к семантическим модификациям, так как за значением стоит понятие. В РСС трактовки

значений отличаются (см. таблицу). Так, слово «мигрант» трактуется иначе. Его значение ограничивается только содержанием «перемещение внутри своей страны».

В последние годы как синоним слова *мигрант* употребляется слово *релокант*. Оно еще не фиксируется словарями, а справочные издания не дают однозначного толкования. В нем меняется значение в зависимости от контекста. Рассмотрим примеры его толкования и постараемся вывести основные семы. На сайте «Большой вопрос.ру» мы рассмотрели мнения по поводу значения слова «релокант» [Большой вопрос.ру].

1) «Релоканты – это люди, которые решают переехать в другую страну или город с целью улучшить свои условия жизни и работы. Они отличаются от мигрантов и эмигрантов своим статусом и характером переезда. В отличие от мигрантов, релоканты обычно имеют достаточно высокий социальный статус, образование и опыт работы. Они ищут новые возможности и вызовы, стремятся к карьерному росту и полноценной жизни в новом месте. В отличие от эмигрантов, релоканты не собираются навсегда покинуть свою родину».

2) «Термин “релокация” (и как его производное – релокант) относится к другой сфере общественных отношений, нежели термины “эмиграция” и “миграция”. Два последних практически всегда применяются в социальной сфере, иногда – в политической. А вот релокация – это понятие исключительно из мира бизнеса и маркетинга. Так называют перемещение сотрудников какой-либо компании на новое место деятельности, связанное с их переездом на новое место жительства... В большинстве случаев релокация – это временный процесс, пока на новом месте не будет найден и нанят местный работник. ...В этом и главное отличие релоканта от трудового мигранта и эмигранта».

3) «В исходном значении слова “релокант” – это сотрудник фирмы, которая сменила локацию в пределах одной страны или переместилась в другую».

4) «Весной прошлого года для многих людей, которые покинули нашу страну из-за начавшихся событий, возникла необходимость как-то себя называть... Слово

“эмигранты” не слишком подходило, потому что не было ясности относительно того, временный это отъезд или постоянный. “Мигрантами” уехавшие не хотели называться потому, что в РФ и не только здесь, это слово имеет отрицательный оттенок значения. Так сложился компромисс “релоканты”» [Большой вопрос.ру].

5) «Релокация – перемещение. Оно может происходить как в границах одной страны, так и за её пределы. Во время и сразу после Второй мировой войны перемещёнными лицами (так это по-русски правильно называется) называли всех, кто оказался на чужбине без какого-либо конкретного статуса. Были ли они коллаборантами, отступавшими вместе с вермахтом, были ли они узниками концлагерей или трудовыми мигрантами, до уточнения их статуса таких людей называли именно релокантами».

В этом абзаце в качестве ключевого выступает сочетание «перемещённые лица».

6) Молодежный вариант: *релокация* – бюджетный туризм.

Таким образом, отмечаем последовательно семы из каждого толкования:

- 1) Ищут новые возможности.
- 2) Понятие из сферы бизнеса.
- 3) Сотрудник фирмы, направляемый ею на новое место.
- 4) Выехавшие из страны.
- 5) Перемещённые лица.
- 6) Путешественники.

Наконец, выводится более общее понимание: «Если говорить простым языком, то на сегодняшний день релокантом принято называть человека, который покинул территорию страны, отдав предпочтение странам с более стабильной и спокойной обстановкой» [Большой вопрос.ру]. Приезжающие в Казахстан россияне тоже называются в СМИ релокантами. И в текстах это слово выступает в последнем значении: переезд в страну с более стабильной обстановкой. Получается, что общей во всех интерпретациях является генеральная сема лексемы «мигрант», но слово не имеет отрицательных коннотаций.

Пока еще это слово воспринимается как неологизм, и его понимание корректируется разными контекстами, в том числе и социальным, политическим, экономическим. Лексическая объективация по-

нятия осуществляется через контекст, так как словарного кодифицированного определения еще нет.

Е. Маклакова в объяснении лексической объективации понятия считает эффективным компонентный анализ и утверждает, что метод экспликативной объективации семы обеспечивает выявление «экспликативных текстовых объективаций или метаязыковых экспликаций тех или иных сем данной языковой единицы в тексте, которые вербализуют конкретные семы и интерпретируются как отдельные семы» [Маклакова 2007: 108].

Приведенные параметры описания категории перемещающихся надолго или навсегда лиц позволяет построить парадигмы – по первичному-вторичному значению, по наличию/отсутствию коннотаций, по функциям – номинативной, идентифицирующей, характеризующей. Об этом писала Е. С. Узенева: «Номинативную парадигму образуют разные наименования одной реалии, которые отражают различные дифференциальные признаки или подчеркивают архисему» (цит. по изд.: [Гусева 2017]). Таким образом, сформировалась номинативная парадигма, лексическая семантика членов которой пересекается и в контекстах актуализируется, при этом могут наблюдаться неразличение их семантики и полное отождествление. Отсюда разнообразие функций.

Выводы

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова собрал и систематизировал лексику, употреблявшуюся в то время и прежде. Естественное пополнение словаря и изменение значений лексем и функций фиксируется с опорой на уже имеющийся лексикографический арсенал (см. также: [Никитин 2016а]). При рассмотрении лексической номинативной парадигмы «перемещающиеся лица, изменившие местожительство» отмечается зависимость значений от социального, исторического контекста (ср. борьбу «идей и идеологий» и ее отражение в ТСРЯ: [Никитин 2016в]). Ландшафты употребления лексем во времена Д. Н. Ушакова, социальный контекст способствовали объективации понятия «перемещающиеся лица, изменившие местожительство» во многом с опорой на «советскую» семантику, что

видно в приводимой таблице. В постсоветскую эпоху трактовка понятия является более свободной.

Обновление этого кластера связано с тем, что меняются геополитические ситуации, причины массовых перемещений людей в разных уголках Земли: Сирии, Украине, России, на Ближнем Востоке, в европейских странах и др.

Вертикальное и горизонтальное рассмотрение упрочивает понятие. Номинативная парадигма создается из совокупности слов, реализующих понятие «перемещающиеся лица, лица, меняющие местожительство». Основаниями для различения

слов внутри парадигмы являются значения вектора, срока, указание этнической принадлежности, причины, мотивы перемещения и утверждения на новом месте, пр.

Горизонтальное рассмотрение обращено к сочетаемости, контексту употребления. В контексте реализуется смысл, который влияет на формирование сознания и который следует описывать лингвистическими средствами. Если слово встречается в каком-либо контексте, то это определенного рода санкционирование его употребления, влияющее на изменение или модификацию значений.

Литература

- Алпатов, В. М. Языковеды, востоковеды, историки / В. М. Алпатов. – М. : Языки славянских культур, 2012. – 374 с.
- Большой вопрос.ру. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3984498-kto-takie-relokanty-chem-oni-otlichajutsja-ot-emigrantov-i-trudovyh-migrantov.html> (дата обращения:
- Глобальная стратегия... – Глобальная стратегия МФОККиКП по миграции 2018-2022. Уменьшение уязвимости, повышение жизнестойкости. Международная Федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. – Женева, 2017. – 36 с. – Текст : электронный. – URL: https://www.ifrc.org/sites/default/files/IFRC_StrategyOnMigration_RU_20180507_WEB_o.pdf (дата обращения: 10.09.2023).
- Горбачевич, К. С. Современная нормативная лексикография / Горбачевич К. С. // Вестник АН СССР. – 1982. – № 1. – С. 77–86.
- Грузберг, А. Тезаурус / А. Грузберг // Филолог. – 2003. – Вып. 20. – Текст : электронный. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_426 (дата обращения: 03.09.2023).
- Гусева, С. С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова) : дисс. ... канд. филол. наук / С. С. Гусева. – М. : МГУ, 2017. – 174 с.
- Епимахова, А. Ю. К проблеме иноязычной терминологии в современном мире / А. Ю. Епимахова. – Текст : электронный. – URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer27/194.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).
- Зайцева, Е. А. Новые наименования лица в русском языке начала XXI века. Опыт словаря-справочника / Е. А. Зайцева. – Самара : СамГПУ, 2006. – 172 с.
- Зайцева, Е. А. Имена существительные – наименования лица в русском языке начала XXI века : проблема комплексного лексикографического описания / Е. А. Зайцева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2015. – № 1 (31). – С. 129-134.
- Иванова, Т. К. Ономазиологические принципы классификации сложных существительных со значением лица / Т. К. Иванова // Сетевое издание : Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 (ч. 1). – Текст : электронный. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17227> (дата обращения: 22.09.2023).
- Картаслов.ру. Электронный справочник. – Текст : электронный. – URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 22.08.2023).
- Конопелькина, Е. А. Наименования лиц по роду деятельности в функционально-стилевом аспекте (на материале лексики экономико-правовой сферы русского языка) / Е. А. Конопелькина // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство». – Дніпропетровськ : Вид-во Дніпропетровського ун-ту, 2010. – Вип. 16. – С. 173-181.
- Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М. : Высшая школа, 1989. – 216 с.
- Мазурина, Н. К. Словообразование существительных со значением лица в русском языке XI-XIV вв. : дисс. ... канд. филол. наук / Н. К. Мазурина. – М. : МГОУ, 2007. – 331 с.
- Маклакова, Е. А. Специфика функционирования наименований лиц (на примере русского языка) / Е. А. Маклакова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. – 2010. – № 1. – С. 55-60.
- Национальный корпус русского языка. – Текст : электронный. – URL: <https://ruscorpora.ru>.

Никитин, О. В. Загадки «Ушаковского» словаря / О. В. Никитин. – Литературная газета. – 23. 09. 2015. – Выпуск 8 (19). – № 37 (6525). – URL: <https://lgz.ru/article/-37-6525-23-09-2015/zagadki-ushakovskogo-slovarya/>

Никитин, О. В. Ушаковская эпопея : неизвестные страницы знаменитого словаря / О. В. Никитин // Русская речь. – 2016а. – № 3. – С. 51–62. – URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-3/51-62>

Никитин, О. В. Забытая картотека, или судьба русского «Лярусса» / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016б. – № 1. – С. 13–22. – URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-1.pdf>

Никитин, О. В. Отечественная лексикография в 1930-е гг. : борьба идей и идеологий (из истории создания и обсуждения «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова) / О. В. Никитин // Мир русского слова. – 2016в. – № 3. – С. 27–40. – URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-3.pdf>

Панов, М. В. Дмитрий Николаевич Ушаков. Жизнь и творчество / М. В. Панов // Ушаков Д. Н. Русский язык : Учеб. пособие для студентов пед. ун-тов и ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». – М. : Просвещение : АО «Учебная литература», 1995. – С. 5–40.

Плотникова, Г. Н. Существительные со значением лица, образованные от названий животных / Г. Н. Плотникова, Гэн Юань // Материалы ежегодной международной конференции «Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте». 1-2 июня 2015 г. – Текст : электронный. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45166/1/r1_2015_11.pdf

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2002. – Текст : электронный. – URL: <https://djvu.online/file/AnwKNNz6NnqGZ>.

Сас, Т. С. Электронные словари как продукт современной лексикографии / Т. С. Сас // Текст : электронный. – URL: <https://www.bsmu.by/upload/docs/universitet/nauka/2021/doklady/5-gumanit/15-sas.pdf>. – Минск, 2021. – 54 с.

Словарь синонимов. – Текст : электронный. – URL: <https://sinonim.org/s>.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – М. : Аст-Пресс Книга, 2007. – 576 с.

Токарев, Г. В. Лексическая объективация концептуальных связей (на материале вербализации связей концепта «труд» / Г. В. Токарев // Известия вузов Северокавказских регионов. Общественные науки. Приложение. – 2003. – № 7. – С. 86–93.

Толковый словарь русского языка онлайн. – Текст : электронный. – URL: <https://sinonim.org/t#length>.

Толковый словарь русского языка = ТСРЯ / Под редакцией Д. Н. Ушакова. Т. 1-4. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.

Хаймс, Д. Х. Этнография речи / Д. С. Хаймс // Новое в лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 42–95. – Текст : электронный. – URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/hayms-75.htm>.

Brinton, L. J., Traugott, E. C. / L. J. Brinton, E. C. Traugott. – 2005. – Текст : электронный. – URL: <https://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/rep2/node9.html>.

Craveiro, Cl. & Aguiar, F. Teacher Training Curriculum Policies in Brazil : Possibilities of Wordsmith Tools. Transnational Curriculum / С. Craveiro. – 2016. Inquiry 13 (2). – Текст : электронный. – URL: <http://nitinat.library.ubc.ca/ojs/index.php/tci> (access date 14.09.2013).

Ivanova-Sullivan, T. Heritage Russian in the US and the New Type of Pluricentricity in the Context of Immigration. In *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. Edited by Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova and Maria Yelenevskaya. – New York : Routledge, 2019. – P. 223–237.

Raf, N. The Decolonisation of Language Starts With Awareness / N. Raf. – Текст : электронный. – URL: <https://www.the-low-countries.com/article/the-decolonisation-of-language-starts-with-awareness> (Date: 07.07.2021).

Williams, G. From Meaning to Words and Back: Corpus Linguistics and Specialised Lexicography // Open Edition Journals, 39–40, 2003, pp. 91–106. – Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.4000/asp.1320/> <https://journals.openedition.org/asp/1320>.

References

Alpatov, V. M. (2012). *Yazykovedy, vostokovedy, istoriki* [Linguists, Orientalists, Historians]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 374 p.

Babenco, L. G. (ed.). (2007). *Slovar'-tezaurus sinonimov russkoi rechi* [Dictionary-Thesaurus of Synonyms of Russian Speech]. Moscow, Ast-Press Kniga, 576 p.

Bol'shoi vopros.ru [Big question.ru]. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/3984498-kto-takie-relokanty-chem-oni-otlichajutsja-ot-emigrantov-i-trudovyh-migrantov.html> (mode of access: 10.08.2023).

Brinton, L. J., Traugott, E. C. (2005). *Lexicalization and Language Change*. – URL: <https://www.ilc.cnr.it/EAGLES96/rep2/node9.html>

Craveiro, C. & Aguiar, F. (2016). *Teacher Training Curriculum Policies in Brazil: Possibilities of Wordsmith Tools. Transnational Curriculum, Inquiry* 13(2). URL: <http://nitinat.library.ubc.ca/ojs/index.php/tci> (access date 14.09.2013).

Epimakhova, A. Yu. *K probleme inoyazychnoi terminologii v sovremennom mire* [On the Problem of Foreign Language Terminology in the Modern World]. URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer27/194.pdf> (mode of access: 05.09.2023).

Global'naya strategiya... (2017). *Global'naya strategiya MFOKKiKP po migratsii 2018–2022. Umen'shenie uyazvimos-ti, povyshenie zhiznestoikosti. Mezhdunarodnaya Federatsiya obshchestv Krasnogo Kresta i Krasnogo Polumesyatsa*. [IFRC Global Migration Strategy 2018–2022. Reducing Vulnerability, Increasing Resilience. International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies]. Geneva. 36 p. URL: https://www.ifrc.org/sites/default/files/IFRC_StrategyOnMigration_RU_20180507_WEB_o.pdf (mode of access: 10.09.2023).

Gorbachevich, K. S. (1982). *Sovremennaya normativnaya leksikografiya* [Modern Normative Lexicography]. In *Vestnik AN SSSR*, 1, pp. 77–86.

Gruzberg, A. (2003). Tezaurus [Thesaurus]. In *Filolog*, 20. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_20_426 (mode of access: 03.09.2023).

Guseva, S. S. (2017). *Nominativnaya paradigma edinit, oboznachayushchikh litsa, i ee funktsionirovanie v tekste (na primere tekstov A. P. Chekhova)*: diss. ... kand. filol. nauk [The Nominative Paradigm of Units Denoting Faces and Its Functioning in the Text (Using the Example of A. P. Chekhov's Texts)]. Moscow, MGU Press. 174 p.

Hajms, D. H. (1975). *Etnografiya rechi* [Ethnography of Speech]. In *Novoe v lingvistike*, VII. Sotsiolingvistika. Moscow, "Progress", pp. 42–95.

Ivanova, T. K. (2015). *Onomasiologicheskie printsipy klassifikatsii slozhnykh sushchestvitel'nykh so znacheniem litsa* [Onomasiological Principles of Compound Nouns with the Meaning of Person Classification]. In *Setevoe izdanie: Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, № 1 (ch.1). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17227> (mode of access: 22.09.2023).

Ivanova-Sullivan, T. (2019). *Heritage Russian in the US and the New Type of Pluricentricity in the Context of Immigration. In The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*. A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya (ed.). New York, Routledge, pp. 223–237.

Kartaslov.ru. *Elektronnyi spravochnik* [Electronic Directory]. URL: <https://kartaslov.ru> (mode of access: 22.08.2023).

Konopel'kina, E. A. (2010). *Naimenovaniya lits po rodu deyatel'nosti v funktsional'no-stilevom aspekte (na materiale leksiki ekonomiko-pravovoi sfery russkogo yazyka)* [Names of Persons by Type of Activity in Functional-Style Aspect (Based on the Vocabulary of Economic and Legal Spheres of the Russian Language)]. In *Visnik Dnipropetrovskogo universitetu. Seriya "Movoznavstvo"*. Dnipropetrovsk, Vid-vo Dnipropetrovskogo un-tu, 16, pp. 173–181.

Kuznetsova E. V. (1989). *Leksikologiya russkogo yazyka*. [Lexicology of the Russian Language]. Moscow, Vysshaya shkola. 216 p.

Mazurina, N. K. (2007). *Slovoobrazovanie sushchestvitel'nykh so znacheniem litsa v russkom yazyke XI–XIV vv.: diss. ... kand. filol. nauk* [Word Formation of Nouns with the Meaning of Person in the Russian Language of the 11th–14th Centuries]. Moscow, MGOU. 331 p.

Maklakova, E. A. (2010). *Spetsifika funktsionirovaniya naimenovaniy lits (na primere russkogo yazyka)* [Specifics of the Functioning of Names of Persons (Using the Example of the Russian Language)]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 1, pp. 55–60.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Nikitin, O. V. (2015). *Zagadki "Ushakovskogo" slovarya* [Riddles of the "Ushakov" Dictionary]. In *Literaturnaya gazeta*, 8 (19), 37 (6525). – URL: <https://lgz.ru/article/-37-6525-23-09-2015/zagadki-ushakovskogo-slovarya>.

Nikitin, O. V. (2016a). *Ushakovskaya epopeya: neizvestnye stranitsy znamenitogo slovarya* [Ushakov's Epic: Unknown Pages of the Famous Dictionary]. In *Russkaya rech'*, No. 3, pp. 51–62. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2016-3/51-62>.

Nikitin, O. V. (2016b). *Zabytaya kartoteka, ili sud'ba pusskogo "Lyarussa"* [The Forgotten Card File, or the Fate of the Russian "Laruss"]. In *Mir russkogo slova*, No.1, pp. 13–22. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-1.pdf>.

Nikitin, O. V. (2016v). *Otechestvennaya leksikografiya v 1930-e gg.: bor'ba idey i ideologii (iz istorii sozdaniya i obsuzhdeniya "Tolkovogo slovarya russkogo yazyka" pod redaktsiei D. N. Ushakova)* [Russian Lexicography in the 1930s: the Struggle of Ideas and Ideologies (From the History of the Creation and Discussion of the "Explanatory Dictionary of the Russian Language" Edited by D. N. Ushakov)]. In *Mir russkogo slova*, No. 3, pp. 27–40. URL: <http://mirs.ropryal.ru/full-text/2016-3.pdf>.

Panov, M. V. (1995). *Dmitrii Nikolaevich Ushakov. Zhizn' i tvorchestvo* [Dmitry Nikolaevich Ushakov. Life and art]. In *Ushakov D. N. Russkii yazyk: Ucheb. posobie dlya studentov...* Moscow, Prosveshchenie, AO "Uchebnaya literatura", pp. 5–40.

Plotnikova, G. N. & Gen, Yuan'. (2015). Sushchestvitel'nye so znacheniem litsa, obrazovannye ot nazvaniy zhitovnykh [Nouns with the Meaning of Person, Formed from the Names of Animals]. In *Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Russkii yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte"*, 1-2 June 2015. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/45166/1/r1_2015_11.pdf.

Raf, N. *The Decolonisation of Language Starts with Awareness*. – URL: <https://www.the-low-countries.com/article/the-decolonisation-of-language-starts-with-awareness/> By Raf Njotea/ 07/07/2021.

Sas, T. S. (2021). *Elektronnye slovari kak produkt sovremennoi leksikografii* [Electronic Dictionaries As a Product of Modern Lexicography]. Minsk. URL: <https://www.bsmu.by/upload/docs/universitet/nauka/2021/doklady/5-gumanit/15-sas.pdf>.

Shvedova, N. Yu. (ed.). (2002). *Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Moscow, Azbukovnik. URL: <https://djuv.online/file/AnwKNNz6NnqGZ>.

Tokarev, G. V. (2003). Leksicheskaya ob'ektivatsiya kontseptual'nykh svyazei (na materiale verbalizatsii svyazei kontsepta "trud" [Lexical Objectification of Conceptual Connections (Based on the Verbalization of Connections of the Concept "Labor")]. In *Izvestiya vuzov Severokavkazskikh regionov. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie*, 7, pp. 86-93.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka onlain [Explanatory Dictionary of the Russian Language Online]. URL: <https://sinonim.org/t#length>.

Ushakov, D. N. (ed.). (1935-1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, OGIZ.

Williams, G. (2003). From Meaning to Words and Back: Corpus Linguistics and Specialized Lexicography. In *Open edition journals*, 39-40, pp. 91-106. URL: <https://doi.org/10.4000/asp.1320>// <https://journals.openedition.org/asp/1320>.

Zaitseva, E. A. (2006). *Novye naimenovaniya litsa v russkom yazyke nachala XXI veka: Opyt slovarya-spravochnika* [New Names for Persons in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century. Dictionary-Reference Experience]. Samara, SamGPU Press. 172 p.

Zaitseva, E. A. (2015). Imena sushchestvitel'nye – naimenovaniya litsa v russkom yazyke nachala XXI veka: problema kompleksnogo leksikograficheskogo opisaniya [Names of Persons in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century: the Problem of a Comprehensive Lexicographic Description]. In *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (31), pp. 129-134.

Данные об авторе

Шайбакова Дамина Дисингалеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (Алматы, Казахстан).

Адрес: 050010, Казахстан, г. Алматы, ул. Достык, 13.
E-mail: damina1shaibakova@gmail.com.

Author's information

Shaibakova Damina Disingaleevna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Literature, Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan).

Дата поступления: 27.08.2023; дата публикации: 31.12.2023

Date of receipt: 27.08.2023; date of publication: 30.12.2023

ПОСТПУБЛИКАЦИОННЫЕ РЕЦЕНЗИИ

«РУССКИЙ ЛЕС» ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА: ФРАКТАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ В ФИЛОСОФСКО-СОЦИАЛЬНОМ РОМАНЕ

Плеханова И. И

Рецензия на статью А. А. Дырдина «Русский лес» Леонида Леонова:
метафора в ракурсе фрактальной поэтики»
(Филологический класс. – 2023. – Т. 28, №3. – С. 214–222)

“RUSSIAN FOREST” BY LEONID LEONOV: FRACTAL FUNCTION OF METAPHOR IN A PHILOSOPHICAL SOCIAL NOVEL

Irina I. Plekhanova

Review of the article by A. A. Dyrdin “The Russian Forest” by Leonid Leonov:
A Metaphor from the Perspective of Fractal Poetics
(Philological class. 2023. T. 28, No. 3. P. 214–222)

Проблема современной русской культуры – восстановление духовной преемственности, выработка целостного взгляда на отечественную историю. Это требует выхода из утвердившейся модели деконструктивно-отчуждённого рассмотрения прошлого и настоящего, но критика сугубо критической ментальности действительна при поиске плодотворных основ синкретического миропонимания. Оно невозможно без холистской концепции и выработки релевантных средств воплощения, когда образ мышления вживе являет целое.

Литературоведение решает эти проблемы, актуализируя философский опыт художественной классики. Русские писатели были непосредственными участниками трагических переворотов, но Л. Леонов один прожил весь цикл российских революций до завершившей его в 90-х контрреволюции. Будучи советским писателем, один искал природно-метафизические законы жизни. Если поэты фиксировали цикличность истории («Доски судеб» В. Хлебникова, поэма «Россия» М. Волошина), Л. Леонов видел основы её континуальности.

Статья А. А. Дырдина раскрывает синергию философии национального бытия

и образа художественного мышления Л. Леонова в романе «Русский лес». Решается двуединая задача: 1) испытание новой методологии – восстановление целого через его отражение в языке художественного текста; 2) освобождение от стереотипного восприятия книги как воплощения канона тенденциозного социалистического реализма. Методология достигает цели, поскольку релевантна философско-художественной сложности романа.

Объективная трудность описания – антиномичный образ мышления Л. Леонова, выработанная им в прозе 20-30-х годов поэтика утверждения-отрицания, реализованная в системе отношений героев-двойников, включении вставных эпизодов, острающих ведущую идею по принципу дополнительности, знаковых речевых оговорок, ставящих под сомнение официальную идеологию истории. Всё это, как отмечала С. Семёнова и др., создавало эффект мерцающей авторской позиции и обеспечивало многомерность видения. Характеристика целого как «монтажа мыслительно-образных сгустков» (с. 216) (А. А. Дырдин сочувственно цитирует А. Г. Лысова) описывает дискретно-континуальный строй ху-

дожественной мысли.

Роман «Русский лес» более открыт, наполнен пафосом защиты родного, но принцип двойкой целостности работает, поскольку органичен для образа мышления художника. Использование синкретической потенциала метафоры как инструмента интеграции разговорчивого перспективно и, как показывает рецензируемая статья, плодотворно. Исследователь развивает свою концепцию с опорой на А. В. Степанова, отметившего метафоричность образа «русского леса». Объём всеохватного концепта скорее мифопоэтический, но трактовка тропа как фрактала разрешает проблему интерпретации заглавия как метафоры (с. 214). Элемент, несущий в себе структуру целого, выполняет ту же функцию, как партиципация в мифологическом представлении единства.

Романы с очевидными названиями-метафорами («Вор» или «Барсуки») дали бы более наглядные наблюдения за метафоричностью как моделью фрактальной организации целого, но, справляясь с «сопротивлением материала», А. А. Дырдин демонстрирует универсальность принципа и разнообразие форм. Русский лес – мифопоэтический образ живого природо-социального единства, преемственности национальной истории в её порывах, внутренних противоречиях и самобытности, наперекор внешней агрессии. Целостность мифа генерирует метафорические связи в составных элементах – истории, идеях, этике, миссии действующих лиц, в языке и в образной системе.

Рассмотрение метафоры в её фрактальной функции показывает разные модусы самобытного отражения-воспроизведения авторской идеи, ибо все они работают как «свидетельство целостности бытия, непреложной взаимосвязи человеческого и природных миров» (с. 217). Сами метафоры разнообразны по облику и функции. Так «метафоры-сращения составили смысловую нить

романа» (с. 220), отсюда зеркальность антиподов – Вихрова и Грацианского, параллелизм не содержания, но структуры их речей. Повествовательная форма «состоит из метафорических структур, в каждой из которых сохраняется целое словесного образа» (с. 216), такова роль метафорических фразеологизмов и «системы разветвлённых метафор» (с. 218). Так работают метафоры-сравнения и метафоры-олицетворения, смысл которых – «перенесение на природу человеческих свойств и качеств» (с. 220). Отличие от традиционного, стихийного анимизма – в концептуальности, так раскрывается «духовно-ценностное чувство жизни» (с. 220). Интересно узнать подробнее содержание и роль «самоподобных метафор» (с. 220) как важнейшей части поэтики «Русского леса».

Самая сложная форма представления «фрактальной симметрии смыслов» (с. 218) – нарративная: «порядок романских событий подчинён закону симфонизма: объединению движением авторских идей», «в главах и отрывках, обладающих сюжетной, а также временной свободой» (с. 218). В этом положении А. А. Дырдин выходит на связь дискретно-произвольного с континуальным, построенным по законам больших форм: «Русский лес» – это мир, живое, противоречивое, но слаженное единство.

Метод многоуровневого анализа художественного континуума, избранный А. А. Дырдиным, глубоко фундаментален: он интегрирует концептуальные наработки леоноведов (В. А. Ковалёв, Л. П. Якимова, А. Г. Лысов, И. В. Трофимов, А. И. Ванюков и др.) и лингвистические исследования смыслового разрастания тропов (В. В. Виноградов, А. В. Степанов). Такая ёмкость статьи обуславливает её «фрактальность» по отношению к леоноведению и обеспечивает преемственность научной традиции. Решение этой задачи показывает степень ответственности учёного.

Данные об авторе

Плеханова И. И. – доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь, автор более 200 статей о современном литературном процессе, русской поэзии и драматургии XX в. Монографии: «Александр Вампилов и Валентин Распутин: диалог художественных систем» (2016),

Author's information

Plehanova I. I. – Doctor of Philology, Professor, Independent Researcher, the author of more than 200 articles on modern literature process, Russian poetry and drama of the 20th century. Monographs: "Alexander Vampilov and Valentin Rasputin: the dialogue of artistic systems" (2016),

D. N. USHAKOV AND FORTUNATOV'S TRADITIONS
IN THE LINGUISTICS OF THE 20TH-21ST CENTURIES

«Принципы художественной игры Петрушевской»
(2019) «Смех и ирония в современной поэзии»
(2021), «По-простому...» (2023) и др.
E-mail: oembox@yandex.ru.

"The principles of Petrushevskaya's artistic game"
(2019), "Laughter and irony in modern poetry" (2021),
"In plain words..." (2023) and others.

Научный журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КЛАСС

Том 28. 2023. № 4

Цена свободная

Редактор О. А. Адясова
Верстка О. А. Адясовой

Дата подписания в печать 26.12.2023. Дата выхода в свет 30.12.2023. Формат 70×100/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе. Гарнитура Alegreya.
Усл. печ. л. 21.4. Уч.-изд. л. 35.6.
Тираж 500 экз. Заказ

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru